

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2018. № 432. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2018. № 432. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И.
Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук,
проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Баранова А.В.** Переводная множественность и эволюция переводческой интерпретации образа главной героини в русскоязычных переводах романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» 5
- Райскина В.А.** Средства аксиологического позиционирования маскулинности в средневековом художественном дискурсе (на материале корпусов DECT и BFM–GRAAL) 14
- Тулякова Н.А.** Святочный рассказ и легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка: сопоставительный анализ жанров 24

ФИЛОСОФИЯ

- Медведев Н.В.** Историко-методологический анализ эволюции представлений о взаимоотношении философии и науки 32
- Петренко В.В.** Мода как форма самоаффектации субъекта: код доступа к персональной идентичности в постклассическом проекте философии субъекта 41
- Lukianova N.A., Fell E.V., Skalnaya O.A.** Career construction: inclusive education from school to college and university 51

ИСТОРИЯ

- Ананьев В.Г.** Музей отживающего культа (1923–1927): история создания и пути формирования коллекции 57
- Беликова О.Б.** Материалы приполярного этнографического отряда Сибирского отделения АН СССР 1984 г. в архиве А.М. Сагалаева: манси бассейна Северной Сосьвы 65
- Власова В.В.** Изменение культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды: сельские храмы и кладбища (на примере Республики Коми) 74
- Годовова Е.В., Любичанковский С.В.** Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) 86
- Ефремов А.В.** Трудовая активность рабочих ВПК Удмуртии в 1945–1956 гг. 91
- Ирхин А.А.** Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-средиземноморском регионе 98
- Кищик Е.В.** Театр ТОФ в системе политико-просветительской работы Дальнего Востока в 30-е гг. XX в. 105
- Курсакова Е.Н.** Становление и развитие Алтайского края как аграрно-промышленного комплекса (1970–1985 гг.) 111
- Лыдин Н.Н.** Основные направления современной англоязычной историографии истории Тридцатилетней войны 119
- Оплаканская Р.В.** Деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции в Сибири (практика политической мобилизации общества) 124
- Петин Д.И.** К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) 130
- Погорельская А.М., Сетхи С.С.** Эволюция американо-индийских отношений в 1947–2017 гг. 138
- Пырх В.О.** Революционный терроризм в России начала XX в.: убийство сибирского тюремщика И.С. Могилева 144
- Пятовский А.А.** История создания горнолыжного курорта Шерегеш в Кемеровской области (1990–2003 гг.) 150
- Синица А.Л.** Первое (старое) статистическое обозрение Шотландии как источник демографических данных о населении Шотландии конца XVIII в. 159

CONTENTS

PHILOLOGY

- Baranova A.V.** Retranslation and evolution of translators' interpretation of the main character in Russian translations of *Tess of the d'Urbervilles* by Thomas Hardy 5
- Rayskina V.A.** Means of axiological positioning of masculinity in medieval literary discourse (on the material of DECT and BFM–GRAAL corpuses) 14
- Tuliakova N.A.** Christmas tales and legends by D.N. Mamin-Sibiryak: a comparative analysis 24

PHILOSOPHY

- Medvedev N.V.** Historical and methodological analysis of the evolution of representations on the relationship of philosophy and science 32
- Petrenko V.V.** Fashion as a form of self-affectation of the subject: the access code to personal identity in the postclassical project of the subject's philosophy 41
- Lukianova N.A., Fell E.V., Skalnaya O.A.** Career construction: inclusive education from school to college and university 51

HISTORY

- Ananiev V.G.** The Museum of the Obsolescent Cult (1923–1927): history of creation and main ways of collection formation 57
- Belikova O.B.** Materials collected by the Subpolar Ethnographic Party (Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences) of 1984 in A.M. Sagalaev's archive: the Mansi of the Lower Ob 65
- Vlasova V.V.** Changes in the cultural landscape during the Soviet and the post-Soviet periods: rural temples and cemeteries (on the example of the Komi Republic) 74
- Godovova E.V., Lyubichankovskiy S.V.** The manifestation of objective grounds for ethnoidentity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack Army (second half of the 18th – first half of the 19th centuries) 86
- Efremov A.V.** The workers' labor activity in the military-industrial complex of Udmurtia in 1945–1956 91
- Irkhin A.A.** The U.S. Greater Middle East Initiative and the Strategic Depth Doctrine of Turkey: challenges and opportunities for the Russian foreign policy in the Black Sea and the Mediterranean Sea region 98
- Kishchik E.V.** The Pacific Fleet Theater in the system of political and educational work of the Far East in the 1930s 105
- Kursakova E.N.** The formation and development of Altai Krai as an agrarian-industrial complex in 1970–1985 111
- Lydin N.N.** Main scientific fields of modern English-language historiography of the Thirty Years' War history 119
- Oplakanskaya R.V.** Activities of the All-Union Society of Assistance to Victims of the Intervention in Siberia (the practice of political mobilization of society) 124
- Petin D.I.** On the issue of the production of banknotes of the Far Eastern Republic in Irkutsk (July 1920 – March 1921) 130
- Pogorelskaya A.M., Sethi S.S.** The evolution of American-Indian relations in 1947–2017 138
- Pyrkh V.O.** Revolutionary terrorism in Russia in the early 20th century: the murder of the Siberian warder I.S. Mogilev 144
- Pyatovskiy A.A.** History of the Sheregesh ski resort establishment in Kemerovo Oblast (1990–2003) 150
- Sinitza A.L.** The first (old) statistical account of Scotland as a demographic data source about the population of Scotland of the end of the 18th century 159

Соков И.А. Дж.М. Грант vs Г. Смит: идея «континентализма» в канадской политической культуре накануне XX в.	170
Тучкова Н.А. Проблема исторической датировки фольклорного материала	178
Шмыглева А.В. Деятельность региональных отделений Всероссийского общества охраны природы в Западной Сибири (1960 – первая половина 1980-х гг.)	182

ПЕДАГОГИКА

Закиева Р.Р. Научно-методические основы повышения качества профессиональной подготовки студентов технических вузов	193
Червонный М.А. Педагогическое сопровождение подготовки будущих педагогов на основе наставничества в интегрированном образовательном пространстве высшего педагогического и дополнительного образования	199

ПРАВО

Айвазова О.В. Неотложные следственные действия: теоретико-прикладной подход	205
Богданова Е.Н., Задорин М.Ю., Лобанов А.А., Попов А.И., Андронов С.В., Кочкин Р.А. Право на охрану здоровья коренных народов Российской Арктики: «коллизийное поле» и поиск новых решений	210
Петров А.А. Может ли коллизия юридических норм порождать пробел в праве?	218
Татаринов С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей	224
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	231

Sokov I.A. G.M. Grant vs G. Smith: the idea of “continentalism” in the Canadian political culture on the eve of the twentieth century	170
Tuchkova N.A. The problem of the historical dating of folklore material	178
Shmygleva A.V. Activities of the regional branches of the All-Russian Society for the Conservation of Nature in Western Siberia (1960 – first half of the 1980s)	182

PEDAGOGICS

Zakieva R.R. Scientific and methodological basis for improving the quality of vocational training for students of technical universities	193
Chervonnyy M.A. Pedagogical support for the future teachers training based on mentoring in the integrated educational space of higher pedagogical and supplementary education	199

LAW

Ayvazova O.V. Urgent investigative actions: a theoretical and applied approach	205
Bogdanova E.N., Zadorin M.Yu., Lobanov A.A., Popov A.I., Andronov S.V., Kochkin R.A. The right to health protection of indigenous peoples of the Russian Arctic: “collision field” and search for new solutions	210
Petrov A.A. Could a conflict of legal norms create normative gaps?	218
Tatarinov S.A. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in reinforcement and development of constitutional values	224
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	231

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.111

А.В. Баранова

ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА ТОМАСА ГАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»

Рассматривается развитие переводческой рецепции образа Тэсс в русскоязычных переводах романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Утверждается, что переводная множественность явилась условием постепенного раскрытия всей многогранности и масштабности образа главной героини романа для русского и советского читателя. Сравнительный анализ всех русскоязычных переводов романа позволил выявить основные тенденции в эволюции переводческой рецепции главного женского образа романа.

Ключевые слова: Томас Гарди; А.В. Кривцова; Тэсс из рода д'Эрбервиллей; переводческая интерпретация образа; переводная множественность; эволюция переводческой рецепции; фактор личности переводчика.

Переводная множественность является одним из явлений, активно исследуемых в настоящее время в рамках теории художественного перевода. Несмотря на то что вопрос о переводной множественности как о «важной категории художественного перевода» поставил еще А.В. Федоров [1. С. 527], теоретические положения этого явления до сих пор находятся в стадии активного развития. В отечественной науке современные теоретические основы переводной множественности были разработаны Р.Р. Чайковским и Е.Л. Лысенковой [2]. Позднее они были дополнены наблюдениями, предложенными в работах Е.С. Шерстневой [1. С. 529–530], с опорой на идеи Л.С. Макаровой [3. С. 81] и Н.К. Гарбовского [4. С. 246]. Тем не менее в изучении переводной множественности еще рано ставить точку: фактически все исследователи, работающие в области художественного перевода и переводческой рецепции, в той или иной степени сталкиваются с этим явлением и раскрывают его различные аспекты в рамках конкретного материала [5. С. 118–129; 6. С. 65–69; 7. С. 19–32].

В данной работе переводная множественность романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» рассматривается как фактор развития переводческой рецепции образа Тэсс в переводах романа в России и СССР. Повторные переводы романа были обусловлены комплексом различных причин, освещение которых выходит за рамки данной публикации. Однако бесспорен и тот факт, что с каждым переводом образ главной героини становился все более сложным и многогранным, при этом каждая новая переводческая интерпретация отражала как личностные качества переводчиков, так и исторические, социальные особенности определенной эпохи.

Первая публикация этого романа вызвала широкий резонанс и неоднозначную оценку, прежде всего, образа главной героини – Тэсс. Роман подарил викторианской литературе новый женский образ, образ яркий, сложный и противоречивый, изучение которого в западных странах уже давно вышло за рамки литературоведения и представляет собой объект исследования ученых в области социальных и гендерных отношений, психологии преступления и пр. [8. С. 4; 9]. В

науке о литературе образ Тэсс также привлекает внимание исследователей как одно из слагаемых «портретной галереи» женских образов, разработанных писателями викторианской эпохи [10. С. 119; 11. С. 95–131; 12. С. 165; 13. С. 30]. В связи с этим представляется актуальным диахроническое исследование переводческой рецепции образа Тэсс в русской и советской переводной литературе.

Основным методом исследования является сравнительный анализ реализации образа главной героини во всех переводах романа на русском языке, с точки зрения переводческого восприятия и переводческой интерпретации, с учетом текстовых и внетекстовых факторов. Под текстовым фактором переводной множественности произведения мы подразумеваем длительную историю создания оригинального текста. Подробности формирования окончательного англоязычного текста «Тэсс» были представлены в ранее опубликованной статье, посвященной его первому русскому переводу [14. С. 155–160]. Отметим только, что впервые изданный в Англии в 1891 г. роман приобрел свою классическую форму лишь в 1912 г., так как автор с каждым новым изданием вносил в текст изменения и дополнения, в том числе и на уровне сюжета. Таким образом, вплоть до появления в Уэссекском издании 1912 г. классической версии произведения, исходный текст для переводов был нестабилен. В истории русской и советской переводной литературы существуют три перевода «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»: два дореволюционных – выполненных Верой Михайловной Спасской (1893 г.) и Львом Павловичем Никифоровым (1911 г.), и перевод советского периода, выполненный Александрой Владимировной Кривцовой (1930 г.), до сих пор считающийся каноническим переводом произведения. Даты публикации переводов свидетельствуют о том, что текстом-источником для каждого русского перевода служили разные английские издания, а следовательно, и разные версии романа, и что классическая версия романа могла служить текстом-источником только для перевода советского периода.

Таким образом, характерной особенностью развития переводческой рецепции романа в России стало наличие

разных текстов-источников для переводов различных периодов, что обусловлено длительным становлением оригинального текста романа. В связи с этим традиционный сравнительный анализ одного текста-источника и нескольких переводов не представляется возможным. Нами предпринято сравнение трех текстов-источников и трех переводов одного произведения, что дало результаты, частично представленные в настоящей статье. Главным образом они связаны с переводческой интерпретацией образа главной героини.

Сравнительный анализ заглавий всех трех переводов романа «Tess of the D'Urbervilles: a pure woman faithfully presented by Thomas Hardy» показывает, что именно переводческий выбор заглавий отражает суть эволюции русской переводческой рецепции главного женского образа романа. В первом переводе (1893 г.) частичный перевод заглавия, ограничивающийся именем главной героини, выполняет только идентифицирующую функцию: «Тесс, наследница Д'Орбервилей» [15. № 3. С. 43; 16. С. 1]. Подзаголовок романа остается вне поля восприятия русского читателя, тем самым один из главных вопросов Гарди – вопрос об истинной чистоте героини – максимально нивелируется. В более раннем исследовании, посвященном переводческой интерпретации образа Тэсс в переводе Спасской, уже были сделаны выводы о том, что основное расхождение переводческой и авторской позиции касается именно вопроса чистоты и невинности героини, что снизило в первом переводе страдательный тон нарратива, характерный для оригинального текста. Образ Тэсс в переводе Спасской лишился и той яркой сексуальности, которая определила героиню как новый женский образ викторианской литературы, и некоторых символических значений и отчасти психологической сложности личности героини [14. С. 160]. Данная статья более подробно представляет результаты анализа двух последующих переводов романа 1911 и 1930 гг., однако выводы предыдущего исследования, а также сравнения фрагментов всех трех переводов дают возможность объединить результаты и сделать общие выводы.

Во втором переводе (1911 г.) подзаголовок, транслирующий основную характеристику героини, становится заголовком, тем самым переводчик подчеркивает приоритет личностных качеств персонажа: «Настоящая женщина. (Тесс Д'Урбервилль)» [17. С. 2]. Однако замена атрибута «чистая» на «настоящая» отражает субъективность переводческой рецепции понятия (возможно, отражающей представление некоторой группы общества) о достоинствах современной женщины. В этой связи важно отметить, что автор перевода 1911 г., Л.П. Никифоров, был близок к кругам революционеров. Вынужденный долгое время жить в ссылке, свои переводы и публикации он подчинял просветительно-пропагандистским задачам. Его работы были посвящены положению женщин в обще-

стве, социальному неравенству, смертной казни, а также духовному росту, нравственности и религии. Таким образом, основные темы романа Гарди были созвучны проблемам, волновавшим переводчика, что, безусловно, отразилось на его восприятии главного женского образа произведения.

Только в переводе советского периода заглавие и подзаголовок романа соответствуют оригинальному тексту: «Тэсс из рода д'Эрбервилль. Чистая женщина, правдиво изображенная» [18. С. 2]. Автор третьего, канонического, перевода романа А.В. Кривцова, вместе со своим мужем, переводчиком и редактором Евгением Ланном, впервые открыла для советских читателей творчество Гарди, Диккенса, Конрада и других английских и американских писателей. В конце 30-х – начале 40-х гг. переводческий подход Ланна, выражавшийся в «точности как необходимом условии передачи авторского стиля», был объявлен «буквалистским» и «формалистским», и переводческую деятельность творческого союза Кривцовой и Ланна ограничили. Тем не менее десятки переизданий зарубежной классики доказали качество и популярность переводов Кривцовой, некоторые из них до сих пор являются каноническими.

Придерживаясь стратегии «точного перевода», Кривцова восстанавливает не только оригинальное заглавие романа, но и эпиграф «...Бедное, поруганное имя, сердце мое, как ложе, приютит тебя!», пропущенный во втором переводе. Введение шекспировских строк передает не только сочувствие автора героине, но и авторскую аллюзию на театр. Не случайно именно этот роман не раз становился предметом театральных постановок еще при жизни Гарди, а позже стал одним из самых экранизируемых произведений. «Кинематографичность» гардиевского стиля, яркость воссоздаваемой его текстом картинки часто отмечают и анализируют отечественные и зарубежные исследователи его творчества [19. С. 944; 20. С. 199]. Кривцова, как и Ланн, видевшая своей целью передачу авторского стиля, безусловно, большое внимание уделяла именно воссозданию авторской манеры визуального восприятия повествования. Натуралистические приемы писателя, характерные для описаний природы, пейзажей, бытовых сцен, использовались Гарди и для создания образа сексуально привлекательной героини. Именно плотская красота героини в сочетании с ее духовной силой была новым явлением в череде женских образов викторианской литературы [21. С. 50]. Такое авторское «новаторство» было смягчено в первом русском переводе за счет сокращения натуралистичных описаний внешности Тэсс и выбора клишированных словосочетаний. Дословность перевода Никифорова также не способствовала художественной передаче телесной красоты Тэсс. Художественность и яркую образность приобретают эти фрагменты только в переводе Кривцовой:

Оригинал	Перевод Спасской	Перевод Никифорова	Перевод Кривцовой
<i>Her mobile peony mouth and large innocent eyes added eloquence to color and shape</i> [22. P. 12].	...но ее выразительный пунцовый ротик и большие невинные глаза делали еще красноречивее чудный цвет лица и изящную фигуру [15. № 3. С. 51].	Её оригинальные ярко-красные губы и большие невинные глаза придавали особую выразительность цвету и складу ее лица [17. С. 20].	...но подвижный алый, как пион, рот и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность [18. С. 59].

The pouted-up deep red mouth to which this syllable was native had hardly as yet settled into its definite shape, and her lower lip had a way of thrusting the middle of her top one upward, when they closed together after a word [22. P. 13].

She was yawning, and he saw the red interior of her mouth as if it had been a snake's. She had stretched one arm so high above her coiled-up cable of hair that he could see its satin delicacy above the sunburn; her face was flushed with sleep, and her eyelids hung heavy over their pupils. The brim fullness of her nature breathed from her. It was a moment when a woman's soul is more incarnate than at any other time; when the most spiritual beauty bespeaks itself flesh; and sex takes the outside place in the presentation [22. P. 217].

Ее полный красный ротик еще не отлился в окончательную форму и нижняя губа как-то особенно подталкивала верхнюю, когда они обе сходились, выговаривая какое-нибудь слово [15. № 3. С. 52].

Она, зевая, закручивала одной рукой свою длинную косу [15. № 6. С. 65].

Ея полный яркой-красный рот, особенно приспособленный для произношения этого слога, еще не вылился в окончательную форму, и ея нижняя губа как-то особенно сходилась с верхушкой верхней, когда они смыкались, произнеся какое-нибудь слово [17. Т. 1. С. 22]. Она зевала, и он увидел красную внутренность ее рта как у змеи. Она так высоко подняла одну руку, оправляя густую косу, что повыше загоревшей части руки он мог рассмотреть атласную белизну ее кожи; лицо ее покраснелось ото сна и веки тяжело опускались на глаза. Природной роскошью телесных сил так и веяло от нее. Это был один из тех моментов, когда она больше чем когда-либо являлась живым воплощением души женщины; когда самая духовная красота не в силах скрыть своего телесного происхождения и на первый план выступает вся прелесть женщины [17. Т. 1. С. 309].

Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю [18. С. 302].

Она зевала, и он видел ее открытый рот, красный, как у змеи. Одну руку она высоко подняла над туго скрученным узлом волос, и там, где кончался загар, он увидел белую атласную кожу. Лицо ее размякло после сна, глаза были полузакрыты. Жизнь была в ней через край. Это было одно из тех мгновений, когда душа женщины полнее, чем когда-либо, облекается в плоть, когда самая одухотворенная красота становится плотской и чувственной [18. С. 435].

Стремление Никифорова к максимально точному переводу приводит к появлению в тексте «неуклюжих» сочетаний и стилистических огрехов типа *склад лица; рот, приспособленный для произношения слога* или *красная внутренность рта*. Кривцова в этом случае использует устойчивые метафоры и эпитеты: *алый, как пион, рот; пухлые алые губы, срываться с губ*, что облегчает читательское восприятие внешности героини, которое складывается как бы из готовых «блоков», уже имеющихся в читательском сознании. Интересно отметить, что автор первого русского перевода романа, как и Кривцова, придерживалась стратегии выбора устоявшихся эпитетов, однако в ее описании внешности Тэсс чувственность и сексуальность заменяются некоторым легкомыслием. В переводе Спасской *алый, как пион, рот* Тэсс – это *выразительный пунцовый ротик*, а *пухлые алые губы* – *полный красный ротик*. С той же целью удаления эротической составляющей внешности Тэсс в переводе 1893 г. пропущен последний из представленных выше фрагментов. При анализе этого фрагмента в переводах 1911 г. и 1930 г. обращает на себя внимание выбор Кривцовой слова *мгновение* вместо дословного «момента», что подчеркивает краткость, почти неуловимость состояния, повторяющиеся слова *плоть, плотский* составляет эротический, чувственный противовес духовного начала, а также в богословском контексте обо-

значает греховную природу материального мира. Таким образом, противоречивость натуры главной героини, борьба духовного и плотского начала, которая составляет одну из смысловых, концептуальных оппозиций оригинала, проявляются в переводе 1930 г. в том числе и на уровне подтекста.

Возвращаясь к образу Тэсс, созданному в переводе Кривцовой, стоит отметить ряд характерных особенностей. Прежде всего, это продуманный лексический выбор. Соблюдая точность перевода с точки зрения полноты смысловой передачи, Кривцова, тем не менее, делает сильный акцент на теме вины и греха. Выбрав в качестве эквивалента английскому *wrong* (неправильно) или *error* (ошибка) русское *вина, виновность, грех*, переводчица как бы «протягивает» тему вины и виновности лейтмотивом через весь роман, выводит ее на более глобальный, философский уровень. Тэсс в переводе Кривцовой более, чем в тексте Гарди, чувствует вину за всё – за свою красоту, за смерть лошади, за совершенное над нею насилие, за грехи своих родителей, за ложь своему возлюбленному, за сожительство с Алеком. Более частое применение слова *вина* в переводе Кривцовой, по сравнению с оригиналом, заставляет читателя сильнее ощутить постоянно давящее на героиню чувство и в то же время задуматься над вопросом о природе вины.

Оригинал

...a silence which might be deemed a treachery to him, and which somehow seemed a wrong to these [22. P. 255].
You were more sinned against than sinning, that I admit [22. P. 297].
It intensified her consciousness of error to a practical despair; the break of continuity between her earlier and present existence, which she had hoped for, had not, after all, taken place. Bygones would never be complete by gone still she was a by-gone herself [22. P. 391].

Перевод Кривцовой

...молчание, которое было бы предательством по отношению к нему и почему-то казалось **грехом** по отношению к подругам [18. С. 460].
Вина других перед тобой больше, чем твоя **вина**, это я признаю [18. С. 487].

Сознание былой **вины** перешло в отчаяние. Она надеялась, что между прошлым и настоящим встанет стена, но надежда не сбылась. Прошлое не может стать прошлым, пока она сама не уйдет в прошлое [18. С. 547].

And there was revived in her the wretched sentiment which had often come to her before, that in inhabiting the fleshly tabernacle with which Nature had endowed her she was somehow doing wrong [22. P. 395].

Tess was reflecting on the position of the household, in which she perceived her own evil influence [22. P. 451].

He wondered what obscure strain in the d'Urberville blood had led to this aberration—if it were an aberration. (отклонение) There momentarily flashed through his mind that the family tradition of the coach and murder might have arisen because the d'Urbervilles had been known to do these things (известно, что делали подобные вещи) [22. P. 492].

Wicked! The idea was unworthy of you beyond description [22. P. 306] (*дурно! нехорошо!*)

И снова овладело ею то мучительное чувство, какое часто испытывала она и раньше: **чувство виновности** в том, что природа дала ей эту телесную оболочку [18. С. 550].

Думала она о бедственном положении семьи и себя **считала виновницей** [18. С. 587].

...он смотрел на нее и думал о том, какой темный инстинкт, унаследованный от д'Эрбервилля, вызвал в ней подобную моральную слепоту – если это можно было назвать слепотой. Потом у него мелькнула мысль, что фамильная легенда о карете и убийстве возникла потому, что д'Эрбервилли действительно **бывали повинны в таких деяниях** [18. С. 612].

– **Грешно!** У меня нет слов выразить, как это недостойно тебя! [18. С. 493].

Чувство вины для Тэсс в переводе Кривцовой становится доминирующим, оно мешает ей жить и любить. И хотя, как пишет Гарди и переводит Кривцова, это чувство часто является плодом общественных условностей, именно оно является причиной несчастья главной героини. Причем то, что кажется для Тэсс «неправильным» в оригинале, в переводе является «грехом». В переводе Спасской Энджел после исповеди героини признает в Тэсс жертву [15. № 7. С.114], тогда как в переводе Кривцовой он утверждает, что «вина других перед тобой больше, чем твоя вина», другими словами, она все равно виновна. В переводе Никифорова Тэсс видит свое *дурное влияние* на положение семьи, Тэсс Кривцовой считает себя *виновницей* в бедности семьи. «Усиленная» тема вины в последнем переводе ярче проявляет противоречие, заложенное автором в подзаголовке романа, о том что чистота мыслей и душевная чистота не находят своего отражения в общественных понятиях о чистоте, невинности и невиновности. Тэсс чувствует вину с первых глав романа, и это субъективное чувство приводит ее в дом д'Эрбервилля, где совершенное над нею насилие и незаконнорожденный ребенок укрепляют ее комплекс, поддерживаемый уже общественными условностями. Естественное желание любви заставляет Тэсс скрыть свое прошлое от возлюбленного, но честность ее натуры не дает ей жить. Тяжесть вины увеличивается, и непощение, непринятие мужем ее прошлого еще больше убеждают Тэсс в своей порочности. В конечном итоге комплекс вины, постепенно сформированный у Тэсс под воздействием психологических, социальных и религиозных факторов, реализовался в совершенном ею преступлении, на которое ее толкают Алек, Энджел, семья, общество,

социальное устройство, религия, гендерное неравенство, прошлое предков, случай, судьба. Таким образом, личная вина и порочность Тэсс растворяются в причинах большего масштаба.

Второй особенностью лексического выбора Кривцовой при воссоздании образа Тэсс является использование слов и выражений, которые придают ее душевным переживаниям более интенсивный и яркий характер, чем в оригинале: *misery* (страдания) – *скорбь*, *high enthusiasm* (высокий энтузиазм) – *молитвенный экстаз*, *warmth* (теплота) – *пламя*, *goodness* (добродетель) – *совершенство*, *heavy with an inactive sorrow* (тяготиться неактивной печалью) – *давила безмерная тяжесть*, *wretched sentiment* (дурное, мерзкое чувство) – *мучительное чувство*. При этом грамматическая структура многих фрагментов повествования становится более лаконичной, современной и легко воспринимаемой. Эта лаконичность достигается не за счет сокращения содержания, а через передачу смыслов другими частями речи, что облегчает восприятие текста массовым читателем. При этом Кривцова не следует машинально за порядком слов в английском тексте, а проанализировав предложение с точки зрения тематических связей, выстраивает такое же соответствие в своем переводе. Так, в английском языке рема, т.е. «новое», «акцентное», стоит в начале предложения, тогда как в русском языке рема тяготеет к концу высказывания. В других случаях используется прием членения сложного предложения на простые, что облегчает читательское восприятие сути высказывания, имеющее в оригинале сложную синтаксическую форму. Данные примеры приводятся в сравнении с текстом Никифорова, отличающимся буквальным, почти словным переводом:

Оригинал

Most of the misery had been generated by her conventional aspect, and not by her innate sensations [22. P. 115].

her high enthusiasm having a transfiguring effect upon the face which had been her undoing, showing it as a thing of immaculate beauty, with a touch of dignity which was almost regal [22. P. 119].

with a quickening warmth in her heart of hearts [22. P. 163].

Перевод Никифорова

Большая часть ее страданий проистекала от условных, предвзятых мнений, а не от враждебных и присущих ей чувств [17. Т. 1. С. 164].

...но ее возвышенный восторг преобразил все ее лицо, придав ему необычайно непорочную красоту и отпечаток почти царственного достоинства [17. Т. 1. С. 170].

...чувствуя, что в глубине ее сердца зарождалось какое-то теплое чувство [17. Т. 1. С. 2].

Перевод Кривцовой

Скорбь не родилась из глубины ее существа, а порождена была социальными условностями [18. С. 370].

...молитвенный экстаз преобразил лицо, которое привело ее к гибели, сделал его безгрешно прекрасным, наложив печать царственного достоинства [18. С. 373].

А в глубине ее сердца разгоралось пламя [18. С. 400].

Приемы грамматических трансформаций в переводе Кривцовой используются так же продуманно, как и выбор лексических единиц. Роль грамматических структур и синтаксиса в оригинальном тексте огромна: они поддерживают и усиливают передачу эмоционального состояния героини на уровне подтекста. Кривцовой в своем переводе удалось передать и эту составляющую авторского стиля. Так, безличные предложения, применяемые автором для создания атмосферы неизбежности событий, бессилия человеческой воли, незащищенности главной героини (да и вообще человека) перед силой слепой судьбы, в пере-

воде Кривцовой также передаются безличными конструкциями, переносом агента действия на неодушевленное существительное или через использование глагола в пассивном залоге. Приведенные ниже фрагменты иллюстрируют эту точность передачи Кривцовой стиля Гарди через синтаксический аспект языка. Интересно, что в переводе Никифорова в этих же фрагментах главная героиня является активным агентом действия, что выявляет подсознательное переводческое восприятие Тэсс как женщины с активной жизненной позицией и уводит переводческую интерпретацию в сторону от оригинала.

Оригинал

On these lonely hills and dales her quiescent glide was of a piece with the element she moved in [22. P. 108].

To her sublime trustfulness he was all that goodness could be [22. P. 246].

How pitiful her face had looked by the rays of the fire, in her inability to realize that his love and protection could possibly be withdrawn [22. P. 485].

She looked ghostly, as if she were merely a soul at large [22. P. 167].

Her narrative ended; even its re-assertions and secondary explanations were done. ...But the complexion even of external things seemed to suffer transmutation as her announcement progressed [22. P. 291].

Перевод Никифорова

По этим безлюдным холмам и долинам Тэсс бродила медленно находясь в гармонии с окружающей ее тишиной [17. Т. 1. С. 153].

Умилительно доверчивая, она считала его воплощением всевозможных добродетелей... [17. Т. 1. С. 352].

Как печально смотрела она, не умея решить, лишится ли она его любви и покровительства [17. Т. 2. С. 231].

Тэсс имела вид приведения, бесплотного духа [17. Т. 2. С. 200].

Тэсс закончила свой рассказ, даже повторила и разъяснила некоторые подробности... Однако по мере того как она говорила, ей казалось, будто все окружавшие их предметы принимали иной вид [17. Т. 2. С. 40].

Перевод Кривцовой

Среди этих уединенных холмов и долин ее тихая, скользящая походка гармонировала с окружающей природой [18. С. 365].

Ее вера в него не знала границ. Для нее он был совершенством... [18. С. 455].

...каким жалким казалось ее лицо, освещенное пламенем: она не в силах была понять, что он может лишиться ее своей любви и защиты [18. С. 577].

Она казалась призрачным бесплотным духом [18. С. 405].

Ее рассказ был окончен; подтверждены отдельные места, даны объяснения... Но по мере того как развертывался ее рассказ, изменялся, казалось, даже внешний вид окружающих предметов [18. С. 483].

В тексте Никифорова главная героиня *бродит, считает, имеет вид, печально смотрит, заканчивает* рассказ, ее негодование *наполняет комнату и придает грозный вид*. Активный залог в этих фрагментах выражает переводческое восприятие главной героини не как жертвы, а как борца – «настоящая женщина».

Это является особенностью только перевода Никифорова и отражает его восприятие образа главной героини.

Напротив, в переводе Кривцовой делается больший акцент на образ Тэсс-жертвы, что передается не только грамматическими, но и лексическими приемами:

Оригинал

All the way along to this point her heart had been heavy with an inactive sorrow; now there was a change in the quality of its trouble. That hunger for affection too long withheld was for the time displaced by an almost physical sense of an implacable past which still engirdled her [22. P. 391].

And there was revived in her the wretched sentiment which had often come to her before, that in inhabiting the fleshly tabernacle with which Nature had endowed her she was somehow doing wrong [22. P. 395].

Перевод Спасской

...она была полна пассивным горем. Теперь горе ее усилилось, но в нем произошла перемена. Она надеялась, что ея прошедшее умрет навсегда, но этого не случилось; прошлое не могло умереть, потому что она сама носила это прошлое в себе [15. № 7. С. 171].

Перевод Никифорова

До этого момента она горевала пассивно, теперь же характер ее страданий изменился. Жажда любви, слишком долго **сдерживаемая**, отошла на второй план, уступив место почти физическому ощущению власти неумолимого прошлого, все еще **тяготившего** над нею [17. Т. 2. С. 172].

В ней опять **поднялось неприятное**, посещавшее ее еще и раньше, чувство какой-то ответственности в том, что природа одарила ее такой незаурядной внешностью [17. Т. 2. С. 178].

Перевод Кривцовой

До этой встречи ее **душу** давила безмерная тяжесть – но и только, – а теперь в ее настроении произошла перемена: тоска по любви, которой она **была лишена** так долго, уступила место чуть ли не физическому ощущению неумолимости прошлого, все еще **державшего ее в тисках** [18. С. 547].

И снова **овладело ею то мучительное чувство**, какое часто испытывала она и раньше: чувство виновности в том, что природа дала ей эту телесную оболочку [18. С. 550].

Как и в предыдущих примерах, в первом из вышеприведенных фрагментов наблюдается уже упомянутая грамматическая оппозиция активности / пассивности подлежащего: в переводе Никифорова Тэсс *горюет*,

тогда как в текстах Спасской и Кривцовой она занимает позицию объекта действия, что соответствует тексту оригинала. Тем не менее дальнейший анализ фрагмента демонстрирует разные подходы переводчиц к передаче

образа главной героини. Спасская передает содержание переживаний Тэсс, но не передает их интенсивность: *пассивное горе... усилилось*. Стремление Спасской сократить фрагменты описаний душевных мук героини приводит к исчезновению таких характеристик, как *жажды любви* или *сдерживаемая любовь, неумолимость* прошлого (не прошлое владеет Тэсс, а Тэсс *носит в себе прошлое*). Тема слепой судьбы и случая, правящих, по представлению Гарди, миром, в переводе Спасской нивелируются, несчастье Тэсс трактуется как ее психологическая проблема. Напротив, во фрагменте

из текста Кривцовой наблюдается выбор лексических единиц, имеющих большую эмоциональную напряженность, чем в оригинальном тексте: слово *heart* (сердце), которое у русских читателей чаще всего ассоциируется с любовными романтическими переживаниями, в тексте Кривцовой приобретает эквивалент *душа*, что является более широким, философским понятием. Интересно отметить, что слово *душа* появляется еще в одном фрагменте перевода Кривцовой, когда Тэсс, открыв свое прошлое мужу, не может поверить в то, что его отношение к ней изменилось:

Оригинал

I thought, Angel, that you loved me – me, my very self! [22. P. 293].

Перевод Никифорова

Я думала, Анджел, что вы любите меня, какова я есть... [17. Т. 2. С. 43].

Перевод Кривцовой

Я думала, Энджел, что ты меня любишь – меня, мою душу! [18. С. 485].

В этом случае для русского читателя именно семантическое поле слова *душа* наиболее полно отражает многогранность авторской идеи.

Возвращаясь к предыдущему фрагменту, отметим еще один лексический прием, который переводчица использовала для усиления темы жертвенности Тэсс. Слово *engirdle* переводится как *опоясывать*. В переводе Никифорова прошлое *тяготит*, но не находится в непосредственном контакте с героиней, тогда как «опоясывание» подразумевает «замкнутый круг, несвободу, капкан». Кривцова усиливает это ощущение ловушки для Тэсс, выбрав выражение *держат в тисках*. В переводе Кривцовой Тэсс, как и в оригинале, является жертвой не только обстоятельств, но и своих чувств, которые *овладевают, давят, охватывают, держат в тисках*, но также *преображают и окрыляют*.

Еще более показателен переводческий выбор значений в случае использования неоднозначных или многозначных лексических единиц в оригинале. Та-

кой выбор наиболее наглядно реализует один из постулатов переводной множественности о многозначности оригинала «как источника множества субъективных восприятий и интерпретаций, отражающих комплекс личностных особенностей реципиента, а также комплекс внешних социальных факторов, в которых этот реципиент находится» [1. С. 530]. Слово *withhold* имеет значение *не предоставлять, не давать*, а также близкое по семантике *скрывать, утаивать, удерживать*. В форме причастия пассивного залога, как оно используется в оригинале, его можно интерпретировать как *не даваемая, не предоставляемая* или как *скрываемая, утаиваемая*. В выборе того или иного значения и проявляется субъективная переводческая рецепция: сильная, «настоящая» Тэсс переводчица Никифорова *скрывает свою любовь*, тогда как Тэсс-жертва Кривцовой *лишена любви*. В этом же ключе разрешены еще несколько лингвистически неоднозначных фрагментов:

Оригинал

Silence seemed, on the face of it, best for her adored one's happiness: silence it should be [22. P. 246].

Перевод Спасской

Может быть только молчанием может она сохранить **свое счастье** [15. № 6. С. 85].

Перевод Никифорова

Молчание повидимому было лучшим способом сохранить то **счастье, которым Тэсс так дорожила!** Молчание, так молчание! [17. Т. 1. С. 352].

Перевод Кривцовой

Казалось, молчание обесценивало **счастье ее возлюбленного**, – значит, нужно молчать [18. С. 454].

"Why do you trouble me so!" she cried [22].

Зачем вам надо **смущать** меня? [15. № 8. С. 19].

И зачем только вы **смущаете** меня? [17. Т. 2. С. 209].

Зачем вы меня **мучаете!** [18. С. 565].

she was somewhat appalled... [22. P. 419].

Она все же была несколько **смущена** [17. Т. 2. С. 210].

но сейчас она немного **испугалась** [18. С. 566].

Многозначное *one's happiness* переводчики интерпретируют с разных позиций. В первых двух переводах Тэсс стремится сохранить *свое* счастье, тогда как в переводе 1930 г. Тэсс дорожит счастьем любимого. Слово *trouble* не столько многозначное, сколько имеющее в русском языке множество эквивалентов одного значения, но различной степени интенсивности от *причинять беспокойство* и *смущать* до *мучить*.

Кривцова, реализуя стратегию усиления переживаний героини, выбирает наиболее интенсивный эквивалент.

Как правило, многозначностью обладают абстрактные существительные. Соответственно, выбор того или иного эквивалента такого существительного безусловно отражает субъективную переводческую рецепцию. В этой связи показателен следующий лексический выбор переводчиков:

Оригинал

Tess's passing corporeal blight had been her mental harvest [22. P. 160].
...purblind foolishness [22. P. 291]

Пер. Спасской

 недавняя нежность [15. № 7. С. 110].

Перевод Никифорова

Временная телесная отрава послужила для Тэсс **богатой духовной жатвой** [17. Т. 1. С. 227].
Крайне недалёковидное безумие [17. Т. 2. С. 41].

Перевод Кривцовой

Через страдание пришла она к **духовной зрелости** [18. С. 399].
Слепота и глупость [18. С. 483].

В этих фрагментах эквиваленты в переводе Никифорова в целом соответствуют значениям в оригинальном тексте, тем не менее, прием генерализации в переводе Кривцовой поднимает эти понятия на более высокий, философский уровень. Так выражение *mental harvest* дословно переводится как *умственный, (интеллектуальный, мысленный, душевный, духовный) урожай*, т.е. английское прилагательное *mental* обладает рядом значений, некоторые из них в русском языке в определенном контексте рассматриваются как антонимы: *умственный – душевный*. Примечательно, что оба русских переводчика выбрали эквивалентом атрибут *духовный*, что отражает не столько личностное субъективное восприятие, сколько русское национальное самосознание. Тем не менее приверженность Никифорова к дословному переводу привела к появлению «неуклюжего» выражения: *богатая духовная жатва*. Прием генерализации в переводе Кривцовой (*духовная зрелость*) проявляет через образ Тэсс тему духовного роста личности, характерную для русской литературы. Прежде всего, многие иссле-

дователи отмечают созвучие в психологии героев Гарди с героями Достоевского [23. С. 319]. В переводе Кривцовой такая параллель проявлена на уровне подтекста.

Стратегию Спасской в этих фрагментах можно было бы назвать уточняющей. Например, *purblind foolishness* выражает в оригинале изменившееся отношение Энджела к своим чувствам по отношению к Тэсс после ее признания, теперь он готов был считать свою любовь *недалековидным безумием* (дословный и стилистически неудачный перевод Никифорова), *слепотой и глупостью* (генерализированный перевод Кривцовой). Спасская передает этот фрагмент с позиции стороннего наблюдателя, переводя фразу как *недавняя нежность* и не передав субъективной оценки персонажа, что еще раз подтверждает некоторую эмоциональную отстраненность переводчицы от переводимого материала.

По-разному расставлены акценты и в некоторых фрагментах, раскрывающих отношение Тэсс к церкви и религии.

Оригинал

She knew what their whispers were about, grew sick at heart, and felt that she could come to church no more [22. P. 107].

(Она знала, о чем был этот шепот, ей стало тяжело на душе, и она почувствовала, что больше не может ходить в церковь) (перевод мой. – А.Б.)

"Your conversion. Your scheme of religion." [22. P. 394].

Перевод Никифорова

Она знала, о чем они шепчутся, и это показалось ей до того противным, что она решила впредь не ходить в церковь [17. Т. 1. С. 152].

Вашему обращению, самой религии вашей [17. Т. 2. С. 176].

Перевод Кривцовой

Она поняла, о чем они шепчутся, сердце у нее заныло, и она почувствовала, что дорога в церковь для нее закрыта [18. С. 150].

Вашему обращению. Вашей религиозности [18. С. 418].

Первый пример явно иллюстрирует, как в переводе Никифорова образ главной героини приобретает черты сознательной атеистки, борца с церковными догмами. Тот же фрагмент в переводе Кривцовой, напротив, добавляет жертвенности к образу Тэсс: ее отречение от церкви произошло не по собственной воле: злой рок, судьба, внешние обстоятельства, «что-то» закрыло для нее путь в церковь. Второй фрагмент является примером неоднозначного выражения самого Гарди, которое каждый из переводчиков интерпретировал по-своему: в переводе Никифорова подчеркивается неверие Тэсс в религию, тогда как в переводе Кривцовой она не верит в то, что Алек стал лучше, не верит в его преобразование.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что переводческая рецепция образа главной героини романа становилась все более сложной и многогранной. Начав свое бытование в русской переводной литературе с красивой и милой «бедняжки», которая все же, несомненно, далеко не чиста, «порочна» и, по сути, во многом сама виновата в своей трагической судьбе, Тэсс в переводе 1911 г. превращается в сильную «настоящую женщину», способную на решительный поступок, не скрывающуюся за маской благопристойности. Понятие «чистота» в этот период отходит на второй план, все слышнее голос приближающихся социальных потрясений, все больше женщин заявляет о своей свободе и равноправии, приходит время активных людей, бунтарей и разрушителей. Тэсс в переводе Никифорова менее других нуждается в состра-

дании, ее ощущение себя как жертвы гораздо слабее, чем в оригинальном образе, ее сознание вины не так ярко выражено, по сравнению с оригиналом. Она «настоящая женщина», и она права. Только спустя почти двадцать лет внимательный и вдумчивый подход Кривцовой к окончательной версии оригинального текста, а также, возможно, ее приверженность к методу «точного перевода», выдвинутого Ланном, реализовали наиболее яркий, многогранный и наполненный философским смыслом образ главной героини романа. Через этот образ понятия чистоты, вины и жертвы достигают гуманистического и философского уровня, заложенного в оригинале, глубокое понимание женской психологии перекликается с традициями русских классиков-романистов. Противоречивость натуры Тэсс раскрывается в полном объеме: она и виновна, и невинна, сильна и слаба, честна и лжива, любящая и ненавидящая, жертва и убийца. Кривцова более других переводчиков реализовала сострадательную авторскую позицию к Тэсс, сделала ее общим тоном нарратива, что характерно для оригинального текста. Возможно, что именно эта субъективная авторская позиция заставляет читателя задуматься над своим отношением к героине, вызывает на дискуссию. Перевод Кривцовой позволил русскоязычному читателю в полной мере воспринять всю полноту, противоречивость, сложность и притягательную силу замечательного женского образа, созданного последним романистом викторианской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерстнева Е.С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 526–532.
2. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан : Кордис, 2001.
3. Макарова Л.С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода. М. : Изд-во МГОУ, 2004.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во МГУ, 2004.
5. Syskina A.A., Kiselev V.S., Lonoff S., Matveenko I.A., Aizikova I.A. Female Images in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations of the 1840–60s // Bronte Studies. 2017. Vol. 42, № 2. P. 118–129.
6. Васильченко Т.В. О различных подходах к передаче культурно-маркированной лексики в англоязычных переводах романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1-1. С. 65–69.
7. Proskurnin B.M. Russian Reception of George Eliot and Genesis of Social Realism // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 1 (5). С. 19–32.
8. Nicola Lacey. From Moll Flanders to Tess of the D'Urbervilles: Women, Autonomy and Criminal Responsibility in Eighteenth and Nineteenth Century England. Law, Society and Economy Working Papers, London School and Economics and Political Science, Law Department, 5/2007. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/5613/1/WPS05-2007Lacey.pdf>
9. Frances Heidensohn. Women and Crime. New York University Press, 1985.
10. Метлова Т.А. Гендерный дискурс в британском романе о новой женщине рубежа XIX–XX веков // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 13 (13). С. 119–120.
11. Матченя С.Р. Система женских образов в «романах характера и среды» Томаса Гарди : дис. ... канд. филол. наук. Балашов, 2001. 181 с.
12. Carolyn Dever. Chapter 8 in A Coincise Companion to the Victorian Novel / ed. by Francis O'Gorman. Oxford : Blackwell Publishing, 2005.
13. Cedric Watts. Thomas Hardy Tess of the d'Urbervilles. London : Humanities-Ebooks.co.uk, 2007.
14. Баранова А.В. Проблема интерпретации образа Тэсс в первом русском переводе романа Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» // Мировая литература в контексте культуры. 2016. № 5 (11). С. 155–160.
15. Томас Гарди. Тэсс, наследница Дорбервиллей (пер. Спасской В.М.) // Русская мысль. 1893. № 3–8.
16. Thomas Hardy. Tess of the D'Urbervilles, a pure woman faithfully presented. London : James R. Osgood and CO, 1891. Vol. 1–3.
17. Томас Гарди. Настоящая женщина (Тэсс д'Урбервилль) (пер. Никифорова Л.П.). М. : Современные проблемы, 1911.
18. Томас Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервилль. Чистая женщина, правдиво изображенная (пер. Кривцовой А.В.). М. ; Л. : Земля и Фабрика, 1930.
19. Сумарокова Н.В. «Земляки» Томаса Гарди: от импрессионизма к кубизму // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 942–944.
20. Wheeler M. English Fiction of the Victorian Period 1830–1890. London : Longman literature in English series, 1994.
21. Alvarez A. «Introduction»: Tess of the d'Urbervilles. London : Penguin, 1985.
22. Thomas Hardy. Tess of the D'Urbervilles. London : Penguin Books, 1994.
23. Michael Millgate. Thomas Hardy. His career as a novelist. London : ed. The Bodley Head Ltd., 1971.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2018 г.

RETRANSLATION AND EVOLUTION OF TRANSLATORS' INTERPRETATION OF THE MAIN CHARACTER IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF *TESS OF THE D'URBERVILLES* BY THOMAS HARDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/432/1

Anastasia V. Baranova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: baranskikh@yandex.ru

Keywords: Thomas Hardy; A.V. Krivtsova; *Tess of the d'Urbervilles*; translational interpretation of character; retranslation; evolution of translational reception; factor of translator's personality.

The article deals with Russian translational reception of Tess in translations of *Tess of the d'Urbervilles* by Thomas Hardy. The aim of the article is to deliver the results of the author's research devoted to the evolution of translational interpretation of Tess in Russian translations of the novel. The research materials are three Russian translations (1893, 1911, 1930) and the corresponding source texts. The particular objective of the research was to identify the source texts for each translation since the author had edited the novel until the Wessex edition was published. The second objective of the research was to study the reasons for the Russian retranslations. The research was also aimed at comparing and analyzing the retranslations in terms of translators' interpretation of Tess to identify the developmental character of the process. The applied methods were bibliographic, biographic, historical and comparative. It can be concluded that the main character becomes more and more complicated with each new translation. The core of the evolution of Tess in translators' reception is expressed through the translation of the title. The first translator of the novel (1893) Vera M. Spasskaya entitled it as *Tess d'Urbervilles*, the subtitle that transfers the author's attitude to the heroin being left out of the readers' attention. The translator's view on such notions as “purity” and “innocence” did not coincide with the concepts by Hardy, which resulted in mitigating the issues of guilt and innocence, purity and depravity. The first Russian translation shows that Spasskaya tended to regard Tess as “guilty and flawed”, the plot of the novel being contracted but not broken. The second translation was published in 1911. The author of the translation was Lev P. Nikiforov, an exiled revolutionary. Working as a political writer and translator, he was interested in the social problems highlighted in Hardy's novel: women's social position, capital punishment, social disparity. The subtitle of the novel became the title in his translation, thus making personality trait prevailing over the name. However, Nikiforov substituted the quality “real” for the original “pure”. Further analysis of the translated text proves that the concept “real woman” by Nikiforov implies a rebellious, strong-willed and independent woman. The third translation (1930) by Alexandra V. Krivtsova is the last and classic one. It is the translation that fully conveys the whole title complex of the novel. The comparative analysis of all the three translations proves that keeping to the strategy of “precise translation” developed by her husband and editor E. Lann, Krivtsova succeeded in conveying Tess as a profound and deep personality. Her reception of the main heroin made the ideas of sacrifice, guilt and purity to be philosophical and humanitarian issues. Thus, we can state that Russian translators' reception of Tess was a stage-by-stage process.

REFERENCES

1. Sherstneva, E.S. (2008) Perevodnaya mnozhestvennost' kak kategoriya perevodovedeniya: istoriya, status, tendentsii [Translational multiplicity as a category of translation studies: history, status, tendencies]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 73-1. pp. 526–532.
2. Chaykovskiy, R.R. & Lysenkova, E.L. (2001) Neischerpaemost' originala: 100 perevodov "Pantery" R.M. Ril'ke na 15 yazykov [Inexhaustibility of the original: 100 translations of "The Panther" by R.M. Rilke in 15 languages]. Magadan: Kordis.
3. Makarova, L.S. (2004) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty khudozhestvennogo perevoda* [Communicative-pragmatic aspects of artistic translation]. Moscow: MSOU.
4. Garbovskiy, N.K. (2004) *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow: Moscow State University.
5. Syskina, A.A. et al. (2017) Female Images in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations of the 1840–60s. *Bronte Studies*. 42(2). pp. 118–129. DOI: 10.1080/14748932.2017.1280939
6. Vasil'chenko, T.V. (2010) O razlichnykh podkhodakh k peredache kul'turno-markirovannoy leksiki v angloyazychnykh perevodakh romana F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [On various approaches to the translation of culturally labeled lexicon in English-language translations of Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1-1. pp. 65–69.
7. Proskurnin, B.M. (2014) Russian Reception of George Eliot and Genesis of Social Realism. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1 (5). pp. 19–32.
8. Lacey, N. (2007). From Moll Flanders to Tess of the D'Urbervilles: Women, Autonomy and Criminal Responsibility in Eighteenth and Nineteenth Century England. *Law, Society and Economy Working Papers*. 5. [Online] Available from: <http://eprints.lse.ac.uk/5613/1/WPS05-2007Lacey.pdf>.
9. Heidensohn, F. (1985) *Women and Crime*. New York University Press.
10. Metlova, T.A. (2012) Gendernyy diskurs v britanskom romane o novoy zhenshchine rubezha XIX–XX vekov [Gender discourse in the British novel about a new woman of the turn of the 20th century]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 13 (13). pp. 119–120.
11. Matchenya, S.R. (2001) *Sistema zhenskikh obrazov v "romanakh kharaktera i sredy" Tomasa Gardi* [The system of female images in the "nature and environment novels" by Thomas Hardy]. Philology Cand. Diss. Balashov.
12. Dever, C. (2005) Chapter 8. In: O'Gorman, F. (ed.) *A Coincise Companion to the Victorian Novel*. Oxford: Blackwell Publishing.
13. Watts, C. (2007) *Thomas Hardy Tess of the d'Urbervilles*. London: Humanities-Ebooks.co.uk.
14. Baranova, A.V. (2016) Interpretation of Tess in the First Russian Translation of Thomas Hardy's "Tess of the D'Urbervilles". *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 5 (11). pp. 155–160.
15. Hardy, T. (1893) Tess, naslednitsa Dorbervilly [Tess of the D'Urbervilles]. Translated from English by V.M. Spasskaya. *Russkaya mysl'*. 3–8.
16. Hardy, T. (1891) *Tess of the D'Urbervilles, a pure woman faithfully presented*. Vols 1–3. London: James R. Osgood and CO.
17. Hardy, T. (1911) *Nastoyashchaya zhenshchina (Tess d'Urbervill')* [A real woman (Tess of the d'Urbervilles)]. Translated from English by L.P. Nikiforov. Moscow: Sovremennye problemy.
18. Hardy, T. (1930) *Tess iz roda D'Erbevill'*. *Chistaya zhenshchina, pravdivo izobrazhennaya* [Tess of the D'Urbervilles, a pure woman faithfully presented]. Translated from English by A.V. Krivtsovaya. Moscow; Leningrad: Zemlya i Fabrika.
19. Sumarokova, N.V. (2010) "Fellow Townsman" by Thomas Hardy: from impressionism to cubism. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 942–944. (In Russian).
20. Wheeler, M. (1994) *English Fiction of the Victorian Period 1830–1890*. London: Longman literature in English series.
21. Alvarez, A. (1985) "Introduction": *Tess of the d'Urbervilles*. London: Penguin.
22. Hardy, T. (1994) *Tess of the D'Urbervilles*. London: Penguin Books.
23. Michael Millgate. (1971) *Thomas Hardy. His career as a novelist*. London: ed. The Bodley Head Ltd.

Received: 29 June 2018

СРЕДСТВА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ МАСКУЛИННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ DECT И BFM–GRAAL)

Рассматривается проблема аксиологического позиционирования маскулинности в художественном дискурсе средневековой Франции. Анализируются языковые средства ценностной репрезентации маскулинной личности в художественном дискурсе Франции XI–XIII вв. Предлагается описание методологии работы с франкофонными диахронными электронными корпусами Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes (DECT) и Base du Français Médiéval (BFM–GRAAL). В рамках аксиологического подхода к антропологической категории маскулинности проведена реконструкция образа средневекового мужчины.

Ключевые слова: диахронный текстовый корпус; аксиологический подход; лингвистическая реконструкция; компьютерные методы анализа; контент-анализ; маскулинность; ценностная репрезентация.

Введение

В актуальном контексте функционирования филологической науки как области знания о языке, человеке, обществе и культуре, перед лингвистикой встает задача комплексного и исчерпывающего отражения некоторого речевого явления в рамках определенного дискурсивного пространства или социоисторического периода. В силу данного исследовательского вызова традиционный лингвистический анализ интегрируется в более технологичные и инновационные методы корпусной компьютерной лингвистики.

Очевидным преимуществом корпусного анализа текста является возможность наиболее объективно отобрать языковой материал, отвечающий задачам конкретного исследования, а также эмпирически выявить особенности существования речевой практики. Использование методов компьютерного анализа текста позволяет оптимизировать исследовательскую работу лингвиста и расширить объем обрабатываемых данных, а также получить более точные количественные данные.

Настоящее исследование ставит своей целью анализ маскулинной идентичности рыцарства как особого, привилегированного военно-аристократического класса времен феодальной Европы. Период Высокого Средневековья (IX–XIII вв.) характеризуется укреплением феодально-сеньориальной системы, которая привела к коренным изменениям как внешнего контекста (социополитической и экономической ситуации), так и картины мира современника событий эпохи (культурное, этическое и ментальное мироощущение). Философы и историки-медиевисты отмечают, что в Средние века зарождаются «первые элементы идентичности» [1. С. 55] и «начинается история человеческой личности» [2. С. 16]. Историко-антропологический поворот отражается и в лингвокультуре. Так, в IX в. происходит становление института письменности во Франции, который изначально выступает как преимущественно клерикальный, но со временем приобретает и светское городское выражение [3. С. 11]. Таким образом, очевидными становятся изменения в структуре личности, которая переходит к новой, феодально-религиозной морали и системе ценностей, что получит свое отражение и в средневековой

литературе. Изменения проявляются, прежде всего, в личности мужчины, так как для периода Средних веков характерна культура андроцентризма, т.е. приоритет мужского начала, маскулинная доминанта в нормах и оценках. В этой связи предметом анализа выбрана маскулинность (или мужественность, от лат. *masculinus*). Маскулинность отражает комплекс аттитудов, набор ожидаемых образцов поведения и норм, детерминированных по гендерному признаку, как присущих мужчине [4. С. 47].

Обращение к скриптологии (области знания о письменном языке) и к анализу диахронических рукописных художественных произведений представляется важным в силу современного общегуманитарного антропологического взгляда на историю, культуру и язык. Наличие аутентичных письменных памятников делает возможным изучение истории ментальностей в рамках антропологической, чей основной принцип С.В. Гринев формулирует следующим образом: «...практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в языке. Любая новая идея, новый факт получают в языке название» [5. С. 118]. Таким образом, именно антропологическая лингвистика определяет интерес к диахроническому направлению антропологического моделирования, т.е. к поискам путей реконструкции личности и ее социально-исторического развития. На данный момент существуют несколько проектов исторических диахронных корпусов французского языка, оснащенных инновационными цифровыми поисковыми и аналитическими инструментами.

Возможности диахронических электронных корпусов в лингвистических исследованиях

Корпус DECT. «Электронный словарь Кретьена де Труа», далее – DECT (Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes), представляет собой электронный онлайн текстовый корпус произведений старофранцузского мастера поэтического куртуазного романа XII в. Кретьена де Труа (1135–1183). Текстовая база корпуса разрабатывается с 2001 г. и включает на данный момент пять литературных произведений автора: «Эрек и Энида» («Érec et Énide»), «Клижес»

(«Cligès»), «Ланселот, или Рыцарь телеги» («Lancelot ou le Chevalier à la Charrette»), «Ивейн, или Рыцарь со львом» («Yvain ou le Chevalier au Lion») и «Персеваль, или Повесть о Граале» («Perceval ou le Conte du Graal») [6].

Текстовым материалом для создания электронных изданий послужил манускрипт (BnF fr. 794) из Национальной библиотеки Франции. Рукопись датирована 1230–1240 гг., сделана в центрально-французском городе Провен (Provins) и принадлежит перу местного сcribe Гийо. Рукопись также доступна онлайн в интернет-версии библиотеки в проекте Gallica. Корпус DECT является дочерним проектом французской лингвистической лаборатории ATILF (Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française) и представляет собой результат сотрудничества таких международных научно-исследовательских центров, как CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) (Франция), University of Ottawa (Канада–Франция), Institut für Linguistik / Universität Stuttgart (Германия). Платформа корпуса поддерживает современный способ кодировки текстовых данных XML (<http://www.atilf.fr/dect>), полное обновление от декабря 2014 г. Кроме электронной картотеки текстов Кретьена де Труа, данный корпус содержит цифровой лексикографический инструментарий:

- чтение и скачивание аннотированных текстов (textes en continu) в различных форматах (фотокопия манускрипта, полудипломатическая версия (semi-diplomatique) страницы, стиха);
- чтение списка лексики и переход от издания к лексике и обратно;
- поиск по словоформе (recherche d'une entrée), этимону (recherche d'un étymon), лемме – основной форме лексемы, которая условно выбрана для передачи ее основной формы (lemmatisation), по грамматической категории (recherche sur les formes), лексике (recherche avancée);
- поиск по сочетанию (cooccurrences) лексем (например, chevalier + errant), словоформ (chevalier + erranz), грамматических категорий (chevalier + adjectif);
- доступ к обширной исторической, литературоведческой, корпусной и информационной библиографии.

После описания аналитических возможностей корпуса, остановимся на интерфейсе основной страницы, представляющей собой словарную статью (рис. 1).

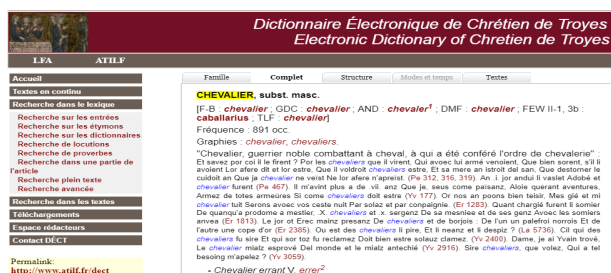

Рис. 1. Фрагмент словарной статьи в корпусе DECT к лексеме *chevalier* (рыцарь)

Для описания общего вида словарной статьи была выбрана ключевая лексема *chevalier*, которая анализируется с точки зрения аксиологического позиционирования маскулинности. Как правило, статья представляет собой малоформатный текст, в котором пять вкладок:

- *Famille* (этимологическое гнездо) дает возможность перейти к этимологическому описанию лексемы и обзору лемм;
- *Structure* представляет собой краткую однострочную версию словарной статьи и выдает суммарную дефиницию лексемы;
- *Mode et temps* (наклонение и время) содержит структурное описание грамматических форм слова для предикатов;
- *Textes* позволяет переход к контекстам, сгруппированным по произведениям и оснащенным выделением искомой лексемы;
- *Complet* (стартовая) является словарной справкой и вкладкой по умолчанию.

Стартовая вкладка состоит из поискового запроса (*chevalier*), его грамматических категорий (*subst. masc.*), количества вхождений (*nombre d'occurrences*) искомой лексемы в текстовую базу (*Fréquence: 891 occ.*), четырех графических форм слова (*chevalier, chevaler, caballarius, chevaliers*), которые варьируются в силу ненормированности письменного языка рассматриваемого периода и наличия множества региональных скриптов [7. С. 42]. Кроме того, в статью входят четыре дефиниции искомого слова, каждая из которых состоит из словарного определения, частотных коллокаций и контекстных примеров из корпуса. Обращает на себя внимание цветовое и шрифтовое выделение информации разного порядка: красным полужирным шрифтом выделены графемы; красным без дополнительных выделений – ссылки для перехода к произведениям, а также ссылки для перехода к другим ключевым лексемам; синим – вхождения искомой лексемы в примеры; желтым помечены основная лексема, а также ее вхождения в контексты в режиме *Textes*.

Итак, корпус DECT содержит пять старофранцузских текстов, включающих более 220 тыс. слов и адаптированных к современному цифровому формату на основе рукописных текстов. Данная текстово-аналитическая база была использована для нескольких видов анализа репрезентации маскулинности персонажей-рыцарей; результаты исследования представлены в следующем разделе статьи. Обратимся к другому диахронному корпусу старофранцузских текстов – BFM–GRAAL, возможности которого применяются для настоящего исследования.

Корпус BFM–GRAAL. «База средневекового французского языка», далее – BFM (La Base Du Français Médiéval), представляет собой обширный диахронический электронный корпус текстов IX–XV вв. На декабрь 2017 г. данный корпус включает 192 транскрипции текстов, основанных на современных критических изданиях [8. С. 105]. Работа над корпусом BFM ведется с 1989 г. научным сообществом под руководством профессора К. Маркелло–Низья совместно с лингвистической лабораторией

ICAR (Interactions, Corpus, Apprentissages, Représentations), поскольку требует серьезных междисциплинарных разработок. Данный корпус находится в свободном доступе (<http://txm.bfm-corpus.org>), его полное обновление датируется 2016 г.

В корпусе BFM представлены текстовая аннотированная база (BFM 2016), корпус наиболее ранних текстов IX–XII вв. на поздней латыни и их перевод на старофранцузский язык (CORPTEF), транскрипции и фотокопии средневековых манускриптов (BFMMSS), текстовая база нелитературных произведений от поздней латыни до старофранцузского периода (PALAFRAFRO) и электронное издание романа XIII в. «В поисках Святого Грааля» (BFM–GRAAL) [9].

Корпус BFM–GRAAL служит материальной базой нашего исследования по ряду причин:

- тематическая и стилистическая близость романа «Queste del Saint Graal» с артуровскими романами Кретьена де Труа;
- большой объем текстовых данных (более 110 тыс. слов);
- наличие совершенного аналитического и поискового инструментария (аннотация, разметка, лемматизация, паспортизация);
- возможность использования нескольких электронных версий произведения (адаптированной, дипломатической, факсимильной, фототипической и переводной).

Корпус BFM–GRAAL состоит из 67 оцифрованных манускриптов и оснащен морфосинтаксической разметкой текстов, которая облегчает и детализирует лингвистический поиск. Сам роман «В Поисках Святого Грааля» посвящен королю Артуру, рыцарям Круглого стола и их приключениям (aventures) в поиске Чаши Грааля. Основой для создания электронной версии романа послужила рукопись 1225 г., хранящаяся в Лионской муниципальной библиотеке под номером ms. RA 77.

Базовым принципом проекта BFM является строгое соответствие аутентичной рукописи, поэтому при заполнении корпуса используется формат XML, воспроизводящий не только текст, но и ряд элементов критического аппарата (нумерацию, шрифты, примечания). Наличие расширенных поисковых и аналитических функций позволяет реализовывать исследования по таким смежным лингвистическим дисциплинам, как палеография, каллиграфия, книговедение, археография и текстология. Для реализации поиска используется язык компьютерного запроса CQL (Contextual Query Language), который состоит из тегов; их полный список размещен в пособии «Manuel de TXM» [10. С. 116–117]. CQL позволяет производить поиск и отбор языкового материала несколькими способами:

- простой поиск графического написания (например, [word = “chevaliers”]);
- поиск по лемме (например, [frlemma = “chevalier”]);
- поиск по грамматической категории (например, [frpos = “ADJ”]);
- поиск вариантов написания диакритических знаков или регистра букв (например, [“cheval.*”%cd]);

– применение комбинированных поисковых запросов по узким параметральным данным;

– создание индексов, контекстов и конкордансов.

Описав аналитические возможности корпуса, переходим к интерфейсу его основной страницы (рис. 2).

Рис. 2. Поисковой интерфейс корпуса BFM–GRAAL

Кроме вариативного поиска, подкорпус BFM–GRAAL оснащен глоссарием, содержащим лексемы корпуса, их морфосинтаксические теги и краткие дефиниции; индексом имен собственных с пояснениями и количеством вхождений; вкладками для чтения описания текста, для скачивания и для обзора используемых цифровых инструментов (Sources XML–TEI). Вкладки *Lexique* и *Index de formes* позволяют просмотреть все лексемы, используемые в корпусе, а также ранжировать их по алфавиту и по частотности. Функции *Concordance* и *Contexte* представляют собой смежный поисковой инструментарий и отличаются формой вывода данных на экран (рис. 3).

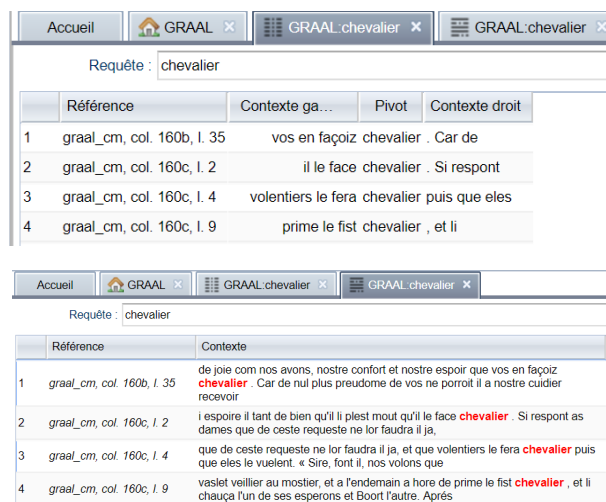

Рис. 3. Поисковой запрос лексемы *chevalier* в функциях *Concordance* и *Contexte*

Итак, методы электронного корпусного текстового анализа значительно повышают эффективность исследовательской деятельности и расширяют эмпирическую базу ввиду автоматизированной системы отбора, обработки и вывода результатов. Настоящая статья представляет собой попытку выявить и классифицировать языковые средства аксиологической репрезентации маскулинности в средневековых художественных произведениях, основываясь на данных и инструментарии описанных выше корпусов DECT и BFM–GRAAL. Результаты проведенного корпусного анализа средств позиционирования рыцаря представлены ниже.

**Результаты корпусного анализа
аксиологического позиционирования
маскулинности в средневековых текстах
(на примере корпусов DECT и BFM–GRAAL)**

Результаты анализа корпуса DECT. Ключевой категорией настоящего анализа является гендерное понятие *маскулинность*, под которым понимаем комплекс социально-психологических компонентов, формирующих образ мужественного, а именно: аттитудов, поведенческих стратегий и норм, психоэмоциональных характеристик, статусных и ролевых положений. Маскулинность как «социокультурный пол» [11. С. 6] представляет собой более глубокую, с когнитивной точки зрения, идентичность личности, чем биологическая принадлежность к мужскому полу, так как включает результаты социального и культурно-исторического развития. Обоснованность анализа маскулинности на материале диахронических источников определяется царствованием патриархальной андроцентрической идеологии в средневековом социуме.

Настоящее исследование видит своей задачей лингвистическую реконструкцию средневековой маскулинной личности, которая подразумевает когнитивные и дискурсивные параметры маскулинных гендерных стереотипов, содержащихся в художественных текстах эпохи [12. С. 4]. Маскулинная идентичность в рассматриваемом художественном дискурсе объективируется наиболее ярко и демонстративно в фигуре рыцаря. Рыцарство представляет собой привилегированный элитарный военный класс феодального общества средневековой Западной Европы. По словам современных российских историков языка, фигура рыцаря представляет модельную личность, выражающую идеал и куртуазные ценности эпохи [13. С. 193], отражает ядерные социокультурные смыслы европейской феодальной культуры, называемой также *la société chevaleresque* (рыцарское общество) [14]. В результате аксиологическое позиционирование маскулинности анализируется на материале контекстуальной вербализации концепта *рыцарство*.

В связи с различным функционалом и инструментарием двух выбранных электронных корпусов, в ходе данного исследования для каждого ресурса были использованы разные возможности поиска.

Так, на первом этапе в текстовом корпусе DECT функция простого поиска по запрашиваемой лексеме позволяет выделить из всего объема художественных произведений подкорпус текстовых фрагментов, состоящий из 891 вхождения лексемы *chevalier*. Далее анализируется словарная статья, приводящая дефиниции искомой лексемы и ее контекстное употребление. Приводим исходный поисковый запрос (1-й этап):

– *filtre sur les entrées du lexique > chevalier > appliquer > liste des entrées > article complet / recherche dans les textes.*

Изучение ценностного позиционирования рыцаря на материале диахронических текстов позволяет судить о философских, моральных и социальных представлениях средневекового человека, сохраненных в письменных текстах. Важно, что оценка является исторически детерминированной категорией и ее интер-

претация неразрывно связана с аутентичными культурными традициями, ценностными нормами и культурно-историческими условиями. На втором этапе для отбора контекстов, содержащих описательную характеристику рыцаря, воспользуемся функцией поиска по сочетанию лексемы *chevalier* и грамматической категории имени прилагательного, задавая поиск по текстам, недифференцированный порядок слов и количество слов между искомыми категориями, равное 10 языковым единицам (2-й этап):

– *cooccurrences de deux mots > mot 1 > lemme = chevalier > filtre > remplir le formulaire > appliquer > mot 2 > code = adj. > filtre > remplir le formulaire > appliquer > options > ordre des mots = ordre des mots indifférent > entre les mots = maximum 10 > lancer la recherche.*

На третьем этапе, с целью минимизировать потери автоматического поиска, задается запрос для синонимичных лексем: *serjant* (знатный воин, еще не получивший титул рыцаря), *baron* (феодалный сеньор, отличившийся своей отвагой в сражении воин), *compagnion* (рыцарь – член ордена, группы, общины рыцарства) (3-й этап):

– *cooccurrences de deux mots > mot 1 > lemme = serjant / baron / compagnion > filtre > remplir le formulaire > appliquer > mot 2 > code = adj. > filtre > remplir le formulaire > appliquer > options > ordre des mots = ordre des mots indifférent > entre les mots = maximum 10 > lancer la recherche.*

Результатом данных запросов стало создание подкорпуса из 237 контекстов, содержащих оценочную характеристику концепта *рыцарь*, вербализованного четырьмя семантически близкими лексемами. Поиск показал 31 пример имен прилагательных, которые были объединены в шесть групп по сематическому признаку, основываясь на данных словарных статей корпуса DECT:

1. Положительные обобщенные характеристики нейтральной окраски: *bon* (базовая черта члена куртуазного социума, сочетающая добросовестное исполнение обязанностей христианина и, в данном случае, воина), *doux* (приятный, доброжелательный), *le meilleur* (наилучший из всех).

2. Воинские мелиоративные оценочные характеристики, связанные с боевой и служебной деятельностью: *combattant* (воин, боец), *courageux* (смелый), *élu* (избранный – особая категория, связанная с божественным призванием истинных рыцарей), *errant* (странствующий рыцарь ищущий подвига, возможности проявить свои воинские качества), *fort* (могущественный, властный, а также физически крепкий), *hardi* (смелый, иногда дерзкий).

3. Морально-личностные мелиоративные характеристики: *apprécié* (высоко ценимый), *large* (щедрый), *loyal* (верный своему вассалу, а также Богу), *preux* (достойный, обладающий достоинством, мудростью и честностью), *sage* (умудренный опытом).

4. Социально значимые характеристики, связанные с положением в обществе и куртуазным поведением: *courtois* (обладающий поведением и внешностью, достойными куртуазного, придворного общества), *débonnaire* (добродушный, благодушный), *franc*

(свободный, не состоящий в феодальной зависимости), *gentil* (благородный по рождению), *haut* (великий, важный, знатный, властный), *riche* (обладающий материальным богатством), *vaillant* (достойный).

5. Физические характеристики, описания внешнего вида: *adroit* (стройный, хорошо сложенный, а также ловкий, умелый), *armé* (облаченный в доспехи), *beau* (обладающий внешней, физической привлекательностью), *grand* (высокий, крепкий), *vermeil* (алый – в описании доспехов, а также в личном имени персонажа артуровского цикла), *vêtu* (одетый в военное платье).

6. Амбивалентная характеристика *fier* употребляется как в мелиоративном значении – бесстрашный, необузданный, так и в пейоративном – жестокий, дикий, тщеславный.

7. Отрицательная характеристика *mauvais* – единственная абсолютно пейоративная оценка, найденная в корпусе (несовершенный, злой, неполноценный).

8. Ситуативная характеристика *nouveau* (новый) употребляется в отношении мужчины, недавно посвященного в рыцари.

На четвертом этапе анализа была поставлена задача количественной оценки отобранных характеристик с целью моделирования ценностной иерархии в отношении маскулинной фигуры в рассматриваемом текстовом корпусе. Для этого был произведен дополнительный дифференцированный поиск по словосочетанию ядерных лексем и конкретных имен прилагательных. Необходимо отметить, что в рамках ненормированной письменной грамматики в старофранцузском языке одна лемма может иметь несколько вариантов графического написания. В этой связи в поисковой запрос важно добавить элемент поиска графем, как показано в примере (4-й этап):

– cooccurrences de deux mots > mot 1 > lemme = *chevalier* / *serjant* / *baron* / *compagnion* > filtre > remplir le formulaire > appliquer > mot 2 > forme = *^bia* > filtre > formes filtrées > *biau* / *biaus* / *biac* > remplir le formulaire > appliquer > options > ordre des mots = ordre des mots indifférent > entre les mots = maximum 10 > lancer la recherche.

В результате данного вида анализа по каждой характеристике была составлена диаграмма, показывающая количественное соотношение характеристик, входящих в группы, названные выше (рис. 4).

Рис. 4. Результаты анализа аксиологической репрезентации рыцаря в корпусе DECT

Рассмотрим некоторые из представленных аксиологических характеристик более подробно. Контекстуальный анализ позволяет выявить ряд тенденций. Во-первых, отметим частотность описания рыцаря при помощи суперлативных конструкций. Например:

toz li miaudres chevaliers, li plus hardiz et li plus fiers qui onques fust ne cuens ne rois, li plus leax, li plus

cortois (Érec, p. 10c, l. 2495–2498) – все самые совершенные рыцари, самые смелые и самые бесстрашные, не ставшие ни графами, ни королями, самые верные и самые учтивые.

В данном примере, как и во многих других, аксиологическая характеристика рыцарства строится на перечислении черт, наиболее важных для формирования маскулинного образа воина-вассала. Зачастую мелиоративные характеристики усиливаются наречиями *si* и *tant* и сочетаются с указанием на исключительность. Например:

chevalier si loé, et fu tant biac qu'an nule terre n'estovoit plus bel de lui querre (Érec, p. 10c, l. 2495–2498) – рыцарь столь преданный и столь приятный, что ни в какой земле не найти красе его.

Насчитываются три подобных контекста с предикатом *trouver*, в которых подчеркивается незаурядность каждого рыцаря, который является читателю как антропологический архетип – чудесный мифический герой, воплощающий отдельные добродетели.

Во-вторых, отмечена типичность синтаксической конструкции сочинительной связи двух имен прилагательных, при этом такие бинарные элементы показали устойчивость. Велика повторяемость сочетания определенных характеристик: *hardiz* (смелый) вступает в коллокацию с *preuz* (достойный, обладающий ценными качествами) и *vaillant* (обладающий заслугами), *fort* (сильный) устойчиво употребляется с *fier* (бесстрашный), *buens* (положительный, добрый), *délivre* (свободный, независимый от феодала), *granz* (высокого социального положения), *bel* (приятной внешности), *esleüz* (особенный, избранный); неизменны такие парные описания, как *cortois et sages* (учтивый и мудрый), *bel et buen* (приятный и добрый; в последствии данное словосочетание преобразовалось в устойчивую форму *bel et bien*, близкую к наречиям *réellement*, *véritablement*, которая принимает значение усиления уверенности утверждения), *fier et corageus* (бесстрашный и смелый).

В-третьих, важным компонентом маскулинного образа рыцаря является внешнее портретирование. Физический портрет представлен в описаниях преимущественно одежды, а именно воинского обмундирования. Приведем пример: *Chevaliers vestuz de paisle et de cendax, mantiax et chaucex et bliax* (Érec, p. 8b, l. 1914–1916). В данном описании рыцарь предстает облаченным в церемониальную, парадную одежду из мягкого золотого шелка, в мантию, в защитные ножные латы и в длинную тунику. Такой портрет вызывает у читателя ассоциации с королевским облачением, но одновременно не лишен чисто воинской атрибутики в виде доспехов. Сложно назвать рассматриваемый период *темными веками* в связи с изобилием цветовых элементов в маскулинном портрете. Для средневекового феодализма цветовая характеристика выступает в роли семиотической системы: цвет содержит социальную иерархический смысл и имеет метафизическое, божественное значение, так как каждый оттенок выражает определенный религиозный символ. Принимая во внимание символизм цвета в средневековой эстетике, выделим цветообозначения: *armes vermeilles* (алые, кроваво-красные доспехи), *armes d'azur et d'or* (доспехи цвета лазури и золота). Красный цвет ассоциируется с военной

деятельностью и кровавыми баталиями; это также цвет королевской власти, доблести и победы. Цвет голубой лазури символизирует чистоту, верность и духовность и является наиболее распространенным оттенком в живописи (особенно для образа Девы Марии), архитектуре, геральдике и оформлении иллюминированных манускриптов начиная с XIII в. Золотой цвет в когнитивной системе средневекового человека связан с богатством, почетным положением в обществе [15. С. 784–788]. Прослеживается символизм цветового образа рыцаря: красный, голубой и золотой ассоциируются соответственно с тремя ипостасями рыцаря: воин, христианин и придворный.

Наконец, абсолютно положительный образ рыцаря усиливается употреблением отрицательных словосочетаний, содержащих различные негативные явления. Поясним, что автоматический поиск, представленный ранее, не позволил выявить данную модель. Однако при контекстуальном анализе была замечена частотность структуры *sanz* + имя существительное, поисковой запрос которой представлен ниже:

– cooccurrences de deux mots > mot 1 > forme = *sanz* > filtre > remplir le formulaire > appliquer > mot 2 > code = *subst.* > filtre > remplir le formulaire > appliquer > options > ordre des mots = mot1 avant mot2 > entre les mots = maximum 2 > lancer la recherche.

После дополнительной вычитки результатов приведенного автоматического поиска было выявлено 60 мелиоративных характеристик: наиболее частотны наименования *sanz nule faille* (без вины, без греха), *sanz nul mal* (без злобы) и *sanz vilenie* (не подлый, т.е. благородного происхождения). Перечислим и менее типичные структуры: *sanz feintise* (без обмана, т.е. искренний), *sanz orguel* (без гордыни, без высокомерия), *sanz coveitise* (нежадный, неалчный, независтливый), *sanz malvestié* (незловивый, нетрусливый, т.е. высоких моральных принципов).

Результаты анализа корпуса BFM–GRAAL. Роман «*Queste del Saint Graal*» также входит в число произведений Бретонского романного цикла, но в отличие от более эпичных, развлекательных и куртуазных романов Кретьена де Труа, является, в первую очередь, синтезом христианских религиозных идей и светского идеала феодального государства. Румынский философ М. Элиаде отмечает, что романы о рыцарях Круглого стола конструируют новую для средневековой литературы мифологию, которая наряду с куртуазностью содержит *священную историю*, поучительную и наставляющую на праведное поведение [16. С. 99]. Для этого произведения характерна замена прославленных рыцарских авантур воспеванием культа смирения, веры и целомудрия. В силу этого фигура рыцаря аккумулирует в себе субъективно-авторские и общекультурные ценностные смыслы. Позиционирование рыцарства носит аффективный характер и соотносится либо с абсолютно мелиоративной оценкой – похвалой, либо, наоборот, с абсолютно пейоративной оценкой – критикой. Закономерно, что похвала является более распространенным компонентом маскулинного образа, так как воспевание добродетели отвечает установке автора, направленной на повышение морального уровня общества.

Моделирование описательной характеристики ключевой для данного исследования лексики *chevalier* начинаем с анализа ее контекстного окружения. Для этого был произведен отбор подкорпуса случаев употребления различных графем слова *chevalier* с квалификативными именами прилагательными в препозиции и в постпозиции. На компьютерном языке CQL запрос имеет следующие формулы:

– Concordances > requête = [pos="ADJqua.*"] [word="chev.*"] / [word="chev.*"] [pos="ADJqua.*"] > réglages > références, contexte gauche, pivot, contexte droit = word > taille = 5 > trier > chercher.

На основе данного запроса был создан подкорпус из 162 контекстов, представляющих исчерпывающее описание маскулинного образа франко-британского рыцаря начала XIII в. 30 отобранных характеристик конструируют трехчастную маскулинную модель рыцаря, включающую такие компоненты, как идеал мужчины – члена высшего феодального общества, идеал верующего – служителя Церкви и идеал вассала – воина, служителя своему сеньору.

Рассмотрим подробнее выделенные характеристики. К первому блоку социо-психологических маскулинных относим следующие признаки, перечисленные в порядке убывания частотности, положительные оценки: *bon* (ведущий правильную жизнь), *mieldres* (лучший, исключительный), *douz* (добрый, доброжелательный), *gentix* (высокого происхождения), *biau* (приятной наружности), *grant* (великий, знатный), *haut* (из знатного рода), *gracieus* (щедрый), *précieus* (обладающий ценными качествами). Также были выявлены отрицательные характеристики: *mauvés* (обобщенная и семантически индифферентная пейоративная оценка), *fauz* (нечестный, лживый), *povres* (бедный, бесславный по происхождению).

Во второй блок относим черты, позволяющие создать образ служителя веры, чистого и безгрешного христианина. Отметим, что образ рыцаря-крестоносца, посвятившего свою жизнь защите и служению Церкви, появляется в виде лексики *croisier* уже в конце XI в. [17. С. 176]. Данный компонент средневековой маскулинной идентичности бинарен: он представляет собой сочетание военного миропонимания и религиозно-мистических воззрений эпохи. В результате анализа были выявлены мелиоративные религиозно-духовные характеристики: *verais* (истинный, настоящий служитель Богу), *celestiel* (небесный, поставленный в один ряд с Ангелами – рыцарями Господа), *parfait* (совершенный, безупречный), *desirrez* (избранный, обещанный Писанием, спаситель), *saint* (святой, праведный), *boneuré* (блаженный, одаренный Божьей милостью), *nete* (чистый, с незапятнанной грехами душой; а также пейоративные оценки: *terrien* (земной, плотский, недостойный царства Божьего), *maleureu* (несчастный, недостойный Божьего благословения), *pecheor* (грешный, порочный). В ряду этих характеристик прослеживаются четкие оппозиции: земной / небесный, святой / грешник, блаженный / горестный. Это указывает на обоснованность предположения о том, что в рассматриваемом художественном дискурсе этическая оценка маскулинности основана на бинарных антитезах, относящихся к архетипической модели хороших / плохой.

В третий блок входят черты, описывающие воина, служащего своему сеньору или королю. К мелиоративным оценкам отнесены *loiaux* (преданный, верный), *novel* (воин, недавно прошедший обряд посвящения), *aventurier* (тот, кому посчастливилось встретить множество приключений, проявить свои качества и совершить подвиг), *garni* (облаченный в воинские доспехи – символ мужества, достоинства и принадлежности к ордену); в число пейоративных оценок входят *desloiaux* (неверный, не проявляющий преданности своему договору с сеньором) и *malade* (больной и неспособный сражаться, слабый, сдавшийся). В данной аксиологической группе также прослеживается бинарная оппозиция преданный / неверный.

Квантитативные результаты представленного корпусного анализа оформлены в виде графиков, представленных в диаграмме (рис. 5). На графиках показано соотношение мелиоративного и пейоративного аксиологического позиционирования маскулинного образа рыцаря по трем векторам.

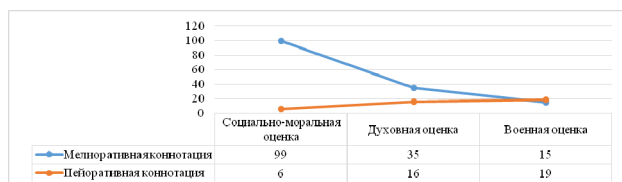

Рис. 5. Результаты анализа оценочного позиционирования рыцаря в корпусе BFM-GRAAL

Однако для более полной реконструкции маскулинности рыцаря результаты корпусного анализа дополняются рядом показательных контекстов, которые демонстрируют дополнительные компоненты образа средневекового воина. В первую очередь обращает на себя внимание обилие титулатуры в обращениях к персонажам. Связано это с принятыми в высшем куртуазном обществе нормами речевого этикета, который основан на уважении к представителям рыцарского сословия и не позволяет употреблять имя собственное безотносительно его титулу. Выбор в качестве апеллиатива лексико-семантической группы феодальной титулатуры также демонстрирует распространение светского самосознания [18. С. 24]. Наряду с семантически нейтральными лаконичными формами *sire* и *seignor* были встречены более изысканные апеллиативы, например обращение к главному герою романа «Поиски Святого Грааля» Галахаду:

mestre et seignor par desus cels de la table reonde (Graal, p. 161d, l. 36) – мэтр и сеньор, высший среди [рыцарей] круглого стола.

Отмечены обращения, содержащие указание на родство и происхождение, например: *filz* (сын), *darreins dou lignage* (потомок рода). Укоренившееся употребление таких форм объясняется важностью генеалогии для высшего феодального общества: знатная родословная является предметом гордости, залогом высоких моральных качеств и, кроме того, гарантирует материальный достаток. Наоборот, безродного происхождения стыдятся, считая его непреодолимым препятствием на пути к социальным достижениям и духовно-нравственному совершенству. Выраженное в

обращении почитание и преклонение перед знатым рыцарем усиливается повторяющимся апеллиативом *serjant Jhesucrist* (служитель Иисуса Христа). Он подчеркивает важность аксиологической категории святости и верности христианству и имплицитно выполняет морализаторскую функцию, которая выступает важнейшей среди прагматических установок авторов Артурианы.

Следует отметить, что обзор отдельных средств называния главных героев романа выявил, что каждый рыцарь выступает своеобразной объективацией отдельных добродетелей и прегрешений. Наиболее морализаторскую роль играет рыцарь Галахад. В его образе заключены такие положительные этические категории, как сила веры и святость, выраженные, например, в следующем контексте:

Serjant Dieu verais chevaliers... filz si nez et si espurgiez come hom terriens puet estre (Graal, p. 224c, l. 3) – служитель Бога, верный рыцарь... сын настолько чистый и невинный [безгрешный, незапятнанный ошибками], насколько земной человек может быть таковым.

Видим, что в описании этого маскулинного образа участвует церковно-проповедная лексика, что обосновывает гипотезу о нравоучительной функции мужчины-рыцаря. Это отвечает новому схоластическому веянию в куртуазной литературе, которое наряду с верностью сеньору прославляет такие ценности, как покровительство бедным и защита Церкви [16. С. 88].

Совершенно иной семиотикой обладает рыцарь Ланселот, так как вербализация его образа амбивалентна. С одной стороны, он описан множеством положительный характеристик, имеющих размытое значение, которые создают образ великодушного и благородного мужчины, обожаемого народом. С другой стороны, в его характеристике использована курьезная метафорическая устойчивая номинация *Lancelot plus durs que pierre, plus amers que fiel, plus nuz et plus despris que figuiers* (Graal, p. 174b, l. 6) – Ланселот более крепкий, чем камень, более горький, чем желчь, более жалкий и несчастный, чем фиговое дерево. Необходимо пояснить, что в христианской когнитивной системе, присущей средневековой картине мира, фиговое дерево – пророческое растение, листьями которого Адам и Ева прикрывают свою грешную наготу после вкушения запретного плода и Божьего проклятия. Оно может выступать как символ проклятия, бесплодия (в том числе в значении невозможности проявлять мужество, совершать подвиги), ереси (неверности Единой Церкви) [19. С. 38–39]. Поэтому Ланселот также назван *i. des plus maleureus chevaliers dou monde* (один из самых несчастных рыцарей в мире), что указывает на особую роль персонажа: в фабуле перед ним встает тяжелый выбор между любовью земной (к королеве Гвиневре) и духовной (к Богу и Церкви). Этот разлом между светскостью и духовностью присущ европейскому обществу времен схоластики, когда Церковная власть укрепляется и проникает во все общественно-политические сферы [16. С. 93, 178].

Отрицательная коннотация содержится в образе рыцаря Гавейна, которому даны негативные аксиоло-

гические характеристики: *serjanz mauvés et desloiaux* (ложный и неверный служитель [Церкви]). Одновременно автор создает наказание: этот нечестный и вероломный рыцарь не встречает на своем пути столько необходимых воину приключений и возможностей совершить подвиг, что свидетельствует о том, что он этого не заслуживает. В данном маскулинном образе также проявляется функция конструирования нравственности: он символизирует высшую справедливость и неудачу в духовном поиске.

Выводы

Представленный в статье метод корпусного анализа продемонстрировал некоторые функции онлайн-порталов DECT и BFM–GRAAL, доступные и эффективные для лингвистических исследований. Воспользовавшись функциями автоматического поиска в двух диахронических компьютерных корпусах, мы создали исследовательскую базу, состоящую из множества контекстов, содержащих аксиологическое позиционирование маскулинных образов рыцарей. Данная подборка визуализирует тенденции и частотность использования моделей маскулинной идентичности средневекового воина в художественном дискурсе XI–XIII вв.

Анализ показал, что содержащиеся в текстах описания моделируют собирательный, усредненный и идеализированный, абсолютно положительный маскулинный образ. На первое место выходит архетипическое позиционирование, так как маскулинная идентичность объективирует наиболее важные и распространенные в обществе и в культуре Средневековья ценностные категории. Таким образом, можно говорить о символическом позиционировании рыцарей: они персонифицируют добродетели и грехи.

Анализ коллокаций позволяет выстроить аксиологическую модель позиционирования маскулинности

по трем направлениям: мужчина-воин демонстрирует такие качества, как мужество, отвага, страстность в бою и тяга к подвигам. Образ мужчины-христианина показывает важность таких категорий, как искренняя вера, преданность Церкви, моральное совершенство. Наконец, портрет мужчины-придворного, служителя сеньору и члена высокого сословия содержит такие характеристики, как верность, благородство происхождения, великодушие, щедрость, учтивость. Кроме того, анализ портретирования рыцарей показал тенденцию сближения и ассоциации маскулинного образа рыцаря с образом короля.

Благодаря корпусному анализу лексического состава стало очевидно стремление авторов дать лаудативную оценку мужским персонажам. В моральном портрете аксиологические авторские интенции выражаются через этическое оценивание, при этом создается не целостный характер персонажа, а персонифицированные добродетели и пороки. Положительные моральные черты превалируют, поскольку авторы стремятся показать эталон рыцаря-христианина и реализовать морализаторскую функцию литературы. Однако были встречены и пейоративные характеристики, обличающие безверие, вероломство, низменность плотского.

Из анализа оценочной лексики, используемой для создания маскулинного морального и физического портрета, следует, что в авторскую установку входит создание положительного героя, наделенного качествами хорошего воина, верного вассала и христианина, а также отрицательного героя, лишённого этих качеств. Маскулинная идентичность построена на фундаментальной оппозиции хорошее / плохое, что позволяет побудить читателя к размышлениям, преподать моральный урок и распространить общекультурное средневековое куртуазно-христианское понимание мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заковоротная, М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказского научного центра высш. шк., 1999. 221 с.
2. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М. : РОССПЭН, 2003. 662 с.
3. Викулова Л.Г. Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (37). С. 11–17.
4. Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГПУ, 2012. 236 с.
5. Гринев С.В. История человека через призму истории языка // Человек. Язык. Время. Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрябиной с международным участием ; отв. ред. Л.Г. Викулова. М. : МГПУ, 2015. С. 118–122.
6. DECT – Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes, édité par LFA/Université d'Ottawa, ATILF/CNRS et Université de Lorraine, dernière révision en décembre 2014. URL: <http://www.atilf.fr/dect> (дата обращения: 16.12.2017).
7. Становая Л.А. Введение в скриптологию : учеб. пособие к спецкурсу по истории французского языка. СПб. : Златоуст, 1996. 95 с.
8. Лаврентьев А.М. Базы данных и корпусы текстов средневекового французского языка: подходы, проекты, технологии // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних рукописей к электронным текстам : материалы междунар. науч. конф. (Ижевск, 13–17 июля 2006 г.) / отв. ред. В.А. Баранов. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2006. С. 104–107.
9. BFM–GRAAL – Queste del saint Graal, édité par Ch. Marchello-Nizia et A. Lavrentiev. Lyon : Equipe BFM, 2013. Publié en ligne par la Base de français médiéval, Dernière révision le 2015–12–19. URL: http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm (дата обращения: 16.12.2017).
10. Manuel de TXM Version 0.7. Lyon : ENS de Lyon, 2014. 166 p.
11. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. : РОССПЭН, 2002. 352 с.
12. Ракитянская Е.В. Опыт лингвистической реконструкции женской коммуникативной личности XVI–XVII вв. (на материале произведений В. Шекспира) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : ИГЛУ, 2007. 22 с.
13. Игнатова Т.Г. Куртуазная любовь как семиотический феномен средневековой культуры // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 241–244.
14. Виноградова М.В., Викулова Л.Г. Статус рыцарства в средневековой Франции: социолингвистический аспект // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 7. URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3544> (дата обращения: 16.12.2017).

15. Тропина Т.Н. Символизация цвета в культуре Средневековья // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Образование. Наука. Культура» (21 ноября 2014 г.): сб. науч. ст. / под общ. ред. Б.В. Илькевича ; отв. ред. Н.В. Соловьева. Гжель : ГГХПИ, 2015. С. 784–788.
16. Элиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. Т. 3: От Магомета до Реформации / пер. с фр. М. : Критерий, 2002. 352 с.
17. Манухина О.А. Вербализация представлений о сакральном в документах первого крестового похода // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы : материалы XVIII Междунар. конф. Школы-Семинара имени Л.М. Скрябиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.); отв. ред. Л.Г. Викулова. М. : МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 176–181.
18. Игнатъева Т.Г. Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте. Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 184 с.
19. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта: Наука, 2010. 808 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 июня 2018 г.

MEANS OF AXIOLOGICAL POSITIONING OF MASCULINITY IN MEDIEVAL LITERARY DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF DECT AND BFM-GRAAL CORPUSES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 14–23.

DOI: 10.17223/15617793/432/2

Valeriya A. Rayskina, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: rayskinav@mail.ru

Keywords: diachronic text corpus; axiological approach; linguistic reconstruction; computer analysis method; content analysis; masculinity; value representation.

The article is devoted to the axiological language portraying of the knight in literary discourse of the 11th–13th centuries in order to reconstruct the image of a medieval man. The gender category of masculinity is essential in the Middle Ages androcentric culture. Masculinity refers to a complex of socio-psychological components: samples of behavior, psycho-emotional traits and social status, which are determined by the basis of gender peculiar to man. The corpus linguistics methods are applied on the material of two francophone diachronic corpuses. The first one is the Electronic Dictionary of Chrétien de Troyes, or DECT (*Dictionnaire Electronique de Chrétien de Troyes*), which consists of five novels of the Old French author. The second one is the Base of the medieval French, or BFM-GRAAL (*Base du Français Médiéval*), containing a 13th-century anonymous novel *Queste del Saint Graal*. Together the two corpuses contain more than 330 000 language units. In addition to the representative volume, both corpuses have a morphosyntactic markup and automatic search tools. These analytical capabilities allow identifying and classifying the axiological language representation of masculinity in medieval writings. The masculine identity is analyzed by the example of the knight (*chevalier*) – a member of the elite military class who represents the reference personality with basic social and cultural values of that age. The linguistic reconstruction of the knight image allows reproducing the medieval mentality in terms of ideological, ethical-value and social representations. In the practical part of the article, a step-by-step computer analysis algorithm for each corpus is presented. As a result of DECT analysis, the key axiological characteristics used in the knight portrait are revealed: generalized ameliotory, positive military, moral, social-courteous, external and pejorative traits. The simulated value hierarchy demonstrates that the most important components of the masculine identity are ameliotory, physical, social-courteous and military traits; pejorative characteristics are the least common. It is shown that the medieval artistic text has an instructive function, as the reader perceives the knight as an anthropologic archetype who personifies some virtues. The results of the BFM-GRAAL corpus analysis are a three-part model of the knight masculine identity. It includes the following components: the ideal of a master – a member of the upper feudal class, the ideal of a Christian – a clergyman, and the ideal of a vassal – a warrior loyal to his lord. At the same time, in this corpus, ameliotory socio-moral and spiritual values seem more revealing than military ones. As a result, the article demonstrates the knight-Christian standard. The collective positive masculine identity contains a symbolic objectification of virtues and sins. Masculine identity is based on the fundamental opposition “good / bad”, which allows to realize the moralizing goals and to spread the courteous Christian worldview.

REFERENCES

1. Zakovorotnaya, M.V. (1999) *Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty* [Identity of a person. Socio-philosophical aspects]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vyssh. shk.
2. Gurevich, A.Ya. (ed.) (2003) *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN.
3. Vikulova, L.G. (2013) Development of Script Institution in Medieval France: Socio-Cultural and Communicative Aspects. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke – The Humanities And Social Studies in the Far East*. 1 (37). pp. 11–17.
4. Mikhaylova, S.V. (2012) *Femininnaya identichnost' i sposoby ee ob'ektivatsii v khudozhestvennom diskurse XVII veka* [Feminine identity and ways of its objectification in the artistic discourse of the 17th century]. Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
5. Grinev, S.V. (2015) [History of man through the prism of the history of the language]. *Chelovek. Yazyk. Vremya* [Man. Language. Time]. Proceedings of the XVII Conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 118–122. (In Russian).
6. LFA/University of Ottawa, ATILF/CNRS & University of Lorraine. (eds) (2014) *DECT – Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes* [DECT – Electronic Dictionary of Chrétien de Troyes]. [Online] Available from: <http://www.atilf.fr/dect>. (Accessed: 16.12.2017).
7. Stanovaya, L.A. (1996) *Vvedenie v skriptologiyu* [Introduction to Scriptology]. St. Petersburg: Zlatoust.
8. Lavrent'ev, A.M. (2006) [Databases and corpuses of texts of medieval French language: approaches, projects, technologies]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i pis'mennoe nasledie: ot drevnikh rukopisey k elektronnyim tekstam* [Modern information technologies and written heritage: from ancient manuscripts to electronic texts]. Proceedings of the international conference. Izhevsk. 13–17 July 2006. Izhevsk: Izhevsk State Technical University. pp. 104–107. (In Russian).
9. Marchello-Nizia, Ch. & Lavrentiev, A. (eds) (2015) *BFM-GRAAL – Queste del saint Graal* [BFM—GRAAL. Quest of the saint Graal]. [Online] Available from: http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm. (Accessed: 16.12.2017).
10. ENS de Lyon. (2014) *Manuel de TXM Version 0.7* [Manual of TXM Version 0.7]. Lyon: ENS de Lyon.
11. Repina, L.P. (2002) *Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropeyskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya* [Women and men in history: A new picture of the European past. Essays. Anthology]. Moscow: ROSSPEN.
12. Rakityanskaya, E.V. (2007) *Opyt lingvisticheskoy rekonstruktsii zhenskoy kommunikativnoy lichnosti XVI–XVII vv. (na materiale proizvedeniy V. Shkspira)* [Experience of the linguistic reconstruction of the female communicative person of the 16th–17th centuries (on the material of the works of W. Shakespeare)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.
13. Ignat'eva, T.G. (2012) Courteous Love as Semiotic Phenomenon of Medieval Culture. *Vestnik Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of KSPU*. 3. pp. 241–244. (In Russian).

14. Vinogradova, M.V. & Vikulova, L.G. (2013) The status of knights of medieval France: sociolinguistic aspect. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. [Online] Available from: <http://human.snauka.ru/2013/07/3544>. (Accessed: 16.12.2017). (In Russian).
15. Tropina, T.N. (2015) [Symbolization of color in the culture of the Middle Ages]. *Obrazovanie. Nauka. Kul'tura* [Education. Science. Culture]. Proceedings of the VI international conference. 21 November 2014. Gzhel: GGKhPI. pp. 784–788. (In Russian).
16. Eliade, M. (2002) *Istoriya very i religioznykh idey: v 3 t.* [History of faith and religious ideas: in 3 vols]. Vol. 3. Translated from French by N.B. Abalakova et al. Moscow: Kriterion.
17. Manukhina, O.A. (2017) [Verbalization of ideas about the sacred in the documents of the first crusade]. *Fundamental'noe i aktual'noe v razvitiy yazyka: kategorii, faktory, mekhanizmy* [The fundamental and the topical in the development of language: categories, factors, mechanisms]. Proceedings of the XVIII international conference. Moscow. 13–16 September 2017. Moscow: Moscow State Pedagogical University; Yazyki Narodov Mira. pp. 176–181. (In Russian).
18. Ignat'eva, T.G. (2013) *Nominatsiya personazhey v starofrantsuzskom khudozhestvennom tekste* [Nomination of characters in the Old French artistic text]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
19. Dubrovina, K.N. (2010) *Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov* [Encyclopaedic dictionary of biblical phraseological units]. Moscow: Flinta: Nauka.

Received: 26 June 2018

Н.А. Тулякова

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ И ЛЕГЕНДА В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖАНРОВ

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (17-01-0012) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Сопоставляются святочный рассказ и легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Цель исследования – определить ядерные признаки двух малых прозаических жанров и характер отношений между ними. Несмотря на то что оба жанра восходят к фольклорной сказочной прозе и обращаются к онтологическим вопросам, хронотоп, композиция, повествовательная система, сюжет данных жанров значительно отличаются, что ведет к построению различных художественных моделей мира.

Ключевые слова: жанр; святочный рассказ; литературная легенда; Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Введение

В русской литературе конца XIX в. наблюдается смещение жанровых приоритетов, когда господство романа сменяется разнообразием малых жанровых форм [1]. Среди этих форм важное место занимают святочный рассказ и легенда, сравнительный анализ которых представлен в настоящей статье. Выбор жанров обусловлен тем, что святочный рассказ и легенда имеют несколько общих черт: сказочный характер повествования, фольклорное происхождение, малый объем, обязательное наличие чуда, выраженная фабула. Метод сравнительного исследования жанров успешно применяется в лингвистике, фольклористике и литературоведении, поскольку определение конститутивных признаков жанра невозможно без учета жанровой системы в целом. Сопоставление жанров святочного рассказа и легенды позволит уточнить представление о конститутивных признаках обоих жанров и сделать вывод о характере отношений между ними.

В последние десятилетия в отечественной науке возрос интерес к жанрам сказочной прозы, связанным с религиозной стороной жизни человека, в том числе к легенде и святочному рассказу. Легенда изучается преимущественно как жанр фольклорный [2; 3. С. 16], в то время как литературная версия легенды практически не изучена. Что касается святочных рассказов, то они занимают значительное место в литературоведении. Подробно освещены вопросы фольклорных истоков литературного жанра, его генезиса, морфологии, принципов циклизации. Тем не менее вопрос об отношении жанра с рядом других малых прозаических жанров русской литературы рубежа веков, времени расцвета святочного рассказа, остается вне поля зрения исследователей.

Некоторые писатели конца XIX в. (В.Г. Короленко, Н.С. Лесков) оформляют свои тексты в обоих жанрах, в том числе в циклических формах. В данной статье в качестве материала исследования привлекаются святочные рассказы и легенды с эксплицированным жанровым идентификатором, принадлежащие Д.Н. Мамину-Сибиряку, а именно «Святочные рассказы» и «Легенды». Будут сопоставлены хронотоп, сюжет, повествовательные инстанции, композиция.

Выбранные для анализа святочные рассказы, по мнению исследователей, значительно модифицируют сложившийся канон, но несомненно учитывают читательские жанровые ожидания, в связи с чем необходимо принимать во внимание традицию. Представляется целесообразным кратко обобщить вывод исследователей о святочном рассказе. Жанр литературной легенды до сих пор не получил подробного освещения в исследовательской литературе, отчасти в связи с меньшей распространенностью и менее жестким по сравнению со святочным рассказом канонизацией, поэтому при анализе легенд Мамина-Сибиряка диалог писателя с традицией литературной легенды будет учитываться в меньшей степени.

Сопоставление текстов с разной жанровой номинацией в творчестве Мамина-Сибиряка позволит также уточнить тезис И.А. Дергачева о том, что «при всем разнообразии содержания маминские рассказы восьмидесятых и частично девяностых имеют однородную или близкую художественную структуру» [4. С. 37].

Святочный рассказ в русской литературе конца XIX в.

Исследователями проведен фундаментальный анализ большого количества текстов, относимых к жанру святочного рассказа. Термин «святочный рассказ», введенный в культурный и литературный оборот Н.А. Полевым в 1826 г. [5. С. 5], в дальнейшем модифицировался, и явление, им обозначаемое, получило в литературе вопроса несколько наименований: святочная литература, святочное повествование, праздничная литература, календарная литература [6. С. 1], календарная словесность [5. С. 5].

В XIX в. святочный рассказ считается маргинальным жанром, но на рубеже веков выдвигается в центр литературной жизни [7]. Интерес к святочному рассказу в последней трети XIX в. имеет ряд причин – экономические (дешевизна печати), исторические (ощущение кризиса), культурологические (рост грамотности населения) [6. С. 1]. Массовая тиражируемость образцов жанра позволяет говорить о том, что «во второй половине XIX столетия сложился

определенный канон святочного и близкого к нему пасхального художественного повествования» [6. С. 4], и точно описать его конститутивные признаки.

Прежде всего, к ним относится временная приуроченность действия к Рождеству и шире празднику вообще [7; 8. С. 5], которая имеет фольклорные и карнавальные истоки. В святочном рассказе обращение к сакральному времени позволяет реализовать сюжетную модель движения от хаоса к космосу, преображения человека, выпавшего из «бытового времени». Сюжетная структура святочного рассказа повторяется, так как для нее предсказуема не только модель повествования, но и набор мотивов. «Святочное повествование есть изображение, но и преображение обыденного, привычного, иначе говоря: *быт* в его связях с *бытием* через *события* Библейской истории» [6. С. 15].

Хотя святочный рассказ больше сфокусирован на времени, особенности его хронотопа реализуются и в категории пространства, разделенного на «свое» и «чужое». «В преддверии рождественского временного цикла происходит взаимное приближение, а затем столкновение двух пространств» [9. С. 8–9]. Специфическая ситуация святочного рассказа, празднование Рождества или Пасхи, часто происходит на чужой, неосвященной территории» [6. С. 5], в которую попадает центральный персонаж. Освоение этого пространства совпадает с чудесным преображением человека, которое по преимуществу и изображает святочный рассказ.

Праздничный хронотоп подготавливает читателя к мотиву рождественского чуда, которое является «одним из основных принципов сюжетно-композиционного построения рождественского текста» [9. С. 10]. Весь сюжет святочного рассказа представляет собой комбинацию узнаваемых мотивов (подробнее см.: [5]). Инвариант рассказа описывается М.А. Кучерской следующим образом: «В начале святочного рассказа герой его оказывается перед лицом катастрофы и пребывает в состоянии душевного или материального кризиса. Ситуация преобразуется благодаря внезапному чуду, совсем не обязательно связанному с явлениями мистического порядка. <...> В итоге герой испытывает покой и счастье...» [10. С. 14]. Реализация инварианта зависит во многом от того, как интерпретируется мотив рождественского чуда, который имеет «широкий смысловой диапазон – от трактовки “чуда” как сверхъестественного явления, вызванного вмешательством божественных сил, до сугубо бытового осмысления этого понятия – как обыкновенной жизненной удачи» [5. С. 204].

Необходимость воссоздать атмосферу Рождества и ситуацию рассказывания диктует «двойной характер приуроченности: время действия и время рассказывания» [10. С. 11]. В связи с этим для святочного рассказа характерна рама, которая позволяет реализовать «особое авторское задание (желание автора “вписать” текст в жанровый контекст» [8. С. 5]. Кроме того, для святочного рассказа типичны выраженная повествовательная позиция, «наличие рассказчика, то есть точки зрения, не совпадающей с авторской» [Там же].

Святочный рассказ в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

Прежде, чем выпустить цикл «Святочные рассказы» в 1898 г., Мамин-Сибиряк опубликовал большинство из вошедших в него рассказов в периодике (1886–1897). Примечательно, что практически ни один из текстов изначально не содержал жанрового обозначения «святочный (рождественский, пасхальный) рассказ». Исключениями являются «Отец на Новый год», «Последнее искушение», а также «Нечто о бабьей притче, добром черте и потерянном душевном зеркале: Святочная сказка». Часть текстов в первоначальной редакции включала определение «рассказ» («Старая дудка», «Последний эстетик», «Бабий грех», «Огни»), «предание» («Душа не принимает»). Некоторые тексты не получили жанрового определения («Темные люди», «Последние огоньки», «Страшные дни»). Напротив, многие тексты были озаглавлены как «очерк» («В девятом часу», «Рай красный») или «эскиз» («Седьмая труба», «Душа проснулась»), что противоречит жанровому канону святочного рассказа, описанному в исследовательской литературе.

В то же время писатель не включил в цикл рассказы, которые опубликовал ранее с подзаголовком, типичным для календарной литературы: «святочный рассказ»: «Кум. Святочный рассказ» (1888), «Сочельник. Рождественский рассказ» (1896). Это может указывать на то, что само понятие «святочный рассказ» переосмысливается автором. В данной статье эти рассказы не будут анализироваться, так как демонстрируют иные механизмы смыслообразования, чем в цикле «Святочные рассказы».

Исследователи признают, что святочные рассказы Мамина-Сибиряка значительно отличаются от канона жанра. «Уже в первом святочном рассказе [Искорки] <...> можно отчетливо увидеть удачное сочетание традиций данного жанра и новаторства Мамина-Сибиряка, особенности его реалистической манеры письма» [11. С. 183]. Хотя жанровый образец маминского варианта жанра не получил подробного описания и большинство исследователей фактически отказывают святочным рассказам Мамина-Сибиряка в жанровом единстве [11. С. 201; 12. С. 92], анализ хронотопа, сюжета, повествовательных инстанций свидетельствует об обратном. Рассмотрим черты, повторяющиеся в рассказах.

Художественное время, в каноническом святочном рассказе привязанное к периоду Рождества и святок, в святочных рассказах Мамина-Сибиряка трансформируется. Лишь в одном рассказе («Отец на Новый год») действие происходит в рождественский сезон. Время ожидания Рождества сменяется у Мамина-Сибиряка временем ожидания святого праздника Пасхи («Душа проснулась», «Рай красный»), праздника семейного (именины атамана в рассказе «Бабий грех») или какого-либо важного события (приезд внуки Маремьяны Ефимовны в рассказе «В девятом часу», дочери генерала Петлицына в «Последнем эстетике», появление поезда в «Огнях»), которое может произойти в любое время года.

Ожидание имеет два плана – реальный и символический, так как в текстах актуализируется связь меж-

ду ожидаемым событием и каким-либо библейским эпизодом (аллюзии на притчу о рабочих, нанятых в девятом часу, на притчу о блудном сыне, на Откровение Иоанна Богослова). Иногда ситуация совмещает ожидание праздника и человека, без которого этот праздник не полон: так старец Паисий ожидает возвращения келаря Агафона на Пасху («Рай красный»). В рассказе «Страшные дни» Герасим ждет, когда с его глаз снимут повязку после операции: ожидание света совпадает с ожиданием Пасхи, и свет приобретает символическое значение.

В плане художественного пространства Мамин-Сибиряк задействует закрытое пространство, в котором находится протагонист, ожидая праздника и прибытия человека извне. Хотя это противопоставленное всему миру пространство представляется идеальным [13. С. 127], центрального персонажа тяготит изоляция. Различные обстоятельства препятствуют выходу персонажа из закрытого пространства и ограничивают его общение с внешним миром. Это может быть физическая изолированность: так, скит в рассказе «Рай красный» практически не доступен для внешнего мира. Главные герои могут быть стары или больны («В девятом часу», «Бабий грех»). Герасим в «Страшных днях» слеп, с одной стороны, с другой – замнут и нетерпим, что не позволяет ему общаться с внешним миром. Праздник ощущается не только как единение с Богом, но и как возможность общения с людьми, которая и воспринимается как «рождественское» чудо.

Как и Рождество, праздник обычно носит циклический, календарный характер. Тем не менее писатель фиксирует именно последний «праздник» в цепочке, так как за ним часто следует истинное «рождественское» чудо – смерть протагониста, которая предстает не как страшная, но как благодатная [9. С. 11]. Иногда предсказуемость события обусловлена наличием аналога в Библии. «Мамин-Сибиряк трансформирует этнографический материал таким образом, что из воплощенной экзотики он становится источником фактов, подтверждающих ключевые для рождественской литературы евангельские постулаты» [12. С. 92]. Таким образом, текст в цикле Мамин-Сибиряка позиционируется как рождественский, в том числе за счет связей с Новым Заветом.

В связи с повторяемостью хронотопа и предопределенностью событий святочный рассказ Мамин-Сибиряка в целом лишен конфликта и строится как столкновение точек зрения, не имеющее фабульного значения. Повествовательная структура святочных рассказов такова, что выбирается точка зрения персонажа, восприятие которого отличается от общепринятого. Эта позиция доминирует и доносится до сведения остальных персонажей, что позволяет автору достичь эффекта остранения. Тем не менее эта точка зрения соседствует с противоположными, которые не осуждаются повествователем, а имеют право на существование. Это, например, очевидно из диалога молодого рабочего и скитского старца:

« – Кому куда надо – тот туда и торопится, дедка. У всякого свои дела, и притом дешевле... »

– Так... а прежде-то не было своих дел у каждого? <...> Сегодня вот на чугунке поехали, а завтра уж

и она лихой покажется. А делов-то еще больше накопится... Огонь запрягли в колесницу. Еще-то что останется? Внутренний огонь пожирает каждого – вот все и торопятся... » [14. С. 126].

Представляется, что сюжет святочного рассказа Мамин-Сибиряка организован вокруг преодоления костности восприятия, продиктованной культурными, религиозными, национальными принципами. Сочетая в одном цикле рассказы, построенные вокруг разных ценностных систем, «Мамин-Сибиряк позволяет понять канонизированное православие и старообрядчество как альтернативные формы традиционной русской духовности. В старообрядчестве больше организованности и выше уровень требований к человеку, но больше замкнутости, в православии – открытости, доброты и милосердия» [15. С. 345]. Ни одна система не совершенна и не полна в изоляции от других. Персонажи рассказов каким-то образом расширяют свое представление о мире, открывают глаза, как Герасим после операции. Иногда подобное прозрение может быть достаточно горьким: в «Старой дудке» Антон Иванович до последнего не понимает устремлений своей внучки, мечтающей о карьере в театре, и последним узнает, что она убежала из дому. Прежде уверенный, что знает все, после ее побега он находится в смятении: «Как странно устроена человеческая жизнь, господи... Да, могу сказать это по своему опыту. Рассчитываешь, стараешься, обдумываешь, хитришь, а выходит наоборот. <...> Может быть, и в самом деле из ума выжил. Не понимаю, решительно ничего не понимаю, точно как будто во сне» [14. С. 185].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все рассказы могут быть прочитаны в едином ключе, получив общий жанровый знаменатель. Морфология сюжета святочного рассказа Мамин-Сибиряка может быть представлена как ожидание важного события и его свершение. Эта схема типична и для традиционной рождественской прозы, но приобретает в цикле «Святочные рассказы» иное наполнение. Если рассматривать рассказы в таком ключе, то станет очевидно, почему в цикл были включены такие рассказы, как «В девятом часу» и «Последний эстетик», имеющие, по мнению исследователей, ярко выраженное очерковое начало. Подобное изменение жанра произведения в составе цикла подтверждает идею о том, что «в составе цикла произведения зачастую обретают иной смысл, иной статус, в том числе и в отношении поэтики» [16. С. 6]. Это, вероятно, обусловлено тем, что «жанр есть последнее целое высказывания, не являющееся частью большего целого. Жанр, становящийся элементом другого жанра, в этом своем качестве уже не является жанром» [17. С. 40].

Легенда в русской литературе конца XIX в.

Ю.Г. Фатеева справедливо отмечает, что «если святочные и пасхальные рассказы уже достаточно хорошо изучены в отечественном литературоведении, то жанр легенды, за небольшим исключением, до сих пор остается вне поля зрения исследователей» [18. С. 4]. Русская литературная легенда, представленная в конце XIX в. в творчестве Н.С. Лескова, Л.Н. Толсто-

го, В.Г. Короленко и других писателей, становится объектом анализа всего нескольких исследователей [4, 7, 18, 19].

На рубеже веков литературная легенда смещается с жанровой периферии в центр. Анализируя жанровую систему конца XIX в., И.А. Дергачев приходит к выводу о том, что легенда перестает быть маргинальным жанром. Восстанавливая контекст творчества Мамина-Сибиряка, исследователь предлагает следующее объяснение популярности легенды в конце XIX в.: легенда с ее узнаваемым претекстом и экзотическим хронотопом позволяла писателям «отвернуть» читателя от знакомой действительности и обратиться к вечным общечеловеческим вопросам: «Почти все крупные художники в восьмидесятые годы обратились к притчам, сказаниям, легендам, где как бы обнажились ряды философских смыслов, стоящих за бытом, за историческими формами отношений между людьми, за фактами, которые уже привлекали поэтическое сознание представителей других цивилизаций» [4. С. 210–211].

По словам А.А. Горелова, «литературная легенда переживает эпоху расцвета за счет своего сближения с конкретными народными произведениями, за счет широкого уподобления их стилистике, за счет оглядки на типовой канон устнопоэтического жанра и его литературной модификации» [19. С. 270]. Канон фольклорного жанра, который упоминает Горелов, достаточно подробно описан в фольклористике. Отечественные фольклористы выделяют следующие конститутивные черты фольклорной легенды: несказочность; чудо, воспринимаемое как достоверное явление; локальная привязанность; особая временная отнесенность к настоящему, прошлому и будущему [20, 21].

Практически все эти признаки наследуются легендой литературной. Горелов выделяет несколько черт, характерных собственно для литературной легенды, лаконично формулируя суть жанра: «Чудесные элементы могут быть размыты, чудесное заслонено реалистическими мотивировками событий и реалистически насыщенным аксессуарно-вещественным рядом. Необыкновенное может быть заменено исключительным, а в сфере психологии – экзотическим. Но если герой необыкновенен, а в кульминации присутствует чудо, перед нами – несомненно легенда, хотя бы и реалистически трактованная» [19. С. 272]. Определяющим для жанра признаком является присутствие «чудесного» элемента, который может принимать разные формы. Фатеева, исследуя жанр легенды в творчестве реалистов и неореалистов, обнаруживает, что «при всем стилизовом разнообразии и различии творческих методов жанр легенды на рубеже веков и в первые десятилетия XX века сохранил практически все свои структурно-поэтические признаки...» [18. С. 10].

Таким образом, для литературной легенды конца XIX в. характерен удаленный к периферии хронотоп, обращение к философско-онтологическим вопросам, чудесное событие в качестве кульминации.

Легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

В цикл «Легенды», как и в цикл «Святочные рассказы», вошли тексты, опубликованные ранее, однако

большинство их изначально имели определение «легенда» («Майя», «Слезы царицы», «Лебедь Ханты-Гая») или родственное определение «сказание» («Сказание о сибирском хане, старом Кучуме») или «сказка» («Баймаган: киргизская сказка» (в данном случае «сказка» синонимична скорее «рассказу», чем повествованию о волшебных событиях)). Таким образом, тексты легенд, по сравнению с текстами святочных рассказов, характеризуются большей жанровой однородностью и, по мнению исследователей, создавались именно как цикл [22. С. 27].

В то время как святочный рассказ организован вокруг столкновения точек зрения, легенда Мамина-Сибиряка построена на внутреннем конфликте, на борьбе темного и светлого начал в душе человека. Грехи человека также воплощаются во внешних образах – второстепенных персонажах, советчиках, которые явно осуждаются повествователем. Об этом свидетельствуют и их имена, и внешность, и прямая оценка, даваемая их действиям.

В фабульном отношении легенда также противоположна святочному рассказу. В легендах Мамина-Сибиряка изображена ситуация, отличная от ситуации ожидания в святочных рассказах, так как протагонист помещается в исключительное, экзистенциальное состояние страха, вызванного в большинстве легенд преступлением или аморальным поступком. Таковы решение Баймагана непременно жениться на Гольдзейн, согласие на убийство Узун-хана его женой Кара-Нингиль, бойня в городе Гунхой, дозволенная ханом Сарымбетом. В легенде «Лебедь Хантыгая» подобного поступка нет, но герой – певец Бай-Сугды – испытывает метафизический страх смерти. В «Сказании о сибирском хане» изображается война, которая требует от персонажей немедленного принятия решений, выбора, концентрации всех сил.

За этим сюжетным центром следует некоторый промежуток времени, за который герой преобразается под влиянием первого события. Баймаган становится жадным, ленивым, сластолюбивым; Кара-Нингиль – гордой и неприступной, уверенной в собственной исключительности, но терзаемой страхом, что ее преступление будет раскрыто. Хан Сарымбет, напротив, потрясенный зрелищем резни в городе врага, щадит Майю и проникается к ней глубоким чувством, которое преобразует его. Бай-Сугды странствует в поисках истины и ответа на свои вопросы.

В каждой легенде есть второе ключевое событие, которое влечет за собой мгновенное преобразование центрального персонажа и осознание истины. Так, Баймаган просыпается от страшного сна, в котором убивает Хайбибулу. Прежде думавший только о себе, он осознает «то великое зло, которое сидит в каждом человеке и обманывает всех» [14. С. 207]. Смерть Майи заставляет хана Сарымбета оставить дворец и поселиться на берегу озера, так как единственная ценность в жизни – любовь. Кара-Нингиль дает свободу единственному оставшемуся в живых сыну Узун-Хана и, преследуемая им, скрывается в Голодной степи. Страдая, она понимает, насколько бессмысленна была ее жизнь: «Это были последние слезы Кара-Нингиль... О, сколько ненужного зла кругом,

сколькo ужасной несправедливости!» [14. С. 240]. Осознание этой истины ведет к снятию проклятия: если раньше при появлении царицы умирали цветы, то теперь цветы вырастают из ее слез. Бай-Сугды, искавший истину, узнает, что «смерть – это когда ты думаешь только об одном себе, и ее нет, когда ты думаешь о других» [Там же. С. 218]. Для персонажа эта ситуация, определяющая его дальнейшую судьбу, принципиально неповторяема и в этом смысле противопоставлена календарному и праздничному времени святочного рассказа.

Чудесное, заявленное Гореловым как обязательный элемент литературной легенды, выражено на сюжетном уровне (цветы, умирающие при появлении Кара-Нингиль, колдуны, приключения Бай-Сугды). Традиционная композиция легенды такова: порядок – нарушение порядка – экзистенциальный страх – трансформация персонажа. Кроме того, события легенды оставляют своеобразный чудесный след: на месте гибели Кара-Нингиль растут необычные цветы, народ до сих пор поет песни Бай-Сугды, никакие войны не разрушают могилы Майи и Сарымбета: «Все проходит, разрушается, исчезает, а остается одна любовь...» [Там же. С. 199]. В «Сказании о сибирском хане» этот след принимает наиболее поэтическую форму: «Жив старый хан Кучум и сейчас, он бродит по степи с невидимым войском. Где он прошел – там лежит трава, сорванная ханшю Долангэ. Один он остался, потому что один не изменил своей матери-степи и искал честной смерти в открытом бою с врагом. Вот почему, где будет в степи стоять кош и где будет куриться живой огонек, там будет петься и слава старому хану Кучуму, красавице-ханше Сайхан-Долангэ и грозным Кучумовичам!» [Там же. С. 266].

В то время как действие святочного рассказа разворачивается в своем, домашнем, хотя и изолированном от внешнего мира пространстве, художественное пространство легенды дихотомично и построено на оппозиции одинокого жилища и внешнего мира, опасного и тревожного. Так, в «Баймагане» действие происходит в степи, где виднеются несколько одиноких кошей; в «Лебеде Хантыгая» Бай-Сугды покидает обустроенный дом, чтобы странствовать по свету, сталкиваясь с различными локусами и культурами. «Слезы царицы» многократно подчеркивают разницу между жилищем, построенным человеком, и недружелюбной природой, в которой человек вынужден спасаться от преследования себе подобных. Центральный персонаж легенды вынужденно покидает ограниченное пространства и попадает в чужой мир, что заставляет его задуматься об извечных вопросах и начать поиски истины.

Кроме того, домашний христианский хронотоп, призванный в святочных рассказах помочь читателю идентифицировать себя с героем, сменяется нарочито экзотическим хронотопом, в который читатель даже мысленно не может поместить себя. Во-первых, действие отделено от читателя временными рамками – большинство легенд отнесено в далекое прошлое. Во-вторых, слишком велика географическая дистанция между европейским или европеизированным читателем и зауральскими территориями. В-третьих, Мамин-Сибиряк выбирает религию и культуру, чуждые

основной массе его читателей, и подчеркивает их «странные» черты: многоженство, неравные в возрастном отношении браки, жестокость по отношению к врагу, сильное родовое начало [23. С. 67].

В отличие от святочного рассказа Мамин-Сибиряка, где представлены разные точки зрения, в легендах все персонажи разделяют единую систему ценностей, но одни нарушают ее, а другие следуют ей. В соответствии с позицией, выбранной персонажами, они четко разделяются на протагонистов и антагонистов. Так, Майя, Макен, Джучи-Катэм – безусловно положительные персонажи, лишённые эгоизма и готовые на все ради счастья другого. Узун-Хан, Хайбибула, Кугэй – бессердечные, жестокие, жадные, не гнушающиеся ничем, чтобы достичь своей выгоды. Позиция повествователя предельно эксплицирована, и читатель не сомневается, кому он сочувствует. Центральный персонаж, в начале каждой легенды находящийся на распутье, постигает истину не индивидуальную, а общую для всех представителей рода, что подчеркивается ее непереносимой вербальной передачей от одного персонажа к другому.

Таким образом, ядерные признаки легенды Мамин-Сибиряка – экзотическое место действия, критическое время, путь центрального персонажа к истине как основа сюжета, единство точки зрения – демонстрируют принципиальные отличия от жанра святочного рассказа.

Заключение

Святочный рассказ и легенда Мамин-Сибиряка имеют ряд общих черт. Прежде всего, эти малые прозаические формы противопоставлены бытописательным жанрам, таким, как очерк, путевая заметка, эскиз. Их целью является не изображение реальной жизни, а миромоделирование. Повторение определенной фабульной ситуации во всех текстах циклов позволяет говорить о системности автора в отношении к жанру. Оба жанра – и легенда и святочный рассказ – апеллируют к онтологическим категориям. По мнению Ю.Г. Фатеевой, это свойственно малым жанрам вообще, так как они позволяют «в лаконичной и в высшей степени емкой структуре <...> исследовать нравственные проблемы философски углубленно» [24. С. 254]. Однако в легенде Мамин не «переносит акцент» [12. С. 92] на мировоззренческие проблемы, как он делает это в святочном рассказе, а открыто выводит повествование в план философского осмысления жизни.

Различия между жанрами более многочисленны. На сюжетном уровне святочный рассказ строится вокруг ситуации ожидания события, которое чаще всего позволяет протагонисту избавиться от одиночества. Персонажи преодолевают определенный стереотип восприятия, понимая, что изоляция – не всегда благо, и в большинстве случаев становятся счастливей. В легенде персонажи не стремятся выйти из привычного им окружения, но выводятся из него силой чрезвычайных обстоятельств и потрясений. В результате происходит не единение с миром, как в святочном рассказе, а постижение важных онтологических истин. Герой становится не счастливее, но мудрее.

Хронотоп святочного рассказа Мамина-Сибиряка связан с изолированным, но одомашненным, привычным пространством дома или скита, в котором персонаж ожидает праздника, повторяющегося каждый год. В легенде действие разворачивается в экзотическом пространстве и отнесено в далекое прошлое, для которого календарная и праздничная цикличность не имеет значения: описываемое событие меняет жизнь персонажа раз и навсегда, но фиксируется в памяти потомков благодаря своему «отпечатку» на местности.

Можно сделать вывод о том, что легенда и рассказ являются независимыми друг от друга жанровыми образованиями, пришедшими в литературу различными путями и по-разному отвечающими на онтологические вопросы и выстраивающими художественную модель мира.

Что касается жанрового единообразия творчества Мамина-Сибиряка, о котором говорят многие исследователи, то этот вопрос нуждается в уточнении. Исследователи усматривают, например, в святочных рассказах Мамина-Сибиряка образцы других жанров,

но не приходят к единому мнению по поводу их жанровой доминанты. Так, А.В. Мельниченко делает вывод о том, что «Д.Н. Мамин-Сибиряк в 1880-е гг. вырабатывает свободную форму жанровой организации с очерковой доминантой в основе» [25. С. 32]. С.Ф. Дмитренко же настаивает на том, что в святочных рассказах доминирует новеллистическое начало [12. С. 93]. Сопоставительный анализ показывает, что и святочный рассказ, и легенда имеют другие жанровые доминанты.

Таким образом, сопоставительный анализ жанров святочного рассказа и легенды в жанровой системе Мамина-Сибиряка позволяет установить, что демаркационная линия между святочным рассказом и легендой достаточно очевидна. Кроме того, проведенный анализ поможет впоследствии определить статус такого пограничного жанрового образования, как «святочная легенда», которое встречается, например, в творчестве Г.П. Данилевского («Святочная легенда. Бес», 1882) и А.В. Амфитеатрова («Virtus Antiqua: Святочная легенда», 1898).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX–XX века (проблематика и поэтика жанра). Л. : Наука, 1979. 208 с.
2. Шеваренкова Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 190 с.
3. Липатова А.П. Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 312 с.
4. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 221 с.
5. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
6. Третьякова О.Г. Стилевые традиции святочного и пасхального жанра в русской прозе рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
7. Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Волгоград : Перемена, 2000. 232 с.
8. Зенкевич С.И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
9. Самсонова Н.В. Рождественский текст и его художественная антропология в русской литературе XIX – первой трети XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 18 с.
10. Кучерская М.А. Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 21 с.
11. Миночкина Л.В. «Святочные рассказы»: трансформация жанровой формы // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения: к 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. С. 181–201.
12. Дмитренко С.Ф. Художественное своеобразие святочных рассказов Д.Н. Мамина-Сибиряка: канон жанровой формы и возможности его преобразования // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.В. Подчинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 91–93.
13. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. Петроград : Изд-во Т-ва А.Ф. Маркс, 1917. Т. 12. 548 с.
14. Щенникова Л.П. Специфика святочного рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка // Пушкинские чтения – 2007 : материалы XII Международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. С. 125–129.
15. Слобожанинова Л.М. Православные мотивы в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литературный музей в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2011. С. 340–345.
16. Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 190 с.
17. Бахтин М.М. «Слово о полку Игореве» в истории эпоса // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 39–41.
18. Фатеева Ю.Г. Жанр легенды в русской литературе рубежа XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 186 с.
19. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 294 с.
20. Чистов К.В. Русская народная утопия: (Генезис и функции социал.-утоп. легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.
21. Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М. : Наука, 1965. С. 5–25.
22. Приказчикова Е.Е. Мифологическая символика «Восточных легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка и ее связь с проблематикой цикла // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 26–36.
23. Tuliakova N., Kuznetsova E. Eastern Tales for Western Readers: A Combination of Traditions within D. Mamin-Sibiriyak's Legends // *Anafora*. 2016. Vol. 3 (1). P. 61–74.
24. Фатеева Ю.Г. Сон-прозрение Баймагана в легенде Д.Н. Мамина-Сибиряка «Баймаган» // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре : материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. А.М. Буланов. Волгоград : Перемена, 2004. Ч. 1. С. 254–257.
25. Мельникова А.В. Жанровое своеобразие малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // Движение времени и законы жанра : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург : УГПУ, 2014. С. 28–33.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2018 г.

CHRISTMAS TALES AND LEGENDS BY D.N. MAMIN-SIBIRYAK: A COMPARATIVE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 24–31.

DOI: 10.17223/15617793/432/3

Natalia A. Tuliakova, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n_tuljakova@mail.ru

Keywords: genre; Christmas tale; literary legend; D.N. Mamin-Sibiryak.

The present paper endeavors to compare the genres of the Christmas tale and the literary legend in Russian literature of the fin de siècle. The aim of the research is to establish their nuclear features and ascertain the type of relations between them. The choice of the genres is accounted for by the shift of the genres from the margins to the centre of the generic system, which they experienced at the end of the 19th century, and the lack of research on their relations. The analysis is conducted on the material of two cycles by D.N. Mamin-Sibiryak – *Christmas Tales* (1898) and *Legends* (1898), which are also compared to the genre canon as described in academic literature. The features which are under consideration comprise the setting, the plot, the composition and the narrative system. Mamin-Sibiryak's Christmas tale significantly transforms the genre canon established in the literature of the period. The writer substitutes Christmastide with the time of expecting a holiday, festival or some important event, emphasizing its cyclic and recurrent nature through allusions to the Bible. The location is frequently an enclosed space which limits the freedom and communication of the protagonist. The setting determines the composition of the Christmas tale, which is built as an isolated expectation of a holiday or a guest and the protagonist's inclusion into the humankind through the holiday, perceived as a Christmas miracle and a blessing. The Christmas tale involves several points of view upon the same event. The dialogue between these perspectives forms the plot of the tale and results in a new look on the familiar events or phenomena. Mamin-Sibiryak's literary legend deploys an exotic setting, constructed upon the opposition of the domestic and the alien space. The protagonist has to leave the domestic space involuntarily, due to some extraordinary circumstances, which induces him/her to search for the answer to eternal questions. The time in the legend is not cyclic but unique, since the described events play a vital role in the lives of the characters and predetermine their choice. As a result of the trial and the quest, the protagonist realizes a universal truth, typically expressed as a denial of egoistic and individualistic values. The narrative system in the legend is consistent and is built not as a dialogue but as way of assessing the personages' correspondence to the universal set of values. It follows from the comparative analysis that the Christmas tale and the legend in Mamin-Sibiryak's genre system are two distinct and independent genres with different messages conveyed through different sets of constituent features.

REFERENCES

1. Grechnev, V.Ya. (1979) *Russkiy rasskaz kontsa XIX–XX veka (problematika i poetika zhanra)* [Russian short story of the late 19th–20th centuries (problems and poetics of the genre)]. Leningrad: Nauka.
2. Shevarenkova, Yu.M. (2002) *Russkaya ustnaya narodnaya legenda v ee zhanrovyykh raznovidnostyakh* [Russian oral folk legend in its genre varieties]. Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Lipatova, A.P. (2008) *Mestnye legendy: mekhanizmy tekstoobrazovaniya* [Local legends: mechanisms of text formation]. Philology Cand. Diss. Ul'yanovsk.
4. Dergachev, I.A. (1992) *D.N. Mamin-Sibiryak v literaturnom kontekste vtoroy poloviny XIX veka* [D.N. Mamin-Sibiryak in the literary context of the second half of the 19th century]. Ekaterinburg: Ural State University.
5. Dushchikina, E.V. (1995) *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas tale: the formation of the genre]. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University.
6. Tret'yakova, O.G. (2001) *Stilevye traditsii svyatochnogo i paskhal'nogo zhanra v russkoy proze rubezha XIX–XX vekov* [Style traditions of the Christmas and Easter genre in Russian prose of the turn of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Kalenichenko, O.N. (2000) *Sud'by mal'kh zhanrov v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka (svyatochnyy i paskhal'nyy rasskazy, modernistskaya novella)* [The fate of small genres in Russian literature of the late 19th – early 20th centuries (Christmas and Easter tales, modernist novella)]. Volgograd: Peremena.
8. Zenkevich, S.I. (2005) *Zhanr svyatochnogo rasskaza v tvorchestve N.S. Leskova* [Genre of a Christmas tale in the works of N.S. Leskov]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Samsonova, N.V. (1998) *Rozhdestvenskiy tekst i ego khudozhestvennaya antropologiya v russkoy literature XIX – pervoy treti XX vv.* [The Christmas text and its artistic anthropology in Russian literature of the 19th – first third of the 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Kucherskaya, M.A. (1997) *Russkiy svyatochnyy rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni* [Russian Christmas tale and the problem of the canon in the literature of modern times]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Minochikina, L.V. (2013) "Svyatochnye rasskazy": transformatsiya zhanrovoy formy ["Christmas tales": the transformation of the genre form]. In: Zyryanov, O.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie D.N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy izucheniya: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya i 100-letiyu so dnya smerti pisatelya* [The creative heritage of D.N. Mamin-Sibiryak: results and prospects of studying: to the 160th anniversary of the birth and the 100th anniversary of the death of the writer]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
12. Dmitrenko, S.F. (1998) [Artistic originality of Christmas tales of D.N. Mamin-Sibiryak: the canon of the genre form and the possibilities of its transformation]. *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Russian literature: national development and regional features]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 91–93. (In Russian).
13. Mamin-Sibiryak, D.N. (1917) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols]. Vol. 12. Petrograd: Izd-vo T-va A.F. Marks.
14. Shchennikova, L.P. (2007) [Specificity of the Christmas tale of D.N. Mamin-Sibiryak]. *Pushkinskie chteniya – 2007* [Pushkin readings – 2007]. Proceedings of the XII international conference. St. Petersburg: Leningrad State University. pp. 125–129. (In Russian).
15. Slobozhaninova, L.M. (2011) [Orthodox motifs in the works of D.N. Mamin-Sibiryak]. *Literaturnyy muzey v sovremennoy mire* [Literary museum in the modern world]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ob'edinennyy muzey pisateley Urala. pp. 340–345. (In Russian).
16. Bortnikova, A.V. (2016) *Zhanry maloy prozy D.N. Mamina-Sibiryaka 1880-kh gg.: poetika povestvovaniya* [Genres of the small prose of Mamin-Sibiryak of the 1880s: poetics of the narrative]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
17. Bakhtin, M.M. (1997) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 39–41.
18. Fateeva, Yu.G. (2006) *Zhanr legendy v russkoy literature rubezha XIX–XX vekov* [Genre of the legend in Russian literature of the turn of the 20th century]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
19. Gorelov, A.A. (1988) *N.S. Leskov i narodnaya kul'tura* [N.S. Leskov and folk culture]. Leningrad: Nauka.
20. Chistov, K.V. (2003) *Russkaya narodnaya utopiya: (Genezis i funktsii sotsial'-utop. legend)* [Russian folk utopia: (Genesis and functions of social-utopian legends)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

21. Azbelev, S.N. (1965) Otnoshenie predaniya, legendy i skazki k deystvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) [The relation of tales, legends and fairy tales to reality (in terms of demarcation of genres)]. In: Astakhova, A.M., Putilov, B.N. & Sokolova, V.K. (eds) *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'* [Slavic folklore and historical reality]. Moscow: Nauka.
22. Prikazchikova, E.E. (2012) Mythological symbolism of D. Mamin-Sibiryak's "Eastern Legends" and its connection with problems of the series. *Filologicheskiy klass.* 4 (30). pp. 26–36. (In Russian).
23. Tuliakova, N. & Kuznetsova, E. (2016) Eastern Tales for Western Readers: A Combination of Traditions within D. Mamin-Sibiryak's Legends. *Anafora.* 3 (1). pp. 61–74.
24. Fateeva, Yu.G. (2004) [Dream-insight of Baimagan in the legend "Baimagan" by D.N. Mamin-Sibiryak]. *Sootnoshenie ratsional'nogo i emotional'nogo v literature i fol'klore* [The correlation of the rational and the emotional in literature and folklore]. Proceedings of the international conference. Pt 1. Volgograd: Peremena. pp. 254–257. (In Russian).
25. Mel'nikova, A.V. (2014) [Genre features of the small prose of D.N. Mamin-Sibiryak in the 1880s]. *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre]. Proceedings of the XVIII all-Russian conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 28–33. (In Russian).

Received: 29 June 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

Н.В. Медведев

ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ-ОГН научного проекта
№16-33-00048, проект «Проблема понимания иных культур:
философско-методологический анализ».*

Рассматривается историко-методологический аспект вопроса о соотношении философии и науки. На основе сравнительного анализа воззрений Платона, Аристотеля, Декарта, Витгенштейна обсуждается специфика философского мышления. Философская деятельность связана с концептуальной природой вещей, формирует целостное синоптическое видение. Выявляя основания человеческого мышления и бытия, философия определяет необходимые условия для систематического (научного) познания мира. Позиция автора строится с опорой на аналитическую традицию философствования.

Ключевые понятия: философский метод; метафизика; наука; синоптическое видение; силлогизм; индукция; истина; интуиция; критика языка.

Введение. Вопрос о взаимоотношениях философии и науки является предметом устойчивого и заинтересованного внимания ученых и философов. С момента возникновения в человеческом обществе данных форм познания связь между ними воспринималась как необходимая и обоюдополезная: наука ориентирована на получение истинного знания о мире, а философия как «дисциплина об основаниях» призвана обеспечить научные поиски надежным эпистемологическим фундаментом, так как наука без помощи философии не способна осмыслить основы своей инновационной деятельности. Задача философии, таким образом, сводится к рациональному обоснованию эффективности и достоверности научных методов, а также к прояснению истинностных условий теоретических высказываний. Науке остается лишь научиться правильно применять философски обоснованные методы. Однако претензии традиционной философии на роль главного арбитра в оценке допустимости применения конкретных методов в научном исследовании так и остались нереализованными.

Сегодня, к сожалению, наблюдается серьезное ослабление подлинного взаимодействия между философами, естествоиспытателями и математиками, что «привело к огромной потере значимости философских исследований» [1. С. 4]. Сложившаяся кризисная ситуация в отношениях философии и науки стала следствием затянувшегося с начала XX в. спора о том, можно ли идентифицировать философию как науку, принимая во внимание тот очевидный факт, что философия в своем историческом развитии не демонстрирует того прогресса, который характерен для частных наук. В равной мере подробному обсуждению подвергся вопрос о том, обусловлен ли прогресс естественных наук применением строгого «научного метода». Несмотря на значительные успехи в области философской методологии, проблема оправдания специфического философского метода познания по-прежнему остается актуальной. Если одна группа специалистов настаивает на отсутствии у философии собственного метода познания, поскольку «философы

столь же свободны в использовании любого метода поиска истины, как и все другие люди» [2. С. 14], то другая группа, напротив, убеждена в существовании философского метода, отличного от методов математиков и ученых-естествоиспытателей [3. С. 6]. Фиксируя неоднозначный характер полученных результатов в обсуждении данного вопроса, Е.А. Антонов приходит к выводу, что философский метод до сих пор не осмыслен как «специфическая гносеологическая реальность» [4. С. 13].

Цель представленной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть проблему взаимоотношения философии и науки с историко-методологической точки зрения. Действительно ли философия совершает познавательное-результативное действие только тогда, когда она искусно подражает естественным наукам и математике? Если так, то философия должна признать свою гносеологическую незрелость и/или неполноценность и в конечном итоге превосходство над ней естественных наук и математики. Тогда постоянные попытки «философии» оправдать свое существование перед лицом «наук» [5. С. 193] выглядят вполне правомерными. Или все же нам следует признать, что философия, погруженная в стихию мысли, располагает собственными инструментами познания?

Основной тезис статьи сводится к утверждению о наличии у философии специфического метода исследования. Обоснование данного тезиса поможет уяснить природу взаимоотношений философии и науки. Сформулированная здесь проблема решается способами историко-философской реконструкции и сравнительного анализа воззрений выдающихся мыслителей – Платона, Аристотеля, Декарта, Витгенштейна, – предложивших грандиозные проекты обоснования философской деятельности. Намеченный замысел исследования, направленный на выведение позитивных выводов о существовании философского способа освоения мира и необходимости тесного взаимодействия философии и науки, реализуется в духе аналитической традиции философствования. Задача выявления специфики философского рассуждения как метода принадле-

жит области «метафилософии» [6. С. 22]. В работе под «философским методом» подразумевается специфический способ рассуждений, направленный на решение определенных познавательных задач.

Философия как синоптическое видение. Современный британский философ Альфред Уайтхед при установлении специфики философского метода применил понятие *синоптическое видение* [7. С. 276], подразумевая под ним «обобщение». «В этом нашем описании философского метода, — пишет он, — термин «философское обобщение» означал «использование определенных понятий, применяемых к ограниченной группе фактов, для предсказания (divination) родовых понятий, применяемых ко все фактам» [Там же]. Подобный взгляд на природу философского рассуждения встречается в текстах Платона. Данное обстоятельство мотивирует нас уделить пристальное внимание тем доводам, которые приводит греческий мыслитель для обоснования своей концепции философии.

Отношение к интеллектуальному творчеству Платона характеризуется двойственностью. С одной стороны, исследователи часто одобрительно цитируют меткое высказывание Уайтхеда о том, что европейская философская традиция «представляет собой серию примечаний к Платону» [8. С. 32], подчеркивая тем самым непреходящее значение платоновских идей. С другой стороны, в дискурсивных практиках современных философов термин «платонизм» нередко употребляется в негативном ключе как обвинение в ущербности или некомпетентности философских теорий [9. Р. 33]. Однако, независимо от оценки наследия Платона, в современной мировой культуре сохраняется общепризнанное определение той формы познавательной деятельности, которую со времен этого мыслителя принято обозначать термином *философия* (*любовь к мудрости*), т.е. как бескорыстное стремление к умопостигаемой истине.

В книге Платона «Государство» во фрагменте, известном как «Аналогия разделенной линии», содержание понятия *философия* проясняется через отношение к другим видам интеллектуальной деятельности — «чистой» математике (геометрии), исследованию зримой области универсума и ремесленному искусству (технэ). Согласно Платону, философия превосходит все другие формы деятельности, поскольку обращена к поискам истинной природы вещей, другим словами, она занимается выявлением онтологической структуры мира [10. С. 292–294]. Подвергнув острой критике программу подготовки политической элиты, предложенную софистами, Платон приводит доводы в поддержку философского образования (пайдейя), принимая это в качестве необходимого условия реализации намеченной цели. Но он мало дает пояснений относительно того, каким образом философам удастся ближе остальных людей приблизиться к постижению сущности действительности и исполнить тем самым свою почетную миссию. Обычно Платон ограничивается замечанием о том, что поиски мудрости (например, изучение нравственных вопросов) происходят на основе применения *ноэзиса* (чистого разума). Вероятно, он воспринимал философию как разновидность *формальной науки*. Неслучайно Аристотель в своей

Метафизике, ссылаясь на Платоновскую академию, выражает недовольство тем обстоятельством, что «математические понятия стали для теперешних философов философией, так как они утверждают, что этим нужно заниматься ради [познания] всего прочего» [11. С. 75]. Очевидно, он имел в виду не только высокий интерес учеников Академии к математике, но и практикуемый ими метод философствования. Иначе говоря, если в изучении идеальных (нематериальных) треугольников, окружностей и т.п. можно успешно применять аксиоматико-дедуктивный метод, то почему следует воздерживаться от его использования при исследовании других нематериальных объектов, таких как «справедливость сама по себе», «красота сама по себе» и т.д.? Можно предположить, что основные онтологические характеристики вещей постигаются нами на основе некоторых самоочевидных принципов, а многочисленные предложения о различных видах бытия выводятся из этих первопринципов непосредственно или опосредованно. Тогда это могло бы сделать метафизику более *геометричной* наукой. Ведь уже Парменид Элейский предложил проект построения дедуктивной метафизики [12. Р. 139–140]. К сожалению (а может быть, к счастью), в случае с Платоном ситуация оказывается более сложной.

В Книге седьмой *Государства* мы находим следующий интригующий пассаж: «Что касается остальных наук, которые, как мы говорили, пытаются постичь хоть что-то из бытия (речь идет о геометрии и тех науках, которые следуют за ней), то им лишь снится бытие, а наяву им невозможно его увидеть, пока они, пользуясь своими предположениями, будут сохранять их незбылемыми и не отдавать себе в них отчета» [10. С. 317]. В противоположность этому диалектика, согласно Платону, есть единственный надежный метод философии, который «придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначально с целью его обосновать» [Там же]. Несомненно, метод диалектики Платона помогает нам разобраться в непротиворечивости описанной им картины мира, где из «слияния идеального и материального возникает гармония» [13. С. 40]. Здесь важно обратить внимание на то, что Платон проводил четкое размежевание между математическим и философским мышлением. Не пробудившиеся от «догматического сна» математики наивно полагают, что их утверждения, принимаемые без всякого доказательства (аксиомы, постулаты, определения и т.п.), адекватно описывают идеальное математическое пространство. Они претенциозно заявляют, что математическая реальность не может быть другой, тогда как философы отдают себе отчет, что их высказывания не выражают главные признаки Бытия. Философы используют свои утверждения только как «рабочие гипотезы», которые в процессе диалектико-спекулятивного анализа либо подтверждаются, либо отбрасываются. Сократическая практика опровержения тезиса путем доказательства ложности вытекающего из него заключения выявляет *прискорбный* факт: в споре по теоретическим вопросам (по сути, нравственным) невозможно сформулировать четкие ответы на вопросы типа «Что есть *x*?».

Судя по отдельным суждениям в *Государстве* и других «зрелых» диалогах Платона, сам греческий мыслитель не расценивал это как «провальный» финал своего амбициозного интеллектуального предприятия. Напротив, это открытие послужило ему своего рода точкой отсчета в последующей дискурсивно-познавательной практике. Философская деятельность, по Платону, является вполне рациональной, несмотря на то, что постигаемая фундаментальная реальность, как самая отдаленная и труднодоступная онтологическая сфера, в некотором смысле оказывается *алогичной*, поскольку она несоизмерима с категориями повседневного языка и формами мышления. Другими словами, основополагающая действительность не детерминируется нашими онтологическими аксиомами и теоремами, так как она не исключает альтернативные способы суждения и интерпретации. Конечно, возможно ограничиться размеренным созерцанием действительности, полагая это самой счастливой частью нашей жизни. Но для человека как разумного существа, способного достигать самореализации лишь в «языковом пространстве» или «экзистенциальном нарративе», такая установка выглядит явно ущербной [9. Р. 33]. В философском познании велика вероятность изменения способов рассуждения или правил «языковых игр», скажем, можно предположить, что *вещи*, на которые мы указываем *непосредственно* в соответствии с правилами «языковой игры», не составляют подлинную реальность.

Поэтому вполне вероятно, что шокирующая современному человеку платоновская теория, в которой постулируется бытие нематериальных, чувственно невоспринимаемых сущностей или идей, была введена как «рабочая гипотеза», а не как аподиктический принцип. В диалоге *Федон* Сократ, как главное действующее лицо, сообщает собеседникам о том, что в определенный момент интеллектуального странствия к Истине, он отказался от бесплодного эмпирического исследования и решил, что «надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия» [14. С. 59]. Главное правило подлинного философствования, по Платону, которое ведет нас по пути к истинному познанию природы вещей, формулируется так: «[...] каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное..., а что не согласно с ним, то считаю неистинным» [Там же].

Можно предположить, что для Платона наиболее важным принципом рационального мышления является не истинность или соответствие действительности (корреспонденция), а объяснительная сила понятия. Отметим, что сам он не уделял особого внимания простым фактам опыта и обычно использовал их не как материал для построения правильных дефиниций, а как контрпримеры, помогающие выявлять ошибочные определения. Однако это не означает, что для Платона основанные на фактах высказывания не имеют истинностного значения [15. Р. 65–66]. Умаление Платоном фактов связано с их тривиальными возможностями, т.е. недостатком в них аргументирующей силы, а не с его убеждением, что любые осно-

ванные на фактах умозаключения являются недостоверными [9. Р. 34].

Пожалуй, самым поразительным в этой связи является фрагмент из *Седьмого письма* Платона: «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [16. С. 496]. Прочитанный отрывок свидетельствует о включении Платоном данных чувственного восприятия в процесс философского рассуждения. Тогда можно утверждать, что приписываемая Платону дилемма «разум versus ощущения» является лишь поспешным определением сути его философской установки. Как в таком случае нам следует прокомментировать платоновское выражение – «взаимная проверка видимых образов ощущениями»? Данная фраза явно не вписывается в словарь традиционной формальной логики. Возможно, Платон имел в виду одну важную особенность деятельности любого истинного философа, упоминаемую им в различных диалогах. Речь идет о достижении философом так называемого *синоптического видения*, посредством которого «изучение всех разобранных нами предметов доходит до установления их общности и родства и приводит к выводу относительно того, в каком именно отношении они друг другу близки» [10. С. 315]. Такая форма видения открывает путь для понимания гетерономного содержания действительности в определенной, свободно избранной перспективе. При этом следует помнить, что не существует одна единственно верная перспектива.

Философия как поиск первых начал. Аристотель, возможно, самый одаренный из слушателей Платоновской академии, впоследствии стал беспощадным критиком доктрины своего учителя. Согласно Аристотелю, через добавление к понятию словосочетания «само-по-себе» в него не привносится какая-то существенная дополнительная информация. Это означает, что введенная Платоном оппозиция между «человеком» и «самим по себе человеком» в действительности не содержит какой-либо разницы, поскольку речь здесь идет о человеке как таковом [17. С. 60]. Как Аристотель подходил к решению вопроса о специфике философии и ее метода?

Известно, что в своей *Метафизике* он разделил все науки на теоретические, практические и технические (творческие). Теоретическая область охватывает математику, физику и «первую философию» (метафизику) [18. С. 130–133]. Аристотель предложил, по сути, парадигмальное определение «первой философии» как «науки, которая рассматривает сущее как сущее, а также и то, что ему само по себе присуще. Она не тождественна ни одной из частных наук, ибо ни одна из прочих [наук] не изучает всеобщее сущее как сущее» [11. С. 120]. В отличие от других наук философия занимается в основном тем, что размышляет обо всем, что существует. Предмет ее изучения не ограничивается определенным аспектом бытия, как в случае с математическими науками, которые «отделяют

себе какую-нибудь часть его» и «рассматривают относительно ее случайное» [Там же]. Характеристика «сущего как сущего» указывает на теоретическую область, занимаемую и удерживаемую философией. Аристотель подчеркивает еще одну, не менее важную особенность философского мышления: философия есть форма «научного знания» (эпистема), что в свою очередь определяется им как «доказательное» (аподиктическое) знание [19]. Иначе говоря, признаком «научного знания» является наличие логически структурированного корпуса истин. В *Первой аналитике* Аристотель, следуя, видимо, образцу математического знания [20. Р. 47], формулирует основные нормы дедуктивного рассуждения (силлогизма). Возникает ощущение, будто Аристотель допускает стандартную ошибку, когда, с одной стороны, критикует академиков за их попытку «математизировать» философию, а с другой, – он убеждает нас в том, что философия как теоретическая наука должна соответствовать строгому методологическому канону в виде аксиоматико-дедуктивной модели. Однако, в действительности ситуация более сложная, чем могла показаться поначалу.

Дело в том, что аристотелевская *Метафизика* лишь условно воплощает в себе идеал аподиктического научного знания. Вместо производства дедуктивных выводов Аристотель сосредоточился в этой работе главным образом на «устранении словесных затруднений» [21. С. 129]. Он обращает внимание на семантические нюансы наиболее общих онтологических категорий, таких как «сущее», «сущность», «начало», «единое», «изменение», «причина» и т.д. На основе языкового анализа Стагирит дает оценку учений своих предшественников, раскрывает присущие им заблуждения. Он обращает внимание на случаи, когда философы запутывались в двусмысленностях естественного языка или прибегали к использованию проблемной технической терминологии. Учитывая данное обстоятельство, отдельные исследователи пришли к выводу, что силлогистика Аристотеля не оказала существенного «нормативного» влияния на развитие научной традиции в последующем [22. Р. 71]. Думаю, такой итог вполне объясним, если строго придерживаться основополагающих принципов аристотелевской эпистемологии.

Во-первых, сам Аристотель вполне определенно заявляет, что, при условии понимания обеих посылок силлогизма, заключение становится очевидным для нас [23. С. 182]. Но проблема обнаруживается в том, что нам не всегда понятно конкретное содержание исходных суждений, а это значит, что под сомнение можно поставить степень достоверности используемых в силлогизме посылок. И тогда правила построения силлогизма, представленные в *Первой аналитике* Аристотеля, вовсе не образуют метод *открытия*. Британский философ Джонатан Барнс [24] убедительно показал, что аристотелевская силлогистика первоначально разрабатывалась как дидактический и риторический инструмент. Той же точки зрения придерживается Г.И. Рузавин, акцентировавший вспомогательную функцию разработанных Аристотелем силлогистических форм рассуждения, наряду с диалекти-

ческими приемами, в структуре риторической речи [25. С. 21–25]. В этой связи не следует забывать, что Аристотель приписывал законам логики особый онтологический статус, заявляя, что данные законы относятся к той же категории, что и законы природы. По его мнению, законы логики конституируют «абсолютную необходимость». Однако, в противоположность аристотелевскому убеждению, современные законы логики интерпретируются иначе, а именно как своего рода лицензии на определенные формы вывода: «Закон логики – выражение, содержащее только логические константы и переменные и являющееся истинным в любой (непустой) предметной области» [26. С. 98]. По словам Я. Хинтикки, «правила вывода не говорят нам, что необходимо делать, они говорят, что можно делать» [22. Р. 58]. Поэтому, опираясь на аристотелевскую модель достоверности суждений, можно усомниться в ценности «научного знания», если оно производится путем выведения очевидных заключений из бесспорных посылок.

Во-вторых, Аристотель ввел соответствующее разграничение между «рассуждениями, отправляющимися от начал и приводящими к началам» [17. С. 57]. Он считает, что метафизика относится ко второму типу аргументации, поскольку ее знание связано с «некоторыми причинами и началами» [11. С. 33]. Другими словами, обращаясь к «вечным» онтологическим вопросам, философ не способен вывести что-либо достоверное, если не опирается на надежные предпосылки (начала – архэ). Жизнь и деятельность Аристотеля были в основном посвящены обнаружению исходных онтологических предпосылок или первых причин. Вообще философу, согласно Аристотелю, надлежит раскрыть, что есть сущее как сущее, а также, «что ему присуще само по себе», и только после этого он должен постараться разработать стройную метафизическую систему [9. Р. 35].

Но какой метод может применить философ на этом *досистематическом* уровне функционирования онтологии? Стагирит отвечает на данный вопрос довольно туманно: «Одни из начал постигаются через наведение, другие – чувством, третьи – благодаря некоему приучению, а другие еще как-то иначе» [17. С. 65]. В современном словоупотреблении термин «наведение» (индукция) означает переход от единичных высказываний к общим высказываниям (или переход от отдельных фактов к их обобщению). Однако, возможно, это не совсем то, что подразумевал под «индукцией» сам Аристотель. По мнению Хинтикки, в аристотелевской терминологии «индукция» (или «наведение») означает переход от более узких обобщений к более широким и содержательным обобщениям. В то же время это есть процесс формирования понятий, имеющих более действенную объяснительную силу [22. Р. 63, 67]. Аристотель заявлял, что слово концептуально структурируется даже на уровне чувственного познания: «Иное из существующего таково, что хотя само оно о другом сказывается, но ничто другое, что [было бы] первее его, не сказывается; остальное же таково, что и само сказывается о другом и другое – о нем самом, как, например, «человек» – о Каллии, а «живое существо» – о человеке [23.

С. 173–174]. Далее он продолжает: «Ясно, таким образом, что иное из существующего по своей природе таково, что не может о чем-либо сказываться, ибо каждый чувственно воспринимаемый предмет, пожалуй, таков, что не может о чем-либо сказываться, разве что приводящим образом» [23. С. 174]. Опираясь на сократическую практику прояснения значения этических терминов, можно предположить, что «индукция» действует следующим образом: начинать нужно с предваряющего определения, на основе которого в отдельном представлении постигаются разные случаи применения исследуемого понятия. Если обнаруживаются контрфакты, то необходимо сформулировать другое определение и так далее. Вполне вероятно, что это и есть та самая процедура, которую Платон характеризовал как «взаимная проверка видимых образов», а Уайтхед назвал термином «философское обобщение». Конечно, Аристотель рассматривал онтологические категории не как конструкты субъективного сознания, а как конвенциональные инструменты теоретического доказательства, которые репрезентируют объективный факт. В таком случае поиски «первых начал» (принципов) есть движение в направлении к более точному *описанию* действительности, или онтологической структуры мира. В унисон аристотелевской мысли, Уайтхед утверждает: «Исходным методом математики является дедукция, а исходным методом философии – описательная генерализация» [7. С. 283]. Та же идея, правда, в другом контексте, встречается в текстах зрелого Л. Витгенштейна: «Философия на самом деле является “чисто дескриптивной” дисциплиной» [27. С. 35].

Философия как метод открытия истины. Теперь обратимся к рассуждениям Рене Декарта об особенностях философии и ее взаимодействии с наукой. Тема систематического единства всех подлинных наук является одной из главных в картезианской философии. Эта тема проходит красной нитью в его основных трудах «Правила для руководства ума», «Рассуждение о методе», «Метафизические размышления». Декарт полагал, что отдельные научные теории должны входить составными частями в общую теорию науки. Однако реализация данного замысла без возведения нового прочного фундамента под здание всей науки в виде совокупности несомненных истин, по мнению французского философа, обречена на провал. Поэтому философия как основополагающая дисциплина должна выполнить, по убеждению Декарта, ключевую задачу в предстоящей реформе науки, связанной с «отысканием правильного метода познания»: «...принимая во внимание, что все принципы наук должны быть заимствованы из философии <...> я полагал, что прежде всего следует установить их именно в ней» [28. С. 23]. Разделяя всеобщий, характерный для Нового времени дух научного познания и творческого, свободного поиска, Декарт направил свою критику против бесплодности аристотелевской силогистики и призвал ученых сконцентрировать усилия на создании новой методологии, выявлять условия, необходимые для разработки *метода открытия истины* [29. С. 308].

Предложенный Декартом в его *Рассуждении* метод открытия тесно смыкается с математической мо-

делью. Любой познающий субъект, руководствующийся в своей когнитивной деятельности знаменитыми картезианскими правилами для ума, при столкновении со сложной проблемой должен редуцировать ее к более простым вопросам, получить четкие ответы на которые возможно на основе *интуиции*. Декарт подчеркивал, что первоначальную проблему можно удовлетворительно решить путем выведения заключений из интуитивно доступных истин, т.е. «ясных и отчетливых восприятий»: «Все, что я воспринимаю ясно и отчетливо, – заявляет он, – по необходимости истинно» [30. С. 57]. Здесь важно подчеркнуть, что Декарт, как и Аристотель, разграничивал рассуждения, отправляющиеся от начал и приводящие к началам. Поэтому, даже если метод Декарта воспринимается нами как универсальный, поскольку одинаково применяется в различных областях научного познания, это не означает, что разработанный им метод подходит для философии как основополагающей науке. Чтобы уяснить этот момент, нам необходимо понять, какие именно кардинальные изменения в философской методологии были инициированы Декартом?

С одной стороны, сформулированная им интенция в работе *Размышления о первой философии* понятна и объяснима: возвести современную науку на более высокую ступень развития по сравнению с аристотелевской научной традицией путем обнаружения новой «архимедовой точки» опоры [30. С. 21]. Для достижения указанной цели Декарт прибегает к так называемой «рабочей гипотезе», а именно проводит мысленный эксперимент посредством введения метафизического допущения: всякое знание, которым мы владеем (любые апостериорные и априорные истины), ошибочно. Следует сказать, что декартово предположение о «полной» иллюзорности наших представлений (подобно платоновскому воззрению о наличии нематериальных сущностей или кантовской гипотезе о возможных условиях трансцендентального познания) можно вывести либо на основе фактов опыта, либо самоочевидных аксиом. Допуская, что чувственное впечатление *A* является ошибочным, мы неизбежно стремимся опереться на другое впечатление *B* того же объекта, которое считаем непогрешимым и апеллируем к нему как критерию фальсификации впечатления *A*. С другой стороны, если «злостроенный гений» на самом деле вводит нас в заблуждение, даже в сфере чистой математики, например, когда мы «прибавляем к двум три или складываем стороны квадрата» [30. С. 19], то, согласно декартовской гипотезе, нельзя быть уверенным в правильности любого нашего заключения, включая суждение: «все это – только сон». Доказательство гипотезы Декарта о полной иллюзорности или всеобъемлющем заблуждении можно провести следующим способом: известно, что всякое научное рассуждение базируется на предварительном знании. Однако жизненный опыт учит нас тому, что в основе нашего знания могут лежать ложные или недостоверные убеждения, которые неизбежно приводят к ложным заключениям. Поскольку мы не способны заранее идентифицировать такие базисные убеждения как ложные, постольку нам лучше воздержаться от них, представив все это как сомнительное

знание. В этой связи современный американский философ Марджори Грин отмечала, что наиболее значимые философские открытия были сделаны путем исключения любых эпистемических гарантий надежности [31. Р. 64]. Таким образом, поставив под сомнение все априорные и апостериорные истины, т.е. весь корпус наличного знания, познающий субъект остается наедине с процессами собственного сознания, включая акт сомнения. Эти процессы – сомнение, понимание, утверждение, отрицание, желание или нежелание, воображение и чувства – свидетельствуют о бытии «мыслящей вещи» (*res cogitans*) [30. С. 24].

Однако как быть со знаменитым декартовским принципом *Cogito, ergo sum*? Не указывает ли это высказывание на то, что философский метод возвращен Декартом в область формальной логики, так как его искомый принцип представляет собой форму дедуктивного рассуждения, а точнее энтимемы, в которой пропущена большая посылка. И почему мы должны быть абсолютно уверены в том, что заключение в данной энтимеме оказывается истинным? В отдельных случаях Декарт заявляет, что вопрос о логической форме *Cogito, ergo sum* является нерелевантным. Так, отвечая на замечание Пьеру Гассенди о том, что тот же вывод «я существую» может быть сделан на основании любого другого человеческого действия, например, на основе посылки «я гуляю», Декарт четко объясняет, что такая замена не даст тот же самый результат: «... поскольку ни в одном своем действии я полностью не уверен (по крайней мере в смысле той метафизической уверенности, о которой здесь только и идет речь) и для меня достоверно только мышление. Такой вывод, как *Я хожу, следовательно, я существую*, допустим лишь постольку, поскольку осознание ходьбы – это мышление, ибо только к нему и может относиться достоверность такого умозаключения, но никак не к движению тела [32. С. 276]. «Архимедова точка» опоры Декарта выглядит непоколебимой в той мере, в какой предикат после *ergo* связан с точкой зрения от первого лица. Акцентируя этот момент, Яако Хинтиikka предложил рассматривать формулу *Cogito, ergo sum* как «перформативное» высказывание, т.е. как «акт мышления, посредством которого предложение *Я существую* может быть высказано для самоконтроля» [33. Р. 108]. Разбирая суть искомого несомненного положения картезианской философии, Хинтиikka заостряет наше внимание не столько на характере взаимосвязи посылки и заключения, сколько на взаимосвязи процесса и его результата: «Несомненность моего собственного существования, – утверждает он, – проистекает из мысли об этом, почти также, как звук музыки производится из ее игры...» [Там же]. Разбирая специфические вопросы современной науки и общие философские проблемы, Декарт, видимо, руководствовался представлением о существовании абсолютной истины. Другими словами, он был убежден в том, что понятия *мышление* и *существование*, подобно понятиям *существование* и *Бог*, тесно связаны друг с другом. Эти концептуальные связи могут быть постигнуты только через интуицию, они не объяснимы на теоретическом уровне. Таким образом, на основе представленного анализа

можно заключить, что картезианская формула «Я мыслю, следовательно, я существую» возвращает нас к дорефлексивному уровню рациональности, то есть к тому уровню мышления, где существование и трансценденция выступают как неразделимые корреляты.

Философствование без утверждений. Вопрос о природе философии и ее специфическом методе был предметом постоянного внимания современного австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна. Его позицию о «правильном методе философии» можно выразить формулой: «ничего не говорить» [34. С. 72]. Почему Витгенштейн считал такой негативный подход правильным методом философии? Получить ответ на этот вопрос помогает обнаружение в текстах Витгенштейна внутренней взаимосвязи между разработанным им подходом к философии и его представлением о природе логических предложений.

В своем раннем произведении *Логико-философский трактат* Витгенштейн приводит аргументы против ошибочного, как он полагает, воззрения Фреге и Рассела об утвердительно-информативной природе логических предложений. Непримируемая позиция Витгенштейна основана на убежденности в справедливости положений его концепции языка и мира. Предложения логики характеризуются им как описывающие *каркас* мира [34. С. 62]; они ничего не говорят [34. С. 43]. Логика, по словам Витгенштейна, не учение, а «отражение мира» [34. С. 64]. Логика «ни о чем не “повествует”», а логические предложения сами по себе не являются ни истинными, ни ложными, что как-то «должно уведомлять о мире» [34. С. 62].

Соотнесем теперь эти рассуждения Витгенштейна о логике с его высказываниями о «философии». Философия характеризуется им как деятельность, как «критика языка» [34. С. 19], которая позволяет прояснить смысл предложений. Она должна помочь высветить смысл фундаментальных предложений в конкретной области научного знания [35. С. 66]. «Философия не является одной из наук. (Слово «философия» должно означать нечто, стоящее под или над, но не рядом с науками.)» [34. С. 24].

Из тезисов 4.111–4.112 *Трактата* мы узнаем, что философия – не учение, не наука; философское исследование вовсе не ориентировано на получение истинных высказываний. Целью философии провозглашается «логическое прояснение мыслей». Все это ясно указывает на наличие тесной взаимосвязи между пониманием Витгенштейном природы логики и философии. Он отвергал представление, согласно которому философия должна давать «объяснение». Философские проблемы носят концептуальный, а не эмпирический характер, их появление обусловлено нарушением логики нашего повседневного языка.

Трактатовский взгляд на назначение философии трансформировался у *позднего* Витгенштейна в абсолютное отрицание концепции философии как теории: «Философия просто все предъявляет нам, ничего не объясняя и не делая выводов» [36. С. 130], «Нам не надо развивать какую-либо теорию. Нам следует отказаться от всякого *объяснения* и заменить его только описанием» [Там же]. Иначе говоря, философия обращена к описанию наших норм репрезентации, которые опреде-

ляют, что принимать за рациональное описание действительности. Эти нормы являются тем, что Витгенштейн называет «правилами грамматики» [37. С. 48].

Логико-грамматические изыскания, согласно Витгенштейну, не информируют нас о чем-то, скорее они служат указателями, которые помогают, в случае необходимости, добраться до заданной цели. Разнообразие и изменчивость окружающего мира обуславливаются динамической природой грамматической структуры естественного языка, через который осуществляется аспектное видение вещей. Что, например, произошло, когда неожиданно для себя вы оценили в знакомой картине то, чего раньше никогда не замечали? Открыли новый объект или просто изобрели новый способ видения? «Эту новую точку зрения, – говорит Витгенштейн, – ты толкуешь как видение нового объекта. Предпринятый тобой же грамматический маневр ты толкуешь как квазифизическое явление, которое наблюдаешь. [...] Но безупречно мое выражение: ты предпринял “грамматический” маневр. Прежде всего, ты открыл новый взгляд на вещи. Это подобно тому, как если бы ты изобрел новый стиль живописи; или новый стихотворный размер, или же новый вид пения» [36. С. 205].

Важным следствием витгенштейновской концепции философии как «не-науки» является положение о том, что философия ориентирована на грамматический анализ, а не на получение нового знания. Философия не является эмпирическим исследованием, направленным на поиск новых фактов [36. С. 122]. Такой радикальный подход связан с убеждением Витгенштейна в автономном характере норм грамматики, которые ни истинны и ни ложны; они не соотносятся с реальностью, а потому не выражают какого-либо знания.

Безотносительно к первоначальной причине возникновения философской проблемы ее итогом является испытываемое нами замешательство, которое невозможно устранить обычными средствами. Выдвижение еще одной философской теории лишь усугубляет возникшую проблему. Согласно Витгенштейну, вместо построения новых теорий, философ должен сосредоточиться на раскрытии лингвистических трюков, которые побуждают нас философствовать [37. С. 51].

Следует сказать, что философский метод Витгенштейна был направлен на изменение нашего привычного образа мышления об основах человеческого поведения. Главная идея Витгенштейна заключается в том, что человеческая жизнь начинается с *действия*, а не с рефлексии. «В начале было дело», – одобрительно цитирует он слова Гёте [38. С. 440]. Дело (форма жизни) формирует незыблемую до-рефлексивную основу человеческого бытия. Акцентируя внимание на описании, действиях, реакциях, Витгенштейн сумел раскрыть подлинную роль до-рефлексивных источников в человеческой практике, включая область научного знания. Таким образом, установку позднего Витгенштейна в отношении философии можно охарактеризовать как *философствование без утверждений*.

Заключение. Первый вывод данного исследования заключается в том, что природу философии можно

адекватно определить с помощью словосочетания «описательная дисциплина». Философия, в отличие от частных наук, не занимается фрагментарным описанием действительности, она обеспечивает человека целостным синоптическим видением. Если Платон, Аристотель, Декарт рассматривали философию как специфическую форму теоретического знания, то Витгенштейн определял философию как деятельность, направленную на выявление необходимых условий рационального описания действительности в виде грамматических норм нашего повседневного языка. Тем не менее все эти мыслители едины в своем убеждении, что философия как рациональный способ познания помогает преодолевать распространенные в обществе предубеждения и предрассудки, питаемые духом культурной эпохи, и обеспечивает человека ясным взглядом на мир.

Другой важный вывод состоит в том, что для философского рассуждения главным оказывается не совокупность эмпирических данных и их интерпретация, а объяснительная сила употребляемых понятий. Это базисное допущение объединяет разные поколения мыслителей, стремившихся избавиться от груза прошлых ошибок и иллюзий и совершить поворот в философии. Рассмотренные выше представления о философии как «синоптическом видении» (Платон), «поиске первых начал» (Аристотель), «методе открытия истины» (Декарт), «критике языка» (Витгенштейн) сигнализируют о своеобразии философской практики, неотделимой от концептуальной природы изучаемых вещей. Любая попытка ограничить философский метод строгими правилами формальной логики приводит к аберрации и непониманию смысла философского рассуждения. Обнаруживаемая напряженность философской теоретизации связана не с «первыми принципами» и их логическими следствиями, а с исходными предпосылками философского мышления и той сложной, постоянно изменяющейся многомерной действительностью, в которой мы живем.

Философия занимается не столько доказательством истины, сколько поисками истины, используя при этом метод концептуального анализа. Несомненно, теория аргументации играет важную роль в философской деятельности, поскольку для того, чтобы убедительно обосновать что-то, необходимо критически осмыслить предпосылки занимаемой позиции. Философствование осуществляется в свободном пространстве мыслительных возможностей, оно присутствует там, где есть аргументация. Научное рассуждение, опираясь на методы формальной логики и проверяемое наблюдение, является продолжением техники философской аргументации, применяемой для решения определенных проблем. Философия, в свою очередь, испытывает влияние научных процедур и использует в качестве примеров определенные случаи научного способа решения проблем. Таким образом, философия, обращаясь к дотеоретическому уровню рефлексии, выявляя основания человеческого мышления и бытия, определяет необходимые условия для систематического (научного) способа познания мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хинтика Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 3–18.
2. Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2004. 447 с.
3. Пассмор Дж. Философское рассуждение // Путь. 1995. № 8. С. 3–120.
4. Антонов Е.А. Философский метод в контексте современной культуры (Опыт рефлексивного осмысления). Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 208 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
6. Overgaard S., Gilbert P., Burwood S. Introduction to Metaphilosophy. Cambridge; London: Cambridge University Press, 2013. 240 p.
7. Уайтхед А. Процесс и реальность // Уайтхед А. Избранные работы по философии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 272–303.
8. Киссель М. Философский синтез А.Н. Уайтхеда (Вступительная статья) // Уайтхед А. Избранные работы по философии / пер. с англ.; сост. И.Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. С. 3–55.
9. Saulius T. Philosophical method and science // Filosofija. Sociologija. 2016. Т. 27, Nr. 1. Р. 31–39.
10. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т.: пер. с древнегр. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–421.
11. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перлова, В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
12. Barnes J. The Presocratic philosophers. London; New York: Routledge, 1982. 601 p.
13. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. М.: Искусство, 1994. Кн. 2. 604 с.
14. Платон. Федон // Собрание сочинений: в 4 т.: пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7–81.
15. Vlastos G. Platonic Studies. Princeton: Princeton University Press, 1981. 478 p.
16. Платон. Письма // Собрание сочинений: в 4 т.: пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 460–517.
17. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т.: пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53–295.
18. Чанышев А.Н. Аристотель. М.: Мысль, 1981. 200 с.
19. Лебедев А.В. Аристотель // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f58ac69a634678d4d16> (дата обращения: 01.11.2017).
20. Smith, R. Logic // The Cambridge Companion to Aristotle / ed. J. Barnes. Cambridge: Cambridge University press, 1999. P. 27–65.
21. Медведев Н.В. Категория счастья в моральной философии Аристотеля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-2 (68). С. 125–131.
22. Hintikka J. Aristotle's theory of thinking and its consequences for the methodology // Analyses of Aristotle. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 45–75.
23. Аристотель. Первая аналитика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 117–255.
24. Barnes J. Aristotle's Theory of demonstration // Phronesis. 1969. Vol. 50. P. 95–115.
25. Рузавин Г.И. Методологические основы аргументации. М.: ИФРАН, 1997. 204 с.
26. Горский Д. П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
27. Витгенштейн Л. Голубая книга / пер. с англ. В.П. Руднева. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 128 с.
28. Декарт Р. Рассуждения о методе. Метафизические размышления. Начала философии. Луцк: Вежа, 1998. 302 с.
29. Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. СПб.: Мифрил, 1994. 560 с.
30. Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и франц. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.
31. Grene M. The knowledge and the known. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1974.
32. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора // Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и франц. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 73–488.
33. Hintikka J. Cogito, ergo sum: inference or performance // Knowledge and known. Dordrecht: D.Reidel Publishing Company, 1974. P. 98–125.
34. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–75.
35. Медведев Н.В. Трансформация философии (125-летию со дня рождения Людвиг Витгенштейна) // Философские традиции и современность. 2014. № 1 (5). С. 63–80.
36. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
37. Медведева Е.Е. Философия математики Людвиг Витгенштейна. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 192 с.
38. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 343–405.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 мая 2018 г.

HISTORICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF REPRESENTATIONS ON THE RELATIONSHIP OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 32–40.

DOI: 10.17223/15617793/432/4

Nikolay V. Medvedev, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: mnv88@mail.ru

Keywords: philosophical method; metaphysics; science; synoptic vision; syllogism; induction; truth; intuition; criticism of language.

The article is devoted to the problem of the correlation of philosophy and science, considered in the historical and methodological aspect. Based on the comparative analysis of the views of outstanding Western European thinkers – Plato, Aristotle, Descartes, Wittgenstein – who developed influential projects for understanding the nature and purpose of philosophy, the specifics of philosophical thinking are discussed. Despite the undoubted achievements in the field of philosophical methodology, the question of whether philosophy has its own method of cognition remains relevant. The main thesis of the article is the assertion that there exists a philosophical method of investigation. In the work, the “philosophical method” is a specific way of reasoning aimed at solving certain cognitive tasks. According to the author, the nature of philosophy can be adequately defined with the help of the phrase “descriptive discipline”. Philosophy, unlike private sciences, does not engage in a fragmentary description of reality, it provides a person with a holistic synoptic vision. If Plato, Aristotle, Descartes viewed philosophy as a specific form of theoretical knowledge, Wittgenstein defined philosophy as an activity aimed at identifying the necessary conditions for a rational description of reality in the form of grammatical norms of our everyday language. All these thinkers are united in their conviction that philosophy as a rational way of cognition helps to overcome prevalent prejudices in society, nourished by the spirit of the cultural epoch, it provides a clear view of the world to man. For philosophical reasoning, the main thing is not the aggregate of empirical data and their interpretation, but the explanatory power of concepts. The notions of philosophy “synoptic vision” (Plato), “search for the first principles” (Aristotle), “method of discovery of truth” (Descartes), “language criticism” (Wittgenstein) signal the originality of philosophical practice inseparable from the conceptual nature of the things studied. Any attempt to confine the philosophical method to the strict rules of formal logic leads to an aberration of the meaning of the philosophical utterance. Scientific reasoning, based on the methods of formal logic

and verifiable observation, is a continuation of the technique of philosophical argumentation used to solve certain problems. Philosophy, in turn, is influenced by scientific procedures and uses certain cases of a scientific way of solving problems as examples. Identifying the foundations of human thinking and being, philosophy determines the necessary conditions for systematic (scientific) knowledge of the world. The author's position, aimed at substantiating positive conclusions about the existence of a specific philosophical way of mastering the world and the need for interaction between philosophy and science, is based on the analytical tradition of philosophizing.

REFERENCES

- Hintikka, J. (2011) *Filosofskie issledovaniya: problemy i perspektivy* [Philosophical Studies: Problems and Perspectives]. Translated from English. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 3–18.
- Popper, K. (2004) *Logika nauchnogo issledovaniya* [The logic of scientific research]. Translated from English. Moscow: Respublika.
- Passmore, J. *Filosofskoe rassuzhdenie* [Philosophical reasoning]. Translated from English. *Put'*. 8. pp. 3–120.
- Antonov, E.A. (2006) *Filosofskiy metod v kontekste sovremennoy kul'tury (Opyt refleksivnogo osmysleniya)* [Philosophical method in the context of contemporary culture (experience of reflective comprehension)]. Belgorod: Belgorod State University.
- Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 192–220.
- Overgaard, S., Gilbert, P. & Burwood, S. (2013) *Introduction to Metaphilosophy*. Cambridge; London: Cambridge University Press.
- Whitehead, A. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 272–303.
- Kissel', M.A. (1990) *Filosofskiy sintez A.N. Uaytkheda (Vstupitel'naya stat'ya)* [Philosophical synthesis of A.N. Whitehead (Introductory article)]. In: Whitehead, A. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
- Saulius, T. (2016) Philosophical method and science. *Filosofija. Sociologija*. 27(1). pp. 31–39.
- Plato. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 79–421.
- Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Translated from Greek by P.D. Pervov, V.V. Rozanov. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Barnes, J. (1982) *The Presocratic philosophers*. London; New York: Routledge.
- Losev, A.F. (1994) *Istoriya antichnoy estetiki: Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 kn.* [The history of ancient aesthetics: Results of the millennium development: in 2 books]. Book 2. Moscow: Iskusstvo.
- Plato. (1993) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 7–81.
- Vlastos, G. (1981) *Platonic Studies*. Princeton: Princeton University Press.
- Platon. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 460–517.
- Aristotle. (1981) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek by I.V. Braginskaya. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 53–295.
- Chanyshv, A.N. (1981) *Aristotel'* [Aristotle]. Moscow: Mysl'.
- Lebedev, A.V. (2010) *Aristotel'* [Aristotle]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Mysl'. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f58ac69a634678d4d16>. (Accessed: 01.11.2017).
- Smith, R. (1999) *Logic*. In: Barnes, J. (ed.) *The Cambridge Companion to Aristotle*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Medvedev, N.V. (2016) Category of happiness in Aristotle's moral philosophy. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 6-2(68). pp. 125–131. (In Russian).
- Hintikka, J. (2004) *Analyses of Aristotle*. N.Y.: Kluwer Academic Publishers. pp. 45–75.
- Aristotle. (1978) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek by I.V. Braginskaya. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 53–295. pp. 117–255.
- Barnes, J. (1969) Aristotle's Theory of demonstration. *Phronesis*. 50. pp. 95–115.
- Ruzavin, G.I. (1997) *Metodologicheskie osnovy argumentatsii* [Methodological basis of argumentation]. Moscow: IPh RAS.
- Gorskiy, D.P., Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1991) *Kratkiy slovar' po logike* [Brief Dictionary of Logic]. Moscow: Prosveshchenie.
- Wittgenstein, L. (1999) *Golubaya kniga* [The Blue Book]. Translated from English by V.P. Rudnev. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
- Descartes, R. (1998) *Rassuzhdeniya o metode. Metafizicheskie razmyshleniya. Nachala filosofii* [Discourses on the method. Metaphysical reflections. The origins of philosophy]. Translated from French. Lutsk: Vezha.
- Fisher, K. (1994) *Istoriya Novoy filosofii. Dekart: Ego zhizn', sochineniya i uchenie* [The History of Modern Philosophy. Descartes: His life, writings and teaching]. Translated from English. St. Petersburg: Mifril.
- Descartes, R. (1994) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from Latin and French. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 3–72.
- Greene, M. (1974) *The knowledge and the known*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Descartes, R. (1994) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from Latin and French. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 73–488.
- Hintikka, J. (1974) *Knowledge and the Known: Historical Perspectives in Epistemology*. Dordrecht: D.Reidel Publishing Company. pp. 98–125.
- Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 1–75.
- Medvedev, N.V. (2014) Philosophy transformation (To the 125 anniversary since the birth of Ludwig Wittgenstein). *Filosofskie traditsii i sovremennost'*. 1 (5). pp. 63–80. (In Russian).
- Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
- Medvedeva, E.E. (2016) *Filosofiya matematiki Lyudviga Vitgenshteyna* [Philosophy of mathematics Ludwig Wittgenstein]. Tambov: Tambov State University.
- Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 343–405.

Received: 07 May 2018

МОДА КАК ФОРМА САМОАФФЕКТАЦИИ СУБЪЕКТА: КОД ДОСТУПА К ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ ФИЛОСОФИИ СУБЪЕКТА

Ставится вопрос о возможностях тематизаций моды в горизонте современной философии сознания и философии субъекта. Обсуждаются перспективы трактовки модного сознания как разновидности «несчастливого сознания» в гегелевской редакции, в интерпретации А. Кожева как представителя постгегелевской философской критики, а также в логике школы структурного психоанализа. Показано, что имеет место мощная экспансия моды как публичного феномена в интимную (эмоциональную) сферу – *de facto*, в сферу субъективного переживания: мода обнаруживает себя как самостоятельная форма самоаффектации, способствующей, в конечном итоге, формированию, пониманию и самопониманию исторического субъекта.

Ключевые слова: мода; модный субъект; «несчастное сознание»; «модное желание»; аффект; идентичность.

В интервью для *Vogue* британская модель Агнесс Дин, оставившая подиум дабы попытаться счастья в Голливуде, на вопрос, не намерена ли она вернуться в модельный бизнес, высказалась в том роде, что там *уже изменилось*, и она сомневается, что сможет «догнать эти перемены». На первый взгляд, такое суждение прямо коррелирует с коммерческой установкой «быстрой моды»: *see now buy now*. Примечательно другое – нечто подобное мы обнаружим уже у философа Ш. Монтескье. А это, напомним, первая треть XVIII в.: «Если женщина уедет на полгода из Парижа в деревню, она вернётся оттуда настолько отставшей от моды, как если бы прожила там тридцать лет» [1. С. 161].

Почему мода занимает столь заметное место в жизни современного человека? И почему это место остается «заметным», несмотря на скоротечность самой моды? (Учитывая, что свойство моды «меняться» – это, безусловно, её конститутивное качество. «Непостоянство модного образа жизни», зафиксированное уже И. Кантом, усилено тем обстоятельством, что мода как достаточно выразительная социальная практика существует в виде метафорического высказывания по адресу собственного времени. В силу этих же причин мода постоянно оказывается в центре общественной дискуссии. Упомянутый XVIII в. заслуживает дополнительного внимания и в том отношении, что с него берёт отсчет формирование полноценной публичной сферы, достоянием которой постепенно становится мода как проводник публичности и как конкурентноспособное коммерческое занятие, в ряду прочих эксплуатирующее тенденцию общего ускорения и общей недолговечности. Поэтому критическая рефлексия применительно к событию социальной мобильности вообще – и социального ускорения в том числе, обращается к моде как яркому аналогу универсальной тяги к быстрому и обязывающим переменам).

Радикализация изменений в области современной социальности индуцирует различные тематические горизонты анализа. Один из них связан с тем, что мы наблюдаем мощную экспансию моды как публичного феномена в интимную (эмоциональную) сферу – *de facto*, в сферу субъективного переживания: мода обнаруживает себя как самостоятельная форма самоаффектации, способствующей, в конечном итоге, формированию, пониманию и самопониманию исторического субъекта.

Проблематике понимания / самопонимания в социогуманитарном знании и в философии Новейшего времени уделено значительное место. Так, герменевтика – в самом широком значении этого слова – оказалась сфокусирована на основных методологических принципах и подробной разработке понятийно-категориального аппарата, призванного обеспечить существование философии понимания как особой критической школы и стратегии анализа применительно к наукам о человеке и обществе. В XX в. дополнительный вклад в трактовку проблематики понимания внесла экзистенциальная аналитика. Историзм и психоанализ как выражение темпорального модуса представления и предметности в «науках о духе» стали поводом для острой дискуссии в постметафизической философии человека. В феноменолого-герменевтическом философском проекте вектор изменения и нового обоснования герменевтики выглядел как отход от трансцендентальной философии сознания и сближение с экзистенциальной философией бытия. В этом суть хайдеггеровского «онтологического поворота» – ярко выраженный интерес, проявленный к самоистолковывающей структуре экзистенции как основе *человеческого существования*. В то же время практическое применение герменевтики как общей теории интерпретации – когда последняя обнаруживает *психологический* и *лингвистический* горизонты своих притязаний – сделало обычной практикой встраивания в объясняющие схемы герменевтической интроспекции, направленной в конечном итоге на поиск механизмов самообнаружения субъекта, неожиданных, но по-своему эвристичных ходов. Вышеупомянутые профили «психологии» и «лингвистики», заявленные уже в ранней герменевтической традиции, привлекли дополнительный теоретический ресурс в виде психоанализа и философии языка.

Такой симбиоз при обсуждении вопросов самопонимания и самопрезентации субъекта был предсказуем: стирание жестких границ и мультидисциплинарность коснулись собственно философской теории. И то, что еще два-три десятилетия назад казалось маловероятным, свершилось: методология современного социогуманитарного познания демонстрирует принципиальную гибридность, вбирает в себя столь разные стратегии теоретизирования, что никого более не смущает существование «аналитической антрополо-

гии» (в лице, например, отечественного философа В.А. Подороги) или «аналитической философии искусства» (проект «аналитической эстетики» А. Данто). Взаимодополнительность опыта теоретического полагания, подчиненного целям всестороннего представления искомого предмета мысли, требует привлечения гибких методологий анализа и снисходительно смотрит на видимую неряшливость задействованных исследовательских программ; бывшее условие «методологической чистоты» и вообще методологический пуризм рассматриваются как абсолютный анахронизм: кто позволит себе сегодня придерживаться принципов какой-то одной и единой исследовательской парадигмы? Такому же вавилонскому смешению подвергается язык описания, пущенный в ход для реализации «гибридных» проектов. В результате, а) универсальный (генерализующий) и б) практически-индивидуализирующий аспекты самопонимания в новых условиях ставят целью персонифицирующей интерпретации *историческую нарратацию «о себе самом» в модусе фактичности*. При этом конфликтность интерпретации на разных уровнях – семантики, рефлексии, экзистенции – целиком сохраняется. Применительно к *моду* герменевтическая стратегия работает в направлении разрешения старого противоречия: как примирить крайний субстанциалистский и/или структуралистский редукционизм в отношении понимания и самопонимания субъекта с либерально-прогрессистским гуманизмом, отражающим суть идеологических и мировоззренческих предпочтений Новоевропейского антропологического проекта (это тот тип гуманизма, который не без ехидства именуют «назидательным»)? В частности, модный субъект – инстанция сопротивления противостоящим ему внешним силам или функция от действующей причинности, изначально не берущей его в расчет? В какой мере «изменчивость» конститутивно присуща самому субъекту? В какой степени продуктивен персональный фантазм?

Ставя вопрос о *литературности* и *историчности* как стратегиях самопрезентации и одновременно самоописания персонажа модной истории, мы исходим из общей схемы представления способов и механизмов субъективации. Классическая философская постановка вопроса делала субъекта тотально непрозрачным для себя самого – во всяком случае, пока он пребывал в режиме интеллектуального самонаблюдения. Рефлексивные практики субъективации – доступы к собственному «Я» – обязательным образом включали разного рода «опредмечивания» как своеобразное «вынесение себя за скобки». Все «единства», среди которых *Я* обнаруживало себя как «самотождественное», соответствовали определенному порядку природного и социального мира, доступ к которому обеспечивали перцепция и интеллектуальное схватывание.

Философская оптика, положившая начало «знанию о себе» и, тем самым, демонстрирующая подступы к теме *производства субъективности*, обозначилась в философии XIX в. Здесь почти одновременно – в метафизике и социальной теории, предворяющих философию субъекта Новейшего образца, – тема субъек-

тивности получает внятный *интерсубъективный* разворот, а стратегии самоистолкования впервые задействуют фигуру Другого. Среди имен, в опоре на которые современные теории субъекции продолжают логику тематизации Другого, следует назвать таких разных авторов, как Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше, К. Маркс и Г. Зиммель, З. Фрейд, а также их «первичных» и «вторичных» интерпретаторов в лице Ж. Батая, Дж. Батлер, Ж. Бодрийяра, С. Жижека, А. Кожева, Ю. Кристевой, Ж. Лакана, П. Рикера, М. Фуко, А. Бадью, Дж. Агамбена.

В своей книге «Мечта Лакана» видный итальянский психоаналитик С. Бенвенуто, решивший «испытать Ж. Лакана...» Л. Витгенштейном, ссылается на утверждение последнего, согласно которому «...любые попытки создать науку о субъекте иллюзорны, поскольку субъект не может *знать* себя, но может лишь *выражать* себя» [2. С. 115]. Эта идея не столько *знания*, сколько *выражения* берет начало в метафизике субъекта гегелевского образца.

Наиболее полное представление о субъекте в философии Г.В.Ф. Гегеля связывают с изложенной в «Феноменологии духа» версией исторического генезиса субъективности. Многочисленные ее интерпретации обязательно включают – кроме собственно, *историчности* – транскрипции фигур Господина и Раба; отношений свободы и несвободы; позитивности и негативности; «общего» и «особенного» в становлении опыта сознания и самосознания; требований индивидуализации и генерализации для подлинности самоосуществления и самочувствия субъектом: «Человек историчен, и вся «Феноменология духа» есть дескрипция опыта сознания, приходящего к самосознанию через постижение своего прошлого; это путь «интериоризирующего воспоминания» (так, согласно А.М. Руткевичу, А. Кожев переводит Erinnerung у Гегеля (прим. наше, – В.П.)) всего того, что происходило в истории. А так как каждая фигура (Gestalt) есть результат свободного отрицания и снятия предшествующих, то антропология тождественна временности и историчности индивида и рода» [3. С. 481]. Разумеется, гегелевская *историчность* должна быть заново проинтерпретирована: к этому подталкивает вышеобозначенный императив фактичности и интерес к типологиям сознания, который движет современной герменевтикой субъекта. В широком смысле историчность (она же *связь-с-Другим-как-с-тем-что-предшествует-субъекту*) сегодня предстает как культурное и социальное символическое. Регистры его возможных прочтений – та самая герменевтика субъективного – варьируются от лингвистических и семиотических до политических, идеологических и психоаналитических.

Гегелевское «несчастное сознание» обеспечило прорыв к актуальному типологическому синопсису за счет ряда важных идей: 1) во-первых, это всё, что связано с неизбежностью объективации опыта сознания для его самообнаружения. В параграфе «Истина достоверности себя самого» Г.В.Ф. Гегель прямо пишет: «...истинное для сознания есть нечто иное, нежели само сознание» [4. С. 93]. Приводимые далее рассуждения относительно значения для опыта сознания «в-

себе-бытия предмета», «сущего чувственной достоверности», «конкретной вещи восприятия», игры «бытия сознания» и его «инобытия» и, наконец, «истины» – легче всего поддаются феноменологической интерпретации в духе идей интенциональности, что, во многом, было осуществлено А. Кожевым.

2) Во-вторых, Г.В.Ф. Гегель транскрибирует сознание как «иное» жизни: «По сравнению с первым непосредственным единством или единством, провозглашенным как *бытие*, это второе единство есть *всеобщее* единство, которое имеет внутри себя все эти моменты как снятые. Это единство есть *простой род*, который в движении самой жизни *не существует для себя в качестве этого простого*, а в этом *результате* жизнь указывает на некоторое «иное», нежели она, а именно на сознание, для которого она есть в качестве этого единства или в качестве рода» [4. С. 97]. В такой постановке вопроса индивидуальное сознание у Гегеля артикулировано как своеобразный *аффект* по адресу мира вещей и других (чужих) сознаний, нечто сродни ницшевскому рессантименту в отношении, выражаясь гегелевским языком, мира *в-себе-различий*. Поэтому у Гегеля появляется дополнительный предикат к «субъекту-сознанию»: *негативность*. Сознание, по известной причине, нуждается во внешней предметности и, одновременно, презирает её, *желая* подвергнуть ничтожению. (Это обстоятельство как нельзя лучше характеризует *модное сознание*, всегда накрепко привязанное к внешнему образцу.) Столь интригующее понятие «*вожделения*», вдруг принятое в работу Гегелем при рассуждении о существе сознания, перебрасывает мостик от классической ультра-рационалистической гегелевской метафизики субъекта, наделенного самосознанием – как метафизики присутствия – к проблематике *генезиса субъективности*, исходным пунктом которой выступает активное (опытное) отношение к реальности как к Другому.

Согласно феноменологической и поздней психоаналитической трактовке гегелевское *вожделение* есть нечто предшествующее собственно разумности: это опыт желания, и опыт желания именно Другого, прямым следствием которого является *признание*, бытийственно изоморфное рождению Я. Так, у Ж. Лакана желание помещено в пространство *воображаемого* как центральной структуры «становления-человеком» в противоположность «потребности» и «запросу» (последний, собственно, артикулирует желаемое, выведенное на поверхность языка и ставшее достоянием порядка *символического*) (см., например, [5. С. 229–230]). М. Соболева обозначает этот аспект проблемы как онтологический: «Так же, как в концепции Гегеля, желание и признание связаны друг с другом, но у Лакана желание изначально «легитимировано» и символизировано за счет посредничества Другого, так как оно желает быть признанным как желание. В этом заключается смысл человеческого желания, в отличие от желаний других живых существ. Кроме того, Другой не есть чужое и чуждое сознание, с которым Я сталкивается на определенной стадии своего развития как с конкурентом (как это описывает Гегель). Напротив, возникновение Я, по мнению Лакана, немыслимо без существования Дру-

гого, персонифицированного в языке» [6. С. 510]. Таким образом, аффектация желанием Другого или «других» служит условием конституирования любой субъективности и, фактически, выступает залогом успешной субъективации определенного образца.

3) Третий существенный аспект гегелевской постановки вопроса о субъекте особенно ценен для *политического* представления проблематики субъективности. Как связаны идентичность и власть? В чем состоит позитивный модус символического принуждения?

Традиционно присутствуя в западной философии, тема власти сопутствует не только политической теории, но и новой социальной критике. (В трактовке власти отчетливо проступают два способа ее тематизации: «hard» и «soft» версии; «soft» версия получила выражение в модели диффузно прописанного властного отношения неравенства и принуждения у М. Фуко.) Известно, что современная власть, организованная ризоматически, нуждается в новой методологической оптике. Теперь методология покоится на исследованиях *микрофизики* властного диспозитива и исходит из генеалогического горизонта представления. Поэтому важно определиться с теми регионами социальности, для которых присутствие властной асимметрии не имеет однозначно негативного значения. Напротив, задача состоит в выявлении ее позитивных эффектов. В сущности, именно они отвечают за конституирование разнообразных индивидуальных и персональных идентичностей.

Субъекты отдельных «культурных историй» – наглядный пример. Среди них – носители гендера, этнической, профессиональной, сексуальной и, при желании, *модной* принадлежности. Легко отследить интенциональную соотнесенность их агентов и тех социокультурных, политических, экономических раскладов, которые делают субъекта вообще членом определенного сообщества в политологическом, социологическом и жизненном отношениях. Особенно показательно, когда социальная норматика в ее символическом выражении и личные предпочтения субъекта принимают форму добровольного сотрудничества. Исключительно важным для понимания такого сотрудничества выступает то обстоятельство, что коммуникативный горизонт современной западной социальности во многом задан стратегией принуждения. Власть в форме соблазна и консюмеристской установки оказывается производящим принципом для упрочения собственной идентичности. Зачастую, именно властное вмешательство социального в сферу приватного приводит к тому, что субъект избирает единственно верную стратегию – принимает само властное воздействие как источник позитивности. Главным для исследователя становится вопрос о том, во что трансформируется политическая энергия субъекта в границах тех или иных социальных институций и какого рода идентичности субъект делает «своими».

Г.В.Ф. Гегель оказался удивительно прозорлив в описании логики господства, формирующей современный взгляд на человека как средоточие властных диспозитивов: а) оставляющей за политикой последнее слово в оформлении регулятивной нормативности публичного сосуществования и б) имеющей отчетли-

во выраженный экзистенциальный подтекст. Фигуры и дискурсы Господина и Раба (для Гегеля это два противостоящих типа рефлексивности) задают сложную конфигурацию отношений господства / подчинения. Эта гегелевская диалектическая схема множество раз подвергалась процедуре реинтерпретации, получив продолжение у А. Кожева, Ж. Батая, Ж. Лакана, С. Жижека как воплощенный механизм деятельного Другого, покоящийся на принципе взаимной негации и каждый раз задающий контуры иной – новой – субъективности.

Уже у Гегеля *желание* движет ситуацией применительно к обоим типам сознания: «В моменте, соответствующем вожделению в сознании господина, служащему сознанию казалось, что ему на долю досталась... сторона несущественного соотношения с вещью, так как вещь сохраняет (*behält*) в этом свою самостоятельность. Вожделение удержало за собой (*hat sich vorbehalten*) чистую негацию предмета, а вследствие этого и беспримесное чувствование себя... Труд, напротив того, есть *заторможенное* вожделение, задержанное (*aufgehaltenes*) исчезновение, другими словами, он *образует*» [4. С. 105]. Используя лакановский язык описания, подчеркнем, что желание Господина почти автоматически обретает контуры общезначимого запроса, т.е. циркулирует в режиме символического «всеобщего» и «принудительного»; его вектор всегда развернут вовне. А вот рабское сознание внешним образом зажато в тисках «воображаемого». Оно в обязательном порядке испытывает давление господского (символического), однако самоцензурирование, которое беспрестанно осуществляет этот тип организации субъекта, не исключает известной степени свободы. Свобода находит выражение в специфическом маневре: как было сказано выше, рабское сознание также рефлексивно, оно есть *именно воображаемое*. Работа воображения направлена внутрь этого типа сознания, хотя затрагивает не столько своего хозяина (субъект как раз подвержен изощренной процедуре самосокрытия и умалчивания, он, в известном смысле – *цезура*), сколько те разнообразные модусы его подчинений, что влияют на экзистенциальное самочувствие, травмируя субъекта либо, напротив, способствуя обретению меры экзистенциального комфорта.

Было бы опрометчивым утверждать, что заявленная выше *историчность* – как полнота истины и полнота присутствия – целиком на стороне господского сознания. Действительно, дискурс Господина отличаются связность и ответственность высказывания. Ж. Лакан недвусмыслен в своей оценке этого типа речевого поведения: «О том, насколько велико его, дискурса господина, *историческое* (здесь и далее курсив наш. – В.П.) значение, напоминать вам, повидимому, нужды нет... ясно было, что именно на уровне дискурса господина появилось нечто такое, что к нам, когда мы говорим о дискурсе, при всей двусмысленности его, имеет непосредственное отношение и носит название *философии*» [7. С. 20]. Очевидным образом субъектом подобной языковой деятельности редко выступает индивидуальный субъект высказывания; скорее, он действует от лица абстракт-

ной всеобщности и «человечности» / либо «социальности» вообще (это тот самый *суверен* в разных обликах, с которым мы сталкиваемся на протяжении всей политической, религиозной, юридической и идеологической истории Запада). Поэтому дискурс Господина служит проводником идентичностей всеобщего образца и, в противоположность лакановской постановке вопроса о субъекте и его речевом портрете, именно речь Господина, подчас *пуста*, так как она лишь продолжение анонимности как общезначимости надындивидуального символического.

На свой лад продолжая гегелевскую диалектику субъекта, Ж. Лакан обращает внимание на странность того порядка, что, в противоположность господскому типу сознания, Раб гораздо ближе к себе самому, чем сколь угодно «суверенный субъект» собственной речи и власти. В главе II «Господин и истерик» цитируемого тома «Семинаров» Ж. Лакан отмечает: «Возвращаясь к анализу схемы дискурса господина, укажем, что именно невидимая работа раба, та самая, что формирует латентное бессознательное, обнаруживает, стоит ли эта жизнь того, чтобы о ней говорить. Потому-то и возникает вокруг истин, истинных истин, столько заблуждений, ошибок, вымыслов» [7. С. 33]. И далее: «Вот что составляет подлинную структуру дискурса господина. Раб знает многое. Но что он знает еще лучше, так это что хочет господин, даже если этот последний не знает этого сам – как это обычно и бывает, так как иначе он господином не был бы. Раб же это знает, и в этом его, раба, главная функция и состоит... Вот почему он в итоге меняет одного господина на другого, только и всего» [Там же. С. 35]. Приведенный пассаж удивительно созвучен гегелевскому первоисточнику: «... подобно тому, как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится, скорее, противоположностью тому, что оно есть непосредственно; оно как *оттесненное обратно* в себя сознание уйдет в себя и обратится к истинной самостоятельности» [4. С. 104]. (Апплицируя идею «замены одного господина на другого» на структуру модного сознания, мы получаем дополнительное подтверждение *изменчивости* как конститутивной характеристике субъекта модной истории).

В этом пункте предикат «рабское» как *оценочное* исчезает и уступает место *техническому* и *стратегическому* в понимании генезиса субъективности и техники субъективации. Показателен анализ, предпринятый по адресу субъективации, Дж. Батлер: «Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает её» [8. С. 16]. Позиция Дж. Батлер любопытна в том отношении, что выбирает как *классический* (в лице Г.В.Ф. Гегеля и, отчасти, Ф. Ницше и З. Фрейда), так и *неклассический* (работы М. Фуко и Л. Альтюссера) подход к проблеме субъекта и связанных с ним концептуализаций. Её основной тезис заключается в том, что субъект вовлечен в процесс собственного производства эмоционально: он буквально переживает собственное «ста-

новление субъектом». Такая аффектация, как правило, нуждается в поддержке со стороны регулирующего, структурирующего и упорядочивающего поведение субъекта праксиса. Формы последнего должны соответствовать вызовам времени, быть в полном смысле «со-временными», чтобы столь же «со-временным» оставался сам субъект.

Мода как нельзя лучше вписана в формат нормирующих современную социальность требований: а) с одной стороны, она и есть тот подвижный горизонт полаганий – властным образом вторгающееся в сферу индивидуального символическое принуждение – который заставляет субъекта демонстрировать гибкость и изоморфность любым изменениям; б) с другой – в этой крайне сложной конструкции мода, скорее, принимает сторону гегелевского Раба, так как она выступает заложницей масштабной дискурсивной парадигмы, рождающей особенного субъекта: того, кто никогда не равен самому себе; того, кто готов меняться до бесконечности. Такого субъекта, который выбрал – не выбирая – именно эту жизнемирную стратегию: неограниченно во времени быть «актуальным на время».

4) Четвертый, и заключительный, продуктивный момент гегелевской «Феноменологии духа», демонстрирующий действенную схему реализации субъективности через своеобразно трактуемый аффект и, одновременно, предлагающий способ её теоретического описания, также связан с идеей «несчастливого сознания», подхваченной неклассической философией субъекта. Историко-философские и содержательные её реконструкции мы находим у Дж. Батлера, Ж. Валье, Ж. Ипполита, А. Кожева, Ж. Лакана, Л. Хейде. По словам последнего, «...в образе несчастного сознания выражена собственно структура конечности и «невозможная» логика абстрактной автономности. Поэтому он обладает огромным значением для понимания опыта конечности, доминирующего в современной культуре и философии» [9. С. 7].

Фактичность, образующая горизонт современных концептуализаций субъективности, далеко отстоит от классических оптик представления субъекта как, в первую очередь, и, по преимуществу, носителя чистого самосознания. Однако «конечность», прочно вошедшая в горизонт современной философии субъекта, именно в гегелевской версии «несчастливого сознания» обретает перспективу другой трактовки. Уже Ж. Валь отмечал: «Момент несчастного сознания (у Гегеля, – примеч. наше) – это момент субъекта как субъекта, и это величие современного мира довело субъективность до такой точки, что, с одной стороны, она даже в той мере, в какой она является конечной, представляет собой бесконечное...» [10. С. 110–111].

Исследуя возможности коллаборации психоанализа и деконструкции, В. Мазин в работе «Субъект Фрейда и Деррида» прямо пишет: «Сам процесс субъективации исходит из признания конечности, смертности *другого* (курсив наш. – В.П.)» [11. С. 216]. В своем анализе В. Мазин задействует структуру фрейдовской «меланхолии», которая, согласно Ж. Деррида, связывает фрейдистскую оптику представления субъекта с марксизмом, а следовательно, и с гегелевской философией присутствия. Марксистский анализ

сам деконструирует Гегеля, однако именно последнему К. Маркс обязан логикой артикуляции субъективного (с тем, что уже здесь модус «строгой теоретичности» уступает место праксису). Субъект психоаналитического и постструктуралистского анализа – лишь отчасти целостный субъект. В действительности, эта конструкция исторична и, в конечном итоге, представляет собой продукт последовательной сборки в виде исторических детерминаций. Конституция такого субъекта держится на интериоризации чего-то Другого: «Реальность начинается с удвоения, телепатического раздвоения, разделения всемогущества мыслей» [Там же. С. 218].

Идея смерти, вынесенная в заглавие программной работы А. Кожева, присутствует уже в гегелевской трактовке субъективности в форме *рабского сознания*: «... это сознание испытывало страх не по тому или иному поводу, не в тот или иной момент, а за все свое существо, ибо оно ощущало страх смерти, абсолютного господина... Если оно испытало не абсолютный страх, а только некоторый испуг, то негативная сущность осталась для него чем-то внешним, его субстанция не прониклась ею насквозь. Так как не вся полнота его естественного сознания была поколеблена, то оно *в себе* принадлежит еще определенному бытию; собственный смысл (*der eigene Sinn*) есть *своенаравие* (*Eigensinn*), свобода, которая остается еще внутри рабства» [4. С. 104–106]. «Абсолютный страх» в этом гегелевском фрагменте, конечно же, приобрел свое подлинное звучание в проекте хайдеггеровской экзистенциальной аналитики и во всех будущих – эксплуатирующих идею фактичности – тематизациях субъективности. Но уже здесь радикализация фигуры Ничто как ужаса и как абсолютной негации уравновешена тем обстоятельством, что не-бытие даётся гегелевскому «рабскому сознанию» способом вождения и труда, тем самым выступая условием свободы. Вождение (позднее – психоаналитическое «*желание*») возникает только в ситуации негативности и движимо предпосылкой нехватки. Оно оформляет опыт отсутствия и, одновременно, активирует восполнение отсутствующего посредством производящего усилия. Только что здесь производится?

Разумеется, речь может идти и о вполне материальном «воспроизводстве»: так предпочитает «развернуть лицом к действительности» Гегеля марксистский проект *человека экономического*. (Так, кстати сказать, выглядит феномен моды с эмпирической – социологической и утилитарно-психологической – точки зрения: поступившая в наше распоряжение модная вещь на какое-то время дарит нам ощущение полноты обладания, принадлежности к референтной группе и, в целом, успокоенность от возможности удовлетворить открывшуюся потребность.) Однако уже А. Кожев показывает, что желание и «восполнение» отсутствия, в действительности, предполагают не просто «нематериальный», а вообще не онтический, скорее, *онтологический* разворот темы (примерно так опыт негативности как опыт чужой смерти рождает нехватку именно онтологического рода). В горизонте «мышления индивидуализированного бытия» производящий субъекта «негативный» аффект

проявлен и означен, – а следовательно, мылим – как персональная, удостоверяющая идентичность автомикронаррация. В этом пункте ожидаемое качество перформативности так понятой субъективности указывает на символическую границу идеологичности и вообще любой генерализирующей нарративности. Именно здесь наши симпатии – на стороне «рабского сознания», которое может *обмануть* Другое=Господина, проявив, согласно Гегелю, свое «своеобразие» (Eigensinn)» (см. выше).

Отметив ранее, что лакановский аффект, связанный с желанием Другого, является неперменным условием конституирования субъективности, обеспечивая успех субъективации любого типа, мы не коснулись вопроса о *языке высказывания*, на котором говорит желание в предлагаемых обстоятельствах: желание, имеющее ту или иную культурно-историческую прописку; желание, в котором показывает себя бессознательное как принудительность дискурса Господина; желание, дающее приращение аффективности и способствующее самоаффектации субъекта. Структурный психоанализ берется утверждать, что *семантически* любой язык, на котором желание высказывает себя, имеет дело с ним самим в качестве единственно значимого интенционального объекта. Но с точки зрения *знакового своеобразия*, таких языков – великое множество. И *мода* – один из них. В этом смысле типы «желающего дискурса» структурно устроены похожим образом. *Мода*, как и прочие социальные и культурные практики и индустрии, имея дело с субъектом желания, «озвучивает» желание «продолжать желать» (это и есть подлинный референт модного высказывания). Способ означивания, который при этом задействован (собственно конфигурация материальных означающих), апеллирует к «модным образцам» стандартизированного поведения в области повседневных практик, касающихся речи, внешнего вида, разнообразных привычек, образа мысли и других «опознавательных знаков», которые мы ассоциируем с языком моды. Отслеживая логику и, во многом, грамматику психоаналитической трактовки субъективности как прибежища продуктивного фантазма (в том числе, *модного фантазма*), следует указать на ряд идей, оформляющих лакановскую транскрипцию «желания» в качестве производящего принципа, дающего начало персонифицирующему «воображению себя».

1) Во-первых, гегелевская постановка вопроса об историческом характере формирования субъекта была продолжена аппликацией общей идеи «введения истории в философию» (А. Кожев) на область *социально ангажированного представления субъективности*. Так, в кожевской редакции антагонизм «господского» и «рабского» принимает форму именно антропогенного. Для А. Кожева социальность в качестве естественного пространства развертывания «человечности» означает переход от абстрактного полагания субъекта как эпизода общемировой истории Духа к признанию автономии и самостоятельности *человеческой* истории: «По Гегелю, диалектично конкретное Реальное, т.е. Тотальность, или тотальный Синтез, то бишь Дух.... Однако в онтологическом плане раскрытое-

Бытие включает два момента: Бытие как *раскрытое* Бытие (Тождество, Тезис) и Бытие как *раскрывающее* (Отрицание, Антитезис). Это значит, что в метафизической плоскости следует различать два нераздельных, но существенно различных Мира: природный и человеческий, или исторический» [12. С. 605–606]. Иначе говоря, Другой теперь ассоциирован с *общественным* – символически прописанным – ценностным порядком. Принадлежность такому порядку *онтически* означает, что субъект рано или поздно займет в нем свою, законным образом принадлежащую ему социальную нишу. *Онтологически* же конститутивным становится мотив *признания*, который А. Кожев обнаруживает уже у Гегеля и делает ключевым в рассуждении о свободе, историчности и «творческой негативности»: «...каждый человек в меру своей человечности (или «духовности») хотел бы отличаться от всех остальных и быть «неповторимым». Но с другой стороны, он хотел бы, чтобы его признало – и именно как единственного и неповторимого – возможно большее число людей, а лучше бы – все. Это означает, говоря словами Гегеля, что, по-настоящему человеческий или радикально отличный от животного, человек всегда ищет Признания и осуществляется только тогда, когда действительно получает его» [Там же. С. 629].

Жажда признания, таким образом, лежит в основании собственно человеческого переживания себя «человеком» и / или «не-совсем-человеком»; переживания «свободы» и / или «нехватки-свободы». Продуктивность такой самоаффектации целиком покоится на использовании диалектической и творческой стороны негативности: именно она позволяет желанию выявить то самое «отсутствие», с которым субъект будет иметь дело на пути к самому себе. В этом пункте А. Кожев предвосхищает постановку вопроса о месте и значении структуры желания у Ж. Лакана: «Желание Признания... есть желание желания, т.е. что-то такое, чего в реальности *нет* (ведь Желание – это «явленное» *отсутствие* некой реальности): желание сделать так, чтобы тебя признали, – это желание быть принятым в качестве положительной «ценности», т.е. именно сделаться желаемым... такое желание означает *отрицание* налично-данного, каковым сам же и являешься, *освобождение* или обретение от него *независимости*. Но такое – буквально – самоотрицание и одновременное продолжение существования есть *сотворение* из себя чего-то нового и, стало быть, существование как самосотворение, т.е. как свобода...» [Там же. С. 616–617]. Другими словами, и для Г.В.Ф. Гегеля, и для А. Кожева субъективность именно *исторична* и именно *производится*: уже здесь постулируется изначальная и принципиальная «вне-находимость» субъекта. И именно здесь обнаружение и изживание внутренней лакуны «субъективного» теснейшим образом увязано с продуктивным переживанием (следовательно, – «*вождеделением*» и будущим «восполнением») дефицита себя как «самостоятельности» и свободы, с формированием положительного фантазма.

2) Второе условие субъективации связано с поздней – собственно психоаналитической – трактовкой

желания и той транскрипцией субъекта, что нашла продолжение у Ж. Лакана и, например, у С. Жижека. В этой ситуации мы также имеем дело с субъектностью, вынесенной вовне и, фактически, извне заимствованной. Специфический разворот темы, с которым приходится считаться в случае двух вышеупомянутых авторов, как нельзя кстати: психоанализ всегда интересовался *практической* стороной дела. В отличие от метафизиков «гегелевского призыва» (исключение составляет сам А. Кожев с его креном в сторону левого политического дискурса и увлечением Революцией) психоаналитики вполне освоились в пространстве «социального» и «культурного», прямо усмотрев в них образ интериоризируемого Другого. Обращение к социальным и культурным шифрам в практике психоаналитической интроспекции – будь то клинический кейс, или история невроза, или разбор литературного, кинематографического, вообще любого художественного текста как определенных дискурсивных манифестаций субъективности – позволило схватить генеральное направление движения при анализе форм праксиса, в которых субъективность «показывает себя». В нашем случае, то, что мы обозначаем понятием «модной субъективности», подчиняется общему принципу интерпретации субъекта как нуждающегося в «обретении субъектности» посредством опыта интересубъективного соотнесения себя с Другим. В границах модного сознания такая соотнесенность также обеспечивает переживание определенно-го аффекта высокой степени интенсивности.

Как и следовало ожидать, психоанализ задействовал структуру бессознательного. Рождение человека-субъекта эксплуатирует фигуры Нарцисса и Эдипа. Генетически – «на стадии зеркала» – Нарцисс предшествует Эдипу, затем в классическом фрейдизме значение Эдипа кратно возрастает. (Ссылаясь на Ж. Лакана, В. Мазин характеризует человеческую связанность таким образом, что мы с легкостью опознаем не только ранний психоаналитический, но и кожевский, и даже гегелевский мотив в описании несвободы индивида: «...исходя из отношений Эдипа, он попадает в мир других, в символический универсум социальных объектов. Это уже мир Закона Другого, языка, этики, логики, идеологии, порядка. В этом порядке человек находит себя. Он становится *говорящим субъектом*» [13. С. 5].) А вот в дальнейшем анализе фигуры Эдипа и Нарцисса меняются местами. Это происходит потому, что так называемая «успешная социализация» (организованная как добровольное подчинение порядку символического Другого) на деле оказывается формой «интерпассивного наслаждения» (С. Жижек), во многом напоминающей товарную фетишизацию: открытое выговаривание себя – например, в случае субъекта моды – всегда выглядит как неизбежное, но потенциально опасное для его самочувствия балансирование между Символическим и Реальным. С. Жижек описывает структуру так проявленной субъективности, как отчужденную и извращенную: «Объект, который дает телу избыточное наслаждение, очаровывающее субъекта, сводит его к пассивному пристальному взгляду, бессильно уставившемуся на объект; такие отношения, конечно, пе-

реживаются субъектом как нечто постыдное, недостойное... Интерпассивность поэтому следует рассматривать как изначальную форму защиты субъекта от наслаждения: я отдаю наслаждение Другому, который пассивно испытывает его... вместо меня» [14. С. 29]. Разумеется, следует помнить, что С. Жижек рассуждает в логике позднего капитализма – в логике социальности, вписанной в общий тренд потребления и оформленной как идеологическая интерпелляция по адресу субъекта, желающего стать субъектом автономии и свободы в выговаривании себя. И это желание вполне выполнимо, как только персональный фантазм по адресу собственной идентичности и независимости приобретет черты истерического и невротического симптома.

«Истеризация субъекта» – общее требование реконверсии социально-философского и антропологического знания, его перевода на рельсы десубстантивистской логики в описании индивида вообще и, одновременно, главное событие персональной биографии последнего. Именно истеризация – как «овнутреннее» внешнего (Господского) запроса – становится позитивным механизмом самоаффектации. Результатом такой интериоризации «желаний Другого» и «желания Другого» оказывается фантазм собственной свободы и собственного свободного выбора как основания персональной идентичности, внутренней цельности и единства субъективных проявлений. Технически Другой – это системная и репрессивная инстанция надзора и контроля, под взглядом которой протекает наша интимная жизнь. Бессознательно Другой обращен к нам посредством речи, в которой уже зашифрованы все вызовы и сама возможность ответа на них. Речь Другого структурирует потенциал нашего собственного высказывания, так как в ней уже содержится вся искомая языковая разбивка реальности: все те дисциплинарные и лингвистические коды, посредством которых мы якобы выражаем «себя». Мышление в категориях «свободы» придает особый вес притяжательным местоимениям и предикату «моё». Иллюзия такой самопринадлежности чего бы то ни было («мой внешний облик», «моя манера говорить», «мои туристические предпочтения», наконец, «мой образ мысли») имеет положительный эффект в виде конечной центрации *Я* и вытеснения любого травмирующего знания о несамостоятельной природе собственных желаний. В то же время приращение рефлексивной способности, свойственное субъекту современной социальности – эпохи позднекапиталистического материального и символического изобилия, – способно сыграть с этим типом субъективности злую шутку.

В обществе давно созданы условия, при которых былая «невинность сознания» подвергается массивным атакам со стороны тех социальных институций, что отвечают за дальнейшее «просвещение субъекта». В результате последний, кое-как обретший чаемую цельность, оказывается расщеплен по новой. Например, *модный субъект*: а) знает о манипулятивных механизмах функционирования современного рынка (частью которого является мода как институт производства, обмена и потребления); б) прекрасно осведомлен о соблазнах и лукавстве символической

капитализации модного знака (реклама, медиа, разнообразный модный консалтинг ориентируют потребителя на «самое лучшее», которое, зачастую, оказывается «самым престижным» или, попросту, «самым дорогим»); в) следит за продвижением модных трендов и редко полагается на свою первичную интуицию, тем самым демонстрируя рефлексивность того образца, которая исключает спонтанность и единственно радующую «естественность выбора»; г) к тому же он образован (пусть и поверхностно) со стороны именно психоанализа и изначально подозрителен в отношении даже собственных интенций и склонностей.

3) Наконец, не следует упускать еще одно обстоятельство: истерия всегда имела телесную форму проявления. Несмотря на специфику в трактовке символической сферы в классическом и структурном психоанализе, в понимании этиологии, значения и общей модальности истерии в лакановской версии символического Другого и его интериоризаций в структуру субъективного, значение телесного аспекта сохраняется. Отсюда интерес к тем социальным практикам, где прямо задействовано тело, вполне предсказуем: актуальную повестку образуют практики, напрямую связанные с *повседневностью* и с опытом *повседневного* самообнаружения субъекта. Смещение исследовательских акцентов в эту область позволяет задействовать коллективное и индивидуальное бессознательное структурным образом – для оценки как намерений субъекта, так и конечного эффекта их реализации.

Действительно, в случае с *модой* структурный каркас Реального – Воображаемого – Символического наполняется за счет особым образом трактуемого пола телесности. Он присутствует во всех этих структурных подразделениях. Так, «Реальное» моды – это, в том числе, избыток телесной и душевной гармонии (максимум эротичности, наслаждения, красоты). Здесь радикализм в понимании Другого как модного образца (средоточия всех мыслимых и немыслимых превосходных качеств, ассоциируемых с травмирующим субъекта психическим остатком) с трудом, но переводится в регистр «Символического» моды. «Реальное» впрямую требует от «Воображаемого» модного субъекта поистине невозможного: тот не в силах соответствовать и половине предписаний, которые диктует модный образец и желание ему угодить (вечное стенание модника: «Мне нечего надеть!»). На поддержание модного желания работает современная Машина моды (индустрия глянца, медиа и шоу-бизнеса). Особая роль отведена конsumerистской установке. Применительно к ней все чаще звучат обвинения в «обыкновенном фашизме», поскольку современное потребление поднимает планку выше и выше: Другой, до которого субъект хочет дотянуться, постоянно ускользает в силу абсолютной радикализации собственной «инаковости» (в этом Другом заявляет о себе не просто культ физического и интеллектуального совершенства, молодой энергии, восхитительного эгоцентризма и свободы от любых сдерживающих обязательств, но и – прямо – ожидание *бесконечности* в проявлении всех этих качеств, то есть, попросту, бессмертия). Поэтому для массового сознания, имеющего дело с вызовами моды, привычной

выглядит мифологизация вполне реальных персонажей, приписывание им почти сверхъестественных свойств вечной молодости, вечного энтузиазма в поддержании собственного status quo (так, мы искренне недоумеваем, когда кто-то из них добровольно покидает подиум или пространство медиа, выпадает из публичной сферы, или, чего доброго, вовсе исчезает: персонажи этого отдельного мира наделены поистине сверхчеловеческой способностью бесконечно вступать в брак, менять партнеров и собственные склонности, обзаводиться детьми в любом возрасте и в любых количествах, абсолютно бесстрашно затевать все новые и новые проекты, успевать везде, писать книги, выступать с речами и т.д. и т.п.).

Однако травмирующее модного субъекта сравнение с таким Реальным парадоксальным образом сглаживается благодаря устройству самого модного сознания и модного дискурса: как было сказано выше, они изначально организованы вокруг идеи *изменчивости*; той идеи, что *по-настоящему вечного не существует*. Другими словами, это Реальное притягивает и, одновременно, отталкивает, поскольку на стороне собственно «человеческого» – та самая «*изменчивость*»: ее-то – как «человеческое» вообще, включая сюда самого себя – субъект, в конечном счете, и выбирает. В результате механизмы самоидентификации учитывают Реальное моды способом «от противного»: задействованный здесь аффект «смягчает» воздействие травмирующего содержания Реального, включая режим «значимого Другого» в формах приемлемого Символического.

Социальность, устроенная конsumerистским образом, производит не только и не столько «объекты модного желания», сколько – желание само по себе и, – что гораздо существеннее, – *оптику* такого желания, при которой всё буквально втянуто в орбиту, одновременно, «*желающего*» и «*потребляющего*» взгляда. Здесь всё эквивалентно всему, даже «мужское» с легкостью конвертируется в «женское» в том смысле, в каком ранее лишь последнее выступало объектом *разглядывания* и *символического*, а вслед за ним физического *потребления*. Безусловно, здесь заявляет о себе императив признания, на который указали уже Г.Ф.В. Гегель и А. Кожев, правда, с некоторых пор, – в виде *невроза признания*. Невротическая «установка признания», подталкивающая идеального потребителя модного образца к неограниченной активности избранного рода, «приостанавливает» внутреннее время самого субъекта. Вернее, конституирует модного субъекта таким образом, что его собственная темпоральность скована со стороны бесконечного вращения в кругу внешних обстоятельств и раздражителей. «Воображаемое», с которым мы здесь имеем дело, движимо амбивалентным фантазмом: а) готовности меняться до бесконечности и б) в любой момент – торможения и консервации изменений в угоду достигнутого (фантазматического) совпадения с образом.

В результате, примеряя модную идентичность (сделав себя носителем модного образа), субъект переживает аффект, демонстрирующий, как минимум, двойственную структуру: 1) во-первых, как латентно

травмирующий, указующий на несамостоятельность, неоригинальность «себя», а 2) во-вторых, как позитивный – «присваивающий» чужое желание и, ценой

«объективаций себя» в угоду такому желанию, – выявляющий полноту присутствия как цельное, получившее, наконец, доступ к себе «Я».

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / пер. с фр. Е. Гунст. М.: Канон-Пресс-Ц, 2002. 512 с. (Серия *Civitas Terrana*).
2. Бенвенуто С. Мечта Лакана / пер. с англ. М. Колопотина, В. Мазина, Н. Харченко; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб.: Алетея, 2006. 172 с. (Серия «Лакановские тетради»).
3. Руткевич А.М. Введение в чтение А. Кожева // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 476–487.
4. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2006. 443 с. (Серия «Слово о сущем»).
5. Лейбин В. Желание // Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 956 с. (Psychology).
6. Соболева М. «Опыт самосознания»: Гегель и Лакан // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 505–515.
7. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинары; Книга XVII (1969–70)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.
8. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблюна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетея, 2002. 168 с.
9. Хейде Л. Автономность и несчастное сознание // Логос. 1999. № 9 (19). С. 4–15.
10. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 330 с.
11. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетея, 2010. 256 с. (Серия «Тела мысли»).
12. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. Подборка и публикация Реймона Кено / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. 2-е изд. СПб.: НАУКА, 2013. 791 с.
13. Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб.: Алетея, 2005. 160 с. (Серия «Лакановские тетради»).
14. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб.: Алетея, 2005. 156 с. (Серия «Лакановские тетради»).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 мая 2018 г.

FASHION AS A FORM OF SELF-AFFECTATION OF THE SUBJECT: THE ACCESS CODE TO PERSONAL IDENTITY IN THE POSTCLASSICAL PROJECT OF THE SUBJECT'S PHILOSOPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 41–50

DOI: 10.17223/15617793/432/5

Valeriya V. Petrenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vptomsk@mail.ru

Keywords: fashion; fashion subject; “unhappy consciousness”; “fashionable desire”; affect; identity.

The article raises the question about the possibility of thematization of fashion in the horizon of contemporary philosophy of mind and philosophy of the subject. The author discusses the prospects for the interpretation of the fashion consciousness as a kind of “unhappy consciousness” in Hegel’s edition, in the interpretation of A. Kojève as a representative author of philosophical criticism and also on the example of the school of structural psychoanalysis. The subject of the discussion is the powerful expansion of fashion as a public phenomenon into the intimate (emotional) sphere – de facto, into the sphere of subjective experience: fashion has discovered itself as an independent form of self-affectation promoting formation, understanding and self-understanding of the historical subject. Putting the question of literariness and historicity as strategies for self-presentation and, at the same time, self-description of the character of fashionable history, the author starts from the general scheme for representing the methods of subjective mechanisms. Philosophical optics, which initiated the “knowledge of oneself” and, thus, demonstrates the approaches to the theme of the production of subjectivity, was identified in the philosophy of the twentieth century. Here, almost simultaneously – in the metaphysics and the social theory, which predetermine the philosophy of the subject of the modern pattern, – the theme of the subject receives a distinct intersubjective reversal, and the strategies for self-interpretation first involve the figure of the Other. The subject of psychoanalytic and poststructural analysis is only partly an integral subject. In fact, this construction is historical and represents a product of consistent assembly in the form of historical determinations. It has been shown that the total theoretical fashion reception indicates that the neurotic “attitude of recognition” constitutes a fashionable subject in such a way that his own temporality is constrained by an endless rotation in the circle of external circumstances and irritants. The “imaginary”, with which we deal here, is driven by an ambivalent fantasy: a) the rarity to change infinitely and b) the suspension of any changes until then to suit the achieved coincidence with the model.

REFERENCES

1. Montesquieu, Ch. (2002) *Persidskie pis'ma. Razmyshleniya o prichinakh velichiya i padeniya rimlyan* [Persian Letters. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans]. Translated from French by E. Gunst. Moscow: Kanon-Press-Ts.
2. Benvenuto, S. (2006) *Mechta Lakana* [The Dream of Lacan]. Translated from English by M. Kolopotin, V. Mazin, N. Kharchenko. St. Petersburg: Aleteya.
3. Rutkevich, A.M. (2010) Vvedenie v chtenie A. Kozheva [Introduction to reading A. Kojève]. In: Motroshilova, N.V. (ed.) “*Fenomenologiya dukha*” Gегelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya [Hegel’s “phenomenology of the spirit” in the context of modern Hegel studies]. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.
4. Hegel, G.W.F. (2006) *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha* [System of sciences. Part One. Phenomenology of the spirit]. Translated from German by G. Shpet. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka.
5. Leybin, V. (2010) Zhelanie [Desire]. In: Leybin, V. *Slovar'-spravochnik po psikhoanalizu* [Reference dictionary on psychoanalysis]. Moscow: AST: AST MOSKVA.
6. Soboleva, M. (2010) “Opyt samosoznaniya”: Gегel' i Lakan [“Experience of self-consciousness”: Hegel and Lacan]. In: Motroshilova, N.V. (ed.) “*Fenomenologiya dukha*” Gегelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya [Hegel’s “phenomenology of the spirit” in the context of modern Hegel studies]. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.

7. Lacan, J. (2008) *Iznanka psikhoanaliza (Seminary; Kniga XVII (1969–70))* [The Other Side of Psychoanalysis (Seminars; Book XVII (1969–70))]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnozis; Logos.
8. Butler, J. (2002) *Psikhika vlasti: teorii sub'ektsii* [The Psychic Life of Power: Theories in Subjection]. Translated from English by Z. Babloyan. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya.
9. Heyde, L. (1999) Avtonomnost' i neschastnoe soznanie [Autonomy and unhappy consciousness]. Translated from German. *Logos*. 9 (19). pp. 4–15.
10. Wahl, J. (2006) *Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya* [The unhappy consciousness in Hegel's philosophy]. Translated from French by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
11. Mazin, V. (2010) *Sub'ekt Freyda i Derrida* [The subject of Freud and Derrida]. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Kojève, A. (2013) *Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshey prakticheskoy shkole* [Introduction to the reading of Hegel. Lectures on the Phenomenology of the Spirit, read from 1933 to 1939 in the Higher Practical School]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka.
13. Mazin, V. (2005) *Stadiya zerkala Zhaka Lakana* [Jacques Lacan's stage of mirror]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Žizek, S. (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassiveness. Desire: attraction. Multiculturalism]. Translated from English by A. Smirnov. St. Petersburg: Aleteyya.

Received: 07 May 2018

CAREER CONSTRUCTION: INCLUSIVE EDUCATION FROM SCHOOL TO COLLEGE AND UNIVERSITY

This article presents the obstacles that Russian schoolchildren with special needs face when considering vocational and professional education. Using the analysis of official reports, applied research methods and sociological methods, the researchers identified the following obstacles: lack of specific career guidance at school; disabled students' fear that they lack physical strength to study and the negative attitude of others.

Keywords: children with special needs; employment of disabled people; career development; Russian education; physical fitness; physical rehabilitation; inclusive education.

Introduction. The acquisition of education (of all levels) is currently the main component of the policy of inclusion and a key tool for the social adaptation of children with special needs which should enable them to gain economic independence in the future (*The research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 16-18-00016)*). In this process, career planning is seen as a constant component, despite the fact that the individual trajectory of one's career may change throughout one's life and constantly evolves. The construction of a career depends both on the way individuals approach this issue in order to find solutions, and on the way they perceive reality. In particular, the success of career development at least partially depends on an individual's ability to adapt to their environment, and not on the person's maturity [1. P. 239]. Savickas' paradigm for career construction involves the construction of the process through small stories of victories and design intentions, adaptive technologies and programs. Consequently, creating conditions for the adaptation of children with special needs to learning and social environment is an important task of inclusive education, as it should help them in their professional orientation.

Research aim: to analyze obstacles that prevent children with disabilities from entering a college or university; to understand how these obstacles can be removed through social and physical adaptation programs at a school, college or university; to present the principles for the development of these programs in accordance with the key principles of inclusion.

The object of the study: discussion of obstacles that children with disabilities encounter during the transition from secondary education (school) to professional and vocational education (college, university).

The results of the research indicate that children with special needs experience not only difficulties in entering a college or university and following the program of study. They are also concerned about various issues associated with the learning process such as fatigue, lack of strength [2], physical access to infrastructure, negative attitude of others [3–5].

Conceptual framework. This study emphasizes that disabled people's visible participation in social processes is seen as the criterion of the realization of equal opportunities [6]. The authors draw on the following principles for building the working life of people, models of career support – “constructing of a career” following M.L. Savickas, L. Nota, J. Rossier: 1) accounting for op-

portunities in accordance with current circumstances (“contextual” element); 2) dynamic (not static) monitoring and supporting process; 3) expecting to make some progress at each stage; 4) considering and comparing many perspectives; 5) modeling individual trajectories [1].

The authors also take into account extensive existing research on methods of career support, counseling and vocational guidance: studies of specialists from recognized centers of career construction research in France (Paris), Switzerland (Lausanne), Italy (Padua), USA (Ohio), Portugal (Lisbon), Belgium (Brussels), Holland (Amsterdam) [Ibid.].

In the theory of career construction, the key element is the model of reasoning, which a person with disabilities adopts as a model of his or her professional behavior, which is realized during his or her life cycle. The authors report on the research findings, which suggest that activities aimed at developing communication skills and physical training in preparation for study in higher education are amongst the most effective inclusion mechanisms. This is seen as the main task of programs for the adaptation of schoolchildren to studying in the system of professional and vocational education, to the transition from school to college (university).

Research methods. In order to present the current research findings in the framework of existing body of knowledge, the authors accessed official statistics presented on official websites and information resources associated with disability issues in Russia.

In Russia, there were several studies on the problem of disabled people in the system of higher education since the 90's. For example, in 2002–2003, a group of sociologists of Saratov State Technical University with the support of the Ford Foundation and the Independent Institute of Social Policy (E.V. Belozeroва, D.V. Zaitsev, G.G. Karpova, E.K. Naberushkina, P.V. Romanov, A.A. Chernetskaya, E.R. Yarskaya-Smirnova (principal investigator) conducted a study titled “Accessibility of Higher Education for Disabled People” [7–9] (Leading organization: Center for Social Policy and Gender Studies).

In 2002–2004, a team of researchers carried out the project titled “Analysis of Accessibility of Higher Education for Socially Vulnerable Groups”, and its research findings were published in the collection of articles of the Independent Institute for Social Policy [10]. The articles contain information on the differences in the opportunities for higher education access for different social groups, including children with disabilities.

In April–June 2008, a large-scale sociological study of the problems of disability and rehabilitation of disabled people was carried out within the framework of the project “System of Rehabilitation Services for People with Disabilities in the Russian Federation” (Kostroma, Moscow, Saratov regions and St. Petersburg). The project of this scale and scope was conducted for the first time in Russia. It involved a large number of Russian and European experts, renowned specialists in sociology, rehabilitation and social policy, from Oxford and Exeter Universities (Great Britain), St. Petersburg State University, and Moscow Institute of Medical and Social Rehabilitation, Center for Social Policy and Gender Studies (Saratov, Russia). In the course of the study, researchers obtained data that present a real assessment of the situation of disabled people in the Russian Federation. It contributed to the improvement of the state social policy with regard to disabled people and provided grounds for working out concrete measures aimed at increasing the effectiveness of integrated rehabilitation and social integration of disabled people. This research made it possible to determine the parameters of teachers’ readiness to accept students with disabilities and able-bodied students’ readiness to accept disabled peers. Moreover, it was possible to evaluate the existing level of development of the environment accessibility and consider the range of professions, which people with disabilities mostly choose to pursue, and also the measures by means of which universities create opportunities for disabled people’s access to higher education [11].

This article introduces the project titled “Physical, Social, and Psychological Adaptation of Children with Disabilities to Vocational Training” conducted at Tomsk Polytechnic University (Russia). The researchers used an interdisciplinary approach as a research strategy – this makes such a project unique. Colleagues of the Department of Physical Culture (principal investigator Professor L. Kapilevich) examined the specificity of motor movement of 100 Tomsk schoolchildren of 8th, 9th and 10th grades with various forms of disability (mainly with cerebral palsy). This allowed Kapilevich’s research team to assess the overall motor processes of students’ locomotion. During the assessment, the electronic platform registered at what angle a person makes a step, special sensors evaluated the movements of his or her arms and legs, traced the pattern of imbalance, the electrodes fixed the work of the muscles and the ways of walking. For this study, children with significant but not critical disorders were selected and included those who had impairments of the motor apparatus and severely impaired vision.

Simultaneously, researchers from the department of Social Communications of Tomsk Polytechnic University (principal investigator Professor N. Lukianova) conducted a survey of these schoolchildren’s views on inclusive education. Their parents and experts in the field of inclusive education were also included in the study. The first study was conducted as a formalized questionnaire survey of Tomsk secondary school students (9th–11th grades) with disabilities. This was a mass survey of the social community of Tomsk schoolchildren, who have various disabilities.

As part of the second study, which was conducted simultaneously with the first one, children’s parents

(guardians) were also interviewed using formalized questionnaires, correlating on their questions with the questionnaires for children. A total of 70 observation units were analyzed. Of these, 39% were girls and 61% were boys. The second study involved 60 parents of disabled children. Of these, 94.8% were parents of children with disabilities, 2 guardians (3.4%) and one respondent (1.7%) was “another relative”. The purpose of the study of the first two surveys was to understand how children planned to continue their education and what the main obstacle in planning their professional career (in the process of choosing a college or university) was. The researchers also set a task to analyze what the reason for the refusal to pursue professional education was and what future obstacles those who are ready to become a student, envisage in the future.

The third study involved questioning experts – teachers, organizers of the educational process, education psychologists, whose work is directly connected with the teaching of students with disabilities in the system of inclusive vocational and professional education. A total of 34 experts (38% men and 62% women) took part in the survey. Seventeen people work as teachers directly with students with disabilities. All the data were analyzed within the framework of the contextual approach, based on Savikas’ theory of professional career development. The theory describes cognitive and interpersonal processes that give meaning and direction to individual professional choice [12]. The researchers also studied official reports containing information about the problems which people with disabilities face when pursuing professional education and later on when building a career.

Results of the study. The analysis of the obstacles that children with special needs from the upper grades and their parents see on the way to vocational and professional education in the course of the transition from school to college or university, allowed the research teams to conclude the following.

1. The study conducted by Professor Kapilevich’s research group revealed a clear relationship between the level of confidence in children’s motor movement and the level of confidence in social communication. Studies of the physical abilities of schoolchildren revealed that children with the same diagnosis and health condition can significantly differ in their level of adaptation to social reality. Whilst one child can move independently and is not afraid to go for a walk with his or her peers, another child considers himself or herself disabled and prefers to stay at home. Consequently, the former is ready to continue his or her professional education, as he or she has a positive experience of social communication, and the latter fears to consider further and higher education options.

2. Sociological studies demonstrate that disabled children’s social communication skills and the level of career guidance they receive depend largely on the parents. Students with disabilities were asked how they obtained information about professional and vocational education. Respondents were not limited in the number of selected answers, and the hierarchy of answers looked like this (the answers ranged from the ones that received the largest number of selections to the lowest): “From parents” – 61%; “I independently search the Internet” – 60%; “From

friends, classmates" – 36%; "From social workers" – 10%. According to the spread of the responses, both parents and school help children with disabilities to determine their professional choices. Children themselves are also proactive in finding information. However, the responses also reveal that there is a lack of information in understanding what their career can be specifically. This can be explained by the fact that career guidance in schools is aimed at able-bodied children – the majority.

Our respondents study in mainstream classes and they need the filtering of the information flow presented to potential applicants. When asked whether they are sufficiently informed about the professional education no respondents selected the answers "I do not need information" or "There is absolutely no information". The largest percentage of respondents answered "yes, quite" – 49%; "I already know a lot, but I would like even more" – 31% and 20% chose the answer "I have very little information on what kind of professional education I could get". The respondents were obviously interested in receiving information about opportunities for obtaining a professional education, but at least 51% of this need was not fulfilled. As emphasized in the study conducted at the Monitoring Laboratory of Moscow City Psychological and Pedagogical University, "Weak awareness of inclusive education remains a major barrier to its implementation" [13].

Young people's evident orientation to continue vocational and professional education is partly the result of their parents' influence. 27.6% of parents reported that their children were going to pursue a course in secondary vocational education, 70.7% of parents reported that their children were going to pursue a course in higher education, 1.7% responded that the child had not yet made his or her decision. When asked who made the decision regarding further education plans, the majority (76%) said that the decision was made jointly; 21% of parents responded that this was primarily the decision of the child himself or herself, and 3% responded that the child considered the parents' opinion.

3. Another issue concerned various barriers to vocational and professional education. The question was "What do you think, for people with health restrictions, what can be the most difficult in obtaining a professional education? (Choose the most important obstacles and no more than 3). Respondents could choose the following answers: "I do not see any special difficulties"; "Fatigue, lack of strength"; "It is physically very difficult to get to the place of study"; "Negative attitude of others".

The following results were obtained. If we talk in general about the entire group of respondents (regardless of nosology), the greatest difficulty for them was "fatigue, lack of energy" – 67%. The second most popular answer was "I do not see any special difficulties" – 37% and "the negative attitude of others" (31%) was the third. Undoubtedly, there were differences in responses depending on the nosology and severity of the child's condition. In general, parents see the same obstacles in obtaining a vocational and professional education as their children. The three leading answers were as follows. The greatest difficulty for both parents and their children was "fatigue, lack of strength" – 53%. The second most popular answer for

both groups was "I do not see any special difficulties" – 41%, but financial difficulties was the third answer as far as parents were concerned (36%) and "negative attitude of others" in the children's responses (31%).

Here we return to the problem, which was mentioned in connection with the first result of the study. Fatigue, lack of energy is a major obstacle standing in the way of the acquisition of professional and vocational education. This can be considered **the first obstacle** in the construction of a career. Sociological research confirms the conclusion that in matters of designing a career for children with special needs, more attention should be given to physical training. This is an important factor that affects the child's prospects of future professional education, and the parents' attitude is important here.

The researchers found consequential differences in parents' approach to their children's physical adaptation to the environment. One child could be taken everywhere with parents, taught to move independently, encouraged not to be afraid of difficulties, to communicate with his or her classmates, even if he or she does not play active games with them. Another child with the same diagnosis could be fully cared for by his or her parents, not allowed to go out, with the parents taking care of his or her health to the point of overdoing it.

In Russia, very few researchers link psychomotor disorders and the specific features of the social organization of life. R.V. Rogova stresses that the motor-muscle sensations form the basis of cognition of the surrounding reality [14]. V.S. Dmitriev asserts that motor skills training and improving stamina constitute one of the components of a socially significant future result, including hopes, attitudes and activities – flexible adjustment to the real capabilities of the individual [15].

Communication theorist N. Bar-Am [16] links communication with physical orientation in an environment and adaptation to it and argues that people's spatial positions – and movements – in relation to one another and to the societal whole affect and determine the nature of their situational communication. A confidently moving person will feel confident about communicating with others and will be more willing to integrate into peer groups. Thus, it could be suggested that it is necessary to include elements of physical adaptation into career construction programs as the latter has an integrative social function.

The second barrier standing in the way of the process of obtaining professional and vocational education was this: "It is physically very difficult to get to school" as indicated by our respondents. At present, in the Russian Federation, only 10 percent of universities provide not only architectural but, first and foremost, educational and methodological accessibility of higher education for disabled students, demonstrating a proper level of professional and pedagogical competence of the teaching staff.

Not surprisingly, these higher educational institutions become centers of attraction for disabled young people and accumulate the largest number of disabled students. In addition, in Russia, only 21 universities, according to monitoring, have the opportunity to train people with disabilities of any nosology [17]. At present, a network of resource (support) centers in federal districts is being created in Russia on the basis of higher education institu-

tions, which have considerable experience of working with students with disabilities of various nosologies. These local centers are coordinated from a single center. Since not all universities can create a comprehensive system of inclusion because of limited funding, such a network is supposed to solve accessibility problems in the higher education system.

The researchers note that the significance of a given barrier preventing inclusion depends not only on objective reasons (for example, such as the inability to move around the city in a wheelchair) but also on the subjective attitudes of the person with a disability, which was mentioned earlier. In this respect, the research team concluded that adaptation and career design programs should include a set of physical exercises that will not only improve the person's physical condition, but also help the student gain greater confidence in himself or herself.

It has also been suggested that the solution to the issue of physical accessibility of educational facilities can be partly solved through the project collaboration that involves various groups of students. Moreover, the overcoming of this barrier would be closely connected with the overcoming of another barrier, indicated by our respondents as the third most important obstacle – **the negative, hostile attitude of others**. As was mentioned earlier, this was the third most popular answer as 31% of respondents answered like this. Romanov and Yarskaya-Smirnova [8] emphasize that barriers are not in themselves specific features of someone's appearance, communication or movement patterns, but are results of the lack of public participation, which exacerbate social inequality between people. The authors of the article argue that one of the ways to overcome the first and second barriers could be the involvement of team project work of school and university students.

In line with this suggestion, Lukianova directed a project in autumn 2016, at Tomsk Polytechnic University whereby a team of students studying industrial design completed a portfolio consisting of the results of monitoring and assessment of the level of accessibility of the architectural environment on campus for students with disabilities. The portfolio included an interactive map of the campus.

The main objectives of this team student project were formulated as follows. Students had to analyze official documents that define norms and rules for assessing accessibility and regulate legal relations in the area of research. Moreover, they had to develop methodological recommendations for assessing the state of accessibility of a user-friendly social environment inside the campus and identify barriers to accessibility on campus for people with disabilities specifically including students with disabilities.

Thirteen objects (educational buildings) were chosen for the project. The students had to survey areas around the buildings in order to assess their accessibility and to identify the most convenient routes between buildings that have auditoriums adapted for the use by students with disabilities. The complexity of the project was due to the fact that the Tomsk Polytechnic University campus is spread across the city; therefore, the university may not always independently remove barriers that stand in the

way of someone moving from one university building to another. The students, under the guidance of certified experts in assessing the accessibility of the architectural environment (teachers of the Department of Industrial Design V.Y. Radchenko and E.M. Davydova), conducted the necessary measurements, took photographs. The work was carried out with the direct participation of students with disabilities (wheelchair users and visually impaired people), as mixed working groups were formed [18].

On the one hand, this approach allowed future engineers to see the existing problems for students with disabilities in real life as part of their learning process; on the other, joint work on a team student project was an effective tool for integrating students with disabilities into the process of education.

Drawing on the experience of implementing this student project, the researchers involved in the project argue that such a barrier as the negative attitude towards disabled people is not presented as obvious hostility or aggression. The researchers interpret this problem in two ways. As far as they are concerned, on the one hand, the problem lies in the way society perceives disabled people.

For example, an article describing this project refers to the following real life situation: "While a person on crutches is struggling to get out of the bus, half of the passengers prefer to turn away demonstratively and the other half rushes to help no less demonstratively. Meanwhile, both approaches are incorrect, as they force people with disabilities to feel uncomfortable, as a result of which many of them prefer not to leave their apartment if they can help it" [19].

So, the first position reflects the way able-bodied people view disabled members of society. Here are the results of a sociological survey (2015), which correlates with the research of our working group, as it examined the way young people under 25 perceive wheelchair users in society. The results of the study are described in the article by M.V. Shimolina [20]. Anonymous questioning and interviews were chosen as research methods. The questionnaires consisted of 25 questions. A total of 122 students were interviewed, with 62 respondents representing humanitarian courses and 60 students representing technical courses.

The results concerning the question of whether young people feel uncomfortable when meeting wheelchair users were encouraging: 36.8% answered that they did not feel uncomfortable when meeting with wheelchair users; 49% answered 'sometimes' and only 13.9% responded affirmatively. This makes the researchers suggest that an increasing number of young people in Russia accept wheelchair users as members of society. The author of the article concludes that "the prevailing percentage of young people fully supports the activity of wheelchair users in the society as it [activity] has been gaining momentum over the past five years" [20].

It is worth noting that the perception of disability largely depends on public policy, on how often images that emphasize equal (not special) position of disabled people appear on television, in advertising and so on. For example, a positive attitude in society towards people with disabilities appeared after watching the television series "Ironside" (1967–1975), where Raymond Burr

played the role of a detective in a wheelchair. The viewers of the series noted that they did not notice the “disability” of the protagonist because it had no significance in the narrative [21].

On the other hand, researchers note that the perception of disability in society is a two-way process. It can consist of discriminatory and/or negative emotional reactions to the presence of a disabled person (curiosity, mockery, awkwardness, guilt, excessive care, fear, etc.) combined with the frustrating emotions of the disabled person (self-pity, negative feelings towards others, the desire to blame someone else for their disability, desire for isolation). This combination prevents people with disabilities from integrating into a wider society. Today, Russian society is actively working to change this situation. These efforts include e.g. the creation of social advertising in the series “The City of Equal Opportunities” and the films “Love with Restrictions” (2016), documentaries etc.

Following the research findings described earlier, we presented three main barriers that the respondents identified, answering the question about their vision of their professional future: fear of fatigue and lack of strength; lack of physical accessibility of the infrastructure and fear of other people’s negative attitude. As the research findings indicate, all three barriers are closely related and the work towards removing them requires career support programs involving multiple approaches to concrete situations.

It is important to draw on existing achievements as in many developed countries methods of career support which involve counseling and career guidance have already been developed in accordance with the five principles of career support model (see above).

Social inclusion programs are being introduced both in old and new member countries of the European Union, and they are subject to mutual evaluation by experts from at least six countries. Among the programs that are being

assessed, there are those that are aimed at people with disabilities, migrants, ethnic minorities, socially vulnerable groups of women and children, as they focus on employment, social services, health care, and education.

The inclusion programs, aimed at achieving tangible effects, focus mainly on promoting active social inclusion understood as the participation of different stakeholders in diverse social processes. The creation of such programs seems relevant and effective and in principle could be adapted for use in the Russian Federation, provided that it is created and supervised by working groups of independent experts with appropriate qualifications.

It can be argued that adaptation programs focusing on the transition from general education to professional and vocational education should take into account that disability is the result of the interaction between people and the environment in which they live [22].

The ultimate goal of our ongoing research is to define parameters for a theoretical foundation, which can be used to create effective government policies, aimed at facilitating and regulating inclusive education in further and higher education institutions.

Following the newly developed Manifesto for Inclusion (www.unipd.it/counseling-and-support2017/en/manifesto), which promotes the renewed sense of social responsibility towards vulnerable citizens, we suggest that the work towards removing barriers preventing inclusion in education should involve the following principles: awareness of concrete inequalities and inadequacies in educational processes and willingness to promote more inclusive conditions; openly promoting and publicizing various stakeholders’ commitments to inclusion which are relevant in their daily work context; monitoring results that have been achieved in the course of following the realization of one’s expressed commitments.

REFERENCES

1. Savickas, M.L., Nota, L. & Rossier, J. (2009) Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century. *Journal of Vocational Behavior*. 75. pp. 239–250. DOI: 10.1016/j.jvb.2009.04.004
2. Pizzi, J. (2008) Challenges of children with physical disabilities. *Rivier Academic Journal*. 4(1). [Online] Available from: <https://www.rivier.edu/journal/ROAJ-Spring-2008/J149-Pizzi.pdf>.
3. Kim, S. (2005) Kevin: “I gotta get to the market”: The development of peer relationships in exclusive early childhood settings. *Early Childhood Education Journal*. 33(3). pp. 163–169. DOI: 10.1007/s10643-005-0041-3
4. Eriksson, L., Granlund, M., & Welunder, J. (2007) Participation in everyday school activities for children with and without disabilities. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*. 19(5). pp. 485–502. DOI: 10.1007/s10882-007-9065-5
5. Rogers, A., Smith, R. & Lieberman, A. (2006) *Human Behavior in the Social Environment*. Boston: McGraw-Hill.
6. Terzi, L. (2010) *Justice and Equality in Education: A Capability Perspective on Disability and Special Educational Needs*. London: Continuum.
7. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (2005) *Accessibility of higher education for disabled*. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/456/846/1217/89-99.pdf>. (In Russian).
8. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova E.R. (2010) Disabled persons and society: twenty years later. *Sotsis – Sociological Studies*. 9. pp. 50–58. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0463/analit02.php>. (In Russian).
9. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (2009) *Obrazy invalidov v massovoy kul'ture* [Images of disabled people in mass culture]. *Sistema reabilitatsionnykh uslug dlya lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami v Rossiyskoy Federatsii*. 5. pp. 4–12.
10. Shishkin, S.V. (ed.) (2004) *Dostupnost' vysshego obrazovaniya v Rossii* [Accessibility of higher education in Russia]. Moscow: Independent Institute for Social Policy. [Online] Available from: <http://www.socpol.ru/publications/pdf/dvo.pdf>.
11. Mterentiev.ru. (2008) *Press-conference presenting the project “A System of Rehabilitation Services for People with Disabilities in the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.mterentiev.ru/news/news.php?id=264>. (In Russian).
12. Brown, S.D. & Lent R.W. (2005) *Career development and counseling. Putting theory and research to work*. New York: Wiley.
13. Sobolevskaya, O.V. (2013) *Vysshee obrazovanie na puti k bezbar'ernoy srede* [Higher education on the way to a barrier-free environment]. [Online] Available from: <https://iq.hse.ru/news/177670553.html>. (In Russian).
14. Rogova, R.V. (2015) Physical rehabilitation and social adaptation of persons with limited sensory capabilities. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2(15). pp. 93–98. (In Russian).
15. Dmitriev, V.S. (2003) *Adaptivnaya fizicheskaya reabilitatsiya v soderzhatel'nom, strukturnom i organizatsionnom aspektakh* [Adaptive physical rehabilitation in informative, structural, and organizational aspects]. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. pp. 39–41.
16. Bar-Am, N. (2016) *In Search of a Simple Introduction to Communication*. Springer International Publishing.

17. RIA.ru. (2011) *Top vuzov po dostupnosti zdaniy dlya malomobil'nykh grupp naseleniya* [The top universities on accessibility of buildings for groups of population with low mobility]. [Online] Available from: http://ria.ru/ratings_analytics/20110711/400106487.html.
18. Tomsk Polytechnic University. (2016) *Dostupnaya sreda* [Accessible environment]. [Online] Available from: <http://evvec7.wixsite.com/sredatpu>.
19. Kolesova, O. (2016) *Zhizn' bez isklyucheniya. V TPU sozdayut blagopriyatnyuyu sredu dlya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami*. [A life without exceptions. In TPU favorable environment for the students with disabilities has been created]. [Online] Available from: <http://www.poisksnews.ru/theme/science/21087/>.
20. Shimolina, M.V (2015) Perception of wheelchair users by young people in society: the results of the survey in Khabarovsk. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 11 (55). pp. 35–45. (In Russian).
21. Morris, J. (1991) *Pride Against Prejudice: Transformation Attitudes to Disability*. London: Women's Press.
22. Nota, L. et al. (2015) Inclusion in Italy: From numbers to ideas . . . that is from "special" visions to the promotion of inclusion for all persons. *Life Span and Disability*. XVI:2. pp. 187–217.

CAREER CONSTRUCTION: INCLUSIVE EDUCATION FROM SCHOOL TO COLLEGE AND UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 51–56.

DOI: 10.17223/15617793/432/6

Natalia A. Lukianova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kir712@mail.ru

Elena V. Fell, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.fell@ntlworld.com

Oksana A. Skalnaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tairus14@gmail.com

Keywords: children with special needs; employment of disabled people; career development; Russian; education; physical fitness; physical rehabilitation; inclusive education.

Received: 08 April 2018

КОНСТРУИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ: ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОТ ШКОЛЫ К КОЛЛЕДЖУ И УНИВЕРСИТЕТУ

Вестник Томского государственного университета. 2018. 432. 51–56. DOI: 10.17223/15617793/432/6

Наталья А. Лукьянова, Томский государственный университет, Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: kir712@mail.ru

Елена В. Фелл, Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: elena.fell@ntlworld.com

Оксана А. Скальная, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tairus14@gmail.com

Ключевые слова: дети с особыми потребностями; трудоустройство инвалидов; развитие карьеры; образование в России; физическая подготовка; физическая реабилитация; инклюзивное образование.

Изучаемая проблема связана с одной из социальных задач государственной политики – занятости инвалидов, их способности строить карьеру в соответствии с выбранной профессией и приобретенными знаниями. В данном исследовании определены и проанализированы препятствия, с которыми российские дети с особыми потребностями сталкиваются в старших классах школы, а также то, как родители таких детей видят их перспективы в получении профессионального образования. Концептуальная основа исследования заключается в рассмотрении проблемы инвалидности с точки зрения участия в социальных процессах как поля для реализации равных возможностей. Методы исследования, используемые в статье, включают анализ официальных отчетов, содержащих информацию о проблемах, с которыми сталкиваются дети с особыми потребностями при получении профессионального образования, а затем при создании карьеры. Прикладные методы исследования, упомянутые в исследовании, включают метод компьютерной стабилографии для пространственного и временного анализа состояния равновесия, позволяющий оценить уровень физической подготовки детей с особыми потребностями. Социологические методы включают опрос школьников и их родителей и опрос экспертов в области инклюзивного образования.

В процессе проведения исследований получены следующие важные результаты. Первым препятствием в процессе построения карьеры является то, что профориентация в школах нацелена на преобладающую группу школьников – здоровых детей. Наши респонденты учатся в обычных классах, но им необходимо предложить информацию, подходящую для их потенциальной профессии. Вторая причина, которая препятствует развитию карьеры, – это страх, что они не смогут физически продолжить учебу. Поэтому в статье утверждается, что физическая реабилитация должна сопровождать процесс обучения в непрерывном режиме (85%), поскольку адаптивная физическая культура очень полезна в процессе физической реабилитации и способствует повышению качества самого образования. Третья причина, которая мешает планированию карьеры, – негативное отношение окружающих. Результаты исследования могут быть использованы при формировании государственной политики в области инклюзивного образования. Официальная статистика показывает, что из тех инвалидов, которые приходят в средние специальные и высшие учебные заведения в России, в лучшем случае 50% и даже меньше заканчивают учебу.

ИСТОРИЯ

УДК 069.61(1923/1927)

В.Г. Ананьев

МУЗЕЙ ОТЖИВАЮЩЕГО КУЛЬТА (1923–1927): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Статья посвящена истории создания и формирования коллекции Музея отживающего культа – одного из самых интересных музейных проектов Петрограда – Ленинграда первого послереволюционного десятилетия. На основании материалов из архивного фонда Общества Старый Петербург в статье восстанавливается история создания музея, выявляются основные пути формирования его коллекции. Основным объектом внимания со стороны музея являлись интерьеры закрываемых домовых и ведомственных церквей, которые сотрудники Музея стремились сохранять целостными ансамблями. Неблагоприятная экономическая и административная обстановка привела к тому, что основанный в 1923 г. музей был закрыт четыре года спустя, в 1927 г., а его коллекции оказались разрозненными между несколькими музейными и научными учреждениями Ленинграда.

Ключевые слова: музей; музеология; церкви; Музей отживающего культа; Общество Старый Петербург.

17 октября 1923 г. Петроградской конной милицией Обществу Старый Петербург (далее – Общество) было передано оборудование закрываемой Конюшенной церкви, построенной по проекту архитектора В.П. Стасова. В ведение Общества перешли разобранный на месте иконостас, престол, плащаница с балдахином, восемь икон, двенадцать подсвечников и хоругвей, два бронзовых подсвечника с престола и завеса от царских врат [1. Л. 51]. Так было положено начало формированию фондов интереснейшего музейного проекта 1920-х гг. – Музея отживающего культа (далее – Музей), существовавшего при Обществе вплоть до 1927 г. и являвшегося ярким примером музейной и памятникоохранительной деятельности первого послереволюционного десятилетия.

В отечественной историографии деятельности Музея отведено было лишь несколько страниц. М.Е. Каулен, опираясь преимущественно на архивные материалы Наркомпроса РСФСР, кратко охарактеризовала специфику его деятельности в контексте общей проблемы музеефикации культовых сооружений Советской России конца 1910–1920-х гг. [2. С. 60–63; часть текста практически без изменений была включена автором в: 3. С. 206–209]. Л.Д. Шехурина дала общую справку о его судьбе в связи с музейными проектами Общества Старый Петербург в целом [4. С. 191–193; текст с сохранением опечаток переиздан как: 5. С. 177–180]. Вместе с тем данные работы предлагают лишь самое общее представление о специфике деятельности Музея, особенностях его создания и функционирования и содержат целый ряд неточностей, перешедших впоследствии в краеведческую и научно-популярную литературу. В данной статье на основании архивных материалов, часть которых прежде не привлекала внимание исследователей, мы рассмотрим историю создания Музея и пути формирования его коллекции (особенности экспозиционной программы Музея рассматриваются нами в специальной работе).

Создание Музея было связано с деятельностью Церковной комиссии, действовавшей при Бюро охраны художественно-исторических памятников Общества, и активностью председателя этой комиссии Вик-

тора Александровича Таубера. Первоначально задача возглавлявшейся им комиссии заключалась, вероятно, в выявлении ценного с историко-культурной точки зрения церковного наследия, сохранность которого оказывалась под угрозой в связи с общей ситуацией в стране и массовыми закрытиями петроградских храмов. Члены комиссии были организованы в группы, каждая из которых получала для работы определенный участок города и занималась изучением расположенных на его территории культовых построек. Так, например, в апреле 1924 г. Московско-Нарвский район был разделен между семью группами, которые и должны были осмотреть расположенные на его территории 25 церквей [6. Л. 26].

Как можно судить по немногочисленным сохранившимся биографическим сведениям, в комиссию преимущественно входили молодые люди, многие из которых были студентами и выпускниками Петроградского университета, Института истории искусств, а также Института гражданских инженеров. Ими составлялись описи всего ценного с художественной точки зрения, что хранилось в церквях, которые затем передавались руководству районов [Там же]. При этом надо отметить два обстоятельства: во-первых, интерес комиссии не ограничивался лишь православными храмами. Например, осматривались также лютеранская Церковь Христа Спасителя на Загородном проспекте, молитвенный дом латышских баптистов, ряд старообрядческих молелен [Там же. Л. 28 об.]. Во-вторых, внимание членов комиссии могли привлекать и памятники относительно недавнего времени. Так, характеризуя Церковь царицы Александры и Николая Чудотворца, расположенную напротив Путиловского завода, Таубер отмечал, что, хотя церковь «совсем новая, построена арх. Косяковым в 1906 году, по качеству работы, по строго выдержанному ансамблю представляет большой интерес, и посему ее всю желательно взять под охрану Об-ва» [Там же. Л. 26 об.].

Расхождения, существовавшие между стратегиями действия комиссии и государственных органов, хорошо видны на примере обсуждения положения Че-

сменской церкви — одного из самых значительных памятников петербургской церковной архитектуры конца XVIII в. Трудности вызывала уже сама формулировка позиции комиссии в официальном протоколе. Первоначально слова Таубера по этому вопросу были занесены в машинопись так: «...хотя передача Чесменской церкви общине верующих была бы лучшим способом ее сохранить, но такая форма охраны в Акцентре совершенно неприемлема». Затем вместо зачеркнутого утверждения «была бы лучшим способом» от руки в протокол было вписано менее определенное «могла бы», а рядом с упоминанием Акцентра, для которого это было бы неприемлемым, добавлено было «и для О-ва». Постановление же и вовсе первоначально было сформулировано как: «Предложить общине верующих ходатайствовать в Райисполкоме о передаче церкви и принять на себя охрану и ремонт здания». Наконец, вся эта часть оказалась зачеркнутой и вместо нее от руки в протокол было вписано следующее: «Вопрос о передаче Чесменской церкви общине верующих не входит в компетенцию О-ва» [6. Л. 27]. В черновике протокола и вовсе во фразе «ходатайствовать в Райисполком о разрешении богослужений» в последнем слове первые четыре буквы оказались вычеркнуты [Там же. Л. 31]. Комиссия полунтуитивно пыталась найти ту риторику, которая была бы наиболее выигрышной в сложившихся условиях, но удавалось это не всегда. Неудивительно, что иногда деятельность комиссии вызывала определенные подозрения со стороны властей. Возможно, с этим, например, было связано то, что передача Церкви св. Екатерины на Старо-Петергофском проспекте была внезапно задержана в самый день вывоза материалов «по причинам возникшего сомнения в целях Об-ва» [7. Л. 29].

Работы комиссии, тем не менее, приобретали все больший размах. Наряду с Московско-Нарвским планировалось обследовать Петроградский и Василеостровский районы, и 11 апреля 1924 г. по предложению все того же Таубера решено было изменить название комиссии с церковной на Комиссию по организации историко-бытового церковного музея [6. Л. 26]. Это изменение было подготовлено не только передачей такого ценного памятника, как оборудование Конюшенной церкви, но и определенными решениями Совета Общества.

На заседании Совета 4 марта 1924 г. Иосиф Болевич Михайловский, профессор Института гражданских инженеров [8. Л. 3] и председатель Бюро охраны художественно-исторических памятников, при котором действовала комиссия, сделал доклад об организации при Обществе церковного музея. В нем он сообщил, что в связи с упразднением домовых и приходских церквей Общество сохранило в доме № 1 по Волховскому переулку ряд предметов, имеющих художественное и бытовое значение. В настоящее время Бюро приняты меры к охране всех уже разрушенных и намечаемых к упразднению церквей, что гарантировало скорейшее пополнение фондов музея. В январе 1924 г. специальная комиссия от Общества осмотрела примыкающий к дому № 1 по Волховскому переулку дом № 3 и признала его подходящим для

организации Музея. Начались переговоры о его аренде [7. Л. 15]. 17 марта секретарь Общества С.Н. Жарновский предложил составить проект Церковного музея. Решено было поручить это в срочном порядке Церковной комиссии [Там же. Л. 23]. 1 апреля проект был заслушан на заседании Совета, и после внесения определенных корректив принят [Там же. Л. 29].

Сохранившаяся рукопись проекта написана рукой Таубера, таким образом, вероятно, его и следует считать основным автором концепции будущего Музея. Сферой интереса Музея объявлялись «все церковные сооружения и оборудование» Ленинграда и его окрестностей, созданные в период 1714–1914 гг., кроме сооружений, имеющих исключительное значение (первая категория), «отражающие в своих стилистических особенностях характерные черты всех исторических эпох Старого Петербурга» [6. Л. 22]. Именно этот пункт вызвал возражения на заседании Совета и по предложению архитектора М.И. Рославлева упоминание о сооружениях было исключено из утвержденного варианта плана [7. Л. 29].

В ведении музея оставалось лишь «церковное оборудование», которое должно было изучаться с точки зрения: 1) чисто художественной (стилистической) ценности, 2) исторического значения, 3) бытового содержания. На основании комбинированного применения всех трех критериев собираемый материал делился на пять групп. В первую входили предметы «чисто художественного характера»: образцы иконописи XVIII–XIX вв., цельные архитектурные сооружения выдающихся мастеров [6. Л. 22]. Вторую образовывали предметы художественно-исторического значения, «представляющие интерес как созданные в определенную эпоху (в связи) и отражающие известные направления, идеи и изобразительные приемы своего времени» (резные орнаментальные и скульптурные изображения, царские врата, символические изображения масонского и сектантского характера и пр.). В третью категорию попадали предметы «чисто исторического значения» (редкие церковные книги, архивные материалы, мемориальные, подписные и датированные предметы и т.д.). Четвертую составляли предметы «историко-бытового характера, изучаемые как с точки зрения их служебной обрядовой цели в смысле показателей исторического процесса традиций и обрядов, так и с точки зрения технического создания различных групп памятников как показателей производства рабочих групп населения старого Петербурга, определения их мастерства, условий работы, а также <...> условий их оплаты труда и общей жизненной обстановки». Наконец, в пятую категорию попадали предметы чисто бытового значения, «характеризующие житейскую обстановку различных классов населения в условиях их религиозных, обрядовых или ритуальных переживаний» (печатные иконы, кружки для пожертвований, типичные издания религиозного содержания, лампы и т.д.).

Классификация материала определяла то, что в плане именовалось «основными системами экспонирования» [Там же. Л. 22 об.]. Они должны были представлять собой ансамбли, иллюстрирующие «последовательно процесс изменения художественной фор-

мы на протяжении XVIII, XIX и начала XX столетия, со всеми вариантами архитектоники иконостасов, иконописных и живописных изображений, скульптурной и резной орнаментики» [6. Л. 22 об.–23]. Предполагалась контекстуализация основного ряда экспонатов путем включения в экспозицию сопутствующего документирующего материала (архивные документы и пр.). Особый отдел прикладного искусства должны были составить отдельные фрагменты памятников, «не заслуживающих быть воссозданными целиком, но представляющих определенный технический интерес». Здесь также представленный материал должен был сопровождаться документами, иллюстрирующими условия и оплату труда, средства и способы производства и т.д. [Там же. Л. 23]. Наконец, к бытовому отделению Музея относились все предметы, попавшие в пятую категорию, а также те, что не были связаны с какими-то определенными ансамблями и не представляли интереса с точки зрения художественной или художественно-промышленной [Там же].

Из этого плана становится очевидным, что по своему характеру Музей должен был примыкать к весьма представительной группе существовавших и создававшихся в этот период в Петрограде историко-бытовых музеев. Поэтому вполне естественно, что 12 мая 1924 г. план его организации обсуждался и был утвержден на Совещании хранителей Историко-Бытового Отдела Русского музея [Там же. Л. 9], признавшего, что, хотя религиозный быт и входит в сферу интересов данного Отдела, но «по условиям времени, не позволяющим Отделу организовать такое отделение, представляется целесообразным допустить в этом деле инициативу частного Общества» [Там же. Л. 33 об.].

22 апреля утверждены на заседании Совета Общества были бюджет и штаты Музея, и на повестку дня встал вопрос об установлении отношений с государственными структурами, сфера деятельности которых пересекалась с областью интересов Музея [Там же. Л. 40]. В первую очередь речь шла о Музейном фонде и Комитете по охране и реставрации монументальных памятников. Представляя проект штатов Музея, Таубер отметил, что отношение В.И. Ерыкалова, возглавлявшего Музейный фонд, к деятельности Музея носит двойственный характер: он считает «с одной стороны, что Об-во вторглось в своей деятельности в сферу компетенции Муз. Фонда, но с другой стороны полагает нужным включение Церковного Музея О-ва в сеть других регулярно снабжаемых запасами Фонда». Условием последнего для него были гарантии со стороны Общества предоставить «реальные возможности осуществления своего Музея» [7. Л. 40].

Отношения с Комитетом также складывались не просто. 25 апреля представители Общества совместно с председателем Комитета А.П. Удаленковым рассмотрели подлежащую упразднению и предложенную для передачи Музею церковь Второго кадетского корпуса. В ходе этой встречи Удаленков поставил вопрос «о существовании названного музея» [9. Л. 59]. Возражения с его стороны вызвало намерение Музея собирать предметы «чисто художественного характера», так как первоклассные предметы такого рода должны

поступать в Русский музей, «собирать же картины и иконы, представляющие из себя хлам», нет никакого смысла. По мнению Удаленкова, Музей должен был стать собранием одних только иконостасов, т.е. «музеем образцов резчицкой работы, не загромождаясь собиранием иных предметов, требующих излишней работы и средств» [9. Л. 59]. Представители Музея, конечно же, с такой точкой зрения согласиться не могли. Для них принципиально важным было сохранение именно комплексного характера памятника [2. С. 63]. Аргументируя такой подход, Таубер отметил, что реализация на практике идеи Удаленкова невозможна, так как демонстрация длинных рядов пустых иконостасов – «пустых ничем не заполненных пролетов», – «создававшихся вообще не как произведение вполне самостоятельное, а как некое обрамление», бессмысленна хотя бы с экспозиционной точки зрения. Удаленков, отстаивая свою идею «музея резчицкого мастерства», вспомнил, «что ему, как архитектору, приходилось неоднократно проектировать иконостасы, и эта работа всегда производится без икон», а потому «имеется простой способ избежать образования пустых пролетов <...> – это закрывать их картоном, окрашенным в соответствующий цвет» [9. Л. 59]. Такой личный опыт представителей Общества не убедил. Они еще раз продемонстрировали свою приверженность историко-бытовому направлению работы и заявили, что в первую очередь Музей будут интересоваться «типовые для каждой взятой эпохи величины и их изменения» [6. Л. 32 об.].

В итоге, 11 июня 1924 г. Комитет все же разрешил «в каждом отдельном случае Обществу выемку иконостасов и отдельных фрагментов из упраздненных домовых церквей», при этом оговорив необходимость вести строгий учет всем поступающим предметам и заносить их хронологически в особую шнуровую книгу [9. Л. 40].

За день до этого, 10 июня Совет Общества, заслушав очередной доклад Таубера, окончательно одобрил размещение Музея в двух домах на Волховском переулке и постановил немедленно приступить к реализации собрания предметов историко-бытового церковного музея [7. Л. 62–62 об.]. 2 июля Совет утвердил предложение о том, что все доходы от дома № 3, часть помещений которого составляли жилые квартиры, предназначены исключительно для нужд Музея [Там же. Л. 73 об.], а 27 августа Таубер был официально назначен его ответственным хранителем [Там же. Л. 76 об.].

Сложнее всего складывались отношения Музея с Ленинградским отделением Главнауки (далее – ЛОГ). В одном из отчетов Музея они были охарактеризованы как «принципиальные разногласия» [10. Л. 22]. Яркое отражение эти разногласия нашли в Акте обследования Общества, составленном специальной Комиссией ЛОГ осенью 1925 г. В нем наряду с многочисленными выявленными недочетами (вроде «преувеличения Обществом своих работ», определения двух десятков собранных иконостасов как «пустого места» и указания на «посягательства на задачи Историко-Бытового Отдела Русского музея») утверждалось, что «непременным условием» того, что

«Общество могло бы в области охраны вещественных памятников сделать много полезного», является его работа непременно в «тесной связи с Музейным Фондом ЛОГ, действуя по его заданиям» [6. Л. 33–36]. Возможно, отчасти этим конфликтом объясняются попытки Музея найти поддержку в Москве, которые на какое-то время увенчались успехом и способствовали упрочению его собирательской деятельности.

Еще в декабре 1924 г. Общество обратилось в Москву к заведующему Центральными Реставрационными мастерскими И.Э. Грабарю и Наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой поддержать деятельность Музея [10. Л. 11–11 об.]. В феврале 1925 г. в Ленинград приехал сам Грабарь и Таубер был вызван к нему для доклада. По словам Таубера, «после двухчасового совещания И.Э. Грабарь высказал самое полное одобрение всей произведенной работы и указал, что ни в каких поправках она не нуждается» [Там же. Л. 2]. Пообещав «всяческую поддержку», Грабарь даже указал на возможность выделения нескольких штатных единиц для работы по Музею [Там же]. В июне 1925 г. Таубер был отправлен в командировку в Москву, и это дало ему возможность решить некоторые вопросы, стоявшие перед Музеем. Самым насущным был, конечно, финансовый вопрос. Здесь Таубер проявил себя как талантливый дипломат, так как итогом его переговоров стало не только «исключительно-внимательное отношение» возглавлявшей Музейный отдел Н.И. Троцкой к докладу о работах Музея, но и обещание специальной субсидии, выделяемой Обществу на нужды Музея [Там же. Л. 12 об.]. При этом, однако, по предложению заместителя Троцкой С.Н. Григорова в программу Музея были внесены некоторые корректировки «в смысле желательности расширить ее и ввести в Музей коллекции архитектурных образцов и фрагментов чисто гражданского искусства, объединяя их в форме собрания художественных образцов внутренней отделки архитектурных памятников» [Там же]. Так опасная церковная тематика, по крайней мере, на уровне риторики нивелировалась, а за Музеем закреплялось новое наименование – Музея внутренней отделки архитектурных памятников.

«Энергичное и чрезвычайно ценное для Общества поощрение» [Там же] со стороны Троцкой означало не только завершение «идеологического спора о задачах Музея и объемах его компетенции» (как отмечалось в отчете Музея за 1925–1926 год [Там же. Л. 15]). В апреле 1926 г. Таубер вторично побывал в Москве. По итогам этой поездки Музей поступал в непосредственное ведение Музейного отдела Главнауки и мог «быть ликвидирован лишь по соглашению с Музейным Отделом», а Музейному фонду предлагалось «произвести отбор для Музея О-ва тех предметов, которые вывезены были в разное время из церковных ансамблей» [Там же. Л. 23]. И хотя полученная в итоге субсидия была значительно меньше той, что предполагалась изначально, Музей, получив поддержку в Москве, мог более или менее спокойно продолжать работы по формированию собрания. Каковы были основные пути поступления сюда предметов?

Можно выделить три основных направления, масштабы которых существенно различались: во-первых, это передача предметов интерьера закрывающихся

церквей; во-вторых, частные пожертвования; и, в-третьих, поступления отдельных элементов убранства зданий гражданской архитектуры.

Первое направление было, безусловно, самым значительным, как по количеству поступающих предметов, так и по их значимости для программы Музея, ориентированной на сохранение целостных ансамблей. К осени 1925 г., т.е. примерно за два первых года существования, в помещения Музея доставлены были 17 ансамблей закрытых церквей и еще несколько намечались к перевозке [6. Л. 35]. Причем некоторые из них выделялись как масштабом, так и историко-художественным значением. Сравнение списка церквей, включенного в ответ на составленный ЛОГ Акт обследования деятельности Общества, с делопроизводственными материалами Общества позволяет предполагать, что список составлен в хронологической последовательности поступления церковных ансамблей в Музей и, следовательно, порядок формирования его фондов за период с сентября 1923 г. по октябрь 1925 г. может быть представлен следующим образом: Конюшенная церковь (сентябрь 1923 г.), Финляндского Лейб-гвардии полка, св. Екатерины на Старо-Петергофском шоссе (апрель 1924 г.), Морского корпуса (июнь 1924 г.), Градских Богаделен, Университетская (часть, июнь 1924 г.), Больницы Марии Магдалины (часть), богадельни Захария и Елизаветы, Главного почтамта (сентябрь–октябрь 1924 г.), Сената (октябрь–ноябрь 1924 г.), воспитательного дома (Сиротского института) (часть, осень 1924 г.), военно-походной канцелярии Николая II (ноябрь–декабрь 1924 г.), Ярославского подворья (январь 1925 г.), Зубовского инвалидного дома в Троице-Сергиевой пустыни, Адмиралтейства (ноябрь 1925 г.), училища правоведения (октябрь–ноябрь 1925 г.), дома Мятлевых (сентябрь–октябрь 1925 г.) [Там же].

Уже после составления данного документа, в октябре – ноябре 1925 г. Музею переданы были материалы Митрополичьей Крестовой церкви Александро-Невской лавры, вывоз которых, однако, затянулся почти на полтора года [10. Л. 19]. В марте 1926 г. из бывшего имения Всеволожских Рябово в Музей был доставлен иконостас домово́й церкви, в апреле сюда поступило оборудование церкви бывшего Ремесленного училища Цесаревича Николая и было получено разрешение на передачу церкви Михаила Архангела над Митрополичьими покоями [Там же. Л. 27], начались переговоры о церкви бывшей Мариинской больницы, построенной в 1803 г. Д. Кваренги, перевозку и разборку которой пришлось отложить из-за громоздкости иконостаса. В июне в музей перевезли церковь Синодального подворья, в июле – женского отделения Обуховской больницы, а в августе – Таврического дворца [Там же. Л. 28].

Перевозка монументальных ансамблей зачастую была сопряжена с серьезными трудностями, особенно в условиях постоянной нехватки финансов. Достаточно отметить, например, что для одной только Почтамтской церкви, которую пришлось срочно вывозить «вследствие приспособления б. церковного помещения под музей аппаратов и приборов службы связи», понадобилось четыре подводы [Там же. Л. 1 об.]. Не-

редко памятники приходилось разбирать на месте и фиксировать в записях первоначальное положение каждой детали, нумеровать отдельные элементы и наносить их на специальные чертежи. При разборе иконостаса Почтамтской церкви, например, «были произведены предварительные обмеры и чертежи. Несмотря на трудность разборки, вследствие скрепления всех частей иконостаса коваными, загибающимися на концах гвоздями, сохранены были по возможности и задняя обшивка его, и внутренние деревянные части. Не удалось только сохранить, по причине ее громадности и невозможности вынести в какие-либо двери, конху над царскими вратами, составленную из отдельных брусьев и заполненную между стенками древесным углем» [10. Л. 9]. Там же разобраны и в разобранном виде в Музей перевезены были два монументальных паникадила [Там же. Л. 10]. В церкви училища правоведения особенный интерес представлял спроектированный Стасовым иконостас – «единственный в своем роде, так как он покрыт весь стеклянными пластинками, наложенными на зеленой фольге, и украшен стеклянными колоннами, представлял особые трудности по его разборке и перевозке. После длительной и кропотливой работы эта задача была выполнена» [Там же. Л. 17].

Иногда в силу финансовых и кадровых трудностей Общество не успевало вывезти переданное ему церковное имущество, и оно оказывалось распыленным. Так было с церковью Ярославского подворья, в которой сохранялся ряд предметов Елизаветинской эпохи. Церковное помещение необходимо было срочно освободить, Общество не успело вывезти интерьер, он оказался разрознен. Сотруднику Музейной комиссии А.К. Зеленину пришлось разыскивать предметы XVIII в. в нескольких учреждениях вроде Коммунистического клуба «Спайка». В итоге в фонды Музея все же поступило 49 предметов [Там же. Л. 2].

Остро стояла проблема сохранности перевозимого имущества. Так, например, во время подготовки к перевозке сенатской церкви произошло хищение одной из тех трех икон иконостаса, которые Музейный Фонд отобрал для передачи в Русский музей [9. Л. 64]. Стремление Музейного Фонда изъять из передаваемого Музею ансамбля отдельные наиболее ценные предметы, нарушавшее установку Музея на сохранение целостного комплекса, было еще одной трудностью, с которой приходилось сталкиваться достаточно регулярно. В этом отношении показателен случай домового храма Мятлевых, размещавшейся в их особняке на Исаакиевской площади. Через несколько недель после того, как церковь была предложена ЛОГ Музею, Музейный Фонд отправил туда своего сотрудника, уполномочив его изъять в пользу Фонда ряд предметов обстановки. В итоге Музею остались только иконостас и балюстрада красного дерева, а также несколько предметов утвари. Большая часть предметов перешла Музейному Фонду, который, выделив из нее то, что посчитал для себя непригодным, передал ряд икон и облачений Центральному городскому району. Ансамбль, таким образом, был разделен на три части, и понимание его первоначального характера оказывалось возможным только лишь

благодаря тому, что еще до разделения член Общества Н.А. Маковская провела его обмеры и фотофиксацию [10. Л. 20]. Более того, в данном случае для того, чтобы получить интересующие его предметы, Обществу пришлось прибегнуть к своеобразному бартеру – расположенный в Доме Мятлевых Государственный институт художественной культуры согласился обменять один из киотов красного дерева, находившийся прежде в церкви, на другой элемент функциональной мебелировки. Общество пожертвовало принадлежавшим ему «новым дубовым шкафом в стиле модерн», но киот получило [7. Л. 152].

Иногда в ходе подготовки к перевозке намеченных к передаче предметов происходили неожиданные открытия. Так было в случае с Адмиралтейством. В помещении Адмиралтейского собора решили организовать Революционный отдел Военно-морского музея, а потому все предметы церковного обихода сложили на главной церковной лестнице и подготовили к сдаче на слом. Благодаря инициативе сотрудников Военно-морского музея вместо слома они попали в руки членов Общества. Оказавшись в Адмиралтействе, члены Общества решили осмотреть все здание, что «привело к обнаружению значительного склада чрезвычайно ценных в историко-художественном отношении вещей, составлявших большую часть ансамбля Адмиралтейского Собора и сложенных в различных полутемных и совершенно темных помещениях по трем этажам Главной Башни» [10. Л. 17–18]. Предположительно, это были элементы убранства третьего Исаакиевского собора, построенного А. Ринальди и В. Бренна (16 картин, покрытых медными позолоченными рельефными окладами, царские врата и ряд больших изображений в рост на дереве и холсте). Передача целостных ансамблей церковного убранства была, таким образом, наиболее значимой формой пополнения музейной коллекции. Она велась наиболее систематически. Для того чтобы упорядочить эту работу, Общество получило от ЛОГ список церквей, находящихся под государственной охраной, а от райисполкомов Ленинграда – списки закрытых и действующих церквей, находящихся на их территории [Там же. Л. 11 об.].

Менее масштабными были частные пожертвования. Нам удалось обнаружить упоминания о двух случаях такого рода. 15 июня 1924 г. художник И.И. Ваулин, тесно связанный с деятельностью Общества и, возможно, знакомый с заведующим Музеем Таубером еще со времени обучения в Санкт-Петербургском университете, передал в дар музею свое собрание икон и царских врат (57 единиц), старинных церковных книг (72 экземпляра), а также иконографического материала по старому Петербургу (67 гравюр, литографий и книг) [9. Л. 61]. А 18 мая 1925 г. уже сам Таубер пожертвовал шесть ящиков с разобранными частями различной медной посеребренной церковной утвари (паникадил, подсвечников, лампад рубежа XVIII–XIX вв.) из собственной коллекции [7. Л. 92].

Как отмечалось выше, оформление субсидии Наркомпроса вызвало перемены в названии музея и расширение его собирательской деятельности за счет включения в коллекцию элементов гражданской архитектуры. Их место в музейном собрании, однако, совершенно не соответствовало новой риторике. Их было

немного, и они занимали явно подчиненное по отношению к церковным памятникам положение. Иногда предметы светского характера поступали вместе с церковным ансамблем – так было, например, в случае с церковью училища правоведения, когда наряду с религиозными объектами Общество вывезло в Музей еще и ряд портретов, «имеющих историческое значение, и пополнивших начатую коллекцию музейных портретов» [10. Л. 17]. Пути поступления других предметов такого рода не вполне понятны, но они явно передавались в Музей вне связи с какими-то церковными памятниками. По большей части это были находки Секции охраны памятников Общества (как вскоре стало называться прежнее Бюро). Здесь оказались, например, медные позолоченные буквы надписи, снятой с фасада Михайловского замка, входные двери особняка О. Монферрана, художественные детали и фрагменты избы из деревни Большое Кузьмино [10. Л. 13].

С самого начала своей деятельности Общество уделяло большое внимание охране исторических некрополей. При нем действовала специальная Комиссия по охране ленинградских кладбищ, председатель которой, В.М. Федоров, входил и в состав комиссии по организации Музея. Охрана памятников на местах не всегда приводила к желаемым результатам. При обследовании в феврале 1926 г. Смоленского кладбища членами Общества был поставлен вопрос о вывозе в Музей ряда мраморных памятников XVIII–XIX вв., которым угрожало уничтожение не только из-за воздействия атмосферных осадков, но и потому, что было «замечено систематическое хищение мраморных частей, употребляемых в качестве материала для разбития на щебень». Вывезенными в итоге оказались несколько бронзовых бюстов с кладбища, относительно же мраморных памятниках Губоткомхоз распорядился передать Обществу все, какие только то сойдут нужными [7. Л. 152 об.].

Иногда в Музей поступали предметы совсем неожиданные. Так, в начале марта 1925 г. «Красная газета» сообщила Обществу о том, что в саду при мызе Графская, близ станции Удельная, в бывшем имении Грабе находится каменная статуя неясного происхождения. При осмотре статуи выяснилось, что это каменная баба, т.е. статуя культового характера, датированная сотрудниками Общества IV–VII вв. н.э. Оставлять ее на месте было нельзя, так как «статуя подвергается даже умышленной порче со стороны местного населения», поэтому было решено перевезти ее в Музей. Выборгский исполком дал соответствующее распоряжение, статую привезли на Волховской переулочек, но «вследствие громадной своей тяжести в отсутствии приспособлений ее пришлось временно оставить внизу в вестибюле парадной лестницы». Только через несколько дней памятник занял свое место в будущих экспозиционных залах [10. Л. 2, 11].

Еще одним важным и масштабным поступлением в фонды Музея стала библиотека Александров-Невской лавры, включавшая примерно 10 тыс. томов по вопросам богословия, истории церкви, религиозно-нравственной литературы. Как отмечалось в материалах Музея, «только при условии владения подобной библиотекой может быть подведено действительно глубокое

основание для построения столь сложного по своим заданиям и единственного пока Музея» [10. Л. 7].

Книги первоначально размещались в Новой Ризнице Александров-Невской лавры, помещение которой также перешло в ведение Общества еще в конце 1923 г. Общество вынашивало планы возрождения лаврского Музея (о нем см.: [11. С. 127–135]), но вскоре отказалось от этой идеи и тогда-то, вероятно, было решено включить библиотеку в состав строящегося Музея. Книги перевезли в сентябре 1925 г. вместе с 40 специально заказанными (вероятно, еще Лаврой) однотипными шкафами [7. Л. 121; 10. Л. 7], а в январе 1926 г. «в совершенно неотапливаемых помещениях, при температуре, падающей до 10° ниже нуля» они были классифицированы и расставлены в пяти комнатах музейного здания членом Музейной комиссии М.П. Беловым [7. Л. 140 об.; 10. Л. 16].

Так, к осени 1926 г. в музейных зданиях на Волховском переулочке было составлено весьма представительное собрание культовых памятников петербургского периода, включавшее как целостные ансамбли порядка двадцати закрытых церквей, так и отдельные предметы декоративно-прикладного искусства, более 10 тыс. книг религиозной тематики и внушительный научно-справочный материал (на каждый поступавший памятник составлялось специальное досье, включавшее среди прочего обмеры и фотофиксацию). В 1927 г. Музей начал работы по организации экспозиции. Для ее обсуждения были привлечены специалисты Историко-Бытового Отдела Русского музея и Реставрационной мастерской, но завершить эти работы не удалось. Еще большее ухудшение и без того тяжелой финансовой ситуации, а также конфликт между Обществом и Музеем привели к появлению планов перевода Музея на правах особого отдела в состав Музея Города. Последний в это время и сам стал объектом «пристального внимания» властных структур и переживал «реконструкцию», в реальности напомиравшую разгром. Музейные помещения по решению Горисполкома были переданы в жилой фонд «для заселения таковых нуждающимся рабочим населением Васильевского Острова» [9. Л. 88 об.]. Все музейное имущество в срочном порядке передали Музейному Фонду, который, составив специальную комиссию, перераспределил его между заинтересованными музейными и научными учреждениями Ленинграда. Из общего количества порядка 1 600 предметов в Русский музей было выделено 110, в Музей Города – 81, Академию художеств – 7, Книжный фонд – 106 книг, Архив-Бюро – 11 пачек документов, Госфонд (для реализации) – 568 единиц [12. Л. 314 об.]. Библиотека Александров-Невской лавры отошла Книжному фонду, претендовавшему на нее еще в 1924 г. [13. Л. 9]. Возможно, связаны с деятельностью Музея были и те сто с небольшим фотографий культовых сооружений Петербурга – Ленинграда, которые в 1930 г. Общество передало в Музей Города [14. Л. 1–3].

Как видим, за свою недолгую историю Музей сумел составить весьма представительную коллекцию, уникальность которой определялась не только объектом коллекционирования – памятниками церковной культуры петербургского периода, но и ком-

плексным подходом к сохранению целостного ансамбля как историко-художественного феномена. Неблагоприятные финансовые и административные обстоятельства не позволили развиваться этой деятельности и открыть частично подготовленную экспозицию для посетителей (заметим, что никакого

следа идеологических факторов в документах о ликвидации Музея нет). Вместе с тем усилия энтузиастов – создателей Музея не пропали полностью, так как значительная часть собранного ими материала вошла в состав собраний других музеев и так сохранилась до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. 32. Оп. 1. Д. 30.
2. Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. 163 с.
3. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
4. Шехурина Л.Д. Музейная деятельность общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» // Собор лиц : сб. ст. СПб., 2006. С. 189–196.
5. Шехурина Л.Д. Художник – Музей – Книга. СПб., 2008. 264 с.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 38.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 2. Д. 2.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37.
11. Пивоварова Н.В. Памятники церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е гг. М., 2014. 432 с.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397 а.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2018 г.

THE MUSEUM OF THE OBSOLESCENT CULT (1923–1927): HISTORY OF CREATION AND MAIN WAYS OF COLLECTION FORMATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 57–64.

DOI: 10.17223/15617793/432/7

Vitaly G. Ananiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananov@spbu.ru

Keywords: museum; museum studies; church; Museum of Obsolescent Cult; Society of Old Petersburg.

The article is devoted to the history of the foundation and the main ways of the formation of the collection of the Museum of the Obsolescent Cult, which existed in Petrograd (Leningrad) in 1923–1927. The museum was founded on the initiative of members of the Church Commission, which was a structure in the Society of Old Petersburg. Many of its members were young people, students of Petrograd University, the Institute of History of Arts and the Institute of Civil Engineers. They studied church monuments of Petrograd, drew up questionnaires for each building and found out important historical and cultural objects. Mass closure of family and institutional chapels at the beginning of the 1920s caused the foundation of the Museum of the Obsolescent Cult. The museum staff (V.A. Tauber, K.A. Zelenin, M.P. Belov) tried to preserve the entire ensembles of churches with decoration as an illustration of the development of church culture of the 18th – early 20th centuries. The author uses archival documents on the activities of the museum, preserved in the archival fund of the Society of Old Petersburg – New Leningrad (Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg). The history of the museum is traced by detectable sources. The author of the article analyzes the project of the museum, made by V.A. Tauber, and reveals the relationship of this museum with museums of everyday history operating at this time in Petrograd (Leningrad). The display of the complex relationship between the Museum of the Obsolescent Cult and the state institutions of monument and museum protection of Leningrad (Leningrad Branch of Glavnauka, the Museum Fund, the Committee for the Protection, Maintenance and Restoration of Historical Monuments) is an important part of the article. The author reveals three main ways of forming the collection of the museum: 1) assignation of the property of closed churches, 2) private donations, 3) acquisition of separate elements of decoration of civil buildings. The list of the churches assigned to the Museum of the Obsolescent Cult is compiled and presented in the article. The main part of assignation was carried out in 1924–1926. The period from 1923 to 1926 was the time when the museum collection was formed. At the beginning of 1927, the museum staff started forming an exposition but in the autumn of the same year the museum was closed. Although church monuments were quite a dissonant heritage for the cultural discourse of the early Soviet era, the closure of the museum was mostly due to economic and administrative, not ideological, reasons. The Society of Old Petersburg did not have financial means to maintain the museum, and two buildings on Vasilievsky Island, where it was located, were converted into apartments for the workers of Vasilievsky Island. The museum collection was transferred to the State Museum Fund, which divided its items between several museums (the State Russian Museum, the Museum of the History of the City) and Leningrad research institutions (the Academy of Sciences, the State Public Library).

REFERENCES

1. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 30. (In Russian).
2. Kaulen, M.E. (2001) *Muzei-khramy i muzei-monastyri v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti* [Museums-temples and museum-monasteries in the first decade of the Soviet power]. Moscow: Luch.
3. Kaulen, M.E. (2012) *Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna.
4. Shekhurina, L.D. (2006) *Muzeynaya deyatel'nost' obshchestva "Staryy Peterburg – Novyy Leningrad"* [Museum activity of the society "Old Petersburg – New Leningrad"]. In: Piotrovskiy, M.B. & Nikonova, A.A. (eds) *Sobor lits* [Cathedral of persons]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Shekhurina, L.D. (2008) *Khudozhnik – Muzei – Kniga* [Artist – Museum – Book]. St. Petersburg: Lemma.
6. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 38. (In Russian).

7. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 1. (In Russian).
8. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 2. File 2. (In Russian).
9. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 4. (In Russian).
10. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 37. (In Russian).
11. Pivovarova, N.V. (2014) *Pamyatniki tserkovnoy stariny v Peterburge – Petrograde – Leningrade. Iz istorii formirovaniya muzeynykh kollektsey: 1850–1930-e gg.* [Monuments of church antiquity in Petersburg – Petrograd – Leningrad. From the history of the formation of museum collections: 1850s–1930s]. Moscow: BuksMArt.
12. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 36. List 1. File 397 a. (In Russian).
13. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 6. (In Russian).
14. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 16. (In Russian).

Received: 18 February 2018

МАТЕРИАЛЫ ПРИПОЛЯРНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР 1984 г. В АРХИВЕ А.М. САГАЛАЕВА: МАНСИ БАССЕЙНА СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области, грант № 17-11-70001 а (р) «Творческое наследие российского этнолога А.М. Сагалаева (1953–2002) как источник по культуре народов Сибири и истории науки».

Статья представляет первый обобщенный результат источниковедческого исследования материалов Приполярного этнографического отряда 1984 г. Сибирского отделения АН СССР, хранящихся в архиве российского этнолога А.М. Сагалаева (1953–2002). Экспедиция работала среди манси на севере Западной Сибири в бассейне р. Северная Сосьва. Общий состав полевых источников экспедиции ранее не был выяснен и опубликован, что частично восполняет настоящее исследование.

Ключевые слова: архив А.М. Сагалаева; Западная Сибирь; манси; этнографическая экспедиция 1984 г.; культовые места.

Область научных интересов профессора, доктора исторических наук Андрея Марковича Сагалаева (8 апреля 1953 – 20 июня 2002) [1 и др.] – этнология Северной Азии, миф и ритуал в традиционных культурах. Основными его научными достижениями являются положение о недуальном характере традиционного мировоззрения урало-алтайских народов Западной Сибири и концепция сибирского шаманизма как философии природы. Высшее профессиональное образование А.М. Сагалаев получил в Томском государственном университете (ТГУ), куда поступил на историко-филологический (с сентября 1974 г. – исторический) факультет в 1971 г., приехав из Новосибирска. Ему посчастливилось стать не только учеником Элеоноры Львовны Львовой (1940–2014) [2 и др.], но и ее единомышленником.

После окончания в 1976 г. ТГУ А.М. Сагалаев был стажером-исследователем (1976–1977) и аспирантом (1977–1980) кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) по специальности этнография. Повезло и на этот раз – в ЛГУ его научной работой руководил Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990), выдающийся отечественный этнограф, востоковед, популяризатор науки [3 и др.]. Своим учителем в науке А.М. Сагалаев с тех пор считал также Дмитрия Глебовича Савинова (родился в 1941) – археолога, крупнейшего специалиста по древней и средневековой археологии, культуре и истории Центральной Азии [4 и др.].

В конце 1980 г. А.М. Сагалаев возвращается в Новосибирск и с марта 1981 г. становится старшим лаборантом сектора археологии и этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР (с 2001 г. – Институт археологии и этнографии СО РАН; ИАЭТ СО РАН). Здесь он сотрудничает с этнографом, научным сотрудником ИИФФ Измаилом Нуховичем Гемуевым (1942–2005), бывшим студентом и аспирантом ТГУ [5 и др.]. С тех пор их навсегда связали профессиональные и дружеские отношения. В 1983–1986, 1989–1990 гг. И.Н. Гемуев возглавлял Приполярный этнографический отряд (ПРЭО) института, который проводил исследования в бассейне нижнего течения р. Оби, на территории традиционной культу-

ры манси – малочисленного коренного населения севера Западной Сибири.

Во второй из этих сезонов, летом 1984 г., в отряде работали младший научный сотрудник института А.М. Сагалаев, художник-студент А.А. Алексеев и режиссер-оператор Рижской киностудии Андрис Х. Слапиньш (1949–1991) [6]. Этнографические изыскания проходили в бассейне р. Северная Сосьва – левый приток р. Малая Обь (территория современного Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Сюда отряд добрался на катере, отплыв 10 июня из окрестностей Новосибирска. До входа в устье Северной Сосьвы плыли ровно три недели. Затем базировались шесть суток (30 июня – 5 июля) в п.г.т. Березово, работали с этнографическими фондами Березовского краеведческого музея. Дальнейшее продвижение по рекам бассейна Северной Сосьвы отряд осуществлял на катере и моторной лодке. Поездка завершилась в июле или августе. Успешные научные результаты экспедиции были отражены в ряде публикаций [7–12 и др.] и документальном фильме [13].

Полевую информацию экспедиции 1984 г., целью которой являлся «сбор материалов по традиционной культуре коренного населения» [13], И.Н. Гемуев фиксировал в своем дневнике (объем – 31 страница; хранится в ИАЭТ СО РАН). В 2010-х гг. с комментариями и многочисленными синхронными фотографиями его опубликовал А.В. Бауло [14–15]. Одной из основных обязанностей А.М. Сагалаева в экспедиции 1984 г. была визуальная фиксация фотоаппаратом. Скорее всего, он также фиксировал на ленточный магнитофон некоторые опросы информаторов. Иногда вел самостоятельные полевые записи, а также делал их при работе с коллекциями Березовского музея. Результаты исследования полевых данных 1984 г. и иных лет явились основой для написания А.М. Сагалаевым совместно с И.Н. Гемуевым и другими коллегами по институту различных публикаций о традиционной культуре обских укров [7–12 и др.].

Логично, что связанные с экспедицией 1984 г. полевые и исследовательские материалы отложились в личном архиве А.М. Сагалаева [16–17], ныне хранящемся в Томске. Сюда он переехал на постоянное

жительство в 1994 г., стал профессором Томского государственного педагогического университета, а в последние годы – и ТГУ. А.М. Сагалаев не только был выпускником и сотрудником ТГУ, он очень дорожил именем этого первого сибирского университета. В Томске в общей сложности прожил около 13 лет, включая студенчество. По этим причинам после его кончины конкретное место хранения архива было определено именно в ТГУ: здесь в отделе Научной библиотеки в 2004 г. открыт фонд «Сагалаев А.М.», куда мною переданы первые 118 отдельных дел. Полевых материалов 1984 г. среди них нет, так как тогда они еще не были выделены в архиве ученого среди огромного массива документов, включая визуальные.

Указанный пробел восполняет настоящая статья – ее целью является представление обобщенного результата источниковедческого исследования всех идентифицированных к декабрю 2017 г. материалов ПРЭО 1984 г. из архива А.М. Сагалаева и введение их в научный оборот. Они структурированы мною в отдельные архивные документы (40 экз.), которые распределяются на три вида: картографические (№ 1–2), письменные (3–7), фотографические (8–39) и аудиовизуальный (кинофильм) (40). Названия документов, заключенные в квадратные скобки, даны с учетом правил издания исторических документов [18]. Часть представляемых источников уже опубликована: карты об организации работ экспедиции и некоторые фотоматериалы о культовых местах манси [19]; запись опросов информаторов-проводников – Прокопий Фатеевич Меров из с. Хошлог (р. Ляпин), Иван Платонович Тихонов из с. Ясунт (р. Хулга) [20].

Картографические документы

1. Типографское издание: *По Оби и Иртышу: Туристская схема / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1977.* 16 с. Тираж 5000 экз. Полноцветная схематическая карта. Без масштаба. Размер 11,0 × 23,5 см. Рукописные пометы А.М. Сагалаева 1984 г. на с. 5, 7, 9, 13: шариковая ручка (паста синего цвета). Подлинник. Документ опубликован [19. С. 410–411. Ил. 1–4].

Это наиболее информативный источник из картографических материалов ПРЭО 1984 г. Содержит пометы А.М. Сагалаева, вносимые им в схему именно по ходу продвижения катера. В результате отображены данные о времени отплытия отряда из окрестностей Новосибирска, сроках его пребывания на точках маршрута (населенные пункты или места остановок на берегах Оби), времени прохождения по тем или иным речным участкам. В схеме проставлены указатели расстояния от Новосибирска, зафиксированные, вероятно, по данным лодии. События экспедиции 1984 г. отражены хронологически в диапазоне от 10 июня 10.35 час. по 30 июня 10.20 час., а географически – от Новосибирска на юге до п.г.т. Березово и п. Игрим Березовского района ХМАО – на севере. В туристской схеме изначально отсутствовали карты бассейна Северной Сосьвы – нет, следовательно, и отметок А.М. Сагалаева о маршруте от п. Игрим. Источниковая ценность документа определяется уни-

кальностью представляемых им сведений, хотя пометы этнографа на карте и ограничиваются лишь частью отрезка экспедиционного маршрута: только по Оби и нижнему течению Северной Сосьвы.

2. Типографское издание: *Союз Советских Социалистических Республик / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1978.* 1 л. Тираж 200 000 экз. Цветная карта. Масштаб: в 1 см 80 км. Размер 70,5 × 110 см. Рукописные пометы А.М. Сагалаева: цветные карандаши разного цвета. Подлинник. Документ частично опубликован [19. С. 411–412. Ил. 5].

На эту карту А.М. Сагалаев время от времени наносил маршруты совершенных им по стране поездок, в том числе – путь экспедиции 1984 г. к манси и по территории их традиционной культуры, вероятно, планируемый:

- по р. Оби от Новосибирска;
- по р. Северная Сосьва (по мнению А.В. Бауло, выше устья р. Ляпин отряд в 1984 г. не работал);
- по р. Ляпин (левый и самый крупный приток р. Северная Сосьва);
- по р. Кемпаж (левый приток р. Ляпин);
- по р. Хулга (левый приток р. Ляпин);
- по р. Щекурья (правый приток р. Ляпин).

Письменные документы

3. [Сагалаев А.М. ПРЭО 1984 г.: о культовом месте в районе с. Полноват на р. Оби и др.]. 6 л. (материалы 1984 г.: л. 46–47 об., 48 об., 50 об. – 52). Типографская записная книжка. Размер листов 7,5 × 12,5 см. Рукопись. Автограф А.М. Сагалаева. Шариковая ручка (паста синего цвета). Подлинник. Не опубликован.

Эту книжечку этнограф начал использовать не ранее 1976 г., взял ее и в экспедицию 1984 г., где разрозненно, на шести листах записал сведения информаторов, полученные, скорее всего, еще в Березово, до поездки по р. Ляпин. В том числе – о культовом месте в районе с. Полноват на правом берегу Оби (современный Белоярский район ХМАО), где «хранится “книга родов” с записями лучших родов и тех представителей, которые были на месте», о шамане Григории из с. Саранпауль (ненец Григорий Кондратьевич Вывчий), о святилище «у гор». Имеется также краткая запись о расписании теплохода «Метеора»: Березов – Ханты-Мансийск (912 км) и Ханты-Мансийск – Нижневартовск (592 км).

4. [Сагалаев А.М. ПРЭО 1984 г.: Березовский краеведческий музей; информатор И.П. Тихонов и др.]. 7 л. Документ из двух частей: 1) стандартная тетрадь из 12 листов, в линейку (текст на л. 1–6), размер тетради 16,8 × 20,4 см; 2) вкладыш – стандартный лист размером 23,2 × 30,4 см (л. 7). Рукопись. Автограф А.М. Сагалаева. Шариковая ручка (паста синего цвета). Подлинник. Не опубликован.

Документ создавался этнографом в п.г.т. Березово и, скорее всего, по ходу дальнейшего продвижения отряда. Он описал коллекции традиционной культуры манси из Березовского музея:

- *Самсай-ойка* (дух болезней), экспонат без инвентарного номера;

– шкура медвежонка – «деталь культового обряда», № 75;

– комплект *иттерма* (антропоморфная фигурка – временноеместилище души умершего человека), № 76.

В тетрадь внесены также другие сведения: перечень деревень по р. Северная Сосьва и Ляпин, о *Самсай-ойке*, об *иттерма*, о *Ворсик-ойке* («трясогузка-старик», покровитель с. Мань-я на р. Ляпин [12. С. 49–50]) и пр. Кроме того – информация местного жителя И.П. Тихонова (скорее всего, Ивана Платоновича) о священном озере Полбанты (Балбанты) в верховьях р. Хулга.

5. [Сагалаев А.М. ПРЭО 1984 г.: полевые тексты 1984 г. о манси Нижней Оби (с магнитофонной записи)]. 17 л. (раздельная пагинация документа: 5 л. и 12 л.). Размер листов 20,2 × 28,6 см. Рукопись. Беловой автограф А.М. Сагалаева. Шариковая ручка (паста темно-синего цвета). Подлинник. Опубликовано [20].

Рукопись является чистовым вариантом текста, записанного непосредственно в экспедиции 1984 г. Вероятно, беловой документ был составлен уже после возвращения из поля, в родном Новосибирске. Три случая характерных помет А.М. Сагалаева – «МГ» (л. 1 первой пагинации) и «МГ-1» (л. 1–2 второй пагинации) в подзаголовках определяют, что исходным источником для текста явились записи с ленточного магнитофона. Запись отражает результаты опросов информаторов-проводников при посещении культовых мест. Одним из них был П.Ф. Меров из с. Хошлог, показавший в верховьях р. Кемпаж святилище *Хонт-Торум-ойки* («Бог войны», сын верховного бога *Нуми-Торума* [12. С. 156]) и поведавший легенду об его борьбе с *сат-виклами* («семь ненцев» [12. С. 128]).

Другой информатор-проводник – И.П. Тихонов из с. Ясунт. Он, исходя из контекста документа, привел участников экспедиции на два культовых места в бассейне р. Хулга: *Куль-Отыр-ойка* (хозяин Нижнего мира [12. С. 76]) и *Ворсик-ойка*. Сообщил также о святилище на протоке Пырсим, о *Мис-не* (женщина из рода *мис-махум* [12. С. 91]) из с. Няксимволь, о *Мис-хум* («лесной человек» [12. С. 92]), о *Тайт-котиль-ойке* («Среднесосьвинский старик», дух-покровитель [15. С. 279]), об озере Полбанты (Балбанты) и др.

6. [ПРЭО 1984 г.: планы археологических раскопов, культовых мест и др.]. Рукопись. Автограф А.М. Сагалаева. Простой карандаш и шариковая ручка (паста синего цвета). Исходные и беловые материалы. Подлинник. Опубликовано частично [8. Рис. 5–7, 97, 113]. Письменный документ представлен тремя формальными частями:

а) исходные материалы – стандартная тетрадь в 12 листов (в линейку), схемами и текстом заполнены л. 1–8, размер тетради 16,8 × 20,4 см, заголовок на титуле – «Хурumpaуль. 1984, июль»;

б) исходные материалы – схемы на отдельных листах мелованной бумаги (8 л.);

в) беловые материалы – чертежи на отдельных листах миллиметровой и писчей бумаги (6 л.).

Тематика документа:

– культовое место *Йипыг-ойка* (*Йибы-ойка* – «филин-старик», дух-покровитель [12. С. 63]; общий план, планы и стратиграфии раскопов 1 и 3; всего 6 л.);

– культовое место *Сат-виклы*, амбарчик со скульптурами (стратиграфия раскопа и план сруба; 1 л.);

– Хурumpaуль, современное селение (общие планы местности с отметками местонахождений раскопов 1–3, планы и стратиграфии раскопов 1 и 2 (упомянутая тетрадь и два отдельных листа).

Еще пять листов рассматриваемого документа содержат планы и стратиграфии неатрибутированных раскопов.

7. [ПРЭО 1984 г.: нотные записи музыки манси – *Пайпын-ойка*, *Хонт-Торум-ойка*, *Йипыг-ойка*]. 4 л. Шаблонные типографские листы, нотный стан. Размер листов 23,6 × 31,1 см. Беловая рукопись. Подлинник. Шариковая ручка, паста черного цвета. Не опубликовано.

Эти записи музыки манси готовились, видимо, в качестве приложения для совместной монографии И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева [8], но в итоге в нее не вошли. Произведения названы по именам культовых мест манси: *Пайпын-ойка* («Старик с берестяным туесом», дух-покровитель [12. С. 110–111]), *Хонт-Торум-ойка*, *Йибы-ойка*. К материалам экспедиции 1984 г. документ отнесен мною на том основании, что тогда были обследованы все три святилища, указанные в нотных записях. В полевых условиях записывалось, вероятно, звуковое исполнение – на диктофон или магнитофон. Преобразование на ноты выполнено, скорее всего, в Новосибирске, кем-то из музыкальных специалистов.

Фотографические документы

Фотоматериалы ПРЭО 1984 г. самим А.М. Сагалаевым в его личном архиве в самостоятельную коллекцию не были выделены, хотя большую их часть он хранил отдельными массивами – в коробке, конвертах, пакетах, на отдельных листах кляссера. Документы не были и тематически систематизированы. Только некоторые фотонаборы помечены подписями рукой А.М. Сагалаева или этикетками различного содержания: «Манси», «Р. Ляпин, р. Сосьва. Экспедиция», «Ляпин, 1984, слайды», «Ляпин. Ложки». К сожалению, по отдельности экземпляры этого объемного визуального собрания он подписал рукой лишь в единичных случаях: цветные слайды (диапозитивы) – «ПРЭО-84. *Ворсик-ойка*» (6 ед.), «ПРЭО-84. Ломбовож» (1 ед.); черно-белые фотографии, убранные издательством «Наука: Сибирское отделение» с публикации, – «Головы изображений» (4 ед.), «Елочки с прикладами» (1 ед.), «Ножи, воткнутые в дерево» (1 ед.). обороты нескольких фотографий подписаны другим человеком – «Культовый амбар» (3 ед.).

По изложенным причинам атрибутирование фотоматериалов оказалось самым сложным и трудоемким в проведенном источниковедческом исследовании. Выяснение объекта и года фотоснимков основывалось мною на их сопоставлении с иллюстрациями и текстом публикаций, отражающих работу экспедиции 1984 г. [8, 11, 14, 15] и, главное, с содержанием снятого тогда фильма о святилищах [13], среди которых были посещенные И.Н. Гемуевым еще в свой первый год работ среди манси – 1983 [15. С. 125]. Учитывались также логика событийного видеоряда на пленке и признак принадлежности нарезанных А.М. Сагалаевым

вым фрагментов пленки или отдельных кадров именно к одной пленке. Надежным маркером определения года съемки цветных слайдов как 1984 стал такой признак, как их среднеформатность.

В итоге в архиве А.М. Сагалаева выявлена репрезентативная группа фотографических документов ПРЭО именно 1984 г. – 380 ед., все – в подлинниках. Они почти всегда являются результатом его съемки, которая велась минимум на два пленочных аппарата, часто с фотовспышкой. Про эту съемку археолог А.И. Соловьев (ИАЭТ) вспоминал: «Кажется, у него тогда был в поездке его собственный [фотоаппарат] “Киев-4” и мой “Зенит-Е”» (из письма от 31 июля 2012 г. к О.Б. Беликовой). В любом случае, экспонированная фотопленка из экспедиции 1984 г. в архиве А.М. Сагалаева представлена двумя форматами:

- малоформатная (ширина двусторонне перфорированной пленки 3,5 см; размер кадра без перфорации 2,4 × 3,6 см; рулонная; последовательная нумерация кадров вдоль края пленки);

- среднеформатная (ширина неперфорированной пленки 6 см, размер кадра около 5,5 × 5,5 см; без нумерации кадров).

Использовались негативная и обращаемая (слайдовая, диапозитивная) пленки, черно-белая и цветная. Состав фотодокументов экспедиции 1984 г. следующий:

- черно-белые малоформатные негативные кадры – 63 ед.;

- черно-белые среднеформатные негативные кадры – 54 ед.;

- цветные малоформатные слайдовые кадры – 199 ед.;

- цветные среднеформатные слайдовые кадры – 42 ед.;

- черно-белые фотографии – 22 ед.

В собрании есть экземпляры от неудовлетворительного до великолепного качества изображения, а также аналогичные, т.е. по одним и тем же объектам фотосъемки, но с разными ракурсами. Отмечу, что часть фотоматериалов съемки А.М. Сагалаева в ПРЭО 1984 г. отложилась позже в архиве И.Н. Гемуева (место современного хранения – ИАЭТ), в процессе их совместных научных исследований. Этими документами уже в 2010-х гг. были проиллюстрированы публикации И.Н. Гемуева и А.В. Бауло о работах ПРЭО 1983 и 1984 г. [14, 15].

Так как в рассматриваемой группе из 380 ед. фотоматериалов некоторые фотографии были отпечатаны с входящих в нее же негативов, то общее количество фотовидов представлено меньшим числом – 365 ед. Исходя из тематики сюжетов они группируются далее в 32 отдельных архивных документа (№ 8–39; продолжена общая нумерация документов ПРЭО 1984 г. в архиве А.М. Сагалаева).

Река Обь

8. [*Плавание по Оби*]. 28 фотовидов: 28 черно-белых малоформатных негативных кадров одной пленки (здесь и далее в аналогичных случаях указывается двойная фабричная нумерация кадров по ее краю: № 3–28а, 33–33а). Опубликовано частично [15. Рис. 131–134; 19. Ил. 6–10; 20. Ил. 1]. Фотовиды: экспедиционный катер (на буксире – моторная лодка

«Прогресс»); члены ПРЭО (И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев, А.А. Алексеев) и неидентифицированные лица; местные жители и катер, пришвартованный в речном поселке.

Река Малая Обь

9. [*Культовое место на протоке Пырсим*]. 10 фотовидов: 10 черно-белых среднеформатных негативных кадров одной пленки; 3 черно-белых фотографии, тождественные двум негативам, размером 18 × 24 см. Опубликовано частично [8. Рис. 88; 15. Рис. 16; 19. Ил. 11–12]. Фотовиды: *сумьях* (амбарчик); личина, вырезанная на стволе кедра, и прислоненный к нему молот; палочки с зарубками и полотно ткани на стволе дерева; куски ткани – на другом стволе; веревки и куски рыбацкой сети – на двух стволах; прислоненные к дереву жерди со шкурами жертвенных животных. Культовое место расположено на левобережье р. Малая Обь: в 45 км выше по течению р. Северная Сосьва от г. Березово, в 17 км от р. Малая Обь, в 1,5 км от протоки Пырсим, соединяющей Северную Сосьву и Малую Обь [8. С. 92–101; 15. С. 9]. По мнению А.В. Бауло, со ссылкой на материалы Е.Н. Переваловой 2010 г., имеется в виду святилище *Сат-Торум (Ворцахл кан)* [15. С. 16].

Река Ляпин

10. [*Шесть иттерма из с. Ломбовож*]. 8 фотовидов: 1 цветной малоформатный слайд (№ 77–78); 7 цветных среднеформатных слайдов одной пленки. Не опубликовано. Фотовиды: две *иттерма* на двух табуретах; две *иттерма* из ящика подовальной формы; две *иттерма* из ящика прямоугольной формы. О фотосъемке первых двух объектов (кадр № 77–78) в указанном селении свидетельствует карандашная надпись А.М. Сагалаева на бумажной рамке слайда: «ПРЭО-84. Ломбовож». А смежное расположение на среднеформатной пленке всех семи слайдов позволило определить, что остальные четыре *иттерма* сфотографированы явно в одном населенном пункте. Конкретное же их происхождение определилось в результате сравнения с черно-белыми иллюстрациями *иттерма* – из дома Петра Ефимовича Шешкина в с. Ломбовож [15. Рис. 302; 21. Рис. 80–82].

11. [*Культовое место Эква-Пурлахтын-ма у с. Ломбовож*]. 1 фотовид: 2 идентичные черно-белые фотографии размером 12 × 18 см. Съемка А.М. Сагалаева (?). Не опубликовано. Фотовид: привязанные к наклоненному стволу дерева лоскуты и полоски ткани. Объект фотосъемки атрибутирован предположительно на основе сравнения с видеорядом фильма 1984 г. [13]. *Эква-Пурлахтын-ма* (женское священное место) находится в 1 км от с. Ломбовож. Его в 1984 г. этнографам показали местные женщины.

12. [*Проводник-информатор Владимир Семенович Албин из с. Луски*]. 26 фотовидов: 18 черно-белых малоформатных негативных кадров (№ 23–58); 8 цветных малоформатных слайдов (№ 33–44, 47–50). Не опубликовано. Фотовиды: В.С. Албин [13] из с. Луски (Лускипауль, Ложки) в лодке и на берегу.

13. [*Культовое место Луски-ойка*]. 21 фотовид: 2 черно-белых среднеформатных негативных кадров; 9 цветных малоформатных слайдов (№ 8–21, 26–29); 10 цветных среднеформатных слайдов одной пленки

(преимущественно неудовлетворительного качества). Опубликовано частично [15. Рис. 246; 19. Ил. 13]. Фотовиды: священный амбарчик; фигуры *Луски-ойки* (дух-покровитель жителей с. Луски) и *Луски-эквы* (его жена); И.Н. Гемуев и проводник В.С. Албин [13]. В эту серию включен фотовид пейзажа с еловым лесом, возможно, путь на святилище. Оно находится в бассейне р. Ляпин: в 5 км от с. Луски, расположенного в 25 км выше по реке от с. Ломбовож [8. С. 26–30; 12. С. 83–84].

14. [*Ритуальные атрибуты, вероятно, В.С. Албина, с. Луски*]. 4 фотовида: 2 цветных малоформатных слайда (№ 30–33); 2 цветных среднеформатных слайда. Не опубликовано. Фотовиды: ритуальные атрибуты – халат из золотистой ткани (рисунок – мелкие зеленые цветы) и цветастый желто-красный платок, которые показывают И.Н. Гемуев и информатор В.С. Албин. Фотовиды определены на основе идентификации личности информатора, зафиксированного фильмом [13], а также на основе месторасположения слайдовых кадров на пленке – смежно с кадрами, отображающими культовое место *Луски-ойка* (№ 26–29; см. сразу выше).

15. [*Амбарчик Мис-нэ и Куль-отыра в усадьбе Меровых в с. Хурумпауль*]. 18 фотовидов: 9 черно-белых малоформатных негативных кадра (№ 67–84); 6 цветных малоформатных слайдов (№ 15–24, 31–32); 3 цветных среднеформатных слайда (неудовлетворительное качество). Опубликовано частично [19. Ил. 21]. Фотовиды: культовый амбарчик и его содержимое; *санквылтап* (старинный струнный музыкальный инструмент манси); женщина-информатор и девочка. Обитателями амбарчика были *Мис-нэ* и *Куль-отыра* [15. С. 46, 114, 120, 192. Рис. 130; 21. С. 66–69].

16. [*Археологический раскоп 2 около усадьбы Р. Мерова в с. Хурумпауль*]. 9 фотовидов: 7 цветных малоформатных слайдов (№ 48–61); 9 черно-белых фотографий двух видов (неидентичны слайдам) размером около 15 × 20 см и 15 × 24 см. Не опубликовано. Фотовиды: две стенки археологического раскопа. Атрибутирование фотовидов выполнено на основе сравнения со схемой стратиграфии раскопа под заголовком «Х[урум]пауль (раскоп около усадьбы Р. Мерова)» (л. 7 тетради «Хурумпауль. 1984, июль»; см. о ней выше).

17. [*Чердак дома Алексея Дмитриевича Хозумова в с. Хурумпауль*]. 11 фотовидов: 7 черно-белых малоформатных негативных кадра (№ 15–22, 61–66); 4 цветных малоформатных слайда (№ 25–30, 53–54). Не опубликовано. Фотовиды: четырехпольный *ялтын-улама* (жертвенное покрывало, вероятно, оранжевого и синего цветов; *иттерма*; ящик с *иттерма* и прикладами; И.Н. Гемуев, держащий в вытянутой руке фетиш из светлой ткани и рыжего меха. Предположительная идентификация фотовидов выполнена на основе сравнения с опубликованными атрибутами с чердака А.Д. Хозумова, включая графическую иллюстрацию покрывала [15. С. 210. Рис. 289; 21. С. 30–38. Рис. 16], а также смежной последовательности изображений на негативной и слайдовой пленках.

18. [*Чердак дома Василия Гавриловича Овезова в с. Хурумпауль*]. 3 фотовида: 3 цветных малоформат-

ных слайда (№ 42–47). Не опубликовано. Фотовиды: чердак дома и находившиеся там сундуки, лыжа, черепа (с рогами) оленей и прочими вещами. Описание чердака и его содержимого опубликовано [15. С. 119–120. Рис. 124; 21. С. 38–59]. Слайды отнесены к съемке 1984 г. на основе их расположения на пленке между фотовидами культового места *Йипыг-ойка* у с. Хурумпауль (кадры (№ 34–41) и раскопа 2 в этом селе (кадры № 48–61).

19. [*Культовое место Эква-Пурлахтын-ма у с. Хурумпауль*]. 10 фотовидов: 9 цветных малоформатных слайдов (№ 66–82); 4 одинаковых черно-белых фотографии (неидентичны слайдам) размером около 12 × 18 см. Опубликовано частично [14. Рис. 24]. Фотовиды: тряпичные антропоморфные изображения (слева направо) – *Куль-отыра*, «помощник-караульщик», *Мир-сусне-хум* («За миром следящий человек» [12. С. 89–91]), *Торум-щань* (жена *Нуми-Торума*, верховного божества [12. С. 101–102]). Святилище находится на левом берегу р. Ляпин, примерно в 400 м от с. Хурумпауль [8. С. 111–114; 15. С. 42–43. Рис. 46–50]. Этнографам в 1984 г. его показали местные женщины [13].

20. [*Культовое место Йипыг-ойка у с. Хурумпауль*]. 22 фотовида: 5 черно-белых среднеформатных негативных кадра одной пленки; 17 цветных малоформатных слайдов (№ 34–41, 48–59, 68–81). Не опубликовано. Фотовиды: общий вид святилища; тряпичные фигуры божеств; информаторы А.Д. Хозумов (хранитель святилища) и Владимир Дорофеевич Вадичупов [13]. В эту группу фотоматериалов предположительно включены 8 фотовидов археологических шурфов (кадры № 38–41, 48–59). Святилище *Йипыг-ойка* («филин-старик», дух-покровитель) расположено на левом берегу р. Ляпин, в 1,5 км вверх по его течению от с. Хурумпауль [8. С. 8–16; 11. С. 143–146, 149–150, 152–153; 12. С. 63–64; 15. С. 163. Рис. 207–219].

21. [*Культовое место Пайпынг-ойка у с. Хошлог*]. 1 фотовид: 1 черно-белая фотография размером 18 × 23,7 см. Съемка А.М. Сагалаева (?). Опубликовано [15. Рис. 114]. Фотовид: ствол ели с воткнутыми в него ножами. Святилище находится на р. Ляпин, в 1,5 км от с. Хошлог [8. С. 30–36; 11. С. 55, 68–72, 99; 12. С. 110–111; 15. С. 108–113]. В 1984 г. этнографам его показал П.Ф. Меров [13].

22. [*Бытовые сцены в с. Хошлог*]. 13 фотовидов: 13 цветных малоформатных слайдов (№ 32–35, 38–45, 48–61). Не опубликовано. Фотовиды: стоящие пожилая женщина и мальчик; птица; дети и взрослые, включая П.Ф. Мерова, в его усадьбе и на крыльце дома, здесь же И.Н. Гемуев, А.А. Алексеев (?), Калистрат Петрович Лончаков, играющий на *санквылтапе*; пляшущая женщина; три стоящих мальчика. К этой фотосессии предположительно отнесен снимок железного палаша с широкой крестовиной рукоятки (кадр № 60–61).

23. [*Культовое место «с оружием» около с. Саранпауль*]. 5 фотовидов: 5 черно-белых среднеформатных негативных кадра. Опубликовано частично [15. Рис. 64; 19. Ил. 14]. Фотовиды: священный амбарчик; фигура духа-покровителя с изображениями ящериц; И.Н. Гемуев и два мужчины-проводника из

Саранпауля [15. Рис. 64] на фоне покосившегося амбарчика. Святилище находится на правом берегу р. Ляпин, в 8 км вниз по его течению от с. Саранпауль, в 200 м от берега [8. С. 46–53; 15. С. 65].

24. **[Культовое место около бывшего с. Ханглы]**. 5 фотовидов: 5 черно-белых среднеформатных негатива. Не опубликовано. Фотовиды: деревянная антропоморфная фигура; ствол кедра с вбитыми в него 16 наконечниками стрел и 7 ножами; остатки рухнувшего двускатного шалаша. Святилище находится у бывшего с. Ханглы (правый берег р. Ляпин, в 7 км ниже с. Саранпауль) [8. С. 78–80; 11. С. 87; 15. С. 65, 70. Рис. 71–72].

Река Щекурья

25. **[Григорий Николаевич Сайнахов из с. Щекурья]**. 9 фотовидов: 9 цветных малоформатных слайдов (№ 16–17, 20–35). Не опубликовано. Фотовиды: исполнитель фольклора Г.Н. Сайнахов (в том числе играющий на *санквилтане*) вместе с женщиной и девочкой, все – в национальной одежде, женщина – с украшениями. С. Щекурья расположено на левом берегу устья р. Щекурья (правый приток р. Ляпин).

Река Кемпаж

26. **[Культовое место Сат-менка на р. Хулимья, притоке р. Кемпаж]**. 1 фотовид: 1 цветной малоформатный слайд (№ 17–18). Не опубликовано. Фотовид: деревянные изваяния *менквов* (мифические лесные духи), обернутые белой тканью. Святилище находится в верховьях р. Кемпаж (левый приток р. Ляпин), на ее левом притоке – р. Хулимья, в 7 км от ее устья [8. С. 82; 11. С. 160; 12. С. 128–129]. Проводник этнографов в 1984 г. – Егор Петрович Таратов [13].

27. **[Культовое место Хонт-Торум на р. Пупы-я, притоке р. Кемпаж]**. 11 фотовидов: 11 цветных малоформатных слайдов (№ 12–17, 62–63, 66–73, 74–79). Не опубликовано. Фотовиды: антропоморфные изображения – *Хонт-Торум* и его посылные *Энки* и *Хуси*; помещение с дощатыми стенами, вероятно, амбарчик, в углу которого стоит сундук; ткани, включая цветастую и «парчовую»; два деревянных антропоморфных изображения в одежде. Слайды № 12–17 (неудовлетворительное качество) включены в эту серию фотовидов на основе того, что они отображают деревянное изображение, которое аналогично опубликованному А.В. Бауло духу-покровителю со святилища Хонт-Торум [15. С. 105. Рис. 110]. Оно находится в 80 км от устья р. Кемпаж: на правом берегу р. Пупы-я, в 3 км от ее устья [8. С. 57–78; 11. С. 159–164; 12. С. 156–158]. Проводник в 1984 г. – П.Ф. Меров [13].

28. **[Культовое место Сат-виклы на р. Пупы-я]**. 9 фотовидов: 2 цветных малоформатных слайда (№ 38–41); 7 цветных среднеформатных слайдов. Не опубликовано. Фотовиды: деревянные антропоморфные изображения ненцев, с которыми воевали манси. Культовое место находится в бассейне р. Кемпаж: в 25 км от устья ее левого притока р. Пупы-я, на правом берегу последней [8. С. 104–111; 11. С. 4–10; 12. С. 128]. Проводник 1984 г. – П.Ф. Меров [13].

Река Хулга

29. **[Кладбище манси, с. Ясунт]**. 25 фотовидов: 24 черно-белых малоформатных негативных кадра (№ 5–52); 1 цветной среднеформатный слайд. Опубликовано частично [19. Ил. 20]. Фотовиды: общий вид

кладбища; отдельные погребальные сооружения; нарты; кости животных на деревьях; И.Н. Гемуев.

30. **[Культовое место Эква-Пурлахтын-ма у с. Ясунт]**. 10 фотовидов: 4 черно-белых среднеформатных негативных кадра; 2 цветных малоформатных слайда (№ 10–11, 13–14); 4 цветных среднеформатных слайда; 1 черно-белая фотография размером 18 × 23,7 см (идентична негативу). Опубликовано частично [19. Ил. 16]. Фотовиды: дерево с прикладами, женщина, привязывающая к нему тряпочку; костер и женщина у костра. К этой съемке предположительно отнесены изображения берестяных коробов на земле и на дереве. На обороте фотографии – надпись рукой А.М. Сагалаева: «Елочки с прикладами». Местонахождение святилища, на которое этнографов в 1984 г. привели местные женщины-мансийки, – в 400–450 м от с. Ясунт [8. С. 115].

31. **[Культовое место Куль-отыр-ойка около с. Ясунт]**. 36 фотовидов: 10 черно-белых среднеформатных негативных кадра; 23 цветных малоформатных слайда (№ 33–38 одной пленки и № 31–46, 49–58, 61–66, 69–72, 75–78 – другой); 3 цветных среднеформатных слайда (два – неудовлетворительного качества). Опубликовано частично [8. Рис. 35, 37–38; 15. Рис. 135, 137–139, 144; 19. Ил. 17–19, 22]. Фотовиды: путь группы на святилище по болотистой местности; культовый амбарчик и рядом информатор-проводник И.П. Тихонов [13]; антропоморфное изображение *Куль-отыра*; модели луков; деревянная ритуальная посуда; А.А. Алексеев, И.Н. Гемуев, А.Х. Слапиныш и информатор у костра. Святилище расположено в 2 км выше с. Ясунт на левом берегу р. Хулга [8. С. 37–46; 12. С. 76–78].

32. **[Культовое место Ворсик-ойка]**. 39 фотовидов: 33 цветных малоформатных слайда (22 кадра от одной пленки – кадры № 15–16, 19–34, 37–38, 41–44, 47–62, 69–70, 73–74 и 11 кадров от других пленок – кадры № 51–54, 56–71, 70–71; 5 среднеформатных слайда (два – неудовлетворительного качества); 1 черно-белая фотография размером 15 × 20 см, неидентичная слайдам. Опубликовано частично [19. Ил. 22] (в той статье 2012 г. культовое место в подписи ошибочно названо мною как *Куль-отыр*). Фотовиды: священный амбарчик и его содержимое; медвежий череп из амбарчика; информатор-проводник И.П. Тихонов [13] у амбарчика; фигура *Ворсик-ойки* с накладкой из куса серебристой металлической фольги и без нее; железные меч с роговидным навершием; пальма (?); железная сабля с костяной рукоятью; обитые жестью деревянные ножны с остатками деревянного меча; стрелы и наконечник стрелы; деревянные модели трех луков; шаманский бубен с колотушкой; дорога к святилищу и привал путников – И.П. Тихонов и его родственник-мальчик, А.А. Алексеев, И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев, А.Х. Слапиныш; за обедом – проводник и два мальчика; информатор с фетишами; и др. Бумажные рамки шести малоформатных слайдов А.М. Сагалаев подписал: «ПРЭО-84. Ворсик-ойка». Святилище находится в бассейне р. Хулга: на левом берегу ее правого притока р. Мань-я, в 8 км выше устья последней [8. С. 16–25; 12. С. 49–50; 15. С. 128, 134–152].

Местонахождение, название объекта съемки не выяснены

33. [*Культовое место с тряпичными антропоморфными изображениями*]. 2 фотовида: 2 черно-белых среднеформатных негативных кадра; 1 черно-белая фотография размером 16 × 23,7 см (идентична негативу). Не опубликовано. Фотовид: три тряпичных антропоморфных фигуры (прикреплены к горизонтальной жерди), над ними – полоски ткани, привязанные к веткам хвойного дерева. Объект съемки – явно не *Эква-Пурлахтын-ма* у с. Хурумпауль.

34. [*Каркас старого амбарчика*]. 3 фотовида: 3 цветных малоформатных слайда (№ 18–23). Не опубликовано. Фотовиды: общий вид и детали каркаса амбарчика (без крыши), стоящего на земле. Эти кадры на пленке следуют после слайдов съемки культового места Хонт-Торум (№ 12–17).

35. [*Орнаментированный ствол растущего дерева*]. 4 фотовида: 4 цветных малоформатных слайда (№ 24–31). Не опубликовано. Фотовиды: ствол хвойного дерева с вырезанным на нем вкруговую геометрическим орнаментом.

36. [*Металлический наконечник с деревянным черенком*]. 1 фотовид: 1 черно-белый малоформатный негативный кадр (№ 59–60). Фотовид: фиксация без масштаба; черенок предмета обломан; отображена, возможно, пальма. Судя по взаиморасположению кадров на пленке, съемка проходила, не исключено, в с. Ломбовож или с. Хурумпауль.

37. [*Лодка манси*]. 4 фотовида: 4 цветных малоформатных негативных кадра (№ 11–16, 21–22). Фотовид: стоящая на суше (в пойме) деревянная дощатая лодка (атрибутирована на основе содержания кинофильма [13]).

38. [*Селение манси*]. 3 фотовида: 3 цветных малоформатных слайда (№ 29–32, 49–50). Не опубликовано. Фотовиды: речной пейзаж; селение; жилая усадьба на берегу реки. Смежное расположение на пленке этих слайдов перед сериями кадров о посещении перечисленных выше святилищ *Ворсик-ойка* (№ 51–52 и др.) и *Куль-отыр-ойка* (№ 33–38) позволяет предположить, что фотофиксировано селение Ясунт.

39. [*Местные жители*]. 12 фотовидов: 11 черно-белых среднеформатных негативных кадра; 1 цветной малоформатный слайд (№ 75–76). Фотовиды: портретные снимки местных жителей (дети, взрослые мужчины и женщины) на фоне одного и того же дома (рубленный, из круглых бревен); мужчина манси на фоне другой усадьбы.

Аудиовизуальный документ (кинофильм)

40. «*Боги и богатыри народа манси: Документальный фильм / Режиссер и оператор Андрис Слapiнш. СССР: Рижская киностудия. 1985*». Цифровая копия. Полноцветный фильм. Продолжительность 38 минут.

Этот фильм, хорошо известный исследователям культуры Сибири [15. С. 125; 22. С. 97; и др.], снят преимущественно в процессе полевой работы ПРЭО 1984 г. Использован также материал экспедиции 1983 г. В фильме запечатлены все члены экспедиции 1984 г. Основные видеосюжеты – посещение на р. Ляпин, Хулга, Кемпаж культовых мест манси (далее они перечислены последовательно видеоряду фильма): *Йипыг-ойка*, *Куль-отыр-ойка*, *Ворсик-ойка*, *Пайпын-ойка*, *Луски-ойка*, *Эква-Пурлахтын-ма* (с. Ломбовож, Хурумпауль и Ясунт), *Сат-менкв*, *Торум-кан*, *Хонт-Торум*, *Сат-виклы*. Отображены и упомянуты информаторы, сопровождавшие этнографов на эти святилища, – А.Д. Хозумов, В.Д. Вадичупов, И.П. Тихонов, П.Ф. Меров, В.С. Албин, Е.П. Таратов и неидентифицированные женщины манси. В титрах фильма указаны еще информаторы А.Г. Албина и Е.Г. Юрьева, но по видеоряду их не удалось идентифицировать. Другие сюжеты: играющий на *санккылтане* Г.Н. Сайнахов из с. Щекурья; мансийское с. Хошлог – женщины, вышивающие на улице национальную одежду, группа людей в усадьбе Мерова (в том числе исполняющий на *санккылтане* К.П. Лончаков, а также пляшущая женщина); рыбалка с участием В.С. Албина; экспедиционный катер. Проводилась съемка и в Новосибирске, в ИИФиФ СО АН СССР: реставратор Галина Константиновна Ревуцкая; художник Алла Ю. Сидорова; материалы культуры манси из экспедиции 1983 г.; амбарчик, перевезенный в 1984 г. в институт с р. Ляпин – с культового места «с оружием».

Заключение. Источниковедческими разысканиями в составе архиве А.М. Сагалаева (Томск) выделено собрание материалов ПРЭО 1984 г., самоотверженно работавшего среди манси в труднодоступном бассейне Северной Сосьвы. Источники структурированы в отдельные архивные документы (40 экз.), каждый из которых описан. Карты содержат информацию об организации работ экспедиции. Письменные документы включают сведения информаторов о святилищах манси, нотные записи их музыки, а также данные об этнографических фондах Березовского краеведческого музея и планы археологических раскопок. Сформирована репрезентативная серия фотографических документов, сегодня полностью оцифрованных: 380 единиц фотоматериалов или 365 ед. отдельных фотовидов. Она включает изображения минимум 16 культовых мест манси. По какой-то причине среди них нет фотовидов святилища высокого ранга *Торум-кан* (“божье место”) из окрестностей с. Ломбовож [12. С. 141], хотя, исходя из содержания фильма «Боги и богатыри народа манси», этнографы в 1984 г. его точно обследовали. В целом материалы ПРЭО 1984 г. включают уникальные сведения о мировоззрении манси, в том числе о духах-покровителях отдельных семей и селений, о персонажах общемансийского пантеона, а также о быте. Они существенно расширяют источниковую базу об этнических явлениях на Севере Западной Сибири в конце XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сагалаев Андрей Маркович // Профессора Томского государственного университета : биографический словарь (1980–2003). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 196–198.

2. Памяти Элеоноры Львовны Львовой (21.04.1940 – 27.11.2014) // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 74–83.
3. Гадло А.В., Козьмин В.А., Цветкова Н.Н. Рудольф Фердинандович Итс: ученый, педагог, популяризатор науки // Этнос и этнические процессы: Памяти Р.Ф. Итса. М.: Восточная литература, 1993. С. 10–25.
4. Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. 248 с.
5. Памяти Гемуева: сборник научных статей и воспоминаний. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 248 с.
6. Слапиньш Андрис. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Слапиньш_Андрис (дата обращения: 20.11.2017).
7. Gemujev I.N., Sagalajev A.M. Sacred Places of the Mansi People // Шестой международный конгресс финно-угроведов (Congressus sextus internationalis fenno-ugristarum): тезисы. Т. 3: Фольклористика. Литературоведение. Сыктывкар, 1985. С. 16 (На английском языке.)
8. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
9. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Святилища манси как феномен культурной традиции // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сборник научных трудов. Новосибирск, 1986. С. 125–141.
10. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Святилища манси // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 325–327.
11. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с. (Серия: Страницы истории нашей Родины).
12. Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с. (Серия: Энциклопедия уральских мифологий; Т. 2).
13. Боги и богатыри народа манси: документальный фильм / режиссер, оператор Андрис Слапиньш. СССР: Рижская киностудия, 1985. 38 минут.
14. Гемуев И.Н. Дневник Приполярного этнографического отряда Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1984 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. Вып. 10. С. 381–407.
15. Бауло А.В. Экспедиции Измаила Гемуева к манси: этнокультурные исследования в Нижнем Приобье. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2016. Т. 1: 1983–1985 гг. С. 125–194.
16. Беликова О.Б. Об архиве этнолога А.М. Сагалаева (г. Томск) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России (1–5 июля 2009 г., г. Оренбург). Оренбург: Издательский центр ОГУ, 2009. С. 383–384.
17. Беликова О.Б. Архив этнолога А.М. Сагалаева: материалы академической экспедиции 1984 г. на Нижнюю Обь к манси // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 49–50.
18. Правила издания исторических документов СССР. М., 1990. 188 с.
19. Беликова О.Б. Архив А.М. Сагалаева: визуальные материалы Приполярного этнографического отряда 1984 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. Вып. 10. С. 408–430.
20. Сагалаев А.М. Полевые тексты 1984 г. о манси Нижней Оби (Приполярный этнографический отряд СО АН СССР) / Подготовка к публикации О.Б. Беликовой // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2017. Вып. 15. С. 460–477.
21. Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
22. Сагалаев К.А. Культура обских угров в зеркале визуальной фиксации // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 96–100.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 февраля 2018 г.

MATERIALS COLLECTED BY THE SUBPOLAR ETHNOGRAPHIC PARTY (SIBERIAN BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES) OF 1984 IN A.M. SAGALAEV'S ARCHIVE: THE MANSI OF THE LOWER OB

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 65–73.

DOI: 10.17223/15617793/432/8

Olga B. Belikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bob@mail.tsu.ru

Keywords: A.M. Sagalaev's archive; Western Siberia; Mansi; ethnographic expedition of 1984; sacred sites.

The paper presents the first generalized results of the historical source study in relation to the materials collected by the Subpolar Ethnographic Party (Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences) of 1984, which are stored in the personal archive of Andrey Markovich Sagalae (1953–2002), a Russian ethnologist who participated in this party. The party worked among the Mansi in the north of Western Siberia, in the basin of the Severnaya Sosva River (left tributary of the Malaya Ob River; the area of the modern Beryozovsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra). The ethnographers traveled to the study area from Novosibirsk by boat along the Ob River for three weeks. Then, the party continued its journey along the rivers of the Severnaya Sosva basin by boat. Field studies were conducted under the guidance of I.N. Gemuev, researcher at the Institute of History, Philology and Philosophy (since 2001 – the Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). Other members of the party included A.M. Sagalae (junior research fellow), A.A. Alexeev (art student), and Andris Slapins, director and cameraman of the Riga Film Studio. Important findings are reflected in publications, including monographs, and a documentary film “The Gods and Heroes of the Mansi People” (1985). However, the general content of field sources from the expedition of 1984 was neither clarified nor published. The gap is partially filled in this paper. The author structured all identified materials from A.M. Sagalae's archive of 1984 into separate archival documents (40 in total). They were divided into three types: cartographic documents (2), texts (5), photographs (32) and an audiovisual source (one film). Each document was provided with a brief description, including its origin and content, qualitative and quantitative characteristics, etc. Maps contain information about the ways in which the expedition of 1984 organized its activities. Text documents include evidence about Mansi sanctuaries collected from informants, notations of their music, as well as plans of archaeological excavations and data on ethnographic funds of the Beryozovsky Museum of Local Lore. Almost all photographic materials (black-and-white and color negative and positive slides; photographs) were taken by A.M. Sagalae using film cameras. Although attributing them was the most difficult and time-consuming part of the source study, the result proved its worth: a representative collection of visual sources that have been completely digitized. The collection consists of 380 photographs (or 365 individual photo landscapes). In general, the materials of the Subpolar Ethnographic Party of 1984 contain unique information about the Mansi worldview, including guardian spirits of individual families and settlements, characters of the common Mansi pantheon, as well as about their everyday life. These materials significantly expand the source base concerning ethnic phenomena in the northern part of Western Siberia in the 20th century.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Professora Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: biograficheskiy slovar' (1980–2003)* [Professors of Tomsk State University: A Biographical Dictionary (1980–2003)]. Vol. 4. Pt. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 196–198.
2. Nam, I.V. (2015) Dedicated to the memory of Eleonora Lvovna Lvova (21.04.1940 – 27.11.2014). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 74–83. (In Russian).
3. Gadlo, A.V., Koz'min, V.A. & Tsvetkova, N.N. (1993) Rudol'f Ferdinandovich Its: uchenyy, pedagog, populyarizator nauki [Rudolf Ferdinando- vich Its: scientist, teacher, popularizer of science]. In: Popov, V.A. (ed.) *Etnosy i etnicheskie protsessy: Pamyati R.F. Itsa* [Ethnoses and ethnic processes: In memory of R.F. Its]. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Bobrov, V.V., Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (eds) (2011) *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D.G. Savinova* [Ancient art in the mirror of archeology: To the 70th anniversary of D.G. Savinov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
5. Baulo, A.V. (ed.) (2007) *Pamyati Gemueva: sbornik nauchnykh statey i vospominaniy* [In memory of Gemuev: a collection of scientific articles and memoirs]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS.
6. Wikipedia. (n.d.) *Slapin'sh Andris* [Andris Slapiņš]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Slapin'sh_Andris. (Accessed: 20.11.2017).
7. Gemujev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1985) Sacred Places of the Mansi People. *Congressus sextus internationalis fenno-ugristarum: abstracts*. Vol. 3. Syktyvkar: USSR AS. pp. 16.
8. Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1986) *Religiya naroda mansi: Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people: Religious places (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
9. Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1986) Svyatilishcha mansi kak fenomen kul'turnoy traditsii [Sanctuaries of the Mansi as a phenomenon of cultural tradition]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Etnicheskie kul'tury Sibiri. Problemy evolyutsii i kontaktov* [Ethnic cultures of Siberia. Problems of evolution and contacts]. Novosibirsk: [s.n.].
10. Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1989) [Sanctuaries of the Mansi]. *Proceedings of the VI International Congress of Finno-Ugric Studies*. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 325–327. (In Russian).
11. Gemuev, I.N., Sagalaev, A.M. & Solov'ev, A.I. (1989) *Legendy i byli taezhnogo kraya* [Legends and tales of the taiga land]. Novosibirsk: Nauka.
12. Baulo, A.V. et al. (2001) *Mifologiya mansi* [Mythology of the Mansi]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS.
13. Slapin'sh A. (1985) *Bogi i bogatyri naroda mansi: dokumental'nyy fil'm* [Gods and heroes of the Mansi people: a documentary]. SSSR: Rzh-skaya kinostudiya. 38 minutes.
14. Gemuev, I.N. (2012) Dnevnik Pripolyarnogo etnograficheskogo otryada Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR 1984 g. [Diary of the Circumpolar Ethnographic Party of the Institute of History, Philology and Philosophy, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1984]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Is. 10. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University.
15. Baulo, A.V. (2016) *Ekspeditsii Izmaila Gemueva k mansi: etnokul'turnye issledovaniya v Nizhnem Priob'e* [Expeditions of Izmail Gemuev to the Mansi: ethno-cultural studies in the Lower Ob region]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS. pp. 125–194.
16. Belikova, O.B. (2009) [On the archive of the ethnologist A.M. Sagalaev (Tomsk)]. *VIII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia*. Orenburg. July 1–5, 2009. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGFU. pp. 383–384. (In Russian).
17. Belikova, O.B. (2011) Arkhiv etnologa A.M. Sagalaeva: materialy akademicheskoy ekspeditsii 1984 g. na Nizhnyuyu Ob' k mansi [Archive of the ethnologist A.M. Sagalaev: materials of the 1984 academic expedition to the Lower Ob to the Mansi]. *IX Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: abstracts*. Petrozavodsk. 4–8 July 2011. Petrozavodsk: Karelia SC RAS. pp. 49–50. (In Russian).
18. Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR. (1990) *Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov SSSR* [Rules for the publication of historical documents of the USSR]. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR.
19. Belikova, O.B. (2012) Arkhiv A.M. Sagalaeva: vizual'nye materialy Pripolyarnogo etnograficheskogo otryada 1984 g. [Archive of A.M. Sagalaev: visual materials of the Circumpolar Ethnographic Party of 1984]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Is. 10. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 408–430.
20. Sagalaev, A.M. (2017) Polevye teksty 1984 g. o mansi Nizhney Obi (Pripolyarnyy etnograficheskiy otryad SO AN SSSR) [Field texts of 1984 on the Mansi of the Lower Ob (Subpolar Ethnographic Party of SB USSR AS)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Is. 15. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 460–477.
21. Gemuev, I.N. (1990) *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [The Mansi's world view: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka.
22. Sagalaev, K.A. (2014) Culture of the Ob-Ugrians through the lens of visual recordings. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 96–100. (In Russian).

Received: 23 February 2018

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: СЕЛЬСКИЕ ХРАМЫ И КЛАДБИЩА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Предлагаемая статья продолжает исследования почитаемых объектов, функционировавших на протяжении XX в. в коми селах. Автор обращается к элементам культурного ландшафта, которые традиционно рассматриваются как значимые символы православной традиции (храмы, часовни, кладбища). На отдельных примерах рассматривается реализация различных сценариев развития событий, связанных с закрытием сельских храмов, а также с формированием «новой» советской обрядности.

Ключевые слова: почитаемые места; храм; приходское кладбище; советские памятники; обрядность.

Словосочетание «культурный ландшафт» вошло в систему терминов российской гуманитарной и культурной географии [1. С. 114], а также этнологии, истории, фольклористики и культурологии [2–4]. В то же время исследователи отмечают существенные различия в трактовке данного термина представителями разных дисциплин, в частности в определении предмета исследования [1. С. 121]. В данной статье культурный ландшафт понимается как природно-культурный комплекс, созданный и освоенный сообществом людей, организующий и структурирующий пространство обитания. Его основными компонентами являются: природный ландшафт; сообщество людей; хозяйственная деятельность; селения как способ пространственной организации сообщества в природном ландшафте; языковая система и духовная культура [2. С. 11; 3. С. 53–55].

С середины 1990-х гг. в российской гуманитарной науке появилось значительное количество публикаций, посвященных изучению сельских святынь, которые рассматриваются как неотъемлемые элементы культурного ландшафта российского села, играющие значительную роль в формировании локальной и этноконфессиональной идентичности [6–8]. В публикациях этнографов и фольклористов, посвященных исследованию традиции коми-зырян, связанной с почитанием сельских святынь, рассматриваются следующие вопросы: типология местнотимых святынь и «иерархия» почитаемых мест [9–12]; праздничная традиция, связанная с почитаемыми объектами [13–21]; проведение внехрамовых служб без участия священнослужителей [15, 16, 20]. Следует отметить, что речь идет не только о природных объектах сакральной топографии (источниках, камнях-следовиках) и различных типах обетных крестов, но и почитаемых местных иконах и часовнях, о православных сельских храмах, которые по разным причинам находились / находятся в ведении местного населения. В работах анализируются механизмы сохранения религиозных традиций, описываются ритуальные практики, сформировавшиеся в советский период, связанная с ними устная традиция.

Предлагаемая статья продолжает исследования почитаемых объектов, функционировавших на протяжении XX в. в коми селах, обращаясь к элементам культурного ландшафта, которые традиционно рассматриваются как значимые символы православной традиции (храмы, часовни, кладбища). Целью нашего исследования является выявление общих тенденций и

локальных особенностей формирования и развития обозначенных элементов культурного ландшафта на протяжении XX в. Поскольку дать детальную характеристику для каждой конкретной группы поселений указанного региона в рамках одной статьи не представляется возможным, мы рассматриваем реализацию различных сценариев развития событий, связанных с закрытием сельских храмов, формированием «новой» советской обрядности на отдельных примерах.

Сельские храмы и часовни. В конце XIX – первой половине XX в. деревенские храмы, часовни, монументальные кресты и т.п., являвшиеся наиболее яркими образами-символами, играли важную роль в формировании культурного ландшафта. Характеризуя религиозность зырян, К. Попов пишет: «Во всяком сколько-нибудь значительном селении, где нет церкви, построены в виде церквей, даже с колокольнями, часовни, куда, по праздникам, и старые, и малые собираются слушать чтение и толкование священных книг. В Устьсысольском уезде на каждые три населенных местности приходится по часовне, а в Яренском – на пять» [22. С. 47]. Приведем еще несколько описаний, сделанных путешественниками и исследователями, посетившими разные районы, заселенные зырянами в конце XIX – начале XX в. «Обособленностью зырян можно также объяснить и склонность их так тщательно сохранять остатки старины. Едва ли где-нибудь в другом уголке деревенской России можно найти такие, например, первобытные деревянные церкви, какие нередко встречаются в краю зырянском» [23. С. 39]. «Сзади белеют, как чайки на синей поверхности хвойного моря, две окладские церкви; несколько далее за небольшим перелеском горят лазурью купола усть-вымских церквей» [24. С. 44]. «По мере того, как продвигаешься вверх по р. Ижме <...> перестают попадаться и красиво выстроенные храмы, или есть церкви, но нет священников <...>, а в других вместо церквей стоят <...> простые часовни» [25. С. 34].

Следует отметить, что в начале XX в. восприятие храмов могло быть не однозначным и зависело от конфессиональной принадлежности населения. Весьма показательна история строительства храма в старообрядческом селе Подчерье на верхней Печоре, где в 1903 г. был построен храм во имя Петра и Павла. Его строительству предшествовал конфликт между подчерцами и властями: местные жители долгое время отказывались выделять место под постройку храма. Несмотря на недовольство подчерцев, строитель-

ство было начато вычегодскими мастерами «при помощи полиции» [26]. Враждебное отношение староверов объяснялось тем, что церковь решено было строить на месте старого старообрядческого кладбища. Щугорский священник Александр Покровский так описал эти события в церковной летописи Подчерья. «Подчерцы не давали места под постройку церкви с самого начала, под конец они были почти убеждены в том, что церковь будет вне селения и они восторжествуют, но Бог судил иначе. Церковь построена именно на том месте, где они наименее всего желали. Нужно было видеть как подчерцы – особенно женщины, оплакивали место усыпальницы, которую перенесли далее в сторону, чтобы дать место новому храму <...> И как причитали подчерские старухи, когда рубили лес, выросший на могилах прадедов» [27].

Возведение храма на месте «чужой» святыни было довольно распространенной практикой миссионерской деятельности Церкви. Нежелание светских и духовных властей идти на компромисс стали причиной последующих конфликтов между местным населением и духовенством. С 1904 по 1908 г. службы в церкви не велись, поскольку не было священника, как только он появился, подчерцы вручили ему приговор «о нежелании иметь церковь». В 1908–1909 гг. жителями села подано несколько прошений о её ликвидации в разные инстанции (Вологодскому губернатору, Епископу Вологодскому и Тотемскому). В ответ губернатором было сделано распоряжение отгородить храм от старообрядческого кладбища. Епископ Никон в своем послании указал, «чтобы убрать церковь, нужно обращаться не к православному Архиерею, а искать людей, потерявших веру и совесть». По сведениям священника, подчерцы, не добившись желаемого результата, собирались отправить прошение императору [28]. Отметим, что в Подчерье к этому моменту существовали две старообрядческие часовни, выстроенные «незаконно» [29. С. 44–45].

По мнению исследователей, в конце XIX – начале XX в. храм был духовным центром, объединявшим жителей села или группы сел [30. С. 92; 31. С. 154], а престольные праздники являлись важным элементом функционирования религиозной традиции, поддерживая местную солидарность и идентичность [5. С. 309; 32. С. 160]. В селах со старообрядческим населением такими духовными центрами являлись моленные дома, часовни, скиты [29]. Часовни и церкви в зырянских приходах, как и во многих местностях Русского Севера, ставились на наиболее просматриваемых местах. Они являлись не только символическими, но и значимыми топографическими объектами, культовыми комплексами (храм / колокольня / кладбище), формирующими облик местности [31. С. 153; 33. С. 79; 34; 35. С. 136–137] (фото 1, 2). Храмы и монастыри рассматривались не только как религиозные символы, но и как символы православного российского государства [36]. На территории современной Республики Коми до 1917 г. насчитывалось 177 православных храмов, 235 часовен, три монастыря [37. С. 173]. В дореволюционный период в Коми крае, равно как и во многих регионах России, православие являлось «частью нерелексируемого жизненного мира, контекстом общей культурной социализации» [38. С. 415].

После событий октября 1917 г. происходит кардинальная переоценка места религии в жизни общества. К началу 1930-х гг. в России оформилась и получила одобрение концепция «воинствующего атеизма», основанная на идее о контрреволюционной сущности религии и антисоветской деятельности ее носителей [39. С. 289]. Со второй половины 1920-х гг. в Коми области различными организациями (Коми обком РКП(б), комиссия по культам, ячейки СВБ) ведется систематическая научно-атеистическая пропаганда (антирелигиозные кампании, публикации в периодической печати), неотъемлемой частью которой стали закрытие храмов и уничтожение почитаемых объектов. К 1941 г. на территории Коми АО не осталось действующих храмов [40. С. 76–82].

В устных рассказах, зафиксированных в 1990–2000-е гг., объединенных общей темой – «наказание за святотатство», повествуется о действиях, связанных с закрытием храмов: сбрасывании колоколов, крестов с купола, уничтожении и осквернении икон. Приведем в качестве примера несколько рассказов, записанных в разных районах. «Тот человек, который сбросил колокол с часовни, умер в страшных мучениях – в течение недели весь покрылся язвами и истек кровью» [15. С. 158]. «Когда церкви закрывались, коммунисты Поповы сделали себе из церковных икон в бане полки <...> родители умерли в тяжелых и продолжительных мучениях от рака. Старший сын Всеволод повесился. Второй сын Андрей утонул. Дочку Марию Господь лишил разума. Дочь Роза умерла от рака после продолжительной болезни» [41]. «Когда церковь разрушали, Гриша Степан был. Он крест с церкви скинул на землю, народ около церкви собрался, все видели. Семья этого Гриша Степана до сих пор плохо живет» [42]. «На церковь к кресту залез житель села Слудка Сырчиков Модест (или Никифор), он зацепил тросом крест, и трактор сорвал его <...> земля дрогнула, на небе сверкала молния, которая и убила Сырчикова» [43. С. 62]. Подобные рассказы зафиксированы в фольклорной традиции многих регионов России (Архангельская, Кировская, Пермская, Нижегородская и др.) [44, 45].

Записаны рассказы о разрушении / разорении храмов, где данный сюжет отсутствует, при этом дана оценка как самого события, так и деревенского сообщества. «Здесь часовня была, деревянная, очень красивая в Кывтыде. Часовня была деревянная, много икон было. У меня мать ходила в церковь, а отец не ходил. Говорил, что там люди просто на красивые платки ходят смотреть. Не веруют. Потом часовню убрали. Сейчас на месте часовни ничего нет, сушилку сделали. Из часовни все образа выкинули в воду, те, кто смелые были, забрали». «У нас здесь вера была слабой, часовню сломали, кричали: “Долой”. Слабая у нас вера, послушные были». «Вот мы грешили: всю жизнь в церкви танцевали, там был клуб. После того, как церковь закрыли, люди, кто хотел, взял иконы» [46]. «Раньше была тут большая церковь, с большими окнами, деревянная церковь. После войны тремя тракторами разрушили. Образа разобрали еще в Гражданскую войну» (беседы с информантами записаны на коми языке. – В.В.) (жен. 1930 г.р., с. Н. Воч, Усть-Куломский р-н, 2014 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова).

Фото 1. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1960-е гг., с. Помоздино, Усть-Куломский р-н. Фото Л.Н. Жеребцова

Фото 2. Церковь Петра и Павла, 2015 г., дер. Политово, Удорский р-н. Фото В.В. Власовой

Часть икон, скульптур и церковной утвари передавалась в музеи, часть – уничтожалась, часть – забирали в свои дома верующие (фото 3, 4). В последнем случае дома хранителей святыни становились своеобразными религиозными центрами, куда верующие

приходили на праздничные службы, по обету и т.п. [17. С. 276–277; 47. С. 108–109; 48]. Известны случаи, когда до момента возвращения храмовых икон Церкви, односельчане не знали об их существовании. «В амбаре у Политовых хранились.

Фото 3. Храмовая икона и скульптура в частном доме, 2001 г., с. Вольдино, Усть-Куломский р-н. Фото В.В. Власовой

Фото 4. Храмовая икона в частном доме, 2007 г., с. Покча, Троицко-Печорский р-н. Фото В.В. Власовой

Они из часовни сложили иконы в амбар. Иконы из вылибской часовни, не из церкви. Мы не знали, что у них в амбаре иконы. Узнали, когда он заболел и иконы отдал. Тогда узнали» (жен., 1937 г.р., с. Глово, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова). «Шесть икон, больше роста человека, теперь они в церкви в Усогорске. В двух семьях хранились иконы и так до 2006 г., семьдесят лет они хранили иконы. В 2006 г. просто решили амбар снести и не знали, куда деть иконы. Им посоветовали отдать в церковь, они позвонили в Усогорск и договорились. Амбар на запад смотрит, открыли амбар, а иконы сияют. Священники встали на колени и стали молиться. Как он отдал иконы, ему лучше стало, хотя сами они с этим не связывают. В другой семье иконы стояли в доме, их тоже передали, так они в прекрасном состоянии» (жен., с. Глово, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова).

Приведем в качестве примера типичного сценария развития событий историю одной из самых известных группы памятников, существовавших до 1970-х гг. в Удорском районе – часовни Св. Параскевы и часовни над деревянным крестом, недалеко от дер. Кресты (в 1859 г. в дер. Троицкой (Крестовская Пустыня) имелось 4 двора, 48 жителей, в 1926 г. – 10 дворов, 54 жителя, в 1959 г. – 10 жителей. В 1964 г. исключена из учетных данных [49. С. 235]). Появление креста связывали с именем Стефана Пермского [50. С. 99; 51. С. 96]. Н. Казаков, священник Ертомской Троицкой церкви, давший детальное описание креста (размеры, надписи), предположил, что крест воздвигнут монахом Троицкой Крестовоздвиженской пустыни [52. С. 144]. Сохранилось описание этого комплекса памятников, имевшего большое значение для религиозной традиции удорских коми, составленное в начале XX в. епархиальным миссионером: «В чаще бора и сосны как бы скрылись две часовенки: одна недавней сравнительно постройки, другая – ветхая <...> в древней часовенке находится большой деревянный крест, который поставлен на этом месте в 1570 г., а в другой – маленький медный крест, явившийся на черемухе <...> В девятую пятницу после Пасхи к местным святыням для совершения молебствий приходят толпы зырян из всех приходов Удоры» [53. С. 37–38].

Достаточно подробное описание памятников было сделано в 1961 г. краеведом А.А. Поповым. Согласно его заметкам, часовня находилась в километре от дер. Крестовской на правом берегу р. Вашки, в 120 м от берега и трех десятках шагов от вершины озера *Вежа ты* (Святое озеро), располагавшегося к северу от часовни. По его словам, до 1930–1940-х гг. внутри часовни, у ее восточной стены, стоял деревянный крест. За крестом, «на уровне глаз взрослого человека», шла неширокая полка, на которой стояли две–три потемневшие старинные иконы. В конце XIX в. около старой часовни была построена новая, более вместительная, в которой находилась еще одна местная святыня – икона вмч. Параскевы. В 1930 г. здание новой часовни сплывило в с. Ёртом и разместили там библиотеку. В 1960-е гг. икона хранилась в амбаре жительницы дер. Крестовской Параскевы Ивановны Матвеевой. Здесь же некоторое время хранился и яв-

ленный медный крест. К этому времени старая часовня была заброшена, а поклонный крест пропал. Попытки А.А. Попова, убежденного, что местные жители спрятали святыню, выяснить, где же находится крест, успеха не имели. Старая часовня постепенно разрушалась. В одном из писем житель с. Ёртом сообщил, что в 1975 г. часовня развалилась, а икона Параскевы, по-прежнему хранится у жительницы села [54–56]. Несмотря на разрушение часовен и частичную утрату святынь, традиция празднования дня вмч. Параскевы на девятую пятницу после Пасхи сохранилась по сей день. С середины XX в. центром праздника стала дер. Кривое [21. С. 170]. Празднование дня Параскевы (девятая пятница после Пасхи и 10 ноября) проходило и в с. Ёртом, куда, по словам местных жителей, после закрытия часовни икону вмч. Параскевы привезла монашка Ульяна [57. С. 35–36]. Почитаемые объекты (часовни и крест), получившие широкую известность в конце XIX в., начиная с 1930-х гг. постепенно разрушались: одна часовня была разобрана, на основе ее сруба была построена библиотека, другая обветшала и разрушилась, поклонный крест был утрачен. В начале 2000-х гг. здание библиотеки с. Ёртом, построенное на основе сруба часовни из дер. Кресты, было передано верующим.

В то же время храмы могли оставаться значимыми объектами для религиозной жизни села. Например, в 1960–1970 гг. на молебен в дер. Кривое Удорского района (часовня Параскевы Пятницы) собиралось от 40 до 150 человек [20. С. 78]. В с. Сизябск Ижемского района (церковь Благовещения) в начале 1970-х гг. около храма в дни праздника собиралось до 200 человек, приезжавших со всего района. Поскольку храм был закрыт, в восточной стене была вырублена ниша, куда верующие ставили свечи, здесь же проводили молебен. В 1993 г. году храм был возвращен православной общине села, со временем ниша в стене была заделана [15. С. 156–157].

Судьба зданий, храмовых икон и утвари в советский период была различна: храмы использовались как зернохранилища, складские помещения, дома культуры, котельные (Подъельск, Аныб) и даже молокозавод (Помоздино); некоторые здания забрасывались и постепенно ветшали; другие разбирались, а бревна и кирпичи использовались в строительстве. Ряд культовых построек, несмотря на закрытие, вопреки запретам, в какой-то мере сохранял свои функции. Следует отметить, что в 1970-е гг. происходит переоценка значимости культовых памятников. Сохранившиеся здания исследователи предлагали рассматривать как памятники, представляющие историческую и культурную ценность [58. С. 6–7]. С начала 1990-х гг. идет процесс возвращения сохранившихся зданий сельских храмов РПЦ, ведется их реставрация как силами прихожан, так с привлечением бюджетных средств (если здание включено в реестр объектов культурного наследия). К настоящему времени многие храмы утрачены (большая часть часовен и деревянных храмов), часть уцелевших не подлежит реставрации. Несмотря на плачевное состояние, эти здания по-прежнему играют значимую роль в формировании культурного ландшафта и визуально, и как

объекты, которые актуализируют и поддерживают сложившуюся устную традицию (рассказы, легенды о разрушении церквей) [45].

Сельские кладбища и советские мемориальные памятники. Важными элементами культовых комплексов поселений являлись приходские кладбища. При церквях, находившихся в селах и деревнях, с разрешения местных церковных и гражданских властей хоронили священнослужителей, членов их семей, а так же мирян, «за вклад в церковь». Верующие часто обращались к приходским священникам с просьбой похоронить родственников при церкви, в свою очередь епархиальные власти вводили ограничения, подчеркивая, что хоронить мирян у церквей, находящихся в селениях, следует как можно реже, лишь при наличии особых уважительных причин [59. С. 1333–1334]. До 1917 г. государство и, в первую очередь, церковь следили и за должным погребением православных, и за обустройством кладбищ, пресекая их незаконное возникновение, диктуя определенные правила (время захоронения, глубину могилы, уход за могилами и т.д.). В досоветской деревне похоронить человека без священника было практически невозможно. В то же время в Усть-Сысольском и Яренском уездах в деревнях, расположенных на значительном расстоянии от приходских церквей, существовали незаконно созданные кладбища, а в районах со старообрядческим населением – так называемые раскольнические кладбища. Местное духовенство пыталось бороться с этим явлением разными способами: от прошений гражданскому начальству до уничтожения объектов. В 1851 г. священники Троицкой Печорской церкви требовали от окружного начальства, чтобы тела умерших привозили хоронить на кладбище к церкви, не соглашаясь совершать службу над погребаемыми при селениях. Усть-Сысольский окружной начальник это требование не удовлетворил, разрешив проводить «службу над захоронениями», поскольку церковь находилась на расстоянии от 100 до 400 верст от некоторых селений [60].

В 1920–1940-е гг. разрушения затронули не только церкви, но и находившиеся рядом с церквями кладбища. Рассказы о том, как уничтожались старые кладбища фиксируются в современной устной традиции. «Кладбище было одно, около церкви там раньше всех и хоронили. Когда церковь убрали, то некоторые могилы открылись, были видны волосы, одежда. В одной из могил были похоронены мать и младенец (жен., 1920 г.р. с. Дон, Усть-Куломский р-н, 1999 г., зап. В.В. Власова). «Рядом с церковью было кладбище, теперь, где народ ходит, там плиты были металлические, написаны фамилия, имя, отчество. Очень красиво. Сюда ведь отовсюду привозили» [61]. В некоторых селах намогильные плиты с разоренных кладбищ использовались при строительстве дорог. В 2006 г. в с. Сельбь Удорского района был зафиксирован рассказ о том, что после закрытия церкви чугунные плиты с могил священнослужителей использовались в хозяйстве двух семей (плиты на печь). В это время один из домов, где предположительно находилась одна из плит, разбирали на дрова и действительно мы обнаружили часть плиты у стены полураз-

бранного сарая, однако спросить хозяев, использовали ли ее в качестве печной плиты, не было возможности.

Разрушая старые памятники, власть создавала на их месте новые. Часто недалеко от церквей хоронили красноармейцев и сельских активистов, погибших в годы Гражданской войны (фото 5). Такие памятники есть в Троицко-Печорском, Удорском, Ижемском, Усть-Куломском, Сысольском, Сыктывдинском, Усть-Вымском районах. На наш взгляд, подобные погребения рядом с храмом можно объяснить бытовавшими в крестьянской среде представлениями о достойном месте захоронения. В 1960-е гг. на месте некоторых захоронений появились мемориальные сооружения (стелы, плиты), ежегодно отмечался день Октябрьской революции, активную работу вели школьные краеведческие кружки. По рассказам жителей с. Керчомья, бетонный памятник на могиле советского активиста А.П. Гичева был установлен на могилах плит священнослужителей, которые не смогли переместить [62]. Пионеры с. Кослан ходили в зимние лыжные походы по местам боевых действий Гражданской войны (с. Пысса, дер. Сельбь и др.). Дети встречались с красноармейцами, записывали их рассказы, посещали могилы погибших. По результатам таких походов создавались альбомы, в которых фиксировалась собранная информация. Можно предположить, что составление подобных альбомов было весьма распространенной практикой [45].

Со второй половины XX в. в селах появились памятники солдатам Великой Отечественной войны (фото 6). Вероятно, мотивация при выборе места для их установки была несколько иная: расположение у дома культуры (здание бывшей церкви) или в центре села, на возвышенности. Сельские памятники представляют собой стелы, обелиски, гипсовые фигуры солдат и др. Обязательным элементом мемориальных комплексов со временем стали плиты с фамилиями односельчан, погибших на войне (плита с именами погибших – своеобразный минимум). Исследователи отмечают, что празднования и мемориалы тесно связаны с деятельностью государственных институтов, несут ярко выраженную идеологическую нагрузку [63], а памятники являются одним из самых прямолинейных и «наивных» знаков идентичности, служащие для коллективного воспоминания [64].

Мемориалы солдатам, погибшим во время Великой Отечественной войны, за полувековую историю своего существования стали неотъемлемой частью современного городского и сельского ландшафта. В некоторых селах можно наблюдать ситуацию, охарактеризованную как «концентрация памятников в одном мемориальном месте», которое «изначально» было вписано в ландшафт как таковое [65]. Например, в селах Сельбь, Ёртом, Важгорт, Глотово Удорского р-на памятники героям ВОВ расположены рядом со зданиями церквей, рядом / на месте старого (приходского) кладбища, неподалеку находятся могилы красноармейцев, расстрелянных в годы Гражданской войны, в пгт. Троицко-Печорск рядом со зданием бывшей церкви находятся: два памятника красноармейцам, памятник учителям и ученикам Троицко-Печорской школы, погибшим в годы ВОВ; районный музей и памятная плита жертвам репрессий.

Фото 5. Могила красноармейца В.П. Захарова, церковь Вознесения Господня, 1960-е гг., с. Ыб, Сыктывдинский р-н. Фото Л.Н. Жеребцова

Фото 6. Памятники погибшим в годы Гражданской, воинам, солдатам Великой Отечественной войны, церковь Рождества Христова, 2017 г., с. Глоново, Удорский р-н. Фото В.В. Власовой

С начала 1990-х гг. произошла переоценка событий октября 1917 г., что в свою очередь привело к переоценке революционной деятельности местных активистов, в некоторых селах поднимался вопрос о демонтаже памятников погибшим в годы революции. Иная судьба у сельских памятников погибшим в годы Великой Отечественной войны. По мнению исследователей, Победа 1945 г. стала главным символом войны и является «единственной позитивной опорной точкой национального самосознания постсоветского

общества» [65]. Интересно, что первоначально отношение к памятникам воинам, погибшим в годы ВОВ, могло быть неоднозначным. В с. Ёртом памятник был установлен на месте старого кладбища, разрушенного после закрытия церкви. По рассказам жителей, молния дважды ударяла в памятник, поскольку он стоял «не на месте». Со временем восприятие памятника изменилось: он стал восприниматься как неотъемлемая часть существующего ландшафта [57. С. 38–39]. В селе Глоново в 1960-е гг. памятник погибшим в го-

ды ВОВ так же был установлен рядом со зданием церкви, недалеко от могилы красноармейцев. По воспоминаниям старожилов, молодые ребята, уходившие в армию, обходили церковь и памятник. «Перед тем как ехать, идут с гармошкой по селу, собираются у церкви. Церковь кругом обходят, по солнцу, чтобы Михаил Архангел помогал. Там памятник есть, воин, там тоже надо обойти. Просто проходят, без молитвы» (жен., 1939 г.р., с. Глотова, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова). В 1990–2000-е гг. в некоторых селах у памятников героям Великой Отечественной войны были воздвигнуты кресты. Деревянный крест есть у памятника в дер. Половники Княжпогостского района. По инициативе председателя сельсовета в с. Пысса, рядом с памятником ВОВ установили бетонный крест, на который прикрепили плиту с именами павших солдат. В с. Пучкома (Вашка) в середине 1990-х гг. у памятника установили деревянный восьмиконечный крест с двускатной кровлей. В 2002–2003 гг. деревянный крест обветшал и был заменен шестиконечным металлическим. В 2004–2006 гг. 22 июня у памятника проводилась поминальная служба, после которой устраивались трапезы [66. С. 56]. В 2005–2006 гг. поминальные службы проходили и у мемориала ВОВ в с. Важгорт. Таким образом, вокруг сельских памятников погибшим в годы ВОВ складывается комплекс мемориальных действий, ориентированных на традиционные сценарии, которые могут значительно отличаться в разных районах, хотя в целом вполне вписываются в существующую общегосударственную концепцию (22 июня – День памяти и скорби). В силу объективных причин памятники и память о войне в современных коми селах воспринимаются несколько иначе, чем в городе, памятник установлен не абстрактным / малоизвестным героям, а конкретным людям, что способствует более личному, эмоциональному восприятию [Там же. С. 57].

Подводя итоги, отметим, что в советский период полностью «удалить» культовые памятники из культурного ландшафта коми сел власти не смогли. Сформировавшаяся в это время практика проведения внехрамовых богослужений без участия духовенства была связана как с сохранившимися у жителей храмовыми иконами, так и с заброшенными зданиями церквей и часовен. Начиная с 1920-х гг. происходит по-

степенное формирование «новой» обрядности и мифологии, связанной с советскими мемориальными сооружениями [53]. В сельской местности эти памятники зачастую размещались в непосредственной близости от церквей, которые к тому времени были превращены в дома культуры или административные здания. Можно говорить о том, что помимо мемориалов, имевших общероссийское значение (мавзоль Ленина, Марсово поле, Могила Неизвестного Солдата, Мамаев курган и др.), складывается ближний круг памятников, которые «формируют» единство поселенческого или административного порядка (сельские памятники на могилах советских активистов, мемориалы ВОВ). На наш взгляд, эти явления имеют определенное типологическое сходство с дальними и ближними богомолиями православных крестьян конца XIX – начала XX в. [67. С. 316, 325, 335]. Советские памятники стали своеобразными местами поклонения, маркируя процесс освоения новой идеологией пространства сельских поселений.

После падения советского строя происходит значительное изменение ситуации в религиозной сфере. За последние двадцать лет увеличилось число сельских приходов, активно восстанавливаются храмы, здания которых постепенно возвращают Церкви, строятся новые; в местах разрушенных погребений сельского духовенства, на месте разрушенных храмов ставятся памятные знаки [12. С. 104]. Судьба памятников, появившихся на селе в советский период, различна. Следует отметить, что могилы советских активистов в настоящее время входят в число объектов культурного наследия регионального значения, расположенные на территории Республики Коми [68], однако мероприятия рядом с этими памятниками, как правило, не проводятся, отношение к ним со стороны местных жителей не всегда однозначное. Памятники солдатам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, по-прежнему играют важную роль в жизни сельских сообществ и сегодня. Современные празднования Дня Победы продолжают традиции, сложившиеся в советские годы, и характерны для всех районов Республики Коми. Связанные с мемориалами ВОВ ритуалы, появившиеся в постсоветский период, позволяют говорить о символическом освоении советского и постсоветского культурного ландшафта села посредством традиционных религиозных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова А.А. Еще раз про ландшафт, культурную географию, этнокультурное и лингвокультурное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2011. Вып. 1. С. 114–123.
2. Иванова А.А., Калущков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья. М.: ОГИ, 2009. 512 с.
3. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль: ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
4. Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / науч. ред. Н.И. Шутова. Ижевск, 2009. 244 с.
5. Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп / отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб.: МАЭ, 1995. С. 208–318.
6. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алтай, 1998. 306 с.
7. Виноградов В.В. Почитаемое место // Мифология и религия в системе культуры этноса: материалы II Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2003. С. 61–63.
8. Чувьоров А.А., Смирнова О.Н. К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2002. С. 78–83.
9. Чувьоров А.А., Смирнова О.Н. «Святые» и «святы места» в традиционной культуре верхневыхгодских коми // Музеи и краеведение. Труды национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2003. Вып. 4. С. 149–164.

10. Голубкова О.В. Священные кресты ижемских коми (по материалам экспедиции 2003 г. в Ижемском районе республики Коми) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. 9, № 2. С. 57–61.
11. Чувьоров А.А., Шарапов В.Э. Местночтимые святыни у верхневьчегодских коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 23–26.
12. Власова В.В. Динамика религиозной традиции в советский и постсоветский периоды: воздвижение креста к коми селам // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 100–108.
13. Лимеров П.Ф. Народные праздники на Вашке // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. Вып. 3. С. 40–41.
14. Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми. Сыктывкар, 1995. 32 с. (Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 359).
15. Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми / ред. Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 2001. С. 148–168.
16. Лимеров П.Ф. «Святая Пятница Параскева, моли Бога о нас!..» // Арт (Лад). 2005. № 3. С. 110–121.
17. Панюков А.В., Савельева Г.С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае (по полевым архивным материалам) // Paleoslavica. 2006. Vol. XIV. С. 262–286.
18. Чувьоров А.А., Шарапов В.Э. Местночтимые святыни в пространстве–времени заветных и храмовых праздников у современных сельских коми // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России / отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 266–273.
19. Голубкова О.В. Храм под еловыми ветвями // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. XIV. С. 310–313.
20. Vlasova V.V., Sharapov V.E. The church, icon, and holiday of St. Paraskeva friday among the contemporary Udor Komi // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2012. Vol. 50, is. 4. P. 76–83.
21. Власова В.В., Шарапов В.Э. Региональное / локальное в традиции почитания Св. Параскевы у коми-зырян // Европейский Север: локальные группы и этнические границы / отв.ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 71). С. 162–182.
22. Попов К.А. Зырянский край. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XIII, вып. 2: Труды этнографического отдела. М.: Типография С.П. Архипова, 1874. Кн. 3, вып. 2. 89 с.
23. Засодимский П.В. Лесное царство. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 143 с.
24. Шергин И.А. В дебрях севера. СПб.: Отечественная типография, 1910. 80 с.
25. Мартынов С.В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 276 с.
26. Национальный архив Республики Коми (далее НАРК). Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 200. Л. 13 об.
27. НАРК. Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 195. Л. 4 об.
28. НАРК. Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 195. Л. 5–7 об.
29. Власова В.В. Культурные памятники и формирование локальной специфики старообрядческой традиции у коми // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Вып. 12. С. 5–8.
30. Громыко М.М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 88–103.
31. Третьякова С.В. Геокультурная среда Белозерского края и ее роль в формировании этноконфессионального сознания местного населения // Мировоззрение и народная культура севернорусского населения / отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2006. С. 145–157.
32. Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 124–167.
33. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат. Ленингр. отд., 1982. 168 с.
34. Камкин А.В. Приходское пространство // Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/>
35. Ильина И.В., Уляшев О.И. Престольные праздники верхневьчегодских коми // Европейский Север: локальные группы и этнические границы / отв. ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71). С. 133–161.
36. Кулешов Е.В. Святое место и государственный миф // Мифология и повседневность. Вып. 2: Материалы научной конференции 26–26 февраля 1999 года. СПб., 1999. С. 435–444.
37. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Религиозная ситуация в Коми крае // История Коми с древнейших времен до конца XX в. / отв.ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2004. Т. 2. С. 173–175.
38. Ипатова Л.П. Современные особенности освоения православной традиции // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. С. 409–456.
39. Гайлит О.А. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 288–308.
40. Рогачев М.Б. Время против религии. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1986. 136 с.
41. Суворов Е. Усть-Куломские истории // Вера (Эском) (сайт). Архив 1991–1999. Земля Коми. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/83.htm> (дата обращения: 05.2010).
42. Научный архив Коми научного центра (далее НА КНЦ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 21.
43. Югова М. История слудской Воскресенской церкви // Святыни земли Коми: церкви, часовни, монастыри, иконы: Дайджест / сост. М.А. Першина. Сыктывкар, 2007. С. 60–64.
44. Добровольская Е.В. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. XXX. С. 500–512.
45. Мороз А.Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Портал CREDO.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3425> (дата обращения: январь 2017).
46. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 2, 6, 23.
47. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 101–111.
48. Лобанова Л.С., Рассыхаев А.Н. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского р-на Республики Коми // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 38–51.
49. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. 584 с.
50. Лебедев А. Св. Стефан, первый епископ Пермский // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1896. № 6. С. 85–106.
51. Михайлов М. Усть-Вымь // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1850. № 10. С. 93–96.
52. Казаков Н. Крест на Удоре и древняя Крестовоздвиженская пустынь // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1901. № 6. С. 143–147.
53. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Проклопиевского Братства за 1902–1903 гг. // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. 1904. № 7–8. С. 37–38.
54. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

55. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.
56. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.
57. «Унатор на тьянды колб висътавны... Многое хочется поведать вам»: Историко-культурное наследие села Ёртом / сост. А.А. Таскаева, Л.С. Лобанова. Сыктывкар : Этнокультурный центр «Гимназии искусств при Главе РК им. Ю.А. Спиридонова», 2015. 100 с.
58. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1971. 95 с.
59. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей : сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. 3-е изд., испр. и доп. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 1772 с.
60. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 133. Л. 232.
61. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 48.
62. Суворов Е. Нечисти супротив // Вера (Эском). Архив 1991–1999. Земля Коми. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/51.htm> (дата обращения: январь 2017).
63. Адоньева С.Б. Категория настоящего времени: (антропологические очерки). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. 176 с. (Ethnographica Petropolitana, VIII).
64. Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>
65. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>.
66. Власова В.В. Формы репрезентации памяти о Великой Отечественной войне в локальных группах (на примере сельских коми РК) // Европейский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): к 65-летию Победы : материалы конф. Сыктывкар : ИЯЛИ, 2010. С. 50–57.
67. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. 416 с.
68. Объекты культурного наследия регионального значения, расположенные на территории Республики Коми (общий список) // Управление Республики Коми по охране объектов культурного наследия. URL: http://okn11.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya_regionalnogo_znacheniya (дата обращения: 11.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2018 г.

CHANGES IN THE CULTURAL LANDSCAPE DURING THE SOVIET AND THE POST-SOVIET PERIODS: RURAL TEMPLES AND CEMETERIES (ON THE EXAMPLE OF THE KOMI REPUBLIC)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 74–85.

DOI: 10.17223/15617793/432/9

Victoria V. Vlasova, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

Keywords: holy places; temple; cemetery / pogost; soviet monuments; ritualism.

Holy places are an integral part of the cultural landscape of rural Russia. They play an important role in shaping the local, ethnic and religious identity. The article deals with elements of the cultural landscape which were vital symbols of the Russian Orthodox tradition (churches, chapels, cemeteries). The aim of the study is to highlight general trends and local features of the functioning of these elements of the cultural landscape during the 20th century. The author tries to show different scenarios related to the fact that churches in the villages were closed in the 1930s and to the new soviet ritualism. The study is based on the archive data and field materials collected during ethnographic expeditions in rural areas of the Komi Republic in 1999–2017. In this article, the author considers churches and rural chapels that played an important role in the formation of the cultural landscape of the village, that were symbols of Orthodoxy. It is no coincidence that the closing of churches became an integral part of the Soviet anti-religious policy. Stories about destroying churches and punishment for the sacrilege still remained in the people's memory. During the Soviet period rural temples were used as storehouses, houses of culture or clubs; they were demolished, abandoned and gradually ruined. Despite the prohibitions, some temples retained their functions to some extent: here local people celebrated services without clergy. The author points that instead of the destroyed old monuments Soviet authorities created new ones. Near the church buildings there appeared monuments to the Red Army soldiers who died during the Civil War, memorials to the Great Patriotic War (1941–1945) and a new “Soviet ceremony” associated with these monuments was formed. The author comes to a conclusion that during the Soviet period local authorities could not entirely “erase” religious buildings and structures from the cultural landscape of rural areas of the Komi Republic. In some cases, Soviet rituals were associated with church buildings. Soviet monuments became a kind of places of worship, visible symbols of the new ideology. During the post-Soviet period, the number of rural parishes increased, many churches were rebuilt, some new ones were built. In some villages, memorial signs were put on places of destroyed burials of the rural clergy and on places of destroyed temples. In the contemporary village, public attitude towards Soviet monuments varies. The author noted the current ambivalence towards monuments to the Red Army soldiers who died during the Civil War, while memorials to the Great Patriotic War still play an important role in the public life of rural communities. Annual celebrations of the Victory Day (9 May) continue the Soviet tradition. At the same time, some folk rituals which had existed during the Soviet period and appeared in the post-Soviet time connected with these monuments allow speaking about the symbolical development of the rural cultural landscape by means of traditional religious practices.

REFERENCES

1. Sokolova, A.A. (2011) Eshche raz pro landshaft, kul'turnuyu geografiyu, etnokul'turnoe i lingvoladshaftovedenie [Once again about the landscape, cultural geography, ethnocultural and linguistic landscape study]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya*. 1. pp. 114–123.
2. Ivanova, A.A., Kalutskov, V.N. & Fadeeva, L.V. (2009) *Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya* [Holy places in the cultural landscape of Pinega]. Moscow: OGI.
3. Permilovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg: Uro RAN; Arkhangel'sk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl SPU*.
4. Shutova, N.I. et al. (2009) *Istoriko-kul'turnyy landshaft Kamsko-Vyatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of the Kama-Volga region]. Izhevsk: UIIIL UrB RAS.
5. Bernshtam, T.A. (1995) Lokal'nye gruppy Dvinsko-Vazhskogo areala: Dukhovnye faktory v etno- i sotsiokul'turnykh protsessakh [The local groups of the Dvina–Vaga area: Spiritual factors in ethnic and socio-cultural processes]. In: Bernshtam, T.A. (ed.) *Russkiy Sever: K probleme lokal'nykh grupp* [The Russian North: On the problem of local group]. St. Petersburg: MAE.

6. Panchenko, A.A. (1998) *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyini Severo-Zapada Rossii* [Studies in folk religion. The rural sacred places of the northwestern part of Russia]. St. Petersburg: Aleiteiya.
7. Vinogradov, V.V. (2003) [The place of worship]. *Mifologiya i religiya v sisteme kul'tury etnosa* [Mythology and religion in the culture of an ethnic group]. Proceedings of the II St. Petersburg ethnographic readings. St. Petersburg: REM. pp. 61–63. (In Russian).
8. Chuv'yurov, A.A., Smirnova, O.N. (2002) K tipologii derevnyannykh krestov u komi-zyryan [On the typology of the Komi-Zyryan wooden crosses]. *Etnicheskoe edinstvo i spetsifika kul'tur* [The ethnographic unity and particularity of cultures]. Proceedings of the I St. Petersburg ethnographic readings. St. Petersburg: REM. pp. 78–83.
9. Chuv'yurov, A.A., Smirnova, O.N. (2003) "Svyatyte" i "svyatyte mesta" v traditsionnoi kul'ture verkhnevychegodskikh komi ["Saints" and "holy places" in the traditional culture of the Upper Vychegda Komi]. *Muzei i kraevedenie. Trudy natsional'nogo muzeya respubliki Komi*. 4. pp. 149–164.
10. Golubkova, O.V. (2003) Svyashchennyye kresty izhemsikh komi (po materialam ekspeditsii 2003 g. v Izhemskom raione respubliki Komi) [Sacred crosses of the Izhma Komi (on the field materials of the expedition to the Izhemski District of the Komi Republic)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 9:2. pp. 57–61.
11. Chuv'yurov, A.A., Sharapov, V.E. (2006) Mestnochtimyye svyatyini u verkhnevychegodskikh komi [Local holy places of the Upper Vychegda Komi]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 23–26.
12. Vlasova, V.V. (2015) Dynamics of religious tradition in the Soviet and post-Soviet periods: exaltation of the Cross in the Komi village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 100–108. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/390/18
13. Limerov, P.F. (1993) Narodnye prazdniki na Vashke [Folk feasts in Vashka region]. *Rodniki Parmy*. 3. pp. 40–41.
14. Sharapov, V.E. (1995) *Bogorodichnye prazdniki u sovremennykh komi* [Feasts of Our Lady among the Komi today]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
15. Sharapov, V.E. (2001) Zhivaya traditsiya: zavetnye i khramovyye prazdniki u sovremennykh sel'skikh komi [Live tradition cherished and temple festivals of modern rural Komi]. In: Konakov, N.D. (ed.) *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [Christianity and paganism of the Komi people]. Syktyvkar: Komi.
16. Limerov, P.F. (2005) "Svyataya Pyatnitsa Paraskeva, moli Boga o nas!.." ["St. Paraskeva Friday, pray for us!.."]. *Art (Lad)*. 3. pp. 110–121.
17. Panyukov, A.V. & Savel'eva, G.S. (2006) Khramovyye i zavetnye prazdniki v Komi krae (po polevym arkhivnym materialam) [Temple and cherished holidays in the Komi region (on field archival materials)]. *Paleoslavica*. XIV. pp. 262–286.
18. Chuv'yurov, A.A., Sharapov, V.E. (2006) Mestnochtimyye svyatyini v prostranstve–vremeni zavetnykh i khramovykh prazdnikov u sovremennykh sel'skikh komi [Local holy places in space and time of the cherished and temple feasts among the Komi]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury*. 2. pp. 266–273.
19. Golubkova, O.V. (2008) Khram pod elovymi vetvyami [Temple under the branches of a fir tree]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. XIV. pp. 310–313.
20. Vlasova, V.V. & Sharapov, V.E. (2012) The church, icon, and holiday of St. Paraskeva Friday among the Contemporary Udor Komi. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 50(4). pp. 76–83. DOI: 10.2753/AAE1061-1959500408
21. Vlasova, V.V. & Sharapov, V.E. (2012) Regional'noe/lokal'noe v traditsii pochitaniya Sv. Paraskevyy u komi-zyryan [Regional/local in Komi-Zyryan tradition of veneration of St. Paraskeva]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeiskii sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [The European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
22. Popov, K.A. (1874) *Zyryane i zyryanskiy kray* [The Zyryans and the Zyryan land]. *Izvestiya imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. XIII(2). *Trudy etnograficheskogo otdela*. 3(2).
23. Zasedimskiy, P.V. (1908) *Lesnoe tsarstvo* [The forest kingdom]. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina.
24. Shergin, I.A. (1910) *V debryakh severa* [In the wilds of North]. St. Petersburg: Otechestvennaya tipografiya.
25. Martynov, S.V. (1905) *Pechorskiy kray. Ocherki prirody i byta. Naselenie, kul'tura, promyshlennost'* [The Pechora region. Issues on nature and way of life. Population, culture, industry]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
26. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 200. Page 13 rev. (In Russian).
27. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 195. Page 4 rev. (In Russian).
28. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 195. Pages 5–7 rev. (In Russian).
29. Vlasova, V.V. (2007) Kul'tovyye pamyatniki i formirovaniye lokal'noy spetsifiki staroobryadcheskoy traditsii u komi [Sacred sites and forming of the local specificity of the Old-Believer tradition among Komi]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 12. pp. 5–8.
30. Gromyko, M.M. (2001) Otnosheniye k khramu i svyashchenniku [Attitude to the Church and Priest]. In: Listova, T.A. (ed.) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox life of the Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic studies]. Moscow: Nauka.
31. Tret'yakova, S.V. (2006) Geokul'turnaya sreda Belozerskogo kraia i ee rol' v formirovaniye etnokontsional'nogo soznaniya mestnogo naseleniya [Geocultural environment of the Belozersk area and its place in the formation of the mentality of local population]. In: Vlasova, I.V. *Mirovozzreniye i narodnaya kul'tura severnorusskogo naseleniya* [World view and folk culture of the population of the Russian North]. Moscow: Nauka.
32. Tul'tseva, L.A. (2001) Prestol'nyy prazdnik v kartine mira (mirokolitse) pravoslavnogo krest'yanina [Patronal festival in worldview of the Orthodox peasant]. In: Listova, T.A. (ed.) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox life of the Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic studies]. Moscow: Nauka.
33. Ushakov, Iu.S. (1982) *Ansambli' v narodnom zodchestve russkogo Severa (prostranstvennaya organizatsiya, kompozitsionnye priemy, vospriyatiye)* [Ensemble in folk architecture of the Russian North (spatial organization, composition techniques, perception)]. Leningrad: Stroizdat.
34. Kamkin, A.V. (1992) *Prihodskoe prostranstvo* [The Parish space]. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/fulltext/prihodskoe/prostranstvo/2.htm#5>.
35. Il'ina, I.V., Ulyashev, O.I. (2012) Prestol'nyye prazdniki verkhnevychegodskikh komi [Patronal festivals of the Upper Vychegda Komi]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeiskii sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [The European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
36. Kuleshov, E.V. (1999) [Sacred place and state myth]. In: *Mifologiya i povsednevnost'* [Mythology and day-to-day life]. Proceedings of the conference. Is. 2. St. Petersburg: RAS. pp. 435–444. (In Russian).
37. Zhrebtsov, I.L., Rogachev, M.B. (2004) Religioznaya situatsiya v Komi krae [Religious situation in the Komi land]. In: Turubanov, A.N. (ed.) *Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX v.* [History of the Komi from the origins to the 20th century]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
38. Ipatova, L.P. (2008) Sovremennyye osobennosti osvoeniya pravoslavnoi traditsii [Contemporary peculiarities of conversion to Orthodoxy]. In: Gofman, A.B. (ed.) *Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeistviya i dinamiki* [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics]. Moscow: ROSSPEN.
39. Gailit, O.A. (2012) Religiya v "molodom" obshchestve: zametki o stanovlenii sovetskoi povsednevnosti [Religion in the "young" Soviet society: notes on formation of the Soviet everyday life]. *Antropologicheskii forum*. 16. pp. 288–308.
40. Rogachev, M.B. (1986) *Vremya protiv religii* [Time against religion]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
41. Suvorov, E. (n.d.) *Ust'-Kulomskie istorii* [Ust'-Kulom stories]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/83.htm>.
42. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 613. Page 21. (In Russian).
43. Iugova, M. (2007) Istoriya sludskoi Voskresenskoj tserkvi [History of the Resurrection church in Sludka]. In: Pershina, M.A. (ed.) *Svyatyini zemli Komi: tserkvi, chasovni, monastyr'i, ikony: Daidzhest* [Sacred objects of the Komi land: churches, chapels, monasteries, icons]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.

44. Dobrovol'skaya, E.V. (1999) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey [Non-fairy-tale prose about demolition of the churches]. *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. XXX. pp. 500–512.
45. Moroz, A.B. (2014) *Razrushenie tserkvei v sovetskii period: dva vzglyada* [Church demolition during the Soviet period: two views]. [Online] Available from: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3425>.
46. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 613. Pages 2, 6, 23. (In Russian).
47. Golubkova, O.V. (2006) Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyryan i russkikh v sfere sakral'nogo simvolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyryans and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3 (27). pp. 101–111.
48. Lobanova, L.S. & Rassykhaev, A.N. (2017) Sovremennaya traditsiya pochitaniya pravoslavnykh ikon v s. Nivshera Kortkerosskogo r-na Respubliki Komi [Contemporary veneration of icons tradition in village Nivshera of Kortkeross district of the Komi Republic]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(65). pp. 38–51.
49. Zherebtsov, I.L. (2001) *Naseleennye punkty Respubliki Komi: Istoriko-demograficheskii spravochnik* [Inhabited localities of the Komi Republic: Historical-demographic handbook]. Moscow: Nauka.
50. Lebedev, A. (1896) Sv. Stefan, pervyi episkop Permskii [St. Stephan the first Bishop of Perm]. *Pribavlenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. 6. pp. 85–106.
51. Mikhailov, M. (1850) Ust'-Vym' [Ust'-Vym]. *Vologodskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 10. pp. 93–96.
52. Kazakov, N. (1901) Krest na Udore i drevnyaya Krestovozdvizhenskaya pustyn' [Udora Cross and ancient Holy Cross hermitage]. *Pribavlenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. 6. pp. 143–147.
53. Prilozhenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam. (1904) Otchet o deyatel'nosti Velikoustyuzhskogo Pravoslavnogo Stefano-Prokopievskogo Bratstva za 1902-1903 gg. [Report on the activities of the Velikiy Ustyug Orthodox community of St. Stephan and St. Prokopi in 1902–1903]. *Prilozhenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. № 7–8. pp. 37–38.
54. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund r-1715. List 1. File 20. (In Russian).
55. Taskaeva, A.A. & Lobanova, L.S. (2015) "Unator na tiyanly kolö vis'tavny... Mnogoe khochetsya povedat' vam": Istoriko-kul'turnoe nasledie sela Ertom ["Much I want to tell": Historical and cultural heritage of village Ertom]. Syktyvkar: Etnokul'turnyi tsentr "Gimnazii iskusstv pri Glave RK im. Yu.A. Spiridonova".
56. Zherebtsov, L.N. (1971) *Krest'yanskoe zhilishche v Komi ASSR* [The peasants dwelling in the Komi ASSR]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
57. Bulgakov, S. V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhitelei* [Desk book for the clergy]. 3rd ed. Kiev: tip. Kievsko-Pecherskoi Uspenskoj lavry.
58. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 230. List 1. File 133. Page 232. (In Russian).
59. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 569. Page 48. (In Russian).
60. Suvorov, E. (n.d.) *Nechisti suprotiv* [Against evil]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/51.htm>.
61. Adon'eva, S.B. (2001) *Kategoriya nenastoyashchego vremeni: (antropologicheskie ocherki)* [Category of non-actual time: Ethnographic essays]. St. Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie".
62. Konradova, N. & Ryleeva, A. (2005) Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoy Otechestvennoy [Heroes and victims. Memorials of the Great Patriotic War]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3(40–41). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>.
63. Gudkov, L. (2005) "Pamyat'" o voine i massovaya identichnost' rossiyan ["Memory" about the war and mass identity of the Russians]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3(40–41). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>.
64. Vlasova, V.V. (2010) [Forms of representation of memory about the Great Patriotic War in local groups (on the example of rural Komi)]. *Evropeiskii Sever v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.): k 65-letiyu Pobedy* [European North during the Great Patriotic War (1941–1945): to the 65th anniversary of the Victory]. Proceedings of the conference. Syktyvkar: IyaLI. pp. 50–57. (In Russian).
65. Bernshtam, T.A. (2007) *Prihodskaya zhizn' russkoy derevny: Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish community life of the Russian village: Essays on the Church ethnography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
66. Department for the Protection of Cultural Heritage of the Komi Republic. (2017) *Ob'ekty kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya, raspolozhennye na territorii Respubliki Komi (obshchii spisok)* [The regional cultural heritage objects on the territory of the Komi Republic]. [Online] Available from: http://okn1.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya_regionalnogo_znacheniya.

Received: 31 January 2018

ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОМ ЖИЗНЕННОМ УКЛАДЕ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Проанализировано проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюрокского населения Оренбургского казачьего войска во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Методологически статья опирается на достижения научного направления «истории повседневности», концепцию аккультурации и региональный подход. Опираясь на архивные и историко-этнографические материалы, авторы пришли к выводу, что в исследуемый период в повседневной казачьей жизни татар и нагайбаков проявлялись объективные основания этноидентичности, подчеркивающие самобытность этих национальных групп.

Ключевые слова: казачество; оренбургское казачество; повседневная жизнь; тюрки; татары; нагайбаки; этноидентичность.

Феноменом полиэтнического образования было Оренбургское казачье войско (далее – ОКВ), образованное в середине XVIII в. по воле правительства для охраны юго-восточных рубежей Российской империи. На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. в среду оренбургского казачества проникали различные этнические группы со всей совокупностью хозяйственных и социальных связей, бытовых традиций и религиозных верований. Чаще всего они разделялись по национальным и конфессиональным признакам, не смешивались и не поглощали друг друга, а взаимно сосуществовали.

Исследование национального состава Оренбургского казачьего войска нашло отражение в трудах российских историков и этнографов, среди которых следует отметить А.И. Картунова [1], И.Р. Атнагулова [2], Д.М. Исакова [3], Р.Р. Аминова [4], С.В. Джунджузова [5], Е.В. Годовову [6]. Однако ряд вопросов, например проявление этноидентичности тюрокского казачьего населения в повседневной жизни оренбургских казаков, остается малоисследованным. В рамках данной статьи остановимся на характеристике проявления объективных оснований этноидентичности некоторых тюрокязычных этноконфессиональных групп, входящих в состав Оренбургского казачьего войска.

В 1744 г. была образована Оренбургская губерния. Губернатором был назначен тайный советник генерал И.И. Неплюев. Он же фактически стал командующим всеми вооруженными силами, располагавшимися в губернии. Признавая казачество наиболее способным для охраны приграничных линий, И.И. Неплюев вышел с ходатайством в правительство об объединении казаков в особый нерегулярный корпус. Его просьба была удовлетворена, и в 1744 г. был учрежден Оренбургский нерегулярный корпус [7. С. 65]. 24 мая 1748 г. выходит Указ военной коллегии, по которому все казачьи части Оренбуржья соединяются в «Оренбургское нерегулярное войско» под властью одного атамана. Костяк Оренбургского казачьего войска составили переведенные на Оренбургскую линию самарские, алексеевские и уфимские казаки. И.И. Неплюев

разделил их по казачьему обычаю на сотни, сформировал одну общую боевую единицу, тем самым положив начало Оренбургскому казачьему войску. Помимо «природных казаков», которых было примерно 50%, в войско были зачислены малороссийские казаки; городовые и станичники, переведенные с Белгородской, Симбирской, Корсунской и других линий, а также нагайбаки, татары, калмыки, мещеряки, башкиры, тептяри и крестьяне [7. С. 75].

Второй по численности, после русских, национальной группой в составе Оренбургского казачьего войска были татары. К 1754 г. в ОКВ насчитывалось 18 поселений татар-казаков, в 6 из которых проживали мусульмане, в 12 – нагайбаки [4. С. 42]. В период с 1755 по 1797 г. татары-казаки стали жить еще в 8 поселениях [Там же. С. 48]. В 1787 г. к Оренбургскому казачьему войску были причислены татары, проживавшие в Сейтовой слободе [8. С. 80]. Согласно кантонному делению основной ареал расселения татар приходился на 4-й кантон: станицы Гирьяльская, Зубочистенская-1, Зубочистенская-2, Ильинская, Каргалинская, Никольская, Орская, Рычковская, Чесноковская, крепости Воздвиженская, Нижнеозерная, редуты Желтый, Нежинский, Никитинский, Подгорный, деревня Новочеркасская, слобода Кондуровская. Нагайбакская станица, в которую кроме Нагайбакской крепости входили еще 13 поселений, жители Письмянской и Кувацкой слобод, г. Мензелинск и пригород Заинска, относились к 3-му кантону ОКВ. Мочинская станица (в ней проживали татары-мусульмане) входила в 5-й кантон. В 1-м и 2-м кантонах татары-казаки отсутствовали [8. С. 86, 181, 228–229]. К середине XIX в. на территории Оренбургского казачьего войска определились ареалы расселения казаков-мусульман (в основном башкиры и татары), у которых в станицах были мечети со своим духовенством. К 1860 г. в ОКВ насчитывалось 48 поселений татар-казаков, из которых 9 являлись станицами, 27 – отрядами, 12 – выселками [4. С. 96].

Самобытность татарского казачьего населения проявлялась в их повседневном жизненном укладе. Ревизские сказки свидетельствуют, что особенностью

семей казаков-мусульман являлось наличие в них многоженства. К примеру, в Зубочистенской-1 станице, по материалам VII ревизии (1816 г.), наблюдалось 7 полигамных семей, а в 1834 г. их количество возросло до 12 [10. С. 223], в Каргалинской станице в поселениях Оренбургского уезда, по данным VII ревизии, подсчитано 9 полигамных семей [11. Л. 170, 182, 191, 201, 205, 209]. Аналогичная ситуация усматривается и в других поселениях. Для вступления во второй брак мусульманам-казакам ОКВ в 1840-е гг. требовались разрешение начальства, а также письменное обоснование того, что жених имеет веские причины для второго брака и обладает материальным состоянием, позволяющим ему содержать двух жен [12. С. 88].

Дом у зажиточного татарина-казака разделялся на 2, 3 или 4 части. Каждому женатому сыну отводилась отдельная комната. Во всех комнатах у передней стены устраивались нары, которые заменяли мебель и устилались кошмами (войлоком) и дешевыми бухарскими коврами. В одном углу на нарах обычно помещалась постель, состоящая из перины, подушек и одеял. Днем все женщины, за исключением старух, находились в особой комнате, куда входить посторонним не разрешалось. В доме татарина было очень чисто и опрятно, за этим хозяева строго следили: печи каждую неделю белили, полы, потолки и стены (если полы и потолки не крашены, а стены не оклеены обоями) скоблили. У бедных, хотя и была только одна комната, но всегда чистенькая и опрятная с неизменными нарами. Поперек комнаты тянулась ситцевая занавеска, которая разделяла комнату на две половины: мужскую и женскую [5. С. 105].

Самая обычная пища татар в будни – чай, который они пили в течение дня от 3 до 5 раз, лапша с мясом и салма. Салма готовилась из круто замешенного теста, которое раскатывалось скалкой и потом разрезалось ножом лентообразно или его рвали руками на клецки. В этом виде она варилась в котле с кипящей водой. Когда салма сварится, в нее наливают молоко или сметану и едят. Кроме того, татары употребляли в пищу творог и делали из него шаньги, из молока готовили круть, который служил приправой к другим блюдам. У кого было достаточно скота, те часто готовили каймак (сметана, снятая вручную с простокваши) и катык (кисломолочный напиток), варили баламык – род кашицы, приготовленный из воды с натертым крутом и небольшим количеством крупы, в которую иногда для большего вкуса клали кусок мяса. В недельные праздники богатые казаки варили в сале пельмени и пекли пшеничные блины. В годовые праздники они пекли крутой пирог-курник, который начиняли мясом и картофелем. Этим пирогом и жареной уткой они угощали муллу, приходящего поздравить их с праздником. Готовили также и плов. Самое деликатное кушанье татарина – бешбармак, который готовился из мелко нарезанного лошадиного или какого-либо другого мяса, развариваемого в масле и сале. Это кушанье подавали только самым дорогим гостям [7. С. 206–207].

Женская часть татарского населения в конце XVIII в., к примеру жительницы с. Бакалы, Верхних и Нижних Чебеньков, Воздвиженской крепости, Желто-

го и Никитинского редутов, Кондуровской слободы, кроме полевой работы, занимались пряжей льна и шерсти как для своих нужд, так и выставляли товар на продажу. Татарки-казачки Оренбургского и Орского уездов занимались пуховязанием, а также вырабатывали армячину (полотно) из верблюжьей шерсти.

Идентичность татар сохранялась и в их повседневном внешнем виде. Так, одежда татарина-казака была такой же, как и у татарина-мещанина или купца. Богатые татары носили ситцевые до колен рубахи с разноцветными ластовицами, широким воротником, широкими и длинными рукавами. Широкие штаны синего, красного или белого цвета. На ногах ичиги – сафьяновые сапоги без каблуков с кожаными калошами. Поверх рубахи надевали бешмет, а на него при выходе из дома еще и шелковый или бумажный бухарский халат. На голове зимой и летом носили тюбетейки с меховыми папахами. Зимой на бешмет казак-татарин надевал тулуп. Одежда бедного казака-татарина была такой же, как и у богатого, но шилась из более дешевого материала [7. С. 214].

Татарские женщины и девушки носили ситцевые рубашки с панталонами. На ногах ичиги. Поверх платья надевали камзол без рукавов, а при выходе на улицу – халат. В праздники богатые татарки наряжались в шелковые рубахи и камзолы, расшитые узорами ичиги. На голове носили бархатные шапочки (колпаки) с жемчужной или серебряной кистью на конце и большие шерстяные платки. На шею надевали шелковую ленту, унизанную серебряными монетами, грудь украшали нагрудником. Из волос плели две косы, в которые вплетали длинные шнурки и ленты, унизанные мелкими серебряными монетками. В ушах носили медные и серебряные серьги, на руках кольца и браслеты [Там же. С. 214–215].

В 1736 г. с нагайбаков за верную службу был снят ясак и их определили на службу в Оренбургское казачье войско. На территории поселения башкир – Нагайбак – была основана Нагайбакская крепость. В составе ОКВ на протяжении 10–15 лет в Нагайбакской крепости на положении казаков находились группы новокрещеных тептярей. Однако 4 января 1765 г. власти вывели новокрещеных тептярей из списка казаков и снова обязали каждого из тептяр мужского пола выплачивать по 80 коп. В 1775 г. в Нагайбакскую станицу были зачислены возвратившиеся из бегства крещеные калмыки (27 человек), пополнив и без того разнообразный этнический состав Нагайбакской станицы [4. С. 37].

В 1842 г. в связи с изменением границ территории Оренбургского казачьего войска нагайбаки в составе 1 250 человек мужского пола, жившие в Бакалинской и Нагайбакской станицах, были переселены в Верхнеуральский уезд. По мнению Д.М. Исхакова, переселение нагайбаков, географическая оторванность их от основных массы волго-уральских татар, новые этнокультурные контакты, возникшие после 1842 г., усилили у них этносословное самосознание [3. С. 15]. Нахождение нагайбаков в составе Оренбургского казачьего войска обусловило не только формирование их самобытного и культурного облика, но и определило их повседневный бытовой уклад.

Ф.М. Стариков отмечает, что по внешнему виду дома нагайбаков не отличались от русских домов, однако внутри имели некоторые особенности. В избе с боку печи вмазывался чугунный котел или казан, предназначенный для варки каши, напротив печи размещались нары, служившие залавком и кроватью. Летом еду готовили не в кухне, а во дворе. Для этой цели где-нибудь под навесом отгораживалось некоторое пространство и устраивалась печь с казаном.

Убранство горницы у нагайбаков ничем не отличается от убранства русской избы, но в большие праздники и другие торжественные дни, когда приглашаются гости, нагайбацкая горница выглядит как домашняя выставка. По стенам развешиваются самые лучшие полотенца, обязательно собственной работы, вышитые по концам различными узорами из красной бумаги и шелком, вывешиваются самые лучшие праздничные одежды, как мужские, так и женские. Полотенца свидетельствовали о степени изящного вкуса и рукодельного искусства их обладательницы, обычно дочери или молодой снохи хозяина, а по одежде гости определяли степень зажиточности хозяйина [7. С. 105].

Пища нагайбаков была такой же, как пища русских казаков, только нагайбаки не соблюдали постов. Национальное блюдо нагайбаков – каймак, который готовится следующим образом: коровье молоко, надоенное вечером, нагайбачка процеживает в деревянные ведра и оставляет его в них до утра. Утром парное молоко смешивается с вечерним в казане. Как только казан закипит, нагайбачка разливает из него молоко в деревянные ведра и подвешивает их где-нибудь под навесом. Там они остаются до следующего дня, и молоко в них отстаивается в виде толстой пенки. Это и есть каймак. Затем каймак снимают в отдельную посуду, а из остатков готовится квашеное молоко [Там же. С. 106].

О сохранении самобытности нагайбаков свидетельствует и традиционная одежда. Мужская праздничная одежда, как зимняя, так и летняя, ничем не отличалась от одежды казака. Нижнюю же одежду составляли туникообразная домотканая рубаха-косоворотка и домотканые штаны с «широким шагом». Такой комплекс нижней одежды был в ходу во второй половине XIX в. среди татар-кряшен [13. С. 51].

В отличие от мужской одежды одежда нагайбачек была более этнотрадиционна. Так, все без исключения нагайбакские женщины носили панталоны, а вместо платьев и юбок – татарские рубашки темно-красной пестряди в мелкую черно-белую или черно-синюю клетку. Все это шилось из тканей домашнего производства, изготовленных из самодельных нитей или покупных – кижеле, ткань из которых получалась более нарядной; из нее шили праздничную одежду. Поверх рубашек надевали жилияны (камзол с рукавами). На голове девушки носили татарскую шапочку, которую называли колпаком, но постепенно она выходила из употребления и заменялась повязкой и гребенкой. Из украшений, кроме колец, серег и ожерелий, нагайбачки предпочитали браслеты и поверх жилияна нагрудники, состоящие из мелких и некрупных серебряных монет старого чекана.

Традиционным головным убором нагайбачек был ак калфак, связанный наподобие чулка из хлопчатобумажных ниток. Этот убор надевали в сложенном виде, так, чтобы несложный орнамент фигурной вязки приходился на лобную часть головы. Носили этот головной убор вместе с ука чачак – серебряной или золотой лентой с бахромой, украшенной жемчугом или кораллами, и украшением на косу – чэч бау. Накосник представлял собой широкую полосу стегаемого холста, обшитого сатином, на которую в тричетыре ряда пришивали монеты, и крепился у основания косы девушки при помощи специальных тесемок за шею [3. С. 56]. В начале XX в. эти головные украшения постепенно вышли из обихода и нагайбачки стали заплетать волосы в косу со шнурком и по косе вплетали монеты. Потеряла свою индивидуальность и одежда нагайбаков, сохраняя самобытность только в местах их компактного проживания, например в поселке Парижском станицы Великопетровской.

Давая анализ нравственному состоянию войска, Ф.М. Стариков отмечает, что татары и нагайбаки до сих пор (конец XIX в.) говорят на татарском языке, хотя умеют говорить по-русски [7. С. 107]. У нагайбаков наблюдается смесь магометанства и христианства. Они носят кресты, но за стол садятся не молясь, соблюдают воскресные и праздничные дни, посещают, хотя и не часто, храмы, исполняют многие христианские обряды и в то же время не соблюдают постов и даже устраивают по прежним своим обычаям праздники и скачки. Например, после окончания весенних посевов они ежегодно празднуют «Курман-байрам» («Курбан-байрам»). Среди татар-казаков с давних пор практиковалось проведение сабантуя в Пречистенской, Воздвиженской, Гирьяльской станицах, пос. Никитинском. Праздник открывали несколько мальчиков. Объединившись в отдельные группы, они собирали еду (мясо, яйца и т.п.) и посуду, направляясь за околицу поселка, где на избранных местах готовили еду под присмотром взрослых; завершив трапезу, они возвращались домой. На следующий день они же садились на лошадей и, заезжая к своим родственникам, знакомым, получали от них разные подарки (лакомства). После этого собирались подростки 16–18 лет, которые, получив подарки (полотенца, платки), сдавали их для награждения казаков по результатам скачек и борьбы; праздник длился три дня [14. С. 48–49].

Современники свидетельствовали, что нагайбаки были хорошими земледельцами и гостеприимными домохозяевами [15. С. 26]. Работали с раннего утра и до позднего вечера: летом – в поле, зимой – на гумне и во дворе [16. Л. 5]. На службе нагайбаки отличались честностью и аккуратностью. Эти качества отличали и остальное тюркское население, входившее в состав Оренбургского казачьего войска. Вероятно, поэтому тюрки были в командном составе войска. Послужные списки штаб- и обер-офицеров Оренбургского казачьего войска свидетельствуют, что с начала XIX в. в офицерском корпусе состояли татары, башкиры и казахи. Следует отметить, что в Неплюевском военном училище для воспитания нерусского населения было открыто азиатское отделение. В первом наборе учи-

лица в составе учащихся было 50% мусульман. Многие из его выходцев после окончания курсов поступали на службу в Оренбургское войско и составляли основу войскового офицерского корпуса [1. С. 69].

Итак, во второй половине XVIII – первой половине XIX в. татары и нагайбаки вошли в состав Оренбургского казачьего войска путем стихийной миграции, специального заселения оренбургскими военными властями приграничной территории, а также как жители деревень, расположенных в непосредственной близости к вновь учрежденной Оренбургской пограничной линии. В их

повседневном жизненном укладе прослеживаются объективные основания этноидентичности: сохранение самобытности во внешнем облике, наличие многоженства в татарских семьях, национальная кухня, элементы домашнего обихода. При этом татары и нагайбаки заимствовали у «русских казаков» новые культурные коды. Так, дома тюркского населения Оренбургского казачьего войска практически не отличались от русских построек, в хозяйственном укладе доминировало земледелие, мужская повседневная одежда включала элементы казачьей формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кортунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа, 2012.
2. Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2007.
3. Исаков Д.М. Этнографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX века // Нагайбаки: комплексное исследование группы крещеных татар-казачков. Казань, 1995.
4. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016.
5. Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Юном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века) / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014.
6. Годовова Е.В. Тюрки в составе Оренбургского казачьего войска: сохранение этноконфессиональной идентичности (исторический опыт XVIII–XIX вв.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 103–107.
7. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891.
8. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1905. Вып. 4.
9. Материалы по историко-статистическому Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. 8.
10. Годовова Е.В. Социографическая характеристика семьи оренбургских казаков // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: материалы Всерос. науч. конф. «VI «Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курган. гос. ун-т, 2012.
11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 25.
12. Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.
13. Суслова С.В. Традиционная одежда нагайбаков: компонентный анализ // Нагайбаки: комплексное исследование группы крещеных татар-казачков. Казань, 1995.
14. Национальные меньшинства Оренбуржья (хроника общественной и культурной жизни по материалам периодической печати конца XIX – начала XX вв.) / сост. А.В. Амелин. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2003.
15. Халиков Н.А. Хозяйственная культура нагайбаков // Нагайбаки: комплексное исследование группы крещеных татар-казачков. Казань, 1995.
16. ГАОО. Ф. 174. Оп. 10. Д. 104.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

THE MANIFESTATION OF OBJECTIVE GROUNDS FOR ETHNOIDENTITY IN THE EVERYDAY LIFE OF THE TURKIC POPULATION OF THE ORENBURG COSSACK ARMY (SECOND HALF OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 86–90.

DOI: 10.17223/15617793/432/10

Elena V. Godovova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch (Orenburg, Russian Federation). E-mail: godovova@mail.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: slyubich@yandex.ru

Keywords: Cossacks; Orenburg Cossacks; everyday life; Turks; Tatars; Nagaybaks; ethnoidentity.

The aim of this article is to analyze the manifestation of objective grounds for ethnoidentity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack Army in the second half of the eighteenth and first half of the nineteenth centuries, namely the Tatars and the Nagaybaks, who became members of the army through spontaneous migration, a purposeful populating of the border area by Orenburg military authorities, as well as the inhabitants of the villages located in close proximity to the newly established Orenburg border line. To achieve this aim, the following tasks are solved: first, the daily life of the Turkic-speaking military population is described, and, second, the identity in the everyday life of the Tatar army population and the Nagaybaks is determined. The methodology of the research is based on the achievements of the scientific direction of the “history of everyday life” and the concept of acculturation, as well as on the regional approach that emphasizes the uniqueness of local conditions. The research is aimed at revealing the specifics of everyday practices of Turkic-speaking groups in the Orenburg Cossacks as a phenomenon of a polyethnic formation and at studying their borrowing of new cultural codes from the “Russian Cossacks”, which indicates their successful acculturation. The archival materials of the State Archive of Orenburg Oblast and historical and ethnographic research served as sources of research. In the course of the study, the authors came to the following conclusions. First, the identity of the Tatars, the second largest ethnic group in the Orenburg Cossack Army, was manifested in their daily life style. On the territory of the Orenburg Army, polygamy in the Tatar families, the peculiar appearance of the Tatar Cossacks, the Muslim faith were observed. Yet, the influence of the Russian population showed. The houses of the Tatar-Cossacks practically did not differ from the Russian buildings, agriculture dom-

inated in the economic system, and everyday clothes of the Tatar Cossacks included elements of the Cossack form. Second, the identity of the Nagaibaks, or baptized Tatars, was preserved in the appearance of buildings, the decoration of houses, food, everyday clothing. In terms of confession, a mixture of Mohammedanism and Christianity was observed among the Nagaybaks. They wore crosses, but sat at the table without a prayer, observed Sundays and holidays, visited temples, although not often, performed many Christian rites but did not observe fasts, organized feasts and horse races according to their old customs.

REFERENCES

1. Kortunov, A.I. & Fokin, A.A. (2012) *Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voyskakh Urala (XVI–XIX vv.)* [Cossacks-Muslims in the service in the Cossack troops of the Urals (16th–19th centuries)]. Ufa: [s.n.].
2. Atagulov, I.R. (2007) *Nagaybaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaystva i material'noy kul'tury vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Nagaibaks: the experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
3. Iskhakov, D.M. (1995) *Etnograficheskoe razvitiye nagaybakov do pervoy chetverti XX veka* [Ethnographic development of Nagaibaks before the first quarter of the twentieth century]. In: Iskhakov, D.M., Urazmanova, R.K. & Khalikov, A.Kh. (eds) *Nagaybaki: kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov* [Nagaibaks: a comprehensive study of a group of baptized Tatar Cossacks]. Kazan: IYALI AN Tatarstana.
4. Aminov, R.R. (2016) *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voyska (1748–1917 gg.)* [Tatars-Cossacks in the Orenburg Cossack Army (1748–1917)]. History Cand. Diss. Kazan.
5. Dzhundzhuzov, S.V. (2014) *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yunom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema s okhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka)* [The Kalmyks in the Middle Volga region and in the Southern Urals: the imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-1830s – the first quarter of the twentieth centuries)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
6. Godovova, E.V. (2016) *Tyurki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voyska: sokhraneniye etnokonfessional'noy identichnosti (istoricheskiy opyt XVIII–XIX vv.)* [The Turks in the Orenburg Cossack Army: preservation of ethno-confessional identity (historical experience of the 18th–19th centuries)]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 8. pp. 103–107.
7. Starikov, F.M. (1891) *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karty* [Historical and statistical essay of the Orenburg Cossack Army with an article on the domestic life of Orenburg Cossacks, drawings from banners and a map]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina.
8. Turgayskaya Oblastnaya Tipo-Litografiya. (1905) *Materialy po istoriko-statisticheskoy opisanii Orenburgskogo kazach'ego voyska* [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack Army]. Is. 4. Orenburg: Turgayskaya Oblastnaya Tipo-Litografiya.
9. Tipo-Litografiya B.A. Breslina. (1907) *Materialy po istoriko-statisticheskoy opisanii Orenburgskogo kazach'ego voyska* [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack Army]. Is. 8. Orenburg: Tipo-Litografiya B.A. Breslina.
10. Godovova, E.V. (2012) *Sotsiograficheskaya kharakteristika sem'i orenburgskikh kazakov* [Sociographic characteristics of the family of Orenburg Cossacks]. *Ural i Sibir' v kontekste razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Ural and Siberia in the context of the development of Russian statehood]. Proceedings of the all-Russian conference “VI “Emel'yanovskie chteniya” [VI Emelyanov Readings]. Kurgan. 26–28 April 2012. Kurgan: Kurgan State University. (In Russian).
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 98. List 2. File 25. (In Russian).
12. Mukhametzaripov, I.A. (2010) *Osobennosti funktsionirovaniya norm shariata v musul'manskom soobshchestve Rossii v kontse XVIII – nachale XX vv.* [Features of the functioning of Sharia norms in the Muslim community of Russia in the late 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Kazan.
13. Suslova, S.V. (1995) *Traditsionnaya odezhda nagaybakov: komponentnyy analiz* [Traditional clothing of the Nagaibaks: component analysis]. In: Iskhakov, D.M., Urazmanova, R.K. & Khalikov, A.Kh. (eds) *Nagaybaki: kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov* [Nagaibaks: a comprehensive study of a group of baptized Tatar Cossacks]. Kazan: IYALI AN Tatarstana.
14. Amelin, A.V. (ed.) (2003) *Natsional'nye men'shinstva Orenburzh'ya (khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni po materialam periodicheskoy pechati kontsa XIX – nachala XX vv.)* [Minorities of Orenburg region (chronicle of public and cultural life on the materials of the periodical press of the late 19th – early 20th centuries)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
15. Khalikov, N.A. (1995) *Khozyaystvennaya kul'tura nagaybakov* [The economic culture of the Nagaibaks]. In: Iskhakov, D.M., Urazmanova, R.K. & Khalikov, A.Kh. (eds) *Nagaybaki: kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov* [Nagaibaks: a comprehensive study of a group of baptized Tatar Cossacks]. Kazan: IYALI AN Tatarstana.
16. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 174. List 10. File 104. (In Russian).

Received: 20 February 2018

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ РАБОЧИХ ВПК УДМУРТИИ В 1945–1956 гг.

Рассмотрена наиболее массовая и распространенная форма трудовой активности рабочих – социалистическое соревнование, выявлены условия его возникновения, основные виды, принципы, проблемы и особенности организации в послевоенный период, место и роль в системе производственных отношений, определены главные итоги и показатели. Раскрыта ведущая роль ВКП(б)/КПСС в развитии соцсоревнования. На основе архивных источников проанализирован опыт осуществления социалистического соревнования на оборонных предприятиях Удмуртской АССР.

Ключевые слова: ВПК; Удмуртская АССР; трудовая активность; соцсоревнование; соцобязательства; стахановское движение; рационализация производства; производительность труда; внеэкономическое стимулирование.

Вопросы трудовой активности рабочих всегда находились в фокусе исследовательского внимания историков, экономистов, философов. Однако зачастую они рассматривались в контексте какой-либо более широкой проблемы, а не в качестве самостоятельного объекта исследования. На всероссийском уровне данная тематика представлена трудами советских и российских историков о рабочем классе в целом и социалистическом соревновании в частности [1–8]. В центре внимания исследователей находились общие черты и проявления трудовой активности, ее причины и результаты, доказывалась универсальность этого метода внеэкономического стимулирования производительности труда. Военно-промышленный комплекс (ВПК) Удмуртии традиционно относят к Уральскому промышленному кластеру. Историки Урала на протяжении последних десятилетий исследуют трудовую активность рабочих в рамках реализации атомного и ракетного проектов, развития танковой промышленности региона [9–13]. Локальный уровень отечественной историографии представлен публикациями А.И. Суханова [14–16], Н.А. Родионова [17], О.В. Ветошкиной [18], обобщающими трудами по истории Удмуртии и ее рабочего класса [19–21]. Данные исследования содержат анализ как участия рабочих Удмуртии в социалистическом соревновании (формы, сроки, результаты), так и роли партийной организации Удмуртской АССР в его организации на предприятиях республики. Несмотря на достаточную проработку указанной темы, исследователи обошли вниманием проблемы, возникавшие в ходе социалистического соревнования в 1945–1956 гг. Остаётся также открытым вопрос об эффективности применения социалистического соревнования как стимулирующего метода на предприятиях ВПК. На современном этапе нет специальных исследований, посвященных особенностям реализации соцсоревнования на предприятиях военно-промышленного комплекса в послевоенный период.

Целью данной статьи является анализ трудовой активности рабочих ВПК Удмуртской АССР в 1945–1956 гг., выявление форм и направлений данной деятельности, ее итогов и результатов. Ставится задача уточнения оценки роли соцсоревнования в выполнении планов послевоенного развития ВПК.

Исследование базируется на сочетании общенаучных и специальных исторических методов. В его основу положены нарративно-хронологический метод и

системный подход. Если использование первого обусловлено открытием архивов, недоступных ранее советским историкам, то системный подход позволяет наиболее полно проанализировать ВПК Удмуртии, выделив элементы, отвечавшие за реализацию соцсоревнования, и связи между ними, возникавшие в ходе данного вида трудовой деятельности.

Источниковой базой исследования стали документы, представленные Центральным государственным архивом Удмуртской Республики (ЦГА УР) (фонд Р-551 – Совет Министров Удмуртской Республики (1935–1995)) и Центром документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР) (фонд 16 – Удмуртский республиканский (областной) комитет КП РСФСР (1921–1991), фонд 54 – Ижевский городской комитет КП РСФСР (1934–1991), фонд 155 – Производственное объединение «Ижсталь» (1923–1991), фонд 724 – Воткинский городской комитет КП РСФСР (1939–1991)). Данные архивные фонды, содержащие отчеты промышленных отделов Удмуртского обкома и горкомов, переписку дирекции предприятий ВПК с партийными структурами, с Наркоматом / Министерством Вооружения СССР, позволяют наиболее детально раскрыть цели, задачи, ход и результаты соцсоревнования рабочих ВПК Удмуртской АССР в 1945–1956 гг.

Под трудовой активностью понимается качественная характеристика поведения личности как субъекта социально-трудовых отношений, возникающих по поводу реализации трудового потенциала [8. С. 64]. Основным критерием успешности данных отношений выступает производительность труда. В рассматриваемый период наибольшее внимание уделялось таким формам трудовой активности трудящихся, как движение ударников и стахановцев, социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду.

В советской плановой экономике одной из самых распространенных форм реализации конкуренции и повышения эффективности производства служило социалистическое соревнование. Под соцсоревнованием подразумевались общественные отношения, возникающие и развивающиеся на базе социалистической собственности, выражающие социалистический характер труда [22. С. 146]. Отличительной чертой данных отношений был их массовый характер, направленность на достижение высоких результатов во всех сферах деятельности при постоянно возрас-

тающей производительности труда, результатом которой являлся продукт, а не прибыль. Более того, соревнование опиралось не на материальную заинтересованность рабочего, а на моральные стимулы и идеологию.

Окончательное оформление социалистическое соревнование получило в 30-е гг. XX в., став продуктом высоких темпов индустриализации советской экономики [22. С. 147]. В 50–60-е гг. система была доработана: унифицирован и регламентирован порядок присвоения почетных званий, введена единая форма статистической отчетности.

Социалистическое соревнование – неотъемлемый элемент послевоенной советской экономики. Данное обстоятельство было продиктовано необходимостью в сжатые сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство, что, в свою очередь, требовало напряжения сил всех отраслей экономики. Не стал исключением и ВПК Советского Союза, составной частью которого были оборонные предприятия Удмуртской АССР. В столице республики располагались четыре предприятия, выпускавшие разнообразную военную и сопутствующую продукцию: Металлургический завод № 71 (сталь, чугун, прокат, поковки), Машиностроительный завод № 74 (артиллерийское и авиационное вооружение, автоматическое стрелковое оружие, охотничьи ружья, станки, мотоциклы), Мотозавод № 524 (до 1949 г. – стрелковое вооружение, после – приборы управления артиллерийским зенитным огнем, охотничьи ружья, электропилы, до 1952 г. – АК-47), Механический завод № 622 (стрелковое вооружение, охотничьи ружья, рации). В городе Воткинск находился Машиностроительный завод № 235 (сталь, чугун, локомобили, паровозы, артиллерийское вооружение); в Глазове – Механический завод № 544 (металлический уран); в Сарапуле – завод № 203 им. Орджоникидзе (средства связи). Кроме перечисленной номенклатуры выпускаемой продукции все оборонные предприятия с середины 1945 г. осуществляли конверсию.

Организация и руководство социалистическим соревнованием входили в компетенцию областных, городских и районных комитетов партии, а также партийных организаций предприятий. Местные партийные органы действовали в рамках Постановления ЦК ВКП(б) «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.». Немалую роль играли профсоюзы, деятельность которых регламентировалась Постановлением пленума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) от 12 апреля 1946 г. «О задачах профсоюзных организаций по выполнению пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.».

Советское правительство, оценивая послевоенную международную обстановку, выражавшуюся в начале нового конфликта между капиталистической и социалистической системами, получившего название «холодная война», и монополии Соединенных Штатов Америки на ядерное оружие, стремилось форсировать

процесс восстановления народного хозяйства. Более того, СССР осуществлял свою собственную ядерную программу, требовавшую колоссальных ресурсов. Соцсоревнованию отводилась центральная роль в решении данных экономических задач. В годы реализации четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства весьма популярным был лозунг по выполнению пятилетки в четыре года. На оборонных предприятиях Удмуртской АССР социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана выразилось в движении за досрочное выполнение личных квартальных, годовых и пятилетних планов [15. С. 108].

Послевоенное социалистическое соревнование принимало различные формы. Самыми распространенными на заводах ВПК Удмуртской АССР были соревнование за отличное качество продукции, экономии сырья и материалов, снижение себестоимости на каждой производственной операции, уменьшение брака и съема металла в стружку, досрочное выполнение производственной программы, освоение новых видов изделий. В 1940–1950-е гг. на оружейном производстве получают распространение новые формы социалистического соревнования, инициаторами которых были мастера и рабочие: за комплексное высокопроизводительное использование оборудования (инициатор сталевар Л. Тебеньков), сокращение производственного цикла (А. Котомчанин), рационализацию производства (Н. Решетцов) и скоростные режимы резания (Р. Денисов) [17. С. 271–272].

По времени проведения можно выделить: предмайское и предоктябрьское социалистическое соревнование. Также соцсоревнование предвляло годовщины образования Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (4 ноября), выборы в Верховный Совет СССР и съезды ВКП(б) и КПСС, день конституции (5 декабря).

В рамках трудовой активности рабочих продолжали функционировать зародившиеся еще в 1930-х гг. движения стахановцев, рационализаторов и изобретателей. Они охватили все оборонные предприятия Удмуртской АССР: в металлургии, где рационализаторство нашло выражение в применении методов скоростной плавки; в машиностроении, где превалировал метод скоростной резки металла. Результатом внедрения рационализаторских предложений была экономия материалов, топлива, увеличение производительности труда. Например, в 1953 г. завод № 71 от внедрения рационализаторских предложений сэкономил более 9 млн руб. и 4 832 т топлива, а в целом соцсоревнование позволило сэкономить сырья и материалов на 1247 тыс. руб. [23, Ф. 16. Оп. 1. Д. 6832. Л. 27]. Июльский Пленум ЦК КПСС 1955 г. поставил новые задачи по улучшению работы с изобретателями и рационализаторами и ускорению внедрения усовершенствований в производство. В период с 1949 по 1957 г. число рационализаторов возросло с 1 701 человека до 6 695, количество предложений с 5 242 до 10 020, а экономия с 1,6 млн до 2,4 млн руб. [15. С. 115]. Деятельность рационализаторов имела огромное значение, выражавшееся в росте производительности труда, снижении себестоимости, качестве и объеме про-

дукции, а также в совершенствовании культуры производства.

На республиканском и городском уровнях организация, проведение и подведение итогов социалистического соревнования являлись прерогативой Удмуртского областного комитета ВКП(б) и городских комитетов. Обычной практикой было препровождение заводам условий внутригородского соревнования. Итоги городского соцсоревнования подводились ежемесячно. Победителям вручали Красное Знамя ЦК ВКП(б) и горисполкома. Анализ результатов социалистического соревнования проводился на городских партийных конференциях, собраниях партийных организаций заводов. Разноуровневость подведения итогов соцсоревнования (всесоюзный, областной, городской и уровень министерства и отдельного предприятия) позволяла организаторам награждать каждое оборонное предприятие, тем самым оказывая всемерную нематериальную поддержку трудовой активности рабочих. В качестве индивидуальной мотивации рабочим присуждались звания, их награждали почетными грамотами, имена заносились на доски почета, а лучшие стахановцы удостоивались чести занесения в книгу почета завода.

Партийные структуры уделяли особое внимание вовлечению большего числа рабочих в соцсоревнование. В масштабах СССР в 1945–1950 гг. в социалистическом соревновании принимали участие 90 % рабочих, 59% из них были стахановцами [23. Ф. 155. Оп. 2. Д. 1124. Л. 5]. К концу первой послевоенной пятилетки Ижевский городской комитет ВКП(б) в ходе XII городской партийной конференции в 1950 г. поставил задачу перейти от достижений отдельных стахановцев к широкому соревнованию, включающему всех рабочих и служащих предприятия. Примером служили наиболее яркие представители стахановского движения: завод № 74 – лауреат Сталинской премии мастер А. Котомчанин, завод № 71 – сталевар Л.А. Тебеньков [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 431. Л. 7об-8.], новатор Ковалев. В 1950 г. на заводе № 71 52,4% рабочих были стахановцами [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 477. Л. 48 об.], на заводе № 74 – 42,6% стахановцами и 31,9% – ударниками [23. Ф. 155. Оп. 2. Д. 1105. Л. 4 об.], развивалось движение многостаночников. Наряду со стахановским движением проводился конкурс «Лучший по профессии», «Лучший инженерно-технический служащий» и «Лучший по Министерству» среди рабочих и мастеров предприятий Министерства Вооружения СССР. За период с 1946 по 1951 г. только на заводе № 74 3687 труженикам производства было присвоено звание «Лучший рабочий», 519 человек занесены на доску почета предприятия и 71 – в книгу почета завода [15. С. 108].

Почетным званием награждались не только отдельные рабочие, имевшие индивидуальные трудовые достижения, но и малые трудовые коллективы заводов. Значительных показателей добивались комсомольско-молодежные бригады. За успешное выполнение социалистических обязательств лучшим из них присваивалось звание «Бригада трудовой доблести». Данное движение охватило все оборонные предприятия Удмуртской АССР. Так, в 1949 г. 178 комсомоль-

ско-молодежных бригад принимали участие в социалистическом соревновании [20. С. 238].

Оборонные предприятия Удмуртской АССР добились значительных успехов в ходе выполнения социалистических обязательств. Завод № 235 в феврале 1946 г. занял второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий Министерства Вооружения СССР, а по итогам первого квартала – первое место и переходящее Красное Знамя ЦК ВКП(б) [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4562. Л. 3–3 об.].

В 1945–1947 гг. оборонные предприятия Удмуртии переживали ряд трудностей, связанных с началом осуществления конверсии ВПК, недостатком электроэнергии, топлива, сырья и материалов, а также начавшимся оттоком квалифицированной рабочей силы в западные регионы страны. Послевоенный период также характеризуется падением трудовой дисциплины. Все эти факторы оказывали влияние на выполнение производственных программ.

Конверсия ВПК выразилась в кратном сокращении выпуска военной продукции, а по некоторым изделиям – снятия с производства. Заводы Министерства Вооружения СССР были вынуждены производить несвойственную им продукцию гражданского характера и широкого потребления, изготовление которой сопрягалось с необходимостью освоения новых технологических цепочек, установки нового оборудования или модернизации имеющегося и переквалификации рабочих. Кроме того, после окончания войны заказчики стали предъявлять более высокие требования к качеству военной продукции.

Результатом сложившейся ситуации стала угроза систематического невыполнения оборонными предприятиями Удмуртии государственных производственных программ в 1945–1947 гг. Выходом из данного положения стало социалистическое соревнование, призванное вдохнуть новые силы в трудовую активность рабочих. Однако нередко реализация социалистических обязательств являлась лишь прикрытием для форсированного завершения плана («штурмовщины») в конце месяца, квартала или полугодия.

Социалистическое соревнование 1948 г. на оборонных заводах Удмуртии прошло по примеру предприятий Москвы и Московской области за ускорение оборачиваемости оборотных средств, обеспечение сверхпланового выпуска продукции за счет экономии металла, топлива, электроэнергии. Также среди обязательств, принятых рабочими заводов, были: создание бригад, выпускающих продукцию только отличного качества; сокращение производственного цикла; борьба за технический прогресс; повышение культуры производства [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 426. Л. 3].

Согласно Постановлению Совета Министров Удмуртской АССР и бюро областного комитета ВКП(б) от 13 октября 1948 г. «Об итогах социалистического соревнования в промышленности Удмуртской АССР за III квартал 1948 г.» [24. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 80. Л. 128] лучших результатов среди предприятий ВПК, расположенных в республике, добился завод № 622. Значительно увеличилось количество внедренных в производство рационализаторских предложений. Завод № 235 внедрил 902 рационализаторских предло-

жения, что позволило получить 7 269 тыс. руб. экономии [23. Ф. 724. Оп. 1. Д. 617. Л. 16].

9 февраля 1949 г. на XXI городской партийной конференции предприятия г. Ижевска взяли на себя социалистические обязательства, выраженные в письме к И.В. Сталину. Завод № 71 в ходе соцсоревнования 1949 г. должен был добиться досрочного выполнения производственной программы к 5 декабря и рентабельной работы предприятия. Было принято амбициозное обязательство получить в ходе соревнования 20 млн. руб. экономии [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 426. Л. 4]. В итоге план рационализации на 1949 г. завод выполнил на 73%, из 121 предложения рабочих было внедрено 28 [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5811. Л. 1]. По итогам предоктябрьского социалистического соревнования на предприятиях Удмуртской АССР в 1949 г. завод № 524 выполнил пятилетний план к 1 ноября; коллектив завода № 71 во II и III кварталах занял первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов Министерства вооружения [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5375. Л. 113]. Все оборонные предприятия Удмуртии перевыполнили производственную программу октября.

18 января 1950 г. рабочие, инженерно-технические работники и служащие Ижевского машиностроительного завода (№ 74) в честь выборов в Верховный Совет СССР приняли социалистические обязательства [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 427. Л. 9–10]. Ко дню выборов, назначенных на 12 марта, коллектив завода должен был выполнить квартальную программу по товарной продукции, закончить работы по освоению новой продукции – ружья ИЖ-49, внедрить рационализаторские предложения, которые бы позволили сэкономить 700 тыс. руб., обеспечить рост производительности труда на 7% к показателям 1949 г., ввести новые формы социалистического соревнования, сократить дебиторскую задолженность предприятия на 50%, не допустить затоваривания складов.

1950 г. ознаменовался 30-летием Удмуртской АССР. К юбилею государственности республики заводы ВПК приняли дополнительные сообязательства. Показателен пример металлургического завода № 71. Соревнование приняло массовый характер – 96,5% бригад и 80,5% рабочих и служащих приняли в нем участие; 54,2% рабочих стали стахановцами [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5764. Л. 107–108].

Поддерживая борьбу на идеологическом фронте, 6 000 рабочих завода № 74 встали на стахановскую вахту в ходе компании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 426. Л. 62].

Краеугольным камнем социалистического соревнования была производительность труда. Улучшение именно этого показателя позволяло выполнять взятые сообязательства. Пункт о повышении производительности труда неизменно присутствовал в каждой программе социалистического соревнования. Например, коллектив завода № 74 в ходе соцсоревнования 1950 г., наряду со снижением себестоимости на 34%, уменьшением удельных норм расхода металла и других материалов, снижением затрат времени на едини-

цу изделия и обеспечением рентабельной работы завода, обязался повысить производительность труда на 25% [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 426. Л. 70]. Заводу № 74 в ходе реализации социалистических обязательств удалось повысить производительность труда на 20,1 % по сравнению с 1949 г., а от снижения себестоимости предприятие получило 123,5 млн руб. экономии [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 500. Л. 1].

В 1951 г. коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода № 74 обратился к коллективу завода № 71 с предложением заключить договор о социалистическом соревновании. Целью данного соглашения было успешное выполнение государственного плана на 1951 г. и выполнение принятых на себя годовых и предмайских сообязательств, а также создание необходимых условий для ритмичной работы оборонных предприятий [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 500. Л. 119].

Социалистическое соревнование 1951 г. ознаменовалось всплеском активности рационализаторов и изобретателей. Совещание рационализаторов и изобретателей предприятий Министерства Вооружения Ижевско-Воткинской группы заводов, состоявшееся в 1950 г., в своем обращении ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим отмечало ежегодный рост количества рационализаторских предложений и их внедрения начиная с 1948 г. Участники совещания наметили план развития рационализаторской деятельности, реализация которого позволила уже в 1951 г. получить 39 млн руб. экономии при внедрении 14 тыс. предложений [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 588. Л. 9]. В 1951 г. коллектив завода № 71 по итогам работы IV квартала занял первое место и получил переходящее красное знамя Совета Министров СССР [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6496. Л. 29]. А за работу в январе и феврале 1952 г. оборонное предприятие было удостоено Красного знамени Ижевского городского комитета ВКП(б) и Городского исполнительного комитета.

Социалистическое соревнование выходило за пределы Удмуртской АССР. Подтверждением данному факту служит договор о социалистическом соревновании ижевских металлургов с экскаваторщиками Куйбышевгидростроя, заключенный 11 февраля 1952 г. [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6496. Л. 37–38 об.]. Каждая из сторон соглашения принимала на себя обязательства по досрочному выполнению производственной программы на 1952 г.

В 1952 г. соцсоревнование на предприятиях города Ижевска проходило за экономию металла на каждой операции и изделия (завод № 71), за обеспечение ритмичной работы (завод № 622), за выпуск продукции отличного качества (заводы № 71, 74, 524, 622). Было внедрено в производство 14 тыс. рационализаторских предложений с эффективностью 39 млн руб. [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 588. Л. 8 об.–9]. Завод № 524 трижды становился лучшим в городе и по итогам II квартала стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования. Трудовые успехи данного предприятия позволили форсировать выполнение производственной программы на 1952 г. Изначально планировалось досрочно выполнить план к 21 декабря, ко дню рождения И.В. Сталина, однако обязательства

были пересмотрены в сторону сокращения сроков – 5 декабря, ко дню сталинской конституции (1936 г.). К концу года удалось выпустить сверхплановой продукции на 1,8 млн руб. [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6496. Л. 42].

Важной вехой в развитии соцсоревнования стало возвращение в 1950-х гг. к постановлению VI Пленума ВЦСПС (апрель – май 1937 г.) «Об улучшении руководства социалистическим соревнованием на предприятиях». Теперь при принятии социалистических обязательств основное внимание уделялось реализации количественных и качественных показателей государственного плана, при обязательном выполнении номенклатуры изделий [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6496. Л. 19]. Более того, еще одним нововведением была практика принятия индивидуальных обязательств каждым рабочим оборонного предприятия, тогда как ранее это было редким явлением, присущим, главным образом, стахановцам. Однако данные индивидуальные обязательства зачастую имели формальный характер и заключались в выполнении норм выработки (в процентном отношении к плану), в уменьшении количества брака и в соблюдении техники безопасности и правил охраны труда на рабочем месте [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6496. Л. 25]. Социалистические обязательства принимались рабочими ежемесячно на собраниях цехов, мастерских, участков, бригад после детального анализа результатов выполнения норм и обязательств предыдущего месяца. Общезаводское обязательство составлялось на основе анализа результатов работы цехов и принималось на производственном совещании завода.

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования в 1953 г. завод № 71 завоевал первое место и Красное знамя ВЦСПС и Министерства оборонной промышленности СССР за II и III кварталы. За достигнутые в III квартале 1953 г. показатели завод был удостоен Красного знамени Удмуртского обкома КПСС и Областного совета профсоюзов [23. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6832. Л. 28]. По итогам 1953 г. предприятие заняло первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании и получило Красное знамя Совета Министров СССР. Однако эти результаты были достигнуты благодаря сверхурочным работам, неритмичной работе завода. Также не удалось сократить непроизводительные потери и брак [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 705. Л. 17].

Несмотря на достигнутые успехи, в движении соцсоревнования наблюдалось много формализма и бюрократизма. Распространенным явлением была фальсификация трудовых достижений, многие из которых так и остались только на бумаге. Этому способствовало отсутствие единых критериев определения победителя. Также не существовало общего координационного центра, организацией, руководством и подведением результатов соцсоревнования занимались партийные структуры, профсоюзы, местные исполнительные органы власти.

Успешное выполнение социалистических обязательств тем или иным заводом во многом зависело от производственной дисциплины всех элементов – от

руководства до рабочих. Решающее влияние оказывала деятельность отдела снабжения и заготовительного цеха данного предприятия. Именно от качества работы, сделанной на подготовительном этапе, зависело выполнение соцобязательств как каждым соревнующимся в отдельности, так и заводом в целом.

Недочеты в организации социалистического соревнования имели значительное влияние на выполнение производственных программ оборонных предприятий республики. Так, среди причин, приведших к невыполнению заводом № 524 плана работы первого полугодия 1950 г., отмечены: неполное вовлечение в соцсоревнование работников завода; неудовлетворительная организация проверки выполнения социалистических обязательств и хода соревнования дирекцией завода [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 424. Л. 4].

Несмотря на активную пропагандистскую деятельность, не все рабочие знали свои соцобязательства [23. Ф. 54. Оп. 1. Д. 426. Л. 67], обязательства своего цеха или завода. Материальная неподкрепленность трудовых подвигов способствовала постепенному угасанию энтузиазма трудящихся. Социалистическое соревнование было нацелено на трудовой рекорд, а не на достижение стабильных результатов. Именно это стало препятствием, не позволившим соцсоревнованию стать постоянно действующим фактором производства. Другими словами, при помощи социалистического соревнования можно было решить краткосрочные задачи, такие как выполнение производственной программы месяца, полугодия, иногда года, но оно было малоэффективно на уровне пятилеток или экономических циклов.

Еще одной причиной низкой эффективности социалистического соревнования был экстенсивный характер советской экономики, тогда как соцсоревнование в целом и рационализаторство в частности опирались на идеи модернизации, совершенствования и интенсификации производственного процесса. Производительность труда невозможно повысить без внедрения не только нового оборудования, но и передового опыта. Зачастую в ходе реализации производственных программ и выполнения социалистических обязательств рабочие допускали перерасход материалов, сырья, электроэнергии, топлива.

Таким образом, осуществление социалистического соревнования на оборонных предприятиях является признаком вовлеченности ВПК в экономические и политические процессы СССР. Соцсоревнование стало своего рода мостиком, перекинутым между неэкономическим стимулированием и экономическим ростом, при котором ставка сделана на интенсивный путь развития, а не экстенсивный. Политическая линия ВКП(б), проводимая в области трудовой активности рабочих оборонной промышленности, позволяла компенсировать недостаток материальных, финансовых и трудовых ресурсов послевоенного времени. Она способствовала обеспечению быстрого восстановления и развития экономического потенциала как отрасли, так и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зворыкин А.А. Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М., 1951. 36 с.
2. Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938–1956 гг.). М., 1971. 396 с.
3. История советского рабочего класса : в 6 т. М., 1987. 519 с. Т. 4.
4. Шакимов Р.Ш. Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918–1991) // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2016. № 2. С. 182–189.
5. Иванов В.С., Рябая С.А. Социалистическое соревнование на предприятиях Удмуртии в годы Великой отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 271–277.
6. Македонская В.А., Швец Т.Д. Государственное внеэкономическое принуждение как способ развития промышленного производства в годы Великой отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. 2012. Вып. 3. С. 293–298.
7. Кузнецова Н.В. Отечественная историография об экономических и социальных проблемах послевоенного восстановления и развития страны в 1945–1953 гг. // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2005. Вып 10. С. 141–153.
8. Мамаева В.Ю. Трудовая активность как социально-экономическая категория // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2004. Вып. 4. С. 60–68.
9. Запарий В.В. История цветной металлургии Урала во второй половине XX века. Екатеринбург : УМЦ - УПИ, 2010. 178 с.
10. Запарий В.В. Черная металлургия Урала. XVIII–XX веков. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 496 с.
11. Новоселов В.Н. Эра ракет. Создание ракетной промышленности на Урале. Челябинск : Книга, 2004. 319 с.
12. Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). Челябинск : ЧГИИК: ЧИПКРО, 1998. 301 с.
13. Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945–1965 гг. : дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 334 с.
14. Суханов А.И. О некоторых вопросах участия рабочих промышленности Удмуртской АССР в социалистическом соревновании (1946–1965 гг.) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. М.: Всеобщая история, 1967. Т. 174, вып. 8. С. 37–60.
15. Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970 гг.). Ижевск : Удмуртия, 1979. 178 с.
16. Суханов А.И. Труд и талант: (К некоторым вопросам истории рабочего класса Удмуртии). Ижевск : Удмуртия, 1973. 128 с.
17. Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XX вв.) / отв. и науч. ред. Л.Н. Бехтерева. Ижевск, 2009. 320 с.
18. Ветошкина О.В. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии: от войны к миру (1945–1950). Ижевск : Удмуртский университет, 2013. 189 с.
19. От коммунистических субботников к коллективам коммунистического труда. Ижевск, 1964.
20. Рабочий класс Удмуртии. 1861–1986: научно-популярный исторический очерк. Ижевск : Удмуртия, 1987. 306 с.
21. История Удмуртии: XX век / под ред. К.И. Куликова ; введение О.И. Васильевой, Л.Н. Бехтерева, Н.А. Родионова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
22. Горбачёва В.Ю. Экономические формы состязательности: рыночная конкуренция и социалистическое соревнование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2008. Вып. 2. С. 145–149.
23. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16, 54, 155, 724.
24. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-551.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 октября 2017 г.

THE WORKERS' LABOR ACTIVITY IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF UDMURTIA IN 1945–1956

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 91–97.

DOI: 10.17223/15617793/432/11

Aleksey V. Efremov, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: mr-alex-efremov@mail.ru

Keywords: military-industrial complex; Udmurt Republic; labor activity; working class; socialist competition; Stakhanov movement; innovation; planned economy; labor productivity; non-economic incentives.

The article deals with the most widespread form of labor activity among workers – the socialist competition, the conditions of its emergence, the principles and problems of its organization in 1945–1956. The place and role of this phenomenon in the system of production relations are also identified, its main results and indicators are determined. The aim of this paper is to analyze the labor activity of workers in the military-industrial complex of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the postwar period, to identify the forms and directions of this activity, its results. The experience of carrying out socialist competition in the defense enterprises of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the postwar period is investigated on the basis of archival sources from the Central State Archive of the Udmurt Republic and the Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic. A set of general scientific and special-historical methods are used. It is necessary to distinguish narrative and systemic methods among them. As a result, the author showed that the military-industrial complex located in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic took an active part in the socialist competition that covered all areas of Soviet society after the war, and achieved significant results. The saved funds and materials were sent for the restoration of the western regions of the country and for the development of the Soviet atomic project. In the course of the research, the author comes to a conclusion that for the working class of Udmurtia, the postwar socialist competition was of a mass character: the number of Stakhanovites and rationalizers increased; along with general factory and departmental employment, individual social obligations were accepted. Among the shortcomings of the postwar socialist competition, which was unfolded at the defense enterprises of Udmurtia, it is necessary to note formalism and bureaucracy, falsification of results, and absence of a single coordinating center. The author points out the leading role of the CPSU (B) in the development of social competition. The political line of the CPSU (B) in the field of labor activity of workers in the defense industry made it possible to compensate the shortage of material, financial and labor resources of the postwar period. The author concludes that this policy contributed to the rapid recovery and development of the economic potential of both the industry and the country as a whole.

REFERENCES

1. Zvorykin, A.A. (1951) *Sotsialisticheskoe sorevnovanie v promyshlennosti SSSR* [Socialist competition in the industry of the USSR]. Moscow: tip. Vyssh. part. shkoly.
2. Senyavskiy, S.L. & Tel'pukhovskiy, V.B. (1971) *Rabochiy klass SSSR (1938–1956 gg.)* [The working class of the USSR (1938–1956)]. Moscow: Mysl'.
3. Khromov, S.S. et al. (eds) (1987) *Istoriya sovetskogo rabocheho klassa: v 6 t.* [History of the Soviet working class: in 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
4. Shakimov, R.Sh. (2016) Exploitation of enthusiasm: Soviet experience (1918–1991). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki – Bulletin of Chelyabinsk State University. Economic sciences.* 2. pp. 182–189. (In Russian).
5. Ivanov, V.S. & Ryabaya, S.A. (2015) Sotsialisticheskoe sorevnovanie na predpriyatiyakh Udmurtii v gody Velikoy otechestvennoy voyny [Socialist competition at the enterprises of Udmurtia during the Great Patriotic War]. In: Kabirova, A.Sh. (ed.) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov* [The Great Patriotic War of 1941–1945 in the fates of peoples and regions]. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
6. Makedonskaya, V.A. & Shvetts, T.D. (2012) Gosudarstvennoe vneekonomicheskoe prinuzhdenie kak sposob razvitiya promyshlennogo proizvodstva v gody Velikoy otechestvennoy voyny [State non-economic coercion as a way to develop industrial production during the Great Patriotic War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta.* 3. pp. 293–298.
7. Kuznetsova, N.V. (2005) Otechestvennaya istoriografiya ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh problemakh poslevoennogo vosstanovleniya i razvitiya strany v 1945–1953 gg. [Russian historiography on the economic and social problems of the post-war reconstruction and development of the country in 1945–1953]. *Vestnik VolGU. Seriya 4.* 10. pp. 141–153.
8. Mamaeva, V.Yu. (2004) Trudovaya aktivnost' kak sotsial'no-ekonomicheskaya kategoriya [Labor activity as a socio-economic category]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika" – Bulletin of Omsk University. Series "Economics".* 4. pp. 60–68.
9. Zapariy, V.V. (2010) *Istoriya tsvetnoy metallurgii Urala vo vtoroy polovine XX veka* [History of non-ferrous metallurgy of the Urals in the second half of the twentieth century]. Ekaterinburg: UMTs - UPI.
10. Zapariy, V.V. (2001) *Chernaya metallurgiya Urala XVIII–XX vekov* [Ferrous metallurgy of the Urals of the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'tur. informatsii.
11. Novoselov, V.N. (2004) *Era raket. Sozdanie raketnoy promyshlennosti na Urale* [The era of rockets. The creation of a rocket industry in the Urals]. Chelyabinsk: Kniga.
12. Tolstikov, V.S. (1998) *Sotsial'no-ekologicheskie posledstviya razvitiya atomnoy promyshlennosti na Urale (1945–1998 gg.)* [Socio-ecological consequences of nuclear industry development in the Urals (1945–1998)]. Chelyabinsk: ChGIK: ChIPKRO.
13. Shubarina, L.V. (2011) *Oborono-promyshlennyy kompleks na Urale: regional'nyy opyt razvitiya. 1945–1965 gg.* [The military-industrial complex in the Urals: regional experience of development. 1945–1965]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Sukhanov, A.I. (1967) O nekotorykh voprosakh uchastiya rabochikh promyshlennosti Udmurtskoy ASSR v sotsialisticheskoy sorevnovanii (1946–1965 gg.) [On some questions of participation of workers of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the socialist competition (1946–1965)]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N.K. Krupskoy.* 174(8). pp. 37–60.
15. Sukhanov, A.I. (1979) *Rabochiy klass Udmurtii (1917–1970 gg.)* [Working class of Udmurtia (1917–1970)]. Izhevsk: Udmurtiya.
16. Sukhanov, A.I. (1973) *Trud i talant: (K nekotorym voprosam istorii rabocheho klassa Udmurtii)* [Work and talent: (To some questions of the history of the working class of Udmurtia)]. Izhevsk: Udmurtiya.
17. Rodionov, N.A. (2009) *Istoriya oruzheynogo proizvodstva v Udmurtii (XIX–XX vv.)* [The history of weapons production in Udmurtia (19th–20th cc.)]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Languages and Literature, UrB RAS.
18. Vetoshkina, O.V. (2013) *Rabochie oboronnoy promyshlennosti Udmurtii: ot voyny k miru (1945–1950)* [Workers of the defense industry of Udmurtia: from war to peace (1945–1950)]. Izhevsk: Udmurt State University.
19. Kuznetsov, V.I. et al. (eds) (1964) *Ot kommunisticheskikh subbotnikov k kollektivam kommunisticheskogo truda* [From communist subbotniks to the collectives of communist labor]. Izhevsk: Rostov State University.
20. Sukhanov, A.I. et al. (eds) (1987) *Rabochiy klass Udmurtii. 1861–1986: nauchno-populyarnyy istoricheskiy ocherk* [Working class of Udmurtia. 1861–1986: a popular scientific historical essay]. Izhevsk: Udmurtiya.
21. Kulikov, K.I. (ed.) (2005) *Istoriya Udmurtii: XX vek* [History of Udmurtia: 20th century]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Languages and Literature, UrB RAS.
22. Gorbacheva, V.Yu. (2008) Ekonomicheskie formy sostyazatel'nosti: rynochnaya konkurentsia i sotsialisticheskoe sorevnovanie [Economic forms of competition: market competition and socialist competition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 5.* 2. pp. 145–149.
23. Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic (TsDNI UR). Fund 16, 54, 155, 724. (In Russian).
24. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551. (In Russian).

Received: 11 October 2017

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И ТУРЕЦКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЫ»: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Раскрываются два внешнеполитических проекта США и Турецкой Республики: «Большой Ближний Восток» и «Стратегическая глубина». Системный анализ и сопоставление внешнеполитических инициатив Вашингтона и Анкары позволяют автору раскрыть модель нестыковки глобальных внешнеполитических подходов США и региональных Турецкой Республики и, таким образом, выявить окно российских национальных интересов на Ближнем и Среднем Востоке, заключающихся в формировании выгодного для себя баланса сил с учетом ограниченности ресурсов и использования противоречий глобальной и региональных держав.

Ключевые слова: США; Турецкая Республика; Россия; «Большой Ближний Восток»; «Стратегическая глубина».

Точкой отсчета для оценки геополитических интересов России в Черноморско-Средиземноморском регионе является оценка завершения советского периода развития России. С точки зрения геополитической методологии после дезинтеграции СССР Россия утратила свою субъектность в Средиземноморском регионе и стремительно ее теряла в Черноморском бассейне. Исторической точкой поворота стали пятидневный российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. и возвращение Крыма в 2014 г. Российские геополитические интересы в Черноморско-Средиземноморском регионе формируются исходя из следующих возможностей и механизмов.

Во-первых, в Черноморском регионе современные интересы России базируются на недопущении экспансии нерегиональной державы (США) или экспансии и расширения враждебного военно-политического блока, что достигалось ранее и на современном этапе за счет раздела сфер влияния с Турецкой Республикой.

Во-вторых, в Средиземноморском регионе современные интересы России имеют более сложную задачу в силу ограниченности ресурсов и основаны на сохранении остаточного от СССР влияния с формированием благоприятного для себя баланса сил.

В обоих регионах региональным субъектом, который одновременно конкурент и партнер России, является Турецкая Республика. Ключом для России в Средиземноморский регион является также Турция, и Турция одновременно может являться «пробкой», закрывающей Россию в Черном море. Конвенция Монтре, заключенная еще в 1936 г. и регламентирующая пропускной режим через Черноморские проливы, действует до сих пор. В 1994 г. Турция дополнила ее экологическими статьями, которые на время создали трудности в экспорте российской нефти через Босфор и Дарданеллы, создав длинную очередь из российских танкеров. Параллельно Запад и Турция лишили Россию монополии на транспортировку углеводородов постсоветского пространства через трубопроводный проект «Баку–Джейхан». По сути, конвенция Монтре оставляет под контролем проход из Средиземного моря в Черное и обратно в руках Турции или более сильной державы, стоящей за ней.

Современная модель внешней политики Анкары представляет собой два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и свои

союзнические обязательства. Анкара на этом уровне своей внешней политики полностью поддерживает мир «по-американски». Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона. Даже на нижнем этаже своей внешней политики региональные интересы Анкары и Москвы сталкиваются практически по всем направлениям (турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России, интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии, турецкая политика на Ближнем Востоке, а особенно по сирийской проблеме, не совместима с российскими внешнеполитическими подходами), за исключением совместного блокирования против экспансии США в Черноморско-Каспийском регионе.

Таким образом, в геополитическом пространстве Россия и Турция имеют очень узкий сегмент совместных интересов, ограничивающийся как раз Черноморским регионом. Этим узким пространством совместных интересов можно пояснить «быстрые договоренности» двух элит по Крыму в 2014 г. Для Турции переход Крыма под юрисдикцию России – это существенно меньший ущерб, чем появление американских баз в бухтах Севастополя. Это же относится к вопросу интеграции Украины и Грузии в НАТО. Турция на эмоциональном уровне может поддерживать расширение Евроатлантического блока на Черноморский регион, но на уровне реальной политики и геополитических интересов Турции – это неприемлемый для Анкары сценарий. Анализ турецкой внешней политики позволяет выделить три направления экспансии: панисламистскую, пантюркистскую и европейскую. В первых двух Анкара может выступать субъектом, в последнем – исключительно объектом.

После распада Советского Союза и вплоть до второй половины 1990-х гг. США в своей внешней политике переживали период «неопределенности», однако уже в 1997 г. Вашингтоном был сделан выбор в пользу реализации модели «однополярного мира» [1. С. 174]. С этого времени начинает разрабатываться и апробироваться новый внешнеполитический подход по переформатированию Евразии – концепции

«Больших пространств»: «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большой Черноморский регион».

Выступая 6 ноября 2003 г. в Вашингтоне, президент США Дж. Буш заявил, что установление демократии на Ближнем Востоке будет основным приоритетом внешней политики США на ближайшие десятилетия, «появление свободного Ирака в самом сердце Ближнего Востока станет переломным моментом в процессе глобальной демократической трансформации» [2. С. 62]. Администрация Дж. Буша выдвинула план создания нового геополитического пространства «Большой Ближний Восток», суть которого заключается в демократизации и модернизации пространства от Марокко до Пакистана, включая территорию от Казахстана до острова Маврикий в Индийском океане.

Первым шагом Администрации США в содействии демократической трансформации в регионе была предложенная государственным секретарем К. Пауэлом 12 декабря 2002 г. «Инициатива ближневосточного партнерства» (Middle East Partnership Initiative, MEPI). Основная задача данной инициативы заключалась в реализации проектов по поддержанию образования, частного сектора производства, укреплению гражданского общества и обеспечению верховенства права в государствах Ближнего Востока. Функциональная структура проекта включает в себя четыре главных направления:

- в экономической сфере проект направлен на повышение уровня занятости населения, развитие частного сектора, малого и среднего предпринимательства и т.д.;

- в политической сфере американцы декларируют необходимость развития и укрепления демократических традиций и гражданского общества, установления верховенства права, создания ответственных и эффективных государственных институтов, повышения роли свободной прессы и других СМИ;

- в проекте образовательное направление связано с обеспечением доступа к начальному и среднему образованию, особенно для девочек и женщин, внедрением новых систем обучения и компьютеризации данного процесса;

- защита прав женщин выделена в отдельный блок, который должен интегрировать женский пол в политическую и социальную жизнь «современного общества».

Итак, по американской версии конечной целью предложенного США проекта «Большой Ближний Восток» являлось создание условий для демократического развития и преодоления значительного экономического и социального отставания государств региона в контексте борьбы с причинами нестабильности, экстремизма и терроризма.

Д. Чейни, выступая на мировом экономическом форуме в Давосе в январе 2004 г., заявил: «Помочь людям на Ближнем Востоке заполнить дефицит свободы – это, в конечном итоге, ключевое задание в деле борьбы с терроризмом. Это великое строительство нашей эпохи, и оно требует решимости и ресурсов как минимум целого поколения» [3].

Вместе с тем президент США в своем выступлении перед аудиторией Национального фонда за демократию 6 ноября 2003 г. публично отрицал намерение насаждать демократию извне, напоминая, что потребность в демократии должна возникнуть внутри государств. Запад только должен будет оказать соответствующую поддержку, строя партнерские отношения со странами-реципиентами на равных началах. «Модернизация не отождествляется с вестернизацией», – отметил президент США Дж. Буш. Представительские правительства Ближнего Востока будут отображением собственной культуры стран региона. Они не будут и не смогут быть похожими на нас».

Реализация данных инициатив осуществляется с привлечением Соединенными Штатами Америки заинтересованных сторон в государствах Ближнего Востока (частных структур, негосударственных организаций). По каждому направлению деятельности осуществлялось несколько проектов, финансируемых из федерального бюджета. В фискальном 2003 г. финансирование программ составляло 100 млн долл. США. Кроме того, США выделяли более 1 млрд долл. в рамках проектов двусторонней экономической помощи арабским странам [2. С. 67].

9 мая 2003 г. президент США также заявил об идее реализации в течение следующих десяти лет проекта создания «Ближневосточной зоны свободной торговли».

Однако такая масштабная программа, по замыслам Вашингтона, должна была быть реализована при поддержке ЕС, России и Японии (стран «Большой восьмерки»), что и было озвучено американской администрацией. Данная инициатива была воспринята «развитым» сообществом без лишнего энтузиазма. Значительная часть политического истеблишмента стран «Большой восьмерки» подвергла сомнению «добрую волю» Соединенных Штатов и высказалась в духе того, что американцы пытаются облагородить свои цели, заключающиеся в достижении контроля за углеводородными ресурсами региона, а также расширении гегемонии достижения контроля США в арабском мире, навязав абсолютную зависимость в экономической, политической и культурной сферах. Так, президент Египта заявил по поводу реализации данной программы, что «американцы стремятся размыть арабское единство и развалить лигу арабских держав». Такая реакция стран – потенциальных доноров проекта и государств-реципиентов заставляет на тот период администрацию Дж. Буша трансформировать идею «Большого Ближнего Востока». С этой целью Соединенные Штаты использовали ежегодные саммиты «Большой восьмерки» (г. Саванна, 8–10 июля 2004 г.), ЕС – США (г. Шанон, Ирландия, 26 июля 2004 г.) и саммит НАТО (г. Стамбул, Турция, 28–29 июля 2004 г.).

Саммит «Большой восьмерки» состоялся с участием лидеров государств Большого Ближнего Востока. В результате был принят компромиссный вариант инициативы США, которая была закреплена в декларации «Партнерство во имя прогресса и совместного будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки». Суть данной декларации заключалась в том, что Вашингтон признает каждое госу-

дарство региона уникальным и что реформы не должны насаждаться извне. В то же время в декларации указывалось, что уникальность каждой нации региона не должна использоваться для препятствия проведения реформ. Был принят план поддержки реформ, который включал в себя реализацию политических, экономических, образовательных и социальных инициатив.

По итогам саммита проект новой американской ближневосточной стратегии по распространению западных демократических ценностей и урегулированию конфликтов получил реальные очертания.

На саммите ЕС – США (26 июля 2004 г.) была принята «Совместная декларация США и ЕС в отношении поддержки мира, прогресса и реформ на Большом Ближнем Востоке и в Средиземноморье» и выявлены некоторые противоречия между ЕС и США, касающиеся, прежде всего, региональных интересов европейских государств в «третьем мире».

На саммите НАТО, проходившем в Турции, Соединенным Штатам удалось разделить ответственность в регионе со своими западными союзниками в контексте расширения деятельности НАТО в Афганистане и привлечения ресурсов альянса для подготовки сил безопасности Ирака. На саммите была принята Стамбульская инициатива, которая предполагала более тесное взаимодействие в сфере безопасности государств Ближнего и Среднего Востока с США и НАТО в борьбе с такими угрозами как терроризм, распространение оружия массового поражения.

После того, как проект «Большого Ближнего Востока» претерпел некоторую трансформацию с учетом позиций лидеров предполагаемых государств-доноров и стран-реципиентов, перед республиканской администрацией США стоял вопрос по его реализации. Американцам было необходимо обеспечить такие условия его реализации, чтобы проект не остался только теорией и в то же время не вызвал его политического отторжения союзниками США (субъектами) и государствами – объектами проекта. По замыслам Вашингтона, региональная политика Турции должна была быть тесно связанной с реализацией инициированного США проекта.

Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган был приглашен на саммит «Большой восьмерки» в американский город Савана, где он высказал свое видение реализации американского проекта. В частности, он отметил, что Турция не поддерживает насаждение извне демократии в государствах исламского мира. Анкара исходит из того, что в государствах региона имеется собственный демократический потенциал для проведения реформ. Турецкий представитель также предложил активизировать процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта и нормализацию ситуации в Ираке, без чего процесс реализации проекта «Большой Ближний Восток» будет безрезультатным. Основные предложения турецкой стороны нашли отражение в декларации «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки».

Правящая в Турции с 2002 г. и до настоящего времени партия Справедливости и развития (АКР) про-

исходит от исламских политических сил турецкой партии Благоденствия.

В 1995 г. эта партия приходит к власти во главе с Неджеметтином Эрбаканом, который сформировал коалиционное правительство. В парламенте Турции исламисты получили 156 из 550 мест. На выборах 1995 г. она выглядела новой политической силой, которая давала убедительные ответы на вопросы электората, выдвинув двух респектабельных харизматичных политиков — Н. Эрбакана и Р. Эрдогана. Два политика внутри партии представляли одновременно два течения: консервативное, приверженцем которого был Н. Эрбакан, и, соответственно, либеральное, которое олицетворял Р. Эрдоган. Партия обещала очистить государство от коррупции и бороться за «чистоту системы и справедливый порядок». В 1997 г. турецкие военные провели «мягкий военный переворот» и отстранили эту политическую силу от власти. Впоследствии Р.Т. Эрдоган дистанцируется от своего политического соратника и организует новую политическую партию.

В 2002 г. партия Справедливости и развития (АКР) уверенно победила на парламентских выборах, набрав 34,28% голосов и заняв 363 из 550 мест в турецком парламенте. С этого момента и до сегодняшнего дня электоральные симпатии турецкого народа к этой партии стабильно увеличивались, что позволило ее лидеру Р.Т. Эрдогану проводить реформы и преобразования турецкого государства, направленные на возвращение к исламским дореспубликанским ценностям развития, параллельно укрепляя свою власть. За эти годы была изменена Конституция – Турция стала президентско-парламентской республикой, где в августе 2014 года Р.Т. Эрдоган стал президентом, а А. Давутоглу был наделен полномочиями премьер-министра.

В течение 2000-х гг. Турецкая Республика начинает реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики. Новый подход умеренных исламистов был направлен на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера в действительно могущественную региональную державу и влиятельного глобального игрока (программа 61-го правительства, сформированного правящей партией Справедливости и развития в 2011 г.). Это направление деятельности реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», которая была выдвинута в середине 2000-х тогда Министром иностранных дел Республики А. Давутоглу. Концепция направлена в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи – Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, Азербайджана, а также Сирии (в турецком понимании только после возможного смещения Башара Аль Асада) и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера. Турция формирует данный союз для противодействия антитурецкой коалиции в составе Республики Кипр, Греции, Сербии, Армении, Израиля и, возможно, России. С учетом ускорения политического процесса и внешнеполитической динамики набор союзников и противников Анкары будет варьироваться.

Ахмет Давутоглу – профессор и «турецкий Киссинджер», как его часто называют на Родине, в прошлом министр иностранных дел и премьер-министр Турции, лидер правящей партии Справедливости и развития. Под «Стратегической глубиной» А. Давутоглу понимал вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, по сути, речь идет о пересобирании новой усеченной Османской империи на основе новых смыслов [4]. А. Давутоглу также выдвинул тезис о том, что концепция «Стратегической глубины» включает «нулевые проблемы» с ближайшими соседями. Однако само содержание наступательной внешней политики Турции противоречит ее естественному последствию – отсутствию разногласий с соседями. То есть программа «нулевых проблем» должна рассматриваться не как процесс, сопровождающий турецкую экспансию, а как цель, которая будет достигнута после завершения реализации «Стратегической глубины». По сути, она означает смещение на неоосманском пространстве неугодных Турции политических режимов или отдельных государственных лидеров. В то же время умеренные исламисты не снимали до недавнего времени тезиса кемалистской турецкой элиты о членстве Турции в ЕС.

Для реализации своих политических планов Турция ориентировалась в государствах постосманского пространства на развитие партийного сотрудничества с политическими силами умеренного ислама, близкими по духу к правящей турецкой партии Справедливости и развития. Такой политической силой в арабском мире является ассоциация «Братья мусульмане», которая значительно расширила свое влияние после революционных событий на Ближнем и Среднем Востоке в ходе «Арабской весны». На определенном этапе – 2011–2014 гг., следствием указанной революционной волны в региональном масштабе было создание сетевой партийной структуры, которая способствовала продвижению турецких интересов в рамках «Стратегической глубины».

Геополитическая составляющая, которая ограничивает военно-политическую активность Анкары в регионе, основывается на тезисе генерального штаба Турции – «Республика должна избегать одновременного участия в двух с половиной войнах, то есть с Грецией и Сирией и внутри государства с курдами, соответственно» [5. С. 147].

При таком внешнеполитическом ограничении Турция может проводить активную внешнюю политику в южном направлении лишь при стабилизации и замораживании угроз с севера Евразийского континента. До сегодняшнего дня, выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика реализовала принцип по разделению сфер влияния с Россией.

Умеренные турецкие исламисты существенно трансформировали свои внешнеполитические приоритеты на Ближнем и Среднем Востоке, делая их центром своих геополитических интересов, в том числе за счет:

- формирования имиджа лидера мусульманского суннитского мира, за счет конфронтации с Израилем и отхода от кемалистской модели развития;

- углубления регионального альянса с Египтом (турецкие инвестиции в туристический сектор, военно-техническое и военно-политическое сотрудничество);

- сохранения активной роли турецких ВМС и общественных движений в квазиреволюционных событиях на Ближнем Востоке в ходе «Арабской весны».

Одной из центральных проблем для турецкой внешней политики является сирийский вопрос. Москва традиционно настаивает на сохранении существующего политического режима в Сирии. В то же время Анкара сделала ставку и поддерживает деятельность Национального совета Сирии, в которой господствующее положение занимает политическая сила «Братья мусульмане». Принципиальным вопросом для Турции является проблема Кипра, который раскрывает замороженные проблемы с Грецией. Греция, Кипр и Израиль привлекают американские добывающие компании с целью добычи газа на морском шельфе Израиля и Кипра. На шельфе последнего проводятся работы по подготовке его добычи. Реагируя на это, Анкара выдвигает и артикулирует интересы Турецкой Республики Северного Кипра, часто для этого используя ВМС. Все эти действия ведут к обострению ситуации с Грецией и Израилем.

Выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика пошла на принцип разделения сфер влияния на северном и северо-восточном направлениях, т.е. можно говорить о том, что в условиях экспансии США в Черноморский регион, между Москвой и Анкарой было заключено соглашение о противодействии экспансии Вашингтона в данном регионе. Когда же Вашингтон свернул свою экспансию в указанном регионе, заинтересованность в данном альянсе существенно ослабла.

Внешняя политика Турции в первое десятилетие XXI в. в Черноморском регионе имела следующие составляющие:

- 1) недопущение в регион третьего сильного игрока и раздел сфер влияния между Россией и Турцией. Функционирование военно-политического проекта «Черноморская гармония» в противовес американской операции в Средиземном море «Активные усилия»;

- 2) поддержание баланса отношений с НАТО и Россией. Турция не может себе позволить пойти на ухудшение отношений с Североатлантическим альянсом, поскольку это может привести к потере ее влияния на Балканах;

- 3) фактический отказ от активной внешней политики в тюркском мире (за исключением гуманитарной составляющей) в обмен на ресурсы и стабильность на северных границах. При этом активная внешняя политика с использованием идеологии пантюркизма сворачивается из следующих причин: открытая и агрессивная политика Китая в Средней Азии, которой Турция противостоять не в состоянии (китайская региона и экономическая экспансия по всей шкале рыночного спроса и предложений), недостаточная ресурсная обеспеченность данной политики, повышение роли новых сильных государств, например Казахстана, в тюркском регионе, что нивелирует в нем лидирующую роль Турецкой Республики;

4) активная поддержка отношений с Болгарией и Румынией (совместные маневры ВМС, другие виды военно-политических акций) в противовес оси Сербии – Греции;

5) активизация военно-политических и экономических отношений с политическим режимом Грузии при одновременной умеренной поддержке российской внешней политики в отношении Абхазии и Южной Осетии (такая политика отвечает интересам и России);

6) попытки урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном и участие в решении проблемы Нагорного Карабаха, что повышает региональный статус Турции как региональной державы.

Российско-турецкое сближение в первое десятилетие XXI основывалось на общих интересах двух государств в геэкономической и геополитической плоскостях. Первые связаны с активной трубопроводной политикой России, которые позволили Республике стать энергетическим терминалом, однако Турция и здесь пытается формировать свою политику на основе сбалансированности и многовекторности.

Пытаясь активно играть на Ближнем и Среднем Востоке, Турция начинает активно избавляться от компонентов американского влияния в военной, экономической, военно-технической и образовательной сферах. Главной составляющей американской внешнеполитической стратегии, которая реализовывалась Вашингтоном на протяжении последних 65 лет, было влияние на вооруженные силы Турецкой Республики. В этом контексте турецкое руководство с 2002 г. проводило в течение десятилетия реформирование своей армии и флота. Данная кампания состояла из постепенного замещения на главных и средних командных должностях в армии и на флоте на лояльных АКР офицеров. Причем «чистка» армейских рядов проходила по следующему механизму – с мая по сентябрь каждого года под следствие попадало большое количество генералов и полковников и других мелких военных чинов (главный критерий – получение военного образования в США), в сентябре с данных военных снимались все обвинения. В то же время в августе традиционно проходили назначения на вышестоящие должности. Таким образом, на ключевые военные должности назначались лояльно настроенные к АКР военные специалисты. Данный процесс имел и негативные стороны, которые заключаются в ослаблении армейского корпуса за счет «вымывания» ресурса профессиональных военных [6. С. 21].

Новую составляющую «ближневосточной игры» получил курдский фактор. Традиционный спектр сторон, которые его используют, сместился. В настоящее время курды получают существенную поддержку со стороны Тель-Авива, причем эта поддержка является системной: от поставки вооружений до финансирования обучения офицерами израильского спецназа курдских повстанцев. Логика Израиля в этом плане заключается в следующем: мы создаем проблемы в прилегающих и внутренних территориях Турции для того, чтобы отвлечь силы и средства Анкары для реализации антиизраильской политики.

В свою очередь, США в реализации своей внешней политики вынуждены опираться на курдский

фактор в регионе, поэтому они тоже могут использовать его, однако с меньшим «усердием», чем Израиль. В этом вопросе появляются расхождения между интересами Вашингтона и Тель-Авива.

В случае успешной реализации своих ближневосточных планов с одновременным замыканием на себя трубопроводных потоков, Анкара уже в среднесрочной перспективе может поднять вопрос о пересмотре решения по принадлежности иракской нефтеносной территории Мосул, опираясь на следующую логику.

Во-первых, Турция до сих пор считает несправедливым решение вопроса в отношении данной провинции (по условиям Лозаннского мира окончательного решения по провинции принято не было).

Во-вторых, провинция позволит обеспечивать Турцию собственными сырьем и нефтепродуктами.

В-третьих, присоединение провинции позволит существенно подорвать и фактически нейтрализовать фактор курдского сепаратизма, поскольку будет блокировано пространство, что связывает турецких, иранских и сирийских курдов.

Однако два последних фактора могут вызвать сильное противодействие со стороны США, Великобритании и Франции, которые традиционно разыгрывают свою стратегию в регионе, используя фактор нефти и курдского сепаратизма. Поэтому турецкие мозговые центры и МИД проводят многочисленные исследования, направленные на уточнение последствий данного шага по шкале затраты / дивиденды.

В случае успешной реализации турецкой ближневосточной политики и получения статуса лидера суннитского мира Турция вернется к внешнеполитической активности на северо-востоке Центральной Азии. Без данного поворота Турция не сможет достичь «Стратегической глубины», поскольку не будет решен вопрос ресурсной (углеводородной) достаточности пространственного проекта.

Для успешной реализации своей центрально-азиатской политики Турция должна будет учесть негативный опыт прежней своей активности в рамках проекта «Великий Туран» (активность Турции на основе пантюркистских идей в 1990-х гг.). В данном контексте во время нахождения у власти умеренных исламистов Турция перешла от реализации националистической внешней политики к политике, основанной на цивилизационной основе, которая и дает стратегическую глубину. С начала 2009 г. проявляется второе издание пантюркистского проекта, где идеи пантюркизма были усилены цивилизационным измерением. В этот период был создан Совет сотрудничества тюркоязычных стран (ССТС), куда вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция, штаб-квартира которого находится в Стамбуле (а не в Анкаре, в чем проявляется косвенный намек на цивилизационное измерение данного проекта). Генеральным секретарем Совета был назначен Халил Акынджи – бывший посол Турции в России. Совет периодически собирается, главной его задачей является взаимодействие на уровне культуры и образования (в марте 2013 г. Генеральный секретарь Совета учредил премию «Гордость тюркского мира», которая будет вы-

дана представителю данного этнокультурного сообщества за достижения в области культуры и искусства в 2014 г.).

В новом издании пантюркистского проекта нет понятий территорий, на которых проживают тюркские народы, акцент делается на государства Центральной Азии и Кавказа, чьи ресурсы способны обеспечить потребности Турции в углеводородном сырье. Взамен турки предлагают свою территорию как транзитную, а также западные технологии в машиностроении, которые были освоены турецкой экономикой. То есть Анкара не вкладывает «в пустую» финансовые средства, как в середине 1990-х гг., и не строит чрезмерно амбициозные планы на данном пространстве, а пытается найти взаимовыгодные сферы сотрудничества, опираясь на культурную общность. При этом Анкара пытается привлечь на свою сторону центральноазиатские элиты путем создания схем по переработке ресурсов с сочетанием личного интереса руководства государств Центральной Азии и Кавказа.

В настоящее время принят флаг ССТС, который имеет четыре символа государственных флагов участников интеграционного проекта. Кроме того, подписаны Соглашение по Финансовым правилам Совета, Соглашение об образовании Тюркской Академии, Соглашение по созданию Фонда поддержки тюркской культуры и тюркского наследия.

В потенциале ССТС заложена скрытая экспансия Турции в данном регионе с одновременным взаимодействием с российско-китайским проектом ШОС. По сути, речь идет о зондировании возможных сфер влияния между Турцией, Китаем и Россией в Центральной Азии и на Кавказе. В то же время важным вопросом в деятельности ССТС является транспортная проблема 10 км общей границы Турции со странами тюркского мира). В связи с этим, главным геополитическим достижением является соглашение в рамках Совета между министерствами транспорта и таможенными органами относительно подготовки и пуска в действие важной железнодорожной магистрали из Турции в Грузию и Азербайджан к Каспийскому морю в Казахстан и Китай. Значение Грузии в данном контексте является чрезвычайно важным для преодоления Турцией естественных препятствий для реализации латентной экспансии в регионе и возможного перехода ее в более агрессивные формы.

Однако в настоящее время экспансия Анкары на постсоветском пространстве проходит главным образом методами «мягкой силы» с применением культурно-информационных методов воздействия на объекты своей политики.

В случае успешной реализации концепции «Стратегической глубины» на Ближнем и Среднем Востоке, Анкара вновь активизирует свою внешнюю политику в «тюркском мире», куда входит и Крым.

Активная реализация турецких планов привела к переформированию российско-турецких отношений в сторону их ухудшения. Пессимистическая оценка динамики двусторонних отношений формулируется таким образом, что в период 2015–2020 гг. между Россией и Турцией может произойти военный конфликт. Оптимистический вариант связан с тем, что развитие экономического сотрудничества перевесит политические, военно-политические и геополитические противоречия между Анкарой и Москвой. После сбитаго российского самолета СУ-24 турецкими ВВС, двусторонние отношения существенно ухудшились. Однако осознание ограниченности турецких ресурсов, что отражено в парадигме Генерального штаба Республики по уклонению от участия в двух с половиной войнах (что является пародированием американских подходов и явным преувеличением возможностей Турции), будет заставлять турецкую элиту искать компромисс с Москвой на стадии реализации своей экспансии на Ближнем и Среднем Востоке. В то же время, если максимально обобщать явные и потенциальные угрозы России, заложенные в политике умеренных исламистов Турции и, следовательно, будущие узлы российско-турецких конфликтов, то необходимо выделить следующие направления двусторонних столкновений:

1) турецкая политика на Ближнем Востоке в рамках доктрины «Стратегической глубины», а особенно по сирийской проблеме, несовместима с российскими внешнеполитическими подходами;

2) турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России;

3) интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии.

Сопоставление «Большого Ближнего Востока» и «Стратегической глубины» дает основание сделать вывод, что турецкая «Стратегическая глубина» в значительной мере блокировала реализацию американского плана «Большой Ближний Восток», который вообще не учитывал российских региональных интересов, и в целом турецкая внешняя политика и региональные амбиции турецких исламистов в данных рамках выгодны России при условии учета вышеперечисленных потенциальных российско-турецких противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ірхін О. Російсько-американські відносини в контексті формування нового світового порядку: етапи, протиріччя, перспективи // Історико-політичні проблеми сучасного світу : збірник наук. статей. Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. Т. 23–24. 272 с.
2. Долгов І.О., Зварич В.Б. «Передова країна» у пошуку своєї ідентичності. Проект США «ширший близький схід»: перспективи для Туреччини // Політика і час. 2004. № 7–8. С. 61–70.
3. Bilici A.N. Will America Bring Democracy to the Middle East // Zaman. 2004. Febr. 19. URL: <http://www.zaman.org>.
4. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2013. 584 s.
5. Ірхін А.А. США і Турція: от співробітництва к конкуренції в Чорноморсько-Каспійському регіоні // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. Науки: економіка, політологія, історія. 2011. № 20 (145). 222 с.
6. Ірхін А.А. США і Турція: стратегічний союз і тактичні розбіжності. Ретроспектива і прогноз. Севастополь : РІБЕСТ, 2016. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 февраля 2018 г.

THE U.S. GREATER MIDDLE EAST INITIATIVE AND THE STRATEGIC DEPTH DOCTRINE OF TURKEY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE BLACK SEA AND THE MEDITERRANEAN SEA REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 98–104.

DOI: 10.17223/15617793/432/12

Aleksandr A. Irkhin, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: alex.irhin@mail.ru

Keywords: USA; Turkish Republic; Russia; Greater Middle East; Strategic Depth; Black and Mediterranean Seas region.

The article describes two foreign policy projects of the USA and the Turkish Republic: the Greater Middle East and the Strategic Depth. Using a system-oriented approach and comparing the foreign policy initiatives of Washington and Ankara, the author uncovers the model of contradictions between the global foreign-policy approach of the USA and the local foreign-policy approach of the Turkish Republic, and identifies the window of Russian opportunities for pursuing national interests in the Near and Middle East that is creating an advantageous balance of forces in the resource-poor setting and is taking advantages of contradictions between the global and local powers. The author is the advocate of the practical politics approach. In this view, the starting point to estimate Russia's geopolitical interests in the Black and Mediterranean Seas region is to estimate what is left after the end of the Soviet period in the development of Russia. From the point of view of a geopolitical approach, after the disintegration of the USSR, Russia lost its personality in the Mediterranean Sea region and was losing it rapidly in the Black Sea basin. The five-day Russian and Georgian conflict in August 2008 and the return of the Crimea in 2014 became the historical turning point. Russia's geopolitical interests in the Black and Mediterranean Seas region are developing based on the following opportunities and mechanisms. First, modern Russian interests in the Black Sea region are based on the prevention of the expansion of the non-regional power (the USA) or the hostile military-political bloc that was achieved before and nowadays due to dividing the spheres of influence with the Turkish Republic. Second, the goal of the modern Russian interests in the Mediterranean Sea region is more complicated due to the lack of resources, and is based on maintaining the after-effect of the USSR influence and creating an advantageous balance of forces. The Turkish Republic is a regional subject that is at the same time an opponent and a partner of Russia in both regions. For Russia, Turkey is as well a key to the Mediterranean Sea region. At the same time, Turkey can be the "cork" blocking Russia in the Black Sea. The Montreux Convention signed in 1936 regarding the regime of the straits is still valid. The author compares the foreign-policy lines of the ruling Justice and Development Party and Russian foreign-policy priorities and discovers a section of mutual Russian and Turkish interests and frames of the contradictions. The research shows that in many aspects the American Greater Middle East plan and the Turkish Strategic Depth foreign-policy doctrine prevented the implementation of the two, which resulted in a window of opportunities for Russia's foreign policy in this region.

REFERENCES

1. Irkhin, A. (2011) Russian-American relations in the context of the formation of a new world order: stages, contradictions, prospects. In: *Historical and political problems of the modern world*. Vols 23–24. Chernivtsi: Chernivtsi National University. (In Ukrainian).
2. Dolgov, I.O. & Zvarich, V.B. (2004) "The advanced country" in search of its identity. US project "Greater Middle East": Perspectives for Turkey. *Politika i chas*. 7–8. pp. 61–70. (In Ukrainian).
3. Bilici, A.H. (2004) Will America Bring Democracy to the Middle East. *Zaman*. Febr. 19. [Online] Available from: <http://www.zaman.org>.
4. Davutoğlu, A. (2013) *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic Depth. Turkey's international position]. Istanbul.
5. Irkhin, A.A. (2011) SShA i Turtsiya: ot sotrudnichestva k konkurentssii v Chernomorsko-Kaspiyskom regione [USA and Turkey: from Cooperation to Competition in the Black Sea-Caspian Region]. *Naukoviy visnik. Odes'kyy derzhavniy ekonomichniy universitet. Vseukrains'ka asotsiatsiya molodikh naukivtsiv. Nauki: ekonomika, politologiya, istoriya*. 20 (145).
6. Irkhin, A.A. (2016) *SShA i Turtsiya: strategicheskyy soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz* [USA and Turkey: a strategic alliance and tactical differences. Retrospective and forecast]. Sevastopol: RIBEST.

Received: 03 February 2018

ТЕАТР ТОФ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 30-е гг. XX в.

Статья посвящена становлению театра офицеров флота (ТОФ) в 30-е гг. XX в. На основе архивных материалов рассматривается деятельность Краснофлотского театра в условиях постоянной военной угрозы со стороны Японии и капиталистических стран Запада. Освещается влияние органов политического управления на репертуар театра, которое ведет активную пропагандистскую работу в Красной Армии и на Флоте. В эти годы театр становится одним из самых мощных инструментов политической пропаганды и агитации. Кроме того, уделяется внимание проблеме организации творческой работы театра в условиях нехватки профессиональных кадров среди актеров и режиссеров.

Ключевые слова: театр; героико-патриотический репертуар; спектакль; пьеса; гастроли; военные театры; Дальний Восток; политуправление; агитация; пропаганда.

В последнее время в отечественной исторической науке заметно увеличился интерес к проблемам духовного состояния социума. Сегодня историко-культурная тематика приобретает особое значение и становится одним из определяющих факторов идеологической сферы жизни общества. В связи с этим важное место в исследованиях занимают вопросы культурной политики государства, роли культуры в формировании и развитии общественного уклада, и в частности вооруженных сил.

В первой половине 30-х гг. советское военно-политическое руководство в связи с широкомасштабной военной экспансией Японии в Китае предпринимало комплекс мер по наращиванию оборонного потенциала на Дальнем Востоке. Одним из наиболее угрожаемых направлений считалось приморское, включавшее Приморскую и Уссурийскую области (Приморье) Дальневосточного края [1].

Весной 1932 г. советским правительством было принято решение о создании в кратчайшие сроки Военно-морских сил Дальнего Востока (далее МСДВ). В 1933–1934 гг. Морские силы пополняются новыми кораблями, подводными лодками, на оборонительном строительстве задействованы 43 тыс. бойцов и командиров строительных батальонов и 25 тыс. вольнонаемных рабочих [2. С. 317–322]. Строительство флота шло быстрыми темпами. Для укрепления оборонительного потенциала востока страны привлекались огромные финансовые ресурсы [3. С. 127]. К началу 1935 г. Морские силы Дальнего Востока настолько выросли, что стали фактически представлять собой вполне организационно оформленный военно-морской флот [4]. Исходя из этого, 11 января 1935 г. Приказом НКО СССР № 9 наименование морских сил морей было изменено. Морские силы Дальнего Востока были реорганизованы в Тихоокеанский флот [5. С. 23].

Одновременно шла идеологическая подготовка населения к обороне, выражающаяся в доведении до военнотружущих идей и задач военного строительства, мобилизации личного состава на решение военных, социальных и политических задач.

В ведение Политуправления РККА входила вся политически-просветительская и агитационная работа в Красной Армии и Флоте. Политорганы направляли свою работу на разъяснение личному составу решений партии и правительства, на пропаганду успехов

советского народа в строительстве социализма, военных и военно-технических знаний. С этой целью широко использовались разнообразные формы работы: собрания, митинги, тематические вечера, художественная литература, кино, радио, театр [6]. Так, в первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке складывается государственная сеть театров. Только в Приморье в двухгодичный срок количество профессиональных театров выросло с двух до девяти. К тому же политуправление РККА в начале 1934 г. поставило перед общественностью театра вопрос об участии Большого театра в культурно-художественном обслуживании частей ОКДВА и Морских сил Дальнего Востока. С этого времени ведется шефская работа мастеров искусств среди работников и командиров Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) [7].

Театр становится одним из сильнейших инструментов политической агитации, значительным и ярким явлением в культурной жизни дальневосточников. В апреле 1932 г. по распоряжению начальника политуправления Морских сил Дальнего Востока А.А. Бульжжина первые артисты будущего Краснофлотского театра прибыли во Владивосток на базу Дома Красной Армии и Флота, который обслуживал личный состав Морских сил Дальнего Востока еще с апреля 1926 г. [8]. Это были матросы, старшины и офицеры, имевшие театральное образование, а также наиболее талантливые участники художественной самостоятельности. Политуправление настаивало на формировании труппы исключительно из опытных актеров, а руководство Дома КАФ предлагало развивать театр на базе самостоятельности.

В сентябре 1932 г. начальником театра назначен старший политрук И.М. Старков, а художественным руководителем режиссер Центрального Дома Красной Армии А.И. Лавров, командированные во Владивосток для организации Краснофлотского театра. Они предложили организовать коллектив в составе 20 человек на базе молодых профессиональных актеров, не имеющих театрального опыта. В труппу также вошли и несколько актеров, имеющих достаточно богатый опыт работы в театрах. Так из актеров разных школ и направлений сформировался новый коллектив.

Артист Малащенко вспоминает: «Первой нашей работой была “Флот в песнях” Вс. Вишневского в по-

становке режиссера ЦДКА товарища Лаврова. Спектакль шел везде с большим успехом, и с ним мы выехали в Западную и Восточную Сибирь. Затем в отдельные гарнизоны северного побережья. Выступать пришлось в казармах, на строительных участках, приходилось работать на морозе, на сильном северном ветру» [9].

После возвращения во Владивосток режиссер А.И. Лавров уходит из театра, мотивируя это тем, что он сторонник стационарного театра, где наряду с работой над спектаклями должна вестись постоянная студийная работа. К этому времени театр все еще не был организационно-штатно оформлен, отсутствовало собственное помещение и какая-либо материально-техническая база. В политуправлении понимали, что без утверждения штата театр так и будет оставаться самодеятельным, не профессиональным. Начальник политуправления МС ДВ А.А. Булыжкин в политдонесении в ПУ РККА от 22 сентября 1932 г. ходатайствовал об организационно-штатном оформлении существующего уже Краснофлотского театра» [10. Л. 56].

Вскоре, 10 ноября 1932 г., А.А. Булыжкин снова докладывает в ПУ РККА: «Краснофлотский театр, организованный Политуправлением при Доме Красной Армии и Флота во Владивостоке, за счет некомплекта личного состава на Морских Силах Дальнего Востока, выполняет в основном всю работу по культурному обслуживанию личного состава Морских Сил и гарнизона не только в городе, но и в местах расположения частей флота, береговой обороны, авиации, так как городские организации, за исключением небольшого стационарного театра в городе, ничего не имеют и не в состоянии удовлетворить даже минимальные запросы МС ДВ и гарнизона» [Там же. Л. 82].

Спустя некоторое время, на VII пленуме Далькрайкома ВДКМС, было рекомендовано собрать средства на содержание во Владивостоке театра для Морских сил Дальнего Востока в сумме 75 тыс. рублей [Там же. Л. 90]. В 30-е гг. главный режиссер Центрального театра Красной Армии А.Д. Попов выдвинул формулировку работы военного театра – «Театр Красной Армии творит не только об Армии, но и для Армии». В соответствии с этим заявлением начинает выстраиваться работа военных театров не только на Дальнем Востоке. Вскоре в театр приходит новый режиссер А.Б. Степанцев, идейно-художественные принципы которого, интерес к флотской тематике совпадали с принципами работы военного театра. Коллектив взял в работу пьесу «Разлом» Б. Лавренева. Премьера спектакля состоялась 8 января 1933 г. Это была первая серьезная заявка театра, в которой была выражена его творческая программа.

В приказе Политуправления Морских сил Дальнего Востока № 3 от 13 января 1933 г. отмечалось, что смотровой вечер «показал хорошую работу всего коллектива краснофлотского театра, подтвердил еще раз, что молодой Краснофлотский театр «...упорной, настойчивой работой добился умения культурно и созидательно обеспечивать в художественной форме отдых личного состава Морских Сил Дальнего Востока» [Там же. Л. 65].

Зимой и весной 1933 г. спектакли театра шли ежедневно в зале Дома Красной Армии и Флота, дневные

спектакли ставились в частях Владивостокского гарнизона. К летним гастролям театр взял для постановки два спектакля: «Служили два товарища» и «Мятеж». Однако труппа была настолько загружена, что для репетиций времени практически не оставалось. С января по май 1933 г. только на базе спектакли «Разлом» Лавренева и «Флот в песнях» Вишневого прошли более чем 50 раз, а с выездами – 80 раз. Летом 1933 г. начались гастроли театра по побережью Тихого океана от залива Посыет до залива Де-Кастри с заходом на Сахалин.

Помимо того, что коллектив театра должен был вести агитационно-пропагандистскую деятельность, артисты также должны были в обязательном порядке изучить материальную часть корабля, на котором им предстояло совершать переходы, выучить с командой строевые песни, развернуть боевую работу по вербовке на сверхсрочную службу и закончить во время похода и гастролей работу над новыми спектаклями «Служили два товарища» и «Мятеж».

Первая годовщина и успешное завершение летних гастролей были отмечены специальным приказом РВС МС ДВ от 1 сентября 1933 г. [11]. Коллектив взял в работу одновременно две сложные пьесы: «Матросы из Катарро» Вольфа и «Мстислав удалой» И. Прута. Для такой работы не хватало актеров, в особенности малочислен был женский состав, театрального имущества, реквизита. Причиной всему было то, что театр до того времени не был штатно оформлен. В сентябре 1933 г. А.А. Булыжкин в докладной записке начальнику Политуправления РККА Я.Б. Гамарнику вновь просит об организации при Доме Красной Армии и Флота во Владивостоке штатного Краснофлотского театра, «работа которого в течение полутора лет вполне оправдала себя» [10. Л. 79].

Приказом РВС СССР № 167 от 2 октября 1933 г. и указанием ПУ РККА № 200 был официально создан уже существовавший в течение полутора лет Краснофлотский театр Морских сил Дальнего Востока в количестве 30 человек [Там же. Л. 59–60]. Театр пополнил труппу, был поставлен на все виды довольствия, за короткий срок закончил работу и в день 16-й годовщины Великой Октябрьской революции показал премьеру спектакля «Матросы из «Катарро» по пьесе Вольфа. Новый сезон 1934 г. для театра стал поворотным – от полусамостоятельного к профессиональному.

В работу были взяты пьесы «Мстислав удалой» И. Прута, «Чужой ребенок» Шкваркина, «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Заместитель начальника театра Р. Мороз вспоминает: «Премьера спектакля “Мстислав удалой” состоялась в помещении Дома Красной Армии и Флота. Переполненный зрителями зал тепло принял спектакль. Бурные аплодисменты и овации не смолкали в течение 10–15 минут, но вдруг по залу прошел гул. Аплодисменты начали смолкать, но весь зрительский зал чего-то ждал. А ждали они, что командование флота, вернее член РВС начальник Политуправления МС ДВ, армейский комиссар 2-го ранга Г.С. Окунев выйдет, как обычно, после премьеры на сцену, произнесет речь и поблагодарит коллектив театра, но такого не произошло. Он встал и ушел. Все остались в недоумении, не поняли причину такого поступка Г.С. Окунева [12]».

На следующий день стало известно, что Г.С. Окунев недавно прибыл из Москвы, где смотрел спектакль «Мстислав удалой» в постановке Ю. Завадского, главного режиссера Центрального театра Красной Армии. Спектакль, поставленный там, был задуман и решен, в отличие от постановки театра флота, как «оптимистическая трагедия», а режиссер А.Б. Степанцев сосредоточил свое внимание в основном на батальных сценах. Поэтому пьеса, написанная в ключе психологизма и героики, прозвучала как неизбежная трагедия бойцов, попавших в кольцо окружения, а человеческие судьбы раскрыты не были. Г.С. Окунев не принял работу тихоокеанцев и после спектакля провел беседу со А.Б. Степанцевым и постановочным коллективом. В результате спектакль был переработан и еще долгое время шел на сцене театра, но А.Б. Степанцев из театра ушел, и коллектив снова остался без художественного руководства.

«По личному приказанию члена РВС начальника Политуправления МС ДВ армейского комиссара 2-го ранга Г.С. Окунева Краснофлотский театр в период с 3 по 24 июня 1934 г. занят подготовкой спектакля “Чужой ребенок” по пьесе Шкваркина» [10. Л. 68]. Режиссуру и постановку спектакля осуществлял Б.М. Сысоев. 24 июня в Доме Красной Армии и Флота состоялась премьера. За образцово-ударную работу в постановке спектакля «Чужой ребенок» была объявлена благодарность режиссеру-постановщику и начальнику театра Б.М. Сысоеву, М.Н. Васильеву – дирижеру оркестра и всему актерскому составу [Там же. Л. 72].

На летние гастроли театр выехал, имея в репертуаре пять спектаклей: «Флот в песнях» Вс. Вишневского, «Разлом» Б. Лавренева, «Матросы из Катарро» Вольфа, «Мстислав удалой» И. Прута, «Чужой ребенок» Шкваркина. Гастроли проходили во многих гарнизонах Приморья, на Сахалине, в Хабаровске на базе Амурской флотилии. Коллектив в течение двух дней помогал колхозникам Шкотовского района деревни Царевка в сенокосе.

Новый театральный сезон 1934–1935 гг. открылся в день 17-й годовщины Великого Октября премьерой спектакля «Гибель эскадры» по пьесе Корнейчука. К моменту открытия нового сезона, по ходатайству Г.С. Окунева перед ПУ РККА, в театр прибыло новое руководство: художественный руководитель Н.И. Леготин и режиссеры В.И. Егоров и Б.И. Коврижных. Все режиссеры закончили режиссерский факультет ГИТИС по классу заслуженного деятеля искусств РСФСР И.Я. Судакова. С приходом нового художественного руководства начался новый период в жизни театра.

Почти ежедневно шли спектакли театра на его основной базе – в Доме Красной Армии и Флота им. Я.Б. Гамарника. Следуют премьеры: «Чудесный сплав» В. Киршона, «Я вас люблю» И. Прута, «Аристократы» Н. Погодина. Газета «На боевой вахте» в рецензиях на спектакли театра отмечает растущее мастерство актеров, режиссеров, умение руководства коллектива подбирать пьесы разных жанров. Однако периодически указывает и на недостатки в работе театра, в первую очередь – отсутствие пьесы о моряках-тихоокеанцах. Начальник политуправления флота

Г.С. Окунев проводит неоднократные творческие совещания с задачей создания пьесы или театрального представления о моряках-тихоокеанцах.

Новый сезон 1935–1936 гг. открылся 18 октября постановкой «Платона Кречета» А. Корнейчука. В пьесе драматург создал образ нового советского интеллигента-гуманиста, неутомимого искателя правды. Талантливый хирург Платон Кречет работает в больнице, спасает людей и думает о том, как продлить человеку жизнь. «Произведение о человеческих чувствах, о красоте любви, дружбе, о неповторимости личного счастья» [13].

Так, в рецензии Н. Вагина на спектакль «Платон Кречет» от 21 октября 1935 г. под названием «Победа актера», говорилось о том, что спектакль явился «несомненным достижением театра, крупным шагом вперед. Этой постановкой театр выдержал экзамен па художественную зрелость» [14].

Художественный руководитель театра Н.И. Леготин в газете, в статье, посвященной открытию 4-го сезона, определил главные направления деятельности коллектива: первое – создание полноценного репертуара, второе – повышение культуры спектаклей, поднятие уровня актерского мастерства [15]. В репертуар нового сезона вошли «Мастерство любимых» А. Арбузова, «Разгром» (инсценировка по роману А. Фадеева), «Далекое» А. Афагенова, «Лес» А. Островского, «Начало жизни» Л. Первомайского. 17 мая 1936 г. театр отметил 4-летие со дня основания. Это был большой праздник всего Тихоокеанского флота. Командующий флотом, флагман флота первого ранга М.В. Викторov отметил огромный вклад коллектива театра в дело воспитания моряков-тихоокеанцев, трудящихся Владивостока и Приморья. Газета «На боевой вахте» [16] почти целиком была посвящена юбилею. В статье «Театр в цифрах» говорилось о том, что за 4 года только в Доме Красной Армии и Флота им. Я.Б. Гамарника театр показал 123 спектакля и дал 45 концертов для моряков. На кораблях, в частях и гарнизонах флота было дано 163 концерта. Число же обслуженных за эти годы краснофлотцев, командиров, красноармейцев, пограничников, семей военнослужащих, рабочих новостроек и предприятий края превысило 200 тыс. человек.

В конце мая 1936 г. театр поставил комедию К. Гольдони «Слуга двух господ» и 9 июня в полном составе выехал на гастроли в пограничные с Китаем районы для обслуживания личного состава погранотрядов. Гастроли театра продолжались месяц. Помимо спектаклей и концертов, на местах оказывалась помощь краснофлотской и солдатской самодеятельности, что было обязательной задачей творческого коллектива [17]. Новый сезон 1936–1937 гг. театр открыл 29 октября 1936 г. спектаклем «На дне» А.М. Горького. Так коллектив почтил память умершего в июне 1936 г. пролетарского писателя.

Режиссер Н.И. Леготин наметил на сезон еще одну классическую постановку – «Горячее сердце» А.Н. Островского, к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина задумана была театрализованная программа с отрывками из «Бориса Годунова» и «Дубровского». В конце сезона театр обратился к поста-

новке большого полотна – к пьесе К. Тренева «Любовь Яровая», действие которой происходит в годы Гражданской войны в Крыму. Этим спектаклем в новом сезоне театр должен был отметить 20-ю годовщину Октябрьской революции.

Газета «На боевой вахте» в статье от 21 июня 1937 г. «Неудача в главном» [18] дала критическую оценку спектаклю «Любовь Яровая». Автор статьи В. Московский указывал на слабое идейное раскрытие пьесы, на неглубокое раскрытие основных образов, в первую очередь – Любви Яровой в исполнении артистки Винтовкиной. Отмечалось, что отрицательные герои пьесы были сыграны лучше и профессиональнее.

Волна репрессий не обошла Тихоокеанский флот. В мае 1937 г. был отозван в Москву и вскоре репрессирован командующий флотом флагман 1-го ранга М.В. Викторов. Одновременно были арестованы член Военного Совета флота, комиссар 2-го ранга Г.С. Окунев, командующий ВВС флота комдив Л.И. Никифоров, заместитель начальника политуправления, дивизионный комиссар М.В. Лавров. В 1938 г. произошла крупная организационная и творческая перестройка всей жизни театра. В июне 1937 г. театр еще выезжал на гастроли в один из отдаленных гарнизонов, пограничных с Китаем [19]. Гастроли прошли успешно, но резонанс, который произвела статья В. Московского, в дальнейшем приводит к тому, что театр практически прекращает свою деятельность до конца 1938 г. Коллектив театра надолго остался без художественного руководства. Руководители театра – Н.И. Леготин, Б.И. Коврижных и В.И. Егоров – были вынуждены уйти из театра.

Политуправление флота, обеспокоенное таким положением дел, вело активные поиски нового художественного руководителя, способного объединить коллектив после периода «разброда и шатаний», характерного для любого театра, остающегося без руководства. В мае 1938 г. в театр ТОФ был приглашен старший политрук Диомид Диомидович Ковальский, прежде работавший начальником и художественным руководителем театра Особого корпуса железнодорожных войск РККА в городе Ворошилов-Уссурийске [10. Л. 10]. Приняв театр, он был командирован в Москву для пополнения труппы новыми актерами и поиска нового главного режиссера театра.

Подобные вопросы решались на уровне главного политического управления и всесоюзного комитета по делам искусств. Итогом этой поездки стало приглашение главным режиссером талантливого зрелого мастера – режиссера Я.С. Штейна, ученика А.Д. Дикого, известного советского актера и режиссера. Было подобрано и интересное пополнение в труппу. В Москве же был определен репертуар нового сезона, который решили открыть 29 октября 1938 г. В репертуар были включены и пьесы героико-патристического плана, и современные названия, и классика: «Падь Серебряная» Н. Погодина, «Адмирал Нахимов» К. Луковского, «Кубанцы» Робко, «Ревизор» Н. Гоголя, «Тартюф» Мольера, «Мачеха» О. Бальзака.

В этот период труппу в большинстве своем составляли молодые актеры, которые нуждались в режиссере-педагоге. Для этой цели в театр был пригла-

шен мхатовский воспитанник, режиссер Киевского театрального института А.И. Лакшин. Он привез с собой группу своих учеников, и в дальнейшем возглавил созданную при театре студию. В 1938 г. политуправление флота направило коллектив театра в район боевых действий у озера Хасан, где в перерывах между боями солдаты и офицеры смотрели концертную программу театра. В телеграмме секретаря Далькрайкома ВКП(б) Соболева и командующего первой отдельной Краснознаменной Армией Г.М. Штерна было сказано: «Гордимся замечательной работой коллектива концертной бригады театра ТОФ среди бойцов и командиров в районе озера Хасан, героизмом женщин – участниц коллектива...» [20].

29 октября, точно в срок, состоялась премьера спектакля «Падь Серебряная» Н. Погодина в постановке Я. Штейна, ровно через месяц вышла «Мачеха» О. Бальзака в постановке А. Лакшина, затем – «Кубанцы» Робко в постановке Я. Штейна и «Тартюф» Мольера в постановке Д.Д. Ковальского. Газеты называли этот период «вторым дыханием» театра, вторым его рождением на более профессиональной основе. В 1940 г. в театр пришел заслуженный артист РСФСР В.И. Москвин, сын знаменитого мхатовца И.М. Москвина, что еще больше укрепило авторитет краснофлотского театра. Вслед за ним театр пополнила целая группа актеров московских и ленинградских театров, среди них Г. Певцова, дочь известного актера И. Певцова, Л. Мгеброва. Был приглашен художник Большого театра СССР М.М. Сапегин, чьи работы отличались широтой диапазона. Сапегина называли мастером монтажа сценического оформления.

Эти предвоенные годы были очень плодотворны в жизни и работе театра и по репертуару, и по возросшим творческим возможностям коллектива. К концу сезона, перед гастролями, были поставлены «В степях Украины» А. Корнейчука, «Нора» Ибсена, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылипа, «Женитьба Белугина» А. Островского. Сезон закончился в мае, после чего начались очередные гастроли Краснофлотского театра. Период становления Краснофлотского театра на Дальнем Востоке в 30-е гг. можно назвать одним из самых напряженных этапов в его творческой жизни. Являясь инструментом реализации постановлений советского правительства в вопросах агитационно-пропагандистской работы в войсках Дальневосточного военного округа, театр должен был отвечать ряду очень высоких требований, которые ставило перед ним Политуправление.

Огромное значение предавалось репертуару, выбору пьес для постановки. При этом члены Политуправления зачастую давали весьма необъективную оценку спектаклей, поскольку не обладали достаточными знаниями в вопросах сценического искусства. В результате чего многие постановки, над которыми театр трудился в течение долгого времени, были не приняты и исключены из репертуара. К тому же в период 1937–1938 гг. прессинг необоснованных государственных репрессий был настолько силен, что значительно затронул не только многих военачальников, около половины командиров и около одной трети военных комиссаров полков, но и работников учрежде-

ний культуры. Коллектив театра вел свою работу, находясь в постоянном напряжении. Смена руководства вносила смятения и, конечно, подрывала его моральный дух, поэтому долгое время не удавалось заложить крепкий фундамент будущей творческой работы флотского театра. Тем не менее, обращая внимание на поставленные пьесы, мы можем наблюдать не только отражение жанровой специфики военного театра, но и специфики времени вообще. Когда через сценическое искусство государство внедряло социальный поведенческий стандарт «советского воина» или «простого советского человека», честно выполняющего свой долг в тылу и на фронте.

Агитационно-пропагандистская работа в рассматриваемый период была одной из главных составляющих всей воспитательной работы, которую вел театр в условиях быстрого роста численности личного состава, соединений и частей флота. Политика государства по наращиванию оборонного потенциала на Дальнем Во-

стоке требовала высокой мобильности театра. Он обслуживал весь Дальневосточный военный округ, самые отдаленные воинские части, гарнизоны и погранзаставы. Гастроли порою длились по 6–7 месяцев в году.

Учреждение Краснофлотского театра явилось своевременной мерой, поднявшей на новый уровень социально-культурную сферу жизни Дальневосточного региона. С его помощью руководство страны оказывало влияние на личный состав флота и постоянно воздействовало на него, формировало общественное мнение в вопросах внутренней и внешней политики партии и государства. В 30-е гг. XX в. Краснофлотский театр прошел длительный и сложный путь исторического становления и развития, в процессе которого происходило его жанровое обогащение, менялись и варьировались формы деятельности, обновлялись цели и задачи. Сегодня исторические данные позволяют оценить огромный вклад театра в развитии общества и вооруженных сил Дальнего Востока России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко К.Ю. Развитие военной группировки в Приморье в 1931 – первой половине 1938 года // Военно-исторический журнал. 2016. № 4.
2. Зайцев Ю.М. Флагман флота 1 ранга М.В. Виктор – организатор строительства Тихоокеанского флота СССР (1932–1937) // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности (Шестые Куршановские чтения, 2009 г.). Владивосток, 2011. С. 317–322.
3. Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. Хабаровск, 1982. С. 127.
4. Бородин А.В. Флот России на Тихом океане. Владивосток, 2006.
5. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 23.
6. Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко-теоретический очерк. М.: Воениздат, 1984. С. 149.
7. Зелов Н.С. Шефская работа мастеров искусств среди бойцов и командиров Особой Дальневосточной армии. Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html
8. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. Р-1069. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.
9. На боевой вахте // Боевая вахта. 1936. 17 мая.
10. РГА ВМФ. Ф. Р-1012 Оп. 2. Д. 1.
11. Приказ начальника Владивостокского Дома Красной Армии и Флота № 42 от 1 сентября 1933 г.
12. Семейный архив бывшего зам. начальника театра подполковника в отставке Мороз В.И.
13. Театр. Платон Кречет. URL: <http://www.culture.ru/movies/1047>
14. Победа актера // Красное знамя. 1935. 21 окт.
15. Открытие сезона // Красное знамя. 1935. 20 окт.
16. Театр в цифрах // На боевой вахте. 1936. 17 мая.
17. Гастроли Краснофлотского театра // На боевой вахте. 1936. 11 июля.
18. Московский В. Неудача в главном // На боевой вахте. 1937. 21 июня.
19. Максидов А.А. Очерки истории. Советская Гавань. 1983. С. 20.
20. Комсомол КТОФ. Владивосток: Дальневосточ. изд-во, 1970. С. 131.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 февраля 2018 г.

THE PACIFIC FLEET THEATER IN THE SYSTEM OF POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK OF THE FAR EAST IN THE 1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 105–110.

DOI: 10.17223/15617793/432/13

Elena V. Kishchik, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: yelena_kishchik@mail.ru

Keywords: theater; patriotic repertoire; performance; play; tour; army theaters; Soviet Far East; Political Department; agitation; propaganda.

The aim of this article is to determine the role of the Red Banner Pacific Fleet Theater in the historical development of the Far East, its interaction with society in the context of ensuring the interests of the state. The article is devoted to the formation of the Red Banner Pacific Fleet Theater in the 1930s. In this period, the theater became one of the most powerful instruments of political propaganda. With the rapid increase in troops and with the threat of war in the Far East, propaganda work in the army and fleet in the 1930s became very important. The management of the Political Department, the central military and political authorities all participated in the educational and propaganda work in the Red Army and Fleet. Based on this, issues of the ideological struggle with the enemy must be considered together with the problems of the whole complex of the activities of councils of war and political authorities of the Red Army. In historical retrospect, on the basis of archival materials, official statements and relevant media publications, the activities of the Red Banner Pacific Fleet Theater are considered as important factors of the spiritual and moral development and upbringing of not only the soldier but also the civilian population of the Far East. This problem is little covered in historical science. The author notes that the theater had a significant influence on the formation of the world outlook system of the Far East. Within the framework of cultural construction, the author characterizes the activities of the theater as one of its effective instruments. The author

analyzes the influence of the Political Department on the repertoire of the theater. The repertoire was given great importance, since the main objective of the theater during this period was the formation of a correct political orientation of the personnel of the military units of the Pacific Fleet and the Soviet Army. Therefore, the staged plays indicate not only the reflection of the genre specificity of the theater, but also the specifics of the time. Thanks to theatrics, the state implemented social behavioral standards of the “soviet soldier” or the “soviet person”, who faithfully fulfill their duty in the rear and at the front. These heroes were “models”; thus, the viewer’s spiritual search was facilitated. The Political Department understood how theatrics affected the viewer, especially if events underlying dramatic works were of great importance. In the article, attention is also paid to the problem of organizing the creative work of the theater with a lack of professional staff among actors and directors. A conclusion is justified that the establishment of the Red Banner Pacific Fleet Theater was a timely measure, raising the socio-cultural sphere of life of the Far Eastern region to a new level.

REFERENCES

1. Kolesnichenko, K.Yu. (2016) Razvitie voennoy gruppirovki v Primor’e v 1931 – pervoy polovine 1938 goda [The development of the military grouping in Primorye in 1931 – the first half of 1938]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 4.
2. Zaitsev, Yu.M. (2011) Flagman flota 1 ranga M.V. Viktorov – organizator stroitel’sstva Tikhookeanskogo flota SSSR (1932–1937) [The flagship of the fleet of rank 1 M.V. Viktorov, organizer of the construction of the Pacific Fleet of the USSR (1932–1937)]. In: Gallyamova, L.I. (ed.) *Rossiia na Tikhom okeane: rol’ lichnosti v stanovlenii rossiyskoy gosudarstvennosti (Shesty Kurshanovskie chteniya, 2009 g.)* [Russia in the Pacific: the role of the individual in the formation of Russian statehood (Sixth Kurshanov Readings, 2009)]. Vladivostok: Dal’nauka
3. Gogolev, A. (ed.) (1982) *Ocherki istorii dal’nevostochnykh organizatsiy KPSS* [Essays on the history of the Far Eastern organizations of the CPSU]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn.izd-vo.
4. Borodin, A.V. (2006) *Flot Rossii na Tikhom okeane* [The Russian Fleet in the Pacific]. Vladivostok: Dal’nauka.
5. Knyaz’kov, A.S. et al. (2007) *Voennyi sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. Dekabr’ 1934 g.: dokumenty i materialy* [Military Council under the People’s Commissar of Defense of the USSR. December 1934: documents and materials]. Moscow: ROSSPEN
6. Isakov, P.F. et al. (1984) *Politorgany Sovetskikh Vooruzhennykh Sil: Istoriko-teoreticheskiy ocherk* [Political agencies of the Soviet Armed Forces: Historical and theoretical essay]. Moscow: Voenizdat.
7. Zelov, N.S. (n.d.) *Shefskaya rabota masterov iskusstv sredi boytsov i komandirov Osoboy Dal’nevostochnoy armii* [The work of art experts among fighters and commanders of the Special Far Eastern Army]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html.
8. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund P-1069. List 2. File 1. Page 43. (In Russian).
9. Boevaya vakhta. (1936) Na boevoy vakhte [On the military watch]. Boevaya vakhta. 17 May.
10. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund P-1012 List 2. File 1. (In Russian).
11. Order of the Chief of the Vladivostok House of the Red Army and Fleet No. 42 of September 1, 1933. (In Russian).
12. Family archive of the former deputy head of the Theater Lieutenant Colonel in retirement Moroz V.I. (In Russian).
13. Culture.ru. (n.d.) *Teatr. Platon Krechet* [Theater. Plato Krechet]. [Online] Available from: <http://www.culture.ru/movies/1047>.
14. Krasnoe znamya. (1935) Pobeda aktera [Victory of the actor]. *Krasnoe znamya*. 21 October.
15. Krasnoe znamya. (1935) Otkrytie sezona [Opening of the season]. *Krasnoe znamya*. 20 October.
16. Na boevoy vakhte. (1936) Teatr v tsifrakh [Theater in numbers]. *Na boevoy vakhte*. 17 May.
17. Na boevoy vakhte. (1936) Gastrol’i Krasnoflotskogo teatra [Tour of the Red Fleet Theater]. *Na boevoy vakhte*. 11 July.
18. Moskovskiy, V. (1937) Neudacha v glavnom [The failure in the main]. *Na boevoy vakhte*. 21 June.
19. Maxidov, A.A. (1983) *Ocherki istorii* [Essays on history]. Sovetskaya Gavan’: Izd-vo otdela kul’tury Sovetsko-Gavanskogo gorispolkoma.
20. Zakharov, M.N. (ed.) (1970) *Komsomol KTOF* [Komsomol of the Red Banner Pacific Fleet]. Vladivostok: Dal’nevostochnoe izdatel’sтво.

Received: 23 February 2018

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (1970–1985 гг.)

Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтай в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

Осуществлен исторический анализ процесса становления и функционирования аграрно-промышленного комплекса Алтайского края в 1970–1985 гг. Исследована концепция развития экономики края на весь период 1970-х гг., отражен комплексный подход плановых и хозяйственных органов к развитию производительных сил Алтая, выделена особенность структурных изменений в развитии и размещении промышленных производств, составляющих специализированные грани комплекса.

Ключевые слова: Алтайский край; аграрно-промышленный комплекс; модернизация; промышленность; промышленная политика; территориально-промышленный комплекс.

На современном этапе основой формирования промышленной политики России является стратегия инновационной модернизации экономики, устанавливающая этапные задачи, исходя из общих закономерностей функционирования отечественного хозяйства, состояния его воспроизводственной базы, тенденций изменения рыночной конъюнктуры для обеспечения конкурентоспособности, устойчивости развития и безопасности страны. Кроме того, в настоящее время в России реализуется стратегия кластерного развития промышленности [1]. В Алтайском крае созданы и функционируют четыре кластера: биофармацевтический; аграрного машиностроения; энергомашиностроения и энергоэффективных технологий; полимерный композитный [2]. Промышленный кластер позволяет сформировать точки роста промышленного потенциала в регионе и является одним из инструментов территориального развития промышленности. Однако при создании промышленного кластера нередко возникают проблемы, в числе которых, например, недостаточный уровень кооперации, низкоэффективная коммуникация между предприятиями – потенциальными участниками кластера; низкая вовлеченность органов государственной власти субъекта РФ в формирование и управление кластером; нехватка средств на реализацию совместных проектов и др. Поэтому при разработке методических основ формирования общероссийской эффективной стратегии промышленной политики в целом и кластерной в частности, а также для разрешения возникающих проблем, необходимо учитывать советский социально-экономический опыт размещения производительных сил в отдельных регионах, в частности функционирования территориально-промышленных комплексов (ТПК) в 1970–1985 гг.

В советский период к вопросу изучения ТПК в 1970–1985 гг. не раз обращались региональные исследователи. Промышленные комплексы Сибири были изучены М.Э. Аджиевым, Л.В. Леонтьевой [3], А.А. Долголюк, А.И. Тимошенко [4]. Однако данная тема по материалам Алтайского края не становилась предметом отдельного научного анализа, а входила составной частью в более общие по тематике работы. Частично данные по теме содержатся в крупных энциклопедических изданиях [5] и юбилейных обобщаю-

щих трудах, посвященных истории края [6]. Некоторые исследователи обращались к изучению промышленной политики края [7] и города Барнаула [8]. Организацию управления промышленным производством в крае в указанный период исследовал С.П. Лякишев [9]. Ряд авторов анализировали состояние предприятий отдельных отраслей промышленности, входящих в ТПК, таких как легкая [10], энергетическая [11], золотодобыча [12]. Е.Н. Курсакова изучала вопросы влияния соревнования и рационализаторства на эффективность производства [13]. Кроме историков, аспекты данной темы рассматривали публицисты [14] и экономисты. Промышленное развитие региона Алтая в эпоху научно-технических революций исследовал Н.И. Дятчин [15], оценить промышленность Алтая конца XIX – начала XX в. с точки зрения экономиста постарался В.А. Бородин [16].

Каждому этапу развития производительных сил СССР всегда соответствовал исторически определенный тип их пространственного размещения и территориальной организации. Ведущей формой размещения и развития советской экономики в 1970–1985 гг. были ТПК, процесс формирования которых с наибольшим размахом развернулся в Сибири.

Промышленный комплекс – это своеобразное по структуре и специализации взаимообусловленное сочетание органически связанных между собой предприятий (и производств) на определенной территории в соответствии с особенностями ее экономических и природных условий и транспортно-географического положения, обеспечивающее достижение максимального экономического эффекта, т.е. получение заданного объема продукции при минимальных приведенных затратах [4. С. 13]. Таким образом, основными признаками промышленного комплекса являются: взаимообусловленность сочетающихся предприятий; привязка предприятий к определенной территории; соответствие производственно-территориального сочетания местным экономическим и природным условиям; достижение необходимого экономического эффекта.

Структуру единого народнохозяйственного комплекса страны в этот период формировали различные ТПК, выступающие в ранге экономического района, подрайона, промышленного узла, аграрно-промышленного комплекса, производственного, научно-

производственного объединения и т.д. Все сибирские комплексы в 1970–1985 гг., например, характеризовались особой масштабностью и динамикой освоения природных ресурсов, высокой концентрацией науки и производства, активной социальной мобильностью трудовых ресурсов, сложностью формирования производственной и социальной инфраструктуры. Однако, несмотря на общие черты, ТПК, безусловно, имели множество индивидуальных и второстепенных черт, отличались типологически.

В результате интенсивного промышленного развития к началу 1970-х гг. в Алтайском крае были сформированы крупные отраслевые промышленные комплексы, такие как тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, дизелестроение, энергетическое машиностроение, станкостроение, радиоэлектроника и приборостроение, производство химических и синтетических волокон и нитей, резинотехнических и асбестотехнических изделий, автомобильных и авиационных шин, военно-технической продукции [16. С. 25].

Быстрый рост масштабов промышленного и сельскохозяйственного производства, вся сложившаяся к началу 1970-х гг. структура экономики Алтайского края позволяют рассматривать ее последующее развитие как процесс постепенного формирования крупного территориального аграрно-промышленного комплекса.

В постановке вопросов комплексного подхода к развитию производительных сил Алтай краевой комитет партии, крайисполком, плановые и хозяйственные органы исходили из важнейшего требования XXIV съезда КПСС «лучше сочетать отраслевой принцип управления, определяющий единство хозяйственной и технической политики в отрасли, с системой рациональных хозяйственных связей внутри республик, экономических районов и областей... Улучшить разработку межотраслевых и территориальных экономических проблем» [6. С. 260].

В 1968 г. была создана специальная комиссия с целью изучения состояния, предпосылок и возможностей комплексного развития и оптимального размещения производительных сил региона. Комиссия совместно с отделами краевого комитета КПСС, Западно-Сибирской плановой группой, учеными-экономистами институтов СО АН СССР подготовила подробные научные проработки и рекомендации по ускоренному развитию всех отраслей народного хозяйства края, по созданию устойчивых и разносторонних межотраслевых связей науки и производства, по формированию современного аграрно-промышленного комплекса.

Первым результатом предварительной работы комиссии явилась экономическая записка-обоснование «О серьезных недостатках в развитии производительных сил Алтайского края», адресованная ЦК КПСС, Госпланам СССР и РСФСР. По поручению Госплана СССР на край была направлена группа ведущих специалистов министерств, Совета по изучению производительных сил страны при Госплане СССР. Комиссия признала правильность выводов краевых партийных и планирующих органов и подготовила дополнительную схему-перечень о развитии и размещении экономического потенциала региона на 1971–1980 гг.

В обобщенном виде основные направления этой дополнительной схемы-перечня формулировали следующую концепцию развития экономики Алтай на весь период 1970-х гг.: ускорить и обеспечить опережающее индустриальное развитие края; значительно расширить и укрепить строительную базу промышленного и сельскохозяйственного производств, социальной инфраструктуры; увеличить капиталовложения в сельское хозяйство, особенно в его материально-техническую базу; резко увеличить объемы жилищно-коммунального и бытового строительства.

Существенным недостатком в обосновании перспектив развития был заметный разрыв между реальным процессом складывания территориального аграрно-промышленного комплекса и традиционной практикой узко отраслевого формирования капиталовложений, планирования и управления. Отсутствие научно обоснованных проработок, координирующих процессы отраслевого и территориального размещения производительных сил края, зачастую отрицательно сказывалось на формировании и развитии комплекса городских промышленных агломераций, промышленных узлов, на использовании природных и сельскохозяйственных ресурсов. Достаточно сказать, что уже к началу 1970-х гг. народное хозяйство края было представлено предприятиями и производствами более 50 различных министерств и ведомств.

Примером такого несовпадения отраслевого и территориального подходов явилось строительство ведомственного поселка для Славгородского химического завода не на базе города, а совершенно в стороне от него, в пос. Яровом. В результате Славгород на многие годы остановился в своем развитии, а поселок столкнулся с целым рядом инфраструктурных проблем, требующих именно регионального разрешения (транспорт, социально-бытовые условия, экологические вопросы и т.д.). Аналогичная ситуация произошла с ведомственным поселком Кучукского сульфатного комбината, построенным вне связи с рабочим поселком Благовещенка. Перспективные с точки зрения комплексного развития городские и городского типа поселения оказывались вне структуры ТПК в результате узко отраслевого подхода к созданию территориальной строительной базы.

Важной проблемой развития городского хозяйства стали также вопросы преодоления недостатков существовавшей системы участия отраслевых министерств и ведомств в формировании городской инфраструктуры. Так, например, за период 1962–1975 гг. численность работавших на промышленных предприятиях Барнаула выросла до величины, предусмотренной генеральным планом развития города только на 1990 г. Однако за этот же период 12 крупнейших заводов затянули ввод и недодали городу свыше полумиллиона квадратных метров жилой площади [6. С. 263].

Еще одной проблемой было то, что промышленность Алтайского края была выключена из системы естественных внутривозрастных связей на своей территории и близлежащих регионов и ориентирована на народнохозяйственные связи в масштабах страны. Исключая пищевую и отчасти легкую, промышленность края потребляла сырьевые ресурсы других ре-

гионов и вывозила готовую продукцию за его пределы. Так, в западные районы страны вывозилось 2/3 тракторных плугов, более половины гусеничных тракторов. В то же время значительная часть пропашных тракторов, зерноочистительных машин, средств механизации труда на животноводческих фермах, дождевальных установок и т.д. поставлялась предприятиями западных районов. Естественно, это не могло не сказаться на качестве и номенклатуре продукции, производившейся без достаточного учета местных климатических условий и условий эксплуатации. Причем пропорции ввоза-вывоза сырья и готовой продукции изменились неблагоприятно для экономики края: если еще в 1940 г. вывоз несколько преобладал над ввозом (соотношение ввоза-вывоза 0,98), то в 1985 г. ввоз сырья и готовой продукции был в 2,2 раза больше вывоза. Так, Барнаульский комбинат асбестотехнических изделий, включающий в свой состав сажевый и шинный заводы, получал асбест с Урала, синтетический каучук – из Омска, капроновый корд – с местного комбината химических волокон. Последний, в свою очередь, снабжался капролактамом из Кемерово, целлюлозой – из Восточной Сибири, серным колчеданом – с Урала. Химическая промышленность Барнаула работала полностью на завозном сырье. Основанием для ее размещения в крае являлись близость к дешевому кузнецкому углю, обеспеченность водными ресурсами реки Оби, выгодное транспортно-географическое положение в крупном железнодорожном узле [6. С. 265].

В машиностроении была слабо развита подетальная и технологическая специализация. Удельный вес привозных деталей в общей стоимости продукции всех предприятий составлял менее 10%. В крае не было ни одного специализированного предприятия по выпуску литья, штамповок, сварных металлоконструкций. Отсутствовали и другие специализированные производства межотраслевого назначения (ремонт оборудования, изготовление инструмента и оснастки, унифицированных узлов и деталей). Все это значительно снижало эффективность производства. Так, себестоимость 1 т чугуна литья, производившегося отдельными разрозненными цехами края, была в 3 раза выше по сравнению со специализированными производствами.

Экономическая карта края наглядно отражала тот факт, что размещение и концентрация промышленного производства по-прежнему характеризовались значительной неравномерностью. На большой территории, составлявшей примерно 40% общей площади Алтая, вообще не было сколько-нибудь серьезного развития производства, а то, что уже было создано, выполняло, главным образом, функции поставщиков сырьевых полуфабрикатов и не переработанного сырья.

В этих условиях требовалось четкое определение масштабов, тенденций и перспектив развития городов и их промышленных систем как своеобразной опорной основы любого территориально-производственного комплекса. Наиболее развитыми промышленными центрами были города Барнаул, Бийск и Рубцовск, промышленность которых производила соответственно, 1/2, 1/5 и 1/6 всей валовой продук-

ции. Среди других городских промышленных зон выделялись Новоалтайск, Славгород и Алейск, на долю которых приходилась почти 1/10 часть производимой конечной продукции. В целом на долю городов в суммарном промышленном и сельскохозяйственном производстве края приходилось в этот период 70% создаваемой продукции, а городское население составляло более 50% от общей численности населения края [6. С. 270].

Поэтому важной предпосылкой формирования территориальной структуры аграрно-промышленного комплекса явилось в 1970-е гг. развитие административно-городской структуры края. За период 1970–1981 гг. было образовано три новых города, расширено число городских районов: в Барнауле, с учетом образования новых промышленных узлов, – с трех до пяти, введено районное деление в Бийске. Одновременно с семью крупными городскими промышленными центрами (Барнаул, Бийск, Рубцовск, Алейск, Камень-на-Оби, Славгород, Новоалтайск) начали формироваться еще два – Заринск и Тальменка. Это, в свою очередь, обусловило возрастание роли новых зон промышленно-хозяйственного освоения, ориентирующихся на центры расселения средней величины и ведущих в перспективе к изменению ранее сложившейся схемы размещения городских промышленных систем.

Особенностью структурных изменений в развитии и размещении производств, составляющих специализированные грани комплекса, явился постепенный переход от отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и отраслей тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, химической, пищевой, перерабатывающей промышленности, строительной индустрии, животноводства, зернового хозяйства, мелиорации и сугубо отраслевой социальной инфраструктуры к формированию территориальных аграрно-промышленных узлов, объединений и т.д. Особенно заметным стал этот процесс во второй половине 1970-х гг. В этот период на территории Алтайского края сформировались следующие аграрно-промышленные узлы.

Рубцовско-Локтевский производственный комплекс. В 1970–1980-е гг. г. Рубцовск являлся крупнейшим центром отечественного сельхозмашиностроения и третьим по величине промышленным центром Алтайского края. К началу 1970-х гг. в городе насчитывалось более 25 промышленных предприятий, наиболее крупными из которых можно назвать Алтайский тракторный завод (АТЗ), Алтайский завод сельскохозяйственных машин, машиностроительный завод, Алтайский завод тракторного электрооборудования, Рубцовский завод тракторных запасных частей, хлебокомбинат, учебно-производственная мастерская Всесоюзного общества слепых, молкомбинат, мебельная и швейная фабрики, кожевенный и кирпичный заводы, типография и др. В промышленном производстве работал каждый второй рубцовчанин. По концентрации промышленности и занятости в ней людей г. Рубцовск стоял на 2-м месте (в СССР) после г. Норильска. В эти годы в промышленном секторе работало около 57 тыс. человек. Именно на это время приходятся наибольшие объемы выпуска промыш-

ленной продукции в машиностроении. Например, в 1977 г. АТЗ выпустил 43 240 тракторов, «Алтайсельмаш» – 50 719 плугов [18]. Предприятия города произвели 1 212,2 тыс. шт. генераторов, колбасных изделий – 3 048 т, масла животного – 518 т. Рубцовский машиностроительный завод (РМЗ), вступивший в строй в 1959 г. и ориентированный преимущественно на выпуск оборонной продукции – бронетехники и транспортных средств высокой проходимости, в 1980-е гг. выпускал по 120 гусеничных транспортеров-тягачей ежемесячно, завод тракторного электрооборудования производил по 5 тыс. генераторов и 600–800 стартеров ежедневно [18]. Рубцовский металлзавод продолжил выпуск настольных сверлильных станков, газовых плит, механических прессов, задвижек и фурнитуры. Изделия предприятий г. Рубцовска экспортировались более чем в 30 стран мира – Германию, Францию, Чехословакию, Китай, страны Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и др. Объемы продукции машиностроительных предприятий в общегородском валовом товарном выпуске составляли более 70%, а всего промышленность города производила ежегодно в 1980-е гг. продукции на сумму более 900 млн руб. (в ценах тех лет) [Там же].

В структуре Рубцовско-Локтевского комплекса, наряду с осуществлением масштабных производственно-строительных программ промышленного и сельскохозяйственного назначения в самом Рубцовске, была создана Ремовская щебнедробильная фабрика, начавшая свою работу в 1970 г., полиметаллический рудник с новым жилым поселком в Потеряевке, крупный кирпичный завод и комбинат железобетонных конструкций в Поспелихе. Это сразу же ставило решение вопросов сельского, производственного, социально-культурного и жилищного строительства на качественно новый индустриальный уровень. В Поспелихе, кроме того, в этот период было дано начало возведению ремонтных мастерских, скотных дворов, механизированных токов, складов. В связи с модернизацией сельского хозяйства построены первые крупные фермы, дороги. Образована Алтайская машиноиспытательная станция (МИС), запущены пивоваренный завод, мукомольный комбинат, передвижная механизированная колонна «Водстрой», электротехнический узел связи (ЭТУС), построены железобетонный мост через реку Алей, детские сады, сельские Дома культуры. Строительством железной дороги Локоть–Малиновое Озеро было продолжено формирование транспортной основы комплекса.

Формирование Славгородско-Благовещенского аграрно-промышленного узла шло по линии реконструкции химического производства Кучукского сульфатного комбината, основанного в 1960 г. Сырье для сульфатного производства добывалось из месторождения минеральных солей озера Кучук. До 1960-х гг. промышленный комплекс составляли предприятия перерабатывающего, химического, машиностроительного профиля. Объединение Славгородского механического чугунолитейного и Некрасовского заводов (1957 г.) и их последующее преобразование в Славгородский завод радиоаппаратуры (1961 г.) обусловили развитие электротехнической промышленности. Начинается

серийный выпуск трансляционной аппаратуры, автотрансформаторов, различных типов питания радиоустройств и др. С 1963 г. создается опытное конструкторское бюро для разработки оборонной техники, с 1980-х гг. завод специализируется на выпуске продукции военного назначения. Организация крупного завода по производству керамзитового гравия обеспечивала по существу комплекс современной строительной индустрии города и всей сельскохозяйственной зоны данного узла. Одновременно создавалась группа предприятий пищевой промышленности в Благовещенке. Самым крупным здесь был комбинат молочных продуктов, где происходила основная часть переработки сельхозсырья.

Примером органичного и эффективного включения городских промышленных агломераций в структуру сельскохозяйственного района стало формирование Заринско-Сорокинского аграрно-производственного комплекса, в состав которого, кроме строительства в 1972 г. крупнейшего в Сибири и стране Алтайского коксохимического завода, объявленного в 1976 г. Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, вошли новый современный город, ряд предприятий строительной индустрии и пищевой, перерабатывающей промышленности [15. С. 199]. 5 декабря 1981 г. коксовая батарея № 1 выдала первый алтайский кокс. Сырьевой базой Алтайского коксохимического завода стал Кузбасс, а потребителями – десятки металлургических и химических заводов страны. Центром данного аграрно-производственного комплекса стал рабочий поселок «Станция Заринская», расположенный на реке Чумыш – притоке Оби и на железнодорожной магистрали. Такое же важное географическое положение занимал и находился поблизости рабочий поселок Тальменка, где функционировали заводы тракторных агрегатов, металлоконструкций, железобетонных изделий, лесокомбинат, маслозавод, элеватор, строились мотороремонтный завод, птицефабрика и ряд других предприятий.

Крупнейшим в крае, безусловно, оставался Барнаульско-Новоалтайский промышленный комплекс, в котором особое место занимал Власихинский промузел, объединивший на одной строительной площадке предприятия химической, энергетической, пищевой, легкой и других отраслей народного хозяйства края.

На развитие легкой промышленности Алтайского края в 1971–1975 гг. было выделено 130 млн руб. [19. Л. 77]. Насколько велика эта цифра, можно судить из того, что на строительство средней мощности предприятия легкой промышленности затрачивалось в это время 10–15 млн руб. Капитальные вложения направлялись, главным образом, на реконструкцию действующих фабрик и заводов, их техническое перевооружение. Происходила реконструкция Барнаульско-меланжевого комбината, прядильно-ткацкого производства Барнаульского хлопчатобумажного комбината, Барнаульской обувной фабрики и ряда других предприятий [Там же. Л. 78].

На этой основе обеспечивались улучшение качества продукции, снижение ее себестоимости, повышение производительности труда. Выступая на сессии краевого Совета депутатов трудящихся Алтайского

края, на которой утверждался народно-хозяйственный план девятой пятилетки по краю, депутат Л.В. Лаврова – швея Бийской фабрики № 2 говорила: «Основной рост объема производства... произойдет за счет повышения производительности труда, технического перевооружения. Сейчас, например, у нас реконструируется подготовительно-раскройное производство. Это будет современный механизированный цех. Дальнейшее оснащение быстродействующими машинами, полуавтоматами, гладильными прессами, внедрение прогрессивной технологии – все это для того, чтобы люди получили больше добротной, красивой одежды» [6. С. 275].

Легкая промышленность Барнаула была представлена хлопчатобумажным и меланжевым комбинатами, швейными, обувной, сапоговаляльной, овчинно-меховой, трикотажной фабриками. Данные предприятия выпускали ситцевые ткани, бязь, миткаль, сатин, демисезонные и летние плательные ткани, меланжевую, гладко окрашенную зимнюю одежду ткань. Хлопок для производства завозился из Средней Азии, кожа и шерсть поступали из Алтайского края, соседних областей, а также из Монголии [19. Л. 52].

Разносторонне была развита пищевая промышленность Барнаула. Потребности жителей города обслуживали предприятия хлебопекарной, молочной, кондитерской, пивоваренной промышленности. За пределы города частично вывозилась продукция мельничного комбината, мясокомбината, дрожжевого завода.

Барнаул в этот период являлся крупным научным центром Сибири. Здесь работали девять научно-исследовательских институтов Сибири, в числе которых Всесоюзный институт маслоседелной и сыродельной промышленности, Технологический институт машиностроения.

Силами институтов СО АН СССР и геологических организаций Западной Сибири, координацию действий которых взял на себя совет по экономическому и социальному развитию края при крайкоме КПСС, были уточнены запасы и размещение полезных ископаемых на территории Алтая с целью подготовки их к промышленному освоению. Было составлено технико-экономическое обоснование для промышленного освоения Белорецкого, Инского, Холзунского месторождений магнетитовых железных руд с последующим сооружением горнообогатительного комбината производительностью 9 млн т сырой руды в год. Дальнейшее развитие в крае таких отраслей промышленности, как цветная металлургия, химическая, обеспечивалось научным обоснованием перспектив освоения полиметаллических руд, минерального сырья.

Кроме того, было выявлено и оценено свыше 200 месторождений строительных материалов: камня, песка, песчано-гравийной смеси, керамзитового, кирпичного, огнеупорного керамического сырья для промышленности строительной индустрии. Строительство крупных промышленных и сельскохозяйственных комплексов сопровождалось резким ростом потребностей в строительных материалах и, прежде всего, в цементе. Если общая потребность в цементе определялась в 1970 г. по краю в 1–1,2 млн т, то в 1975 г. – уже в 2 млн т [6. С. 278]. Объем строитель-

но-монтажных работ в 1976–1980 гг. увеличился по сравнению с 1971–1975 гг. на 1 350 млн руб. Таким образом, объем строительства в 1980 г. увеличился по сравнению с 1970 г. более чем в 3 раза. Причем немалую роль в осуществлении такого увеличения сыграло привлечение в производство собственных региональных ресурсов [6. С. 279].

В 1971 г. была определена последовательность создания промышленности строительной индустрии. В проектной схеме на 1970-е гг. предусматривалось строительство двух новых заводов ЖБИ мощностью по 100 тыс. м³ каждый и 6 заводов по 70 тыс. м³. Одновременно за счет изыскания дополнительных резервов был построен еще один завод мощностью в 50 тыс. м³. Были подвергнуты реконструкции и расширению три завода крупнопанельного домостроения и построены два новых – мощностью в 140 и 80 тыс. плит. Развернулось строительство двух кирпичных заводов производительностью в 100 млн шт. и двух – по 50 млн шт. кирпича [Там же. С. 281]. В эти годы были значительно увеличены мощности Локтевского и Малиновского заводов по производству строительной извести и начато сооружение аналогичного предприятия в Горно-Алтайске. Все это создавало реальную строительную базу для последовательного формирования аграрно-промышленного комплекса Алтая.

Существенной частью складывавшегося комплекса стала практическая проработка гидроресурсов основных рек края – Обь, Чарыша, Бии, Катунь, Алей. Комплексной схемой использования гидроресурсов Катунь было намечено строительство каскада на шесть гидроузлов суммарной мощностью 3,7 млн кВт и выработкой электроэнергии около 18,5 млрд кВт·ч.

В краевых партийных, советских и хозяйственных органах совместно с проектирующими и строительными организациями был рассмотрен и утвержден целый ряд комплексных проектов использования и воспроизводства гидроресурсов края: о строительстве групповых водопроводов, о разработке схемы комплексного водоснабжения Рубцовского промышленного узла, о проектировании и строительстве Новокамышенского водохранилища, Гилевского и Склюихинского на реке Алей.

В 1971–1975 гг. начала осуществляться обширная программа водохозяйственного строительства и водоснабжения населения и промышленных производств Каменского, Панкрушихинского, Мамонтовского, Завьяловского, Баевского, Романовского, Новичихинского, Топчихинского и других районов: Обской, Чарышский групповые водопроводы. С 1977 г. началась подготовка к строительству Благовещенского и Родинского групповых водопроводов. Были значительно увеличены объемы капиталовложений на водохозяйственное строительство, позволившие довести сооружение водопроводов с 280 км в 1970 г. до 450 км ежегодно в 1971–1976 гг.

Формирование аграрно-промышленного комплекса определило еще одну особенность производственного и социального развития края в эти годы. Крайком КПСС совместно с другими организациями и ведомствами провел оценочное обследование состояния и резервов дополнительного к плану развития пред-

приятый легкой и пищевой промышленности. Изучив обстановку, крайком КПСС внес на рассмотрение правительства РСФСР встречные предложения, многие из которых нашли поддержку. В результате в 1971–1975 гг. край на развитие этих отраслей получил 200 млн руб. – значительно больше, чем планировалось. Началось строительство 40 новых и реконструкция 75 действовавших предприятий по выпуску товаров народного потребления. На всех промышленных предприятиях тяжелой индустрии налаживалось дополнительное производство широкого ассортимента потребительских товаров. К концу пятилетки ежегодное производство этих товаров составляло сумму в 1,5 млрд руб. [6. С. 287].

Одновременно на улучшение условий труда рабочих и служащих было израсходовано более 60 млн руб., или 110% к ассигнованиям из централизованных источников. Жилой фонд городов и рабочих поселков края за 1970–1980 гг. увеличился в 2–3 раза – с 7,4 млн до 17,3 млн м².

Таким образом, конкретность и вместе с тем комплексность в определении задач экономического развития Алтая в 1970-е гг. позволили организовать их последовательное решение в тесной взаимосвязи с общим развитием и проблематикой всего народного хозяйства страны. Однако, несмотря на все более определенно вырисовывавшиеся отдельные грани ТПК и положительное разрешение целого ряда крупных межотраслевых проблем, выработка целевой программы комплексного развития производительных сил края, практическая работа по ее реализации еще явно не соответствовали требованиям выбора оптимальных вариантов развития. Возникла настоятельная необходимость совершенствования экономической работы, внедрения в практику планирования и управления аграрно-промышленным комплексом современной электронно-вычислительной техники.

К началу 1975 г. семь заводов края уже внедрили первые очереди автоматизированных систем управления (АСУ). Этой же задаче была подчинена работа вычислительных центров (ВЦ) и более 100 машинно-счетных станций, которые к тому времени были оснащены большими ЭВМ, в том числе первой в Сибири машиной третьего поколения «Ряд». К концу 1970-х гг. в промышленности, научных учреждениях и вузах края уже действовали десятки ВЦ и АСУ.

Достаточный уровень инженерно-научной обеспеченности промышленности края, достигнутый в 1971–1975 гг., сделал возможным переход к более прогрессивной форме организации производства – к созданию крупных производственных и научно-производственных объединений (ПО и НПО), считавшимся тогда одной из наиболее удачных организационных форм внедрения достижений научно-технического прогресса в производство. По инициативе АН СССР широкое распространение получили межотраслевые научно-технические комплексы (МНТК), в состав которых включались академические и отраслевые научные организации, специализированные КБ, кафедры высшей школы и производственные предприятия. МНТК были призваны выполнять НИР и ОКР, а также доводить их до промышленного применения.

Первым опытом формирования крупных производственных объединений в крае стало создание фирмы «Алтаймебель», позволившей соединить в едином комплексе все производственные, инженерные и управленческие службы. Инженерно-технические службы были объединены в единый технический отдел и крупное проектно-конструкторское бюро. Появилась возможность осуществлять единую техническую политику отрасли с учетом местных региональных задач.

С созданием Алтайского тракторостроительного и моторостроительного производственного объединений начался новый этап в развитии сельскохозяйственного машиностроения на Алтае. Был разработан комплексный план реконструкции всех смежных предприятий, в Барнауле открыт НИИ Сибгипросельхозмаш – генеральная проектная организация для всех предприятий отрасли в крае.

Особенностью индустриального развития края в этот период являлось исчерпание территориальных возможностей расширения производственного строительства. В дальнейшем предстояло увеличивать выпуск продукции за счет реконструкции предприятий, без дополнительных капиталовложений. В последующее пятилетие (1976–1980 гг.) были введены в строй всего 18 новых предприятий, 167 крупных цехов и производств [15. С. 200].

Исключение составляла химическая промышленность, которая благодаря деятельности Алтайского коксохимического завода наращивала выпуск продукции при одновременном увеличении капиталовложений. В 1985 г. заработала четвертая коксовая батарея и было завершено строительство второй очереди данного предприятия. С введением в строй действующих предприятий Алтайского коксохимического завода с четырьмя коксовыми батареями мощностью 1 млн т металлургического кокса в год на шестое место в крае (с 4%) сразу выдвинулась черная металлургия [Там же. С. 201].

Повышение технологического уровня шло по пути механизации и автоматизации производства, замены устаревшего оборудования, внедрения новых технологических процессов. С начала 1980-х г. началась широкомасштабная автоматизация промышленного производства на базе роботов, гибких производственных систем (ГПС), а затем и автоматических роторных и роторно-конвейерных линий (АРЛ и АРКЛ) – «каруселей» Кошкина. По инициативе академика Л.Н. Кошкина был создан межотраслевой научно-технический комплекс (МНТК) «Ротор» и началось создание по стране целой сети из шести филиалов Конструкторского бюро автоматических линий (КБАЛ), среди которых – Новоалтайский филиал (НФ КБАЛ) на Алтае, заложенный в 1985 г. Его задачей ставилось на основании богатейшего опыта патронного производства развить проектирование, изготовление и внедрение в производство высокопроизводительных АРЛ и АРКЛ на предприятиях Сибири и Дальнего Востока и, прежде всего, – на Алтае для массового производства дискретной продукции в гражданских отраслях.

В начале 1980-х гг. продолжилось складывание новых территориально-производственных сочетаний,

создание научно-исследовательских учреждений, развитие сети высших учебных заведений, разрабатывались проекты превращения городов Алтая в крупные производственно-научные центры.

До середины 1980-х гг. в межрегиональном разделении труда в России Алтайский край, ставший крупнейшим индустриально-аграрным районом страны, выступал как один из основных поставщиков продовольствия, машиностроительной продукции, сельскохозяйственного, энергетического и транспортного профилей, товаров химической и нефтехимической отрасли. В эти годы на долю Алтая приходилось 17–18% промышленности и 28% сельскохозяйственного производства Западной Сибири. Алтай считался монополистом по производству крытых металлических грузовых вагонов (100%), тракторных плугов (90%), буровых установок, листогибочных машин, генераторов для тракторов и автомобилей и др. [15. С. 201].

Можно сказать, что в Алтайском крае в 1970–1985 гг. в результате интенсивного развития промыш-

ленности, взаимодействия производства и научно-исследовательских учреждений, внедрения в практику планирования и управления аграрно-промышленным комплексом современной электронно-вычислительной техники сформировался устойчивый технологический уклад с образованием крупных отраслевых промышленных комплексов.

В современных условиях организации производства данный исторический опыт вполне может быть востребован и использован. Сама форма размещения производительных сил в Алтайском крае доказала свою эффективность в организации производства. Поэтому органам государственной власти в полной мере можно использовать забытый опыт комплексного подхода плановых и хозяйственных органов по размещению производительных сил в регионе и реализовывать его в кластерной политике, а также в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», осуществляющейся, в том числе, и на территории Алтайского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров». URL: http://www.altkibd.ru/ackr/informatsionnye_materialy/zakonodatelstvo (дата обращения: 25.12.2017).
2. Постановление Администрации Алтайского края от 7 ноября 2008 г. № 472 «О создании краевого автономного учреждения “Алтайский центр кластерного развития”». URL: http://www.altkibd.ru/ackr/informatsionnye_materialy/zakonodatelstvo (дата обращения: 25.12.2017).
3. Аджиев М.Э., Леонтьева Л.В. Промышленные комплексы Сибири. М.: Знание. Серия «Промышленность», 1975. 64 с.
4. Долголюк А.А., Тимошенко А.И. Формирование концепции создания территориально-производственных комплексов в Сибири // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск, 2000. Вып. IV.
5. Гаврилов Н.С. Хронология истории Алтая // Алтайский край в годы ВОВ: стат. сб. Барнаул, 1990. URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/e48963004848624d95c9b5ed3bc4492f/sbornik70.pdf (дата обращения: 02.12.2017).
6. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1987. 448 с., ил.
7. Байкалов С.П. Некоторые аспекты разработки промышленной политики региона // Региональные проблемы эволюции экономики и общества. Барнаул, 2006. Кн. 2. С. 59–63.
8. Виноградов М.А. Формирование оптимальной промышленной политики города Барнаула / рук. работы О.П. Мамченко // Молодежь – Барнаулу. Барнаул, 2005. С. 390–391.
9. Лякишев С.П. Организация управления промышленным производством в послевоенный период (краевой уровень) как объект и предмет исторического исследования // Интеллектуальный потенциал ученых России. Барнаул; Москва, 2006. С. 237–241.
10. Курсакова Е.Н. К вопросу о развитии легкой промышленности Алтайского края в 1946–1980 гг. (на материалах Барнаульской трикотажной фабрики) // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы III Всерос. науч. конф. 29 июня – 1 июля 2012 г., Барнаул / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: АК ИПКРО, 2012. Т. 2. С. 177–184.
11. Кувшинов Ю.Е. Будни и праздники: 50 лет Бийскому котельному заводу. Барнаул: Алтан, 1992. 224 с.; цв. ил.
12. Давыдов В.Т. Прииск «Алтайский»: страницы истории, 1845–2000 гг. Новокузнецк: Полиграфкомбинат, 2000. 240 с.; ил.
13. Курсакова Е.Н. Соревнование как средство повышения эффективности производства в 1946–1980-х гг. (на материалах Барнаульской трикотажной фабрики) // Материалы X Международной научно-практической конференции «Дни науки – 2014» 27 марта – 5 апреля 2014 г. Вып. 22: История. Прага, 2014. С. 62–69.
14. Сомов К.К. Невзирая на обстоятельства: книга о промышленниках Алтая. Барнаул: Алтай, 2016. 264 с.
15. Дятчин Н.И. Промышленное развитие региона Алтая в эпоху научно-технических революций [1930–2000-е гг.] // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2007. Вып. 7. С. 18–28: табл.
16. Бородин В.А. Промышленность Алтая: на рубеже веков. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 233 с.
17. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1987. 448 с., ил.
18. Промышленность Рубцовска. URL: <http://120.biblruib.ru> (дата обращения: 21.12.2017).
19. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края». Ф. 1405. Оп. 2. Д. 80.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ALTAI KRAI AS AN AGRARIAN-INDUSTRIAL COMPLEX IN 1970–1985

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 111–118.

DOI: 10.17223/15617793/432/14

Elena N. Kursakova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: en-kursakova@yandex.ru

Keywords: Altai Krai; agrarian and industrial complex; modernization; industry; industrial policy; territorial-industrial complex.

The aim of this study is to analyze the formation and functioning of the agrarian and industrial complex in Altai Krai in 1970–1985 on the basis of the generalization of extensive research material by Soviet and Russian historians, economists, and of archival sources. The objectives of the study are to consider the concept of the regional economy development in the 1970s and the problems

associated with its implementation, to reflect on the integrated approach of planning and management bodies to the development of the production forces in the Altai, to highlight the specifics of structural changes in the development and accommodation of industrial production that make up the specifics of the complex. At present, the basis for the formation of Russian industrial policy is a strategy of innovative modernization of economy, within which a strategy of cluster development of an industry is implemented. In Altai Krai, four clusters were created and were functioning: biopharmaceutical, agricultural machinery, power engineering and energy efficient technologies, and polymer composite. When developing a methodology of creating an efficient strategy of the Russian industrial policy in general and the cluster policy in particular, it is necessary to consider the Soviet socio-economic experience of effective distribution of productive forces in different regions, in particular, the functioning of territorial-industrial complexes in 1970–1985. A special feature of structural changes in the development and location of industries making up specifics of the system was the development of administrative and urban structures of the region, as well as a gradual transition from private industrial and agricultural enterprises and industries to the formation of regional agro-industrial units and associations. In Altai Krai, the following agro-industrial units were formed: Rubtsovsk-Lokot, Zarinsk-Sorokino, Barnaul-Novosibirsk. A concrete and comprehensive approach in defining tasks of economic development in Altai Krai in the 1970s, a high level of engineering and research in the industry of the region allowed to create scientific-production associations and inter-industry scientific-technical complexes. As a result, by the mid-1980s, Altai Krai became a large industrial-agrarian region of the country. In modern conditions of production organization, this historical experience can be relevant and useful. The very form of the production forces in Altai Krai proved its efficiency in the organization of production. Therefore, the state authorities can fully use this forgotten experience of an integrated approach by planning and management authorities in the location of productive forces in the region and implement it in cluster policy and in the state program “Developing Industry and Increasing its Competitiveness”, which is carried out in Altai Krai.

REFERENCES

1. Altkibd.ru. (2015) *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.2015 № 779 "O promyshlennyykh klasterakh i spetsializirovannykh organizatsiyakh promyshlennyykh klasterov"* [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 779 of 31.07.2015 “On industrial clusters and specialized organizations of industrial clusters”]. [Online] Available from: http://www.altkibd.ru/ackr/informatsionnye_materialy/zakonodatelstvo. (Accessed: 25.12.2017).
2. Altkibd.ru. (2008) *Postanovlenie Administratsii Altayskogo kraya ot 7 noyabrya 2008 g. № 472 "O sozdanii kraevogo avtonomnogo uchrezhdeniya "Altayskiy tsentr klaster'nogo razvitiya" "* [Resolution of the Administration of Altai Krai of November 7, 2008 No. 472 “On the establishment of the regional autonomous institution “Altai Center for Cluster Development”]. [Online] Available from: http://www.altkibd.ru/ackr/informatsionnye_materialy/zakonodatelstvo. (Accessed: 25.12.2017).
3. Adzhiev, M.E. & Leont'eva, L.V. (1975) *Promyshlennyye komplekсы Sibiri* [Industrial complexes of Siberia]. Moscow: Znanie. Seriya “Promyshlennost”.
4. Dolgolyuk, A.A. & Timoshenko, A.I. (2000) *Formirovanie kontseptsii sozdaniya territorial'no-proizvodstvennykh kompleksov v Sibiri* [Formation of the concept of creation of territorial production complexes in Siberia]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibir': proekty XX veka (nachinaniya i real'nost'): materialy k monografii* [Siberia: projects of the 20th century (beginnings and reality): materials for the monograph]. Is. 4. Novosibirsk: IDMI.
5. Gavrilov, N.S. (1990) *Khronologiya istorii Altaya* [Chronology of the Altai History]. In: *Altayskiy kray v gody VOV: statisticheskiy sbornik* [Altai Krai in the Second World War: a statistical collection]. [Online] Available from: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/e48963004848624d95c9b5ed3bc4492f/sbornik70.pdf. (Accessed: 02.12.2017).
6. Borodavkin, A.P. et. All (eds) (1987) *Ocherki istorii Altayskogo kraya* [Essays on the history of Altai Krai]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo.
7. Baykalov, S.P. (2006) *Nekotorye aspekty razrabotki promyshlennoy politiki regiona* [Some aspects of the industrial policy development in the region]. *Regional'nye problemy evolyutsii ekonomiki i obshchestva*. 2. pp. 59–63.
8. Vinogradov, M.A. (2005) *Formirovanie optimal'noy promyshlennoy politiki goroda Barnaula* [Formation of an optimal industrial policy of Barnaul]. In: *Molodezh' – Barnaulu* [Youth to Barnaul]. Barnaul: [s.n.]. pp. 390–391.
9. Lyakishev, S.P. (2006) *Organizatsiya upravleniya promyshlennym proizvodstvom v poslevoenny period (kraevoy uroven') kak ob'ekt i predmet istoricheskogo issledovaniya* [Organization of industrial production management in the post-war period (the regional level) as an object and subject of historical research]. In: Ushakova, E.V. & Kolyuzhkov, Yu.I. (eds) *Intellektual'nyy potentsial uchenykh Rossii* [Intellectual potential of Russian scientists]. Barnaul; Moscow: Altai State University.
10. Kursakova, E.N. (2012) [On the development of light industry in Altai Krai in 1946–1980 (on the materials of the Barnaul Knitting Factory)]. *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka* [Economic history of Siberia of the 20th – early 21st centuries]. Proceedings of the III all-Russian conference. Barnaul. 29 June – 1 July 2012. Vol. 2. Barnaul: AKIPKRO. pp. 177–184. (In Russian).
11. Kuvshinov, Yu.E. (1992) *Budni i prazdniki: 50 let Biyskomu kotel'nomu zavodu* [Weekdays and holidays: 50 years to Biysk boiler plant]. Barnaul: Altan.
12. Davydov, V.T. (2000) *Priisk "Altayskiy": stranitsy istorii, 1845–2000 gg.* [The Altai mine: pages of history, 1845–2000]. Novokuznetsk: Poligrafkombinat.
13. Kursakova, E.N. (2014) [Competition as a means of increasing production efficiency in 1946–1980 (on the materials of the Barnaul Knitting Factory)]. *Dni nauki – 2014* [Days of science – 2014]. Proceedings of the X international conference. 27 March – 5 April 2014. Is. 22. Prague: Publishing House “Education and Science”. pp. 62–69. (In Russian).
14. Somov, K.K. (2016) *Nevziraya na obstoyatel'stva: kniga o promyshlennikakh Altaya* [Despite the circumstances: a book about the industrialists of Altai]. Barnaul: Altay.
15. Dyatchin, N.I. (2007) *Promyshlennoe razvitiye regiona Altaya v epokhu nauchno-tehnicheskikh revolyutsiy [1930–2000-e gg.]* [Industrial development of the Altai region in the era of scientific and technological revolutions [1930s–2000s]]. In: Milevskiy, O. A. (ed.) *Aktual'nye problemy regional'nykh issledovaniy* [Topical problems of regional studies]. Is. 7. Barnaul: Altai State Technical University. pp. 18–28.
16. Borodin, V.A. (2007) *Promyshlennost' Altaya: na rubezhe vekov* [Industry of Altai: at the turn of the century]. Barnaul: Altai State Technical University.
17. Borodavkin et al. (eds) (1987) *Ocherki istorii Altayskogo kraya* [Essays on the history of Altai Krai]. Barnaul: Altai State Technical University.
18. 120.biblrb.ru. (n.d.) *Promyshlennost' Rubtsovsk* [The industry of Rubtsovsk]. [Online] Available from: <http://120.biblrb.ru>. (Accessed: 21.12.2017).
19. State Archive of Altai Krai. Fund 1405. List 2. File 80. (In Russian).

Received: 28 January 2018

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Рассматривается история изучения Тридцатилетней войны в англоязычной историографии в XX–XXI вв. Приводится краткий обзор основных научных направлений и наиболее актуальной проблематики, включая попытки рассмотреть войну с принципиально новых точек зрения: концепции «военной революции» и истории повседневности. Под англоязычной историографией понимаются научные достижения ученых не только из Великобритании и США, но и труды любых других европейских историков (применительно к данной теме – в основном германских, датских, французских и чешских), изданные на английском языке и активно используемых в научном обороте.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война; историография; англоязычная; военная история.

Тридцатилетняя война, в которой участвовали Священная Римская империя (Германия) и большая часть Европы, продолжает оставаться актуальной темой как для ученых, так и для широкого круга интересующихся вопросами истории. Традиционным началом конфликта считают 1618 г., когда протестантские чешские дворяне восстают против католического короля Фердинанда, впоследствии императора Фердинанда II (1619–1637). Начиная с 1625 г. конфликт перерос из внутригерманского в международный, когда король лютеранской Дании Кристиан IV, который также был герцогом Гольштейнским, вмешался в немецкий конфликт. В 1630 г. Густав Адольф, король Швеции, организовал вторжение в северную Германию. Шведы получали финансовую поддержку как от католической Франции, так и от протестантской голландской республики в борьбе против австрийских Габсбургов. Если на первом и втором этапах война выглядела как религиозная, то теперь на передний план явно начали выходить политические интересы стран и война становится все более и более политизированной.

В целом тематика Тридцатилетней войны долгое время не являлась для британской исторической науки особенно актуальной. Совпадая хронологически с событиями Английской революции и гражданской войны, события, происходившие в континентальной Европе в ходе данной войны, оказались в тени внутренних английских проблем. Сюжеты казни короля Карла I, деятельности Оливера Кромвеля и история становления парламентаризма до сих пор выглядят для британских историков намного предпочтительнее военных реформ Густава Адольфа или борьбы Католической лиги против Протестантской унии. При этом основная масса имеющихся англоязычных исследований долгое время была сосредоточена на немецком аспекте Тридцатилетней войны и почти не затрагивала второстепенные фронты и направления вроде испанского или балканского театров военных действий. Девятнадцатый век для англоязычной историографии был не особо богат на собственно английские исследования по истории Тридцатилетней войны, большую часть фактов ученые черпали из переводных трудов немецких историков. Из наиболее представительных английских трудов можно выделить работу Сэмюэля Гардинера «Тридцатилетняя война 1618–1648», изданную в 1874 г. [1], и «Историю Тридцатилетней войны» Энтона Гиндли [2].

В XX в. ситуация долгое время почти не менялась: английское историческое сообщество почти не проводило исследований в этой области, полагаясь в основном на переводные работы. Даже в области базовых «обзорных» исследований после выхода в 1938 г. книги С.В. Ведгвуд [3] долгое время наблюдалось почти полное отсутствие интереса к теме Тридцатилетней войны. Эта брешь заполнялась работами авторов из разных европейских стран, труды которых переводились и издавались в Великобритании (в основном эта тематика является популярной среди немецких, французских и чешских исследователей). Наиболее известными работами по истории Тридцатилетней войны являются труды Лангера [4], Д. Ливета [5], Д. Пэйджеса [6], Й. Полишенского [7], Д. Бенека [8], З. Штейнберга [9], Т. Рабба [10]. Все эти исследователи рассматривали отдельные аспекты войны, зачастую концентрируясь только на некоторых из них. Появление специального исследования Д. Паркера выглядит на этом фоне вполне закономерной попыткой подытожить и обобщить весь накопленный опыт.

Джеффри Паркер является одним из самых известных и наиболее продуктивных британских исследователей современности. Член Британской академии, преподаватель в университете Кембриджа, проходил обучение в известных британских и американских учебных заведениях, в числе которых университеты Иллинойса, Сент-Эндрюса и Йельский. Он – член Ордена Альфонсо X и кавалер Большого креста Ордена Изабеллы. Будучи крупным специалистом по истории Испании, он также является автором ряда исследований по военной истории и фактически возглавляет одно из научных направлений, занимающихся вопросами теории военной революции и эволюции периода Нового времени¹.

Работа «Тридцатилетняя война» [11] задумывалась Джеффри Паркером как новое масштабное исследование этого эпохального конфликта. Главной целью исследования, по словам Д. Паркера, было создание новой истории войны, которая покрыла бы недостатки других исследований. Это во многом предопределило характер работы, охватывающей практически все возможные процессы и явления, так или иначе связанные с Тридцатилетней войной: вопросы политики, дипломатии, религии, войны и общества, а также облик солдат той эпохи. Системный подход стал главной отличительной особенностью этого исследо-

вания. Разумеется, Д. Паркер опирался на достижения предшественников, разрабатывавших эту проблематику: за более чем 300 лет с момента окончания войны было написано огромное количество различных исследований по самым разным аспектам войны. Д. Паркер выделяет из этой массы около дюжины наилучших с его точки зрения работ и проводит их анализ, указывая на многочисленные недостатки². Главным из них он называет узость подхода этих авторов, фокусирующихся на каком-то одном аспекте войны (культурном, политическом...) и игнорирующих другие, не менее важные.

В своём исследовании Д. Паркер сделал попытку рассмотреть войну во всех её проявлениях, но поскольку это исследование, по его словам, потребовало бы многих лет работы, процесс был рационализирован путём привлечения группы учёных, занимающихся схожими проблемами. Состав этого коллектива отличается разнообразием. В его состав вошли девять исследователей из практически всех англоязычных стран: Великобритании, США, Канады, а также один исследователь из Дании, который стал автором раздела, посвящённого датскому участию в войне. Д. Паркер в данном случае выступил автором нескольких глав и главным редактором. Он собрал, обобщил, систематизировал и привёл весь собранный материал в законченный вид.

Если коснуться вопроса новой тематики в исследованиях Тридцатилетней войны, то можно отметить, что в XX в. спектр научных интересов англоязычных историков заметно расширился: основное внимание продолжали уделять Германии, но появились и работы, посвященные военной истории других стран-участниц. Хьюберт Рид и его работа «Поворотные моменты Тридцатилетней войны» [12], Вероника Веджвуд «Тридцатилетняя война» [3] и Элмер Адольф Беллер «Германская пропаганда во время Тридцатилетней войны» [13] по-прежнему держат в центре своего внимания проблемы и вопросы истории Священной Римской империи германской нации. Но примерно с 1970-х гг. начинает появляться интерес и к другим странам; в частности, «Тридцатилетняя война» Жоржа Пэйджеса [6] затрагивает вопросы французского участия в войне.

Еще одна традиционная проблема, связанная с Тридцатилетней войной, это проблема описания и оценки роли известных личностей, как правило, правителей и полководцев. Сюжеты, связанные с жизнью и деятельностью таких известных политических деятелей, как кардинал Ришелье (Ричард Лодж «Ришелье» [14], Вероника Веджвуд «Ришелье и французская монархия» [Там же]); полководцы Валленштейн (Фрэнсис Уотсон «Валленштейн: солдат под знаком Сатурна. биография»³ [15]); Конде (Эвелина Шарлотта Годли «Великий Конде: жизнь Людовика II де Бурбона, принца Конде» [16]); Тюренн (Макс Вейланд «Тюренн: маршал Франции») [17]; король Швеции Густав Адольф (Нильс Анлунд «Густав Адольф Великий») [18], продолжают пользоваться у историков большой популярностью.

В то же время современные исследования Тридцатилетней войны значительно расширили спектр про-

блем, волнующий историков. Зигфрид Генри Штейнберг в своей работе ««Тридцатилетняя война» и конфликт европейской гегемонии, 1600–1660» [9] расширяет хронологические рамки войны, предполагая, что конфликт начался на 18 лет раньше и закончился на 12 лет позже, чем в традиционной датировке. Он также подчеркивает, что конфликт или даже скорее ряд взаимосвязанных конфликтов привел к такой ситуации, когда в войне так или иначе принимало участие подавляющее большинство стран Европы. Благодаря включению в изучение Тридцатилетней войны сюжетов из истории Восточной и Южной Европы и становится возможным расширить хронологические рамки вдвое, превратив Тридцатилетнюю войну в Шестидесятилетнюю. Популярный в Великобритании чешский историк Иосиф В. Полишенский (Josef V. Polišenský) в своей работе «Тридцатилетняя война» [7] дает социально-экономическую точку зрения на вопросы и проблемы Тридцатилетней войны, объясняя причины войны именно экономическим противостоянием разных регионов, а не религиозными или династическими интересами.

В последние тридцать лет произошла публикация ряда новых важных исследований по истории Тридцатилетней войны. Наиболее ярким и всеобъемлющим является общее исследование Джеффри Паркера «Европа в условиях кризиса, 1598–1648» [19], в нем автор также, как и Штейнберг, расширяет хронологические рамки почти на 20 лет, относя к ранним причинам войны события конца XVI в. Схожих взглядов придерживается историк Дэвид Маленд, который в своей работе «Европа в войне, 1600–1650» [20] расширяет рамки войны на 20 лет, но при этом предлагает датировку отличную от паркеровской.

В то же время остается очень популярным жанр краткого перечисления основных событий Тридцатилетней войны, разбитых по хронологическому порядку. К этому жанру относятся две современные работы с одинаковым названием «Тридцатилетняя война» Стивена Ли [21] и Грэма Дарби [22]. «Тридцатилетняя война» Питера Лимма [23], опубликованная в «Серии семинарских занятий по истории» издательства Longman также представляет из себя классический по форме краткий обзор событий войны с привлечением ряда новых документов. Питер Г. Вильсон применяет в своем исследовании «Тридцатилетняя война: Европейская трагедия» [24] методику описания происшедших событий и поведение отдельных лиц во время военного конфликта в мельчайших подробностях, расписывая события буквально по дням и иногда даже по часам.

При этом было бы неправильно думать, что современная англоязычная историография представлена исключительно обобщающими исследованиями, охватывающими всю войну в целом. Многие авторы выбирают в качестве объекта своего исследования более узкие темы. Так, историк Рональд Аш в своем труде «Тридцатилетняя война: Священная Римская империя и Европа, 1618–1648» [25] обратился к традиционной тематике религиозной и конституционной борьбы в Священной Римской империи. Данная тематика была очень популярна в исследованиях XVII–

XVIII вв., когда Тридцатилетняя война рассматривалась как религиозный конфликт, но затем мнение большинства историков склонилось к трактовке войны как конфликта политического, где религия использовалась как инструмент для оправдания различных политических акций. Р. Аш в своей работе делает попытку вернуть религиозный вопрос назад в сферу внимания историков.

Еще одним традиционным направлением остаются сбор и ввод в научный оборот новых источников. Самыми известными работами в этой области являются труды Йозефа Полишенского «Война и общество в Европе, 1618–1648» [26], Герхарда Бенеке «Германия в Тридцатилетней войне» [8], Тринтж Хеллфрич «Тридцатилетняя война: Документальная История» [27] и Питера Уилсона «Тридцатилетняя война: Сборник» [28]. Несколько выделяется из этой череды большая работа, представляющая собой подробную энциклопедия всех главных действующих лиц и событий, связанных с заключением договоров в Мюнстере и Оснабрюке: «Вестфальский мир: исторический словарь» за авторством Дерек Крокстона и Анушки Тишер [29].

История кампаний и сражений продолжает привлекать внимание ученых. Данное направление в целом практически не претерпело изменений со времен Х. Дельбрюка и является одним из самых консервативных в военной истории. В области исследований Тридцатилетней войны можно выделить следующие работы, написанные в классическом ключе: раздел Рональда Г. Аша «Война в эпоху Тридцатилетней войны 1598–1648» в книге Джереми Блэка «Европейское военное искусство 1453–1815» [30]; Уильям П. Гатри стал автором целой трилогии, вводя разбивку войны на два больших хронологических блока и отдельно выделяя боевые действия на море. «Тридцатилетняя война: От Белой Горы в Нордлинген, 1618–1635» [31], «Поздняя Тридцатилетняя война: от битвы

при Виттстоке до Вестфальского мира» [32] и «Боевые действия на море во время Тридцатилетней войны» [33]. Несколько выделяются раздел Джеффри Паркера «Солдаты Тридцатилетней войны», написанный им для книги германских историков Конрада Репгена и Элизабет Мюллер-Люкнер «Война и политика 1618–1648: Европейские проблемы и перспективы» [34]. Д. Паркер работает здесь в популярном русле истории повседневности, не ограничиваясь описанием походов или оснащения армии, но рисует полную картину жизни солдат периода Тридцатилетней войны, затрагивая вопросы системы вербовки, жалования, снабжения и ряд других. Стив Мердок в работе «Шотландия и Тридцатилетняя война, 1618–1648» [35] останавливается на вопросах участия шотландцев в конфликте. Данная тема особенно интересна в силу того, что ни Великобритания, ни тем более Шотландия не принимали непосредственного участия в войне и, соответственно, речь идет об участии шотландцев в войне в качестве наемников, в большинстве случаев в составе французской армии. Книга Эдуарда Вагнера «Европейское оружие и боеприпасы, 1618–1648» [36] содержит обширный иллюстративный материал по истории оружия и оборудования, используемых в Тридцатилетней войне.

Если характеризовать англоязычную историографию Тридцатилетней войны в целом, можно отметить, с одной стороны, определенную преемственность и использование историками наработок своих предшественников; с другой стороны, проявляются высокая степень открытости британского и американского научного сообщества для зарубежных исследователей и появление достаточно большого числа принципиально новых направлений исследований. В то же время Тридцатилетняя война, к сожалению, остается далеко не самой востребованной темой военной истории, существенно уступая сюжетам национальной английской и американской, а также Новейшей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее известные работы: Parker, Geoffrey. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659. Cambridge, 1972; Parker, Geoffrey. Military Revolution, 1560–1660 – A Myth? The Journal of Modern History 48(1976): 196–214; Parker, Geoffrey. The Dutch Revolt. London, 1977; Parker, Geoffrey. Philip II. Boston and London, 1978; Parker, Geoffrey. Europe in Crisis, 1598–1648. Cornell U. Press, 1979; Parker, Geoffrey. The Thirty Years' War. London: Routledge and Kegan Paul, 1984; Parker, Geoffrey. Spain and the Netherlands, 1559–1659. Ten Studies, 2nd ed. Fontana, 1990; Parker, Geoffrey, joint ed. The Times History of the World, 3rd ed. London, 1995; Parker, Geoffrey. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800, 2nd ed. Press Syndicate of U. of Cambridge, 1996; Parker, Geoffrey, and Lesley M. Smith, eds. The General Crisis of the Seventeenth Century, 2nd ed. Routledge, 1997; Parker, Geoffrey, The Grand Strategy of Philip II, 2000.

² В частности: Polisensky J.V. The Thirty Years' War. London, 1971; Wedgwood C.V. The Thirty Years War. London, 1938; Pages G. The Thirty Years' War. Paris, 1939, Eng. edn. London, 1970.

³ В данном случае в названии имеет место аллюзия на реплику Валленштейна из трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна», блистательный Юпитер отождествлялся с самим Валленштейном, Сатурн – с невзгодами и неурядицами:

Сэни:

А эти две великие планеты
Вреда сейчас не терпят от других!
Сатурн стал слаб, он – in cadente domo.

Валленштейн:

Пришел конец владычеству Сатурна,
Ему подвластны силы недр земных,
И наших душ глухие тайники,
И все, что в мире избегает света.
Но время скрытых замыслов прошло,
Блистательный Юпитер нами правит,
И дело, созревавшее во тьме,
Он в царство света властно увлекает...
Немедля надо действовать, не то Счастлирое исчезнет сочетание,
Движень вечном звездный небосвод!

ЛИТЕРАТУРА

1. Gardiner S.R. The Thirty Years' War 1618–1648. New York : Scribner, Armstrong & Co, 1874. 233 p.
2. Gindely A. History of the Thirty Years' War / 1883. reprint by BiblioBazaar, 2009. 480 p.
3. Wedgwood V. The Thirty Years War. 1938. reprinted by NYRB Classics, 2005. 536 p.
4. Langer The Thirty Years' War. Leipzig, 1978. Eng. edn. Poole, 1980.
5. Livet G. La guerre de Trente ans. Paris, 1963.
6. Pages G. The Thirty Years War, 1618–1648. A & C Black 1938, reprint 1970. 269 p.
7. Polišenský J.V. Thirty Years War. University of California, 1971. 305 p.
8. Benecke G. Germany in The Thirty Years' War. London, 1978.
9. Steinberg S.H. Thirty Years War" and the Conflict for European Hegemony, 1600–1660. Norton, 1967. 128 p.
10. Rabb T.K. The Thirty Years' War. Problems of motive, extent and effect. Lexington, 1964. 94 p.
11. Parker G. The Thirty Years' War. First published in 1984, reprinted 1988 by Routledge London and New York. 316 p.
12. Reade H.G. Sidelights on the Thirty Years War. K. Paul, Trench, Trubner, 1924. Vol. 1–3.
13. Beller E.A. Propaganda in Germany during the Thirty years war. Princeton University press, 1940. 254 p.
14. Wedgwood V. Richelieu and the French Monarchy. Macmillan Pub Co, 1949, revised edition 1962. 155 p.
15. Watson F. Wallenstein: Soldier under Saturn: A Biography. D. Appleton-Century, 1938. 439 p.
16. Godley E.C. The Great Condé: A Life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé. London : Murray, 1915. 676 p.
17. Weyland M. Turenne: Marshal of France. London : George C. Harrap, 1930.
18. Ahnlund N. Gustavus Adolphus the Great. History Book Club, 1940 reprint 1999. 314 p.
19. Parker G. Europe in Crisis: 1598–1648. Wiley-Blackwell; 2 edition, 2001. 348 p.
20. Maland D. Europe at War, 1600–1650. Rowman & Littlefield Pub Inc., 1979. 219 p.
21. Lee S.J. The Thirty Years War. Routledge; Reissue edition, 2002. 73p.
22. Darby G. The Thirty Years War. Hodder & Stoughton Educational, 2001. 113 p.
23. Limm P. The Thirty Years War. Longman, 1984. 134 p.
24. Wilson P. The Thirty Years War: Europe's Tragedy. Belknap Press; Reprint edition, 2011. 1024 p.
25. Asch R.G. The Thirty Years War: The Holy Roman Empire and Europe, 1618–1648. Palgrave Macmillan. 259 p.
26. Polišenský J.V. War and Society in Europe, 1618–1648. Cambridge University Press. 276 p.
27. Helfferich Tryntje The Thirty Years War: A Documentary History Hackett Publishing Company, Inc., 2009. 352 p.
28. Wilson Peter H. The Thirty Years War: A Sourcebook Palgrave Macmillan, 2010. 240 p.
29. Croxton D., Tischer A. The Peace of Westphalia: A Historical Dictionary. Greenwood Press, 2002. 376 p.
30. Black J. European Warfare 1453–1815. Palgrave Macmillan, 1999. 297 p.
31. Guthrie William P. Battles of the Thirty Years War: From White Mountain to Nordlingen, 1618–1635. Praeger, 2001. 352 p.
32. Guthrie William P. The Later Thirty Years War: From the Battle of Wittstock to the Treaty of Westphalia. Praeger, 2003. 320 p.
33. Guthrie William P. Naval Actions of the Thirty Years War // The Mariner's Mirror 87 (August 2001).
34. Repgen K., Müller-Luckner E. Krieg und Politik 1618–1648: Europäische Probleme und Perspektive. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1988. 454 S.
35. Murdoch S. Scotland and the Thirty Years War, 1618–1648. Brill, 2001. 328 p.
36. Wagner E. European Weapons and Warfare, 1618–1648. Winged Hussar Publishing, 2014. 296 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

MAIN SCIENTIFIC FIELDS OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF THE THIRTY YEARS' WAR HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 119–123.

DOI: 10.17223/15617793/432/15

Nikolai N. Lydin, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Intel80486@yandex.ru

Keywords: Thirty Years' War; historiography; English-language historiography; military history; military revolution; military evolution.

The article deals with the history of the Thirty Years' War study in the English-language historiography in the 20th–21st centuries. Main characteristics of British historiography in the beginning of Modern History are given. The article gives a brief overview of the main scientific patterns of studying the events of the Thirty Years' War, characteristic of modern English-language historical science. English-language historiography refers to scientific achievements of scholars not only from the United Kingdom and the United States, but also publications of any other European (in this case mainly German, Danish, French and Czech) historians which were published in English and are actively used in historical society. In general, it should be noted that the use of scientific achievements of scholars from other countries in the study of the Thirty Years' War history is quite typical for English-language historiography. This can be explained by the situation when parallelly with this “continental” war came the outcome of the English Civil War, which is steadily more interesting for British historians. The English-language historiography of the Thirty Years' War at the present stage represents both traditional themes of military history and new topics that appeared in the second half of the 20th century. Among the traditional, we can highlight descriptions of various military campaigns and battles, biographies of talented generals, kings and politicians. Among the new, we can note different attempts to expand the chronological and territorial framework of the war, as well as the use of the Thirty Years' War as one of the illustrations of the processes of military revolution or evolution in the European military art and technologies of the 16th–17th centuries. Also, among different modern methods of presenting material, we can underline the “day-by-day” method of submitting material that is popular for today's military history. This method usually does not involve the creation of any original author's interpretations of current events, but instead it suggests a scrupulous presentation of the material with is chronologically divided into day-by-day periods or, for important events, hour-by-hour periods. In general, the historiography of the Thirty Years' War can be characterized as successive, which uses many of predecessors' achievements; on the other hand, there is a high degree of openness in British and American scientific community for foreign researchers and the emergence of a sufficiently large number of fundamentally new areas of research. At the same time, the Thirty Years' War unfortunately is not the most demanded topic of military history; it is substantially inferior to the subjects of the national English and American history, as well as the Modern History.

REFERENCES

1. Gardiner, S.R. (1874) *The Thirty Years' War 1618–1648*. New York: Scribner, Armstrong & Co.
2. Gindely, A. (2009) *History of the Thirty Years' War*. 1883 reprint by BiblioBazaar.
3. Wedgwood, V. (2005) *The Thirty Years' War*. 1938 reprinted by NYRB Classics.
4. Langer (1980) *The Thirty Years' War*. Leipzig: Eng. edn. Poole.
5. Livet, G. (1963) *La guerre de Trente ans* [The Thirty Years' War]. Paris: Presses Universitaires De France.
6. Pages, G. (1970) *The Thirty Years War, 1618–1648*. A & C Black 1938, reprint.
7. Polišínský, J.V. (1971) *Thirty Years War*. University of California.
8. Benecke, G. (1978) *Germany in The Thirty Years' War*. London: Edward Arnold Publishers.
9. Steinberg, S.H. (1967) *Thirty Years' War and the Conflict for European Hegemony, 1600–1660*. New York: Norton.
10. Rabb, T.K. (ed.) (1964) *The Thirty Years' War. Problems of motive, extent and effect*. Lexington.
11. Parker, G. (1988) *The Thirty Years' War*. First published in 1984. Reprinted 1988 by Routledge London and New York.
12. Reade, H.G. (1924) *Sidelights on the Thirty Years' War*. Vols 1–3. London: K. Paul, Trench, Trubner
13. Beller, E.A. (1940) *Propaganda in Germany during the Thirty Years' War*. Princeton University Press.
14. Wedgwood, V. (1962) *Richelieu and the French Monarchy*. 1949, revised edition. Macmillan Pub Co.
15. Watson, F. (1938) *Wallenstein: Soldier under Saturn: A Biography*. D. Appleton-Century.
16. Godley, E.C. (1915) *The Great Condé: A Life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé*. London: Murray.
17. Weyland, M. (1930) *Turenne: Marshal of France*. London: George C. Harrap.
18. Ahnlund, N. (1999) *Gustavus Adolphus the Great*. 1940 reprint. History Book Club
19. Parker, G. (2001) *Europe in Crisis: 1598–1648*. 2nd ed. Wiley-Blackwell.
20. Maland, D. (1979) *Europe at War, 1600–1650*. Rowman & Littlefield Pub Inc.
21. Lee, S.J. (2002) *The Thirty Years' War*. Reissue edition. Routledge.
22. Darby, G. (2001) *The Thirty Years' War*. Hodder & Stoughton Educational.
23. Limm, P. (1984) *The Thirty Years' War*. Longman.
24. Wilson, P. (2011) *The Thirty Years' War: Europe's Tragedy*. Belknap Press; Reprint edition.
25. Asch, R.G. (1997) *The Thirty Years' War: The Holy Roman Empire and Europe, 1618–1648*. Palgrave Macmillan.
26. Polišínský, J.V. (1978) *War and Society in Europe, 1618–1648*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Helfferich Tryntje. (2009) *The Thirty Years' War: A Documentary History*. Hackett Publishing Company, Inc.
28. Wilson, P.H. (2010) *The Thirty Years' War: A Sourcebook*. Palgrave Macmillan.
29. Croxton, File & Tischer, A. (2002) *The Peace of Westphalia: A Historical Dictionary*. Greenwood Press.
30. Black, J. (1999) *European Warfare 1453–1815*. Palgrave Macmillan.
31. Guthrie, W.P. (2001) *Battles of the Thirty Years' War: From White Mountain to Nordlingen, 1618–1635*. Praeger.
32. Guthrie, W.P. (2003) *The Later Thirty Years' War: From the Battle of Wittstock to the Treaty of Westphalia*. Praeger.
33. Guthrie, W.P. (2001) Naval Actions of the Thirty Years' War. *The Mariner's Mirror*. 87 (August).
34. Reppen, K. & Müller-Luckner, E. (1988) *Krieg und Politik 1618–1648: Europäische Probleme und Perspektive* [War and Politics 1618–1648: European Problems and Perspective]. Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
35. Murdoch, S. (2001) *Scotland and the Thirty Years' War, 1618–1648*. Brill.
36. Wagner, E. (2014) *European Weapons and Warfare, 1618–1648*. Winged Hussar Publishing.

Received: 20 February 2018

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ (ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА)

Рассматривается деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции. В его цели входило подсчитать убытки советских граждан от иностранных легионеров в период Гражданской войны. На основе конкретно-исторического подхода и ранее не публиковавшихся архивных материалах анализируются процесс организации кампании по сбору претензий граждан, пострадавших от интервенции, ее результаты, а также методы мобилизации населения на выполнение поставленной задачи. Сделаны выводы, что кампания не нашла широкой поддержки со стороны граждан и части советской бюрократии, поскольку заявленные обществом гуманитарные цели носили декларативный характер, а деятельность была ориентирована на решение внешнеполитической задачи – дипломатическое признание СССР.

Ключевые слова: общественные организации; Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции; Сибирский край.

Актуальность темы связана с научным осмыслением проблемы взаимодействия власти и общества. Многообразие целей и форм общественных движений и организаций, степень их свободы в достижении поставленных целей являются важным критерием демократичности режима. Советская действительность в 1920-е гг. характеризуется противоречием между формой и содержанием общественно-политических и социально-экономических институтов. Советский режим создавал видимость их демократизации, не допуская неподконтрольной государству самостоятельности граждан. Многочисленные общественные объединения, действовавшие в этот период в СССР (в 1928 г. зарегистрировано 4 480 организаций и союзов), должны были демонстрировать буржуазному миру широкие возможности для реализации инициативы граждан первого в мире государства трудящихся, не выходя за пределы идеологических установок и административного и правового регламентов [1].

В советский период тема формирования и развития общественных организаций в СССР получила основательное изучение, но выводы и обобщения авторов не могли выходить за рамки марксистской научной парадигмы. В постсоветский период тема рассматривалась в работах Н.Н. Ильиной [1], Н.Е. Жуковой [2] и др. Проведенный авторами анализ правовых источников показал, что в течение 1920-х гг. в СССР происходило законодательное оформление классового подхода в отношении к общественным организациям. В общественно-политической жизни стали доминировать «добровольные массовые общества» и сформировались механизмы государственного контроля за их деятельностью. Широкий спектр общественных организаций (научные, спортивные, литературные, художественные и др.) свидетельствовал о том, что таким образом режим контролировал все сферы жизни социума и использовал «массовые общества» для решения значимых задач, перекладывая на них часть финансового бремени (деятельность на добровольных началах, членские взносы). Именно в 1920-е гг. было положено начало советской практике мобилизации населения при помощи административного ресурса и различных способов манипулирования. Длительный период огосударствления обществен-

ных организаций объясняет инертность институтов гражданского общества в постсоветской России.

Примером политической мобилизации населения является деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции (далее – ОСЖИ), развернувшаяся в 1924–1927 гг. и подчиненная решению внешнеполитической задачи выхода СССР из международной изоляции. Препятствием к заключению мирных договоров был вопрос о дореволюционных долгах и национализированном имуществе иностранных граждан. Страны-кредиторы демонстрировали нежелание конструктивного разрешения проблемы долгов и использовали ее в качестве инструмента давления на советское правительство [3]. Предъявленный советским правительством странам-кредиторам счет за причиненный стране в период интервенции ущерб требовалось подкрепить задокументированными свидетельствами о лишениях советских граждан. Выявлением ущерба, причиненного мирному населению, занималось Общество содействия жертвам интервенции. Кампанию по сбору претензий осуществляли 162 республиканских, краевых, губернских комитета, в подчинении у которых находились уездные, волостные и районные отделы и пункты [4. С. 237]. Предполагалось, что ОСЖИ соберет основную массу контрпретензий в течение 1924 г., когда велись сложные переговоры с Францией и Японией. Однако вопрос о «царских долгах» неоднократно поднимался в последующие годы (Англией в 1924 и 1929 гг., Францией – в 1924 и 1927 гг.) [5. С. 99]. В 1926 г. в Бюллетене Всесоюзного ОСЖИ отмечалось, что «вопрос о русских долгах и претензиях опять стал модным в английской печати и в парламенте» и «неоднократно возбуждался в английском парламенте по самым разным поводам». Поэтому кампания по сбору претензий продолжалась до лета 1927 г. Всего на территории СССР было собрано 1 335 000 заявлений потерпевших. Имущественные потери граждан составили 55 837 7451 руб., а личные – 1 855 895 012 руб. [4. С. 240, 242].

Между тем деятельность ОСЖИ остается малоизвестным фактом. Об обществе встречаются краткие упоминания в работах, посвященных интервенции и Гражданской войне [6. С. 303] и общественно-политической жизни в СССР [7. С. 29]. В настоящей

статье предпринимается попытка рассмотреть деятельность ОСЖИ на территории Сибири (Сибирский край с 1926 г.) по формированию сети территориальных отделений, организации кампании по сбору заявлений лиц, пострадавших от интервенции, и оценить итоги ее работы. Статья подготовлена на основе материалов фонда 35 Государственного архива Новосибирской области. В его коллекцию входит 17 единиц хранения, объединяющих делопроизводственную (протоколы заседаний комитетов) и организационно-распорядительную документацию (временные положения отделений общества, циркуляры); материалы статистики по СССР и по Сибирскому краю.

По официальной версии инициатива создания ОСЖИ исходила от группы общественных и научных деятелей (проф. В.П. Волгин, проф. Н.В. Державин, академики В.Н. Игнатьев, Н.Я. Марр др.) на первом всесоюзном съезде научных работников в 1923 г. В заявлении к СНК высказывалась мысль о необходимости подсчитать убытки советских граждан в противовес «требованиям ущемленных кошельков» стран Антанты [4. С. 234]. Предложение выявить потери населения и противопоставить их «притязаниям иностранных капиталистов» поступило в период сложных переговоров по заключению мирных договоров и сразу же получило одобрение правительства. На основании Постановления СНК от 5 февраля 1924 г. в Москве было создано Временное правление ОСЖИ, которое весной развернуло деятельность по организации сети комитетов на территории всего СССР. Постановление СНК предоставляло Всесоюзному ОСЖИ право легальной деятельности еще до утверждения Устава [8. Л. 5]. В июле 1924 г. при Наркомате иностранных дел была образована особая комиссия по рассмотрению претензий советских граждан [9]. Короткий срок принятия решения об образовании общества и его тесная связь с Наркоматом иностранных дел не оставляют сомнений в том, что Всесоюзному ОСЖИ предстояло выполнять политический заказ государства. Гуманитарная миссия общества («защита интересов граждан Союза Социалистических Советских Республик, пострадавших от вмешательства иностранных правительств во внутренние дела республик») была ширмой для решения внешнеполитических задач. Их приоритетный характер находит подтверждение в организационно-распорядительной документации ОСЖИ. В циркуляре губернским комитетам от 11.10.1924 г. говорилось: «Договор с Англией, предстоящие договора с Францией и Японией неизбежно ставят на очередь вопросы о взаимных претензиях, и наши общества на каждую претензию интервентов должны выдвинуть десять своих» [10. Л. 1]. Ответственность за имущественные и личные потери советских граждан возлагалась на правительства стран, принимавших участие в интервенции, — за действия военнотружеников — граждан этих стран, а также «белых армий», получивших поддержку Антанты. Претензии потерпевших лиц в отношении стран, с которыми уже были заключены договоры (Германия, Польша и др.), не принимались, так же, как и заявления об ущербе, причиненном в период империалистической войны, в результате действий красноармейцев и мероприятий органов советской власти [11. Л. 17 об., 41 об.—42].

Задуманный в Москве проект по сбору контрпретензий «иностранным капиталистам» не мог быть обременительным для бюджета государства. В центре выделялись средства на содержание Правления в Москве (по Уставу 15–20 человек) и специального штата по обработке материалов. Решение проблемы финансирования территориальных отделений в республиках, краях, губерниях перекладывалось на плечи местной советской бюрократии. Одним из источников финансирования должны были стать обязательные членские взносы (вступительные в размере 10 коп., и ежемесячные в размере 5 коп.). Для получения дополнительных средств местные отделения получали право выпускать жетоны и марки [8. Л. 10–17]. Основным расчет Правления Всесоюзного ОСЖИ был на поддержку широких слоев общественности. В июне 1925 г. в Бюллетене Правления подчеркивалось, что деятельность общества не должна быть затратной, поэтому в качестве основного метода работы с населением рекомендовалось использовать различные способы мобилизации общественных сил [11. Л. 15].

На территории Сибири отделения ОСЖИ появились весной 1924 г. В соответствии с рекомендованной структурой (краевой и губернские комитеты, отделы в уездных городах и пункты в волостях) и административно-территориальным делением Сибири (с 1926 г. Сибирского края) были образованы Ново-Николаевский, Енисейский, Иркутский, Омский, Алтайский, Томский губернские комитеты и Сибирский краевой комитет с центром в Ново-Николаевске. Процесс организации сети отделений и пунктов проходил одновременно с начавшейся кампанией по сбору претензий от потерпевших граждан. Не рассчитывая на финансовую помощь из Москвы, руководители губернских комитетов ОСЖИ в Сибири приступили к мобилизации общественных сил, сочетая административные методы с пропагандой. В городах, где еще до революции сформировался культурный слой из академической, научной общественности и служащих, были широкие возможности для пропаганды. В Омске и Ново-Николаевске проводилась агитация среди участников съездов учителей и медицинских работников [12. Л. 6; Д. 9. Л. 76]. В Иркутске была организована серия лекций для служащих Губстатбюро, железной дороги, коллегии защитников, учащейся молодежи политехникума и университета и научных работников [13. Л. 5]. Благодаря пропаганде удалось найти агентов среди студенческой молодежи, которых направляли в сельскую местность для сбора и оформления претензий [11. Л. 22, 25]. Деятельность ОСЖИ освещалась в местной прессе [14. Л. 5]. Хуже всего обстояло дело в Красноярске, где члены комитета ограничились проведением разовой акции — «воскресника» по сбору претензий, которая оказалось непродуктивной — всего 300 заявлений пострадавших [12. Л. 22].

О проблемах, с которыми столкнулись руководители комитетов ОСЖИ в Сибири, можно судить по протоколам заседаний. В декабре 1924 г. Сибирский комитет ОСЖИ подводил итоги работы в Иркутской и Енисейской губерниях. Члены Правления признали, что расчет на активную поддержку общественности

не оправдался. Организация отделений и пунктов по сбору претензий шла медленно из-за «непонимания задач в глухой провинции», отсутствия инициативы со стороны рядовых граждан, «загруженности» советских работников и недостатка финансовых средств. Даже на таком неблагоприятном социальном фоне деятельность Иркутского губернского комитета выглядела вполне успешной и получила положительную оценку Сибирского краевого комитета и Правления ОСЖИ в Москве [12. Л. 22]. В течение 1924 г. в губернии было создано свыше 50 местных отделений общей численностью около 1 000 членов. Даже в отдаленных от Иркутска Нижне-Илимском и Братском районах были пункты по сбору претензий. В течение года (к 1 апреля 1925 г.) губернский комитет собрал 15 тыс. заявлений на сумму 10 млн руб. [11. Л. 25]. Деятельность Енисейского губернского комитета, напротив, подверглась резкой критике и была признана неудовлетворительной. Отмечалось, что члены правления Енисейского комитета не работают над созданием сети отделений по сбору претензий («членские билеты считают излишними») и ограничиваются разовыми мероприятиями [12. Л. 22]. В итоге между Енисейским губернским и Сибирским краевым комитетами ОСЖИ сложилась конфликтная ситуация. В феврале 1925 г. члены правления Енисейского комитета обратились непосредственно в Центр СЖИ, объясняя «вялую» работу по сбору претензий тем, что в губернии проводились перевыборы в сельсоветы. Причину можно было бы считать убедительной, если бы руководители Енисейского комитета не выразили сомнение в целесообразности деятельности ОСЖИ. «Следя за газетами о ходе переговоров с иностранными правительствами, — говорилось в документе, — можно судить о том, что претензии утрачивают свою ценность, а потому мы стоим перед фактом: продолжать ли работу или нет?» [15. Л. 7].

В апреле 1925 г. подводились итоги работы Новониколаевского губернского комитета. К этому времени в губернии было собрано 7 912 заявлений на сумму 3 689 004 руб. Анализ проведенной кампании показал, что Новониколаевский комитет также столкнулся с проблемой создания сети низовых структур. Указывалась причина, по которой граждане отказывались вступать в ОСЖИ — необходимость платить регулярные членские взносы. Хуже всего обстояло дело в самом Новониколаевске, где основная нагрузка легла на плечи 5 членов правления. В городе не удалось создать группу уполномоченных, как это рекомендовалось Правлением в Москве, и привлечь к работе «ответственных» советских работников. В докладе говорилось, что «товарищи, которые могли бы быть пригодны для этой цели, заняты другой общественной работой и уделить хоть минимум времени не могут». Не нашла поддержки деятельность ОСЖИ и со стороны профсоюзов и других общественных организаций. В течение года в городе было собрано всего 74 претензии. В сельской местности Новониколаевской губернии кампания прошла вполне успешно благодаря содействию местной интеллигенции (98,8% всех заявлений потерпевших лиц на сумму 3 522 790 руб. собирали именно в деревне). В отчете указывалась еще

одна проблема, тормозившая ход кампании, — недостаток бланков. Бланки из центра поступали с перебоями, в то время как одному заявителю требовалось оформить претензию в трех экземплярах. Согласно приведенной в докладе статистике по Новониколаевскому уезду в среднем на каждое селение приходилось 2–3 бланка и на каждые 4–5 хозяйств — 1 бланк. Проблема усугублялась тем, что в деревне было мало грамотных людей, поэтому частым явлением была ненамеренная порча бланков. В целом деятельность Новониколаевского губернского комитета в период с 23 марта 1924 г. до 1 апреля 1925 г. была признана «вполне удовлетворительной, а линия... правильной» [16. Л. 76–78, 80, 82].

Итоги работы ОСЖИ за год (с марта 1924 г. и до июня 1925 г.) подводились и в Москве. Правление проделало большую работу по систематизации и проверке претензий на соответствие формальным требованиям, а также обобщению материалов статистики по всему СССР. Был проведен тщательный анализ работы территориальных отделений и выявлены недостатки, которые следовало в будущем устранить. На каждые 2–3 претензии городских жителей и 14 сельских приходился один убитый интервентами; на каждые 2 претензии горожан и 4–5 претензий крестьян — один человек, пострадавший физически (порка плетью и шомполами, истязание, арест и т.д.) [13. Л. 82]. В соответствии с общесоюзными данными одна претензия представляла 5,65 чел. (городе — 4,22, в деревне — 5,96) [4. С. 236, 239]. Однако по мнению членов Правления, количество собранных в сельской местности претензий не отражало реальных потерь населения в период интервенции. Правление пришло к выводу, что большое число крестьян не смогло заявить о своих убытках потому, что кампания в деревнях проводилась не так активно, как в городах.

Другой серьезной проблемой кампании была низкая квалификация инструкторов, которые занимались сбором и оформлением претензий. Проверка документов показала, что большая их часть не соответствовала требованиям. По состоянию на 16 июня 1925 г. доля юридически обоснованных претензий в целом по СССР составляла всего 40,3%. Забракованные документы разделялись на две группы. В одну вошли «дефектные по существу», т.е. не связанные с периодом интервенции или действиями белых и иностранных войск. Во вторую группу попали претензии, забракованные по формально-юридическим признакам. Среди «ошибок» в оформлении были названы: 1) отсутствие указания на место и время событий, а нередко и сами обстоятельства, вследствие которых граждане потерпели убытки; 2) не разграничены личные и имущественные потери либо не указывались сведения о пострадавших (возраст, в чем конкретно выражался ущерб); 3) на доверенностях (таковые должны были оформляться на опекунов несовершеннолетних или недееспособных лиц) отсутствовали либо не были заверены подписи, что вызывало сомнение в их подлинности; 4) безграмотное изложение обстоятельств («тифом хворало все семейство и лошади», «от ранения заболела порогом сердца») [11. Л. 7, 26]. Из-за недостаточного количества бланков

претензии записывались на «клочках бумаги», что снижало их юридическую ценность. В Бюллетене Правления отмечалось, что несоблюдение требований при оформлении документов привело к «непроизводительной трате времени и излишним расходам» [13. Л. 77].

К 15 июня 1925 г. в целом по СССР было собрано 822 685 заявлений, в том числе «сибирских» – 45 985 (5,59%). К моменту завершения кампании летом 1927 г. количество претензий жертв интервенции по Сибирскому краю составило около 80 тыс. (6%) [11. Л. 54–75]. Следует отметить, что на фоне общесоюзных показателей доля юридически грамотно оформленных претензий в Сибири была самой высокой. Из 162 комитетов ОСЖИ разного уровня четыре сибирских вошли в десять самых «производительных». Новониколаевский и Иркутский губернские комитеты представили наибольшее число претензий, соответствовавших формальным требованиям – (78,2 и 77,9% соответственно) и занимали первую и вторую позиции. Четвертое и восьмое место в списке «производительных» комитетов занимали Енисейский (74,2%) и Сибирский Краевой комитеты (67,4%) [Там же. Л. 10, 17 об. – 20].

Остается открытым вопрос о том, были ли использованы во время проведения переговоров о дипломатическом признании собранные Всесоюзным ОСЖИ свидетельства об ущербе, причиненном советским гражданам в ходе интервенции. Доля отбракованных в ходе проверки претензий (по СССР к моменту завершения кампании 31,7%) не могла существенно ослабить впечатление об имущественных и личных потерях населения – это были свидетельства лишений миллионов людей.

Изучение опыта деятельности общественной организации, которая взяла на себя обязанности защищать интересы миллионов людей, позволяет представить состояние социума (умонастроения, степень социальной активности и доверия к политическому режиму) и характер его взаимодействий с советской властью. Кампания по сбору претензий жертв интервенции проводилась в сложных исторических условиях. Советская квазирыночная экономика, порожденная нэпом, переживала кризис. Одновременно происходило утверждение новых административных структур и практик управления. Общество испытывало перегрузки, а советская бюрократия находилась в состоянии цейтнота. Неблагоприятным фактором, отразившимся на работе ОСЖИ, был короткий временной интервал для проведения кампании. За такой срок было сложно подготовить людей, способных быстро и юридически грамотно оформить большое количество претензий. Проведение кампании осложнялось тем, что основная масса населения страны проживала в деревне и была малограмотной. В Сибири доля сельского населения составляла 87% при уровне грамот-

ности 26,71% [16. С. 25–26]. Все вместе это объясняет большую долю забракованных претензий после их проверки на соответствие юридическим требованиям.

Не оправдались ожидания широкой общественной поддержки деятельности ОСЖИ. Отказ граждан вступать в общество из-за необходимости платить членские взносы свидетельствовал об отсутствии у них идейной мотивации. Населению Сибири, как и СССР в целом, особенно в «глухой провинции», пострадавшему в период военного противостояния различных политических сил, было безразлично, кто виновен в их страданиях – «белые», «красные» или интервенты. Тем более оно не понимало, почему нельзя заявлять о потерях, понесенных от действий «белополяков» или германцев (мирные договоры с Польшей и Германией сняли вопросы о взаимных претензиях), а об ущербе, причиненном «белочехами» и «белоказаками», можно и нужно.

Скептическое отношение к кампании продемонстрировала часть советской бюрократии. В Новониколаевске организацией сбора претензий занимались всего 5 человек. Попытка привлечь к работе других «общественников» провалилась. Наиболее явно свое безразличие к целям и задачам ОСЖИ выразили члены правления Енисейского губернского комитета. Для местных советских руководителей, занятых разрешением текущих проблем послевоенного периода, это был очередной проект, спущенный «сверху» и ставший дополнительной нагрузкой.

Исследование деятельности комитетов ОСЖИ в Сибири показало, что процесс проведения кампании по сбору претензий в отдельных губерниях и городах имел специфические черты. Прослеживается определенная связь между наличием культурного слоя, включавшего академическое сообщество, техническую интеллигенцию и служащих, с одной стороны, и готовностью поддерживать значимые для государства направления деятельности – с другой. Благодаря поддержке сельской интеллигенции были собраны претензии в деревнях Новониколаевской губернии. Активное участие в проведении кампании в Иркутске и Иркутской губернии приняла студенческая молодежь. Но численность этих социальных групп в 1920-е гг. была незначительной.

Гуманитарные цели, заявленные в Уставе ОСЖИ, носили формальный характер. Истинная причина учреждения общества заключалась в том, чтобы посредством политической мобилизации советской общественности собрать дополнительные контраргументы для переговоров со странами-кредиторами. После того, как началась «полоса международного признания» СССР, необходимость в обществе отпала. Кампания по сбору претензий пошла на убыль осенью 1926 г., летом 1927 г. территориальные комитеты ОСЖИ были упразднены, а собранные материалы переданы в валютное управление Наркомфина [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. URL: <http://www.arran.ru> (дата обращения: 23.09.2013).
2. Жукова Н.Е. Формирование и развитие общественных организаций в Бурятии в 20-е гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. URL: <http://uverenniy.ru/formirovanie-i-razvitie-obshchestvennih-organizacij-v-buryatii-v.html> (дата обращения: 02.10.2017).
3. Катаонов В.Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М. : Кислород, 2015. 350 с.
4. К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М. : Л., 1929. 245 с.
5. Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 85–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1355714> (дата обращения: 19.05.2017).

6. Интервенция // Сибирская советская энциклопедия. Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2.
7. Туаева Б.В. Жизненные стратегии терского казачества в период трансформаций Российского государства в 1917–1920-х гг. // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 6 (45). С. 19–29. URL: <http://kvkz.ru/history/2610-zhiznennye-strategii-terского-kazachestva-v-period-transformatsiy-rossiyskogo-gosudarstva-v-1917820919208209h-gg.html> (дата обращения: 19.05.2017).
8. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.
9. Постановление от 10 июля 1924 года об учреждении при народном комиссариате иностранных дел особой комиссии по рассмотрению претензий граждан Союза ССР, пострадавших от иностранной интервенции. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2083.htm (дата обращения: 17.10.2017).
10. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11.
12. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 9.
14. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 10.
16. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1928. Вып. 7: Возраст и грамотность населения СССР. С. 26–27. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/16531-vyp-7-voznrast-i-gramotnost-naseleniya-sssr-1928#page/28/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 11.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 12 декабря 2017 г.

ACTIVITIES OF THE ALL-UNION SOCIETY OF ASSISTANCE TO VICTIMS OF THE INTERVENTION IN SIBERIA (THE PRACTICE OF POLITICAL MOBILIZATION OF SOCIETY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 124–129.

DOI: 10.17223/15617793/432/16

Renata V. Oplakanskaya, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roplakanska@mail.ru

Keywords: public organizations; All-Union Society for the Assistance to Victims of the Intervention; Siberian Province.

The article examines the Soviet practice of mobilization of society for the solution of public problems on the example of the All-Union Society for the Assistance to Victims of the Intervention. The Society declared the humanitarian mission to calculate the damage caused to Soviet citizens by the interventionists in contrast to the demands of the Entente countries to admit the “Tsar’s debts”. A concrete historical approach to the research was used. The formation of the Society branches in the provinces and districts of Siberia, the organization of campaign for the collection of the claims of citizens and its results are analyzed. The article is based on unpublished materials of the State Archive of Novosibirsk Oblast (Fund 35). The analysis of organizational and administrative documentation allows asserting that the humanitarian objectives of the Society had a declarative character, the true goals were focused on solving foreign policy tasks: signing of peace treaties with the capitalist countries and breaking of the USSR’s international isolation. This is indicated by the close relationship of the Society with the People’s Commissariat of Foreign Affairs, as well as the timing of the campaign for claim collection, which coincided with the period of negotiations about the conclusion of peace treaties. The Society ceased its activities after a wave of international recognition of the USSR. The research shows that six committees in provinces and a regional committee with a center in Novo-Nikolayevsk were created in Siberia in 1924–1927. At the same time, the campaign for collecting claims was carried out with the formation of a network of the Society’s branches. By 1927 about 80,000 claims were collected in Siberia, which amounted to only 6% from the all-Union indicators. The minor results were caused by the short terms of the campaign. Moreover, it was carried out in difficult social and economic conditions. At the time, new administrative structures and management practices were approved, and local Soviet bureaucracy was overloaded. The basic methods of the population’s mobilization for conducting the campaign for collecting claims were the administrative resource, propaganda and agitation. The most successful campaign was conducted in regions where heads of the committees were able to enlist the support of local intellectuals, students and office workers. But the number of these social groups was insignificant in the 1920s. Generally, the activities of the Society did not gain wide public support in Siberia. The citizens did not want to join the Society for the reason of membership payments. The campaign was complicated by the fact that a large part of the population lived in the country and was illiterate. Part of Soviet local officials showed a skeptical approach to the objectives of the Society. They interpreted it as another top-down project. It remains unclear whether the collected claims of citizens who suffered damage from the intervention were used by Soviet diplomats.

REFERENCES

1. Il’ina, I.N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moscow: IRI RAN, [Online] Available from: <http://www.arran.ru>. (Accessed: 23.09.2013).
2. Zhukova, N.E. (2014) *Formirovanie i razvitie obshchestvennykh organizatsiy v Buryatii v 20-e gg. XX veka* [Formation and development of public organizations in Buryatia in the 1920s]. History Cand. Diss. Ulan-Ude, [Online] Available from: <http://uverenniy.ru/formirovanie-i-razvitie-obshchestvennykh-organizatsiy-v-buryatii-v.html>. (Accessed: 02.10.2017).
3. Katasonov, V.Yu. (2015) *Genuezskaya konferentsiya v kontekste mirovoy i rossiyskoy istorii* [Genoa Conference in the context of world and Russian history]. Moscow: Kislodod.
4. Society for Assistance to Victims of Intervention. (1929) *K desyatiletiyu interventsii. Sbornik statey* [To the tenth anniversary of the intervention. Collection of articles]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
5. Kheyfets, B.A. (2002) *Vneshnie zaymy i dolgi tsarskoy Rossii: istoriya i sovremennaya situatsiya* [External Loans and Debts of Tsarist Russia: History and the Current Situation]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 1 (34). pp. 85–107. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1355714>. (Accessed: 19.05.2017).
6. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1931) *Interventsiya* [Intervention]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otделение OGIЗ.
7. Tuаeva, B.V. (2011) *Zhiznennye strategii terskogo kazachestva v period transformatsiy Rossiyskogo gosudarstva v 1917–1920-kh gg.* [Life Strategies of the Terek Cossacks during the Transformation of the Russian State in the 1917–1920s]. *Izvestiya SOIGSI*. 6(45). pp. 19–29. [Online] Available from: <http://kvkz.ru/history/2610-zhiznennye-strategii-terского-kazachestva-v-period-transformatsiy-rossiyskogo-gosudarstva-v-1917820919208209h-gg.html>. (Accessed: 19.05.2017).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 1. (In Russian).
9. Libussr.ru. (1924) *Postanovlenie ot 10 iyulya 1924 goda ob uchrezhdenii pri narodnom komissariate inostrannykh del osoboy komissii po rassmotreniyu pretenziy grazhdan Soyuzа SSR, postradavshikh ot inostrannoy interventsii* [Resolution of July 10, 1924 on the establishment of a special

committee at the People's Commissariat of Foreign Affairs to examine claims of citizens of the USSR who suffered from foreign intervention].

[Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2083.htm. (Accessed: 17.10.2017).

10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 2. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 11. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 4. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 9. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 3. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 10. (In Russian).
16. TsSU Soyuz SSR. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki* [All-Union population census of 17 December 1926: brief information]. Is. 7. Moscow: "Mospoligraf" 14-ya tip. pp. 26–27. [Online] Available from: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/16531-vyp-7-vozrast-i-gramotnost-naseleniya-sssr-1928#page/28/mode/inspect/zoom/4>. (Accessed: 11.04.2017).

Received: 12 December 2017

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИРКУТСКЕ (ИЮЛЬ 1920 г. – МАРТ 1921 г.)

На основе выявленного автором и ранее не публиковавшегося комплекса отчетных и статистических источников (из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики) проведено детализированное исследование производства денежных знаков Дальневосточной республики в советском Иркутске – аспекта, представленного в российской историографии весьма фрагментарно. Впервые приводятся сведения по изготовлению купюр каждого номинала, позволяющие делать выводы о денежно-эмиссионной политике Дальневосточной республики и экономической ситуации в регионе.

Ключевые слова: Гражданская война; Дальневосточная республика; советская власть; Иркутск; Верхнеудинск; Чита; Экспедиция заготовления государственных бумаг; Гознак; денежное обращение; бонистика.

Одним из беспрецедентных политических последствий Гражданской войны и интервенции стало функционирование на востоке России в 1920–1922 гг. «буферного» государственного образования. Исторический феномен Дальневосточной республики, а также различные аспекты государственной и общественно-политической жизни ДВР для современной историографии сохраняют высокий интерес. Изучение социально-экономической политики традиционно дает выход практически на все сферы жизни государства и общества, приводя к более объемному осмыслению процессов, но финансово-экономическая политика Дальневосточной республики и, в частности, уникальная ситуация, сложившаяся в денежном обращении «буфера», по сравнению с другими историографическими сюжетами, находят гораздо меньшее отражение в трудах исследователей.

Первые попытки обобщенного изучения дальневосточных финансов и денежного обращения периода Гражданской войны были предприняты «по горячим следам» уже в 1920-е гг. (труды А.И. Погребецкого, Л.Н. Юровского, Б.М. Берлацкого, К.П. Курселя и А.А. Лукасюка) [1–4]. Внимание к финансовой политике ДВР в более поздней историографии проявлялось, на наш взгляд, слабее. По факту авторы, повествуя о регулировании денежной сферы в «буферной» республике, во многом повторяют сведения А.И. Погребецкого, практически не добавляя новых данных [5–9]. Некоторое исключение здесь составляют лишь наработки коллекционера М.И. Истомина [10. С. 6–62].

Внимание исследователей к монографии А.И. Погребецкого объяснимо очень высоким авторитетом этого историографа темы. Он был крупным специалистом в финансах (теоретиком и практиком), имел прямой доступ к информации, занимая в 1920–1922 гг. важные административные и финансовые посты в органах власти дальневосточных государственных образований (в том числе в ДВР). Немаловажную роль здесь сыграли его личные контакты с рядом деятелей финансовой сферы Дальнего Востока, в том числе с людьми, руководившими сферой финансов «буфера» – министром финансов ДВР Н.Н. Роммом и главой Центрального управления Государственного банка ДВР П.М. Веремьевым. В исследованиях А.И. Погребецкому помогало даже его хобби – бонистика. В 1920-е гг. его коллекция бумажных денежных знаков, выпущенных в годы революции и

Гражданской войны на востоке России, считалась одним из самых крупных собраний подобного рода [11. С. 444–445].

Отдельные аспекты истории денежно-финансовой сферы ДВР, связанные с производством, введением в обращение и хождением «буферных» денежных знаков в Забайкалье в 1920 г., уже затрагивались нами [12. С. 46–47; 13, 14]. Продолжая рассматривать обозначенный вопрос, стоит отметить, что, по нашему мнению, история печатания «буферных» денег иркутской Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), является почти неисследованным, но при этом достойным освещения региональным экономическим сюжетом. При этом для сравнения следует сказать, что работа в военно-революционный период ЭЗГБ, действовавшей в Петрограде (нынешний Гознак), уже неплохо освещена исследователями [8. С. 11–74; 15–18; 19. С. 300; 20].

Основой для подготовки данного исследования стали выявленные нами ранее не использовавшиеся неопубликованные источники. Это статистические отчеты Иркутской ЭЗГБ о производстве бумажных денежных знаков (из фондов Государственного архива Российской Федерации) [21. Д. 2. Л. 32, 45–50] и меморандум по отчету о ликвидации Иркутской ЭЗГБ от 12 июля 1921 г. (из фондов Российского государственного архива экономики) [22. Л. 6–6 об.]. Следует отметить, что отчетность Иркутской ЭЗГБ по бумажно-денежному производству сохранилась не в полном объеме. Это обстоятельство отчасти затрудняет проведение исследования. Но дошедшие до нас статистические источники, вводимые в научный оборот, весьма актуальны, и прежде всего, тем, что они позволяют сделать ценные выводы об экономических акцентах производства и выпуска «буферных» денег. А это, в свою очередь, дает нам возможность судить о финансовой политике ДВР и экономической ситуации в регионе в тот период в целом. Все выявленные статистические данные об изготовлении Иркутской ЭЗГБ «буферных» денег и их сдаче в распоряжение ДВР (в том числе официальных образцов купюр) для удобства восприятия были сведены в табл. 1–3. Избранный принцип деления статистики производства советской стороной «буферных» денег в Иркутске соотносится и с периодами эмиссии ДВР (о чем будет дано пояснение далее по тексту).

Таблица 1

**Статистические сведения об изготовлении кредитных билетов ДВР и их сдаче Иркутской ЭЗГБ в распоряжение ДВР
в период с 1 апреля по 20 июля 1920 г. [20. Д. 2. Л. 32]**

Период	Номиналы купюр, руб.					Всего, руб.
	3	10	25**	100**	1 000	
За период с 1 апреля * 1920 г.	6 722 880	19 980 000	48 694 650	179 731 300	183 058 000	438 186 830
Сдано в распоряжение ДВР	4 220 880	13 140 000	48 694 650	179 731 300	181 460 000	427 246 830
Остаток на 20 июля 1920 г.	2 502 000	6 840 000	—	—	1 598 000	10 940 000

* Здесь имеется в виду общий отчетный период; производство кредитных указанных в документе кредитных билетов номиналами 3, 10 и 1000 руб. производилось с июля 1920 г.

** Указанные в таблице кредитные билеты номиналами 25 и 100 руб. – купюры с надпечаткой Временной земской власти Прибайкалья.

Таблица 2

**Статистические сведения об изготовлении кредитных билетов ДВР и их сдаче ДВР Иркутской ЭЗГБ
в июле, августе, ноябре 1920 г. [20. Д. 2. Л. 45–47]**

	Период	Номиналы купюр, руб.						Всего, руб.
		1	3	5	10	500	1 000	
Остаток	На 1 июля 1920 г.	—	288 000	—	—	—	—	288 000
	На 1 августа 1920 г.	—	575 988	—	3 150 000	—	—	3 725 988
	На 1 ноября 1920 г.	405 000	—	—	—	25 818 500	—	26 223 500
Изготовлено	За июль 1920 г.	—	9 029 880	—	31 910 000	—	469 710 000	510 649 880
	За весь период	—	10 186 880	—	32 270 000	—	469 710 000	512 266 880
	За август 1920 г.	—	4 931 505	—	2 356 880	—	585 910 000	593 198 385
	За весь период	[Не указано]	[Не указано]	—	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]
	За ноябрь 1920 г.	1 158 365	—	—	—	10 390 500	473 000 000	484 548 865
	За весь период	[Не указано]	—	—	—	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]
Сдано ДВР	За июль 1920 г.	—	8 741 880	—	28 759 960	—	469 706 000	507 207 840
	За весь период	—	9 710 880	—	29 119 960	—	469 706 000	508 536 840
	В т.ч. образцов	—	12	—	40	—	4 000	4 052
	За август 1920 г.	—	1 299 774	—	4 856 950	—	412 963 000	419 119 724
	За весь период	[Не указано]	[Не указано]	—	—	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]
	В т.ч. образцов	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]
	За ноябрь 1920 г.	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]
	За весь период	730 000	—	—	—	26 317 500	172 000 000	199 047 500
Остаток	В т.ч. образцов	12	[Не указано]	[Не указано]	[Не указано]	6 000	10 000	16 012
	На 1 августа 1920 г.	—	575 988	—	3 150 000	—	—	3 725 988
	На 1 сентября 1920 г.	—	4 207 719	—	649 930	—	172 947 000	177 804 649
	На 1 декабря 1920 г.	833 353	—	—	—	9 885 500	300 990 000	311 708 853

Примечание. Там, где составителями документов в графах был поставлен прочерк, в таблице это отражено соответствующим символом. В тех случаях, когда в документах графы были оставлены пустыми, мы приводим формулировку «не указано» (в соответствии с архивоведческой традицией, она взята в квадратные скобки).

Таблица 3

**Статистические сведения об изготовлении кредитных билетов ДВР и их сдаче ДВР Иркутской ЭЗГБ в январе–марте 1921 г.
[20. Д. 2. Л. 48–50]**

	Период	Номиналы купюр, руб.						Всего, руб.
		1	3	5	10	500	1 000	
Остаток	На 1 января 1921 г.	379 353	—	—	—	8 851 500	74 233 000	83 463 853
	На 1 февраля 1921 г.	379 353	—	—	—	8 851 500	397 733 000	406 963 853
	На 1 марта 1921 г.	—	—	—	—	—	180 652 000	180 652 000
Изготовлено	За январь 1921 г.	—	—	—	—	—	323 500 000	323 500 000
	За весь период	1 743 365	15 566 121	17 100 175	34 650 540	629 798 500	2 115 354 000	2 814 212 701
	За февраль 1921 г.	—	—	—	—	—	575 652 000	575 652 000
	За весь период	1 743 365	15 566 121	17 100 175	—	629 798 500	2 691 006 000	3 389 864 701
	За март 1921 г.	—	—	—	—	208 047 500	—	208 047 500
	За весь период	1 743 365	15 566 121	17 100 175	34 650 540	837 846 000	2 691 006 000	3 597 912 201
Сдано ДВР	За январь 1921 г.	—	—	—	—	208 047 500	—	—
	За весь период	1 364 000	15 566 088	17 100 175	34 650 430	650 941 000	1 717 599 000	2 407 220 693
	В т.ч. образцов	12	33	—	110	6 000	22 000	28 155
	За февраль 1921 г.	379 353	—	—	—	8 851 500	792 733 000	801 963 853
	За весь период	1 743 365	15 566 088	17 100 175	34 650 430	629 792 000	2 510 332 000	3 209 184 546
	В т.ч. образцов	12	33	—	110	6 000	22 000	28 155
	За март 1921 г.	—	—	—	—	208 047 500	180 652 000	388 699 500
	За весь период	1 743 353	15 566 088	17 100 175	34 650 430	837 840 000	2 690 984 000	3 597 884 046
	В т.ч. образцов	12	33		110	6 000	22 000	28 155

Говоря о начале производства денег ДВР, стоит обратиться к общему положению дел ЭЗГБ, находившейся с ноября 1919 г. в Иркутске. Этот город, по мнению ряда антибольшевистских деятелей, пусть и вынужденно, но более всего подходил на роль новой колчаковской столицы в период масштабного отступления армии адмирала А.В. Колчака в Сибири [23. С. 142]. Вследствие падения антибольшевистской власти вопрос о вероятном скором упразднении Иркутской ЭЗГБ встал, видимо, уже в конце января 1920 г., т.е. сразу после восстановления в Иркутске советских порядков [14. С. 262–266]. Упразднение эвакуированных из Омска в Иркутск высших органов государственного управления колчаковской власти и ряда их подведомственных учреждений было тогда общей тенденцией. Однако непростая финансовая обстановка в регионе задержала ликвидацию ЭЗГБ на 14 месяцев. Первой и ключевой причиной этого решения НКФ РСФСР была острая необходимость обеспечения Советской Сибири денежной наличностью. И таковая задача была успешно решена к лету 1920 г. посредством выпуска в Иркутске в обращение денежных суррогатов Сибревкома, в производстве которых, была задействована Иркутская ЭЗГБ. А второй причиной задержки упразднения Иркутской ЭЗГБ стало техническое обеспечение советской стороной самостоятельной «буферной» эмиссии, начавшейся с нанесения грифа на кредитные билеты Временной земской власти Прибайкалья весной 1920 г. и продолжившейся производством кредитных билетов Дальневосточной республики в 1920–1921 гг. [12. С. 46–47; 13; 22. Л. 6].

Вопрос о необходимости срочного урегулирования в Прибайкалье денежного обращения и одновременном начале «буфером» собственной денежной эмиссии был поднят уже в марте 1920 г. – накануне провозглашения Дальневосточной республики. Весной 1920 г. в Западном Забайкалье царил «мультивалютный хаос». Фактически в обращении на упомянутой территории находились тогда всевозможные бумажные денежные знаки, дифференцированно принимавшиеся рынком – дореволюционные кредитные билеты, «керенки», «думские», колчаковские, а затем и семеновские денежные знаки, различные частные бонны, японская и китайская валюта, а также деньги РСФСР. При этом рынок традиционно отдавал очевидный приоритет царским купюрам и йене.

В той обстановке для зарождавшегося «буфера» собственная денежная единица была не только мерой к стабилизации экономики региона, но одним из символов новой государственности. По поводу самостоятельной прибайкальской эмиссии Верхнеудинск вел тогда активные телеграфные переговоры с Москвой. В итоге Постановлением СНК РСФСР от 26 марта 1920 г. был установлен порядок обмена «буферных» денежных знаков на общероссийские денежные знаки. Данным постановлением «буферу» предоставлялось право эмиссии в объеме 3 млрд руб. В пределах названной суммы Советская республика возлагала на себя полную экономическую ответственность за «буферные» кредитные билеты, обеспечивая их всем своим достоянием. «Буфер», в свою очередь, обязы-

вался допускать к свободному обращению на своей территории денежные знаки РСФСР на равных условиях с собственными денежными знаками (соответствующая телеграмма была направлена в Верхнеудинск заместителем главы НКФ РСФСР С.Е. Чуцкаевым). Деньги «буфера» платежной силы в РСФСР не имели. На деньги, имеющие хождение в Советской России, купюры ДВР можно было обменять в Иркутском губернском финотделе. На этих основаниях в апреле–июле 1920 г. в Верхнеудинске в обращение поступили кредитные билеты с грифом Временной земской власти Прибайкалья номиналами 25 и 100 руб., напечатанные в США ABNC^Q и не использованные правительством адмирала А.В. Колчака [2. С. 283–284; 13. С. 47, 49].

По всей видимости, уже сразу с началом выпуска этих купюр началась экстренная разработка эскизов денежных знаков с официальной государственной символикой ДВР. Впоследствии эти денежные знаки по своему эмитенту и ареалу хождения получили в широком обиходе неофициальное наименование – «буферные», «буферки» – использовавшееся даже в официальном делопроизводстве, а затем в 1920-е гг. по инерции укоренившееся в коллекционерской среде и исследовательской литературе. Как видно из публикаций В.И. Кутилина, это было тогда распространенным явлением [24; 25; 26. С. 123].

Затрагивая вопрос появления денег ДВР, необходимо сказать о небольшом курсе. Он, по нашему мнению, свидетельствует, прежде всего, о бережном и рациональном отношении сотрудников ЭЗГБ к своему труду. Так, летом 1920 г. в качестве основы для дизайнерского решения при создании будущих кредитных билетов ДВР были использованы имевшиеся в распоряжении Иркутской ЭЗГБ эскизы пробных денежных знаков Российского правительства адмирала А.В. Колчака (с датами 1919–1920 гг.). Эскизы были разработаны сотрудниками ЭЗГБ еще в период «антибольшевистской бытности» учреждения в Омске. Подчеркнем, что уже даже беглый сравнительный анализ изображений (рис. 1) указывает на весьма близкое сходство «буферных» кредитных билетов номиналом 1, 3 и 10 руб. с нереализованными проектами колчаковских купюр того же номинала [27. С. 141–146]. Однако стоит отметить, что в тот период в практике денежного обращения (как в России, так и за рубежом) отмечаются аналогичные случаи применения ранее разработанных, но не востребованных макетов купюр для создания образцов денег других правительств или стран [28. С. 66, 82; 29].

Первыми в июле 1920 г. Иркутской ЭЗГБ были отпечатаны кредитные билеты номиналами 3, 10 и 1 000 руб. Как отмечал в отчете от 20 июля 1920 г. управляющий Иркутской ЭЗГБ С.С. Ермолаев, после утверждения образцов 5- и 500-рублевых купюр продуктивность производства существенно возросла. Средний месячный уровень производства (по графику 25 рабочих дней, 200 рабочих часов в месяц) прогнозировался до 1,2 млрд руб. [21. Д. 2. Л. 33].

А.И. Погребецкий, повествуя о «буферной» эмиссии, обобщенно указывает: «Иркутская фабрика изготовления государственных бумаг по заданию прави-

тельства ДВР изготовляла мелкие кредитные билеты ДВР на простой, довольно хорошего качества бумаге, достоинством в 1, 3, 5 и 10 руб. На них уже был изображен герб ДВР: сноп колосьев на фоне перекрещивающихся кирки и якоря. По мере изготовления билеты выпускались в Верхнеудинске в обращение. Позже

Иркутской фабрикой были изготовлены и правительством ДВР были выпущены в обращение кредитные билеты в 500 и 1 тыс. руб. Всего этих денежных знаков, перечисленных выше достоинств, было выпущено в обращение в Верхнеудинске на сумму 1 906 891 193 руб.» [2. С. 285–286].

Рис. 1. «Буферные» кредитные билеты номиналом 1, 3 и 10 руб. и проект колчаковских купюр того же номинала

Однако здесь стоит внести ряд важных фактических уточнений. Выявленная нами статистика производства «буферных» денег показывает, что партия 3-рублевых кредитных билетов ДВР была отпечатана, по всей видимости, уже к концу июня 1920 г. В июле 1920 г. начали печатать купюры номиналами 10 и 1 000 руб. Производство рублевых и 500-рублевых кредиток началось несколько позднее: приблизительно в период с августа по октябрь 1920 г. (см. табл. 1, 2). Ставка на выпуск 1 000-рублевых кредиток, сделанная финансистами «буфера», была объяснима. Подобная тактика превалирования в денежной эмиссии крупных купюр в тот период у всех властей была распространённым способом экстренной ликвидации

бюджетного дефицита. Позднее всего в номинальном ряде кредитных билетов ДВР появился денежный знак достоинством 5 руб. Хотя его образец и был утвержден в июле 1920 г., но на основании отчетов Иркутской ЭЗГБ мы высказываем предположение, что данная купюра стала выпускаться лишь в декабре 1920 г. В 1921 г. Иркутская ЭЗГБ печатала уже только денежные знаки самых крупных номиналов – 500 и 1000 руб. (см. табл. 3). Это, видимо, было вызвано дефицитом бюджета ДВР, нехваткой в обращении купюр указанных достоинств и, конечно же, растущей инфляцией, из-за которой разменные кредитные билеты в «буфере» стали спешно утрачивать платежную ценность и всякий экономический смысл.

Печатание «буферных» денег с переходом Восточного Забайкалья под контроль сил ДВР после ноября 1920 г. продолжилось в Чите. Эмиссия «буферок» вплоть до мая 1921 г. производилась через Читинское отделение Государственного банка (которое еще в феврале–августе 1920 г. выпускало в обращение бонны атамана Г.М. Семенова). С 1 декабря 1920 г. Читинское отделение Государственного банка было преобразовано в Центральное управление Государственного банка ДВР, получив с повышением статуса и более широкие полномочия [30. С. 178, 180]. А.И. Погребецкий указывает, что денежных знаков ДВР в Чите было выпущено в обращение на сумму 2 050 666 603 руб.; а за весь период «буферной» эмиссии (в Верхнеудинске и Чите) – 4 185 983 746 руб. (в том числе кредитные билеты с надпечаткой Временной земской власти Прибайкалья). Включение в состав ДВР других дальневосточных территорий закономерно привело к увеличению объема «буферной» эмиссии, в которую также вошли выпуски Временного правительства Дальнего Востока (на сумму 650 млн руб.) и Народно-революционного комитета Амурской области (на сумму 69 417 050 руб.). Подводя итоги эмиссии ДВР, А.И. Погребецкий указывает, что фактически она превысила формально согласованную с РСФСР цифру на 1 925 400 796 руб. Кроме того, указанный исследователь свидетельствует, что «буфер» успешно вел переговоры с советской стороной об увеличении своего эмиссионного права до 8 млрд руб. Но данное решение юридически зафиксировано не было. «С точки зрения правовой представляет интерес происшедший казус, как бы освобождающий РСФСР от обусловленной ответственности», – резюмирует экономист [2. С. 288–289]. Мнение А.И. Погребецкого в отношении денежно-эмиссионной политики ДВР подерживает Л.Н. Юровский [3. С. 275].

Говоря о переносе денежно-эмиссионного центра «буфера», необходимо конкретизировать следующий нюанс. Как следует из известной нам статистики выпуска денег ДВР в Иркутске, «сибирская фабрика» фактически не прекращала своей работы почти до момента прекращения выпуска «буферных» денег Читой (см. табл. 3). Отсюда мы высказываем предположение о том, что с переносом административного и денежно-эмиссионного центра ДВР из Верхнеудинска в Читу отлаженный производственный ресурс Иркутской ЭЗГБ, очевидно, пусть и короткий период, но все же еще сохранял свою значимость.

Ликвидация ЭЗГБ в Иркутске явилась частью мероприятий НКФ РСФСР по оптимизации эмиссионной политики и налаживанию правильного снабжения страны денежной наличностью. В тот период были упразднены сразу несколько региональных фабрик Гознака – в Иркутске, Пензе, Перми, Ростове-на-Дону и Ташкенте. Дальнейшая работа ЭЗГБ в провинции, по мнению Наркомфина, виделась бессмысленной, ведь расходные материалы для организации их производства доставлялись из Москвы. При транспортировке грузов в регионы неоднократно случались хищения. Поэтому Центром было решено, что в провинцию проще и логичнее будет доставлять сразу готовую денежную наличность [14. С. 261].

Повторное и на сей раз окончательное решение о полной ликвидации Иркутской ЭЗГБ назрело к концу 1920 г. Оно было связано с началом печатания «буферок» в Чите. Уже в декабре 1920 г. часть персонала и типографского оборудования были вывезены из Иркутска в Москву для технического подкрепления фабрик Гознака. С 3 февраля 1921 г. в Иркутске для упразднения Иркутской ЭЗГБ была сформирована расценочная комиссия – коллегиальный орган, в состав которого вошли сотрудники самой «сибирской фабрики», Министерства финансов ДВР и представители органов власти Иркутской губернии (финансового отдела, совнархоза, РКИ). К 1 апреля 1921 г. Иркутская ЭЗГБ полностью прекратила свою работу. На начало 1921 г. в ее штате значилось 40 служащих и 44 рабочих (это 2/3 от численности штата по состоянию на январь 1920 г.). Часть сотрудников весной 1921 г. уволилась, а часть была направлена работать в ДВР. Оставшееся в Иркутске литографское оборудование ЭЗГБ было передано в Читу. До 1 мая 1921 г. 17 сотрудников Иркутской ЭЗГБ продолжали работу. Под контролем РКИ они составляли акты, выверяя по бухгалтерским книгам материалы и инвентарь. Ликвидационные мероприятия были полностью окончены 15 июня 1921 г., и оставшиеся к тому моменту 7 сотрудников (во главе с бывшим управляющим Иркутской ЭЗГБ Варзугиным) вместе с семьями, имуществом и делами особым эшелоном были направлены в Москву. Приехавшие из Сибири в столицу служащие ЭЗГБ, а также оборудование «сибирской фабрики» поступили в распоряжение НКФ РСФСР [21. Д. 37. Л. 6; 22. Л. 6–6 об.].

В феврале 1921 г., в период, когда уже шли мероприятия по упразднению ЭЗГБ, в Иркутск прибыл вагон, отправленный через Москву Ростовской ЭЗГБ. Полученный ценный груз содержал в себе денежную бумагу с водяными знаками и типографские краски. Но ликвидировавшейся Иркутской ЭЗГБ все эти материалы за ненадобностью были сразу же перенаправлены в распоряжение ДВР [22. Л. 6 об.].

Повествуя о недолгой работе Иркутской ЭЗГБ в 1920–1921 гг., отметим, что кроме производства денежных знаков «сибирская фабрика», как предприятие, имевшее достойное печатное оборудование, по заказам различных советских учреждений изготавливала также разнообразную полиграфическую и типографскую продукцию. Среди образцов подобного «второстепенного» для ЭЗГБ производства были портреты, продовольственные карточки, плакаты, брошюры, бланки (всего 3 006 559 экземпляров, 21 746 см² клише) [Там же. Л. 6]. Однако подобное явление не было из ряда вон выходящим. Ведь и в дореволюционный период, и в годы Гражданской войны предприятия, выпускавшие бумажные денежные знаки, производили и иную печатную продукцию разной степени защиты. Более того, традиция эта существует и сейчас.

Большую часть «советского» периода Иркутской ЭЗГБ ею руководил опытный печатник Сергей Степанович Ермолаев. До 1917 г. он служил техническим директором Товарищества скоропечатни А.А. Левенсона – одной из крупнейших типографий Российской

империи. В антибольшевистском Омске с 1 января 1919 г. С.С. Ермолаев был назначен управляющим ЭЗГБ, а осенью 1919 г. эвакуировался со своим учреждением в Иркутск [31. Л. 1]. На момент ликвидации Иркутской ЭЗГБ ее управляющим значился упомянутый выше некий Варзугин [14. С. 259; 22, Л. 6]. Подробных исследований о жизненном пути и профессиональной деятельности каждого из этих людей на данный момент пока не имеется. Изучение биографий данных людей, а в особенности С.С. Ермолаева, представляет, по нашему мнению, значительный интерес, демонстрируя адаптацию русской технической интеллигенции к коллизиям военно-революционного периода 1917–1922 гг.

Согласно выявленному нами ликвидационному меморандуму Иркутской ЭЗГБ, ею для нужд ДВР за 1920–1921 гг. всего было напечатано денежных знаков на сумму порядка 8 млрд руб. При этом «буферу» было передано в общем объеме денежных знаков 21 928 890 листов на сумму 3 826 309 996 руб. [22. Л. 6–6 об.]. При этом официальный отчет о производстве «буферок» в Иркутске называет несколько меньшую сумму – 3 597 884 046 руб. (см. табл. 3). В итоге, соотнося найденные нами данные со сведениями А.И. Погребецкого, мы предполагаем, что какая-то часть «буферок» «верхнеудинского» выпуска (т.е. напечатанных в Иркутске) могла быть выпущена в обращение в конце 1920 г. в Чите. И это выглядит логично, поскольку для налаживания производства «буферных» денег в Чите все же потребовалось некоторое (пускай и непродолжительное) время.

История существования «буферных» денег была скоротечна, ведь уже с началом эмиссии этих денежных знаков в условиях нестабильной политической и экономической обстановки в регионе началось падение их курса, резко усилившееся после мая 1921 г. Причиной столь острой реакции рынка было, в том

числе, то, что эти денежные знаки (как изначально, так и впоследствии) обращались на крайне незначительной замкнутой территории. Усугубляло обстановку и то, что «буферки» категорически не принимались в соседней Монголии. Курсовая стоимость «буферного» рубля к концу 1921 г. составляла уже менее 1 коп. золотом за 1 000 руб. «буферными» купюрами. Названная совокупность обстоятельств привела за вторую половину 1921 г. к нуллификации «буферок» [2. С. 302; 3. С. 276; 13. С. 285].

Тем не менее «буферная» валюта смогла выполнить свою важную политическую и экономическую функции, обеспечив существование финансов ДВР до момента вхождения Забайкалья, Приамурья и Дальнего Востока в состав РСФСР и перехода указанных территорий на советскую денежную систему. Политическая и экономическая поддержка «буферной» государственности со стороны РСФСР, в конечном счете, поспособствовала реализации ленинского плана по мирному присоединению Русского Дальнего Востока. А в свою очередь, как видно из проделанного нами исследования, работа ЭЗГБ в советском Иркутске, связанная с техническим содействием осуществлению эмиссии ДВР, явилась частью стратегически важных мероприятий советской власти на завершающем этапе Гражданской войны.

Автор выражает большую благодарность за помощь в сборе материалов, использованных для подготовки этой работы, сотруднику Российского государственного архива экономики Дмитрию Борисовичу Сотникову, кандидату исторических наук, сотруднику Исторического архива Омской области Максиму Максимовичу Стельмаку и кандидату исторических наук, исследователю-бонисту Александру Геннадьевичу Баранову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денежное обращение и движение цен в ДВР // Известия НКФ (Москва). 1921. Май–июль. С. 30–31.
2. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин : Издание Общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. 429 с.
3. Наше денежное обращение : сб. материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / под ред. Л.Н. Юровского. М. : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. 354 с.: табл.
4. Денежное обращение на Русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 гг. / сост. К.П. Курсель, А.А. Лукасюк ; под. ред. Б.М. Берлацкого. Чита : Изд-во Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. 64 с.
5. Наволочкин Н.Д. Дело о полутоннах миллионов. Хабаровск : Хабаровское книж. изд-во, 1982. 144 с.
6. Пастухова Е.И. Финансово-денежная деятельность политических режимов на Дальнем Востоке России в 1917–1924 гг. Благовещенск, 2006. 236 с.
7. Денисевич Е.И. Финансовая политика советского государства на Дальнем Востоке России (1922–1930-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 24 с.
8. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб. : Питер, 2009. 222 с.
9. Цветков И.Б. Финансовые органы Дальнего Востока и их деятельность (30-е гг. XVII в. – 1945 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2012. 30 с.
10. Истомин М.И. Каталог денежных знаков гражданской войны в России. Т. VI, ч. 2: Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток (1917–1922). Харьков : СПДФЛ А.В. Чальцев, 2013. 580 с.
11. Петин Д.И. Александр Ильич Погребецкий. Неизвестные факты жизни и деятельности // Альманах «Российского общества историков». Кн. II. [Сб. науч. трудов по истории денежного обращения] / Междунар. ин-т истории денежного обращения [науч. ред. О.В. Парамонов]. М., 2014. С. 435–454.
12. Петин Д.И. Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 44–47.
13. Петин Д.И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г.: новые факты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 41–56.
14. Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.
15. Хромченко М.С. Гознак за 150 лет. М. : Изд. Главного управления Гознака МФ СССР, 1969. 108 с.
16. Вознесенский С.В. Первые сто лет истории Экспедиции заготовления государственных бумаг (1818–1918 гг.) / сост. Т.Н. Смекалова, А.В. Мельников, Н.М. Вечерухин. СПб. : Нестор-История, 2009. 426 с.

17. Ходяков М. В. «Недостаток кредита вызовет в стране анархию»: производственная деятельность Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1917 г. // Новейшая история России. 2010. С. 97–113.
18. Ходяков М. В. «Живая история живого дела»: подготовка истории Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1914–1920 годах // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2012. С. 350–357.
19. Ходяков М. В. Изъятие из денежного обращения и уничтожение кредитных билетов в Санкт-Петербурге в начале XX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 295–305.
20. Ходяков М. В. «Керенки» и их изготовление в Петрограде в 1917 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 116–127.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1584. Оп. 1.
22. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2165.
23. Стельмак М. М. Освещение деятельности Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири в конце 1919 г. (по материалам «Нашей газеты») // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Нижегород, 7 февраля 2014 г.) / отв. ред. А. В. Коричко. Нижегородск. : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2014. Ч. I. С. 142–144.
24. ВИК (Василий Иванович Кутилин). Местные названия бон // Северо-Кавказский коллекционер (Ростов-на-Дону). 1929. № 8. С. 6.
25. ВИК (Василий Иванович Кутилин). Местные названия бон // Северо-Кавказский коллекционер (Ростов-на-Дону). 1930. № 10. С. 12.
26. Петин Д. И. К вопросу о неофициальных названиях денежных знаков территорий бывшей Российской империи в период Гражданской войны // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : История. Новосибирск, 2008. С. 121–123.
27. Истомин М. И. Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Т. VI, ч. 1: Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток (1917–1922). Харьков : СПДФЛ А. В. Чальцев, 2012. 496 с.
28. Шиканова И. С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М. : Нумизматическая литература, 2005. 192 с.
29. Баранов А. Г., Зверев С. В. Причины помещения свастик на российских бумажных деньгах образца 1917 и 1918 гг. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея (Москва, 24–25 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 103–111.
30. Чашин А. И. Бумажные свидетели истории Восточного Забайкалья; [авт. предисл. Д. И. Петин]. Новосибирск : Деалсиб, 2016. 296 с.
31. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 39. Д. 1513.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 января 2018 г.

ON THE ISSUE OF THE PRODUCTION OF BANKNOTES OF THE FAR EASTERN REPUBLIC IN IRKUTSK (JULY 1920 – MARCH 1921)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 130–137.

DOI: 10.17223/15617793/432/17

Dmitriy I. Petin, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Historical Archive of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

Keywords: Civil War; Far Eastern Republic; Soviet Power; Irkutsk; Verkhneudinsk; Chita; Expedition of State Securities; Goznak; currency; notaphily.

One of the unexplored aspects of the functioning of the monetary system of the Far Eastern Republic is the economic assistance to the “buffer” on the part of the RSFSR, and, in particular, the production of “buffer” money by the Irkutsk Expedition of the Preparation of State Securities in 1920–1921. The aim of this work is to study the issue of printing the FER banknotes in Irkutsk. The key methods used in the study are problem-chronological and statistical. Their application allows considering the narrow question of money production in the general context of the events and economic conditions of the Civil War period, based on the quantitative data on the printing of paper money by the FER in Soviet Irkutsk. Although the reports on the production of the FER money in Irkutsk have not been fully preserved, the surviving sources make it possible to draw valuable conclusions about the economic emphasis of production and release of “buffer” money, to judge the financial policy of the FER and the economic situation in the region, to speak about the degree of influence of the RSFSR here. The source basis of the research was the unreported and unpublished statistical documents on the production of paper money in the FER in Soviet Irkutsk from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Economics. The course of the study led to the need to solve the following problems: (1) after considering the general economic situation in the region in the first half of the 1920s, to identify the reasons for the beginning of the “buffer” emission; (2) to determine the degree of influence of the RSFSR on the money-emission policy of the FER; (3) after analyzing the activities of the Irkutsk Expedition for the Preparation of State Securities associated with the printing of “buffer” money, to identify the key trends in the FER’s monetary and emission policy in 1920–1921. Summing up, the author considers it necessary to note that the presented experience of studying the technical side of the FER money issuing leads to a more comprehensive interpretation of historical processes. The “buffer” ruble fulfilled its political and economic functions, ensuring the existence of the FER finance before Transbaikalia, the Amur region and the Far East entered the RSFSR and adopted the Soviet monetary system. Support for the “buffer” on the part of the RSFSR contributed to the implementation of the Leninist plan for the peaceful annexation of the Russian Far East. In turn, the work of the Irkutsk Expedition for the Preparation of State Securities, related to technical assistance in the implementation of the FER money issuing, was part of the strategic actions of the Soviet government in the final stage of the Civil War.

REFERENCES

1. Izvestiya NKF (1921) Denezhnoe obrashchenie i dvizhenie tsen v DVR [Money circulation and price change in the FER]. *Izvestiya NKF*. May–July. pp. 30–31.
2. Pogrebetskiy, A. I. (1924) *Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period Voyny i Revolyutsii (1914–1924)* [Money circulation and bank notes of the Far East for the period of War and Revolution (1914–1924)]. Harbin: Izdanie Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraia i Dal'nevostochno-Sibirskogo Obshchestva “Knizhnoe delo”.
3. Yurovskoy, L. N. (ed.) (1926) *Nashe denezhnoe obrashchenie: sb. materialov po istorii denezhnogo obrashcheniya v 1914–1925 gg.* [Our monetary circulation: materials on the history of monetary circulation in 1914–1925]. Moscow: Finansovoe izd-vo NKF SSSR.
4. Berlatskiy, B. M. (ed.) (1924) *Denezhnoe obrashchenie na Russkom Dal'nem Vostoke s 1918 po 1924 gg.* [Money circulation in the Russian Far East from 1918 to 1924]. Chita: Izd-vo Dal'nevostochno-Sibirskogo Obshchestva “Knizhnoe delo”.
5. Navolochkin, N. D. (1982) *Delo o polutora millionakh* [The case of one and a half million]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizh. izd-vo.

6. Pastukhova, E.I. (2006) *Finansovo-denezhnaya deyatel'nost' politicheskikh rezhimov na Dal'nem Vostoke Rossii v 1917–1924 gg.* [The financial and monetary activity of political regimes in the Far East of Russia in 1917–1924]. Blagoveshchensk: Amurskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey im. G. pp. Novikova-Daurskogo.
7. Denisevich, E.I. (2007) *Finansovaya politika sovetskogo gosudarstva na Dal'nem Vostoke Rossii (1922–1930-e gg.)* [The financial policy of the Soviet state in the Far East of Russia (1922–1930s)]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
8. Khodyakov, M.V. (2009) *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: denezhnoe obrashchenie v Rossii. 1917–1920 gg.* [Money of the Revolution and the Civil War: Money Circulation in Russia. 1917–1920]. St. Petersburg: Piter.
9. Tsvetkov, I.B. (2012) *Finansovye organy Dal'nego Vostoka i ikh deyatel'nost' (30-e gg XVII v. – 1945 g.)* [Financial bodies of the Far East and their activities (1630s–1945)]. Abstract of History Cand. Diss. Khabarovsk.
10. Istomin, M.I. (2013) *Katalog denezhnykh znakov grazhdanskoy voyny v Rossii* [Catalog of monetary symbols of civil war in Russia]. Vol. VI. Pt. 2. Khar'kov: SPDFL A.V. Chal'tsev.
11. Petin, D.I. (2014) Aleksandr Il'ich Pogrebetskiy. Neizvestnye fakty zhizni i deyatel'nosti [Aleksandr Ilyich Pogrebetsky. Unknown facts of life and activity]. *Al'manakh "Rossiyskogo obshchestva istorikov"*. II. pp. 435–454.
12. Petin, D.I. (2010) Denezhnoe obrashchenie i finansovaya politika sovetskoy vlasti v Sibiri v 1919–1920 gg. [Money circulation and financial policy of the Soviet government in Siberia in 1919–1920]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 44–47.
13. Petin, D.I. (2012) Emissionnaya politika dal'nevostochnogo "bufera" v 1920 g.: novye fakty [Emission policy of the Far Eastern "buffer" in 1920: new facts]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2. pp. 41–56.
14. Petin, D.I. (2017) Situation in the department of state securities production in Irkutsk in the beginning of 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 3. pp. 256–270. (In Russian).
15. Khromchenko, M.S. (1969) *Goznak za 150 let* [Goznak for 150 years]. Moscow: Izd. Glavnogo upravleniya Goznaka MF SSSR.
16. Voznesenskiy, S.V. (2009) *Pervye sto let istorii Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag (1818–1918 gg.)* [The first hundred years of the history of the Expedition for the preparation of state securities (1818–1918)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Khodyakov, M.V. (2010) "Nedostatok kredita vyzovet v strane anarkhiyu": proizvodstvennaya deyatel'nost' Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag v 1917 g. ["The lack of credit will cause anarchy in the country": the production activity of the Expedition for the preparation of state securities in 1917]. In: *Noveyshaya istoriya Rossii: vremya, sobytiya, lyudi. Sb. statey i vospominaniy (k 75-letiyu pochetnogo professora SPbGU G.L. Soboleva)* [The newest history of Russia: time, events, people. Articles and memoirs (to the 75th anniversary of the honorary professor of St. Petersburg State University G.L. Sobolev)]. St. Petersburg: Fora-print. pp. 97–113.
18. Khodyakov, M.V. (2012) "Zhivaya istoriya zhivogo dela": podgotovka istorii Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag v 1914–1920 godakh ["Living History of the Living": preparation of the history of the Expedition for the preparation of state securities in 1914–1920]. In: Krivosheev, Yu.V. (ed.) *Problemy istoricheskogo regionovedeniya* [Problems of historical regional studies]. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 350–357.
19. Khodyakov, M.V. (2010) Iz'yatie iz denezhnogo obrashcheniya i unichtozhenie kreditnykh biletov v Sankt-Peterburge v nachale XX v. [The withdrawal from circulation and the destruction of credit cards in St. Petersburg in the early twentieth century]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2. pp. 295–305.
20. Khodyakov, M.V. (2014) "Kerenki" i ikh izgotovlenie v Petrograde v 1917 g. ["Kerenski" and their production in Petrograd in 1917]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 19. pp. 116–127.
21. State Archive of the Russian Federation. Fund R-1584. List 1. (In Russian).
22. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 1. File 2165. (In Russian).
23. Stel'mak, M.M. (2014) [Coverage of the activities of the Czechoslovak Corps in Eastern Siberia at the end of 1919 (based on the materials of Nasha Gazeta)]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects]. Proceedings of the III all-Russian conference. Nizhnevartovsk. 7 February 2014. Pt. 1. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 142–144. (In Russian).
24. Kutilin, V.I. (1929) Mestnye nazvaniya bon [Local names of banknotes]. *Severo-Kavkazskiy kollektsioner*. 8. pp. 6.
25. Kutilin, V.I. (1930) Mestnye nazvaniya bon [Local names of banknotes]. *Severo-Kavkazskiy kollektsioner*. 10. pp. 12.
26. Petin, D.I. (2008) [On the issue of unofficial names of banknotes of the territories of the former Russian Empire during the Civil War]. *Student i nauchno-tehnicheskii progress* [Student and Scientific and Technical Progress]. Proceedings of the XLVI international conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 121–123. (In Russian).
27. Istomin, M.I. (2012) *Katalog denezhnykh znakov grazhdanskoy voyny v Rossii* [Catalog of monetary symbols of civil war in Russia]. Vol. VI. Pt. 1. Khar'kov: SPDFL A.V. Chal'tsev.
28. Shikanova, I.S. (2005) *Stranitsy otechestvennoy istorii v bumazhnykh denezhnykh znakakh* [Pages of Russian history in paper currency]. Moscow: Numizmaticheskaya literatura.
29. Baranov, A.G. & Zverev, S.V. (2014) Prichiny pomeshcheniya svastiki na rossiyskikh bumazhnykh den'gakh obraztsa 1917 i 1918 gg. [The reasons for placing the swastika on Russian paper money of the sample of 1917 and 1918]. In: Zakharov, E.V. et al. (eds) *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Moskva, 24–25 noyabrya 2014 g.)* [Numismatic readings of the State Historical Museum (Moscow, November 24–25, 2014)]. Moscow: Otd. numizmatiki GIM. pp. 103–111.
30. Chashchin, A.I. (2016) *Bumazhnye svideteli istorii Vostochnogo Zabaykal'ya* [Paper witnesses of the history of the Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk: Dealsib.
31. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 39. File 1513. (In Russian).

Received: 03 January 2018

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1947–2017 гг.

Основываясь на работах американских, индийских и российских экспертов, авторы делают вывод, что развитие отношений между Индией и США в 1947–2017 гг. определялось ядерным фактором, Кашмирским вопросом и позицией Китая в Азиатском регионе. После событий 11 сентября 2001 г. сближающим фактором стала необходимость совместной борьбы с международным терроризмом. Учитывая динамику развития двусторонних отношений, основными направлениями сотрудничества двух стран в указанный период были обеспечение безопасности в регионе и экономическое взаимодействие.

Ключевые слова: Индия; США; внешняя политика; неприсоединение; нераспространение; Кашмир.

В преддверии крушения колониальных империй Администрация США довольно благосклонно воспринимала идею независимости Индии [1], несмотря на то что отдельные представители американского истеблишмента высказывали сомнения относительно способности местного правительства управлять таким огромным, многонациональным и бедным населением [2]. Тем не менее после формирования временного правительства Индии во главе с лидером Индийского национального конгресса Дж. Неру исполняющий обязанности госсекретаря США Д. Ачесон получил согласие президента Г. Трумэна на повышение статуса американских дипломатических представительств в Индии с миссий до посольств, что свидетельствовало о желании американской Администрации сотрудничать с временным правительством [1]. Тем не менее еще некоторое время Администрация Трумэна не могла определиться со своим отношением к Индии, которая с получением независимости в 1947 г. стала проводить независимый внешнеполитический курс, став вскоре, ввиду позиции премьер-министра Дж. Неру, одним из лидеров Движения неприсоединения [3].

Следование принципам неприсоединения было необходимо Дж. Неру для того, чтобы оградить страну от побочных эффектов холодной войны, получив статус свободной и дружественной страны как по отношению к обеим сверхдержавам, так и к бывшей метрополии. Однако следование принципам неприсоединения в повседневной дипломатии было делом непростым. Развитие холодной войны постепенно привело к тому, что Администрация Трумэна стала осознавать важность выстраивания отношений с Индией в целях сдерживания СССР в регионе, но политика неприсоединения находила мало поддержки в США и часто расценивалась американскими СМИ как «антизападная» [3]. Напротив, СССР выражал одобрение политики Индии, что в свою очередь находило отклик в Индии, где в дискурсе о вреде колониализма благополучно замалчивался характер отношений между СССР и его сателлитами в Восточной Европе [4].

Тем не менее Дж. Неру стремился к тому, чтобы Индия соответствовала западной модели демократии. Вдобавок страна нуждалась в экономической и военной помощи для создания соответствующей инфраструктуры, на что требовалось время. Именно поэтому Индия стала вести максимально прагматичную внешнюю политику, не пренебрегая силовыми методами для достижения своих целей, что явно продемонстрировала ситуация с Кашмиром [3].

Кашмир был княжеством в Южной Азии с преимущественно мусульманским населением. Хотя после провозглашения независимости Индии и Пакистана ожидалось, что Кашмир присоединится к мусульманскому Пакистану, вспыхнувший на кашмирской территории вооруженный конфликт вынудил правителя Кашмира – махараджу Х. Сингха – подписать Акт о присоединении к Индии в обмен на военную помощь в уничтожении вторгшихся на кашмирскую территорию пакистанских отрядов. Для Дж. Неру, чья семья была родом из Кашмира, сохранение этой территории в составе Индии было очень важным. По мнению премьер-министра, успешное развитие Кашмира в составе Индии продемонстрировало бы Пакистану и всему миру, что Индия является прогрессивной страной. Не добившись решения спора военными средствами, два его участника – Индия и Пакистан, обратились в Совет Безопасности ООН. После объявления о прекращении огня Кашмир оказался разделен между Индией, которой достались около двух третей его территории, и Пакистаном, получившим треть его территории на северо-западе бывшего княжества. Чуть позже стало известно, что Китай также занял горные северо-восточные территории Кашмира [5].

Администрация США не стала вмешиваться в конфликт вокруг Кашмира, предоставив его решение Совету Безопасности ООН. Тем не менее проблема довольно активно обсуждалась во время официального визита Дж. Неру в США в 1949 г. Однако представителям американской Администрации пришлось столкнуться с тем, что Дж. Неру не был готов поступиться кашмирской территорией. Более того, он даже решился посоветовать заокеанским коллегам вести более разумную политику в отношении СССР и признать коммунистический Китай, что вызвало замешательство принимающей стороны [1].

С установлением коммунизма в Китае Администрация США была обеспокоена возможностью того, что за ним последует Индия, поскольку это означало бы фактически победу коммунизма в Азии. И хотя Дж. Неру был не самым сговорчивым партнером, а индийская экономика не представляла большого интереса для американского бизнеса, Индии стали уделять значительное внимание в американской внешнеполитической стратегии 1950-х гг. Американские стратеги предполагали развивать более тесные межправительственные консультации, поставку военной техники и программы экономической помощи для

Индии, надеясь, что это убедит Индию добровольно присоединиться к западному блоку в борьбе против коммунистов. Тем не менее Неру последовательно избегал такого шага, создавая впечатление «ненадежного партнера» для США [1].

Тем временем американская внешняя политика обратилась к тактике заключения региональных пактов безопасности, позволивших бы ей активно противодействовать коммунизму в любой точке мира силами своих союзников. Поскольку новый президент США Д. Эйзенхауэр был ориентирован на политику «отбрасывания коммунизма» по всему миру, позиция Индии в духе неприсоединения не отвечала американским интересам в регионе. После визитов госсекретаря Дж.Ф. Даллеса в Индию и Пакистан в 1953 и 1956 гг. последний стал претендовать на звание стратегического партнера США в регионе, став одним из членов Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) с 1954 г. и Организации Центрального Договора (СЕНТО) с 1955 г. [6]

Индия была встревожена заключением военного соглашения между США и Пакистаном, предполагавшего возможности оказания военной помощи Пакистану его американским партнером. Хотя госсекретарь Дж.Ф. Даллес утверждал, что военная помощь Пакистану была бы в первую очередь направлена на противодействие коммунистическим настроениям и не подрывала военного превосходства Индии в регионе, Дж. Неру расценивал эти шаги Администрации США как реакцию на позицию неприсоединения Индии [1].

Постепенно Администрация Эйзенхауэра стала осознавать, что подобное отчуждение Индии противоречило интересам США. К тому же СССР стал заполнять пустоту, образовавшуюся в регионе ввиду недостаточного внимания к нему со стороны американской внешней политики. Так, СССР делал значительные инвестиции в экономику Индии, от чего первоначально воздерживалась американская Администрация. Учитывая укрепление советско-индийских отношений, Администрацией Эйзенхауэра было принято решение разработать программу экономической помощи Индии, которая могла оказаться весьма актуальной в связи с запуском в 1956 г. Второго пятилетнего плана развития Индии, нацеленного на ее ускоренную индустриализацию [7]. Тем не менее, несмотря на последующий обмен официальными визитами президента США Д. Эйзенхауэра и премьер-министра Индии Дж. Неру, ключевые разногласия по вопросам отношения к коммунизму и разрешения Кашмирского территориального спора не позволили добиться заметного улучшения американо-индийских отношений.

Кратковременное «потепление» в отношениях между Индией и США наступило во время президентства Дж.Ф. Кеннеди. Администрация Кеннеди выделяла в 1962–1963 гг. по одному миллиарду долларов для содействия реализации Третьего пятилетнего плана развития Индии [1]. Тем не менее США не были готовы к силовому варианту развития событий вокруг Гоа, в то время как СССР поддерживал позицию Индии и в Кашмире, и в Гоа. Территория Гоа находилась под контролем португальского правительства, которое не хотело отказываться от нее, утверждая, что она явля-

ется португальской провинцией, а не колонией. США, в отличие от СССР, в этом споре поддержали португальскую позицию, что негативно отразилось на отношениях с Индией, которая смогла в ходе молниеносной военной операции захватить территорию Гоа, провозгласив ее одним из своих штатов [1].

Еще одним доказательством укрепления военной мощи Индии стали военные действия между Индией и Китаем по статусу северо-восточной части территории Кашмира, занятой китайскими войсками. Для Дж. Неру, некогда публично выступавшего за разрешение споров мирными средствами, реалистическая внешняя политика, в том числе с использованием силы, таким образом, стала нормой. Именно военные действия на границе с Китаем вынудили премьер-министра Индии пересмотреть свою позицию и обратиться за военной помощью к США, что заставило китайскую сторону объявить о прекращении огня и оставить почти все занятые территории Кашмира, за исключением региона Аксайчин. Однако поддержка усилий Индии в этом конфликте стоила США доверительных отношений с Пакистаном, который намеревался использовать ситуацию в своих целях для решения кашмирской проблемы [4].

Кроме того, в 1963 г. при содействии Фонда Рокфеллера в Индию был направлен известный американский ученый-селекционер Н. Борлоуг, который трудился над внедрением в сельское хозяйство Индии новых высокоэффективных сортов пшеницы, что позволило в течение 10 лет добиться обеспечения страны хлебом [8].

Однако со смертью Дж.Ф. Кеннеди в 1963 г. и Дж. Неру в 1964 г. закончился и первый этап развития американо-индийских отношений, во время которого они в основном характеризовались настороженностью и подозрительностью. В дальнейшем же отношения между Индией и США еще больше осложнились.

В 1965 г. США во главе с президентом Л. Джонсоном, ввиду ухудшения отношений Индии и Пакистана вокруг кашмирского вопроса, прекратили всякую военную помощь обеим странам. Во время президентства Р. Никсона приоритетом США в Азиатском регионе стало налаживание отношений с Китаем. Пограничный конфликт СССР и КНР в районе о. Даманский в 1969 г. предоставил Администрации Никсона повод для достижения своей внешнеполитической цели. При содействии Пакистана ей это удалось. Однако возможность сближения Пакистана, США и Китая могла настолько осложнить положение Индии в регионе, что она предпочла заручиться поддержкой СССР, подписав с ним 9 августа 1971 г. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Он предусматривал взаимные консультации между сторонами в случае, если одна из них станет объектом агрессии или угрозы со стороны третьего государства [9. С. 46]. В свою очередь США и КНР установили, наконец, дипломатические отношения в 1971 г.

В том же 1971 г. в Восточном Пакистане разразился политический кризис. Индия первоначально не желала вмешиваться, но в связи с расширением потоков беженцев, прибывающих в Индию из региона конфликта, Индии пришлось оказать помощь сторон-

никам независимости Восточного Пакистана, получившего впоследствии название Бангладеш. США негативно отреагировали на шаги Индии в отношении Восточного Пакистана, отправив в Бенгальский залив свои суда, вслед за которыми в Индийский океан прибыли советские суда. Однако полное развертывание военно-морских мощностей обеих сверхдержав в Индийском океане фактически произошло уже после того, как Пакистан потерпел поражение на суше, поэтому все их маневры носили скорее демонстрационный характер [1, 4].

Отношения между Индией и США продолжали ухудшаться на всем протяжении 1970-х гг. В 1974 г. Индия впервые в своей истории провела первое ядерное испытание. Хотя индийское правительство заявляло, что не собирается создавать ядерное оружие, в США это испытание расценили как удар по усилиям Вашингтона в деле обеспечения нераспространения ядерного оружия в мире [10]. В 1975 г. после введения премьер-министром Индии И. Ганди чрезвычайного положения в стране в связи с массовыми протестами, вызванными несогласием оппозиции с результатами парламентских выборов 1971 г. и назначением И. Ганди премьер-министром, отношения между Индией и США окончательно испортились [1].

Вполне логично, что после отмены чрезвычайного положения, проведения новых парламентских выборов, на которых Индийский национальный конгресс потерпел поражение, и назначения нового премьер-министра М. Десаи, ожидалось некоторое потепление в американо-индийских отношениях. Но несмотря на то что руководство обеих стран придерживалось схожих взглядов по вопросам демократии, прав человека и экономического развития, им не удалось договориться по ядерной проблеме. В ответ на отказ Индии подписать Договор о нераспространении ядерного оружия, вступивший в силу в 1970 г., и допустить на свою территорию представителей Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), США прекратили всякую помощь Индии в сфере использования атома как в мирных, так и в военных целях [8].

В конце 1970 – начале 1980-х гг. ситуация в Южной Азии менялась: ввиду вторжения советских войск в Афганистан, которое не было осуждено Индией, возвращения И. Ганди на пост премьер-министра Индии и возобновления американской военной помощи Пакистану, казалось, что индийско-американские отношения находятся в кризисе. Однако Правительство И. Ганди предприняло попытки наладить отношения с Администрацией Рейгана для того, чтобы балансировать между СССР и США в своей внешней политике. После убийства И. Ганди ее сын Раджив, ставший премьер-министром Индии, был намерен продолжать политику по сближению с США. Однако значительный удар по отношениям двух стран нанесла трагедия, разразившаяся в декабре 1984 г. в г. Бхопал в центральной части Индии. Там располагался завод по производству химикатов, построенный дочерней компанией крупной американской фирмы Юнион Карбайд Корпорейшн. Из-за произошедшей на заводе утечки токсичного газа погибли тысячи человек, однако США отказались выдать Индии руководителя компании [8].

Тем не менее, несмотря на трагедию в Бхопале, премьер-министр Р. Ганди вскоре посетил США и подписал с Администрацией Рейгана соглашение о передаче технологий двойного назначения [11]. Желание Индии наладить устойчивые партнерские отношения с США стало явным после окончания холодной войны и ухода СССР с политической арены в азиатском регионе [1]. Поскольку Индия в 1990-х гг. предприняла значительные усилия для активизации своего экономического роста, проведя реформу банковского сектора, либерализацию правил по осуществлению прямых иностранных инвестиций и стабилизации обменных курсов, ее экономика стала гораздо более привлекательной для американского бизнеса. Параллельно развивалось военное сотрудничество между США и Индией, в рамках которого страны провели совместные военно-морские учения в Индийском океане в 1996–1997 гг. [4].

Новое индийское правительство во главе с премьер-министром А.Б. Ваджпаи, сформированное в 1998 г., провело подземные ядерные испытания недалеко от границы с Пакистаном, что, по мнению членов Совета Безопасности ООН, поставило регион на грань гонки ядерных вооружений. В Резолюции 1172, единогласно принятой Совбезом ООН в июне 1998 г., был озвучен призыв ко всем членам международного сообщества воспрепятствовать передаче Индии или Пакистану материалов и технологий, направленных на создание ядерного оружия или средств его доставки [12]. США же не только отзывали своего посла в Индии, но и ввели в действие экономические санкции против Индии [8], что, однако, не помешало двум государствам продолжать интенсивные кулуарные переговоры [3].

В июле 1999 г. разразился очередной индо-пакистанский конфликт вокруг Кашмира, спровоцированный нарушением со стороны Пакистана линии контроля в районе Каргила. Индия ответила на военную операцию Пакистана и смогла отстоять почти все территории, отведенные ей при определении линии контроля. В ходе конфликта США проводили переговоры с обеими сторонами, стараясь предотвратить использование ими ядерного оружия [3].

Постепенно США смирились с индийской ядерной программой, хотя официально и не признали Индию ядерной державой. Индия в свою очередь отказалась подписывать Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний 1996 г., хотя и объявила мораторий на проведение ядерных испытаний. В октябре 1999 г. президент США Б. Клинтон снял значительную часть экономических санкций в отношении Индии [4]. В ходе визита американского президента в Индию были подписаны двусторонние соглашения в сферах торговли, экономического сотрудничества, науки и технологий. В марте 2000 г. США и Индия подписали совместное заявление по вопросу развития двусторонних отношений в XXI в., отметив необходимость развития сотрудничества по вопросам безопасности, ядерного нераспространения, экономики и торговли, образования и т.д. [13]. В дальнейшем отношения между двумя странами переживали подъем.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. и объявления президентом США Дж. Бушем глобальной

войны против терроризма, Индия предложила США свою помощь, что должно было стать предпосылкой для углубления военного сотрудничества. Однако надежды Индии на то, что в сотрудничестве с США она сможет добиться уничтожения террористических баз в Пакистане, не оправдались. Тем не менее президент Дж. Буш снял в сентябре 2001 г. оставшиеся американские санкции против Индии, действовавшие после проведения последней ядерных испытаний в 1998 г. [14]. И все же Индия довольно осторожно отреагировала на вторжение США в Ирак, указав, что могла бы отправить свой военный контингент в регион только под эгидой Совета безопасности ООН, прекрасно понимая, что это маловероятно ввиду того, что огромная часть населения Индии является мусульманами, которые бы никогда такой операции не поддержали [15].

В 2004 г. после очередных парламентских выборов коалиционное правительство Индии возглавил Манмохан Сингх. После посещения в следующем году Индии госсекретарем США К. Райс между двумя государствами был инициирован диалог по вопросам энергетической безопасности, что было важно для Индии, испытывающей нехватку электроэнергии, необходимой для обеспечения ее высоких темпов экономического роста [8]. Таким образом, несмотря на разногласия между Индией и США по вопросам индо-иранского энергетического сотрудничества и поставок американской военной техники в Пакистан, США постепенно превращали Индию в своего партнера в регионе, успешно заполнив пустоту, образовавшуюся после ухода России с внешнеполитической арены в азиатском регионе.

В 2005 г. Индия и США подписали рамочное соглашение о военно-техническом сотрудничестве, позволившее Индии присоединиться к Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения – международной программе, инициированной США в 2003 г. для противодействия распространению оружия массового уничтожения путем разрушения нелегальных маршрутов поставок технологий, компонентов и оборудования для его производства [16]. В 2006 г. президенту США Дж. Бушу удалось убедить Конгресс принять Закон о развитии ядерного сотрудничества между США и Индией, который позволил Индии получать ядерные технологии и материалы для использования мирных целях, согласившись при этом на контроль со стороны МАГАТЭ. Таким образом, Индия все больше становилась стратегическим партнером США в регионе в сфере обороны и обеспечения безопасности, сумев преодолеть ограничения, наложенные на нее в связи с реализацией собственной ядерной программы и созданием ядерного оружия. Однако такой успех Индии способствовал ухудшению отношений между США и Пакистаном, который, казалось, терял свое положение стратегического партнера [17].

С приходом в Белый дом президента Б. Обамы будущее американо-индийских отношений было неясным. Будучи сенатором, он высказывался против поставок Индии ядерного топлива, а также за междуна-

родное участие в разрешении Кашмирского вопроса. Госсекретарь Х. Клинтон в своем первом зарубежном турне посетила Азиатско-Тихоокеанский регион, что свидетельствовало о его важности в американской внешнеполитической стратегии. В 2010 г. в ходе визита президента США Б. Обамы между двумя странами были подписаны торговые соглашения на поставки военной и гражданской техники. В результате США удалось нарастить объем своих поставок оружия в Индию с 200 млн долл. (2009 г.) до 10 млрд долл. (2015 г.) [18]. Конечно, между странами продолжались дискуссии по вопросам сотрудничества в ядерной энергетике. Так, например, в 2010 г. в Индии был принят закон об ответственности за ущерб, вызванный некорректным использованием ядерного материала или технологий, ставший отзвуком трагедии в Бхорпале в 1984 г., негативно отразившейся на американо-индийских отношениях. Однако с назначением главы Индийской народной партии Нарендра Модии премьер-министром Индии в 2014 г., несмотря на некоторые торговые споры между Индией и США, сотрудничество двух стран в сфере безопасности и ядерной энергетики продолжило развиваться.

Многочисленные визиты руководителей и глав внешнеполитических ведомств США и Индии в последние годы свидетельствовали о росте значимости Индии в американской внешней политике в Азии. Тем не менее Индия все еще не могла решиться на открытые претензии в отношении лидерства в регионе, опасаясь раздражения со стороны Китая. Индийское правительство прекрасно понимает, что финансовые и торговые связи США с КНР носят беспрецедентный характер. Вдобавок Индия не готова к военному противостоянию с Китаем ни по вопросу части кашмирской территории, занятой Китаем, ни по вопросу обеспечения торговли Индии через Южно-Китайское море, где Китай доминирует и при необходимости может лишить Индию важного торгового маршрута, обеспечивающего половину ее торговли с Юго-Восточной Азией. Чтобы не раздражать могущественного соседа, Индия отказалась от совместного с ВМС США патрулирования Южно-Китайского моря [19]. Тем не менее формально Индия и КНР подписали в 2005 г. соглашение о стратегическом сотрудничестве по региональным и глобальным проблемам, включая изменение климата и обеспечение соблюдения прав человека, сопровождая его совместными военными учениями [20]. США, однако, никак не отреагировали на это сближение, предоставив двум азиатским гигантам самим разбираться со своими отношениями в регионе. И все же, учитывая политическую нестабильность в Пакистане, Индия стала рассматриваться США как один из гарантов стабильности в регионе Южной Азии. Однако, каким образом Индия будет действовать в регионе в дальнейшем и насколько удачно Администрация США сумеет воспользоваться подъемом в американо-индийских отношениях последних лет, во многом зависит как от изменений интересов обеих стран, так и от обстановки в регионе, которая пока далека от стабильности [20].

1. Kux D India and the United States: Estranged Democracies, 1941–1991. Washington, D.C. : National Defence University Press, 1993. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/139676/1993-06_India_US_Estranged.pdf (access date: 23.06.2018).
2. Cohen S.P. India: Emerging Power. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2001. URL: https://books.google.ru/books?id=SV9JDcz3hegC&printsec=frontcover&dq=cohen+2001+india+usa&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=cohen%202001%20india%20usa&f=false (access date: 02.05.2017).
3. Chaudhuri R. Forged in Crisis: India and the United States Since 1947. New York : Oxford University Press, 2014. URL: https://books.google.ru/books?id=hBBVBAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+us+foreign+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (access date: 04.05.2017).
4. Ray J.K. India's Foreign Relations 1947–2007. New Delhi : Routledge, 2011. URL: https://books.google.ru/books?id=B6soCwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+usa+kennedy+1962+war&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=india%20usa%20kennedy%201962%20war&f=false (access date: 01.06.2017).
5. Шикин В. Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире // РСМД. 28.02.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-cto-kak-i-pochemu-vouet-v-kashmire/> (дата обращения: 17.06.2018).
6. Riedel B. JFK's Forgotten Crisis: Tibet, the CIA, and the Sino-Indian War. Harper Collins Publishers, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=B6soCwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+usa+kennedy+1962+war&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=india%20usa%20kennedy%201962%20war&f=false (access date: 01.06.2017).
7. Chary M.S. The Eagle and the Peacock: U.S. Foreign Policy Toward India Since Independence. Westport : Greenwood Press, 1995. URL: https://books.google.ru/books?id=WaoM7jUjZRMc&pg=PA19&dq=chary+india+us+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=chary%20india%20us%20relations&f=false (access date: 07.05.2017).
8. US-India Relations 1947–2015 // Council on Foreign Relations. 2015. URL: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (access date: 17.05.2018).
9. Лунёв С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2(53). С. 24–51. URL: <http://mgimoreview.elpub.ru/jour/article/viewFile/684/668> (дата обращения: 17.06.2018).
10. Chacko P. Indian Foreign Policy: The Politics of Postcolonial Identity from 1947 to 2004. New York : Routledge, 2012. URL: https://books.google.ru/books?id=Hygi-1OfLpgC&pg=PP7&dq=india+usa+priya+chacko&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=india%20usa%20priya%20chacko&f=false (access date: 02.09.2017).
11. Technology Transfer in the Developing Countries. Palgrave Macmillan, 1990. URL: <https://books.google.ru/books?id=8uqDAAAQBAJ&pg=PA159&lpg=PA159&dq=us+india+technology+transfer+1985&source=bl&ots=laf1lAcuur&sig=c3Evtie4zY1wQFCAA7R3QBZ72s&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjCs7-7NrbAhWLC5oKHUfoA2oQ6AEIKDAA#v=onepage&q=us%20india%20technology%20transfer%201985&f=false> (access date: 17.06.2018).
12. Security Council Condemns Nuclear Tests By India And Pakistan. Press Release SC/6528 // UN Security Council. 06.06.1998. URL: <https://www.un.org/press/en/1998/sc6528.doc.htm> (access date: 17.06.2018).
13. Joint U.S.-India Statement. Fact Sheet, released by the Office of the Press Secretary, The White House // US Department of State. 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/global/human_rights/democracy/fs_000321_us_india.html (access date: 17.06.2018).
14. Hodge C.C., Nolan C.J. U.S. presidents and foreign policy. ABC-CLIO, Santa Barbara, 2007. URL: https://books.google.co.in/books?id=qXeRALIwozG&pg=PR4&dq=Hodge+Nolan++US+presidents+and+foreign+policy++ABC+%E2%80%993CLIO&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Hodge%20Nolan%20%20US%20presidents%20and%20foreign%20policy%20%20ABC%20%E2%80%993CLIO&f=false (access date: 17.06.2018).
15. Raja Mohan C. India and the Iraq war // The Hindu. 27 March 2016. URL: <http://www.thehindu.com/2003/03/27/stories/2003032700211000.htm> (access date: 18.06.2018).
16. Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения // ПИР-Центр. URL: <http://pircenter.org/sections/101-iniciativa-po-bezopasnosti-v-borbe-s-rasprostraneniem-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya> (дата обращения: 17.06.2018).
17. Толыкканов П.В. Ядерная сделка Индии и США: взгляд из Пакистана // Институт Ближнего Востока. 28.12.2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5323> (дата обращения: 17.06.2018).
18. Куприянов А. Последний визит к Обаме: Чем закончилась поездка индийского премьера в США // Lenta.ru. 16.06.2016. URL: https://lenta.ru/articles/2016/06/16/india_us/ (дата обращения: 18.06.2018).
19. Захаров А.И. Стратегическое партнерство США и Индии: вызовы для России // Власть. 2016. № 08. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategicheskoe-partnerstvo-ssha-i-indii-vyzovy-dlya-rossii> (дата обращения: 18.06.2018).
20. Jain B.M. India-US Relations in the Age of Uncertainty: An Uneasy Courtship. New York : Routledge, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=UCAFDAAAQBAJ&pg=PA182&dq=chary+india+us+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=chary%20india%20us%20relations&f=false (access date: 09.05.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июля 2018 г.

THE EVOLUTION OF AMERICAN-INDIAN RELATIONS IN 1947–2017

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 138–143.

DOI: 10.17223/15617793/432/18

Anastasia M. Pogorelskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Supreet Singh Sethi, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sunsethiz@gmail.com

Keywords: India; United States; foreign policy; non-alignment; non-proliferation; Kashmir.

The article covers the evolution of the US-Indian relations in 1947–2017. After gaining independence, India adopted non-alignment policy which made the US consider it an unreliable partner. However, the US needed partners for military and political cooperation in Asia badly after China became a communist country. In the 1950s, the US found such a strategic partner. It was Pakistan that participated a lot in establishing such military blocs in Asia as South-East Asia Treaty Organization (SEATO) and Central Treaty Organization (CENTO). The development of the US relations with Pakistan made India turn to cooperation with the USSR. In addition, the US neither supported India in the Kashmir conflict nor acknowledged the communist China, which made the development of the US-India relations even less possible. However, having understood the prospects of complete losing India out of its sphere of influence, the US devised economic aid programme for India as well as agreed for possible military aid against China in Kashmir during the J.F. Kennedy presidency. However, after the death of both J.F. Kennedy and J. Nehru, the US-India relations started to worsen. The US preferred to develop cooperation with China that was an Indian rival for the north-eastern part of Kashmir.

In addition, the US did not support India in its clash with Pakistan in 1971, nor did they approve the Indian nuclear test in 1974. Indian reluctance to give up its nuclear programme caused worsening of the US-Indian relations in the 1970s–1980s. Moreover, the Bhopal tragedy in 1984 when the gas leak incident at the subsidiary of an American company caused death and injury of several thousand Indian citizens harmed the relations between the two countries. After the end of the Cold War, India sought for improving its relations with the US both in economic and military issues. India's economic growth provoked American business interest in cooperation. In addition, military cooperation between the two countries developed. The nuclear weapon test held by India in 1998 harmed the US-Indian relations, because the US promoted the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. However, very soon the US continued developing its trade, science and technology cooperation with India. The 9/11 events and the start of the global war on terror made further military cooperation between the two countries possible. Growth of energy and nuclear cooperation between the two countries made cooperation with India more beneficial for the US than interaction with Pakistan. However, because of the position China holds in Asia and the US foreign policy strategy, India still abstains from claiming the leadership position in Asia. In general, the US-Indian relations within 70 years were determined by nuclear and regional security issues as well as the Kashmir conflict and the position of China in Asia. Moreover, these factors may influence the US-India relations in future, though to a lesser extent.

REFERENCES

1. Kux, D. (1993) *India and the United States: Estranged Democracies, 1941–1991*. Washington, D.C.: National Defence University Press. [Online] Available from: https://www.files.ethz.ch/isn/139676/1993-06_India_US_Estranged.pdf. (Accessed: 23.06.2018).
2. Cohen, S.P. (2001) *India: Emerging Power*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=SV9JDcz3hegC&printsec=frontcover&dq=cohen+2001+india+usa&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=cohen%202001%20india%20usa&f=false. (Accessed: 02.05.2017).
3. Chaudhuri, R. (2014) *Forged in Crisis: India and the United States Since 1947*. New York: Oxford University Press. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=hBBVBAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+us+foreign+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false. (Accessed: 04.05.2017).
4. Ray, J.K. (2011) *India's Foreign Relations 1947–2007*. New Delhi: Routledge. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=B6soCwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+usa+kennedy+1962+war&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=india%20usa%20kennedy%201962%20war&f=false. (Accessed: 01.06.2017).
5. Shikin, V. (2017) Kashmirskiy tupik: kto, kak i pochemu voyuyet v Kashmire [Kashmiri impasse: who, how and why is fighting in Kashmir]. *RSMD*. 28 February. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-voyuyet-v-kashmire/>. (Accessed: 17.06.2018).
6. Riedel, B. (2016) *JFK's Forgotten Crisis: Tibet, the CIA, and the Sino-Indian War*. Harper Collins Publishers. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=B6soCwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=india+usa+kennedy+1962+war&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=india%20usa%20kennedy%201962%20war&f=false. (Accessed: 01.06.2017).
7. Chary, M.S. (1995) *The Eagle and the Peacock: U.S. Foreign Policy Toward India Since Independence*. Westport: Greenwood Press. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=WaoM7UjZRMc&pg=PA19&dq=chary+india+us+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=chary%20india%20us%20relations&f=false. (Accessed: 07.05.2017).
8. Council on Foreign Relations. (2015) *US-India Relations 1947–2015*. [Online] Available from: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations>. (Accessed: 17.05.2018).
9. Lunov, S.I. (2017) Soviet-Indian relations (1955–1971): the birth of a friendship. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2(53). pp. 24–51. [Online] Available from: <https://mgimoreview.elpub.ru/jour/article/viewFile/684/668> (Accessed: 17.06.2018). (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51
10. Chacko, P. (2012) *Indian Foreign Policy: The Politics of Postcolonial Identity from 1947 to 2004*. New York: Routledge, 2012. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=Hygi-1OfLpgC&pg=PP7&dq=india+usa+priya+chacko&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=in-dia%20usa%20priya%20chacko&f=false. (Accessed: 02.09.2017).
11. Chatterji, M. (1990) *Technology Transfer in the Developing Countries*. Palgrave Macmillan. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=8uq-DAAAQBAJ&pg=PA159&lpg=PA159&dq=us+india+technology+transfer+1985&source=bl&ots=Iafi1-Acuur&sig=c3Evtie4zY1wQFcAA7R3QBZ72s&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjCs7-7NrbAhWLC5oKHUfoA2oQ6AEIKDAA#v=onepage&q=us%20india%20technology%20transfer%201985&f=false>. (Accessed: 17.06.2018).
12. UN Security Council. (1998) *Security Council Condemns Nuclear Tests By India And Pakistan*. Press Release SC/6528. [Online] Available from: <https://www.un.org/press/en/1998/sc6528.doc.htm>. (Accessed: 17.06.2018).
13. US Department of State. (2000) *Joint U.S.-India Statement. Fact Sheet, released by the Office of the Press Secretary, The White House*. [Online] Available from: https://1997-2001.state.gov/global/human_rights/democracy/fs_000321_us_india.html. (Accessed: 17.06.2018).
14. Hodge, C.C. & Nolan, C.J. (2007) *US presidents and foreign policy*. Santa Barbara: ABC-CLIO. [Online] Available from: https://books.google.co.in/books?id=qXeRALIwozgc&pg=PR4&dq=Hodge+Nolan++US+presidents+and+foreign+policy++ABC+%E2%80%993CLIO&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Hodge%20Nolan%20%20US%20presidents%20and%20foreign%20policy%20%20ABC%20%E2%80%993CLIO&f=false. (Accessed: 17.06.2018).
15. Raja Mohan, C. (2016) India and the Iraq war. *The Hindu*. 27 March. [Online] Available from <http://www.thehindu.com/2003/03/27/stories/2003032700211000.htm>. (Accessed: 18.06.2018).
16. PIR-Tsentr. (n.d.) *Initsiativa po bezopasnosti v bor'be s rasprostraneniem oruzhiya massovogo unichtozheniya* [The Security Initiative to Combat the Proliferation of Weapons of Mass Destruction]. [Online] Available from: <http://pircenter.org/sections/101-iniciativa-po-bezopasnosti-v-borbe-s-rasprostraneniem-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya>. (Accessed: 17.06.2018).
17. Tolychkanov, P.V. (2006) *Yadernaya sdelka Indii i SSHA: vzglyad iz Pakistana* [Nuclear deal of India and the US: a view from Pakistan]. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=5323>. (Accessed: 17.06.2018).
18. Kupriyanov, A. (2016) Posledniy vizit k Obame: Chem zakonchilas' poyezdka indiyского prem'yera v SSHA [The last visit to Obama: What the trip of the Indian Prime Minister to the US ended up with]. *Lenta.ru*. 16 June. [Online] Available from: https://lenta.ru/articles/2016/06/16/india_us/. (Accessed: 18.06.2018).
19. Zakharov, A.I. (2016) USA–India strategic partnership: challenges for Russia. *Vlast'*. 08. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategicheskoe-partnerstvo-ssha-i-indii-vyzovy-dlya-rossii>. (Accessed: 18.06.2018). (In Russian).
20. Jain, B.M. (2016) *India-US Relations in the Age of Uncertainty: An Uneasy Courtship*. New York: Routledge. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=UCAFDAAAQBAJ&pg=PA182&dq=chary+india+us+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=chary%20india%20us%20relations&f=false. (Accessed: 09.05.2016).

Received: 24 July 2018

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX в.: УБИЙСТВО СИБИРСКОГО ТЮРЕМЩИКА И.С. МОГИЛЕВА

Рассмотрена проблема всероссийского революционного терроризма на примере убийства тобольского тюремного смотрителя И.С. Могилева. Обозначена и прослежена преемственность политического экстремизма, взятого эсерами за основу деятельности в начале XX столетия, с идеологией народовольческой организации. Значительное внимание уделено анализу «тюремного террора», жертвой которого стал сотрудник тюремного ведомства, вступивший в борьбу с революционными настроениями в Тобольском центре.

Ключевые слова: И.С. Могилев; Сибирь; Тобольск; революция; «тюремный террор»; «политическая» каторга.

Антагонизм в развитии государства и социума, достигший апогея на рубеже XIX и XX вв., привел к активному наращиванию революционной силы в Российской империи. Антиправительственные группировки, вступив на тропу войны с самодержавно-бюрократическим строем, главным оружием борьбы избрали политический террор, охвативший все уровни государственной машины. Революционный экстремизм не обошел стороной и тюремное ведомство – его чины столкнулись с таким видом насилия, как «тюремный террор». Впервые данный термин был выделен исследователем К.Н. Морозовым, понимавшим под ним «террористические действия против наиболее рьяных деятелей судебного и тюремного ведомств, прославившихся суровыми приговорами и жестоким обращением с политическими заключенными» [1. С. 330]. Широкое распространение «тюремный террор» получил в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири, поскольку в годы Первой российской революции регион стал местом притока ссыльных арестантов, отбывавших наказание за государственные преступления.

Особое внимание следует обратить на Тобольский центр, где в начале XX в. в результате революционного террора погибли несколько чиновников. Наиболее противоречивой являлась гибель тюремного смотрителя И.С. Могилева, в отношении которой в историографии существуют две точки зрения. Ряд ученых и публицистов склонялись к мнению, что причиной расправы служил жестокий режим тюремного чиновника, и террор представлял собой акт мести членов партии эсеров за истязания своих товарищей в заключении [2–5]. Другой позиции придерживались исследователи, утверждавшие, что тобольские политические преступники рассматривали тюремную систему в качестве враждебного для революции элемента, бороться с которым надлежало путем насилия [6, 7]. Цель данной статьи – рассмотрение террористического убийства И.С. Могилева в контексте всероссийского политического экстремизма.

«Эпидемия боевизма» [8. С. 74], захлестнувшая империю в начале XX столетия, вела свои истоки из народовольческого учения. Родоначальники революционного террора обуславливали переход к политике насилия не «пристрастием к терроризму» [9. С. 122], а необходимостью «вскрыть и показать в ярких образах революционную идею» [10. С. 21]. Всячески подчеркивалась мысль о рождении террора «на почве безна-

дежности разбудить» народ, чтобы «заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России» [11. С. 400]. «Выразители общественного протеста» [12. С. 41] отмечали: «Мы вовсе не держимся за террор во что бы то ни стало. Рука, занесенная для удара, мирно опустится, как только изменится политика правительства» [9. С. 122]. Однако поворот от «приготовления и бросания бомб» [13. С. 8] к более гуманным формам деятельности так и не был осуществлен. Придав освободительному движению определенные «напряжение» и «силу», идеология насилия вывела его на новый путь борьбы «с оружием в руках» [14. С. 167]. В первые годы XX в. политический экстремизм был принят на вооружение партией социалистов-революционеров, чья миссия, подобно народовольцам, заключалась в пробивании «бреши в застывших формах, связывавших мысль в ее преклонении перед авторитетом самодержавной власти» [15. С. 144]. Террористическая борьба, нападение с оружием или бомбой в руках на высших сановников являлись ядром политической активности эсеров. Антиправительственный террор рассматривался партией в качестве «предельного выражения революционного действия» [16. С. 62], а к исполнителям насильственного акта, окруженным ореолом героизма и мученичества [17. Р. 75], относились с нескрываемым благоговением. При этом образ обезличенной жертвы нередко вызывал нескрываемые насмешки в эсеровской среде: «В бульварных романах любят изображать заседания революционных заговорщиков-террористов следующим образом. В полутемной комнате где-нибудь в подвале сидят в черных масках люди и бросают между собой жребий – кто из присутствующих должен взять на себя убийство приговоренного “тайным комитетом” к смерти. И тот, на кого указал рок, идет со смертью в душе, не смея послушаться...» [16. С. 157].

Исполнительным центром социалистов-революционеров являлась Боевая организация, занимавшая «привилегированное» положение в партии: даже центральный комитет, руководивший деятельностью эсеров, не был посвящен в подробности внутренней жизни и планов группировки, как не был осведомлен и об ее личном составе [18. С. 60]. Однако, несмотря на создание из политического террора самостоятельной силы, партийное руководство неоднократно пыталось несколько ограничить порочную практику «безответственных» насильственных актов [1. С. 333]. Свою позицию противники непланового террора отстаивали

следующим образом: «Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду. Враг русской свободы, которого нужно убить прежде всего, при котором не помогут никакие убийства, это – выполнение предписанного правилом молчания и бездействия» [11. С. 397].

Зачастую центр аргументации переносился с вопроса о целесообразности террора на «вопрос о нравственных мотивах его деятелей» [13. С. 5]. Некоторые революционеры приходили к пониманию, что государственный служащий являлся лишь «маленьким винтиком огромной машины», управлявшейся совершенно иными лицами [19. С. 263]. Тем не менее подавляющее большинство эсеров нисколько не сомневались в необходимости применения насилия против чиновников, о чем свидетельствовал размах террористической активности. Согласно подсчетам А.А. Гейфман, с 1901 по 1916 г. жертвами террора стали около 17 тыс. человек, а более половины из них пришлось на период Первой российской революции. За один год, начиная с октября 1905 г., количество убитых и покаленных чиновников в стране составило 3 611 человек, а к концу 1907 г. этот показатель достиг почти 4,5 тыс. В период спада антиправительственных настроений число насильственных актов не уступало количеству убийств, зафиксированных в «разгар революционной анархии». С начала января 1908 г. до середины мая 1910 г. произошло 19 957 терактов и экспроприаций, а общее количество жертв, оказавшихся на счету террористов, превысило 7,5 тыс. [20. С. 31–32].

Широкое распространение революционного террора произошло в пенитенциарных учреждениях страны, где зачастую «достаточно было встретиться с революционерами» и «немножко понять, чего они хотят», чтобы пополнить ряды радикалов [21. С. 120]. «Теперь революцию готовят чиновники», – констатировала общественность, – «сажают в тюрьму людей, которых революционеры, сидящие в тюрьме... настоящим образом готовят для революции. Из тюрьмы эти русские люди выходят бомбометателями» [22. С. 460]. Объяснением радикализации тюремной среды служил приток революционеров в места лишения свободы. Стремительный рост количества заключенных в тюрьмах страны наблюдался с 1905 г. И если в первый год революции их число было равно 85 184, то к 1911 г. оно увеличилось более чем вдвое [23. С. 533]. Не избежал статуса рассадника революции и Тобольский тюремный замок, располагавшийся на территории одной из западносибирских губерний. В 1905–1907 гг. «резервуар, куда стекались все нечистоты» российских тюрем [24. С. 13], пополнился разнообразным составом политических арестантов, начиная солдатами внутренних гарнизонов и заканчивая эсеровскими боевиками. Уже к концу первого десятилетия XX в. доля государственных преступников в одной из тобольских тюрем составляла около половины ее заключенных [25. С. 158].

В результате значительного увеличения политического элемента в застенках, говорить о сохранении прежнего тюремного уклада не приходилось. Отныне в сибирском центре вступала в силу особая каторж-

ная «конституция», ставившая под сомнение всю пенитенциарную практику в целом [26. С. 177]. В ее основе лежали положения социалистической доктрины и октябрьского манифеста «о свободах» [27. С. 151]. Назвать подобные настроения отличительной чертой региона сложно, поскольку редкий политический арестант того времени не рассуждал в духе «если нас не освободит политическая амнистия, то это сделает революционный народ» [28. С. 73]. При этом сознание тобольскими каторжанами достоинства своей личности, «повышенное особым настроением мученичества» [29. С. 214], заставляло тобольских заключенных вести себя «несравненно требовательнее и притязательнее» по отношению к тюремщикам [30. С. 16]. Приказы администрации «политическая» каторга [31. С. 121] Тобольска рассматривала как способ ущемления прав и свобод заключенных, что нередко приводило к открытому противодействию политических каторжан и сотрудников централа. Необходимость решительной борьбы с революционными тенденциями тюремная администрация осознала не сразу. Серьезным толчком к этому послужило убийство смотрителя первой каторжной тюрьмы А.Г. Богоявленского, погибшего от рук социалистов-революционеров в июле 1907 г. [32. Л. 12]. И.С. Могилев, назначенный спустя время на должность предшественника [33. Л. 4], описывал тюремные настроения следующим образом: «Стены камер были увешаны сотнями фотографических карточек всяких революционных деятелей; арестанты не стеснялись петь, шуметь, играть в карты и шашки в нашем присутствии, икон не было – таковые уничтожались» [7. С. 115–116]. Гибель коллеги, ставшего жертвой «тюремного террора», прочно закрепились в сознании И.С. Могилева. Поэтому, несмотря на обещание водворить порядок в тобольских тюрьмах, изначально его управленческие шаги носили весьма осторожный характер. Начальником была выработана определенная стратегия, согласно которой следовало избегать конфронтации с местными каторжанами, отмалчиваться в ответ на их ругательства и демонстративно проявлять агрессию [34. С. 9].

Подобная модель поведения, по мнению представителя тюремного ведомства Н. Поликарпа, не являлась действенной. Относя заключенных к «особой категории людей с черствыми, бронированными душами, не отзывающимися ни на какие нежности, а реагирующими лишь на физическую силу», он отмечал, что они часто требуют для себя различных послаблений, которых добиваются «с изумительной настойчивостью», но, получив их, «сами же издеваются над слабостью начальства, легко идущего на уступки». Для установления в местах заключения необходимого режима, по мнению тюремщика, следовало «быть крайне осторожным», во избежание некоторого «неуместного послабления, которое не замедлит повлечь за собою полную распухлость тюрьмы» [30. С. 14–15]. Политика И.С. Могилева действительно лишь поощряла революционные тенденции внутри тюремной среды, подчинявшейся собственным законам. Однако подобная лояльность объяснялась не ошибкой смотрителя, а более «долгим» навыком управления сибирской администрации, несколько от-

личавшим ее от российского руководства. Выработав собственные методы тюремного контроля, сотрудники централа стремились несколько мягче обращаться с заключенными [35. С. 11], что на практике не всегда приводило к желаемому результату. О причинах управленческих неудач можно судить по воспоминаниям одного из тамошних арестантов: «Молодая политическая каторга – рабочая и крестьянская молодежь, испытывавшая тяжесть флотской и казарменной дисциплины и радость первых восстаний, – несла с собой новые запросы и новый уклад жизни. Еще не вполне оформленная в смысле своего политического мирозерцания, она органически отрицала и режим тюремной дисциплины, как ей казалось, временно выпавшей на ее долю, и уголовное “вольное житье”» [36. С. 228]. По мнению заключенного, именно это обуславливало борьбу революционеров, причем не только с тюремной администрацией, но и с уголовным миром, где вопросы «принципиального и идейного характера» [37. С. 36] уступали место «верноподданническим чувствам по отношению к монарху» [38. С. 49].

На фоне разложения тюремной дисциплины было принято решение об ужесточении режима, о чем И.С. Могилев поспешил предупредить обитателей централа: «Тюрьма должна подчиняться законному режиму, и таковой я во всяком случае проведу». Идея о превращении пенитенциарного учреждения в «институт благородных девиц» ничуть не прельщала политических заключенных, поэтому действия смотрителя нашли среди них соответствующий отклик [26. С. 178]. Отныне тюремной администрации приходилось все чаще сталкиваться с протестами из-за мало-значительных поводов. Арестанты возмущались обращением к каторжанам на «ты», требованием приветствовать тюремщиков словами «здравия желаю», а также действиями «подаванцев», писавших прошения с просьбой о помиловании [5. С. 28]. Волнения и обструкции при этом не являлись единственным способом борьбы со смотрителем. В надежде на смещение неугодного чиновника, политические заключенные развернули активную информационную кампанию против И.С. Могилева, которая заклеила последнего «палачом каторги» [39. С. 262]. Распространившись за пределы тюремных палей, молва о жестоком смотрителе вскоре достигла страниц отечественной прессы. Ежедневные порки розгами и плетью, тридцать суток карцера за малейшее неповиновение и «горячие» камеры, практиковавшиеся перед поркой, чтобы разгорячить кровь [5. С. 27], – унижение арестантов, согласно различным источникам, являлось неотъемлемой частью политики И.С. Могилева. Широкий общественный резонанс вызвали сведения периодической печати о посещении тобольских тюрем шведским композитором В.Н. Гартевельдом. В корреспонденции газеты «Право» сообщалось об описанных иностранцем ужасах могилевского режима и готовившейся ревизии Тобольского централа [40].

Фигура тюремщика попала в обзор не только журналистов, но и политиков. На одном из заседаний III Государственной думы депутаты подняли вопрос о современном положении заключенных в российских каторжных тюрьмах. Обсуждения велись с опорой на полученные сведения о «порядках, полных вопиюще-

го беззакония», которые, как «определенная политическая система», стабильно применялись в тюрьмах Европейской и Азиатской России. В их число вошел и Тобольский тюремный замок [41. С. 1106, 1112]. Особой критике режим смотрителя подвергся со стороны депутата Н.Л. Скалозубова: «Тяжелым кошмаром над жителями г. Тобольска тяготеет каторжная тюрьма, находящаяся в центре города... Возле стен, за которыми нещадно секут, бьют, пытаются в горячих камерах, вешают, сколько-нибудь чуткие нервами люди жить покойно не могут. Мирный, тихий когда-то город в ужасе от этого страшного соседства. Эта жестокость – худая школа для мирных людей, для учащегося юношества. К каким последствиям поведет это внешкольное обучение граждан еще неизвестно, но что яд этой атмосферы действует на людей – несомненно» [42. Л. 4, 6–6 об].

Циркулировавшие слухи о «бездушном службище» [3. С. 110] заставили местную администрацию незамедлительно нанести визит в Тобольский централ. Особого внимания удостоился знаменитый «горячий» карцер, якобы доводивший каторжан до полного изнеможения. Ревизия показала, что в действительности камера не представляла опасности для жизни и здоровья арестантов. Согласно заключению губернских властей, карцер являлся комнатой с объемом воздуха в две кубических сажени ($\approx 9,71 \text{ м}^3$), имел вытяжной вентилятор, сделанный в печи, и отверстие над дверью для притока воздуха шириной и высотой в двенадцать ($\approx 0,53 \text{ м}$) и четыре ($\approx 0,18 \text{ м}$) вершка соответственно. В помещении был устроен деревянный пол, а отопление производилось при помощи печи, обогревавшей также и соседнюю камеру. Это служило причиной того, что зимой при сильной топке температура в нем была несколько выше, чем в других камерах. Означенный карцер нарекли «горячим» вследствие архитектурной особенности, однако общественность поспешила превратить его в комнату для арестантских пыток. Конец кривотолкам решил положить начальник тюремного ведомства П.Г. Курлов, отметивший, что в тобольской тюрьме «не существовало и не существует “горячего карцера”, в котором особо провинившихся арестантов подвергают пыткам и где они “задыхаются от жары” или “мрут как мухи”, как об этом сообщала печать». Итоги проведенной проверки стали подтверждением слов чиновника: «На основании сведений, поступивших как от местного губернского начальства, так и прокурорского надзора, действия г. Могилева, как смотрителя Тобольской каторжной тюрьмы, должны быть признаны закономерными и не представляющими уклонов в сторону произвола». После ревизии централа слухи о служебной деятельности смотрителя и об отягощениях содержания арестантов принято было считать «неверными и извращенными». Ложными оказались и сообщения периодической печати о донесениях собирателя тюремного фольклора Гартевельда. По поводу своего визита в сибирский замок композитор оставил весьма положительный отзыв: «Я посетил между прочим знаменитый горячий карцер, о котором в Тобольске ходит масса самых ужасных легенд. Говорят, что в этом карцере наказанные задыхаются от

жары. Все эти слухи, конечно, сильно преувеличены, и легенда остается легендой... Тобольская каторжная тюрьма занимает в смысле более гуманного отношения начальства к заключенным первое место среди остальных каторжных тюрем». Композитор не преминул написать письмо лично И.С. Могилеву, в котором выразил свое удивление «по поводу образцовой чистоты и порядка» в Тобольском замке [42. Л. 2–3].

Итоги ревизионных проверок обрушили планы тобольских арестантов по возвращению прежнего режима в центральном, и продолжение трудовой деятельности И.С. Могилева означало для них решительное подавление революционного энтузиазма. Важно отметить, что местные антиправительственные группы, в целом, отличались от предыдущего поколения социалистов-революционеров характерным отклонением от партийных принципов. Большинство из них напрочь отрицали необходимость владения даже элементарными знаниями в теоретических вопросах социалистической среды, а философские абстракции и вовсе встречались тобольскими революционерами с неудовольствием. Большую ценность для местных эсеров представляла не способность побеждать в словесных баталиях, а боевой темперамент, направлявший на вооруженную борьбу с монархизмом [20. С. 101–102]. «Жизнь революционера, как и жизнь воина на поле сражения, ежеминутно подвергается опасности. Момент катастрофы с неумолимой неизбежностью наступает для всякого, кто раз навсегда отверг путь компромисса», – писал каторжанин Д.Д. Тахчогло, считавший, что «лучше пасть в настоящем бою, рука об руку с сознавшими себя пролетариями» [29. С. 210–211], чем мириться с тюремным режимом. Напряженные отношения политических арестантов достигли своего апогея, вылившись в бунт 8 января 1908 г. Тюремные волнения привели к жертвам, среди которых числились двое заключенных и старший надзиратель. Согласно приговору суда, треть участников бунта ожидала суровая мера наказания – смертная казнь через повешение [43. Л. 2–3, 12].

Январские события послужили толчком к принятию решения о расправе над представителем власти. Неоднократные угрозы смертью, письмо с сообщением о дате назначенной казни – шестеренки террористического механизма уже были запущены. Исполните-

лем политического убийства являлся «профессиональный революционер» [44. С. 260], административно-ссылный Н.Д. Шишмарев, чьи выстрелы в апреле 1909 г. оборвали жизнь начальника первой каторжной тюрьмы Тобольска [45. Л. 3–4, 11]. На месте преступления эсеры оставили прокламацию, где причиной убийства назвали «возмутительные истязания и издевательства» тюремщика, пригрозив «другим Могилевым» возможной расправой [46. Л. 97–98]. Во время суда Шишмарев, уверенный в «необходимости непосредственно индивидуальных революционных действий» [47. С. 85], держался «удивительно стойко и бодро». Судьбу террориста определил смертный приговор, который, вследствие самоубийства осужденного, не удалось привести в исполнение [48. С. 259]. Гибель чиновника не оставила равнодушными узников централа. Приняв с сочувствием новость о судьбе зрителя, местные уголовные арестанты обратились к священнику с просьбой отслужить в их присутствии панихиду «за упокой преждевременно погибшего» [49. С. 577].

Российский политический экстремизм, основы которого заложили члены организации «Народная воля», изначально рассматривался в качестве временной меры борьбы с самодержавно-бюрократическим строем. В народовольческой среде господствовало мнение, что для охваченных индифферентизмом народных масс отразить революционную идею в полной мере можно лишь путем применения насилия к государственным чиновникам. После достижения данной цели, по мнению народников, надлежало отказаться от террористических актов в пользу мирной деятельности. Но в начале XX столетия революционный террор не был предан забвению и нашел свое продолжение в политической программе эсеров. Получив широкое распространение как в центральных районах, так и на периферии страны, он проник в Тобольский тюремный замок, где жертвой «тюремного террора» стал зритель И.С. Могилев. Сибирский чиновник, столкнувшийся с ростом революционных настроений в тюремной среде, задался целью установить порядок путем ужесточения дисциплины в местных застенках. Однако вступив в противостояние с политическими заключенными, тюремщик был убит приверженцами партии социалистов-революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 624 с.
2. Кадиков Э.Р. Эсеровский террор в Сибири в начале XX века // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2016. № 1. С. 42–69.
3. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск: Ср.-Урал. книж. изд-во, 1975. 224 с.
4. Курусканова Н.П. Пенитенциарная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1. С. 174–182.
5. Трифонов Ю.В. Отблеск костра. Старик. М. : Известия, 1989. 336 с.
6. Науменко Е.А. Технологии лжи в субкультурах Западной Сибири // Былые годы. 2016. Т. 42, № 4. С. 1158–1163.
7. Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. 181 с.
8. Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж : Рус. кн-во, 1910. 223 с.
9. Кеннан Дж. Сибирь! СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. II. 183 с.
10. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск : Типолитография Сибирского тов-ва печатного дела, 1909. Вып. II. 159 с.
11. Выстрел Карповича // Сборник статей В.И. Засулич. СПб. : Издание О.Н. Рутенберг «Библиотека для всех», 1907. Т. II. С. 389–400.
12. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922). Берлин : Гамаюн, 1923. Т. I. 379 с.
13. Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят? // Долой царя! Лондон : Б. и., 1901. 10 с.
14. Берман Л. Новые книги: Южнорусские рабочие союзы // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 4. С. 165–169.
15. Тыркова А.В. К событию 1 марта 1881 года // Былое. 1906. № 5. С. 141–161.

16. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 237 с.
17. Smith S.A. Russia in revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford : Oxford University Press, 2017. 455 p.
18. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж : ИМКА-Пресс, 1985. 205 с.
19. Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. СПб. : Гос. изд-во, 1922. 487 с.
20. Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917. М. : Крон-Пресс, 1997. 448 с.
21. Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С. 114–120.
22. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. 504 с.
23. Як Л. В тюрьмах и в ссылке // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб. : Издание редакции газеты «Речь», 1912. С. 533–540.
24. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб. : Издание В.И. Губинского, 1900. 487 с.
25. Гартевельд В.Н. Каторга и бродяги Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. М. : Отечество, 1995. Вып. 6. С. 148–177.
26. Книга русской скорби. СПб. : Издание Русского народного союза им. Михаила Архангела, 1910. Т. VI. 199 с.
27. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб. : Нестор-История, 2008. 540 с.
28. Парвус А.Л. По тюрьмам во время революции. Мой побег из Сибири. СПб. : Шиповник, 1908. 219 с.
29. С.А. Бунт в тобольской каторжной тюрьме (Из материалов С.С. Анисимова) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 200–224.
30. Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. СПб. : Издание газеты «Русское знамя», 1910. 32 с.
31. Михеев А.П. Тобольская каторга. Омск : Изд-во ОмГПУ; ООО «Издательский дом Наука», 2007. 344 с.
32. Государственный архив в г. Тобольске (далее ГАТ). Ф. И152. Оп. 21. Д. 308.
33. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее ГАСПИТО). Ф. 4012. Оп. 3. Д. 39.
34. Каллистов С. Тобольский централ (1908–1910 гг.) // Тобольский централ. М. : Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 3–13.
35. Убийство Плеве и гибель Сазонова // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 5–16.
36. Каллистов С. Из жизни тобольской каторги (Воспоминания 1908–1910 гг.) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 225–231.
37. Зильберштейн Я. Воспоминания о Смоленской каторжной тюрьме (1909–1910 гг.) // По тюрьмам в эпоху первой революции. М. : Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Кн. VII. С. 29–46.
38. Дрикер Н. По ту сторону тюремной стены (Странички из прошлого и пережитого) // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 39–52.
39. Каллистов С. За товарищей (Памяти Н. Шишмарева) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 262–263.
40. Хроника // Право. 1909. 26 апр.
41. Государственная дума. Стенографические отчеты 1909 г. Третий созыв. Сессия вторая. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб. : Гос. типография, 1909. Ч. IV. 3477 с.
42. ГАТ. Ф. И151. Оп. 1. Д. 15.
43. ГАТ. Ф. И152. Оп. 22. Д. 348.
44. Исакович М. Еще о Н.Д. Шишмареве // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 259–262.
45. ГАТ. Ф. И152. Оп. 23. Д. 193.
46. ГАСПИТО. Ф. 4058. Оп. 1. Д. 17.
47. Торопченков Н. Светлой памяти Николая Дмитриевича Шишмарева // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 85–86.
48. Витязев П. Памяти Н.Д. Шишмарева (Из воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 249–259.
49. Б. фон-Гофланд. И.С. Могилев. (Некролог) // Тюремный вестник. 1909. № 5. С. 576–577.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

REVOLUTIONARY TERRORISM IN RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY: THE MURDER OF THE SIBERIAN WARDER I.S. MOGILEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 144–149.

DOI: 10.17223/15617793/432/19

Viktoriya O. Pyrkh, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vika.inkognito.97@mail.ru

Keywords: I.S. Mogilev; Siberia; Tobolsk; revolution; “prison terror”; “political” katorga.

The aim of the article is to study the political murder of I.S. Mogilev, a Tobolsk central prison warder. Using a microhistorical approach, the author considers the terrorist act in the context of Russian revolutionary extremism, which had been widely spread in the first decade of the 20th century. The historical sources involved in the research (periodicals, sources of personal origin, documents of governmental agencies, archive materials and works of historians and publicists) allow to provide an overall pattern of revolutionary terrorism sprouting in pre-revolutionary Russia thanks to the apologists of the doctrine of the People’s Will. Founders of political terror viewed it as a temporary and transitional stage in struggle against Tsarism, after which a turn followed to a more humane form of liberation movement activities in case of a change in governmental policy. But, according to the author, socialist-revolutionaries, who were confident in the necessity to give terror a permanent character, had a completely different view on the way of transforming Russian reality. Thanks to the active propaganda of the Socialist Revolutionary Party members, the beginning of the 20th century was marked for the empire with the growth of anti-government unrest, directed against officials of every government body, including the penitentiary agency. The author believes that during the events of 1905–1907, Russian prisons became a hotbed of revolutionary sentiments, and officials of the penitentiary system became one of the main symbols of hostile monarchy that required struggling in a violent way. Siberian outskirts did not avoid the tendency of “prison terror”, which characterized violence against jailers in historiography. Mogilev, a warder of Tobolsk central prison, who followed the letter of the law steadily and at the same time maneuvered between a loyal policy and a tightening of discipline, was not accepted by the convicts, half of whom served to the Socialist Revolutionary Party ideas. The reason for it was the character of the penal system, part of the arsenal of punitive forces of Tsarism, with whom the anti-government movement struggled. The author concludes that the unwillingness of the prisoners to tolerate the suppression of their revolutionary enthusiasm and their fighting spirit expressed in obstructions, riots and different stratagems, which stigmatized the warder as a cynical bigot, was the reason for the official’s tragic death. Becoming victim of “prison terror”, Mogilev swelled the numerous ranks of the adherents of the monarchy regime who were killed by revolutionary terrorism.

REFERENCES

1. Morozov, K.N. (1998) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist-Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow: ROSSPEN.

2. Kadikov, E.R. (2016) Terror of the Socialist-Revolutionaries in Siberia at the beginning of the XX century. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: "Istoricheskie nauki"* – Bulletin of Omsk University. Historical Sciences. 1. pp. 42–69. (In Russian).
3. Kopylov, D.I. & Pribyl'skiy, Yu.P. (1975) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sr.-Ural. knizh. izd-vo.
4. Kuruskanova, N.P. (2012) Penitentiary themes in the illegal press of Siberian socialist-revolutionaries at the beginning of the XXth c. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* – Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political science. Religious Studies". 1. pp. 174–182.
5. Trifonov, Yu.V. (1989) *Otblek kostra. Starik* [Reflection of the fire. Old man]. Moscow: Izvestiya.
6. Naumenko, E.A. (2016) The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia. *Bylye gody*. 42(4). pp. 1158–1163. (In Russian).
7. Naumenko, O.N. (2008) *Tobol'skiy tyuremnyy zamok: stranitsy istorii* [Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen: Tyumen State University.
8. Nestroev, G.A. (1910) *Iz dnevnika maksimalista* [From the diary of the maximalist]. Paris: Rus. kn-vo.
9. Kennan, J. (1906) *Sibir'!* [Siberia!]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova.
10. Malinovskiy, I.A. (1909) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and the death penalty]. Is. 2. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tova-va pechatnogo dela.
11. Biblioteka dlya vsekh (1907) *Vystrel Karpovicha* [Karpovich's Shot]. In: *Sbornik statey V.I. Zasulich* [Collection of Articles by V.I. Zasulich]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie O.N. Rutenberg "Biblioteka dlya vsekh".
12. Burtsev, V.L. (1923) *Bor'ba za svobodnuyu Rossiyu. Moi vospominaniya (1882–1922)* [The struggle for free Russia. My memories (1882–1922)]. Vol. 1. Berlin: Gamayun.
13. Burtsev, V.L. (1901) Pravda li, chto terror delayut, no o terrore ne govoryat? [Is it true that terror is done, but they do not talk about terror?]. In: *Doloy tsarya!* [Down with the tsar!]. London: [s.n.].
14. Berman, L. (1925) *Novye knigi: Yuzhnorusskie rabochie soyuzy* [New books: South Russian labor unions]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 4. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
15. Tyrkova, A.V. (1906) *K sobytiyu 1 marta 1881 goda* [To the event on March 1, 1881]. *Byloe*. 5. pp. 141–161.
16. Zenzinov, V.M. (1953) *Perezhitoe* [The Experienced]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
17. Smith, S.A. (2017) *Russia in revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press.
18. Gerasimov, A.V. (1985) *Na lezvi s terroristami* [On the blade with the terrorists]. Paris: IMKA-Press.
19. Genkin, I.I. (1922) *Po tyur'mam i etapam* [In prisons and traveling under guard]. St. Petersburg: Gos. izd-vo.
20. Geyfman, A.A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. Moscow: Kron-Press.
21. Frolov, G. (1924) *Terroristicheskiy akt nad samarskim gubernatorom* [Terrorist act over the Samara governor]. *Katorga i ssylka*. 1 (8). pp. 114–120.
22. Bogdanovich, A.V. (1924) *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik A.V. Bogdanovich* [The last three autocrats. Diary of A.V. Bogdanovich]. Moscow; Leningrad: Izd-vo L.D. Frenkel'.
23. Yak, L. (1912) *V tyur'makh i v ssylke* [In prisons and in exile]. In: *Ezhegodnik gazety "Rech" na 1912 g.* [Yearbook of the newspaper "Rech" in 1912]. St. Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech". pp. 533–540.
24. Maksimov, S.V. (1900) *Sibir' i katorga* [Siberia and penal servitude]. St. Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo.
25. Gartevel'd, V.N. (1995) *Katorga i brodyagi Sibiri* [Katorga and vagrants of Siberia]. *Otechestvo. Kraevedcheskiy al'manakh*. 6. pp. 148–177.
26. Purishkevich, V.M. (ed.) (1910) *Kniga russkoy skorbi* [The Book of Russian Sorrow]. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie Russkogo narodnogo soyuza im. Mikhaila Arkhangela.
27. Lopukhin, V.B. (2008) *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former director of the department of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
28. Parvus, A.L. (1908) *Po tyur'mam vo vremya revolyutsii. Moy pobeg iz Sibiri* [In prisons during the revolution. My escape from Siberia]. St. Petersburg: Shipovnik.
29. S.A. (1923) *Bunt v tobol'skoy katorzhnoy tyur'me* (Iz materialov S.S. Anisimova) [Riot in the Tobolsk katorga prison (From the materials of S.S. Anisimov)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 200–224.
30. Zhurchalo, Ya. (1910) *Sovremennaya tyur'ma i ee osobennosti* [Modern prison and its features]. St. Petersburg: Izdanie gazety "Russkoe znamya".
31. Mikheev, A.P. (2007) *Tobol'skaya katorga* [Tobolsk penal servitude]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; OOO "Izdatel'skiy dom Nauka".
32. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 21. File 308. (In Russian).
33. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPI TO). Fund 4012. List 3. File 39. (In Russian).
34. Kallistov, S. (1925) *Tobol'skiy tsestral* [Tobolsk Prison]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. pp. 3–13.
35. Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) (1925) *Ubiystvo Pleva i gibel' Sazonova* [The murder of Plehve and the death of Sazonov]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
36. Kallistov, S. (1923) *Iz zhizni tobol'skoy katorgi* (Vospominaniya 1908–1910 gg.) [From the life of the Tobolsk penal servitude (Memories of 1908–1910)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 225–231.
37. Zil'bershteyn, Ya. (1925) *Vospominaniya o Smolenskoy katorzhnoy tyur'me* (1909–1910 gg.) [Memoirs about the Smolensk katorga prison (1909–1910)]. In: Shumyatskiy, Ya. (ed.) *Po tyur'mam v epokhu pervoy revolyutsii* [In prisons in the era of the first revolution]. Book 7. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
38. Driker, N. (1925) *Po tu storonu tyuremnoy steny* (Stranichki iz proshlogo i perezhitogo) [On the other side of the prison wall (pages from the past and the experienced)]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
39. Kallistov, S. (1923) *Za tovarishchey* (Pamyati N. Shishmareva) [For comrades (In memory of N. Shishmarev)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 262–263.
40. Pravo. (1909) *Khronika* [Chronicle]. *Pravo*. 26 April.
41. Gos. Tipografiya. (1909) *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety 1909 g. Tretiy sozyv. Sessiya vtoraya. Zasedaniya 101–126 (s 27 aprelya po 2 iyunya 1909 g.)* [The State Duma. Verbatim records 1909. Third convocation. Session two. Meetings 101–126 (from 27 April to 2 June 1909)]. Pt. 4. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
42. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I151. List 1. File 15. (In Russian).
43. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 22. File 348. (In Russian).
44. Isakovich, M. (1923) *Eshche o N.D. Shishmareve* [Once again about N.D. Shishmarev]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 259–262.
45. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 23. File 193. (In Russian).
46. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPI TO). Fund 4058. List 1. File 17. (In Russian).
47. Toropchenov, N. (1925) *Svetloy pamyati Nikolaya Dmitrievicha Shishmareva* [In memory of Nikolai Dmitrievich Shishmarev]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
48. Vityazev, P. (1923) *Pamyati N.D. Shishmareva* (Iz vospominaniy) [In memory of N.D. Shishmarev (From memories)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 249–259.
49. Gofland, W. von. (1909) *I.S. Mogilev. (Nekrolog)* [I.S. Mogilev. (Obituary)]. *Tyuremnyy vestnik*. 5. pp. 576–577.

Received: 10 February 2018

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГОРНОЛЫЖНОГО КУРОРТА ШЕРЕГЕШ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1990–2003 гг.)

Статья посвящена истории создания в Кемеровской области горнолыжного курорта, который в настоящее время стал одним из самых крупных и востребованных туристских объектов страны. В статье рассматривается сложнейший путь развития туристской инфраструктуры в условиях кризисной экономики в конце XX – начале XXI в. в промышленном регионе постсоветской России. Несмотря на множество неблагоприятных внутренних и внешних факторов, благодаря усилиям муниципальных и региональных властей, предпринимательского сообщества и крупных добывающих и металлургических компаний, в Горной Шории появился серьезный туристский объект, принимающий до 1 млн туристов в год.

Ключевые слова: история туризма; горнолыжный курорт; Шерегеш; Горная Шория; Кемеровская область.

Изучение истории создания горнолыжного курорта в Сибири, особенно в таком индустриальном регионе, как Кузбасс, является весьма актуальной задачей. Позитивный опыт преодоления имиджа индустриально-сырьевого региона в российской действительности, к сожалению, пока является редким исключением. Природные ресурсы (уголь, руды и др.) делали и делают Кемеровскую область незаменимой для развития тяжелой и добывающей промышленности. В результате в советское время сформировалась урбанизированная экономика, в которой все города и поселки городского типа были связаны с шахтами, металлургическими, химическими и машиностроительными предприятиями. Внешний и внутренний образ региона стал настолько индустриальным, что термин Кузбасс (Кузнецкий угольный бассейн) стал вторым официальным названием области.

Кузбасс испытал все негативные последствия кризиса и распада советской индустриальной экономики в 80–90-е гг. XX в. Шахты и заводы масштабно закрывались, города и поселки, привязанные к ним, теряли возможность устойчивого социально-экономического существования и развития. Начался поиск экономических альтернатив и возможностей. Первоначально предложение развивать туризм в Кузбассе рассматривалось обществом как утопия, более того, часто встречало явное и скрытое сопротивление со стороны местных жителей, не имевших на тот момент ни стабильной работы, ни стабильных доходов. В индустриальном регионе проблемой было не только преодоление внешнего имиджа региона, но и негативного восприятия туризма как профессиональной сферы среди кузбасского населения. Несмотря на большое количество природных ресурсов, развивать туристские объекты пришлось почти с нуля.

Тем не менее на фоне всех вышеперечисленных трудностей результат, достигнутый регионом в развитии туристской отрасли, можно сегодня оценить, как весьма позитивный. Высокая динамика отражается в сухих цифрах статистики. В 2000 г. в Кемеровской области отдыхало 150 тыс. человек, а в 2016 г. свыше 1 млн 500 тыс. человек [1. С. 23].

Особенно впечатляющим выглядит развитие горнолыжного курорта Шерегеш. В 1990 г. в Шерегеше было всего две горнолыжных трассы, подготовленных к Спартакиаде народов РСФСР 1981 г., и работало всего три гостиницы в Таштаголе. Сегодня в составе

горнолыжного комплекса 62 гостиницы, 24 горнолыжных трассы, 18 подъемников, 62 кафе и ресторана, 3 развлекательных центра, крытый каток и теннисный корт, скалодром [1. С. 38]. Туристский поток в Шерегеше увеличился с 7 тыс. в 1998 г. до 1 млн человек за сезон в 2015, 2016 гг. Если посмотреть на динамику этого роста, то она выглядит устойчивой и весьма впечатляющей. В 2000 г. Шерегеш посетило 22 тыс. человек, в 2002 г. – 42 тыс. человек, в 2006 г. – 120 тыс. человек, в 2009 г. – 250 тыс. человек, в 2012 г. – 380 тыс. человек, в 2013 г. – 700 тыс. человек, в 2014 г. – 960 тыс. человек, в 2015 и 2016 гг. – свыше 1 млн человек [1. С. 75].

Актуальность современного изучения истории туристской индустрии Горной Шории усиливается еще состоянием источниковой базы по данному вопросу. К сожалению, количество документов в государственных архивах, связанных с формированием туристской инфраструктуры региона, минимально. Отдельных фондов в ГАКО, посвященных этому вопросу, нет вообще. Определенные сведения можно почерпнуть из фондов профильных департаментов администрации Кемеровской области [2, 3]. В этом смысле ситуация усложняется тем фактом, что в региональной администрации сфера туризма для управления и контроля с 1990 по 2004 г. несколько раз передавалась в ведение разных структур. Туризм и развитие Шерегеша поочередно (и даже временами параллельно) были под контролем Областного комитета по культуре, кино и туризму, Департамента культуры, Департамента физической культуры, спорта и туризма Кемеровской области, Департамента по координации развития горнорудных предприятий и рекреационной деятельности Горной Шории, Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области [4–6].

Туристские предприятия малого и среднего бизнеса часто меняли формы собственности, названия, разорялись, у туристских объектов часто менялись собственники. Малый и средний бизнес не мог себе позволить платить за хранение своих документов в ГАКО, да и не хотел этого делать. Документы 90-х гг. XX в., связанные со становлением бизнес-индустрии туризма и гостеприимства, не сохранились нигде, кроме личных архивов. Только в 2017 г. Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области и Кемеровский государственный университет вышли с предложением создать отдельный фонд документов

по туризму в Кемеровской области, куда вошли бы внутренние документы туристских организаций и ассоциаций (ТС ЗАО «Шория-Тур», ООО «Шория-Тур-Союз», «Кузбасская ассоциация предприятий туристской индустрии», «Южно-Кузбасское некоммерческое партнерство туристской индустрии» и т.д.) и других структур, связанных с туризмом.

Важнейшим результатом данного исследования и источником для получения информации стали экспертные интервью, взятые автором у участников создания курорта. Это в прошлом глава г. Таштагола и Таштагольского района Н.И. Шатилов [6], бывшие руководитель и сотрудники акционерного общества «Шория-тур» В.Н. Мальцев [7], Н.Ю. Айларова [8], руководители профильных департаментов и отделов администрации Кемеровской области (А.А. Зеленин [4], А.Е. Филина [5], О.В. Воронцова [6] и др.), владельцы, руководители и управляющий персонал гостиниц, горнолыжных трасс и подъемников Шерегеша. Эти воспоминания дополнили интервью в прессе и публикации воспоминаний людей, принимавших активное участие в создании и развитии горнолыжного курорта (А.Г. Тулеев [9], А.И. Копытов [10], В.Н. Макута [11] и др.).

Советская история Горной Шории и Таштагольского района, как и вся история Кемеровской области, связана с развитием добывающей промышленности. Отличие Горной Шории от большинства районов и городов Кемеровской области заключалось в экономической специализации территории. Город Таштагол и поселок Шерегеш были основаны в годы Советской власти как центры добычи железной руды, лесозаготовки и золотодобычи. Даже само название Шерегеш происходит от фамилии первооткрывателей залежей железной руды братьев Шерегешевых [12. С. 199]. Шерегешский рудник (в дополнение к Таштагольскому) стал одним из главных источников сырья для Новокузнецких сталелитейных предприятий [12. С. 199].

Первая горнолыжная трасса в Горной Шории появилась в Таштаголе в 1972 г. благодаря директору Таштагольского рудоуправления Венециану Ивановичу Громадскому и главному тренеру сборной Кузбасса и женской сборной СССР по горнолыжному спорту Виталию Игоревичу Глухих [10. С. 46–47]. Им удалось получить от областного Совета профсоюзов подъемник ВЛ-1000 длиной в километр, который был установлен на горе Буланже в Таштаголе. Методом «народной стройки» и ресурсами рудоуправления построена трасса для слалома-гиганта [10. С. 47]. Именно комплекс Буланже стал основой для развития горнолыжного спорта в Горной Шории. Здесь же была создана школа горнолыжного спорта при спортобществе «Буревестник (с 1980 г. Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва (СДЮШОР)» [10. С. 47]. Именно благодаря развитию горнолыжной инфраструктуры Буланже Горная Шория попала в поле зрения правительства и региональных властей, когда Госкомспорт СССР вышел с предложением провести VII зимнюю Спартакиаду народов РСФСР 1981 г. в Кемеровской области. С этого момента и началась история горнолыжного Шерегеша. Трасса Буланже не подходила для соревнова-

ний спортсменов. Требовались более сложные трассы с четкими параметрами, соответствующими утвержденным спортивным стандартам. Специалисты нашли удобные склоны на горе Зеленой (русское название шорской горы Каритшал) горной гряды Мустага.

Природные ресурсы делали Шерегеш идеальным местом для развития горнолыжного спорта и туризма. Длительный и снежный зимний сезон катания, начинающийся в октябре-ноябре и завершающийся в апреле-мае (6–7,5 месяцев), и большая толщина снежного покрова (до 2 м и более) позволяли ставить вопрос о рентабельности развития любых зимних видов туризма. Фактором, который в полной мере был оценен несколько позже, после знакомства с аналогичными курортами России и Запада, являлся натуральный мягкий пушистый снег «пухляк» со специфической «холодной» структурой. Он идеально подходит именно для туристов, потому что обеспечивает легкий и приятный процесс катания. Горный массив Мустаг имеет удобные склоны, на которых можно создавать трассы, подходящие как для начинающих, так и профессиональных горнолыжников. Но вовлечение этих ресурсов в туристскую отрасль требовало масштабных усилий.

На горе Каритшал были спроектированы и подготовлены две трассы и запущены две очереди бугельной канатной дороги [13]. А.И. Копытов сообщает, что первичную расчистку просеки проводили заключенные местной исправительной колонии № 4. Основные строительные работы проводили «Сибруда», «Таштаголшахтострой» и его ШСУ-3 [11. С. 48]. Работавших в это время в Шерегеше еще не было, поэтому трассы готовились другими доступными способами. «Из-за отсутствия специальной техники для подготовки трасс снег на нижнем участке уплотняли бульдозером, бугры разравнивали лыжами. Верхний участок горы, куда не мог подняться бульдозер, готовили с помощью солдат внутренних войск, сотрудников милиции, спасателей Шерегешской ВГСЧ и добровольцев» [9]. «А добровольцам, так же как «мобилизованным» школьникам, ученикам профтехучилищ и прочей молодежи, выпала одна экзотическая обязанность. Объявлялся субботник, нас выстраивали в ряд, мы брались покрепче за руки, шеренга бухалась по пояс в снег и начинала путь по направлению к вершине, к месту старта. Там переводили дух и вниз, к финишу. Затем еще раз, – пока снег под ногами не обретал нужную плотность... После первой же метели все повторялось» [11. С. 48]. Первый подъемник доставлял спортсменов до середины горы, и они скатывались с относительно пологого склона [14]. Вторым подъемник доставлял спортсменов на вершину горы, откуда они получали возможность спуститься по двум трассам: трасса скоростного спуска и трасса слалома [15]. Были построены первые элементы жилой инфраструктуры (двухэтажное кирпичное здание, домики для судей на трассе и финишной площадке, баня) [9].

После проведения Спартакиады трассы слалома и скоростного спуска горы Зеленой были модернизированы. Поскольку они были узкие, и катанию на верхнем участке мешали скальные выходы, в 1984 г. были

проведены работы по расчистке и расширению трасс, скальные выходы были взорваны [9]. В результате обе трассы приобрели современный вид, хотя на тот момент еще не использовались как туристский объект. Поскольку весь комплекс инфраструктуры рассматривался как база для спортивных соревнований, то зоной массового туризма в СССР Шерегеш так и не стал. Тем не менее, уже тогда из соседних городов стали приезжать самостоятельные любители горных лыж [11. С. 48], что стало первым признаком туристского потенциала Шерегеша.

История современной туристской индустрии Горной Шории берет начало в 1990 г. Горнорудные предприятия Шории, золотодобыча и лесозаготовка оказались в кризисе. Возник вопрос о возможности использования туристского потенциала Шории для привлечения финансовых ресурсов. В условиях переходной экономики начало складываться партнерство между муниципальными и государственными структурами и зарождавшимся бизнесом. Власти были заинтересованы в улучшении экономической ситуации, население пыталось найти новые источники доходов.

В октябре 1990 г. в Таштаголе решением городского Совета народных депутатов [12. С. 207–208] была создана туристическо-спортивная ассоциация «Горная Шория-тур». Ее учредителями стали Таштагольский горисполком, Научно-производственное объединение «Сибруда», агрокомбинат «Новокузнецкий» и областной спорткомитет [16. С. 2]. Позже к этому составу участников присоединятся и другие предприятия, и госструктуры. Инициаторами создания выступили председатель Таштагольского горисполкома Н.И. Шатилов и первый секретарь горкома КПСС А.И. Копытов. Разработка программы была поручена заместителю председателя Таштагольского горисполкома по социальным вопросам В.Н. Мальцеву (получившему статус генерального директора). Первоначальный уставной фонд ассоциации составлял, по словам В.Н. Мальцева, 2 млн рублей, выраженных в стоимости объектов, переданных ей на баланс учредителями. Это был горнолыжный комплекс горы Зеленой «с баней и медведем в клетке» и пионерский лагерь «Медвежонок» [8; 16. С. 2]. Уже тогда важнейшей темой для обсуждений стала необходимость развития не только зимнего горнолыжного, но и летнего водного, спелеологического и этнического туризма. Было понятно, что для становления круглогодичного туристского цикла надо выстраивать взаимоотношения с Шорским национальным парком и шорцами [16. С. 2]. В связи с появлением законодательства по созданию в СССР акционерных обществ [17], на смену ассоциации пришло туристско-спортивное акционерное общество «Шория-тур», основной задачей которого было развитие туристско-рекреационного комплекса Горной Шории [18]. Для реализации программы были привлечены средства областного и городского бюджетов, муниципалитетов отдельных городов области, средства банков и промышленных предприятий Кузбасса, таких как Кузнецкий металлургический комбинат, Западно-Сибирский металлургический комбинат [7, 8]. Индустриальные гиганты Новокузнецка, находившиеся на

рынке в сложном положении, искали возможность взаимодействия с властью и получения дополнительной прибыли. Одним из реальных выходов стали вложения, в основном в виде продукции и средств, получаемых по бартеру (телевизоры, видеомагнитофоны и т.д.) в туристские объекты [8]. Новокузнецкий агрокомбинат рассматривался как основной поставщик продуктов в условиях дефицита [12. С. 208].

Основным препятствием для развития горнолыжного туризма на склонах Мустага была транспортная недоступность. Между Таштаголом и Новокузнецком не было прямой автомобильной трассы. Соответственно единственным реальным массовым транспортом была только железная дорога.

Именно поэтому первый проект Шории-тур был связан с созданием железнодорожной станции-тупика для туристских поездов «Снежинка», которые прибывали из Новокузнецка, Новосибирска и Кемерово. Проект туристских поездов выходного дня в Горную Шорию существовал с 1972 г. [19]. Но добирались они только до поселка Чугунаш, чуть позже до железнодорожной станции Тенеш, и соответственно находились вдалеке от возможной горнолыжной инфраструктуры. За зиму с ноября по март поезда привозили около 10 тыс. туристов [20. С. 2]. Руководство Шории-тур вышло с инициативой создания для «Снежинки» оборудованной стоянки в районе горы Мустаг. Это должен был быть туристский горнолыжный комплекс, напрямую связанный с железнодорожным транспортом. От НПО «Сибруда» Шории-тур был передан бывший пионерский лагерь «Медвежонок», расположенный недалеко от поселка Шалым между Таштаголом и Шерегешем. Лагерь, не финансировавшийся в условиях экономического перестроечного кризиса, находился в проблемном состоянии [8]. Тем не менее было принято решение именно здесь, в 11 км от горы Зеленой сделать горнолыжные трассы для туристов, приезжающих на железнодорожных поездах. В 1992 г. силами компании «Шория-тур» была проложена первая горнолыжная трасса и установлена бугельная канатная дорога [8]. В сотрудничестве с РЖД к 1996 г. была создана станция Турист [21] – железнодорожный тупик, который состоял из трех железнодорожных путей и стоянок (предполагалось принимать поезда из Новосибирска, Томска, городов Кузбасса) [8].

По воспоминаниям главы Таштагольского района В. Макута и руководителя Туристической компании «Шория» Н. Айларовой (в 1995–2010 гг. заместитель директора по туризму группы компаний «Шория-тур»), в 1992 г. в Шерегеше было 2 бугельных канатных дороги, ведомственная гостиница Шерегешского рудника в близлежащем посёлке Шерегеш [9] и одна гостиница на 15 мест у подножия горы, «весьма аскетичного уровня» [22]. В 1993 г. началось постепенное продвижение деятельности ТС ЗАО «Шория-тур» к горе Зелёной.

Возле горы был создан первый гостиничный корпус из нескольких финских модульных домиков, оставшихся от строителей с номерами туркласса и небольшим баром. В модулях были номера с двухъярусными кроватями, небольшой бар, удобства на

этаже. Это и был первый «гостиничный фонд» в Шерегеше. Разместиться там могли 70 человек. Сохранялась и «тренировочная», которая представляла собой теплый двухэтажный домик. Там была раздевалка для детей, комната для тренеров и несколько номеров – все без удобств [23].

В середине 90-х гг. XX в. начинает зарождаться региональная политика по формированию туристских дестинаций Кузбасса. В 1995 г. была разработана программа «Создание и развитие туристских центров в Кузбассе», вошедшая как раздел в областную программу «Качество жизни». Создаются два региональных туристских центра: «Шория-тур» в Таштаголе и областной центр социального туризма в Междуреченске [24. С. 7]. Несмотря на сложности, возникающие в деятельности по развитию туризма, ТС ЗАО «Шория-Тур» и Таштагольская администрация выступили с инициативой создания туристско-рекреационного комплекса и концепции развития туризма в Горной Шории. В 1996 г. разработана областная целевая программа «Развитие туристско-спортивного горнолыжного комплекса на горе Зеленая, город Таштагол на 1996–2000 годы» [25].

«В 1995 г. трассы горы Зелёная прошли процедуру гомологации, по итогам которой был получен сертификат FIS (Международная федерация горных лыж), позволяющий проводить соревнования международного уровня, стандарт Кубок Европы» [13]. Это позволило начать переговоры с Федерацией горнолыжного спорта России (ФГСР) по проведению в Шерегеше чемпионата России по горнолыжному спорту. Очередная инициатива «Шории-тур» была связана с определенным риском, но могла дать серьезные информационные, имиджевые и административные дивиденды. Президент ФГСР Л.В. Тягачев (он же с 1996 г. председатель Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре и туризму) поддержал идею проведения соревнований и развития Шерегеша [11. С. 49]. Это прежде всего объяснялось тем фактом, что после распада СССР все советские горнолыжные комплексы остались за границами Российской Федерации, поэтому появление шерегешских трасс было очень своевременным.

В 1996 г. чемпионат России по горнолыжному спорту впервые был проведен в Горной Шории [23]. Спортсменов поселили в «Медвежонке», но соревнования проводились уже на горе Зеленой, на прежних трассах 1981 г., которые были приведены в соответствие со стандартами FIS. Проведение последующих трех чемпионатов здесь же стало признанием высокого уровня Шерегешского горнолыжного комплекса. Таким образом, решение Федерации горнолыжного спорта России привлекало к Шерегешу внимание спортсменов и туристов-горнолыжников. В результате горнолыжный центр активно начал формироваться на горе Зеленой.

С 1997 г. была открыта «Школа горных лыж и сноуборда», что увеличило возможности для привлечения и спортсменов и туристов [26]. Инициаторами открытия школы стали руководство «Шории-Тур», Александр Капытов [27] и Владимир Фоминых. В 1999 г. был проведен первый фестиваль по сноуборду

на призы фирмы «Шория-Тур» [9]. Так появилась легендарная таштагольская школа сноуборда, из которой вышло огромное количество мастеров спорта и победителей российских и международных соревнований, среди которых первая российская чемпионка мира (2007) Екатерина Тудегешева и первый отечественный чемпион мира среди мужчин (2015) Андрей Соболев [28].

Политика продвижения Шерегеша как спортивно-туристического бренда обеспечила первые серьезные результаты в развитии туристской привлекательности горы Зеленой. Не случайно, с 1998 по 2001 г. поток туристов вырос с 7 тыс. человек до 32 тысяч в сезон [25]. Эта маркетинговая стратегия будет продолжена и далее. До 2006 г. в Горной Шории проведен чемпионат России по горнолыжному спорту, пять российских фестивалей по сноуборду и Кубок Президента России по горнолыжному спорту [13]. Лишь принятие решения Международным олимпийским комитетом в 2007 г. о Сочи как месте проведения Зимней Олимпиады 2014 г. привело к переносу после 2009 г. всех основных спортивных горнолыжных соревнований России в Краснодарский край.

В 1997 г. руководителем Кемеровской области становится А.Г. Тулеев. Новая управленческая команда оценила важность диверсификации экономики региона, и туризм был признан возможной точкой роста. Кузбасс на горьком опыте 90-х гг. осознал уязвимость ресурсной экономики. Несмотря на то, что развитие туристской индустрии в промышленном регионе рассматривалось большинством населения как нонсенс, команда нового руководителя региона поддержала инициативу таштагольцев. Под гарантии нового губернатора начали реализацию новой программы развития комплекса Шерегеш. Одно из первых губернаторских решений А. Тулеева было начало строительства трассы «Кузедеево – Таштагол – Турочак – Горно-Алтайск» [10. С. 457]. Администрация области первой построила и запустила в эксплуатацию гостиницу на горе Каритшал (Зеленая) [12. С. 209]. Управленческий сдвиг в понимании векторов развития региона очевиден. В этом смысле права руководитель Туристической компании «Шория» Наталья Юрьевна Айларова: «Как ни странно, чтобы Шерегеш начал развиваться по туристическому пути, должны были срастись несколько не самых благоприятных в общепринятом смысле факторов. В 90-е гг. сложилась сложная экономическая ситуация: градообразующие горнодобывающие предприятия Горной Шории стояли, крайне необходимо было развивать альтернативные отрасли экономики, просто чтобы район мог выжить, – это с одной стороны. С другой – с развалом СССР горнолыжные тренировочные базы наших спортсменов оказались в ближнем зарубежье – в Грузии, Киргизии, Казахстане. Все это было потеряно, связи разрушены. Тогда наш Шерегеш начали рассматривать в том числе и как место для создания тренировочного горнолыжного центра» [23].

Активное спортивное продвижение Шерегеша и увеличение числа туристов, поддержка региональной администрации вели к росту инвестиционных вложений. В результате в 1998–2003 гг. стал активно разви-

ваться с точки зрения туристской инфраструктуры сектор «А» [14, 15]. Первыми были построены гостиницы «Губернская» [12. С. 209] и «Мустаг» [12. С. 212]. «Одной из первых гостиниц стал «Вояж», у которой в процессе строительства несколько раз менялись собственники. Потом появился первый «Спортотель», он, к сожалению, сгорел, и на его месте сейчас стоит совершенно другой, хоть и одноименный. Открылся первый пункт питания на вершине горы Зеленой – кафе «Поднебесное» [23]. «В 2000 г. вводится в эксплуатацию первый в Кузбассе и за Уралом пассажирский парно-кресельный подъёмник австрийской фирмы Доппельмайер» [25]. Покупать его пришлось очень сложным путем. Не имея свободных финансовых средств, один из Новокузнецких учредителей «Шории-Тур» выделил металл. Он был продан, а на вырученные средства куплен подержанный и потому более дешевый подъемник [8]. Это было не единственное достижение туризма Горной Шории. С 1998 г. Шория-Тур стала принимать участие в туристских профессиональных выставках в Москве и крупных городах Сибири [12. С. 212]. Улучшалось качество гостеприимства, что неоднократно отмечалось Большой золотой медалью «За лучшие услуги по приему и размещению в Сибири» Таштагольскому туроператору ТСаОО «Шория-Тур» на Международных выставках «Турсиб» [25], дважды туристским Оскаром Кузбасса и еще целым рядом отраслевых наград [9].

В 1998 г. на горе Зеленой строится первая гостиница самым крупным инвестором современного курорта Игорем Юрьевичем Прокудиным («Кузбасская топливная компания»). Сам он рассказывает историю своего появления в турбизнесе Шерегеша едва ли не в жанре анекдота о российских экономических реалиях: «Впервые он побывал в Шерегеше в 1996 г. Инфраструктура хромала, зато ехать близко. Когда через пару лет друзья предложили ему построить там общий дом, он согласился – до Альп всё-таки далеко. Но пока строили, один друг переехал, второй передумал, третий потерял деньги во время финансового кризиса. Прокудин выкупил их доли и оказался единственным владельцем 15-комнатного коттеджа на горе. Решил его сдавать и превратил в отель «Елена» – один из первых на горе. В первый год получил убыток в 100 000 евро – никто не селился. На второй отрядил жену с дочкой искать гостей. Дело пошло.

Вскоре губернатор Аман Тулеев заявил Прокудину, что очереди на два старых подъемника в Шерегеше очень большие, и поручил исправить эту проблему. Кузбасская топливная компания заключила с администрацией Кемеровской области соглашение о социально-экономическом партнерстве и начала строительство.

На этом Прокудин опять же хотел остановиться. Но новые подъемники привлекают новых туристов, а очереди по-прежнему не нравятся губернатору. Тулеев вновь заявил Прокудину, что хорошо бы продолжить облагораживать курорт. «На каждую угольную компанию в Кузбассе есть социальная нагрузка. Кто-то строит жильё, а я – подъемники» – объясняет Прокудин [26]. За этим «анекдотическим» рассказом, тем

не менее, очень серьезный и важный фактор в развитии курорта. С приходом к власти администрации А.Г. Тулеева были задействованы административно-управленческие и организационные механизмы для привлечения крупных инвесторов. Именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. при посредничестве администрации области и района привлекаются крупные нетуристские инвесторы. «На первоначальном этапе больших финансовых вливаний ждать было неоткуда, привлекали частных инвесторов» [22], – констатировал в 2012 г. глава администрации Таштагольского района В.Н. Макута. В 1999 г. ОАО «Сибирская горно-металлургическая компания» и ТСаОО «Шория-тур» создали ООО «Мустаг-тур». Среди основных инвесторов, которые внесли наибольший вклад, были ОАО «Кузбасская топливная компания», ООО «Объединенная компания «Сибшахтострой», ООО «Строительная компания». В это время на курорт придут угледобывающий «Кузбассразрезуголь», металлургические и горнодобывающие ОАО «Сибирская горно-металлургическая компания» и «ЕвразХолдинг», томская «Томск-Шория-Тур» (впоследствии ГК «Malca» и др.). Позже присоединились представители нефтяной отрасли – кемеровская «ХК КЕМ-ойл Групп». Среди инвесторов были не только компании Кемеровской области, но и бизнесмены и бизнес-компании из других регионов (Москва, Нижний Новгород и др.). Первая попытка объединить инвесторов и собственников для общих целей заключалась в создании фирмы «Шория-Тур-Союз». За счет частных инвестиций в размере 12,7 млн рублей на Зеленой была проведена электроэнергия, создана первая система водоснабжения и канализации и дорожная инфраструктура [12. С. 212].

В 2001 г. в курорт было инвестировано и освоено около 100 млн рублей на строительство гостиниц, организацию предприятий общественного питания и торговли [25].

В конце 90-х гг. на базе компании «Шория-Тур» была создана первая на постсоветском пространстве туристская контрольно-спасательная горнолыжная служба. Важнейшей заботой организаторов стала проблема безопасности туристов и горнолыжников. Контрольно-спасательная служба обеспечивала безопасность как на горе Зеленой, так и на туркомплексе «Медвежонок» [9].

Нужно констатировать, что до 2003 г. развитие курорта имело стихийный, хотя и очень динамичный характер [29]. К сожалению, результатом стихийности стала неупорядоченная застройка подножий горы, что до настоящего времени вызывает претензии с точки зрения своей системности и комфортности для туристов. Сегодня на горе несколько десятков собственников, которые никак не связаны между собой юридически, поэтому решать вопросы развития курорта, его благоустройства и продвижения бывает сложно. «Планы пересматривались неоднократно. Проблем было много, начиная с того, что все земли здесь находились в федеральной собственности, многие были охраняемыми. Например, наверху, где сейчас популярная зона фри-райда, была территория заказника, который относился к Шорскому национальному парку. Инфраструктурные сложности нас не миновали тоже» [23].

В 2001 г. была разработана новая концепция развития туристско-спортивного комплекса «Шерегеш» с привлечением ведущих специалистов России [11. С. 50]. На ее основе в 2002 г. была принята региональная целевая программа «Развитие туристско-спортивного комплекса «Шерегеш» города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 гг.» [25]. Потенциал курорта в этот период оценивался в следующих показателях: возможность приема 50 000 туристов в год, горнолыжные трассы достигали 10 км, гостиничный комплекс достигал 500 мест. Транспортная инфраструктура позволяла принимать пассажирские поезда на 24 пассажирских вагона для поездов выходного дня «Снежинка». Летом предполагалось, что могут действовать пешие, водные, вертолетные маршруты [25].

В начале 2000-х гг. «Шория-Тур» оказалась в тяжелейшем положении. «Обычная рыночная ситуация – смена собственников. Изначально одними из основных акционеров «Шории-тур» были областная и муниципальная администрации. С изменением законодательства органам управления – как областным, так и муниципальным – было запрещено владеть имуществом. На какое-то время собственником стала компания «Евраз», которая, в свою очередь, с изменением конъюнктуры основного бизнеса, начала избавляться от непрофильных активов, туристическая составляющая оказалась в том числе.

Сама компания потянуть такую собственность не могла. Ведь туризм как таковой не зарабатывает у нас пока столько денег, чтобы реинвестировать в свое развитие. За 15 лет Шерегеш превратился в горнолыжный комплекс с развитой инфраструктурой, большим количеством собственников. В активе группы компаний «Шория-Тур» на тот момент были канатные дороги секторов «А» и «Е», пункты питания на трассах, прокаты, три гостиницы, клуб – в общем более 600 рабочих мест. Я в то время руководила в компании всем, что касалось туризма. Очередная смена собственника привела к серьезному перераспределению активов на курорте. Фирмы не стало» [23]. Вернее, фирмы под названием «Шория-Тур» существовали еще как минимум до 2009 г. [18], но никогда уже не играли той роли, какая была у одноименного акционерного общества в 1990-е – начале 2000-х гг.

С начала 2000-х гг. постепенно основным инвестором Шерегеша под влиянием А.Г. Тулеева становится Кузбасская топливная компания. В настоящее время Горнолыжному комплексу «Каскад» принадлежат 8 из 18 подъемников, которыми пользуется до 70% прибывающих туристов. Но, тем не менее, продолжают сохранять свои позиции и другие основатели горнолыжного Шерегеша Н.И. Шатилов, В.Н. Мальцев, В.Р. Герасимов, Н.Ю. Айларова и др.

Подводя итоги, можно выделить несколько основных проблем развития СТК Шерегеш в 1990–2003 гг.:

1. Необходимость преодоления общественных и государственных стереотипов о невозможности развития экономически эффективной туристской дестинации в районе с сырьевой добывающей экономикой.

2. Отсутствие качественной правовой базы для развития рыночной туристской отрасли. В результате

деятельность проходила в условиях переходной экономики с активным участием в качестве субъектов рынка государственных и муниципальных органов власти.

3. Поиск инвесторов. На первом этапе эта проблема решалась за счет привлечения ресурсов крупных нетуристских предприятий (КМК, Запсиб и др.), причем в основном в неденежной форме, и административных ресурсов муниципальных администраций нескольких районов. После проведения горнолыжных чемпионатов России и строительства дороги Новокузнецк – Таштагол – Шерегеш удалось привлечь внимание не только крупных промышленных инвесторов из Кузбасса (КТК и др.), но и из других регионов (Томск, Нижний Новгород, Москва и т.д.).

4. Отсутствие квалифицированных туристских кадров вело к тому, что инициативы брали на себя руководители исполнительной власти, руководители предприятий, тренеры и спортсмены-горнолыжники. Основу состава сотрудников Шории-Тур составляли местные жители с самым разным образованием

5. Вопрос обеспечения дешевой транспортной доступности для туристов. Необходимость строительства железнодорожного тупика у турбазы «Медвежонок» и целой серии новых автодорог.

6. Решение проблемы летнего туризма в Шерегеше. Установление качественного контакта и сотрудничества с руководством Шорского национального парка, шорским населением. Формирование летней инфраструктуры Горной Шории.

7. Необходимость усиления связей с другими регионами Сибири для формирования устойчивого туристского потока.

Процесс создания курорта Шерегеш можно разделить на несколько этапов:

1. 1990–1995 гг. – формирование базовой инфраструктуры горнолыжного курорта за счет активной деятельности созданного в 1990 г. ТСаО «Шория-тур». В это время формируется туристская база для приема поездов «Снежинка» из Кемеровской области и регионов Сибири. Большую роль в этом процессе играет администрация Таштагольского района.

2. 1996–1999 гг. – разворачивается восстановление и использование инфраструктуры горы Зеленой. На базе турбазы «Медвежонок» и трасс горы Зеленой проводятся спортивные соревнования всероссийского уровня по горнолыжному спорту. В результате начинает увеличиваться туристский поток. Основной структурой продвижения продолжает оставаться «Шория-тур» и администрация Таштагольского района.

3. 1999–2003 гг. – масштабное привлечение инвесторов (Кузбасская топливная компания, компания ЕВРАЗ и др.), в том числе из-за пределов Кемеровской области (Томск–Шория-Тур). Создание дополнительной горнолыжной инфраструктуры (подъемники, пункты проката и т.д.), объектов индустрии гостеприимства (гостиницы, рестораны, кафе.). Переход инициативы в деятельности к администрации Кемеровской области, Таштагольского района и туроператорам. Постепенное свертывание деятельности «Шории-Тур». Создание первых стратегических планов развития горнолыжного курорта. Ежегодное увеличение потока туристов на несколько десятков тысяч человек.

В факторе эффективного развития Шерегеша можно выделить несколько основных моментов:

1. Деятельность районной и городской администрации, которые стали инициатором создания базовой туристской инфраструктуры, первого туристского предприятия «Шория-Тур», осуществлявшего на протяжении всего начального этапа становления курорта операционную деятельность полного цикла от создания и обслуживания инфраструктуры до формирования турпродукта, продвижения курорта и приема туристов.

2. Инициатива мелких и средних предпринимателей Шерегеша и Таштагола.

3. Поддержка и продвижение курорта со стороны областной администрации, которая смогла не только организационно поддержать местную инициативу, но и доказать федеральным структурам власти целесообразность создания горнолыжного курорта в центре Сибири и России.

4. Инвестиции в туризм со стороны крупных металлургических и угольных компаний Кузбасса.

Исследование позволило зафиксировать тот факт, что в 1990-е – начале 2000-х гг. в Горной Шории удалось заложить основу для развития туристской отрасли и горнолыжного туризма. Важным фактором развития

курорта стала система государственного и частного партнерства, сложившаяся в условиях постсоветского экономического кризиса. Стремление разрешить социально-экономические проблемы Таштагольского района в условиях распада советской плановой экономики сподвигли муниципальную власть пойти на нестандартное решение в виде развития туристской отрасли в противовес традиционной сырьевой специализации. Использование рекреационно-туристского потенциала Горной Шории за счет деятельности специализированного туристско-спортивного акционерного общества «Шория-Тур» позволило сформировать первичную спортивно-туристскую базу в виде горнолыжных трасс горы Зеленой и турбазы «Медвежонок». В 1996–1999 гг. была создана дорожно-транспортная инфраструктура железных и автомобильных дорог, необходимых для доставки туристов к Таштаголу и Шерегешу. После 1999 г. за счет активизации позиции администрации Кемеровской области начинается привлечение областных и внерегиональных инвесторов и формирование государственной программы формирования курорта. Именно на этой основе с 2003 г. будет создан курорт Шерегеш, потенциал которого до сих пор продолжает масштабное развитие и все более эффективную реализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводный план развития инвестиционного проекта «Создание туристско-рекреационного кластера «Шерегеш», Кемеровская область (изменения по состоянию на 31.10.2017 г.).
2. ГАКО. Ф. Р-1253. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-1366.
4. Интервью с А.А. Зелениным, начальником Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области (2000–2009 гг.) от 21 февраля 2018 г. Кемерово, Кемеровская область, Россия.
5. Интервью с Е.Е. Филиной, начальником отдела по туризму Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области от 21 февраля 2018 г. Кемерово, Кемеровская область, Россия.
6. Интервью с О.В. Воронцовой, главным консультантом Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области 21 февраля 2018 г. Кемерово, Кемеровская область, Россия.
7. Интервью с Н.И. Шатиловым, председателем Таштагольского горисполкома, председателем Таштагольского городского Совета народных депутатов, главой администрации г. Таштагола (1987–1997 гг.), 21 декабря 2017 г. Таштагол, Кемеровская область, Россия.
8. Интервью с В.Н. Мальцевым, генеральным директором туристской фирмы «Шория-тур» (1990–2001 гг.), 21 декабря 2017 г. Таштагол, Кемеровская область, Россия.
9. Интервью с Н.Ю. Айларовой, заместителем директора по туризму группы компаний «Шория-тур» (1995–2010 гг.), 21 декабря 2017 г. Таштагол, Кемеровская область, Россия.
10. Тулеев А.Г. Преодоление. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2009. 547 с.
11. Копытов А.И. Гора с горой... Кемерово : РИФ Сибирский бизнес, 2003. 104 с.
12. Мальцев В.Н. Механизм реализации туризма. М., 2014. 246 с.
13. История Шерегеша. Из истории СТК Шерегеш // Сайт Туристической компании Шория. URL: <http://www.shoria.net/history/>
14. Единая технологическая Схема катания лыжников на горе Зеленая в СТК «Шерегеш» // Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. URL: http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/Shema_kataniy/
15. Пояснительная записка к Единой технологической Схеме катания лыжников на горе Зеленая в СТК «Шерегеш», пгт. Шерегеш, Таштагольский район, Кемеровская область // Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. URL: http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/Shema_kataniy/
16. Лебедев Г. Новая фирма // Кузбасс. 1990. № 273. С. 2.
17. Постановление Совмина СССР от 19.06.1990 № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19/
18. Фирма «Шория-Тур» на горнолыжном курорте Шерегеш // Кемеровская область. URL: <http://www.kuzbass.allbusiness.ru/PressReleasekuzbass/PressReleaseShow.asp?ID=38919;>
19. ГАКО. Ф. Р-1145. Оп. 2. Д. 31. Л. 30.
20. Толковцев Д. Уик-энд в «Сибирской Швейцарии» // Кузнецкий край. 1992. № 39. С. 2.
21. Акт рабочей комиссии о приемке станции «Турист» 14 км перегона Таштагол – Шерегеш (1 очередь) // Текущий архив департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области.
22. Мамуркова М. Шерегешский феномен // STP. Сибирский туристический портал. URL: <https://www.sibtourport.ru/sti-info/news/sti/content/10499;>
23. Вальцева А. Наталья Айларова: «Турбизнес в Шерегеше начался с домиков, оставшихся от строителей» // RATAnews. Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. 2012. № 3183. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_3122012_2.stm
24. Кокоулина И. Труден путь в горы // Кузбасс. 1995. № 178. С. 7.
25. Закон Кемеровской области «Развитие туристско-спортивного комплекса “Шерегеш” города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы». URL: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?C20125=On>

26. Фещенко В. Зона отдыха: курорт Шерегеш и его бизнесмены, шахтеры, ээки как модель России // Секрет фирмы. URL: <https://secret-mag.ru/cases/stories/zona-otdyha-kak-shahtyory-zeki-i-biznes-postroili-sheregesh-gornolyzhnyj-kurort-1-v-sibiri.htm>;
27. Копытов Александр Иванович // Администрация Таштагольского района. URL: <http://atr.myl.ru/index/kopytov/0-235>
28. Скончался знаменитый тренер по сноуборду Владимир Фоминых // Горнолыжный портал. SKI.RU. URL: <http://ski.ru/az/blogs/post/skonchalsya-znamenitiy-trener-po-snoubordu-vladimir-fominykh/>
29. Шерегеш будущего. Мастер-план развития курорта // Сибдепо. URL: <http://sibdepo.ru/reading/sheregesh-budushhego-master-plan-razvitiya-kurorta.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2018 г.

HISTORY OF THE SHEREGESH SKI RESORT ESTABLISHMENT IN KEMEROVO OBLAST (1990–2003)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 150–158.

DOI: 10.17223/15617793/432/20

Anton A. Pyatovskiy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: apyatovskij@list.ru

Keywords: history of tourism; ski resort; Sheregesh; Mountain Shoria; Kemerovo Oblast.

The paper reveals the history of tourism infrastructure development at the Sheregesh Ski Resort in the south of Kemerovo Oblast. The formation of post-industrial economy for the Russian Federation is one of the most topical tasks of the present-day science. The historical study of the successful experience of tourism industry development in the industrial region may be useful for the future formation of the region's tourism infrastructure. The topicality of the present-day study of tourism industry in Mountain Shoria is sustained by the poor historical basis on that issue. Regretfully, the number of documents on tourism infrastructure development in state archives is minimal. The situation is complicated by the fact that in 1990–2004 the control over of the tourism sphere was passed from one department of Kemerovo Oblast Administration to another several times. Small- and medium-scale private tourism enterprises often changed their forms of ownership and names, and went bankrupt. The small- and medium-scale businesses could not afford to keep their documents in the State Archive of Kemerovo Oblast, and were reluctant to do that. The documents reflecting the establishment of tourism and hospitality industry in the 1990s only remained in the private archives. The expert interviews that the author organized with people involved in the establishment of the resort and interviews that had been published in the mass media became a major source for this research. The research allowed establishing the fact that in the 1990s – early 2000s the foundation for tourism industry and skiing tourism development in Mountain Shoria was laid. The system of public-private partnership that formed under the conditions of the post-Soviet economic crisis was an important factor for the development of the resort. The urge to solve the socio-economic problems of the Tashtagol area after the collapse of the state-planned Soviet economy motivated the local authorities to find an unconventional solution: developing the tourism industry – in contrast to the traditional resource specialization. The recreational and resource potential of Mountain Shoria was used by the tourist and sports “Shoria Tour” joint-stock company which allowed forming the primary infrastructure (the ski trails on Zelenaya Mountain, “Medvezhonok” tourist camp and “Tourist” railway station) in 1990–1995. In 1996–1999, the marketing promotion of Sheregesh through holding prestigious skiing and snowboarding competitions and building an automobile road allowed increasing the tourist flow as well. Since 1999, after the primary infrastructure was formed and Kemerovo Oblast Administration became more actively involved, regional and national investors were actively attracted and the state program of ski resort development was elaborated. It is on that basis that the Sheregesh Ski Resort was established in 2003, and it still has the potential for an even more large-scale development and more effective marketing.

REFERENCES

1. Consolidated plan for the development of the investment project “Creation of the tourist-recreational cluster “Sheregesh”, Kemerovo Oblast (changes as of October 31, 2017). (In Russian).
2. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-1253. List 1. (In Russian).
3. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-1366. (In Russian).
4. Interview with A.A. Zelenin, Head of the Department of Youth Policy and Sport of the Kemerovo Region (2000–2009) of February 21, 2018 Kemerovo, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
5. Interview with E.E. Filina, Head of the Tourism Department of the Department of Youth Policy and Sport of Kemerovo Region, February 21, 2018, Kemerovo, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
6. Interview with O.V. Vorontsova, chief consultant of the Department of Youth Policy and Sports of Kemerovo Oblast. February 21, 2018 Kemerovo, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
7. Interview with N.I. Shatilov, chairman of the Tashtagol city executive committee, chairman of the Tashtagol city council of people's deputies, head of the administration of Tashtagol (1987–1997), December 21, 2017 Tashtagol, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
8. Interview with V.N. Maltsev, general director of the tourist company “Shoria-tour” (1990–2001), December 21, 2017 Tashtagol, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
9. Interview with N.Yu. Ailarova, Deputy Director for Tourism of the Shoria-Tour Group of Companies (1995–2010), December 21, 2017 Tashtagol, Kemerovo Oblast, Russia. (In Russian).
10. Tuleev, A.G. (2009) *Preodolenie* [Overcoming]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Kopytov, A.I. (2003) *Gora s goroy...* [Mountain with mountain . . .]. Kemerovo: RIF Sibirskiy biznes.
12. Mal'tsev, V.N. (2014) *Mekhanizm realizatsii turizma* [The mechanism of tourism]. Moscow: [s.n.].
13. Website of Shoria Tourist Company. (n.d.) *Istoriya Sheregesha*. Iz istorii STK Sheregesh [A history of Sheregesh. From the history of STC Sheregesh]. [Online] Available from: <http://www.shoria.net/histori/>.
14. Department of Youth Policy and Sports of Kemerovo Oblast. (n.d.) *Edinaya tekhnologicheskaya Skhema kataniya lyzhnikov na gore Zelenaya v STK “Sheregesh”* [Unified technological scheme for skiing on Mount Zelenaya in STC “Sheregesh”]. [Online] Available from: http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/Schema_kataniy/.
15. Department of Youth Policy and Sports of Kemerovo Oblast. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k Edinoy tekhnologicheskoy Skheme kataniya lyzhnikov na gore Zelenaya v STK “Sheregesh”, pgt. Sheregesh, Tashtagol'skiy rayon, Kemerovskaya oblast'* [Explanatory note to the Unified Technological Scheme for skiing on Mount Zelenaya in STC “Sheregesh”, village Sheregesh, Tashtagol District, Kemerovo Oblast]. [Online] Available from: http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/Schema_kataniy/.
16. Lebedev, G. (1990) Novaya firma [A new company]. *Kuzbass*. 273. pp. 2.
17. Konsul'tantPlyus. (1990) *Postanovlenie Sovmina SSSR ot 19.06.1990 № 590 “Ob utverzhdenii Polozheniya ob aktsionnykh obshchestvakh i obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu i Polozheniya o tsennyykh bumagakh”* [Decree of the Council of Ministers of the USSR of

- June 19, 1990 No. 590 "On approval of the Regulations on Joint Stock Companies and Limited Liability Companies and the Provision on Securities". [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19/.
18. Kuzbass.allbusiness.ru. (2009) *Firma "Shoriya-Tur" na gornolyznom kurorte Sheregesh* [The company "Shoria-Tour" in the ski resort Sheregesh]. [Online] Available from: <http://www.kuzbass.allbusiness.ru/PressReleasekuzbass/PressReleaseShow.asp?ID=38919>.
 19. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-1145. List 2. File 31. Page 30. (In Russian).
 20. Tolkovtsev, D. (1992) Uik-end v "Sibirskoy Shveytsarii" [Week-end in the "Siberian Switzerland"]. *Kuznetskiy kray*. 39. pp. 2.
 21. Current archive of the Department of Youth Policy and Sport of Kemerovo Oblast. *Akt rabochey komissii o priemke stantsii "Turist" 14 km peregonas Tashtagol – Sheregesh (1 ochered')* [Act of the working committee on the acceptance of the station "Tourist" 14 km of the Tashtagol-Sheregesh track (1st stage)].
 22. Mamurkova, M. (2012) *Sheregeshskiy fenomen* [The Sheregesh phenomenon]. [Online] Available from: <https://www.sibtourport.ru/sti-info/news/sti/content/10499>.
 23. Val'tseva, A. (2012) Natal'ya Aylarova: "Turbiznes v Sheregeshe nachalsya s domikov, ostavshikhsya ot stroiteley" [Natalia Aylarova: "Tourist business in Sheregesh began with houses that remained from the builders"]. *RATAnews*. 3183. [Online] Available from: http://www.ratanews.ru/news/news_3122012_2.stm.
 24. Kokoulina, I. (1995) Truden put' v gory [The path to the mountains is difficult]. *Kuzbass*. 178. pp. 7.
 25. Ako.ru. (2002) *Zakon Kemerovskoy oblasti "Razvitie turistsko-sportivnogo kompleksa "Sheregesh" goroda Tashtagola – Tashtagol'skogo rayona na 2003–2006 gody"* [The law of Kemerovo Oblast "Development of the tourist-sports complex Sheregesh in Tashtagol – Tashtagol district for 2003–2006"]. [Online] Available from: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?C20125=On>.
 26. Feshchenko, V. (2016) Zona otdykha: kurort Sheregesh i ego biznesmeny, shakhtery, zeki kak model' Rossii [Recreation area: the resort Sheregesh and its businessmen, miners, prisoners as a model of Russia]. *Sekret firmy*. [Online] Available from: <https://secretmag.ru/cases/stories/zona-otdyha-kak-shahtyory-zeki-i-biznes-postroili-sheregesh-gornolyzhnyj-kurort-1-v-sibiri.htm>.
 27. Administration of Tashtagol District. (n.d.) *Kopytov Aleksandr Ivanovich*. [Online] Available from: <http://atr.my1.ru/index/kopytov/0-235>. (In Russian).
 28. SKI.RU. (2015) *Skonchalsya znamenityy trener po snoubordu Vladimir Fominykh* [The famous snowboard coach Vladimir Fominykh passed away]. [Online] Available from: <http://ski.ru/az/blogs/post/skonchalsya-znamenityi-trener-po-snoubordu-vladimir-fominykh/>.
 29. Sibdepo. (n.d.) *Sheregesh budushchego. Master-plan razvitiya kurorta* [Sheregesh of the future. Master plan for the development of the resort]. [Online] Available from: <http://sibdepo.ru/reading/sheregesh-budushhego-master-plan-razvitiya-kurorta.html>

Received: 15 April 2018

ПЕРВОЕ (СТАРОЕ) СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ШОТЛАНДИИ КАК ИСТОЧНИК ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О НАСЕЛЕНИИ ШОТЛАНДИИ КОНЦА XVIII в.

Рассматривается население Шотландии конца XVIII в., а также то, какие демографические сведения можно получить из первого статистического обзора Шотландии, проведенного под руководством Дж. Синклера в 1790–1799 гг. Делается вывод, что обзор позволяет определить общую численность населения страны, его распределение по полу и возрасту и средний размер семьи, хотя и неточно. Для оценки рождаемости, брачности и смертности надо привлекать приходские регистры и другие источники данных.

Ключевые слова: население Шотландии; первое (старое) статистическое обозрение Шотландии; Джон Синклер; история статистики; историческая демография.

Изучение населения в настоящее время характеризуется необходимостью рассматривать большие объемы информации за длительный временной период. Это повышает качество исследований и раздвигает их временные рамки. Для облегчения доступа к таким массивам информации в последние годы были созданы базы демографических данных. Наиболее известными из них являются Integrated Public Use Microdata Series (<https://www.ipums.org/>), Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>), Human Mortality Database (<http://www.mortality.org/>). Такие базы есть и для отдельных стран, поскольку они очень важны в работах по исторической демографии (например, Scottish Economic History Database, 1550–1780 (<http://www.iisg.nl/hpw/scotland/>)). Однако в настоящее время в электронный формат переведено не все. Ряд источников, который активно используется и который представляет собой достаточно полный срез жизни населения за некоторый период времени, продолжает существовать в изначальном формате (максимум, что сделано, – их сканирование). Они дают массу информации, которую не всегда можно представить в цифровом формате. Наиболее известными представителями таких источников являются статистические обозрения, в которых много описательных элементов.

В России подобное обозрение было подготовлено и опубликовано в XIX в. (1837–1854 гг.). Однако наиболее глубокое распространение этот жанр получил в Шотландии, где было издано три статистических обозрения, которые охватывали территорию всей страны и множество более мелких, затрагивающих одно или несколько графств. Первое (старое) статистическое обозрение было проведено и опубликовано в 1790–1799 гг. еще до проведения первой переписи населения. Второе (новое) статистическое обозрение было проведено в середине XIX в. (1834–1845 гг.), когда переписи стали регулярными, но текущий учет продолжал находиться в ведении Церкви. Третье статистическое обозрение было проведено в XX в. и растянулось во времени с 1947 по 1992 г.

Распространенность статистических обозрений именно в Шотландии неудивительна. В этой стране сильны генеалогические исследования, что стимулирует развитие изучения населения, помноженные на стремление к путешествиям. Еще до XVIII в. шотландцы были известны как путешественники и купцы, например, в XVII в. в Новую Шотландию переехало

около 200 тыс. шотландцев, а в Речь Посполитую в начале того века – 30–40 тыс. человек [1]. В значительной степени это было связано с нехваткой пахотной земли [2. Р. 174] при высокой рождаемости. Все это помогло получить исследования, которые без преувеличения можно назвать энциклопедией жизни населения Шотландии. Правда, как показывает российская и шотландская практика проведения подобных обследований, материалы для них собираются очень долго, что снижает их ценность по ряду вопросов, например, по демографии, поскольку данные устаревают и становятся несопоставимыми.

Для исследования была выбрана Шотландия в силу нескольких причин. Во-первых, по Шотландии доступны сведения за период и до проведения первой официальной переписи населения. Во-вторых, населению Шотландии свойственна значительная миграционная подвижность, что сильно влияет на его численность и состав, особенно в Горной Шотландии и на островах. В-третьих, социальные катаклизмы XVIII в. сильно повлияли на страну и ее дальнейшее развитие. В-четвертых, в Шотландии активно ставился вопрос об изучении населения еще до проведения официальных государственных переписей населения, то есть частная инициатива в этом вопросе была широко распространена и находила поддержку.

Для рассмотрения было выбрано первое статистическое обозрение, поскольку оно является первой успешной попыткой проведения полного статистического описания страны целиком, на методологию которого опирались при проведении последующих статистических описаний, и важной вехой в статистике Шотландии. Кроме того, в нем большое внимание было уделено демографическому развитию страны и некоторые показатели рассмотрены не только за XVIII в., но и за XVII в.

История вопроса и предшественники Дж. Синклера

В отечественной литературе население Шотландии изучено слабо. Мы смогли найти лишь несколько работ [3–8], да и то, про статистическое обозрение говорится лишь в одной [9], что повышает значимость данной статьи.

За рубежом публикаций гораздо больше, поскольку почти все работы, посвященные истории Шотлан-

дии или ее экономике, а также истории Великобритании, обязательно имеют главу, в которой рассматривается динамика численности населения Шотландии и ее влияние на социальные и экономические процессы. В связи с этим мы можем особо выделить лишь несколько работ, которые посвящены именно демографической истории Шотландии [10–18]. Существуют и отдельные статьи, посвященные истории населения, но их достаточно много, чтобы выделять особо какие-то из них.

Р. Плэкетт выделял два явления, которые повлияли на проведение столь масштабной работы: идеологию улучшения и «перепись» населения Шотландии, которая была проведена в 1755 г. [19. Р. 247]. Если с первым не согласиться нельзя, поскольку вопрос об сельскохозяйственных улучшениях был одним из пунктов рассылаемой священникам анкеты, то второе более сомнительно, поскольку в XVIII в. статистика стала активно проникать в жизнь общества¹ и обследований населения (или проектов подобных исследований) было проведено достаточно много помимо «переписи» А. Уэбстера. В той или иной степени описание Шотландии (включая естественнонаучное и данные о численности населения) представлено в работах М. Мартина [21–22], Д. Монро [23], Т. Пеннанта [24–25], Дж. Босуэлла [26], С. Джонсона [27], Дж. Уокера [7, 28–30] и др. Попытки описать Шотландию и ее население со стороны Церкви проводились в 1620–1630-е, 1720–1744 (географическое описание), 1743–1744 и 1755 гг. (описание населения), но все они за исключением проекта А. Уэбстера не были реализованы. Тем не менее значение мероприятий по сбору данных, проведенных под руководством А. Уэбстера, для шотландской статистики велико, хотя бы в силу того, что он показал возможность сбора сведений о населении по почте на основе ответов только приходских священников. Более подробно о целях Уэбстера и его работе см. [12, 31–32].

Можно привести и третью причину, о которой Плэкетт мало говорит. Обследование пришлось на период Шотландского Просвещения – времени, которое подарило Шотландии и миру множество замечательных идей и людей. В стране отмечался интеллектуальный подъем, поэтому неудивительно, что количество попыток описать страну и определить численность ее населения в масштабах всей страны перешло на качественно новый уровень.

Вопрос численности населения был актуален, учитывая все те социальные и экономические трансформации, которые в XVII–XVIII вв. прошла Шотландия. Однако оценки численности населения страны в целом привели не только А. Уэбстер и Дж. Синклер². Этот вопрос интересовал и других исследователей [32. Р. 199; 37. Р. 384–385]. Тем не менее именно Дж. Синклер смог заручиться поддержкой властей и провести оценку численности населения Шотландии в начале промышленной революции (проект параллельного проведения аналогичного обследования и в Англии был отклонен Церковью Англии). Несмотря на то, что Дж. Синклер опирался на труды своих предшественников, включая Дж. Стюарта, который отмечал, что политика,

направленная на увеличение численности населения, невозможна без точного подсчета числа жителей страны, приход за приходом [38. Р. 73], вклад самого Синклера в проведение и успех мероприятия является решающим.

Про самого Джона Синклера существуют отдельные работы (напр., см. [39]), тогда как работы, посвященной его главному труду, нет. Его работа высоко оценивается статистиками и историками статистики [40–43], однако требует более пристального внимания. В данной работе мы познакомим отечественного читателя с этим интересным трудом и рассмотрим, какие сведения демографического характера из него могут быть использованы в современных условиях.

Статистическое обозрение Шотландии как источник данных о населении Шотландии

Основной единицей обследования был приход, но не все священники понимали, что от них требуется, поэтому была разработана и разослана специальная анкета [44. Р. viii-x]. Это было безусловным успехом Дж. Синклера, поскольку она обеспечила унификацию получаемых ответов и заложила основу для проведения последующих статистических обозрений. В нее вошли 166 вопросов [33. Appendix A, Р. xx-xxxiv], которые были разделены на четыре части.

В первую часть (вопросы с 1 по 40) попали вопросы, посвященные географии и естествознанию. Они касались истории названия прихода, его расположения, особенностей почвы, погоды, наличия минералов, рек, озер, гор, пещер, флоры, фауны и прочих аналогичных особенностей прихода.

Вторая группа вопросов была посвящена населению. Она была самой большой (вопросы с 41 по 100), поскольку численности населения уделялось самое пристальное внимание – в оглавлении каждого тома, начиная со второго, из всех возможных сведений о приходах приводится только динамика численности населения. Синклера интересовали следующие данные: его численность, состав по полу, численности проживающих в городах, деревнях и сельской местности (не во всех приходах были населенные пункты [45. Р. 248, 250]), среднегодовое число рождений, браков и смертей, возрастное распределение (до 10 лет, от 10 до 20 лет, от 20 до 50 лет, от 50 до 70 лет, от 70 до 100 лет, старше 100 лет), причины долгожительства, профессиональный состав населения, этнический состав (в отдельные группы выделялись евреи, цыгане, негры, иностранцы, приехавшие из других частей Соединенного королевства, приехавшие из других приходов Шотландии) и причины эмиграции и иммиграции, религиозный состав, число рождений в браках, причины смертей и распространенные заболевания, брачная и семейная структуры населения, причины депопуляции (если наблюдалась), число заселенных и незаселенных домов и среднее число проживающих под одной крышей.

Третья группа вопросов (вопросы со 101 по 116) касалась производства. Задавались вопросы о площади прихода, какие растения и животные выращиваются и собираются, как распределена площадь по видам

деятельности, обеспечивает ли приход себя продовольствием, что импортируется, что экспортируется, какие есть полезные ископаемые.

В рамках четвертой группы (вопросы со 117 по 160) задавались различные вопросы о языке, ренте, священниках и их жизни, бедных и видах помощи для них, ценах на широкий перечень товаров в прошлом и настоящем, видах используемого топлива, заработной плате для различных профессий, росте жителей, значимых событиях в истории этой местности, известных местах и людях, имевших отношение к приходу, уровне жизни населения и путях его повышения, числе различных видов повозок и судов.

Наконец, была отдельная, добавленная после, группа из шести вопросов. Они касались состояния дорог, земельной ренты, ограждений в приходах и отношения населения к этому, событиях в 1782–1783 гг., что, вероятно, связано с сильными эпидемиями лихорадки в эти годы, и обычаев и интересных фактов за последние 50 лет.

Мы видим, что программа исследований была обширной, но реализовать удалось далеко не все. К этому имелся ряд причин, значительная часть из которых связана с неполнотой сбора данных.

Во-первых, приходские священники не всегда могли точно сказать число жителей. В ряде приходов численность населения определена приблизительно: около 3 тыс. человек [44. Р. 6], около 1 тыс. человек [44. Р. 66, 74], 1,4–1,5 тыс. человек [44. Р. 98; 46. Р. 32].

При этом во многих приходах были собраны сведения не только об общем числе жителей, но и о его распределении и некоторых тенденциях [44. Р. 22–24, 45–46, 52, 141–144]. В ряде приходов информация дается за длительный период. Например, в приходе Эйр (Ayr) приводятся сведения о числе рождений в разрезе пола за ряд лет, начиная с 1664 г., а по числу смертей в разрезе по полу и возрасту (взрослый-ребенок) с 1743 г. [44. Р. 89]. Для некоторых приходов были получены очень важные сведения. Так, священник из прихода Трэнент (Tranent) не только привел подробные сведения о населении прихода [47. Р. 90–95], но составил две интересные таблицы. В первой [47. Р. 92] он представил число смертей с 1755 по 1784 г. по полу по пятилетним возрастным группам, отдельно выделяя детей в возрасте до 5 лет и стариков в возрасте старше 90 лет. Во второй таблице [47. Р. 93–94] он привел данные, которые позволяют рассчитать для мужчин и женщин вероятность умереть для однолетних возрастных групп. Доступная выборка была небольшой (за 1755–1783 гг. численность населения возросла с 2 459 до 2 496 человек, а к 1791 г. – до 2 732 человек, поэтому данные в таблице приведены обобщенно за 30 лет. Это сгладило общие колебания и дает представления о тенденциях в сфере смертности за указанный период).

Во-вторых, священники в Шотландии были привилегированным классом с наиболее высокой средней по стране заработной платой, но уровень их знаний и характер различались. В результате у них была разная степень заинтересованности в участии в обследовании и разная степень подробности ответов. Также приходы различались и по уровню подробности и

аккуратности ведения регистров крещений (иногда указывалась дата рождений), заключений браков (или оглашений) и погребений (более подробно о проблемах ведения соответствующих регистров в Шотландии см. [9. Р. 170–171; 44. Р. 201; 48. Р. 556; 49. Р. 292; 50. Р. 428; 51. Р. 558; 52. Р. 119–120; 53. Р. 480; 54. Р. 569–570]). Священник мог и не знать о каких-то событиях в жизни прихода, пока ему не сообщали об этом местные жители. Климатические и физические условия в приходах различались, поэтому далеко не все священники могли или хотели уточнять необходимые сведения. Например, в приходе Мейкерстон (Makerston) священник смог с трудом найти лишь четверть от предполагаемого населения (около 250 человек из примерно 1000) [48. Р. 263].

В-третьих, даже в конце XVIII шотландское общество было неоднородным. Можно выделить две основных линии конфликтов, в основном имеющих географическую привязку: англоязычные протестанты Равнинной Шотландии противостояли преимущественно гэлоязычным католикам, проживающим в Горной Шотландии и на островах. Эти противоречия возникли задолго до XVIII в., но неудачные восстания 1715 и 1745 гг. и резкая реакция властей на них, а также массовые огораживания обострили их. Также существовала сильная вражда между отдельными кланами, например, Кэмбеллами и их сторонниками и Макдональдами и их сторонниками, хотя в значительном мере они укладывались в описанные выше противоречия. В результате англоязычные протестантские священники, не знавшие гэльского языка, могли оказаться оторванными от жителей северных приходов Шотландии и не имели информацию в необходимом для ответов на вопросы объеме.

Наконец, ответы на разосланные анкеты даже внутри графств приходили и публиковались крайне неравномерно. В условиях промышленной революции и высокой рождаемости даже за небольшое время в стране происходили значительные изменения, поэтому собираемые сведения быстро устаревали. В результате сложно обеспечить сопоставимость данных даже внутри графств. В связи с этим по приходам информация считается на год сбора сведений, а по стране в целом имеются лишь оценки по состоянию на 1790–1798 гг.

Все это свидетельствует о большой пестроте ответов, о чем говорят и зарубежные исследователи (напр., см. [55. Р. 40]), и снижает ценность статистического обзора как источника данных. Однако собранные сведения являются уникальными и дают представление о тенденциях демографического развития Шотландии в XVIII в.

Численность населения Шотландии и его характеристики по данным статистического обзора

Численность населения в приходе и ее сравнение с данными А. Уэбстера – единственная информация, которая есть для всех приходов. За период с 1755 г. население Шотландии выросло на 261 112 человек (табл. 1), что составляет прирост около 0,5% в год.

Эти цифры являются примерными, поскольку точные данные были доступны не для всех приходов как в 1790–1798 гг., так и в 1755 г. и являются оценками приходских священников. Численность населения

выросла больше в южных графствах. Это можно связать с ростом городов, которых было больше в южных графствах, а также с тем, что эмиграция из страны в них была меньше.

Т а б л и ц а 1

Численность населения Шотландии в 1755 и 1790–1798 гг.

Графство	Население в 1755 г.	Население в 1790–1798 гг.	Прирост или убыль, %	Графство	Население в 1755 г.	Население в 1790–1798 гг.	Прирост или убыль, %
Абердин ³	116 836	122 921	5,2	Оркней и Шетландские острова	38 591	43 239	12,0
Аргайл	63 291	76 101	20,2	Пиблс	8 908	8 107	–9,0
Банф	36 521	38 487	5,4	Перт	118 903	133 274	12,1
Берик	24 946	30 875	23,8	Ренфрю	26 645	62 853	135,9
Бьют и Арран	6 866	10 563	53,8	Роксбург	31 273	32 020	2,4
Дамфрис	41 913	52 329	24,9	Росс	42 493	50 146	18,0
Данбартон	13 857	18 408	32,8	Сазерленд ⁴	20 774	22 961	10,5
Инвернесс	64 656	73 979	14,4	Селкирк	4 368	4 314	–1,2
Кейтнесс	22 215	24 802	11,6	Стерлинг	38 813	46 663	20,2
Керкубри	21 205	26 959	27,1	Уигтон	16 466	20 983	27,4
Кинкардин	24 346	26 799	10,1	Файф	81 570	87 250	7,0
Кинросс	4 889	5 302	8,4	Форфар	68 297	91 001	33,2
Клэмманнан	9 003	8 749	–2,8	Хаддингтон	29 709	28 966	–2,5
Кромарти	5 163	5 284	2,3	Эдинбург	90 412	122 655	35,7
Ланарк	81 726	125 254	53,3	Эйр	59 268	75 544	27,5
Линлитгоу	16 829	17 570	4,4	Элгин	28 934	26 080	–9,9
Нэрн	5 694	6 054	6,3	Итого	1 265 380	1 526 492	20,6

Источник: [33. Р. 620–621].

Во второй половине XVIII в. прирост населения в Шотландии обеспечивала рождаемость, поскольку миграционное сальдо было отрицательным, но внутри страны влияние оказывали и другие причины. В некоторых отчетах священники привели не только численность населения, но и указали причины, которые повлияли на ее динамику [44. Р. 6, 123, 173–174; 45. Р. 210; 46. Р. 237–238, 254–256, 569–570; 48. Р. 182, 333–334; 49. Р. 133, 397; 53. Р. 220; 54. Р. 548–549; 56. Р. 219, 236, 410; 57. Р. 610; 58. Р. 159; 59. Р. 261]. Мы привели лишь часть примеров.

Можно выделить шесть причин, которые снижали численность населения. Население прихода уменьшалось из-за укрупнения ферм, что требовало меньше людей для ведения сельского хозяйства. Следует отметить, что возврат к практике предоставления небольших наделов стал наблюдаться лишь незадолго до обследования Синклера. Использование более прогрессивных методов обработки земли снизило потребность в арендаторах, но увеличило стоимость земли и потенциальную ренту. Многие собственники земли стали сами обрабатывать землю, не привлекая для этого арендаторов, что снизило численность населения в таких приходах. Смена специализации с сельского хозяйства на животноводство тоже снижало потребность в людях, так как в новых условиях одному человеку было надо столько же земли, сколько ранее 10–14. Наличие рядом крупных городов стимулировало переселение, поскольку в них проще найти работу. Наконец, население сокращалось, когда собственники не жили на земле и за ней не надо ухаживать.

Население увеличивалось в следующих случаях. Удачное расположение прихода и наличие дорог положительно влияло на число его жителей. Использование удобрений на основе извести и ввод в сельскохозяйственный оборот новых земель тоже увеличива-

ло численность населения. Это делало сельское хозяйство снова привлекательным по сравнению с животноводством. Также положительно на численность населения влияла более активная ловля сельди. Увеличивало население и развитие производства (мануфактур) в приходе, поскольку там могли работать и дети (пример данных о числе детей см. в [46. Р. 154, 216; 54. Р. 37; 60. Р. 308]), а наличие работы давало уверенность в будущем. Тем не менее развитие мануфактур могло быть и ответом на увеличение численности населения, которое необходимо было занять. Сохранение сельскохозяйственной специализации также препятствовало оттоку населения. Наконец, введение более прогрессивных методов в лечении детей и матерей после родов, а также широкое распространение практики вакцинации (особенно от оспы) способствовало снижению смертности.

Мы видим, что на изменение числа жителей прихода влияли в основном экономические причины. Прогресс в области медицины был менее заметным фактором. Такой аспект, как миграция англоязычного населения вследствие дискриминации по языковому, религиозному и политическому принципам, в отчетах отражен не был, но известно, что эти факторы вносили заметный вклад.

Городов с населением свыше 309 человек в Шотландии было 240 (из них в 119 было более 1 000 жителей, а в 7 – более 10 000 жителей) [37. Р. 474–478]. В них проживало 545 725 человек (35,8% от всего населения страны). Правда, сам Синклер отмечал, что по некоторым крупным городам сведения не были получены. В связи с этим он предлагал к указанному числу добавить еще 100 000 жителей [37. Р. 478]. В таком случае в городах проживало 42,3% от всего населения страны. Выбранная Дж. Синклером граница является очень низкой, поскольку в тот период

существовали деревни с большим числом жителей [44. Р. 453]. Если мы рассмотрим города с численностью населения более 1 000 человек, то число их жителей на момент проведения обследования составляло 477 373 человека (31,2% от всего населения или 37,8% при добавлении дополнительных жителей).

Данные о половой структуре населения доступны не по всем приходам, поскольку многие священники не предоставили соответствующую информацию. В некоторых случаях священники не приводили распределение по полу, но отмечали, что женщин или мужчин больше (или равное число), и иногда указывали, на сколько больше [50. Р. 300; 51. Р. 98; 52. Р. 175; 54.

Р. 108; 56. Р. 99]. В отношении распределения по полу Синклер смог получить полные или частичные данные об около 410 приходах (около 690 тыс. человек).

Половая структура населения была сильно деформированной: на 100 женщин приходилось лишь 90 мужчин (табл. 2). Равные доли мужчин и женщин были только в Пиблсшайре. Помимо смертности на распределение полов влиял значительный отток из страны молодых мужчин. Географические особенности половой структуры населения выделить нельзя, поскольку среди регионов как с высоким, так и с низким числом мужчин присутствуют представители разных макрорегионов.

Таблица 2

Число мужчин на 100 женщин в Шотландии в 1790–1798 гг.⁵

Графство		Графство		Графство	
Абердин	90	Кинросс	87	Росс	83
Аргайл	97	Клэкманнан	88	Сазерленд	89
Банф	91	Кромарти	93	Селкирк	89
Берик	92	Ланарк	87	Стерлинг	94
Бьют и Арран	...	Линлитгоу	84	Уигтон	96
Дамфрис	91	Нэрн	...	Файф	92
Данбартон	98	Оркней и Шетландские острова	82	Форфар	94
Инвернесс	92	Пиблс	100	Хаддингтон	86
Кейтнесс	89	Перт	92	Эдинбург	84
Керкубри	94	Ренфрю	94	Эйр	93
Кинкардин	97	Роксбург	88	Элгин	87
Шотландия	90				

Источник: расчеты автора на основе [33, 37, 44–54, 56–63].

Примечание. Здесь и далее в таблицах ... – данных по графству нет или доступны сведения только по одному приходу.

Таблица 3

Возрастная структура населения Шотландии в 1790–1798 гг.

Графство	Возраст				Графство	Возраст			
	<20	20–50	50–70	>70		<20	20–50	50–70	>70
Абердин	38,1	39,7	17,2	5,0	Оркней и Шетландские острова	46,4	35,6	15,0	3,0
Аргайл	48,1	35,6	12,7	3,5	Пиблс	45,0	37,3	14,4	3,3
Банф	39,8	37,4	16,2	6,6	Перт	42,4	42,0	13,1	2,5
Берик	47,5	37,3	11,6	3,5	Ренфрю	47,1	39,5	10,9	2,4
Бьют и Арран	Роксбург	43,9	40,1	13,0	3,0
Дамфрис	46,0	36,7	13,6	3,6	Росс	48,0	36,4	13,3	2,3
Данбартон	Сазерленд
Инвернесс	50,7	36,8	10,1	2,4	Селкирк
Кейтнесс	49,7	35,2	13,5	1,6	Стерлинг	44,8	38,1	14,0	3,2
Керкубри	40,0	39,8	17,0	3,2	Уигтон	41,1	39,3	16,3	3,3
Кинкардин	42,2	39,0	14,4	4,4	Файф	44,6	40,2	12,8	2,4
Кинросс	Форфар	45,6	39,6	12,3	2,5
Клэкманнан	45,2	38,5	14,0	2,3	Хаддингтон
Кромарти	Эдинбург	42,8	41,4	13,6	2,3
Ланарк	44,2	38,3	14,2	3,3	Эйр	45,6	37,6	13,9	2,9
Линлитгоу	Элгин	44,2	35,3	14,8	5,7
Нэрн	Шотландия	44,4	38,6	13,7	3,3

Источник: расчеты автора на основе [33, 37, 44–54; 56–63].

Джон Синклер хотел знать распределение населения по следующим возрастным группам: 0–20 лет, 20–50 лет, 50–70 лет и старше 70 лет. Это соответствует четырем группам: дети [57. Р. 440], взрослые, пожилые и старики, долгожители. Однако полностью или частично собрать сведения о населении в таком разрезе он смог лишь в около 200 приходах, в отношении около 240 тыс. человек. При этом сведения доступны лишь по небольшим приходам с населением до 5 тыс. человек. В крупных городах священники зачастую не могли предоставить подобную информацию.

Значительное число священников привели распределение населения в приходах в соответствии со своими потребностями и представлением об этом. Подобный подход не позволяет использовать приведенные данные, поскольку они несопоставимы с основной массой отчетов [48. Р. 386; 52. Р. 656; 53. Р. 589; 56. Р. 73, 236, 418; 58. Р. 195; 60. Р. 151, 549; 61. Р. 38–39]. Иногда священники приводили информацию по десятилетним возрастным группам и даже в разрезе по полу [44. Р. 510; 51. Р. 401; 52. Р. 586; 59. Р. 312], что на руку исследователям. В одном случае приведе-

ны сведения по однолетним возрастным группам [50. Р. 619–620].

Исходя из имеющихся данных, дети составляли 44,4% от всего населения, взрослые – 38,6%, пожилые и старики – 13,7%, долгожители – 3,3% (см. табл. 3). По сравнению с обследованием Уэбстера доля детей возросла на 0,3 процентных пункта, доля взрослых снизилась на 2,6 процентных пункта, а доли стариков и долгожителей выросли соответственно на 1,6 и 0,7 процентных пункта. Можно выделить две тенденции: повышение продолжительности жизни, что выразилось в увеличении доли пожилых, и рост числа детей, что связано, на наш взгляд, со снижением детской смертности из-за вакцинации. Что касается взрослых, то их число сократилось из-за эмиграции в Северную Америку, британские колонии и европейские страны (например, Швецию), где они выступали как наемники, а также поступления на военную службу или торговый флот. Выделить географические закономерности в возрастной структуре населения сложно, поскольку данные доступны лишь по небольшой части населения. Тем не менее в горной части доля детей была в среднем выше, а в равнинной – ниже, тогда как в отношении взрослых и пожилых наблюдалась обратная картина.

Для 31 прихода у нас есть сопоставимое распределение населения и по полу, и по возрасту (из них у

13 – по десятилетним возрастным группам). В них проживало около 38 тыс. человек. Согласно отчетам священников для этого населения мужчин было значительно больше в возрасте меньше 20 лет (105 мужчин на 100 женщин) и немного больше в возрасте и старше 70 лет (102 мужчины на 100 женщин), а женщин значительно больше в возрастах 20–50 лет (83 мужчины на 100 женщин) и 50–70 лет (91 мужчина на 100 женщин).

Данные о среднем размере семьи доступны по примерно 180 приходам (около 400 тыс. человек), а по семи приходам есть полное распределение числа семей с указанием числа членов в каждой. Во многих приходах есть данные о числе занятых домов, но эти понятия могут не совпадать [47. Р. 586; 51. Р. 4; 52. Р. 617; 57. Р. 27, 30, 175–176], поэтому мы учли совсем немного приходов, где священники отметили, что цифры по домам и семьям равны. Средний размер семьи в Шотландии составил 4,6 человека, но в эту цифру попали и семьи, состоящие из одного человека. В статистическом обозрении нет четкой позиции: в некоторых отчетах одиночек называют семьей [61. Р. 308], а в некоторых – нет [44. Р. 453]. Если их не учитывать, то средний размер семьи превысит 5,0 человека. В городах средний размер семьи меньше по сравнению с сельской местностью, а в северных графствах больше чем в южных.

Т а б л и ц а 4

Средний размер семьи в Шотландии в 1790–1798 гг.

Графство	Средний размер семьи	Графство	Средний размер семьи	Графство	Средний размер семьи
Абердин	4,1	Кинросс	3,9	Росс	4,8
Аргайл	5,0	Клэкманнан	3,9	Сазерленд	5,6
Банф	4,4	Кромарти	4,9	Селкирк	...
Берик	4,5	Ланарк	4,6	Стерлинг	4,6
Бьют и Арран	...	Линлитгоу	4,2	Уигтон	4,8
Дамфрис	4,0	Нэрн	...	Файф	4,1
Данбартон	...	Оркней и Шетландские острова	5,3	Форфар	4,4
Инвернесс	5,6	Пиблс	4,8	Хаддингтон	4,1
Кейтнесс	5,3	Перт	4,5	Эдинбург	4,5
Керкубри	4,6	Ренфрю	4,6	Эйр	4,7
Кинкардин	...	Роксбург	4,5	Элгин	4,5
Шотландия	4,6				

Источник: расчеты автора на основе [33, 37, 44–54, 56–63].

Изначально мы хотели рассчитать хотя бы общие коэффициенты рождаемости, брачности и смертности, но из-за нехватки данных были вынуждены отказаться и от этого.

В статистическом обозрении об этих демографических событиях данные приводятся из приходских регистров, а при их использовании существуют проблемы. Во-первых, не везде регистры велись аккуратно и регистрировались далеко не все события, поскольку не все хотели платить регистрационные сборы. Во-вторых, во многих приходах регистрировались не демографические события (рождение, вступление в брак и смерть), а события церковной жизни (крещение, оглашение, отпевание), а это не тождественные события. В отношении рождаемости ситуация осложняется тем, что в Шотландии крестили не младенцев, а детей в возрасте 8–12 лет (в зависимости от прихо-

да) и часть из них умирала еще до этого. В отношении регистрации брачности тоже были сложности. Если жених и невеста были из разных приходов, то объявления о предстоящем браке делались в обоих приходах и сведения часто попадали в регистры обоих приходов. В связи с этим регистры дают интересную информацию, но ее использование крайне затруднено и требуются значительные усилия по приведению ее в порядок и вид, подходящий для использования, что выходит за рамки данной статьи.

Имеющиеся данные не позволяют рассмотреть брачную структуру, поскольку сопоставимые данные доступны по очень маленькому числу приходов. В отчетах четко выделяется категория вдовых (иногда с разделением по полу). Зачастую это единственная информация о брачной структуре [50. Р. 82]. Состоящие в браке часто выделяются старше какого-нибудь

возраста, например 18 [46. Р. 8] или 20 [44. Р. 22] лет, но нет никаких указаний на то, что в более молодом возрасте никто не состоит в браке, ведь в отчетах отмечается, что люди вступали в брак рано. Также нельзя посчитать число состоящих в браке по числу семей, поскольку в приходах в приходе число состоящих в браке мужчин и женщин могло различаться [54. Р. 38]. Не состоящие в браке делятся на тех, кто находится в брачном возрасте, но не состоит в браке, и тех, кто ниже определенного возраста, а этот возраст между приходами различается [44. Р. 22; 46. Р. 8; 54. Р. 39]. Несмотря на наличие цифр, иногда связь между числом состоящих в браке и не состоящих в браке установить нельзя [54. Р. 38–39].

Мы отметим лишь некоторые интересные особенности. Во многих приходах священники привели информацию о числе событий за некоторый период времени (от двух до 100 и более лет), иногда с разбивкой по пяти- или десятилетним группам. Подобное представление данных оправданно, так как позволяет сгладить годовые колебания, что актуально в условиях небольшого населения, но не дает информацию о существующих трендах. В некоторых приходах были проведены попытки рассчитать общие коэффициенты, например, в таком виде: «среднее годовое число рождений относится ко всему населению как 1 к 36» [44. Р. 163] (по нашим оценкам рождаемость составляла 30–50‰). На основе данных о части приходов можно сделать вывод о том, что среднее число детей, рожденных в браке, составляло 4–5. В некоторых приходах священники привели сведения о смертности по однолетним [44. Р. 327] или другим, например десятилетним [46. Р. 8; 50. Р. 186], возрастным группам.

Конец XVIII в. в Шотландии характеризовался быстрыми темпами развития экономических отношений. Социальные последствия неудачных восстаний и последовавшей массовой эмиграции не были преодолены, поэтому государству и обществу было необходимо узнать, сколько человек проживает в стране и какими характеристиками они обладают.

В 1755 г. Церковью Шотландии было проведено обследование, которое позволило узнать только численность населения. Однако этого было недостаточно, а результаты обследования не были опубликованы вплоть до середины XX в.

Первое (старое) статистическое обозрение Шотландии, проведенное и опубликованное в последнем десятилетии XVIII в., дало много новых данных о половом и возрастном распределении населения и размере семьи. В нем отмечалось, что численность населения с 1755 г. возросла примерно на 261 тыс. человек. Это является очень хорошим результатом для маленькой страны с высокой эмиграцией. На 100 женщин приходилось всего 90 мужчин, однако в наиболее молодых и наиболее старых возрастах мужчин было больше, что свидетельствует о высокой эмиграции мужчин. Около 41% населения было моложе 20 лет, а 39% находились в интервале от 20 до лет. Старше 50 лет было 17%. Согласно шкале Ж. Божё-Гарнье-Э. Росseta можно судить о том, что население находилось на уровне демографической молодости или первого преддверия старости. Средний

размер семьи составлял 4,6 человека, однако в их число включались домохозяйства, состоящие из одного человека. Учитывая то, что в браках рождалось в среднем 4–5 ребенка, можно предполагать, что размер семьи, состоящей из двух и более человек, превышал 5 человек.

На динамику численности населения Шотландии оказывали влияние разные факторы. Самым важным являлся экономический. Улучшения в сфере ведения сельского хозяйства как повышали стоимость земли и привлекали дополнительных работников, так и снижали потребность в рабочих руках. Развитие промышленности (особенно табачных и хлопковых мануфактур) уменьшало число занятых в сельском хозяйстве и повышало численность населения в городах. Переход от сельского хозяйства в приходе к животноводству снижало численность населения в нем.

Тем не менее первое статистическое обозрение не лишено и недостатков. Во-первых, статистическое обозрение не является переписью населения в современном понимании этого термина. В нем отсутствовал критический момент – дата, по состоянию на которую проводился опрос, то есть обследование не было одномоментным. Оно не было и всеобщим, так как анкеты рассылались священникам, которые отвечали на вопросы о положении дел в приходе, а не отдельным семьям. Несмотря на наличие единой программы ответы были получены не на все вопросы и из разных приходов было получено разное число ответов. Кроме того, многие священники отвечали на вопросы не так, как требовалось в программе обследования, а так, как могли или хотели. В результате данные между приходами далеко не всегда можно сравнить. Наконец, обследование не было регулярным, что также затрудняет сравнение данных.

Во-вторых, многие данные демографического характера имеют очень примерную оценку. Хотя население в итоговом отчете представлено с точностью до человека, можно утверждать, что погрешность составляет не менее нескольких десятков тысяч человек. Частично это связано с тем, что ответы на анкету собирались на протяжении длительного периода времени и численность населения за это время успела измениться, а частично – с тем, что священники не всегда обладали полной информацией о населении прихода и его характеристиках.

В-третьих, сведения о миграции практически отсутствуют, а сведения о рождаемости, брачности и смертности представлены на низком уровне. Это связано с тем, что во многих приходах регистры велись плохо или совсем не велись, и с тем, что в них учитывались крещения, оглашения и погребения, а не рождения, вступления в брак и смерти. Лишь иногда отмечались именно демографические события. Ответ на эти вопросы требует тщательной работы с приходскими регистрами и другими источниками данных, а не со статистическим обозрением.

Перечисленные недостатки не умаляют заслугу Джона Синклера в том, что статистическое обозрение Шотландии, проведенное под его руководством, позволяет решить главную задачу этого обозрения – дать представление о жизни населения Шотландии на ко-

нец XVIII в. Эта цель была достигнута, а первое статистическое обозрение Шотландии является важной вехой в изучении населения Шотландии. Можно выделить еще два важных результата проведения и публикации обозрения. Во-первых, была осуществлена некоторая тренировка перед первой государственной переписью населения, проведенной в 1801 г. Во-вторых, оно стимулировало дальнейшее развитие социальной мысли и общественную дискуссию о положении дел в стране. Например, Т.Р. Мальтус активно

использовал материалы обозрения при работе над своей книгой «Опыт о законе народонаселения» (книга 2, гл. 10). Все сказанное выше позволяет утверждать о том, что первое (старое) статистическое обозрение Шотландии является уникальным источником сведений по населению Шотландии конца XVIII в., который необходимо обязательно использовать, но дополнять данными регистров текущего учета событий, которые вели приходские священники, и другими источниками информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шотландцы внесли значительный вклад в развитие статистики [20]. Достаточно вспомнить, что шотландцами по происхождению являются такие известные личности, как Р. Гиффен, Дж. У. Юл, П. Бойл и А. Дитон.

² Джон Синклер из Ульбстера, 1-й баронет (10.05.1754–21.12.1835) – член Палаты общин от Кейтнесса, пионер пропаганды статистики на английском языке [20. Р. xiii]. Обучался в Университетах Эдинбурга и Глазго, а затем в Тринити-колледже в Оксфорде; был принят в коллегию адвокатов в Шотландии. Член Генеральной Ассамблеи Церкви Шотландии. Основной сферой его научных интересов является сельское хозяйство (более подробно см. [34]) и некоторые близкие вопросы [35]. Также он является автором ряда публикаций по экономике и сельскому хозяйству: *History of the Public Revenue of the British Empire* (1784), *The Code of Health and Longevity* (1807), *Hints Regarding the Agriculture State of the Netherlands, Compared with that of Great Britain* (1815), *Code of Agriculture* (1819) и др. Был главой Бюро земледелия (Board of Agriculture and Internal Improvement), созданного в 1793 г. при поддержке премьер-министра Великобритании Уильяма Питта-младшего и просуществовавшего до 1822 г. Инициаторами его создания можно считать Артура Янга (1741–1820), который в конце 1760 – начале 1770-х гг. провел выборочное обследование, посвященное сельскохозяйственной экономике [36], и еще с 1769 г. предлагал создание аналогичной организации и Уильяма Маршалла (1745–1818), писателя и исследователя в сфере сельского хозяйства.

³ Вероятно, в расчетах для этого графства где-то допущена опечатка, поскольку наблюдается расхождение на 20 человек.

⁴ Вероятно, в расчетах для этого графства где-то допущена опечатка, поскольку наблюдается расхождение на одного человека.

⁵ Здесь и далее в таблицах для устранения различий между приходами данные приводятся по графствам. Минимальной границей является наличие в графстве данных хотя бы по двум приходам, хотя, разумеется, это может искажать реальную картину.

ЛИТЕРАТУРА

- Smout T.C., Landsman N.C., Devine T.M. *Scottish Emigration in the Early Modern Period // Europeans on the Move: Studies on European Migration, 1500–1800 / Canny N. (ed.). Oxford : Clarendon Press, 1994. P. 76–112.*
- Dodgshon R.A. *Farming Practice in the Western Highlands and Islands before Crofting: A Study in Cultural Inertia or Opportunity Costs? // Rural History. 1992. Vol. 3, № 2. P. 173–189.*
- Звидриньш П.П. Население Великобритании: размещение, состав и воспроизводство. М. : Статистика, 1979. 183 с.
- Ласкова Н.В. «Демографический пресс» как предпосылка шотландской колонизации Америки в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 112–115.
- Ласкова Н.В. Колонизация шотландских окраин в XVI – первой четверти XVII вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 43–46.
- Ласкова Н.В. Несостоявшиеся проекты шотландских колоний в Америке Роберта Гордона из Лохинвара // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 1. С. 70–74.
- Королева М.В. Труды Джона Уокера о населении Горной Шотландии и Гебридских островов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 2. С. 54–61.
- Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М. : ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. 436 с.
- Королева М.В., Сеница А.Л. Гэльское население Шотландии – от истоков к современности // Этническая демография. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 163–191.
- Scottish Population History from the Seventeenth Century to the 1930s / M. Flinn (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1977. P. xxv+547.
- Moody D. *Scottish Family History. London : B.T. Batsford, 1988. 219 p.*
- Scottish Population Statistics including Webster's Analysis of Population 1755 / Kyd J.G. (ed.). Edinburgh : Scottish History Society, 1952. 107 p.
- Smout T.C. *A history of Scottish People, 1560–1830. London : Collins, 1969. 576 p.*
- Devine T.M. *The Scottish Nation 1700–2000. London ; Allen Lane : The Penguin Press, 1999. xxiii + 696 p.*
- Bumsted J.M. *The People's Clearance. Highland Emigration to British North America. 1770–1815. Edinburgh : Edinburgh University Press, The University of Manitoba Press, 1982. xvii+305 p.*
- Withers Ch.W.J. *Urban Highlanders: Highland-Lowland Migration and Urban Gaelic Culture, 1700–1900. East Linton : Tuckwell Press, 1998. xvi+270 p.*
- Richards E.A. *History of the Highland Clearances. Vol. 1: Agrarian Transformation and the Evictions 1746–1886. London : Croom Helm, 1982. 531 p.*
- Richards E.A. *History of the Highland Clearances. Vol. 2: Emigration, Protest, Reasons. London : Croom Helm, 1985. 543 p.*
- Plackett R.L. *The Old Statistical Account // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General). 1986. Vol. 149, № 3. P. 247–251.*
- Pritchard Ch. *The Contributions of Four Scots to the Early Development of Statistics // The Mathematical Gazette. 1992. Vol. 76, № 475: The Use of the History of Mathematics in the Teaching of Mathematics. P. 61–68.*
- Martin M. *A description of the Western Islands of Scotland: Containing a full account of their situation, extent, soils, product, harbours, bays, tides, anchoring places, and fisheries. The ancient and modern government, religion and customs of the inhabitants, particularly of their druids, heathen temples, monasteries, churches, chappels, antiquities, monuments, forts, caves, and other curiosities of art and nature. Of their admirable and expeditious way of curing most diseases by simples of their own product. A particular account of the second sight, or faculty of foreseeing things to come, by way of vision, so common among them. A brief hint of methods to improve trade in that country, both by sea and land. With a new map of the whole, describing the harbours, anchoring places, and dangerous rocks, for the benefit of sailors. To which is added a brief description of the Isles of Orkney, and Schetland. London : Printed for Andrew Bell, at the Cross-Keys and Bible in Cornhill, near Stocks-Market, 1703. 392 p.*

22. Martin M. A voyage to St. Kilda, the remotest of the Hebrides or Western Isles of Scotland: giving An Account of the very remarkable Inhabitants of that place, their Beauty and singular Chastity (Fornication and Adultery being unknown among them); their Genius for Poetry, Music, Dancing; their surprising Dexterity in climbing the rocks, and Walls of Houses; Diversion, Habit, Food, Language, Diseases and Methods of Cure; their extensive Charity; their Contempt of Gold and Silver, as below the Dignity of Human Nature; their Religious Ceremonies, Notion of Spirits and Visions, &c. &c.. London : D. Browne and L. Davis, 1753. 63 p.
23. Monro D. Description of the Western Isles of Scotland called Hybrides. With the Genealogies of the Chief Clans of the Isles by Sir Donald Monro High Dean of the Isles who travelled through most of them in the year 1549. Glasgow : Thomas D. Morison ; London : Hamilton, Adams & Co., 1884. 68 p.
24. Pennant Th. A tour in Scotland and voyage to the Hebrides: MDCCLXXII. Part 1. London : Benjamin White, 1790. vii+440 pp.
25. Pennant Th. A tour in Scotland and voyage to the Hebrides: MDCCLXXII. Part 2. London : Benjamin White, 1790. iv+480 pp.
26. Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D. New York : The Viking Press, 1936. xviii+435 pp.
27. Johnson S. A journey to the western islands of Scotland. London: Printed for W. Strahan; and T. Cadell in the Strand, 1775. 384 p.
28. The Rev. Dr. John Walker Report on the Hebrides of 1764 and 1771 / ed. by M. MacKay. Edinburgh : John Donald Publishers, 2004. vii+256 p.
29. Walker J. An Economical History of the Hebrides and Highlands of Scotland. Vol. I. Edinburgh : Printed at the University Press, 1808. x+389 p.
30. Walker J. An Economical History of the Hebrides and Highlands of Scotland. Vol. II. Edinburgh : Printed at the University Press, 1808. 416 p.
31. Note on an Account of the Number of People in Scotland in the Year 1755 by Alexander Webster // Journal of the Royal Statistical Society. 1922. Vol. 85, № 1. P. 105–106.
32. Youngson A.J. Alexander Webster and his "Account of the Number of People in Scotland in the Year 1755" // Population Studies. 1961. Vol. 15, № 2. P. 198–200.
33. The Statistical Account of Scotland. Vol. XX. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1798. cxv+621 p.
34. Fussell G.E. Impressions of Sir John Sinclair, Bart., First President of the Board of Agriculture // Agricultural History. 1951. Vol. 25, № 4. P. 162–169.
35. Schumann U.M. The Hidden Roots of the Garden City Idea: From John Sinclair to John Claudius Loudon // Journal of Planning History. 2003. Vol. 2, № 4. P. 291–310.
36. Brunt L. The Advent of the Sample Survey in the Social Sciences // Journal of the Royal Statistical Society. Series D (The Statistician). 2001. Vol. 50, № 2. P. 179–189.
37. The Statistical Account of Scotland. Vol. XXI. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1799. vii+480+140 p.
38. Steuart J. An inquiry into the Principles of Political Economy: being an essay on the Science of Domestic Policy in Free Nation. In which are particularly considered population, agriculture, trade, industry, money, coin, interest, circulation, banks, exchange, public credit, and taxes. Vol. I. London : Printed for A. Millar and T. Cadell, in the Strand, 1767. xv+652 p.
39. Mitcheson R. Agricultural Sir John: The Life of Sir John Sinclair of Ulbster. London : Geoffrey Bles, 1962. ix+291 pp.
40. Hilt V. Aliis Exterendum, or the origins of the Statistical Society of London // Isis. 1978. Vol. 69, № 1. P. 21–43.
41. Kendall M.G. Studies in the History of Probability and Statistics. Where shall the history of statistics begin // Biometrika. 1960. Vol. 47, № 3/4. P. 447–449.
42. Pearson K. The History of Statistics in the 17th and 18th Centuries, Against the Changing Background of Intellectual, Scientific and Religious Thought: Lectures by Karl Pearson given at University College London during the Academic Sessions 1921–1933 / E.S. Pearson (ed.). London : Griffin, 1978. xix+744 p.
43. Rosenbaum S. The growth of the Royal Statistical Society // Journal of Royal Statistical Association. Series A (General). 1984. Vol. 147, № 2: The 150th Anniversary of the Royal Statistical Society. P. 375–388.
44. The Statistical Account of Scotland. Vol. I. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1791. xii+518 p.
45. The Statistical Account of Scotland. Vol. XVI. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1795. vii+643 p.
46. The Statistical Account of Scotland. Vol. II. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1791. xi+581 p.
47. The Statistical Account of Scotland. Vol. X. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1794. viii+637 p.
48. The Statistical Account of Scotland. Vol. III. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1792. xvi+612 p.
49. The Statistical Account of Scotland. Vol. IV. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1792. vii+579 p.
50. The Statistical Account of Scotland. Vol. VIII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1793. v+650 p.
51. The Statistical Account of Scotland. Vol. IX. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1793. vi+640 p.
52. The Statistical Account of Scotland. Vol. XII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1794. v+622 p.
53. The Statistical Account of Scotland. Vol. XIV. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1795. v+623 p.
54. The Statistical Account of Scotland. Vol. XV. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1795. v+643 p.
55. Leeming F.A. Social accounting and the old statistical account // Scottish Geographical Magazine. 1963. Vol. 79, № 1. P. 34–48.
56. The Statistical Account of Scotland. Vol. V. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1793. vi+591 p.
57. The Statistical Account of Scotland. Vol. VII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1793. vi+625 p.
58. The Statistical Account of Scotland. Vol. XI. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1794. v+627 p.
59. The Statistical Account of Scotland. Vol. XIII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1794. vi+664 p.
60. The Statistical Account of Scotland. Vol. XVII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1796. viii+650 p.
61. The Statistical Account of Scotland. Vol. VI. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1793. vii+629 p.
62. The Statistical Account of Scotland. Vol. XVIII. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1796. v+662 p.
63. The Statistical Account of Scotland. Vol. XIX. Edinburgh : Printed and sold by William Creech, 1797. vi+631+14 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 ноября 2017 г.

THE FIRST (OLD) STATISTICAL ACCOUNT OF SCOTLAND AS A DEMOGRAPHIC DATA SOURCE ABOUT THE POPULATION OF SCOTLAND OF THE END OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 159–169.

DOI: 10.17223/15617793/432/21

Arseniy L. Sinita, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sinita@econ.msu.ru

Keywords: population of Scotland; first (old) statistical account of Scotland; John Sinclair; history of statistics; historical demography.

The article examines the population of Scotland at the end of the 18th century, which was a period of significant social transformation. Its main task is to investigate what demographic information can be obtained using data from the first (old) statistical account of Scotland and to provide some figures. The desire to conduct a survey like a statistical account throughout the country worried the minds of the Scots for a long time. Some attempts were made to do this. However, only increased attention to improvements in agriculture, the experience of A. Webster and other previous researchers and the philosophy of the Scottish Enlightenment were able to help J. Sinclair to conduct and publish the materials of the statistical account. The use of a uniform questionnaire for all parishes was

among the unconditional successes of Sinclair. However, the priests could not provide the data in a suitable form for comparison on all issues. There are three reasons for this. First, to make a comprehensive answer the priests themselves did not always know what was going on in the parish, or they might not want to answer. Secondly, the answers were returning during a long period of time, but the situation in parishes changed quickly. Thirdly, there were many problems concerning the keeping of parish registers. Nevertheless, Sinclair was able to get a lot of important information. It was found that the population since 1755 increased by approximately 261 thousand people. This was a very good result for a small country taking into account the high emigration. For every 100 females, there were only 90 males, but at the youngest and oldest age the share of males was higher, because of the high emigration of males. About 41% of the population was younger than 20, and 39% were in the range of 20 to 50. More than 50 years had 17% of the population. According to the Rosset-Beaujeu-Garnier scale, it can be assumed that the population of Scotland was at the demographic youth or early stages of aging stage. The average family size was 4.6 persons, but they included single-person households. Taking into consideration the fact that in a marriage an average of 4–5 children were born, it can be assumed that the size of the family consisting of two or more people exceeded 5 persons. Data on migration in the statistical account are practically absent. Data on fertility, nuptiality and mortality are presented at a low level, because of the fact that in many parishes the registers were poorly kept. Basically they contain information about baptisms, announcements and burials, rather than births, marriages and deaths. Only sometimes the time of demographic events may be specified.

REFERENCES

1. Smout, T.C., Landsman, N.C. & Devine, T.M. (1994) Scottish Emigration in the Early Modern Period. In: Canny, N. (ed.) *Europeans on the Move: Studies on European Migration, 1500–1800*. Oxford: Clarendon Press.
2. Dodgshon, R.A. (1992) Farming Practice in the Western Highlands and Islands before Crofting: A Study in Cultural Inertia or Opportunity Costs? *Rural History*. 3(2). pp. 173–189.
3. Zvidrin'sh, P.P. (1979) *Naselenie Velikobritanii: razmeshchenie, sostav i vosproizvodstvo* [The population of Great Britain: location, composition and reproduction]. Moscow: Statistika.
4. Laskova, N.V. (2014) "Demographic pressure" as background for the Scottish colonization of America in the XVII century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 6–1(44). pp. 112–115. (In Russian).
5. Laskova, N.V. (2016) The colonization of the Scottish outlying districts in the XVI and the first quarter of the XVII centuries. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald*. 3 (29). pp. 43–46. (In Russian).
6. Laskova, N.V. (2011) Nesostoyavshiesya proekty shotlandskikh koloniy v Amerike Roberta Gordona iz Lokhinvara [The unsuccessful projects of Scottish colonies in America by Robert Gordon from Lochinvar]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 1. pp. 70–74.
7. Koroleva, M.V. (2013) Trudy Dzhona Uokera o naselenii Gornoy Shotlandii i Gebridsikh ostrovov [Works of John Walker on the population of Mountainous Scotland and the Hebrides Islands]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika – Moscow University Economics Bulletin*. 2. pp. 54–61.
8. Urlanis, B.Ts. (1941) *Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya)* [Population growth in Europe (experience in calculus)]. Moscow: OGIZ-Gospolitizdat.
9. Koroleva, M.V. & Sinitsa, A.L. (2010) Gel'skoe naselenie Shotlandii – ot istokov k sovremennosti [The Gaelic population of Scotland – from the origin to the present]. In: Danilova, I.A. & Kharaeva, O.A. (eds) *Emicheskaya demografiya* [Ethnic demography]. Moscow: MAKSS Press.
10. Flinn, M. (ed.) (1977) *Scottish Population History from the Seventeenth Century to the 1930s*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Moody, D. (1988) *Scottish Family History*. London: B.T. Batsford.
12. Kyd, J.G. (ed.) (1952) *Scottish Population Statistics including Webster's Analysis of Population 1755*. Edinburgh: Scottish History Society.
13. Smout, T.C. (1969) *A history of Scottish People, 1560–1830*. London: Collin.
14. Devine, T.M. (1999) *The Scottish Nation 1700–2000*. London; Allen Lane: The Penguin Press.
15. Bumsted, J.M. (1982) *The People's Clearance. Highland Emigration to British North America. 1770–1815*. Edinburgh: Edinburgh University Press, The University of Manitoba Press.
16. Withers, Ch.W.J. (1998) *Urban Highlanders: Highland-Lowland Migration and Urban Gaelic Culture, 1700–1900*. East Linton: Tuckwell Press.
17. Richards, E.A. (1982) *History of the Highland Clearances*. Vol. 1: Agrarian Transformation and the Evictions 1746–1886. London: Croom Helm.
18. Richards, E.A. (1985) *History of the Highland Clearances*. Vol. 2: Emigration, Protest, Reasons. London: Croom Helm.
19. Plackett, R.L. (1986) The Old Statistical Account. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*. 149(3). pp. 247–251.
20. Pritchard, Ch. (1992) The Contributions of Four Scots to the Early Development of Statistics. *The Mathematical Gazette*. 76(475): The Use of the History of Mathematics in the Teaching of Mathematics. pp. 61–68.
21. Martin, M. (1703) *A description of the Western Islands of Scotland: Containing a full account of their situation, extent, soils, product, harbours, bays, tides, anchoring places, and fisheries. The ancient and modern government, religion and customs of the inhabitants, particularly of their druids, heathen temples, monasteries, churches, chappels, antiquities, monuments, forts, caves, and other curiosities of art and nature. Of their admirable and expeditious way of curing most diseases by simples of their own product. A particular account of the second sight, or faculty of foreseeing things to come, by way of vision, so common among them. A brief hint of methods to improve trade in that country, both by sea and land. With a new map of the whole, describing the harbours, anchoring places, and dangerous rocks, for the benefit of sailors. To which is added a brief description of the Isles of Orkney, and Schetland*. London: Printed for Andrew Bell, at the Cross-Keys and Bible in Cornhill, near Stocks-Market.
22. Martin, M. (1884) *A voyage to St. Kilda, the remotest of the Hebrides or Western Isles of Scotland: giving An Account of the very remarkable Inhabitants of that place, their Beauty and singular Chastity (Fornication and Adultery being unknown among them); their Genius for Poetry, Music, Dancing; their surprising Dexterity in climbing the rocks, and Walls of Houses; Diversion, Habit, Food, Language, Diseases and Methods of Cure; their extensive Charity; their Contempt of Gold and Silver, as below the Dignity of Human Nature; their Religious Ceremonies, Notion of Spirits and Visions, &c. &c.*. London: D. Browne and L. Davis.
23. Monro, D. (1884) *Description of the Western Isles of Scotland called Hybrides. With the Genealogies of the Chief Clans of the Isles by Sir Donald Monro High Dean of the Isles who travelled through most of them in the year 1549*. Glasgow: Thomas D. Morison; London: Hamilton, Adams & Co.
24. Pennant, Th. (1790) *A tour in Scotland and voyage to the Hebrides: MDCCLXXII*. Part 1. London: Benjamin White.
25. Pennant, Th. (1790) *A tour in Scotland and voyage to the Hebrides: MDCCLXXII*. Part 2. London: Benjamin White.
26. Boswell, J. (1936) *The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D*. New York: The Viking Press.
27. Johnson, pp. (1775) *A journey to the western islands of Scotland*. London: Printed for W. Strahan; and T. Cadell in the Strand.
28. MacKay, M. (ed.) (2004) *The Rev. Dr. John Walker Report on the Hebrides of 1764 and 1771*. Edinburgh: John Donald Publishers.
29. Walker, J. (1808) *An Economical History of the Hebrides and Highlands of Scotland*. Vol. I. Edinburgh: Printed at the University Press.
30. Walker, J. (1808) *An Economical History of the Hebrides and Highlands of Scotland*. Vol. II. Edinburgh: Printed at the University Press.
31. Webster, A. (1922) Note on an Account of the Number of People in Scotland in the Year 1755 by Alexander Webster. *Journal of the Royal Statistical Society*. 85(1). pp. 105–106.

32. Youngson, A.J. (1961) Alexander Webster and his "Account of the Number of People in Scotland in the Year 1755". *Population Studies*. 15(2). pp. 198–200.
33. Creech, W. (ed.) (1798) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XX. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
34. Fussell, G.E. (1951) Impressions of Sir John Sinclair, Bart., First President of the Board of Agriculture. *Agricultural History*. 25(4). pp. 162–169.
35. Schumann, U.M. (2003) The Hidden Roots of the Garden City Idea: From John Sinclair to John Claudius Loudon. *Journal of Planning History*. 2(4). pp. 291–310.
36. Brunt, L. (2001) The Advent of the Sample Survey in the Social Sciences. *Journal of the Royal Statistical Society. Series D (The Statistician)*. 50(2). pp. 179–189.
37. Creech, W. (ed.) (1799) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XXI. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
38. Steuart, J. (1767) *An inquiry into the Principles of Political Economy: being an essay on the Science of Domestic Policy in Free Nation. In which are particularly considered population, agriculture, trade, industry, money, coin, interest, circulation, banks, exchange, public credit, and taxes*. Vol. I. London: Printed for A. Millar and T. Cadell, in the Strand.
39. Mitcheson, R. (1962) *Agricultural Sir John: The Life of Sir John Sinclair of Ulbster*. London: Geoffrey Bles.
40. Hilts, V. (1978) Aliis Exterendum, or the origins of the Statistical Society of London. *Isis*. 69(1). pp. 21–43.
41. Kendall, M.G. (1960) Studies in the History of Probability and Statistics. Where shall the history of statistics begin. *Biometrika*. 47(3/4). pp. 447–449.
42. Pearson, E.S. (ed.) (1978) *The History of Statistics in the 17th and 18th Centuries, Against the Changing Background of Intellectual, Scientific and Religious Thought: Lectures by Karl Pearson given at University College London during the Academic Sessions 1921–1933*. London: Griffin.
43. Rosenbaum, S. (1984) The growth of the Royal Statistical Society. *Journal of Royal Statistical Association. Series A (General)*. 147(2): The 150th Anniversary of the Royal Statistical Society. pp. 375–388.
44. Creech, W. (ed.) (1791) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. I. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
45. Creech, W. (ed.) (1795) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XVI. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
46. Creech, W. (ed.) (1791) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. II. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
47. Creech, W. (ed.) (1794) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. X. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
48. Creech, W. (ed.) (1792) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. III. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
49. Creech, W. (ed.) (1792) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. IV. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
50. Creech, W. (ed.) (1793) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. VIII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
51. Creech, W. (ed.) (1793) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. IX. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
52. Creech, W. (ed.) (1794) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
53. Creech, W. (ed.) (1795) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XIV. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
54. Creech, W. (ed.) (1795) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XV. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
55. Leeming, F.A. (1963) Social accounting and the old statistical account. *Scottish Geographical Magazine*. 79(1). pp. 34–48.
56. Creech, W. (ed.) (1793) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. V. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
57. Creech, W. (ed.) (1793) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. VII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
58. Creech, W. (ed.) (1794) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XI. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
59. Creech, W. (ed.) (1794) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XIII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
60. Creech, W. (ed.) (1796) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XVII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
61. Creech, W. (ed.) (1793) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. VI. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
62. Creech, W. (ed.) (1796) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XVIII. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.
63. Creech, W. (ed.) (1797) *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XIX. Edinburgh: Printed and sold by William Creech.

Received: 10 November 2017

ДЖ.М. ГРАНТ VS Г. СМИТ: ИДЕЯ «КОНТИНЕНТАЛИЗМА» В КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАКАНУНЕ XX в.

Статья посвящена недостаточно изученному в зарубежной и отечественной историографии вопросу поиска интеллектуалами Канады путей развития канадского государства и нации в условиях смены исторических эпох: от «викторианского» классического либерализма к социальному либерализму. Развернутая ими общественная дискуссия имела свое концентрированное выражение в идеях и представлениях Джорджа Монро Гранта и Голдвина Смита и представляет собой не только научный интерес, но политическую и практическую значимость в условиях идущих интеграционных процессов на территории Северной Америки.

Ключевые слова: канадская политическая культура; канадское государство; канадская нация; континентализм; Дж.М. Грант; Г. Смит.

В канун XX в. процесс формирования канадской политической культуры проходил в условиях смены исторических эпох – от Нового к Новейшему времени, смены общественно принятой идеологии в западном мире – от «викторианского» классического либерализма к социальному либерализму. В доминионе, как в зависимой форме государственности от Великобритании, шел активный поиск дальнейшего пути развития нации и государства.

Одной из главных была проблема автономии Канады во внешних делах в условиях патронажа Британской метрополии. Решение этой проблемы канадскими интеллектуалами, политическими и общественными деятелями виделось и велось в трех направлениях.

В канадской интеллектуальной мысли этого времени можно выделить три направления в решении этой проблемы.

К первому принадлежали так называемые интеллектуалы-викторианцы, такие как: Джеймс Кэппон (James Carpon), профессор английского языка, декан факультета искусств в университете Квинс, первым принципом которого в общественных делах, как он сам часто говорил, была фраза «Я буду бороться, но не буду ссориться» [1. Р. 62]; Джеймс Мейвор (James Mavor), заведующий кафедрой политической экономики в университете Торонто. Он имел собственный взгляд на развитие либерализма в Канаде и считал порочным вмешательство и участие государства в структурных проектах канадской экономики, изложив эти мысли в двух книгах: «Правительственная телефонизация: опыт Манитобы, Канада» [2] и «Ниагара в политике: критический отчет гидроэлектрической комиссии Онтарио» [3]. В этих работах он конкретно на цифрах доказывал неэффективность государственного менеджмента, создание условий для распространения коррупции, низкую рентабельность производства электроэнергии и предоставления телефонных услуг.

Морис Хаттон (Maurice Hutton) – заведующий кафедрой античности в Торонтском университете. Его увлечение греческим языком укрепило в нем не только викторианца, но и демократа в классическом понимании. Всю ответственность за происходящие социальные изменения к началу XX в. М. Хаттон возложил «на глупый эгалитаризм и безудержное разви-

тие науки» [1. Р. 82]. Он также считал, что в политических делах компетентные люди (somebodies) часто были заменены коррумпированными и неосведомленными правительственными чиновниками, состоящими из «пустых и ничтожных людей» (nobodies) [4. Р. 286].

Арчибальд Маккеллер Макмечен (Archibald McKellar MacMechan) – профессор английского языка и литературы университета Дальхаузи считал литературу самой высокой деятельностью цивилизации, воспринимал поэта как законного национального руководителя, а общество, постигшее высокое искусство, по его мнению «не нуждалось в развитии социальной мысли – она для него была в значительной степени лишней» [5. Р. 349].

В целом, все вышеперечисленные и другие интеллектуалы-викторианцы не приняли новые культурные и политические изменения, их взгляды отвечали духу прошлой эпохи. Большинство из них самоустранились от практической политической деятельности, как «мелкой политики кленового листа» (petty maple-leaf politics). В своих публикациях они, как правило, критиковали новый и непонятный для них политический и социальный порядок.

Второе направление представляли канадские националисты. К началу XX в. канадский национализм представлял собой сложное явление канадской политической жизни и имел, по крайней мере, три формы: общеканадский, франкоканадский и англоканадский национализм. Это была наиболее многочисленная группа канадских интеллектуалов, политических и общественных деятелей.

Не углубляясь в характеристику канадского национализма, следует подчеркнуть, что все националисты, хотя и по разным основаниям, считали, что Канада должна быть автономным государством с широкими правами международного сотрудничества и торговли с другими странами. В этой группе была создана концепция «канадианизма» и разработана политика «континентализма».

Третье направление представляли канадские лоялисты, которых в это время называли англоканадскими империалистами, потому что они почти все были англоязычными и состояли членами британского филиала Имперской Федеративной Лиги (Imperial Federation League). Они полагали, что Канада должна развиваться под патронажем и в тесном сотрудниче-

стве с Великобританией, которая сможет ей обеспечить необходимую помощь и защиту в новых условиях существования и развития. Многие из них, несмотря на свою приверженность метрополии, вполне искренне считали себя националистами.

Выяснить различия во взглядах канадских националистов и канадских лоялистов можно в сравнительном исследовании представлений канадских интеллектуалов Дж. М. Гранта и Г. Смита, которые в концентрированном виде изложили свои позиции по вопросу проведения политики «континентализма» в своих публикациях и общественных выступлениях.

Голдвин Смит (Goldwin Smith, 1823–1910 гг.) – британский историк и журналист, основатель континенталистского направления в канадской политике. Свои взгляды о континентализме он выразил в работе «Канада и канадский вопрос» [6]. В этой работе Г. Смит сформулировал цивилизационную проблему Канады, которая, по его мнению, состояла в возможности конфедерации стать жизнеспособным государством в условиях доминиона и территориального расширения «от океана до океана». Он писал: «Могут ли четыре блока территории¹, составляющие доминион, навсегда быть сохранены политическими средствами объединения между собой и отдельно от своего континента, который географически, экономически и, за исключением Квебека, этнологически составляет его отдельные части – является канадским вопросом» [6. Р. 2].

Как видно из цитаты, Г. Смит понимал значение и влияние многочисленных многомерных факторов (таких как пространственно-временной, экономический, иммиграционно-демографический, этнокультурный и др.) на формирование канадской нации и государства. По его мнению, условия, в которых был создан доминион, и затем его последующее территориальное расширение до Тихого океана само по себе предполагало необходимость организации континентальной торговли по линии север-юг, из-за слабых широтных коммуникаций, энклавного расселения по узкой цепочке в 100–150 миль вдоль 49-й параллели и недостаточного количества населения для собственного потребления всей выращенной и добытой продукции. Из этого следует, что успешное развитие Канады Г. Смит видел в более тесном коммерческом союзе с Соединенными Штатами, считая, что запреты на широкую континентальную торговлю с США носят искусственный характер и связаны с опасениями аннексии со стороны США. Но выбор в сторону коммерческого союза способствовал бы не только более быстрому развитию Канады, но и, как это не покажется странным, большему торговому присутствию Великобритании на Североамериканском континенте. Г. Смит считал, что введенные ограничения на торговые отношения с США не логичны: «Канадское правительство показывает свое восприятие ситуации и реального влияния своей политики, пытаясь открыть новые рынки в отдаленных странах, в Вест-Индии, в Бразилии, в Аргентинской республике, во Франции, в Испании, в Австралии – на Луне. Оно таким образом надеется найти для канадской торговли и промышленности их естественные рынки. ...Если канадский

изготовитель, как сторонник протекционизма утверждает, что не способен конкурировать на своем собственном рынке с американским, то как он может конкурировать с ним на рынках других стран?» [6. Р. 293].

Кроме того, писал Г. Смит, представление о том, что Канада и другие доминионы должны иметь ту же судьбу, что и их «мать свободных наций», ошибочно, а термин «Империя» был неправильно использован и это его неправильное применение приводит к заблуждению на практике [6. Р. 239].

По мысли Г. Смита каждый доминион британской империи, имея свои отличительные условия, должен иметь и свое отличительное развитие. Он спрашивал: «Почему снова Канада и Австралия должны рассматриваться, как будто их случаи идентичны, так, что если что-то сделано в одной стране, то тоже самое должно быть сделано в другой, когда Канада простирается вдоль края обширной конфедерации родственных штатов, с которыми есть все ее природные, дипломатические и коммерческие отношения, в то время как Австралия находится в океане сама по себе, и поэтому внешние сношения, какие она имеет, – это отношения Китаем?» [6. Р. 293–240]. Поэтому рассмотрение «канадского вопроса» и «обстоятельств в отношении Канады должны быть не такими, как в отношении Ямайки, Мальты, Южной Африки или Гонконга» [6. Р. 241].

Континенталистская политика Канады, как считал Г. Смит, могла бы изменить соотношение иммигрантов, прибывающих с британских островов в доминион и США. Он писал: «...в 1888 г. количество прибывших британских эмигрантов в Канаду составило 49 168 чел., в Соединенные Штаты – 293 099 чел.; в то время как из тех, кто прибыл в Канаду, половина, по крайней мере, переехали в Соединенные Штаты» [6. Р. 243]. Британский эмигрант в большей степени привержен к поискам лучших средств существования, а не сохранения своей принадлежности к гражданству метрополии. «Эмиграционный вопрос теперь вступил в новую фазу, и людей, от которых родина желает избавиться, колония больше не расположена, или не так хорошо расположена, как это было в прошлом, принимать» [6. Р. 244].

Проведение «политики континентализма», по мнению Г. Смита, было обусловлено самим созданием канадского государства, у которого появились вопросы по уточнению границ с США, регламентации прибрежного рыболовства, охраны сухопутных и морских границ. Изменились также взгляды на военную помощь метрополии. По вопросу морских вооружений Г. Смит писал: «Канада никогда не будет способствовать имперским вооружениям за свой собственный счет» [6. Р. 245], а в отношении вопроса участия Канады в британской войне он указал: «Консервативный лидер в Канаде сообщил, что колония поможет родине только в случае оборонительной войны; и он, очевидно, не рассматривал как оборонительную войну в Афганистане или в Египте» [6. Р. 245].

В пользу «политики континентализма» Г. Смит приводит еще два довода. Во-первых, британцы плохо осведомлены о канадских делах, канадской географии и, особенно, «Квебекского вопроса», который при

использовании демократических процедур голосования может оказаться определяющим в принятии решения по вопросу о войне и мире. Во-вторых, «структура и дух канадского так же как американского общества, это должно быть повторено, полностью демократичны» [6. Р. 253], так как в доминионе отсутствует сословность и использование принципа наследия. Поэтому, заключает Г. Смит: «...говорить об опеке (метрополии – И.С.) абсурдно» [6. Р. 253].

Продвижению идеи «политики континентализма», как считал Г. Смит, особенно мешали «имперские федералисты» (Imperial Federationists), которые, не раскрывая своих планов, стремились объединить все британские зависимые территории в единую имперскую федерацию. При этом канадский интеллигент спрашивал: «Тогда, кому это все должно было принадлежать? Федерации демократических сообществ, рассеянных по земному шару, у некоторых из которых, как Канада, нет никакого интереса к этому вообще?» [6. Р. 259].

В противовес этой идее, которая была утопичной, он предлагал вполне практичную меркантилистскую идею. «Идея Объединенного Континента Северной Америки (United Continent of North America), обеспечивая свободную торговлю и общение по обширному пространству, с внешней безопасностью и внутренним миром, не менее практична, чем великая (имперская федерация – И.С.). Выгода такого союза всегда была бы понята умом наименее обученного гражданина. Чувство, связанное с этим, было бы основанием, на котором политический архитектор имел бы возможность конструировать» [6. Р. 262].

Обращаясь к историческому прошлому Великобритании, Г. Смит напоминал своим оппонентам: «...нет никакой причины, почему союз двух частей англоговорящих людей на этом континенте не должен быть столь же свободным, столь же равным и столь же благородным, как союз Англии и Шотландии. Мы должны вернее сказать их воссоединение, чем их союз, поскольку перед их несчастной ересью они были людьми одной нации. Только исторический несчастный случай гражданской войны, закончившийся в сецессии, вместо амнистии, сделал их двумя разными народами. Когда англосаксы Англии и Шотландии были воссоединены, это произошло через много столетий; тогда как Соединенные Штаты и Канада разделились только в течение одного столетия. У англосаксов Англии и Шотландии была память о многих войнах, чтобы разъединять их: у англосаксов Канады и Соединенных Штатов есть память, начиная с их разделения, только одной войны» [6. Р. 268–269].

В пользу «политики континентализма» Г. Смит приводил следующий довод: «Канадцы, которые живут на границе, и кто по очертанию территории формируют значительную долю населения, всегда имеют перед своими глазами поля и города родственных людей, огромное процветание которых мешает только разделению политической линией, в то время как в социальном и другом отношении они идентичны и даже полностью слиты» [6. Р. 270].

Г. Смит, исходя из видимых признаков эволюции канадской политической культуры, считал неизбеж-

ным дивергенцию политических устройств Канады и США: «Универсальное избирательное право и партийное правительство – те же самые, и их воздействие – то же самое в обеих республиках» [6. Р. 275]. Но если политическое сближение Канады и США это вопрос будущего, то «Из канадского общественного мнения одна вещь может быть сказана с уверенностью и состоит в том, что большая масса людей, и особенно тех, кто живет вдоль границы Онтарио, в Атлантических провинциях, в Манитобе или других районах Северо-запада, и тех, кто занят или хочет быть занятым в горной промышленности, в лесозаготовках или в торговых поставках, сильно желает свободных торговых связей на их собственном континенте» [6. Р. 275].

Иными словами, по мнению Г. Смита, ничто не мешает заключению коммерческого союза между США и Канадой: «Процесс политического движения под именем “Коммерческий союз” теперь состоит в том, чтобы освободить Канаду от ее бледного положения на собственном континенте, и таким образом положить конец коммерческой атрофии, которая влечет за собой ее изоляция. Взаимная выгода была бы, конечно, предоставлена Соединенным Штатам в увеличении коммерческой области и возможностях открытия новых источников богатства» [6. Р. 282].

Хотя на пути заключения коммерческого союза есть два препятствия. Первое: в Канаде «есть группы людей, официальные, политические и коммерческие, чьи интересы связаны с текущим состоянием вещей, чувства которых естественно идут с интересами тех, кто во многих случаях не страдает от экономических последствий изоляции, проживающих в столице или в больших городах и имеющих определяющее влияние» [6. Р. 280].

Второе: «Антипатия, которая создана скандалами американской политической коррупции, правящей в последнее время беспорядком президентских выборов, и с такой чудовищностью как Пенсионный список, в то время как политические скандалы и зло на родине, будучи знакомыми, были меньше отмечены» [6. Р. 280].

Возражения канадских сторонников протекционизма о том, что Канада и США производят похожую продукцию, по сравнению с Канадой и Великобританией, Г. Смит считал не выдерживающими критики.

«Канада фактически торговала с Соединенными Штатами больше чем с Англией или любой другой страной в мире и почти столько, сколько со всеми другими странами вместе. В 1889 г. ее экспорт в Великобританию составил 38 105 126 долл. США, ее импорт из Великобритании – 42 249 555 долл. США. Ее экспорт в Соединенные Штаты составил 48 522 404 долл. США; ее импорт из Соединенных Штатов – 56 368 990 долл. США. Товарооборот Канады в том же самом году был на уровне 41,35% с Великобританией и 49,65% – с США; в то время как только 9% товарооборота приходится на остальную часть мира» [6. Р. 290].

И все эти показатели, подчеркивает Смит, сложились в условиях построенной «тарифной стены между Канадой и Соединенными Штатами» тарифной си-

стемой Мак-Кинли [6. Р. 290]. Хотя через «бреши» в этой стене, например, на прерийской границе «по воображаемой линии 800 миль, ведется свободная торговля сельскохозяйственными товарами с обеих сторон», а это должно считаться и тем, и другим правилом контрабандой [6. Р. 291].

Протекционисты не могут отрицать, что «близкий рынок должен, как правило, быть лучшим, не только из-за различий во фрахтах и грузоперевозках, но и во многих случаях из-за скоропортящихся товаров. Он должен быть лучшим для фруктов, рыбы, овощей и даже для домашней птицы и яиц. Он является лучшим для лошадей, размножение которых является большой канадской отраслью, а могло бы стать еще большей. Американец приезжает в Канаду и покупает лошадей на месте, тогда как, если лошадей посылают в Англию, если они сразу не поражают воображение рынка, они могут съесть большую часть своей цены прежде, чем они будут проданы» [6. Р. 292].

Понимая, что в преддверии всеобщих выборов протекционисты, являющиеся спонсорами консервативной партии, проявят свое влияние на канадское правительство, Г. Смит не ожидал быстрого решения этим правительством вопроса о свободной торговле с США, не говоря уже о проведении полномасштабной «политики континентализма».

В лучшей британской политической традиции идеи Г. Смита были подвергнуты общественной критике Дж.М. Грантом и другими «имперскими федералистами».

Джордж Монро Грант (George Monro Grant, 1835–1902), ректор Королевского колледжа в Кингстоне, Онтарио, считал, что наилучшее будущее для Канады лежит в единстве с остальной частью Британской империи. Написав две работы: «Преимущества имперской федерации» [7], «Наши национальные цели и задачи» [8], он создал целую систему идей, которая могла бы поддержать канадский лоялизм. Эта система идей базировалась на принципе национализма. Дж.М. Грант считал, что «поколение (его современников. – И.С.) вступило в эру национального единства, национальной гордости и национального духа» [9. Р. 350]. Поэтому, по его мнению, необходимо было преследовать, прежде всего, три цели:

- стать посредником в создании «имперской федерации» англосаксонских народов, которая бы включала Великобританию, ее доминионы и колонии, а также создать возможность возвращения США в федерацию британских народов;

- стать посредником между Востоком и Западом как между народами внутри Британского Содружества наций, так и посредником между европейскими народами и народами, населяющими Североамериканский континент;

- осуществить идею «построения царства божьего на Земле» на территории Канады.

Для достижения этих целей им была создана «Имперская федеративная лига в Канаде» (Imperial Federation League in Canada). Континенталистские идеи Смита были подвергнуты резкой критике членами Имперской федеральной лиги и особенно Дж.М. Грантом. Дж.М. Грант стойко придерживался

империалистических взглядов и был сторонником укрепления связей с Великобританией как гарантии успешного развития канадской государственности и канадской нации.

В рецензии на книгу Г. Смита «Канада и канадский вопрос» Дж.М. Грант прямо написал: «Демократия Соединенных Штатов полностью убеждена в ее собственном превосходстве над остальной частью мира и слишком уверена, что Канада, выслушивая некоторое соглашение о Союзе, должна попасть в их рот, как зрелая слива в соответствующее время года» [10. Р. 22].

Следует пояснить, что «первым руководящим принципом Гранта в канадской политике был национализм как форма патриотизма» [9. Р. 350].

«Грант придерживался одинаковых взглядов и страстной энергии ко всему, что могло распространить национальный дух по всему Доминиону. ...Во-вторых, он был предан эффективности, и эффективность для него ...означала экономику. Обстоятельства его воспитания и болезненное управление делами колледжа Квинс объединились, чтобы показать ему ужас бесполезных трат. Он терпеть не мог канадский Сенат, потому что тот не только был бесполезен, но и дорог. Он никогда не мог примириться с кабинетом министров в тринадцать или четырнадцать человек и был убежден, что полдюжины мужчин могли сделать ту же самую работу» [9. Р. 351].

Дж.М. Грант был человеком высоких моральных устоев. Он говорил: «...мы можем получить администраторов, которые настроены на заповедь – “Вы не должны красть”... Пока это не сделано, бесполезно говорить о чем-либо еще. Провинциальные права, школьные вопросы, тарифная реформа, британская связь, каналы, кабели, железные дороги – как можно все это обсуждать, если мы опускаемся до того, чтобы быть страной воров? Именно этим мы должны стать, если мы терпим кражу на высоких постах, а из того, что сделано наверху, уверено проникнет к основанию» [9. Р. 352].

В письме к Эдварду Блейку в 1891 г. (в год издания Г. Смитом своей работы «Канада и канадский вопрос») Грант писал, имея в виду Смита: «Есть, тем не менее, некоторые люди в Канаде, которые являются больше американцами, чем сами американцы, и всякий раз, когда британская или канадская политика представляются на обсуждение, они предполагают, что создатель теории является враждебным к Штатам» [9. Р. 358].

Дж.М. Грант как сторонник «Имперской Федеративной Лиги» стремился к тесному союзу с Великобританией: «Его осознание исторической непрерывности одерживало победу над тем, что диктовалось географией. Не то, чтобы он считал такой более близкий союз несовместимым с независимостью. Национальность он рассматривал как “окончательный обусловленный богом факт”. “Только тупоголовые и полные “бараны” испытывают недостаток в патриотизме,” – сказал он однажды. Он поддерживал самую полную национальную независимость, с обязанностями и опасностями там подразумеваемыми; не для бесплодной изоляции, а для товарищества в советах

среди великой группы свободных стран, которые заботятся об общем суверене, общем флаге и общем языке» [9. Р. 395].

По мнению Гранта, Смит, несмотря на более чем двадцатилетнее проживание в Канаде, так и не смог «серьезно понять канадское чувство патриотизма».

Одна из причин состояла в том, что «он не знает Канаду, кроме как из карт, книг и газет. Другая – его средство обобщения и желание, которые он, очевидно, попытался обуздать в этом томе, – ужалить оппонентов как можно сильнее» [9. Р. 5].

Поэтому своих ученых-оппонентов с чисто английским юмором он называет «изысканные ученые мужи» (Courtly pundits) или «конституционные жрецы» (Constitutional hierophants), а канадских патриотов – «канадскими ура-патриотами» (Canadian Jingoists) или «бумажными тиграми» (Paper Tigers).

Грант смеялся над пророчествами Голдвина Смита: «Всегда полагая, что наша окончательная судьба – поглощение Соединенными Штатами и, говоря так в каждом возможном случае, он даже посвящал себя пророчеству. ...Больше чем десять лет назад он объявил, что жизнь Доминиона не продлится и десяти лет. Очень несовершенный пророк был сердит, когда Ниневия² не была разрушена согласно его слову» [9. Р. 6].

Дж.М. Грант считал, что «Мотив всей книги (Смита. – *И.С.*) должен доказать, во-первых, что Конфедерация была грубой ошибкой и что наши попытки создать северную страну состоят в том, чтобы просто продолжить грубую ошибку (британцев. – *И.С.*); во-вторых, то, что политический союз Канады с Соединенными Штатами был бы для обеих стран лучшим, что могло бы произойти с ними, и это будет лучше также для Великобритании» [9. Р. 9].

Понимая стоящие перед молодой канадской государственностью трудности, Грант отвечал на доводы Смита, приведенные в его работе, следующим образом: «Нация, как и человек, должна сама прорубить для себя путь, сопротивляться искушениям и преодолевать врагов, прежде чем она сможет понять свою самую высокую сущность» [9. Р. 14].

И далее, давая шанс Г. Смицу изменить свое мнение, он писал: «В этой борьбе по самореализации мудрые консультанты могут сделать много для молодой страны. Мы нуждаемся в пророках так же, как в принцах; в мужчинах, которые укажут на скрытые скалы и опасные потоки и скажут нам, как лучше всего удержаться между Сциллой и Харибдой» [9. Р. 14].

Дж.М. Грант критиковал Г. Смита за то, что он не ценит тех усилий, которые прилагаются к тому, чтобы укрепить канадскую государственность: «У Конфедерации, конечно, как у каждой политической организации, которая была все же изобретена, есть свои недостатки; но они, конечно, могут быть исправлены свободными людьми. Это совсем неплохая вещь, что реформы должны быть названы. Рост идей непрерывно предлагает что-то новое в реформе. Без сомнения, Конфедерация стоила нам кое-что. Все, имеющее значение, чего-то стоит. Пока еще это не стоило нам и одной десятой или сотой части денег или крови, что наши соседи (США. – *И.С.*) заплатили, завершая свой союз. Но это чистая порочность, чтобы говорить, что

“плоды канадской промышленности расточаются множеством миллионов средств на политических железных дорогах и других работах, объекты которых состоят в том, чтобы сохранить Канаду навсегда отделенной от ее соседа”» [9. Р. 17].

По мнению Дж.М. Гранта, из-за строительства новых широтных коммуникаций Канада вовсе не отделяется от США: «...Эти работы не отделяют страну. Наши соседи используют некоторые наши каналы, и очень широкое применение действительно имеет Гранд Транк и Канадская Тихоокеанская железная дорога. Во время их (гражданской – *И.С.*) войны Гранд Транк был бесценен для них так же, как Канадская Тихоокеанская железная дорога теперь» [9. Р. 18].

Утверждение Г. Смита о том, что создание конфедерации было ошибкой, Грант не приемлет: «Депрессия существует в некоторых районах, но можно по правде сказать, что нет в мире пяти миллионов людей, лучше питающихся и лучше одетых или более мирных, богато интеллектуальных и богобоязненных, чем пять миллионов, кто называет Канаду своим домом и кто боролся бы до смерти за благосостояние, единство или честь своего дома» [9. Р. 18].

Грант считает, что настойчивость Смита в продвижении только торгового союза с Соединенными Штатами, на самом деле, скрывает необратимые последствия – необходимость в дальнейшем создании политического союза.

По мнению Гранта, одни только преимущества торгового союза с США, предлагаемого Г. Смитом, никак не перевешивают возникающих недостатков: отдаление от Великобритании, разрыв налаженных внутриторговых широтных связей между канадскими провинциями, прекращение усилий по созданию единой канадской нации «от океана до океана», нарушение установленной конституции и основ федерации, разрушение канадской истории.

Не меньшие потери имела бы и сама Великобритания, считал Грант: «Забавно отметить также, что потери, которые произошли бы в Великобритании от предложенного союза, были бы значительными. Вместо портов Галифакса и Виктории с фактическими угольными шахтами Новой Шотландии и Ванкувера, возможно, уголь Ньюфаундленда мог быть предложен в качестве замены; Канадская тихоокеанская железная дорога не могла бы использоваться ни для какой имперской выгоды, хотя посредством нее военные силы можно было бы послать в Йокогаму или Шанхай за двадцать-двадцать пять дней, тогда как Суэцким каналом, который, возможно, будет заблокирован, когда это наиболее необходимо, это заняло бы сорок дней, и Канада вышла бы из полноценной торговли с Великобританией под биллем Мак-Кинли, как под ее существующим тарифом!» [9. Р. 30].

В заключение своего критического обзора Дж.М. Грант написал, что для него не было «удовольствием критиковать человека, которым мы восхищаемся. Но в интересах страны необходимо указать, что он допустил ошибку, к прискорбию. ...Все же мы не расстались бы с автором, снова не вспоминая, что он сделал для нас в былые дни, и с выражением надежды, что он может жить достаточно долго, чтобы сме-

яться над своими собственными предчувствиями и пророчествами, и написать другую книгу, которая должна покрыть причиненный ущерб для «Канады и канадского вопроса»» [9. Р. 37].

На такой благожелательной ноте закончилась критика взглядов Г. Смита Дж.М. Грантом.

Между тем, следует сказать, что многие вышеперечисленные претензии Дж.М. Гранта к взглядам Г. Смита не имеют отношения.

Во-первых, Г. Смит считал нереальными идеи аннексии Канады со стороны США: «В завоевании нет абсолютно никакого смысла. Южное насилие и Западное беззаконие, которые вынудили Союз вступить в войну 1812 г., являются элементами прошлого. Американский народ не мог бы сейчас вторгаться в дома безобидного соседа. У них нет никакого стремления получить большее количество территории. Они знают, что в то время как деспот, который захватывает, может управлять через наместника короля сильной рукой, республика, которая захватывает, могла бы только ослабить свое положение, проявляя недовольство» [6. Р. 277].

Во-вторых, он никогда не был членом никаких политических партий и движений, в том числе таких, как «Канада прежде всего», «Ассоциация континентального союза».

В-третьих, да, он действительно считал, что Канада не как доминион, а как суверенная страна имела бы больше возможностей для развития и принесла бы больше пользы для империи в составе Содружества Наций.

В-четвертых, да, он действительно считал, что США могли бы примкнуть к имперскому Союзу (Британскому Содружеству наций) и в этом случае все его члены получили бы торговые преимущества, в том числе и Канада.

На все эти четыре утверждения Г. Смит сам дал ответ в работе «Политическая судьба Канады» в возражениях на эссе сэра Френсиса Хинкса [11].

В то же время, некоторые пророчества Г. Смита, как это часто бывает, оказались неточными. Например, «Если северо-запад будет процветать и будет заселен, то центр политической власти перейдет в центр континента, и Оттава как столица тогда будет неуместна. Но прежде, чем это может произойти, другие изменения наиболее вероятно произойдут» [6. Р. 192].

Категоричное мнение Г. Смита о необходимости поддержки торговли по оси север-юг без принятия усилий по широтной торговле между провинциями также вызывает возражение, если учитывать его же идею о поддержке формирования канадской национальности: «...торговля между провинциями является неестественной, вызванной (требованиями власти. — *И.С.*) и бесполезна, в то время как есть естественная и выгодная торговля у самых наших дверей, открытых и доступных нам» [6. Р. 207].

Мнение же Г. Смита о том, что Квебек в межпровинциальной торговле является помехой, так как едва воспроизводит собственные натуральные продукты для своих нужд, нам представляется ошибочным. «Французская провинция, люди которой живут за счет производства своих собственных ферм и одевают

себя в то, что сами производят, не является промышленной и не является проводником между более промышленными членами Конфедерации» [6. Р. 207]. В то же время, в этой же работе Смит утверждает, что «американский рынок — единственный рынок, который имеет Квебек» [6. Р. 278].

Как истинный англосакс Голдвин Смит считал, что проблема ассимиляции франкоязычного населения, поднятая лордом Даремом, не была решена и не может решиться в рамках доминиона, так как была неправильно поставлена. По его мнению, она могла решиться только объединением англо-саксонской расы на всей территории Североамериканского континента:

«...Это напоминает нам о другой причине для того, чтобы не откладывать объединение англоговорящей расы, так как совершенно ясно, что силы одной только Канады недостаточны, чтобы ассимилировать французский элемент или даже предотвратить неопределенную консолидацию и рост французской нации. Или завоевание Квебека было совершенно глупым, или желательно, чтобы американский континент принадлежал англичанам и англосаксонской цивилизации» [6. Р. 276].

И далее Г. Смит добавляет: «Вместо того, чтобы быть поглощенным, Квебек доминирует с помощью продажной поддержки в других провинциях. У ее (франкоканадской. — *И.С.*) квазинациональности есть теперь влиятельный и галантный чемпион в роли Бурассы. Но должен наступить конец» [12. Р. 428].

Главной опорой франкоканадской национальности Г. Смит считал католическую церковь, но «всегда папизм (Papalism) не сможет править, и когда он выпустит (влияние. — *И.С.*) из рук, национальность Квебека падет» [12. Р. 428]. Политическая история Канады второй половины XX в. как раз говорит об обратном.

Следует признать, что решение «канадского вопроса», как его поставил Г. Смит, было несколько утопично. Во-первых, и это показали дальнейшие исторические события, США не были готовы ни к коммерческому союзу, ни к заключению договора о взаимной торговле, ни тем более к вхождению в Британское Содружество наций с правами структурной единицы. Во-вторых, возможности федерального правительства по укреплению канадской государственности ограничивались объективными причинами: британскими инвестициями, количеством прибывших иммигрантов британского соответствия и их расселением на новые территориальные образования, созданием коммуникаций и регулированием торговли. В-третьих, Г. Смит не учитывал важный фактор влияния британского патронажа в политической системе по формированию канадской политической культуры и укреплению принципов канадского федерализма.

Несмотря на диаметрально противоположные точки зрения в «политике континентализма», Дж.М. Грант и Г. Смит имели много общего в своих взглядах. Они оба стояли на позициях канадского национализма, поддерживая идеи укрепления канадской государственности, федеративного устройства, укрепления международного влияния Канады и развития меркантилизма (Грант — в составе Содружества,

Смит – в торговле с США), критиковали национальную политику Дж.А. Макдональда (Грант – за неоправданное финансовое расточительство и коррупцию, Смит – за неоправданное использование финансов по достижению политических, а не торговых целей). К тому же к началу XX в. их национализм приобрел антиимпериалистическую и антимилитаристскую окраску.

В то же время Голдвин Смит, несмотря на то, что продвигал идею континентализма в отношении Канады с Соединенными Штатами, все же в своих работах именовал себя как «свидетель» и «наблюдатель» (bystander) и дистанцировался от тех политиков, которые стремились заключить фритредерское соглашение с США.

Но его идеи независимой политики Канады от метрополии дали свои ростки в умах многих последующих политиков. Премьер-министр У. Лорье объявил XX век – веком Канады, премьер-министр Р.Л. Борден добивался отдельного от метрополии международного статуса Канады, премьер-министр Маккензи Кинг – юридического равенства Канады с

Великобританией, а также суверенитета для доминиона.

Что касается «политики континентализма», то ее практическое проведение было осуществлено после прихода к власти в 1935 г. либерального правительства Маккензи Кинга. В условиях после мировой экономической депрессии и последующей угрозы мировой войны Канада заключила с США несколько торговых соглашений, положивших начало «коммерческому союзу», официальное оформление которого было связано с подписанием Маккензи Кингом и Ф.Д. Рузвельтом Гайд-парковского соглашения в 1941 г.

Таким образом, идеи «политики континентализма» Г. Смита, опередившие на полвека взгляды его канадских современников, были сначала реализованы в политике правительства Маккензи Кинга во время Второй мировой войны, в послевоенное время «Холодной войны», а фритредерская торговля с США нашла широкую общественную поддержку в конце 1980-х гг., которая была оформлена в 1992 г. заключением континентального торгового договора НАФТА между тремя странами – Канадой, США и Мексикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под четырьмя блоками территорий Канады Г. Смит имел в виду Атлантические провинции, Центральную Канаду, Запад прерий и Британскую Колумбию.

² Ниневия – с VIII–VII века до н. э. столица Ассирийского государства. По Библии Ниневия была спасена от гибели пророком Ионой, который предупредил город о необходимости покаяния, это произошло около 800 г. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shortt, S.E.D. The Search for an Ideal: Six Canadian Intellectuals and Their Convictions in an Age of Transition, 1890–1930. Toronto : University of Toronto Press, 1976. 218 p.
2. Mavor J. Government Telephones: The Experience of Manitoba. Toronto : The Maclean Publishing Co., 1917. 176 p.
3. Mavor J. Niagara in Politics: A Critical Account of the Ontario Hydro-Electric Commission. New York : E.P. Dutton, 1925. 255 p.
4. Hutton M. Many Minds. Toronto: The Musson book company. Limited Available, [19--]. 312 p.
5. MacMechan A. Canada as a Vassal State // Canadian Historical Review. 1920. Vol. 1, № 4. P. 347–353.
6. Smith G. Canada and Canadian Question. Toronto : Hunter, Roseand Co., 1891. 325 p.
7. Grant G.M. Advantages of Imperial Federation: a lecture delivered at a public meeting held in Toronto on January 30th, 1891. 24 p.
8. Grant G.M Our National Objects and Aims / Maple Leaves Being the Papers Read before the “National Evening” During the Winter 1890–1891. Toronto : National Club, 1891. 20 p.
9. Grant W.L., Hamilton F. George Monro Grant. Toronto : Morang & Co., Limited, 1905. 208 p.
10. Grant G.M. Canada and Canadian Question: A Review. Toronto : Prinred by C. Blackett Robinson, 1892. 42 p.
11. Smith G. The Political Destiny of Canada. Toronto : Willing & Williamson, 1878. P. 100–206.
12. Smith G. Reminiscences. Toronto : The Macmillan Co. of Canada Ltd, 1910. 477 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

G.M. GRANT VS G. SMITH: THE IDEA OF “CONTINENTALISM” IN THE CANADIAN POLITICAL CULTURE ON THE EVE OF THE TWENTIETH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 170–177.

DOI: 10.17223/15617793/432/22

Ilya A. Sokov, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: sokov@volsu.ru

Keywords: Canadian political culture; Canadian state; Canadian Nation; continentalism; G.M. Grant; G. Smith.

The author of the article considers the problem of the formation of the Canadian political culture in the transient period of changing epochs: from Victorian liberalism to social liberalism. This transient period occurred in the conditions of a heavy growth of imperial militarism, an unprecedented territorial expansion and mass immigration to Canada on the eve of the twentieth century. In these difficult circumstances, the Canadian intellectual and social thought searched for further ways of the nation and state development. One of the main problems was the problem of autonomy for Canada in foreign affairs in terms of the patronage of Great Britain. The Canadian intellectual thought of this time had three directions in the solution of this problem. The first was represented by intellectuals-Victorians. They did not accept the new cultural and political change, their views rested on the spirit of the previous era. Most of them avoided practical political activities, considering themselves as “observers”. In their publications, they criticized the new order. The second was represented by Canadian nationalists. They believed that Canada should be an autonomous state with wide rights to the international cooperation and trade with other countries. The third was represented by Canadian loyalists. They believed that Canada should develop under the patronage and in close cooperation with the United Kingdom, which can provide the necessary protection in the new conditions of existence and development. The subject of this article is a comparative study of the attitudes and

ideas of Canadian intellectuals G.M. Grant and G. Smith, who in a concentrated form outlined their positions on the policy of “continentalism” on the eve of the 20th century. Smith, who opened a public debate on the necessary for closer cooperation with the United States in Canada, pointed to the fact that the policy of “continentalism” could contribute to the expansion of Canadian trade on the continent. Over time, this policy could return the USA to the family of the British Commonwealth of Nations, ending more than a century of hostility between the states, which was associated with the separation of the USA from Great Britain. Smith expressed his views in his work “Canada and the Canadian question”. Grant, like other opponents of G. Smith, believed that any alliance with the United States, ultimately, will lead to their takeover of Canada. Therefore, in its further development and prosperity Canada could only rely on the mother country and other dominions. Grant expressed his views in the reviews of the book by Smith. The author of the article believes that the events of the political development of Canada ended the intelligent argument of Smith and Grant. The desire of the Canadian liberal government of W. Laurier to sign a free trade agreement with the United States in 1911 was not satisfied at the fault of the Americans and was the cause of the fall of the Canadian government in the same year. Only at the end of 1935, the government of Mackenzie King managed to conclude a trade agreement with the USA with small preferences. This agreement marked the beginning of a closer cooperation between the countries in terms of the threat of the Second World War and facilitated the policy of “continentalism” of the Canadian government.

REFERENCES

1. Shortt, S.E.D. (1976) *The Search for an Ideal: Six Canadian Intellectuals and Their Convictions in an Age of Transition, 1890–1930*. Toronto: University of Toronto Press.
2. Mavor, J. (1917) *Government Telephones: The Experience of Manitoba*. Toronto: The Maclean Publishing Co.
3. Mavor, J. (1925) *Niagara in Politics: A Critical Account of the Ontario Hydro-Electric Commission*. New York: E.P. Dutton.
4. Hutton, M. (19–) *Many Minds*. Toronto: The Musson book company. Limited Available.
5. MacMechan, A. (1920) Canada as a Vassal State. *Canadian Historical Review*. 1(4). pp. 347–353.
6. Smith, G. (1891) *Canada and Canadian Question*. Toronto: Hunter, Roseand Co.
7. Grant, G.M. (1891) *Advantages of Imperial Federation: a lecture delivered at a public meeting held in Toronto on January 30th*.
8. Grant, G.M. (1891) Our National Objects and Aims. In: *Maple Leaves Being the Papers Read before the “National Evening” During the Winter 1890–1891*. Toronto: National Club.
9. Grant, W.L. & Hamilton, F. (1905) *George Monro Grant*. Toronto: Morang & Co., Limited.
10. Grant, G.M. (1892) *Canada and Canadian Question: A Review*. Toronto: Printed by C. Blackett Robinson.
11. Smith, G. (1878) *The Political Destiny of Canada*. Toronto: Willing & Williamson. pp. 100–206.
12. Smith, G. (1910) *Reminiscences*. Toronto: The Macmillan Co. of Canada Ltd.

Received: 10 February 2018

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАТИРОВКИ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

Анализируются подходы различных исследовательских направлений фольклористики к вопросу исторической датировки фольклорных данных. Кроме того, автором был рассмотрен опыт соотнесения фольклорного материала с исторической хронологией, проводимый историками, этнологами, работающими с фольклором некоторых сибирских аборигенных этносов, а также археологами (Ю.Е. Берёзкиным). В ходе проведенного исследования было выявлено, что вопрос точной датировки фольклорных данных остается нерешенным и «привязка» фольклорного материала к исторической хронологии происходит весьма условно.

Ключевые слова: фольклор; историческая хронология; школы фольклористики; методы датировки.

Важнейшим этапом любых исторических исследований является установка хронологических рамок исследуемых процессов и конкретных временных ориентиров для изучаемых событий. Фольклорный материал всегда характеризовался тем, что был неподатлив (или слабо податлив) к попыткам привязать его к исторической хронологии. Это снижало уровень доверия к фольклору как к источнику исторической информации.

При попытках датировать фольклорный материал исследователи, как правило, понимают, что они должны различать два момента: 1) датировка самого фольклорного произведения (время его создания) и 2) датировка событий, в нем упомянутых, так как нередко в фольклоре излагаются «давно прошедшие» события (и повествуется о них именно в прошедшем времени). Существует еще одна оппозиция: время записи текстов на определенный сюжет и время их распространения. Теоретически есть и третья оппозиция: время широкого распространения определенных эпизодов и образов и время их первоначального формирования. Однако на данный момент развития науки о времени первоначального формирования фольклорных эпизодов и образов сказать что-либо определенное практически невозможно. Однако на практике эти моменты разделить сложно, и часто для исследователей они сливаются воедино.

Первым вопросом занимаются филологи, и путем сложных исследовательских процедур, включая текстологический анализ, им иногда удается если не решать его, то хотя бы выдвигать согласованные версии. Так, например, относительно времени создания якутского *олонхо* фольклористы И.В. Пухов и Г.У. Эргис, изучив языковые «факты» данного эпоса – топонимы, эпонимы, этнонимы и др. и наборы мотивов, сделали следующий вывод: «Вероятно, *олонхо* создавалось еще в тот период, когда предки якутов сохраняли в своей памяти враждебные отношения с древними тюрками в VI–VII в. <...> Мотивы... показывают исторически обозримый “потолок” создания *олонхо* – конец VI – начало VII в. Вполне вероятно, что якутский героический эпос возник где-то между этими историческими периодами» [1. С. 558–559].

Относительно второго пункта было выработано несколько подходов к датированию фольклорного материала:

1. *Оценка исследователем содержания фольклорных текстов.* Данный метод полностью зависит от

исторической эрудиции исследователя: он сам подбирает исторический материал, с которым сопоставляет тексты фольклорных произведений.

Таким методом пользовались еще в XIX в. приверженцы европейской «исторической» фольклорной школы, выдвинувшие тезис об исторической достоверности эпоса. В этой связи исследователи «исторической» школы сопоставляли эпос с документальными источниками, обнаруживая прямые взаимосвязи событий и персонажей в фольклоре с историческими событиями и реальными историческими лицами [2. С. 6–7].

Критикуя этот метод применительно к изучению эпических произведений, в отечественных исследованиях его использовали при исследовании исторических преданий, в том числе и на материале исторических преданий сибирских аборигенных этносов. По обобщенным оценкам был получен вывод, что, как правило, фольклорный материал содержательной части исторических преданий характеризует прошлую, но относительно неглубокую по удаленности от современной действительности, эпоху (по оценкам исследователей, от 1–2 до 3–4 столетий). Так, Г.М. Василевич считала на основании соотнесения текстов эвенкийских исторических преданий с известными историческими документами, что подавляющее число этих преданий может быть датировано XVII–XVIII вв. [3. С. 151]. А.Н. Варламов, вслед за Г.М. Василевич, полагал, что содержание многих исторических преданий эвенков «четко соотносится со сведениями документальных источников позднего Средневековья»; «в основном улгуры отразили жизнь эвенкийских родов в XVI–XIX вв.» [4. С. 113].

По оценке этнолога Л.И. Шерстовой, исторические предания и легенды алтайцев (алтай-кижи), особо повлиявшие на оформление бурханизма как национальной религии, «корнями своими уходят в джунгарский период алтайской истории»; из их текстов можно получить некоторые сведения относительно реальных исторических событий середины XVIII в. [5. С. 191].

2. *Поиск датирующих маркёров.* Важным датирующим фактором выступают, как правило, яркие события, отразившиеся как в фольклорном произведении, так и в исторических документах. Таковыми обычно выступают известные войны, судьбоносные битвы, восстания, а также особо значимые природные явления (катаклизмы): затмения, наводнения, смертоносные бури или засухи.

Однако есть несколько уязвимых мест:

1) *Документация*. Как правило, в фольклорных текстах отражены те события, которые не часто отражены в летописях или других документах (или не были отмечены, или такие документы не сохранились до наших дней).

2) *«Художественное преломление»*. Событие в фольклорном тексте может быть до неузнаваемости видоизменено, и исследователи могут только строить догадки, с каким реальным событием его соотносить.

3) Кроме того, сами исторические документы прошлого сильно нуждаются в верификации (многие хроники / летописи скорее можно назвать «сборниками фольклора», чем собранием достоверных сведений).

4) Особый датирующий (верифицирующий) маркер – *упоминание этнонимов в тексте* и, соответственно, наличие в текстах сведений о народах, контакты с которыми можно продатировать по историческим источникам. Так, Б.О. Долгих писал, что нганасанские предания «О большом нене-юраке» и «Братья Дяrimo» посвящены нганасано-ненецким столкновениям, но трудно поддаются датировке, хотя, судя по тому, что в них упоминаются русские и долганы, вероятно, они окончательно оформились уже в XVIII в.» [6. С. 27].

Помимо исследований этнонимии сибирских народов, осуществленных Б.О. Долгих, широко известен также опыт В.И. Васильева, который по упомянутым в фольклоре и в исторических документах этнонимам предпринял попытку реконструировать этническую историю самодийцев [7. С. 133–175]. Им была проделана огромная работа по сбору полевых сведений (прежде всего, родовых исторических преданий, т.е. фольклорной по своей сути информации), которые он соотносил с архивными материалами.

Несмотря на то что в целом такие исследования признаны относительно удачными, тем не менее, известны также и скептические оценки архаичности задокументированных этнонимов и использования их в качестве датирующего материала. Так, лингвист Е.А. Хелимский писал: «Б.О. Долгих и особенно В.И. Васильев, придавая этнонимике первостепенное значение в решении вопросов этногенеза самодийцев, в некоторых случаях чрезмерно, на наш взгляд, преувеличивают архаичность родовых названий. Для их работ характерно стремление отыскать параллели этнонимов в этнонимическом же материале (по другим народам) и обосновать тем самым этнические связи глубокой древности. Однако анализ всей совокупности родовых названий показывает, что у северных самодийцев подавляющее большинство родовых наименований имеет прозрачную этимологию, не идущую далее нарицательной лексики соответствующего языка» [8. С. 85]. И далее: «По чисто демографическим причинам (малая численность отдельных родов; высокая рождаемость и высокая смертность; частые случаи гибели целых коллективов при эпидемиях и войнах) неизбежно происходило сравнительно быстрое обновление этой части этнонимии ввиду исчезновения одних и дроблению других родов. Например, из 24 названий родов тундровых энцев, известных по ясачным книгам 1607 г. [9. С. 138], до нашего

времени дошли лишь четыре (в том числе два – только как названия ненецких родов). В этой ситуации непрерывная преемственность какого-то родового названия на протяжении 1–2 тыс. лет хотя и не исключена, но маловероятна» [8. С. 85].

3. *Датировка по хронологии фиксации сюжета*. При таком методе исследования, активно использовавшимся начиная с XIX в. (особенно в рамках мифологического и миграционистского подхода к изучению фольклорных произведений), тексты сравниваются друг с другом, и если известно время фиксации одного сюжета, то выводы относительно другого строятся по принципу «раньше / позже». Так, критикуя данный подход к фольклорному материалу, характерный, прежде всего, для миграционистского направления в фольклористике, Б.Н. Путилов отмечал: «Миграционисты знают только один характер связей – линейный, при котором всякое произведение рассматривается как зависимое от сходного с ним, но появившееся хронологически ранее. С такой точки зрения любой античный сюжет будет считаться первичным по отношению к сходному славянскому сюжету» [10. С. 55–56].

4. *Стадиальный метод хронологии, разработанный в рамках сравнительно-типологического подхода к фольклорному материалу*. В фольклористике при исследовании эпических произведений принято деление на архаический (догосударственный) и героический (государственный) эпосы. Такой подход напрямую связан со «стадиальным» членением исторического процесса и увязыванием фольклорного процесса с прохождением этносом определенных «стадий» в своём развитии. Поэтому с точки зрения сравнительно-типологического изучения фольклора: во-первых, любые факты заимствования не должны постулироваться, но всякий раз их необходимо доказывать; во-вторых, сюжет, записанный в XX в., может оказаться историко-типологически древнее сюжета, известного с античных времен, так как отражает более раннюю стадию развития фольклорного (эпического) творчества [Там же. С. 56]. «Поэтому нет ничего удивительного в том, что, например, русская сказка о муже, попадающем на свадьбу своей жены, записанная в XX в. на Севере, оказывается древнее (историко-типологически) сюжета «Одиссеи» и довольно хорошо этот сюжет объясняет» [Там же. С. 56].

5. *Метод датировки на основе анализа конфигураций ареалов распространения фольклорных мотивов*. Исходя из тезиса, что «фольклорные тексты не придумывают – их пересказывают», т.е. «всякий текст восходит к более раннему тексту, а тот – к еще более раннему, и цепочка эта, как и любая эволюционная цепочка, тянется в неопределенно далёкое прошлое» [11. С. 11]. Ю.Е. Берёзкиным делается принципиальный вывод о том, что фольклорные произведения (точнее мотивы – образные и фабульные элементы фольклорных произведений (Ю.Е. Берёзкин понимает мотивы как некие «образные и фабульные элементы» фольклорных текстов, что не совпадает с «элементарными мотивами» С. Томпсона, с которыми обычно работают фольклористы) могут содержать информацию о весьма отдаленном прошлом человечества, ко-

торая заключена не в их содержании, а в «конфигурации ареалов», в пределах которых зафиксированы встречающиеся мотивы [11. С. 9]. Именно ареалы распространения мотивов, нанесенные на географическую карту, сравниваются с ареалами распространения языков (языковых семей), археологических культур и иными данными, которые гипотетически могли бы влиять на распространение определенных мотивов в пределах конкретных территорий, имеющими уже отработанную исследователями систему датировок. Тем самым выявляется явная связь данных фольклора с данными иных исторических явлений.

Ю.Е. Берёзкиным был сделан вывод, что существует корреляция мирового распределения определенных комплексов и тематических групп фольклорно-мифологических мотивов с распространением определенных популяций в различные эпохи: от выхода людей современного типа из Африки до миграций эпохи великого переселения народов. Так, например, выявляется корреляция между миграциями ранних сапиенсов, заселивших земное пространство двумя основными миграционными потоками, и распространением мирового фольклора. Первая волна сапиенсов, древностью 75–62 тыс. л.н., выйдя из Африки, достигла Юго-Восточной Азии и Австралии и существовала в этих регионах синхронно с европейскими неандертальцами; вторая волна африканских мигрантов, 38–24 тыс. л.н., распространилась также в Азии, но часть их расселилась и в северном направлении, продвинувшись из региона Передней Азии в приледниковую зону Европы, заняв ту территорию, на которой до них жили неандертальцы [11. С. 7–8]. В мировом наборе космологических и этиологических мотивов прослеживаются два основных комплекса – индо-тихоокеанский (аустральный), отражающий, вероятно, в большей степени первую волну миграции, и континентально-евразийский (бореальный), который с большой долей осторожности можно соотнести со вторым потоком [Там же. С. 8–9]. Таким образом, этногенетические и археологические данные позволяют привязывать фольклорный материал к исторической хронологии, соотнося маршруты и ареалы его

распространения с данными, прежде всего, археологии и популяционной генетики.

Вопрос надежности датировок «волн» распространения фольклора (фольклорных мотивов), а также периодов формирования различных фольклорных ареалов напрямую связан с надежностью датирующих признаков в самом археологическом материале. Единого алгоритма датирования фольклора в рамках ареального метода не существует – каждый случай является частным (особенным). Для того, чтобы соотнести фольклорные потоки с историческими миграциями человеческих популяций, для исследователя необходим глубокий археологический бэкграунд, являющийся базисом данного метода. Кроме того, по оценке автора ареального метода Ю.Е. Берёзкина, он имеет некоторые ограничения в применении: «Ареальный метод хорошо работает в континентальном и планетарном масштабе. Он работает также там, где наличие недавних далеких миграций людей с несомненно иной культурой не вызывает сомнений: приход на юг атапасков, на север – якутов, морские контакты Индии / Индонезии с Африкой, иранский субстрат на Украине, балтский и угрофинский в Белоруссии и у северных русских, миграции по Великой Степи. Однако ареальный метод практически не работает в пределах небольших ареалов, где обмен фольклором происходил постоянно, например, в пределах Кавказа или Центральной Европы» [Из письма Ю.Е. Берёзкина]. Соответственно, невозможно датировать процессы распространения фольклорных мотивов в этих ареалах.

В итоге в ходе проведенного исследования установлено, что, несмотря на сложности с выявлением исторически достоверного материала из текстов фольклорных произведений, тем не менее, никем из исследователей не оспаривается сама возможность фольклора быть носителем исторической информации и являться репрезентативным историческим источником. При этом вопрос установления точной датировки фольклорных данных остается нерешенным и, к сожалению, следует признать, что «привязка» фольклора к исторической хронологии происходит весьма условно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пухов И.В., Эргис Г.У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллуустур: Якутское олонхо. М. : Изд-во вост. лит., 1985. С. 544–578.
2. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : автореф. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. 30 с.
3. Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народов Севера. Якутск, 1972. С. 143–160.
4. Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Филология. 2009. № 107. С. 112–119.
5. Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191–208.
6. Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.
7. Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М. : Наука, 1974. С. 133–175.
8. Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 82–93.
9. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 268 с.
10. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л. : Наука, 1976. 244 с.
11. Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука, 2013. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2018 г.

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL DATING OF FOLKLORE MATERIAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 178–181.

DOI: 10.17223/15617793/432/23

Natalia A. Tuchkova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Keywords: folklore; historical chronology; schools of folklore studies; dating methods.

This article analyzes the approaches of various folklore research schools: supporters of the so-called “specific historicism”, followers of the migratory, mythological, comparative-typological theories, as well as of the new direction – areal folklore study developed by Yu.E. Berezkin. In particular, the author of the article considered the experience of folklore dating by historians (ethnologists) working with the folklore material of Siberian aboriginal ethnic groups: the Evenks, the Altaians, the Nganasans, etc. The researchers concluded that, as a rule, the folklore material of a substantial part of historical legends (namely, this genre of folklore is the most convenient for the correlation of folklore events with real historical facts) characterizes the past era which is not far from the modern reality (from 1–2 to 3–4 centuries). It was revealed that for dating based on the analysis of the specific historical content of the folklore texts, an important point is the search for dating markers, while mythological and migratory approaches for dating folklore works are based on the comparison of texts with each other: if one knows the time of the dating of the plot, conclusions about the other plots are based on the before/after principle. A comparative-typological approach denies a linear relationship of the plots and suggests that the plot, written in the twentieth century, can be more ancient from the historical-typological view point than the plot which is known from the earlier, for example, ancient times. The areal study of folklore suggests that folklore motives may contain information about the very distant past of the humankind. This information is not contained in the content of the motives, but in the “configuration of areas”, within which the observed motives are recorded. The comparison of the areas of the distribution of the motives put on the geographical map with the areas of the distribution of the languages (language families) and archaeological cultures allows to correlate them with migration routes of various groups of the population. However, the question of the reliability of the dating of the “waves” of the spread of folklore (folklore motives), as well as the periods of the formation of various folklore areas, is directly related to the reliability of the dating features in the archaeological material. As a result, in the course of the conducted research the author revealed that, despite various efforts, the question of exact dating of the folklore data remains unresolved, and the connection of folklore to historical chronology is rather hypothetical.

REFERENCES

1. Pukhov, I.V. & Ergis, G.U. (1985) Posleslovie [Afterword]. In: Timofeev-Teploukhov, I.G. *Stroptivyy Kulun Kullustuur: Yakutskoe olonkho* [Stubborn Kulun Kullustuur: Yakut Olonkho]. Moscow: Izd-vo vost. Lit.
2. Varlamov, A.N. (2011) *Spetsifika istorizma v fol'klora evenkov* [Specificity of historicism in the Evenk folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yakutsk.
3. Vasilevich, G.M. (1972) Otrazhenie mezhrodovyykh voyn v fol'klora evenkov [Reflection of intergenerational wars in the Evenk folklore]. In: Putilov, B.N. (ed.) *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa* [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk: Izd. JYAF SO AN SSSR.
4. Varlamov, A.N. (2009) Ob istorizme fol'klora: po materialam fol'klora evenkov [On the history of folklore: on the basis of the Evenk folklore materials]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Filologiya*. 107. pp. 112–119.
5. Sherstova, L.I. (2010) Rol' istoricheskikh predaniy v formirovaniy ideologii burkhanizma [The role of historical legends in the formation of the ideology of Burkhanism]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnos and religion]. Tomsk: Tomsk State University, pp. 191–208.
6. Dolgikh, B.O. (1976) *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan* [Mythological tales and historical legends Nganasan]. Moscow: Nauka. pp. 7–35.
7. Vasil'ev, V.I. (1974) K probleme etnogeneza severosamodiyskikh narodov [To the problem of ethnogenesis of the North Samoyed peoples]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Sotsial'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa* [Social organization and culture of the peoples of the North]. Moscow: Nauka.
8. Khelimskiy, E.A. (2000) *Komparativistika, uralistika. Leksii i stat'i* [Comparative studies, Ural studies. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 82–93.
9. Dolgikh, B.O. (1970) *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on ethnic history of the Nenets and Enets]. Moscow: Nauka.
10. Putilov, B.N. (1976) *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka.
11. Berezkin, Yu.E. (2013) *Afrika, migratsii, mifologiya. Arealy rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migration, mythology. Areas of the distribution of folklore motifs in the historical perspective]. St. Petersburg: Nauka.

Received: 26 May 2018

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1960 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-х гг.)

Рассматривается деятельность самой крупной старейшей общественной организации природоохранной направленности – Всероссийского общества охраны природы на примере регионов Западной Сибири. На основе анализа публикаций в периодической печати и значительного массива документов, которые содержатся в фондах региональных архивов, рассмотрены основные направления деятельности региональных отделений ВООП, проанализированы формы и методы их работы, показана динамика численного состава. Сделаны выводы относительно оценки эффективности работы региональных отделений общества.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Всероссийское общество охраны природы; общественная охрана природы; экологическая политика; история экологической политики.

Дискуссии относительно эффективности современных эколого-ориентированных НКО и их роли в формировании и реализации экологической политики неизбежно возвращают нас в советское прошлое, когда одной из самых массовых и влиятельных природоохранных организаций в стране было Всероссийское общество охраны природы (ВООП). Основанное в 1924 г., за несколько десятилетий оно выстроило широкую сеть первичных организаций на предприятиях, в колхозах, совхозах, школах, высших и средних учебных заведениях. Количество членов общества с 1959 по 1981 г. увеличилось с 915 тыс. до 32 млн человек. К началу 1980-х гг. в системе ВООП работало более 2 тыс. местных отделений, 2 тыс. народных университетов и факультетов охраны природы, которые посещали свыше 200 тыс. слушателей [1]. Согласно Уставу, ВООП осуществляло общественный контроль за соблюдением природоохранного законодательства. Именно под влиянием общественности были приняты важнейшие постановления Верховного Совета СССР, ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленные на усиление охраны природы и улучшение использования природных ресурсов. Региональные отделения ВООП внесли значительный вклад в деятельность по выявлению, учету и организации охраны памятников природы, созданию сети национальных парков.

Вопросы общественного участия в реализации государственной экологической политики изучались историками-регионоведами: А.Н. Першиковым, Е.Е. Корчемкиной, Е.Д. Макеевой [2, 3, 4]. По мнению томского исследователя А.Н. Першикова, рассматривавшего роль общественных организаций Западной Сибири в решении экологических проблем, в 1950–1960-е гг. общественные объединения «находились в сфере партийного влияния и действия, выполняли мобилизационные и другие функции, отведённые им сверху, они являлись своеобразным показателем и носителем советской демократии, которая ярко освещалась в отечественных средствах массовой информации и подвергалась резкой критике за рубежом» [2. С. 230].

В процессе формирования и реализации государственной экологической политики общественность играет существенную роль. Исторический опыт свидетельствует о том, что с момента создания Советско-

го государства и выработки основных направлений экологической политики успешность в этой сфере напрямую зависела от степени привлечения общественности. Одной из авторитетных общественных организаций, на которую государство возложило функции по целенаправленной пропаганде идей охраны природы и организации массовых природоохранных мероприятий, было Всероссийское общество охраны природы. Вплоть до середины 40-х гг. XX в. ВООП не отличалось активностью, его деятельность в основном была направлена на решение задач рационального планового исследования природных ресурсов, их восстановления и охраны. По мнению самарского историка Е.Д. Макеевой, новый период в деятельности общества начался после принятия в 1946 г. постановления Совета Министров РСФСР «Об охране природы на территории РСФСР» [3. С. 468]. Оно нацеливало общественность на решение новых задач охраны природы, на организацию массового природоохранного движения – только это могло обеспечить эффективность охраны природы, быстрое восстановление подорванных в годы войны природных запасов. Постановление обязывало местные органы власти организовывать на местах отделения общества охраны природы и оказывать им необходимую помощь в повседневной работе. В послевоенные годы общество активно включилось в восстановление разрушенных природных объектов, озеленение городов и поселков, участвовало в разработке планов преобразования природы, благоустройства, обеспечивало население сортовым посадочным материалом, помогало развитию приусадебного садоводства, пчеловодства, содействовало работе по акклиматизации и реакклиматизации животных.

В 1953 г. ВООП и Всероссийское общество содействия строительству и охране городских зеленых насаждений были объединены во Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Дальнейшее развитие общественной природоохранной деятельности связано с работой широкой сети местных отделений этой организации, в задачи которых входили пропаганда знаний о природе и реализация практических природоохранных мероприятий. После принятия 27 октября 1960 г. Закона «Об охране природы в РСФСР» и утверждения 10 апреля 1961 г. нового Устава ВООП,

его деятельность была сосредоточена на решении проблем охраны и рационального использования природных ресурсов. Развернулось широкое общественное движение за экологическое благополучие малых рек, земель, лесов, атмосферного воздуха. Общественность инициировала такие формы природоохранной деятельности, как походы, движения, рейды; с большим размахом проводились акции: «Борьба с сорной растительностью», «Малым рекам – чистоту и полноводность», «Биоцит», «Муравей», «Родник», «Чистый воздух» и др. В процессе изучения публикаций в периодической печати и обширных архивных материалов, в составе которых такие виды документов, как постановления и решения вышестоящих организаций, годовые планы работ и отчеты, сметы, распоряжения, материалы секций по охране почв, недр, вод и рыбы, леса и т.п., можно сделать вывод о том, что масштабы деятельности отделений общества в различных регионах различались, а степень успешности этой деятельности на местах зачастую зависела от личностного фактора. Местные организации общества опирались на исполнительные комитеты городских и районных советов народных депутатов трудящихся. Президиумы городских и районных советов ВООП, как правило, возглавляли заместители председателей исполкомов. Можно предположить, что именно это позволяло общественной организации оказывать воздействие на природопользователей и привлекать их к участию в своих мероприятиях. В то же время местные организации Всероссийского общества охраны природы отмечали недостаточное внимание и помощь со стороны местных советов народных депутатов и партийных органов [5. Д. 161. Л. 16].

Обратимся к истории региональных отделений ВООП. Одним из первых регионов Западной Сибири, где оформилось общество охраны природы, стал Кузбасс. Кемеровское областное общество охраны природы и озеленения населенных пунктов было создано на основании постановления Совета Министров РСФСР от 14 января 1956 г. и переименовано в Кемеровское областное отделение ВООП в 1961 г. В 1966 г. областное отделение было переименовано в областной совет и непосредственно подчинялось Центральному совету ВООП [4]. В областном совете ВООП были созданы секции охраны почв, недр, водных источников и атмосферного воздуха, охраны зверей, птиц, озеленения и цветоводства, садоводства и методический совет по работе с юношеством. По мнению А.Н. Першикова, советы «отличались своим представительным составом и широкими полномочиями по сравнению с предшествующей структурной организацией» [2. С. 231].

Основной задачей общества провозглашалась пропаганда знаний о природе [5. Д. 148. Л. 8.]. По инициативе ВООП ежегодно в области проводились журналистско-рабкорский конкурс «Человек и природа» и кинофестиваль «Охрана природы – всенародное дело». Работу по пропаганде экологических знаний в области вели газеты «Кузбасс», «Кузнецкий рабочий», областное радио. Кемеровское книжное издательство выпустило издания с эмблемой ВООП, посвященные сибирской природе и ее охране: «Леса

Кузбасса», «Календарь природы», «Свидание с природой», «Зеленая аптека Кузбасса», «Родная природа» и другие. По инициативе областного и городских советов общества в области проводился ежегодный общественный смотр предприятий с целью ликвидации и предупреждения вредных промышленных выбросов в атмосферу и водоемы. Это мероприятие было организовано совместно с Кемеровским областным советом Научно-технического общества (НТО), Кузбасским Центром научно-технической информации и Всероссийским обществом изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В отчетах 1970-х гг. указывалось, что предприятия, которые принимают участие в смотре, добиваются положительных результатов в области охраны окружающей среды [5. Д. 148, 167, 168, 171]. В частности, отмечалась стабилизация состояния атмосферного воздуха и водоемов за счет строительства очистных сооружений на Топкинском цементном заводе, Западно-Сибирском металлургическом заводе (ЗСМЗ), Новокемеровской ТЭЦ, Кемеровской ТЭЦ, Беловской ГРЭС, на шахтах «Усинская», «Коксовая», «Красногорская», «Зиминка», «Анжерская». В то же время проверки показали, что предприятия не использовали все резервы в природоохранной деятельности, вследствие чего уровень загрязнения оставался высоким. На Кузнецком металлургическом заводе (КМК) и Абагурской аглофабрике выполнение плана природоохранных мероприятий не превышало 30 [5. Д. 171. Л. 12]. Повышению ответственности работников предприятий и организаций должно было способствовать создание первичных организаций на предприятиях и вовлечение природопользователей в природоохранную деятельность. Первичные организации были созданы на крупнейших промышленных предприятиях области, в том числе на Аллюминиевом и Ферросплавном заводах, «Сантехлите» и других, однако руководители этих предприятий относились к деятельности ВООП скептически [5. Д. 171. Л. 14].

В связи с тем, что в начале 1970-х гг. экологическая ситуация в Кемеровской области оценивалась как неблагоприятная, вопрос «О состоянии охраны природы в Кузбассе» был вынесен на рассмотрение постоянной комиссии по охране природы Верховного Совета СССР. В 1972 г. комиссия признала неудовлетворительным положение дел с организацией охраны природы в Кемеровской области: отмечены факты хищений, растрат, убытки, прогулы, пьянство и нарушения дисциплины среди штатных работников общества [5. Д. 161. Л. 15]. Кроме того, в ряде городов и районов не проводилось соревнование «За ленинское отношение к природе» (Тайга, Юрга, Белово и др.); недостаточно активно проводилась работа по созданию первичных организаций на предприятиях и в организациях. По количеству вновь созданных первичных организаций Кемеровская область отставала от соседних регионов. В 1972 г. из более чем 2 000 предприятий первичные организации имели 245, из 200 колхозов и совхозов – 11 [5. Д. 173. Л. 16].

Критика Кемеровского отделения ВООП со стороны вышестоящих организаций была признана справедливой, вследствие чего в нем полностью сменился штат работников. Перед местными организациями

была поставлена задача увеличения численности индивидуальных и коллективных членов общества.

Однако данные табл. 1 свидетельствуют о том, что значительно повысить численность рядов областной организации ВООП не удалось. Главным недостатком в работе общества на региональном уровне был формальный подход к решению экологических проблем и осуществлению мероприятий по охране окружающей среды, что значительно снижало эффективность всей природоохранной работы. Формальность подхода проявлялась в погоне за увеличением показателей численности организации любым путем, как правило, «добровольно-принудительным». В основном пополнение рядов организации происходило за счет людей пенсионного возраста и школьников. Это привело к тому, что ВООП стали называть «обществом пионеров и пенсионеров».

Еще одной проблемой общества была качественная сторона природоохранной деятельности, в том числе, слабо организованная пропаганда знаний о природе, о размерах вреда, который ей наносится, о его последствиях. В выступлениях в местной печати, по радио и ТВ вопросы об охране окружающей среды поднимались часто, но беспредметно. По выражению А. Зайцева «В статьях и передачах, как правило, фигурирует браконьер с ружьем, не вовремя подстреливший зайца или утку. А браконьер глобального масштаба, отравляющий воздух и воду всего города, района, края, остается незамеченным» [6. С. 3]. В связи с этим специалисты – экологи, биологи – неоднократно указывали на необходимость усилить пропаганду знаний об охране природы. Доктор биологических наук, профессор КемГУ В.Н. Скалон и главный лесничий Кемеровской области А.Ф. Нишаков предлагали организовать в вузах, школах, на предприятиях «Уголки природы» с необходимой популярной литературой, инструкциями, путеводителями. Это, по их мнению, помогло бы «преодолеть психологический барьер неверия тысяч людей в то, что их самый дорогой друг – природа находится в трудном положении»

[7. С. 3]. Важность экологического образования и воспитания школьников подчеркивал заместитель заведующего Кемеровского областного отдела образования, руководитель секции по работе с юношеством, Б.Б. Фильваров [8. С. 4]. Некоторые активисты общества считали, что следует организовать специальные семинары для партийных и хозяйственных работников, уровень экологической культуры которых был чрезвычайно низким [9. С. 4].

На страницах различных научных, популярных изданий и газет Западной Сибири вопрос о необходимости экологического воспитания населения поднимался постоянно. Преподаватель Новосибирского педагогического института, кандидат биологических наук С. Глуздаков призывал вводить в детских садах программы, направленные на выработку у дошкольников навыков бережного отношения к природе [10. С. 4]. Член-корреспондент АН СССР Ф. Реймерс считал, что «прочно воспитать понимание личной заинтересованности каждого гражданина в сохранении чистоты атмосферного воздуха и сохранения животного мира можно только с раннего детства». Он указывал на необходимость создания непрерывного процесса экологического воспитания и образования. По мнению ученого, атмосфера «природознания» из детского сада должна быть передана школе, а из школы в вуз [11. С. 4]. О необходимости выработки экологического сознания и мышления писали Б.Г. Иоганзен, Т.А. Пудовкина [12. С. 83]. Однако в 1960 – нач. 1980-х гг. возможности экологического воспитания использовались недостаточно. В определенной степени это было вызвано тем, что у многих преподавателей была слабая экологическая и природоохранная подготовка, они не располагали конкретными данными об охране природы области. Вследствие такого положения дел эколого-воспитательная работа приобрела «абстрактный характер, в ней нет конкретного местного краеведческого материала, местных факторов» [13. С. 4].

Таблица 1

Изменение численности Кемеровского областного отделения ВООП, 1971–1975 гг.

Год	Кол-во членов, чел.			Первичные организации	Коллективные члены	Общественные инспектора
	Взрослые	Учащиеся	Всего			
1971	19 956	103 560	123 506	770	42	2270
1972	48 475	220 948	269 423	964	208	1093
1973	49 000	220 000	269 000	*	406	*
1974	56 257	178 457	234 714	877	413	874
1975	43 635	215 860	259 495	808	*	531

Источники: ГАКО. Ф. Р.175. Оп. 1. Д.153, 170, 175, 178; Зайцев А. Заминка перед барьером // Кузбасс, 1976. 22 янв. С. 3; Юров Г. Леса и воды родного края // Кузбасс. 1979. 15 мая. С. 4; Сунгуров В. Сохраним землю для потомков // Кузбасс. 1980. 5 июня. С. 4. * – нет сведений.

Таблица 2

Изменение численности Новосибирского областного отделения ВООП, 1955–1983 гг.

Год	Кол-во членов, чел.		
	Взрослые	Учащиеся	Всего
1955	1 006	860	1 866
1962	14 700	25 300	40 000
1964	46 708	112 037	158 745
1967	49 026	101 532	150 558
1973	376 900	37 000	413 900
1983	412 000	251 000	663 000

Источники: ГАНО. Ф. Р. 1817. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а, Д. 15. Л. 1, Д. 16, Л. 1, Д. 66. Л. 1; Ф. Р. 1020. Оп. 1. Д. 1729. Л. 18–20; Гришяев П.П. Природные богатства – достояние народа // Советская Сибирь. 1973. 6 мар. С. 4; Кривошеков Г. Природе – нашу защиту // Советская Сибирь. 1983. 5 июня. С. 4.

Одной из самых многочисленных и активных организаций в Западной Сибири было Новосибирское городское отделение Всесоюзного общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов, организованное в 1955 г. на базе Новосибирского городского общества мичуринцев, которое в 1961 г. было переименовано в общество охраны природы [14. Д. 1]. С момента создания до начала 1980-х гг. численность общества увеличилась более чем в 350 раз (табл. 2). В значительной степени этот факт и успех общества в практической деятельности можно объяснить профессиональными и личными качествами руководителей: практически все секции общества возглавляли руководители природоохранных организаций или ученые. Например, секцию охраны атмосферного воздуха возглавлял главный врач Новосибирской СЭС И.Т. Стеховский, секцию охраны вод – начальник Верхнеобского бассейнового управления Ю.И. Трещев, секцию рыбных запасов – начальник управления «Верхнеобьрыбвод» П.А. Поддубский, секцию охраны леса – начальник отдела охраны леса управления лесного хозяйства при облисполкоме Е. Сухарин, секцию охраны земель – кандидат биологических наук, сотрудник Института почвоведения и агрохимии А.А. Танасиенко [15. С. 4].

Проблемы охраны атмосферы, почв, водных ресурсов, рыбных запасов, лесов и фауны неоднократно рассматривались на пленумах областной и городской организаций. В докладах председатель областного совета ВООП П.П. Гришняев и председатель городского совета ВООП А.М. Краснопольский говорили об экологических проблемах и о мероприятиях, которые направлены на их решение. Они приводили примеры участия общественности в мероприятиях по охране водоемов и рыбных запасов, которые ежегодно проводились в Новосибирской области, лесоразведении, борьбе с браконьерами и т.п. [16. С. 4]. О масштабах общественной деятельности можно судить по следующим фактам: только за 1972 г. было выявлено более 3 000 нарушений правил рыбной ловли, задержано 503 браконьера, изъято 812 сетей, 50 бредней, 47 лодок, предъявлено штрафов на сумму более 2 700 руб. На предотвращение нарушений природоохранного законодательства была направлена масштабная разъяснительная работа среди населения. С этой целью в 1972 г. было прочитано 3 250 лекций и докладов по охране природы, проведено 6 850 бесед, опубликованы статьи в местной прессе [17. С. 4]. Однако, радикального улучшения ситуации с охраной природы не происходило.

Одной из важнейших экологических проблем Новосибирской области в начале 1970-х гг. была признана проблема охраны почв от загрязнения и эрозии. Эта проблема стала одной из приоритетных для Новосибирской областной организации ВООП, она неоднократно обсуждалась на страницах газет, собраниях и пленумах. На пленуме областного совета ВООП в 1972 г. говорилось о причинах ухудшения качества почв в регионе, были предложены мероприятия, направленные на решение проблемы. Председатель областного Совета ВООП П.П. Гришняев в своем докладе отмечал, что «нужно ответственно относиться к

таким мероприятиям», необходимо применять комплексный подход, объединять усилия науки и сельского хозяйства [18. С. 4].

На протяжении нескольких лет активную работу осуществляли секции леса, охраны фауны, охраны атмосферного воздуха. Например, в 1977 г. секция леса провела более 80 рейдов, направленных на сохранение березняков, кустарников и трав. Совместно с лесхозами, колхозами и совхозами было посажено более 16,5 тыс. лесных культур, переработано 40 т лесных семян. Большую помощь лесхозам оказывали школьные лесничества: более 10 тыс. учащихся приняли участие в операциях «Сосновая шишка», «Зеленый наряд отчизны» [18. С. 3]. Секция охраны фауны занималась подкормкой животных, заготовкой сена и веток, расселением ондатры. В рамках секции охраны атмосферного воздуха были созданы группы по проверке эффективности пылегазоочистных установок на оловянном комбинате, заводе радиодеталей, заводе точного машиностроения и других.

Вопросы, связанные с работой Новосибирского ВООП, регулярно рассматривались на заседаниях комиссии по охране природы Новосибирского облисполкома. В постановлении, принятом в 1978 г., были отмечены успехи и недостатки в работе общества, в частности, комиссия обратила внимание на слабую организацию работы с местными отделениями, первичными организациями ВООП и со школьниками. Перед обществом ставились конкретные задачи: организация и осуществление общественного контроля за правильным использованием природных богатств и охраной природы; рассмотрение планов комплексных мероприятий по использованию и преобразованию природы и проектовстроек, затрагивающих сохранность природных ресурсов; руководство общественными комитетами охраны природы на предприятиях; борьба с эрозией почв, незаконными рубками леса, браконьерством; контроль за целевым использованием средств, отпускаемых на установку очистных сооружений; организация питомников, специализированных магазинов и т.п. [19. Д. 1729. Л. 16–17]. С целью повышения экологической культуры в Новосибирске в 1982 г. был создан народный университет «Природа», слушателями которого стали инженерно-технические работники промышленных предприятий и руководители первичных организаций ВООП. В качестве лекторов общественного университета выступали ученые, преподаватели высших учебных заведений. Основное внимание они уделяли вопросам организации природоохранной работы в СССР. Ректором университета стал С. Глуздаков, кандидат биологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического института [20. С. 4].

Рассматривая вопрос об участии общественности в природоохранной деятельности, следует отметить работу, которая проводилась образовательными учреждениями области. Первичные организации ВООП были созданы практически во всех школах Новосибирской области. Об их успехах неоднократно писала газета «Советская Сибирь». Например, учащиеся Степной средней школы не только проводили наблюдения за растениями на пришкольном участке,

но и помогали в создании полезащитных полос. Ими были выращены миндаль, виноград, кедр. В Чистоозерной средней школе был организован крутлосуточный «Зеленый патруль», создано школьное лесничество, в котором дети изучали методики посадки деревьев и кустарников. Кроме того, они охраняли лес от пожаров и рубок, собирали семена. Ежегодно в Новосибирской области 25–30 тыс. школьников принимали участие в «Дне птиц», 50 тыс. – в рейдах «Зеленого патруля» [20. С. 4]. Интересен опыт природоохранной деятельности школьников Новосибирского Академгородка. В школе № 162 Советского района действовало школьное лесничество «Сибирский Берендей», члены которого по заданию ученых проводили работу по учету видового состава птиц и муравейников в лесопарковой зоне Академгородка, по размещению искусственных гнездовий. В школе № 112 на базе лесхоза было создано школьное лесничество по выращиванию саженцев лесных культур. В период нереста рыбы на р. Обь «голубые патрули» выходили в район Новосибирской ГЭС, на берега Обского водохранилища, на притоки рек Шадриха и Зырянка, чтобы предотвратить речное браконьерство. Службу «зеленых патрулей» организовали почти во всех школах Советского района. За каждой школой был закреплен участок лесопарковой зоны площадью от 50 до 100 га, на котором учащиеся под руководством учителя биологии, классного руководителя и лесников проводили природоохранную работу. Дозоры лесничества «Сибирский Берендей» и «зеленые патрули» ежегодно передавали десятки протоколов о нарушениях лесного законодательства в административную комиссию райисполкома, оберегали раннецветущие деревья и полевые цветы от массового уничтожения. Оформлялись протоколы на владельцев автомашин, оставивших свой автотранспорт на газонах, на тех, кто выносил мусор в лесопарковую зону. Можно по-разному оценивать деятельность школьников по охране природы. С одной стороны, она часто имела формальный и обязательный характер, что отталкивало детей от общества охраны природы. С другой – следует признать, что несмотря на организационные недостатки, эта деятельность имела значительные положительные результаты: с раннего детства она способствовала формированию экологического мировоззрения и давала практический опыт участия в охране окружающей среды.

Значительную роль в экологическом просвещении и воспитании населения играла Омская областная организация ВООП. Еще в 1958 г. была создана лекторская группа из 27 человек, которая на безвозмездной основе проводила лекции, беседы на предприятиях города, в садоводческих товариществах, организациях и учреждениях. Из отчета президиума общества следует, что за 1960–1962 гг. ими проведено 646 лекций, 1 619 бесед, 68 докладов с общим охватом 41 788 человек, проведено 9 185 консультаций (37 628 человек), 104 семинара по вопросам, связанным с работой районных отделений, озеленением, защитой растений, пчеловодством и т.д. За тот же период опубликованы 62 статьи в газетах, подготовлено 71 выступление на радио и 15 – на телевидении

[25. Д. 11. Л. 4]. В 1970-х гг. разнообразные формы пропаганды природоохранных и экологических знаний, развитая сеть подразделений способствовали тому, что актуальная информация доводилась практически до каждого жителя области. Наиболее эффективными методами привлечения общественности к природоохранной деятельности были семинары для работников народного хозяйства и образования, тележурналы «Природа», университет экологических знаний, публикации в периодической печати. Широко практиковалось чтение публичных лекций по различной природоохранной тематике, издание плакатов, буклетов, листовок. В области ежегодно проводились многочисленные конкурсы, смотры, рейды, которые регулярно освещались в СМИ. Омский областной совет ВООП выступил с инициативой проведения широкомасштабных экспедиций в защиту Иртыша и малых рек. Большое внимание в Омской области уделялось общественному контролю за состоянием природоохраны. С начала 1960-х гг. внештатными общественными инспекторами регулярно проводились рейды и проверки, в результате которых были установлены многочисленные факты нарушения закона об охране окружающей среды, и по ним приняты меры [25, д.11]. В отчетном докладе 1962 г. руководитель Омского отделения ВООП отмечал: «Дело нашей общественности – повседневно контролировать правильное использование природных богатств, их охрану и умножение. Первичные организации на заводах, фабриках и предприятиях обязаны добиваться того, чтобы производственная деятельность не отражалась отрицательно на объектах природы. И на предприятиях, имеющих производственные выбросы, постоянно следить за строительством очистных сооружений и их использованием, а общественной инспекции – за охраной водоемов и атмосферного воздуха» [25. Д. 11. Л. 8].

Томское областное отделение Всесоюзного общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов было создано в 1960 г. Первоначально в нем было 5 секций: секция леса, озеленения и сада; секция охраны фауны; секция охраны домашних животных; секция неживой природы; юношеская секция [21. С. 9]. В 1965 г. в Томске был создан народный университет знаний о природе, его ректором стал заместитель председателя президиума совета Томского областного отделения общества профессор И.П. Лаптев. В университете действовало два факультета – факультет охраны природы и факультет садоводства и озеленения [21. С. 38]. Деятельность Томского отделения общества была направлена в основном на создание общественной инспекции, изучение состояния и путей охраны природы в каждом районе, а также выявление неиспользуемых ресурсов природы и включение их в хозяйственное использование с соблюдением всех необходимых мер их охраны. Ежегодно в области проводились мероприятия, направленные на предупреждение браконьерства, нарушение правил рыбной ловли и охоты, по предотвращению лесных палов и пожаров [23. Д. 329, 401]. Начиная с 1970 г., в целях усиления охраны рыбных богатств области в период с 25 апреля по 25 мая областным

обществом охраны природы и Верхнеобьрыбводом проводился «Месячник по охране водоемов и рыбных богатств» [23. Д. 329]. Рейды государственных и общественных инспекторов по местам нереста осетровых и лососевых рыб проводились и осенью, когда ловля рыбы запрещена. Часто среди браконьеров встречались те, кому положено охранять природу и следить за соблюдением природоохранного законодательства. Например, в ходе очередной проверки в 1970 г. было выявлено, что депутаты райсовета вместе со старшим егерем производили лов рыбы с нарушением природоохранного законодательства. К нарушителям были применены административные

меры наказания в виде штрафа и выговора с предупреждением. О подобных случаях неоднократно сообщалось в местной прессе [24].

В 1972 г. месячник охраны природы проводился совместными усилиями областного общества охраны природы, управления охотопромыслового и лесного хозяйства, инспекции по охране рыб и водоемов. При проведении рейдов по выявлению нарушений правил рыбной ловли и правил охоты общественными инспекторами совместно с инспекторами рыбоохраны также были выявлены нарушения природоохранного законодательства и приняты меры к нарушителям (табл. 4).

Таблица 3

Изменение численности Омского областного отделения ВООП, 1959–1961 гг.

Год	Количество первичных организаций	Кол-во членов, чел.		
		Взрослые	Учащиеся	Всего
1959	141	11 200	4 200	15 200
1961	574	28 556	31 650	60 206
1962	913	35 709	72 911	108 620
1963	1 248	48 804	96 211	145 015

Источник: Ф. 9588. Оп. 1. Д. 5А. Л. 1; Д. 16. Л. 1; Д. 20. Л. 6; Д. 26а. Л. 1.

Таблица 4

Результаты рейдов по выявлению нарушений природоохранного законодательства в Томской области (1972 г.)

Вскрыто нарушений правил и сроков охоты	679
Предъявлено исков на сумму	43 384 руб.
Наложено штрафов на сумму	3 198 руб.
Конфисковано: ружей/мелкокалиберных винтовок	342/11
Вскрыто нарушений правил рыболовства	1 048
Вынесено предупреждений	46
Передано в следственные органы для привлечения к ответственности / из них осуждено:	22/12
Предъявлено исков за нанесенный ущерб на сумму	23 734 руб.
Наложено штрафов на сумму	21 545 руб.
Взыскано штрафов и исков на сумму	23 734 руб.
Передано на осуждение общественности после наложения штрафа	227 дел
Иски за причиненный ущерб на сумму	9 235 руб.
Взыскано исков на сумму	5 649 руб.
Изъято рыбы	1 472 кг
Наложено штрафов за загрязнение и засорение водоемов (судами и промышленными предприятиями) на сумму	4 910 руб.
Взыскано штрафов на сумму	3 550 руб.

Источник: ГАТО. Ф. Р. 829. Оп. 1. Д. 401. Л. 52; Д. 561. Л. 102, 215.

Активная и достаточно многочисленная организация была создана в Горном Алтае. Уже в начале 1970-х гг. каждый третий житель был членом ВООП, было создано 480 первичных организаций, коллективными членами были 170 предприятий и учреждений. Большое внимание уделялось экологическому воспитанию подрастающего поколения. Одной из самых распространенных форм природоохранной работы среди школьников Горного Алтая стали школьные лесничества, появившиеся в 1968 г. [26. С. 30]. В них учащиеся получали навыки работы в лесном хозяйстве, вели фенологические наблюдения за жизнью леса. Например, в Чемальской средней школе было создано школьное лесничество, в котором не только проводились наблюдения за лесом, но и ежегодно высаживались 300–400 тыс. саженцев кедра и сосны. В 1982 г. учениками этой школы было высажено 400 260 деревьев и кустарников, выращено 25 тыс. корней цветочной рассады. Впечатляют масштабы деятельности школьного лесничества: за 5 лет было выращено 1 650 тыс. саженцев кедра, 2 млн саженцев облепихи,

смородины, плодовых деревьев, изготовлено 320 скворечников, 200 кормушек. Каждый год в школе проводились традиционные месячники «Зеленый наряд Отчизны», праздники «Неделя леса и сада», «Встреча птиц» и т.д. [27. С. 3]. В начале 1980-х гг. в Горном Алтае больше внимания стали уделять экологическому просвещению взрослых, пропаганде знаний об охране природы. В основном это связано с тем, что уровень экологической культуры многих хозяйственников, специалистов и руководителей оставался невысоким. Только в 1982 г. было создано 130 лекторских групп, прочитано более 3 000 лекций, проведено 10 конференций. Наиболее активными лекторами были преподаватели Горно-Алтайского педагогического института А.П. Кучин, А.М. Маринин, директор краеведческого музея В.Т. Липатова, геолог Ю.В. Никифоров [28. С. 4].

Природа Горного Алтая уникальна, ее отдаленность от промышленных центров позволила сохранить значительные территории в нетронутом состоянии. Однако в 1970–1980-х гг. под влиянием деятель-

ности человека возникла угроза деградации экосистем региона. В связи с этим на страницах местной прессы развернулись дискуссии о необходимости создания в Горном Алтае Катунского заповедника. В начале 1980-х гг. представители общественности, особенно ученые, настаивали на необходимости объявления заповедным всего Катунского хребта с включением озер Ак-Кем и Тайменное, Мультиных и Кучерминских озер вплоть до верховьев р. Бухтармы на юге. Многолетняя история борьбы за создание заповедника описана в статье сотрудников Биологического института Б. Юдина и А. Шпунта [29. С. 4]. Впервые вопрос о создании Катунского заповедника был поставлен еще в 1917 г. известным ученым В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, который обосновал необходимость прекращения хозяйственной деятельности на юге Горного Алтая. В 1960–1970-х гг. к идее создания заповедника неоднократно возвращались и Катунский заповедник был включен в перспективный план развития Горно-Алтайской автономной области, утвержденный Советом Министров РСФСР, однако так и не был создан. В начале 1980-х гг. вопрос о создании заповедника был вынесен на обсуждение общественности. Первый заместитель председателя Горно-Алтайского облисполкома К.К. Трусов, выступая в 1981 г. на VII съезде ВООП, говорил о необходимости создания заповедно-туристического комплекса площадью около 1 млн га на юге региона, в районе г. Белуха. Эта идея получила поддержку со стороны Центрального совета ВООП. В результате 27 августа 1982 г. краевой совет ВООП признал вопрос о создании заповедника своевременным и организовал представительную межведомственную экспедицию на базе институтов СО АН СССР, Алтайского университета и Горно-Алтайского пединститута. Результаты экспедиции подтвердили необходимость создания биосферного заповедника. Специалисты подчеркивали, что «создание заповедника должно положительно сказаться на гидрологическом режиме Обского бассейна, а следовательно, на климатических и хозяйственных характеристиках достаточно обширной области» [5. Д. 170. Л. 27]. В итоге именно активная позиция общественности, при поддержке местных властей, способствовала созданию Катунского заповедника в 1991 г. Проблема заповедника еще раз показала, что для успешного решения экологических проблем необходимо было преодолеть разрыв между наукой и практикой, объединить усилия всех заинтересованных сторон: партийных, государственных, хозяйственных и научных работников, общественности.

Алтайская краевая организация ВООП основное внимание уделяла широкому разъяснению и вопло-

щению в жизнь решений партии и правительства по вопросам охраны природы. В просветительской деятельности Алтайской организации ВООП можно выделить три направления: организация изучения соответствующих программ во всех учебных заведениях края, проведение месячников леса, дней птиц, различных конкурсов и операций с привлечением студентов и школьников; введение курсов лекций по охране природы во всех народных университетах и кружках; организация пропаганды среди населения – лекции, беседы, доклады [30]. Например, в 1977 г. было прочитано 1900 лекций, около 3 тыс. бесед, проведено 7 выставок [31. С. 33–39]. В результате проведенной обществом пропагандистской работы, в начале 1980-х гг. заметно возрос интерес населения к знаниям по охране окружающей среды. На этот факт обращал внимание председатель краевой организации ВООП Р.Л. Дранников, в своей отчетной статье он писал: «Популярностью у нас пользуются народные университеты охраны природы – Алтайский (г. Барнаул), Рубцовский, Бийский, Каменский и др.» [32. С. 13]. Всего в крае было создано более 20 университетов. В 1981 г. по сравнению с 1975 г. количество лекций и выставок увеличилось в два раза. Ежегодно проводились научно-практические конференции по вопросам охраны и рационального использования природных ресурсов, на которых обсуждались актуальные для Алтая проблемы.

Кроме пропагандистско-воспитательной работы общество охраны природы занималось проблемой охраны и рационального использования земель; разрабатывало комплекс мероприятий против эрозии; организовывало общественный контроль за соблюдением земельного законодательства; проводило рейды по малым рекам; осуществляло общественный контроль за работой пылегазоулавливающих установок на промышленных предприятиях и автотранспорте; занималось охраной леса. Ежегодно Алтайским ВООП проводилось около 20 мероприятий, направленных на воспитание бережного отношения населения к природе [33. С. 57]. Например, с 1975 г. президиум Алтайского краевого совета ВООП проводил ежегодный массовый поход «Малым рекам – чистоту и полноводность». Цель похода – обследование малых рек и других водных источников в каждом районе, обобщение материала, строительство водорегулирующих плотин хозспособом [34. С. 101]. Алтайское отделение ВООП выделялось среди других отделений региона не только своей активностью, но и количественными показателями: по количеству членов общества Алтайская организация опережала Томскую, Кемеровскую и Новосибирскую. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Показатели вовлеченности населения в организации ВООП в 1974 г.

Регион	Население, тыс. чел.	Численность, тыс. чел.	Доля, %	Уплачивают членские взносы, тыс. чел.	Доля, %
Томская обл.	801,8	170	21,2	102	60
Алтайский край	2 702	500	18,5	437,5	87,5
Новосибирская обл.	2 646	450	17	450	100
Кемеровская обл.	2 908	199,7	6,8	199,7	100

Источник: Родная природа. Барнаул, 1977. С. 9; Родная природа. Барнаул, 1968. С. 33; Малолетко А.М. От охраны к управлению природой // Родная природа. Барнаул, 1979. С. 33–39; Крюков А.М. Основные направления деятельности Алтайского общества охраны природы // Теория и практика природопользования. Барнаул, 1983. С. 101.

В Тюменской области деятельность ВООП имела свою специфику, обусловленную особенностями природы Севера Западной Сибири. Так, в начале 1970-х гг. основное внимание общественности уделялось практическим мероприятиям, в том числе, борьбе за чистоту водоемов и атмосферы. Были проведены общественные проверки состояния хозяйственно-питьевого водоснабжения, бальнеологических скважин и водозаборов. Ежегодно проводились Всероссийский поход по борьбе с сорной растительностью, смотр-конкурс по охране водоемов от загрязнения судами речного флота, операция по охране полезных муравьев, конкурс по сбору лекарственных трав и ряд других мероприятий [35. Л. 147]. При активном участии широкой общественности, организаций и членов тюменского общества охраны природы в области в 1971–1972 гг. посажено большое количество декоративных деревьев и кустарников, цветов, заложены новые сады, парки и скверы. Организации общества охраны природы, особенно школьные, принимали активное участие в лесовосстановлении и охране леса. В 1971–1972 гг. проведены посадки леса на площади 20 тыс. га, инвентаризация муравейников на площади 470 тыс. га, выявлено и нанесено на карту более 117 тыс. муравейников. В школах области успешно работали ученические производственные бригады, деятельность которых вышла за пределы школьных участков и широко развернулась на полях и животноводческих фермах колхозов и совхозов. Создано 39 школьных лесничеств, за которыми закреплено более 30 тыс. га лесов. В 1971–1972 гг. собрано 22 тыс. кг семян ценных древесных пород, изготовлено и развешено почти 100 тыс. искусственных гнездовий, школьными «Голубыми патрулями» только в 1972 г. спасено 38,7 млн рыбной молоди [35. Л. 148]. В деятельности организации большое место занимали пропаганда идей охраны природы, разъяснение постановлений партии и правительства о рациональном использовании и охране природных богатств. По этим вопросам за 1971–1972 гг. прочитано 6 200 лекций, проведено 37 700 бесед и консультаций, 227 выставок, издано 350 тыс. экземпляров плакатов и листовок, 15 книг и брошюр. По мнению руководителей, основным недостатком в работе общества была его малочисленность. В Армизонском, Викуловском, Упоровском и некоторых других районах в члены общества вовлечено лишь 10–15% населения, а в национальных округах – 6–8%. В совхозах Армизонского и Вагайского районов первичные организации общества охраны природы отсутствовали. В колхозах и совхозах Викуловского, Голышмановского и Сорokinского районов имелись малочисленные организации. Причина такого положения в обществе заключалась, по мнению его руководства, в том, что отделения ВООП этих районов не получают необходимой помощи от местных советских органов, работают бесконтрольно. В связи с этим, обществам рекомендовано «принять решительные меры к повышению состояния организационной и особенно пропагандистской воспитательной работы» [35. Л. 148].

В соответствии с законом «Об охране природы в РСФСР» в 1960-х гг. в Западной Сибири были созда-

ны общественные инспекции по охране природы. Общественные инспектора совместно с работниками милиции, общества охотников, журналистами регулярно проводили рейды по предотвращению нарушений природоохранительного законодательства. Материалы рейдов передавались административным комиссиям, публиковались в печати, обсуждались региональными отделениями ВООП. Сложно оценить эффективность участия общественности в проведении рейдов, однако подобная практика получила достаточно широкое распространение во всех регионах Западной Сибири. Статус общественного инспектора позволял не только пропагандировать соблюдение природоохранного законодательства, проводить профилактическую работу с браконьерами, но и привлекать нарушителей к ответственности в соответствии с законодательством. Так, например, в Омской области было установлено, что в военной части № 34154 при осуществлении строительных работ уничтожено 9 га посадок зеленого кольца города Омска. Лесохозяйственные органы привлекли нарушителя к ответственности и обязали его восстановить зеленые насаждения. В г. Калачинске выявлен факт загрязнения отходами мясокомбината лесопосадок лиственницы на площади 75 га. Для расследования по данному факту была создана комиссия, в которую вошли представители государственной санитарной инспекции, лесхоза, инспекции лесоохраны, которая провела проверку с дальнейшим привлечением к ответственности руководства предприятия. На заместителя директора мясокомбината было наложено взыскание. В Ленинском районе в результате общественной проверки выявлен факт сброса загрязненных технических вод завода по производству телевизоров в оз. Чередовое, вода озера стала представлять угрозу для здоровья населения, исчезла рыба. В результате принятых мер сброс загрязненных вод прекращен, озеро частично очищено. Еще более сложная ситуация сложилась в самом Омске, где предприятиями сбрасывались неочищенные сточные воды в р. Иртыш. Только за 1960–1961 гг. санитарной инспекцией оштрафованы 13 руководителей предприятий и строительных управлений, еще на 9 составлены протоколы о правонарушениях [25. Д. 11].

Особое внимание общественные инспекторы уделяли борьбе с браконьерством [5. Д. 153, 171]. Ответственность регулярно проводила рейды совместно с инспекторами охотинспекции и рыбоохраны [36. С. 4]. В г. Новокузнецке в 1971 г. благодаря общественным инспекторам 45 злостных браконьеров были привлечены к судебной ответственности и 456 – к административной [5. Д. 153. Л. 22]. В Тюменской областной организации общества охраны природы 2 300 общественных инспекторов ежегодно проводили порядка 300 рейдов. Они зафиксировали свыше 3 500 нарушений правил охоты и рыбной ловли только за 1971–1972 гг. На виновных в нарушении природоохранного законодательства были составлены протоколы, основная часть нарушителей привлечена к административной, а 18 человек – к уголовной ответственности [35. Л. 48]. Позиции общественных инспекторов усилились после того, как на основе Типо-

вого положения об общественной инспекции по охране природы в РСФСР, утвержденного постановлением Президиума Центрального совета ВООП от 31.03.1982 г. № 102, в регионах были приняты свои положения, предусматривавшие совместную работу общественности и природоохранных структур: управления лесного хозяйства, управления охотничье-промыслового хозяйства, управления по гидрометеорологии, государственной инспекции газоочистки, инспекции рыбоохраны, санитарной службы, управления внутренних дел. Общественные инспектора были наделены широкими правами: они могли беспрепятственно посещать любой подконтрольный объект, проверять документы, составлять протоколы на нарушителей и изымать орудия нарушения и незаконно добытую продукцию для дальнейшей передачи их соответствующим государственным органам [37].

В целом анализ общественной экологической деятельности в Западной Сибири в 1960 – первой половине 1980-х гг. показывает, что на данном этапе она включала разнообразные формы и методы: пропагандистскую и просветительскую работу среди населения, осуществление общественного контроля за соблюдением природоохранного законодательства, организацию массовых природоохранных мероприятий и т.п. Деятельность общественного экологического движения была неотделима от деятельности государственных природоохранных структур, что проявлялось в проведении совместных мероприятий, в том числе рейдов, а также в совместной разработке и реализации экологических программ.

Некоторые авторы, характеризуя общественное экологическое движение рассматриваемого периода, противопоставляют «вечнозеленое» Всероссийское общество охраны природы «настоящим, вполне легальным и достаточно массовым общественным организациям», например, студенческим дружинам охраны природы, которые стали появляться в молодежной

среде начиная с 1960-х гг. и к середине 1980-х гг. насчитывали 5 тыс. активистов. Однако «инициативные, самоуправляемые, абсолютно добровольные, питаемые энергией своих членов...» [38] дружины не могли появиться без опоры на существовавшие региональные общества охраны природы, имевшие официальный статус, полномочия и материальные ресурсы. Нельзя считать обоснованными оценки ВООП как «декорации» или «макета общественной организации, лишенного подлинной общественной жизни и лишь прикрывавшего разбазаривание природных богатств» [39]. В условиях ведомственности природопользования процесс принятия экологически значимых решений оставался закрытым для общественности, поэтому радикально изменить ситуацию в конкретно-исторических условиях советской системы при всем желании она не могла. Сравнение ВООП с западными экологическими организациями, так же как и с российскими эконоО, 1990-х представляется некорректным хотя бы потому, что их методы – пикеты, гражданское неповиновение, акции прямого действия, судебные иски – в советской реальности были неприменимы. Следует признать, что эффективность природоохранной деятельности такой мощной организации, как ВООП, могла бы быть более значительной, однако вследствие отсутствия доступной и достоверной информации о реальном состоянии окружающей среды, неразвитости демократических структур и несовершенства законодательства, а также таких факторов, как «формализм» и «казенщина», она оставляла желать лучшего. Вплоть до конца 1980-х гг. общественность не осознавала свою роль в осуществлении экологической политики на государственном и региональном уровнях, но опыт общественной природоохранной деятельности предшествующих десятилетий оказал существенное влияние на развитие экологического движения в России постперестроечного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баришпол И.Ф., Ларина В.Г. У природы друзей миллионы. М.: Лесная промышленность, 1984. 159 с.
2. Першиков А.Н. Роль общественных организаций Западной Сибири в решении экологических проблем. 1950–1960-е гг. // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 230–234.
3. Макаева Е.Д. Общественные организации экологической направленности г. Самары (Куйбышева) 1920-х – первой половины 1980-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3 (2). С. 468–472.
4. Корчемкина Е.Е. К вопросу о становлении региональных отделений всероссийского общества охраны природы в 50-е гг. XX в. (на материалах Республики Адыгея) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2014. № 3 (144). С. 81–86.
5. ГКУО «Государственный архив Кемеровской области». Ф. Р-175: Кемеровский областной Совет Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Оп. 1.
6. Зайцев А. Если весь миллион... // Кузбасс. 1973. 5 июня. С. 3.
7. Зайцев А. Заминка перед барьером // Кузбасс. 1976. 22 янв. С. 3.
8. Юров Г. Леса и воды родного края // Кузбасс. 1979. 15 мая. С. 4.
9. Глуздаков С. Добро смолоду // Советская Сибирь. 1979. С. 4.
10. Глуздаков С. Азбука природолюбив // Советская Сибирь. 1981. 21 окт. С. 4.
11. Реймерс Ф. Природа под охраной закона // Советская Сибирь. 1980. 8 авг. С. 4.
12. Теория и практика природопользования. Тезисы докладов секции к научно-практической конференции «Проблемы регионального природопользования и охраны окружающей среды в Алтайском крае в свете решений XXVI съезда КПСС». Барнаул, 1983. С. 83–85.
13. Глуздаков С. Зеленые сокровища озер // Советская Сибирь. 1981. 19 июля. С. 4.
14. ГКУНО «Государственный архив Новосибирской области». Ф. Р-1817 Новосибирский областной совет Всероссийского общества охраны природы. Оп. 1.
15. Абросимова Р. На пленуме областного совета ВООП // Советская Сибирь. 1972. 29 нояб. С. 4.
16. Гришнев П.П. Природные богатства – достояние народа // Советская Сибирь. 1973. 6 мар. С. 4.
17. Абросимова Р. Беречь и приумножать богатства Сибири // Советская Сибирь. 1972. 26 июля. С. 4.
18. Большой совет природолюбив // Советская Сибирь. 1978. 18 апр. С. 4.
19. ГКУНО «Государственный архив Новосибирской области». Ф. Р-1020: Новосибирский областной Совет народных депутатов. Оп. 1.
20. Глуздаков С. Народный университет «Природа» // Советская Сибирь. 1983. 13 июля. С. 4.

21. Природа Томской области и ее охрана. Томск, 1960. Вып. 1.
22. IV съезд ВООП. Материалы съезда. М., 1966.
23. ОГКУ «Государственный архив Томской области». Ф. Р-829: Томский областной совет народных депутатов. Оп. 1.
24. С мешком за браконьерами // Красное знамя. 1972. 28 мая.
25. БУОО «Исторический архив Омской области». Ф. 9588: Омский областной совет Всероссийского общества охраны природы. Оп. 1.
26. Кудрявцева Р.П. Юные друзья природы // Родная природа. Альманах. Барнаул, 1974.
27. Глебова К. С любовью к природе // Звезда Алтая. 1983. 10 фев. С. 3.
28. Звезда Алтая. 1983. 21 апр. С. 4.
29. Юдин Б., Шпунт А. Заповедник необходим // Звезда Алтая. 1983. 29 июня. С. 4.
30. КГКУ «Государственный архив Алтайского края». Ф. Р-1252: Алтайская краевая организация Всероссийского общества охраны природы.
31. Малолетко А.М. От охраны к управлению природой // Родная природа. Барнаул, 1979. С. 33–39.
32. Гнатченко И.П. Малым рекам – чистоту и полноводность // Родная природа. Альманах. Барнаул, 1978.
33. Дранников Р.Л. Дела и планы краевой организации общества охраны природы // Родная природа. Альманах. Барнаул, 1981.
34. Крюков А.М. Основные направления деятельности Алтайского общества охраны природы // Теория и практика природопользования. Барнаул, 1983.
35. ГБУТО «Государственный архив Тюменской области». Ф. Р-814. Тюменский областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 5264.
36. Михайлов В. Зовут речки и озера // Кузбасс. 1979. 1 июня. С. 4.
37. Положение об общественной инспекции охраны природы в Омской области. Утв. решением Омского областного Совета народных депутатов от 31.03.1983 № 93. Омск, 1983. 14 с.
38. Жуков Б. Рассвоение (Типология экологических организаций). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/rassvoenie-tipologiya-ekologicheskikh-organizatsiy> (дата обращения: 21.09.2017).
39. Борейко В.Е. Белые пятна истории природоохраны. СССР, Россия, Украина. Сер. «История охраны природы». Киев, 1996. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

ACTIVITIES OF THE REGIONAL BRANCHES OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE CONSERVATION OF NATURE IN WESTERN SIBERIA (1960 – THE FIRST HALF OF THE 1980S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 182–192.

DOI: 10.17223/15617793/432/24

Anna V. Shmygleva, Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: alisa-umka@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; All-Russian Society for the Conservation of Nature; public environmental protection; environmental policies; environmental policy history.

The article considers the activities of the oldest and largest public environmental organization in the USSR – the All-Russian Society for Nature Conservation (VOOP), which played a determining role in solving environmental problems in the second half of the 20th century. The aim of this work is to analyze the forms and methods of work of the environmental community as one of the actors of environmental policy. On the basis of the analysis of publications in the periodical press and a significant array of documents from the regional archives of Western Siberia, the main forms and methods of work of the VOOP regional councils in Altai Krai, Omsk, Tomsk, Kemerovo, Novosibirsk, Tyumen regions in the period following the adoption of the Law on Nature Protection and before perestroika are considered. The author analyzes publications in the periodical press and documents from archives, the most important of which are resolutions and decisions of superior bodies, plans and reports, estimates, orders, section materials, etc. They reflect the actual environmental problems of the regions, the dynamics of the number of primary organizations, the number of members, the amount of funds received and spent, information on the planned and conducted events, the awards of the most active members of the organization, and so on. The extensive factual material of Western Siberia allows a conclusion to be drawn that the scale of the activities of the regional branches of the society differed, and the degree of success of this activity at the local level, as a rule, depended on the personal factor. The local organizations of the society relied on the executive committees of the city and district Soviets of People's Deputies of the working people. The presidiums of the city and district councils of VOOP were headed by deputy chairmen of the executive committees, which allowed the public organization to influence nature users and involve them in their activities. In the beginning of the 1960s, the activities of the regional VOOP became more evident than in the previous period. It happened due to the adoption in 1960 of the Law on Nature Protection and the worsening of the ecological systems in Western Siberia. At that time VOOP focused on such problems as ecological well-being of small rivers, lands, forests, atmospheric air. Comparison of VOOP with Western environmental organizations, as well as with Russian eco-NPOs of the 1990s, seems incorrect – their methods in the Soviet reality were not applicable. The effectiveness of VOOP nature conservation activities could be more significant: it left much to be desired. Up to the end of the 1980s, the public was not aware of its role in the implementation of environmental policy at the state and regional levels, but the experience of public environmental activities of the previous decades had a significant impact on the development of the environmental movement in Russia after the perestroika period.

REFERENCES

1. Barishpol, I.F. & Larina, V.G. (1984) *U prirody druzey milliony* [The nature has millions of friends]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.
2. Pershikov, A.N. (2012) Rol' obshchestvennykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri v reshenii ekologicheskikh problem. 1950–1960-e gg. [The role of public organizations in Western Siberia in solving environmental problems. 1950s–1960s]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 321(6). pp. 230–234.
3. Makeeva, E.D. (2014) Obshchestvennye organizatsii ekologicheskoy napravlenosti g. Samary (Kuybysheva) 1920-kh – pervoy poloviny 1980-kh gg. [Public organizations of ecological orientation of Samara (Kuibyshev) of the 1920s – the first half of the 1980s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 16:3(2). pp. 468–472.
4. Korchemkina, E.E. (2014) K voprosu o stanovlenii regional'nykh otdeleniy vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody v 50-e gg. XX v. (na materialakh Respubliki Adygeya) [On the issue of the establishment of regional branches of the All-Russian Society for the Conservation of Nature in the 1950s (on the materials of the Republic of Adygea)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1 – Bulletin of the Adyge State University. Series 1*. 3 (144). pp. 81–86.
5. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-175 *Kemerovskiy oblastnoy Sovet Tsentral'nogo Soveta Vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody (VOOP)* [Kemerovo Regional Council of the Central Council of the All-Russian Society for the Conservation of Nature]. List 1.

6. Zaytsev, A. (1973) Esli ves' million... [If the whole million...]. *Kuzbass*. 5 June. pp. 3.
7. Zaytsev, A. (1976) Zaminka pered bar'erom [A hitch before the barrier]. *Kuzbass*. 22 January. pp. 3.
8. Yurov, G. (1979) Lesa i vody rodnogo kraia [Forests and waters of the native land]. *Kuzbass*. 15 May. pp. 4.
9. Gluzdakov, S. (1979) Dobro smolodu [Good from the young years]. *Sovetskaya Sibir'*. pp. 4.
10. Gluzdakov, S. (1981) Azbuka prirodolyubov [The ABC of naturalists]. *Sovetskaya Sibir'*. 21 October. pp. 4.
11. Reymers, F. (1980) Priroda pod okhranoy zakona [Nature under the protection of the law]. *Sovetskaya Sibir'*. 8 August. pp. 4.
12. Burlakova, L.M. (ed.) (1983) *Teoriya i praktika prirodopol'zovaniya. Tezisy dokladov sekcii k nauchno-prakticheskoy konferentsii "Problemy regional'nogo prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy v Altayskom krae v svete resheniy XXVI s"ezda KPSS"* [Theory and practice of nature management. Abstracts of the reports of the section of the conference "Problems of regional nature management and environmental protection in Altai Krai in the light of the decisions of the 26th CPSU Congress"]. Barnaul: [s.n.]. pp. 83–85.
13. Gluzdakov, S. (1981) Zelenye sokrovishcha ozer [Green treasures of lakes]. *Sovetskaya Sibir'*. 19 July. pp. 4.
14. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund R-1817 *Novosibirskiy oblastnoy sovet Vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody* [Novosibirsk Regional Council of the All-Russian Society for the Conservation of Nature]. List 1.
15. Abrosimova, R. (1972) Na plenumе oblastnogo soveta VOOP [At the plenum of the regional council of VOOP]. *Sovetskaya Sibir'*. 29 November. pp. 4.
16. Grishnyaev, P.P. (1973) Prirodnye bogatstva – dostoyanie naroda [Natural wealth is the property of the people]. *Sovetskaya Sibir'*. 6 March. pp. 4.
17. Abrosimova, R. (1972) Berech' i preumnozhat' bogatstva Sibiri [To protect and multiply the riches of Siberia]. *Sovetskaya Sibir'*. 26 July. pp. 4.
18. *Sovetskaya Sibir'*. (1978) Bol'shoy sovet prirodolyubov [The Great Council of Naturalists]. *Sovetskaya Sibir'*. 18 April. pp. 4.
19. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund R-1020 *Novosibirskiy oblastnoy Sovet narodnykh deputatov* [Novosibirsk Regional Council of People's Deputies]. List 1.
20. Gluzdakov, S. (1983) Narodnyy universitet "Priroda" [People's University "Nature"]. *Sovetskaya Sibir'*. 13 July. pp. 4.
21. Laptev, I.P. et al. (eds) (1960) *Priroda Tomskoy oblasti i ee okhrana* [The nature of Tomsk Oblast and its protection]. Is. 1. Tomsk: Tomsk State University.
22. VOOP. (1966) *IV s"ezd VOOP. Materialy s"ezda* [IV Congress of VOOP. Materials of the Congress]. Moscow: [s.n.].
23. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-829 *Tomskiy oblastnoy sovet narodnykh deputatov* [Tomsk Regional Council of People's Deputies]. List 1.
24. Krasnoe znamya. (1972) S meshkom za brakon'erami [With a bag after poachers]. *Krasnoe znamya*. 28 May.
25. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 9588 *Omskiy oblastnoy sovet Vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody* [Omsk Regional Council of the All-Russian Society for the Conservation of Nature]. List 1.
26. Kudryavtseva, R.P. (1974) Yunye druz'ya prirody [Young friends of nature]. In: Kondratyuk, M.I. (ed.) *Rodnaya priroda. Al'manakh* [Native nature. Almanac]. Barnaul: Altayskoe kn. izdatel'stvo.
27. Glebova, K. (1983) S lyubov'yu k prirode [With love to nature]. *Zvezda Altaya*. 10 February. pp. 3.
28. *Zvezda Altaya*. (1983) 21 April. pp. 4.
29. Yudin, B. & Shpunt, A. (1983) Zapovednik neobkhodim [A reserve is needed]. *Zvezda Altaya*. 29 June. pp. 4.
30. State Archive of Altai Krai. Fund R-1252 *Altayskaya kraevaya organizatsiya Vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody* [Altai Territorial Organization of the All-Russian Society for the Conservation of Nature].
31. Maloletko, A.M. (1979) Ot okhrany k upravleniyu prirodoy [From protection to nature management]. In: Kondratyuk, M.I. (ed.) *Rodnaya priroda. Al'manakh* [Native nature. Almanac]. Barnaul: Altayskoe kn. izdatel'stvo.
32. Gnatchenko, I.P. (1978) Malym rekam – chistotu i polnovodnost' [Purity and fullness to small rivers]. In: Kondratyuk, M.I. (ed.) *Rodnaya priroda. Al'manakh* [Native nature. Almanac]. Barnaul: Altayskoe kn. izdatel'stvo.
33. Drannikov, R.L. (1981) Dela i plany kraevoy organizatsii obshchestva okhrany prirody [Affairs and plans of the regional organization of the Society for the Conservation of Nature]. In: Kondratyuk, M.I. (ed.) *Rodnaya priroda. Al'manakh* [Native nature. Almanac]. Barnaul: Altayskoe kn. izdatel'stvo.
34. Kryukov, A.M. (1983) *Osnovnye napravleniya deyatelnosti Altayskogo obshchestva okhrany prirody* [The main activities of the Altai Nature Conservation Society]. In: Burlakova, L.M. (ed.) (1983) *Teoriya i praktika prirodopol'zovaniya. Tezisy dokladov sekcii k nauchno-prakticheskoy konferentsii "Problemy regional'nogo prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy v Altayskom krae v svete resheniy XXVI s"ezda KPSS"* [Theory and practice of nature management. Abstracts of the reports of the section of the conference "Problems of regional nature management and environmental protection in Altai Krai in the light of the decisions of the 26th CPSU Congress"]. Barnaul: [s.n.].
35. State Archive of Tyumen Oblast. Fund R-814. *Tyumenskiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet Soveta deputatov trud'yashchikhsya* [Tyumen Regional Executive Committee of the Council of Working People's Deputies]. List 1. File 5264.
36. Mikhaylov, V. (1979) Zovut rechki i ozera [Rivers and lakes are calling]. *Kuzbass*. 1 June. pp. 4.
37. Omsk Regional Council of People's Deputies. (1983) *Polozhenie ob obshchestvennoy inspekcii okhrany prirody v Omskoy oblasti. Utv. resheniem Omskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 31.03.1983 № 93* [Regulations on the public inspection of nature protection in Omsk Oblast. Approved by decision No 93 of the Omsk Regional Council of People's Deputies of March 31, 1983]. Omsk: [s.n.].
38. Zhukov, B. (2005) *Rassvoenie (Tipologiya ekologicheskikh organizatsiy)* [Un-development (Typology of Environmental Organizations)]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/rassvoenie-tipologiya-ekologicheskikh-organizatsiy>. (Accessed: 21.09.2017).
39. Boreyko, V.E. (1996) *Belye pyatna istorii prirodookhrany. SSSR, Rossiya, Ukraina* [White spots of the nature conservation history. USSR, Russia, Ukraine]. Kiev: Izd. KEKTS i TsODP.

Received: 20 February 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.016:006

Р.Р. Закиева

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Рассматривается задача педагогической целесообразности использования метода экспресс-тестирования в профессиональной подготовке студентов технических вузов. Установлено, что особую значимость приобретает разработка педагогического инструментария, позволяющего оперативно, объективно и эффективно осуществлять непрерывный и всеохватывающий контроль процесса и результатов обучения студентов технических вузов. Разработана модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом экспресс-тестирования, включающая теоретико-целевой, структурно-содержательный, процессуально-технологический, дидактический и оценочно-результативный блоки. Выявлены аппаратные требования и разработано программное обеспечение для проведения экспресс-тестирования средством «службы коротких сообщений».

Ключевые слова: тестирование; экспресс-тестирование; качество профессионального образования.

Введение

На сегодняшний день накоплен определенный опыт использования педагогического тестирования в образовательном процессе вузов. В работах ряда ученых (М.К. Акимовой, И.П. Волкова, Е.В. Добреньковой и других) отмечается, что тестирование как метод проверки знаний по сравнению с другими средствами контроля обладает такими преимуществами, как универсальный охват всех стадий процесса обучения; возможность его использования не только для контроля знаний, умений и навыков, но и для повышения качества профессиональной подготовки студентов в целом; высокая степень объективности и, как следствие, позитивное стимулирующее воздействие на учебную деятельность обучающихся.

Цель исследования – разработать научно-методическое обеспечение экспресс-тестирования как одного из методов оперативной оценки качества профессиональной подготовки студентов технических вузов. Объект исследования – тестирование в профессиональной подготовке студентов технических вузов. Предмет исследования – экспресс-тестирование как один из методов оперативной оценки качества профессиональной подготовки студентов технических вузов.

Модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом экспресс-тестирования. Теоретической основой для разработки данной модели стали научные подходы, представленные в работах Г.В. Темникова, С.С. Темниковой, И.С. Иванова, Т.А. Зотовой, А.И. Ахулковой, В.П. Беспалько, В.А. Сластёнина и др.

Мы использовали понятие модели, данное в педагогическом словаре под редакцией Г.М. Коджаспировой и А.Ю. Коджаспирова, как систему объектов или знаков, воспроизводящую некоторые существенные свойства оригинала, способную замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте [1. С. 75]. По нашему мнению, моделирование, являясь основой педагогического проектирования и одним из ряда взаимосвязанных этапов, предполагает разработку представленной модели как обобщенной идеи, образца и направлено на практическое применение.

В результате проведенного анализа была разработана модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом экспресс-тестирования.

Структура данной модели представлена следующими взаимосвязанными блоками: теоретико-целевым, структурно-содержательным, процессуально-технологическим, дидактическим и оценочно-результативным. Рассмотрим данные блоки более подробно.

От теоретико-целевого компонента зависит результативность всего дальнейшего процесса обучения, а также эффективный контроль профессиональной подготовки обучающихся. Предназначение данного компонента заключается в целеполагании каждого этапа обучения. В данном тексте под результативностью понимается степень соответствия достижения студентами целей, которые должны быть сформированы у будущих специалистов в области электроники и нанoeлектроники.

Разработанная нами модель основана на главной целевой установке – повышении эффективности оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов.

Особое место в теоретико-целевом блоке обоснования модели экспресс-тестирования в профессиональной подготовке студентов технических вузов (на примере направления подготовки «Электроника и нанoeлектроника») занимает категория «принципы». Принципы определяют основные подходы, позволяющие управлять соответствующими процессами по определенным канонам [2. С. 441].

Теоретический анализ проблем и результатов опытно-экспериментальной работы, на которой базируется данное исследование, позволяет выделить следующие подходы и принципы оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов:

1. Личностно-ориентированный подход подразумевает профессиональное развитие личности выпускника технического вуза. Он обусловлен ориентацией на субъектность студента, которая определяет направление его личностного развития и помогает

самостоятельно приобретать знания, умения, применять их на практике. Основываясь на личностно-ориентированном подходе оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов, в ходе нашего исследования мы выделили научные принципы персонификации и личностного развития. Принцип персонификации предполагает определение индивидуальной траектории в обучении каждого обучающегося, выделение специальных задач, соответствующих его индивидуальным особенностям. Принцип личностного развития заключается в необходимости выявлять и учитывать конкретные личностные особенности студентов [3. С. 80].

2. Деятельностный подход подразумевает выполнение образовательной функции направленной на формирование знаний, умений и навыков, а также обобщенных способов умственных и практических действий. В составе деятельностного подхода оценки профессиональной подготовки студентов мы выделяем принцип профессиональной направленности обучения, который реализуется в отборе материала для занятий, в обучении приемам и методам преподавания, без которых педагогическая деятельность не может быть достаточно эффективной, а также в координации разных дисциплин с учетом будущей профессиональной деятельности обучающихся. И принцип практико-ориентированности, сущность которого заключается в построении учебного процесса на основе приобретения новых знаний и формировании практического опыта их использования [4. С. 142].

3. Последний Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) третьего поколения направлен на формирование компетенций, основанных на оптимальном соотношении теоретических знаний, умений, способностей, профессионально значимых и личностных качеств, обеспечивающих эффективную подготовку специалиста. Принципы компетентностного подхода, включенные нами в комплексную модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технического вуза, состоят в непрерывности проверки знаний и вариативности. Принцип непрерывности означает преемственность между всеми ступенями обучения на уровне методологии, содержания и методики [5. С. 56]. Принцип вариативности заключается в способности преподавателя использовать не только различные формы и методы, но и практиковать различные задания, как групповые, так и индивидуальные [6. С. 108].

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования область профессиональной деятельности выпускников по направлению подготовки «Электроника и нанoeлектроника» включает в себя совокупность средств, способов и методов человеческой деятельности, направленной на теоретическое и экспериментальное исследование, математическое и компьютерное моделирование, проектирование, конструирование, технологию производства и эксплуатацию материалов, компонентов, электронных приборов, устройств, установок вакуумной, плазменной, твердотельной, микроволновой, оптической, микро- и нанoeлектроники различного функционального назначения [7. С. 12].

Основная образовательная программа подготовки бакалавра предусматривает изучение следующих блоков:

Блок 1. Дисциплины (гуманитарный, социальный и экономический цикл; математический и естествен-нонаучный цикл; профессиональный цикл).

Блок 2. Практики.

Блок 3. Государственная итоговая аттестация.

В данной работе мы рассматривали только профессиональный цикл. Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную) часть, устанавливаемую вузом [8. С. 37]. Вариативная (профильная) часть дает возможность расширения или углубления знаний, умений и навыков, определяемых содержанием базовых дисциплин, позволяет студенту продолжить образование на следующем уровне высшего образования для получения квалификации (степени) магистра в соответствии с полученным профилем, получить углубленные знания и навыки для успешной профессиональной деятельности [9. С. 105].

В ФГОС в соответствии с Законом РФ «Об образовании» используется термин «компетентность» как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области [10. С. 112].

Анализ современной психологической и педагогической литературы показывает, что термин «компетенция» может использоваться как синоним знаний, умений, навыков. Этот термин может трактоваться и как более широкое по отношению к знаниям и умениям понятие, если подразумевается собственно компетентность. Таким образом, говоря о компетентностном подходе, нужно иметь в виду следующее:

– компетентность понимается как личностное свойство, основывающееся на знаниях, как личностно и интеллектуально обусловленное проявление социально-профессиональной жизнедеятельности человека в его поведении;

– компетенция рассматривается как совокупность знаний, правил оперирования ими и правил их использования.

Конкретные виды профессиональной деятельности, к которым в основном готовится выпускник, должны определять содержание его образовательной программы, разрабатываемой высшим учебным заведением с участием заинтересованных работодателей. Они достаточно полно раскрыты в ФГОС высшего образования по направлению подготовки «Электроника и нанoeлектроника» и включают в себя такие виды деятельности, как:

- 1) проектно-конструкторская;
- 2) производственно-технологическая;
- 3) научно-исследовательская;
- 4) организационно-управленческая;
- 5) монтажно-наладочная;
- 6) сервисно-эксплуатационная.

Важным условием успешного формирования профессиональной подготовки студентов технических вузов является комплексное применение интерактивных технологий, методов и средств, которые позволят так организовывать образовательный процесс, чтобы

он способствовал формированию личности обучающегося. Данные средства обучения составляют процессуально-технический блок модели.

Оценка профессиональной подготовки студентов технического вуза осуществляется под влиянием всех компонентов образовательного процесса как единого целого.

При апробации спецкурсов «Микроэлектроника» и «Информационно-измерительная техника и электроника» в качестве основного метода выступило экспресс-тестирование средством «службы коротких сообщений». Выбор данного метода и средства не случаен, поскольку они способствуют высокой степени включенности студентов в процесс обучения, совпадению познавательных интересов преподавателя и студентов, наличию обратных связей в процессе обучения, мотивации обучения, повышенной эмоциональности студентов.

Безусловно, оценка профессиональной подготовки студентов обеспечивается не отдельно взятыми методами и средствами, а их продуманной, взаимосвязанной системой. Реализация данного метода и средства обучения в единстве способствует комплексной разработке научно-методического сопровождения оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов.

В настоящее время в связи с развитием методов компьютерного обучения и автоматизации процедур оценки полученных знаний и навыков быстро развивается область автоматизированного контроля знаний обучающихся, реализуемая на основе разработки новых компьютерных тестов.

В качестве средств оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом тестирования мы использовали: специальные устройства для контроля знаний, демонстрационные средства в виде графических изображений на экране компьютера, стандартные бумажные бланки и экспресс-тестирование «служба коротких сообщений».

Известен способ оценки знаний группы обучаемых по результатам их опроса, включающий использование демонстрационных средств (Патент РФ № 2060559, М.Кл. – G 09 В 3/00, опубл. 1996). Однако в данном известном способе опрос обучаемых выполняют с использованием специального устройства для контроля знаний. При этом помимо того, что необходимы материальные средства для приобретения такого устройства, следует отметить его низкую производительность, поскольку опрос с помощью такого устройства ведется индивидуально для каждого опрашиваемого. Мгновенный опрос большого контингента студентов с помощью такого средства невозможен.

Известен также способ оценки знаний группы обучаемых по результатам их опроса, включающий использование демонстрационных средств в виде графических изображений на экране компьютера (патент РФ № 2110846, М.Кл. – G 09 В 19/06, опубл. 1998). Однако данный способ предусматривает возможность опроса только одного обучающегося на одном компьютере.

Известно также средство на основе «стандартных бумажных бланков» (патент РФ № 136215, М.Кл. –

G 09 В 13/15, опубл. 2013). Ответы тестируемые заносят в стандартные бумажные бланки, причем под правильные варианты ответов на бумажном бланке рядом с номерами вопросов выделены несколько белых полей, обозначенных цифрами номера правильного ответа. Для маркировки десятков из номера тестируемого на бумажном бланке выделены десять белых полей, обозначенных цифрами от 0 до 9, десять белых полей для маркировки единиц из номера тестируемого обозначены цифрами от 0 до 9. Правильные варианты ответов и номер тестируемого отмечаются путем закрашивания соответствующих белых полей. Правильные варианты ответов на вопросы с учетом номеров вопросов и номер тестируемого в общем списке тестируемых автоматически считываются оптическим методом, например веб-камерой.

Недостаток указанного средства тестирования заключается в том, что всем тестируемым предъявляется одинаковый набор вопросов, осложнена процедура простановки графических меток, затруднителен мгновенный опрос большой аудитории, невозможно в автоматическом режиме сохранять, накапливать данные, формировать отчеты и компоновать статистические показатели.

Таким образом, предлагаемый нами способ экспресс-тестирования на основе средства «служба коротких сообщений» имеет значительные преимущества за счет автоматизированного подсчета результатов тестирования, применения в тестировании различных вопросов, имеющих большое число вариантов ответов, а также возможности сохранять, накапливать данные, формировать отчеты и обрабатывать статистические показатели.

Разработанная нами программа для экспресс-тестирования «Instant testing for training», защищенная свидетельством о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011617140 от 13.09.2011 г., предназначена для проведения экспресс-тестирования и повышения оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов.

Аппаратно-программный комплекс состоит из аппаратного и программного обеспечения.

Результатом внедрения модели оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом экспресс-тестирования становится оперативная и объективная оценка усвоения учебного материала.

Представленная нами модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов методом экспресс-тестирования позволяет быстро реагировать не только на изменения, происходящие в обществе, но и на требования, предъявляемые обществом к уровню подготовки специалистов.

Таким образом, моделирование профессиональной подготовки студентов технических вузов (на примере направления подготовки «Электроника и нанoeлектроника») представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов, а именно: постановка общих целей и их максимальное уточнение в соответствии с требуемым содержанием; формулирование целей с ориентацией на достижение прогнозируемых и планируемых результатов; организация хода учебного процесса; оценка текущих ре-

зультатов и, при необходимости, поправка, коррекция учебного процесса, направленные на гарантированное достижение поставленных целей. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что модель оперативной оценки профессиональной подготовки студентов технических вузов представляет собой целостную дидактическую систему.

Технология экспресс-тестирования. Информатизация в современном мире является одним из важнейших направлений образования. Современные достижения в области вычислительной техники оказывают сильное влияние на сферу образовательной деятельности и способствуют появлению новых методик, технологий и средств обучения [11. С. 151]. Одной из наиболее важных задач, стоящих перед российской системой образования, является обеспечение доступности и качества образовательного процесса, итогом которого должно быть формирование конкурентоспособного выпускника. Данная цель не может быть достигнута без широкого внедрения, без опоры на современные информационные технологии в образовании. Оценка профессиональной подготовки студентов методом экспресс-тестирования построена на основе новых информационных технологий, способствующих получению моментальной обратной связи преподавателя и обучающегося.

Современный этап развития системы высшего образования диктует новые требования к процессу обучения в целом и к контролю знаний обучающихся в частности. С помощью экспресс-тестирования можно одновременно протестировать не только всю учебную группу и учебный поток, но и курс, имея всего лишь только один компьютер. При этом преподаватель имеет возможность управлять процессом обучения, а также реализовывать свои авторские идеи, совершенствоваться профессионально. Программное обеспечение дает возможность не только быстро протестировать студентов и получить результаты мгновенно, но и в режиме реального времени обрабатывает, сохраняет и выводит на экран оценочные результаты. Детальные отчеты помогают преподавателю анализировать ответы учащихся и наиболее полно и объективно оценить уровень их знаний.

Обратим внимание на особенности организации экспресс-тестирования. Практически у каждого студента есть сотовый телефон. Следовательно, каждый респондент имеет свой собственный оригинальный номер телефона. Процесс тестирования проходит по следующему алгоритму:

1. Преподаватель высвечивает на экран список вопросов.

2. Студенты отвечают на те вопросы, цифры которых совпали в его номере телефона с комбинацией, которую задает преподаватель. Комбинацию цифр от теста к тесту преподаватель меняет.

3. Обучающиеся отправляют SMS-сообщение в виде цифр с ответами на номер, который укажет преподаватель.

4. Весь процесс проверки знаний занимает примерно 6 мин (5 мин уходит на ответы студентов, как

правило, это 10 вопросов, и 1 мин – на прием SMS и анализ результатов). Сам процесс проверки ответов студентов занимает 3–5 с, где программа обрабатывает данные и выставляет соответствующие баллы.

5. Преподаватель выводит на экран результаты экспресс-тестирования.

6. Программа автоматически производит накопление данных, формирование отчетов и статистических показателей.

Детальные отчеты, полученные по завершению тестирования, помогают преподавателю анализировать ответы учащихся в режиме реального времени и наиболее полно и объективно оценить уровень их знаний, а также сопоставить данные по активности, уровню знаний и мотивации.

Аппаратно-программный комплекс для проведения экспресс-тестирования средством «службы коротких сообщений». Для решения научных задач, поставленных в данной работе, мы рассматривали различные программные продукты. Наиболее удачным, отвечающим нашим требованиям является программное обеспечение, создано в среде LabVIEW, так как в основу её управления заложена программа, которая обладает следующими преимуществами:

- способна взаимодействовать с аппаратной частью;
- позволяет работать с базовыми знаниями программирования;
- интуитивно понятна для неспециалиста в программировании;
- позволяет легко модифицировать часть программы, т.е. быть наглядной и логически прозрачной;
- может взаимодействовать не только со специальным оборудованием, но и с оборудованием, предназначенным для работы по стандартным каналам связи.

В результате нами создан программный комплекс, имеющий интуитивно понятный интерфейс и высокую степень автоматизации обработки экспериментальных данных.

Разработанная нами программа для экспресс-тестирования «Instant testing for training», созданная в среде графического программирования LabVIEW (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011617140 от 13.09.2011 г.), предназначена для проведения экспресс-тестирования и повышения оценки профессиональной подготовки студентов вуза [12. С. 273].

Данная программа обладает такими свойствами, как:

- автоматизация тестирования;
- высокая скорость выполнения функции;
- объективность результатов;
- достоверность результатов;
- сохранение, накопление данных, формирование отчетов и статистических показателей.

Разработанный нами аппаратно-программный комплекс состоит: из аппаратных требований (серверное оборудование, устройство для модуляции и демодуляции сигналов в системах автоматической передачи данных, проекционная установка,

мобильные телефоны студентов) и программного обеспечения (графическая среда разработки LabVIEW программного обеспечения National Instruments, операционная система Microsoft Windows). Для формирования банков тестовых заданий также создано дополнительное приложение, которое конвертирует базы данных из других программ в данную программу (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014661151 от 24.10.2014 г.).

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что, во-первых, по характеристикам, предъявляемым для аппаратных требований и программных обеспечений воплощения метода экспресс-тестирования средством «службы коротких сообщений», ни одно из перечисленных устройств и систем не требует дополнительных приложений и дополнительных характеристик. Во-вторых, в основе управления процедурой экспресс-тестирования заложена программа, которая способна взаимодействовать с аппаратными средствами, позволяет работать с элементарными знаниями программирования, интуитивно ясна для неспециалиста в программировании и позволяет легко модифицировать части программы,

т.е. является очевидной и логически прозрачной. В-третьих, аппаратная часть комплекса интегрирована с современными информационными системами, которые имеют широкий спектр диапазонов и каналов измерения, а также определенный набор управляющих и измерительных приборов.

Технология экспресс-тестирования является открытой, способной к развитию. Аппаратно-программный комплекс данного метода может обновляться в зависимости от потребностей общества и индустрии. Потенциальными потребителями могут быть не только технические вузы, но и гуманитарные, а также средние учебные заведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование информационных технологий, к которому и относятся предлагаемый нами метод экспресс-тестирования средством «службы коротких сообщений», и аппаратно-программный комплекс для проведения экспресс-тестирования средством «службы коротких сообщений» позволяют преподавателю общаться со студентами на современном технологическом уровне, делать учебный процесс более привлекательным, эмоциональным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2000. 167 с.
2. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 863 с.
3. Запесоцкий А.С. Методологические и технологические основы образовательной деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2007. 448 с.
4. Залкина Н.П. Формирование педагогической компетентности преподавателей и мастеров начального профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук. Тверь, 2010. 161 с.
5. Краевский В.В. Место методологии в подготовке научно-педагогических кадров // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 56–64.
6. Зеленецкая Т.О. Формировании компетентностей: Размышления над книгой // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 108–111.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «Электроника и нанoeлектроника» от 12 марта 2015 г. № 2182015. 29 с.
8. Галицков С.Я., Михелькевич В.Н. Проектирование: технология обучения. Самара, 2014. 104 с.
9. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев, 1994. 288 с.
10. Томилин О.Б., Бритов А.В., Демкина С.И. Образовательные технологии формирования компетенций в системе высшего профессионального образования // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1. С. 112–123.
11. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 050706 (031000) – Педагогика и психология; 050701 (033400) – Педагогика. М. : Академия, 2007. 260 с.
12. Закиева Р.Р. Оценка качества подготовки студентов технических вузов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1 (34). С. 273–278.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 марта 2018 г.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASIS FOR IMPROVING THE QUALITY OF VOCATIONAL TRAINING FOR STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 193–198.

DOI: 10.17223/15617793/432/25

Rafina R. Zakieva, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Rafina@bk.ru

Keywords: testing; rapid testing; quality of professional education.

The problem of the pedagogical expediency of using the method of rapid testing in the vocational training of students of technical universities is considered. It is argued that the method of rapid testing by means of “short message service” is the process of assessing the professional training of students of technical universities with minimal time, in an automated mode, with individual or group processing of results. This method provides systematic control and objective assessment of the quality of student preparation throughout the whole learning process using individual mobile communication devices. The features of the organization and the technology of rapid testing are revealed. It was also found that the development of pedagogical tools makes it possible to carry out a continuous and comprehensive monitoring of the process and results of training of students at technical universities promptly, objectively and effectively. The model of rapid assessment of the vocational training of students of technical universities by the method of rapid testing, including the theoretical-objective, structural-content, process-technological, didactic and evaluative-productive blocks, showed its effectiveness as an integral didactic system in the course of experimental verification. The main objective is to increase the efficiency of assessing the professional training of students in technical universities, and the result is an operational assessment of the students’ learning of the teaching material. The hardware requirements have been identified and software has been developed for

rapid testing using the “short message service” facility. To automate the learning process, one of the most successful solutions towards the development of universal systems was the technology of virtual devices based on the graphic programming environment of “National Instruments”. The program for rapid testing “Instant Testing for Training” developed by the authors, protected by a certificate of state registration of the computer program No. 2011617140 dated September 13, 2011, is intended for rapid testing by means of “short message service” and increasing the assessment of the vocational training of students of technical universities. To create banks of test tasks, an additional converter application has also been created that converts databases from other programs into this program (certificate of state registration of the computer program No. 2014661151 of October 24, 2014). The technology of rapid testing is open, capable of developing. The hardware and software complex of this method can be updated depending on the needs of society and industry. Potential consumers can be not only technical universities, but also humanitarian ones, as well as secondary schools. Thus, it can be concluded that the use of the rapid test method by the “short message service” means and the hardware and software complex for rapid testing by means of the “short message service” allows the teacher to communicate with students at the modern technological level, to make the learning process more attractive, emotional and efficient.

REFERENCES

1. Kodzhaspirova, G.M. & Kodzhaspirov, A.Yu. (2000) *Pedagogicheskiy slovar' dlya stud. vyssh. i sred. ped. ucheb. zavedeniy* [Pedagogical dictionary for students of higher and vocational pedagogical schools]. Moscow: Akademiya.
2. Prokhorov, A.M. (ed.) (1991) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': v 2 t.* [A big encyclopaedic dictionary: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sov. entsiklopediya.
3. Zapesotskiy, A.S. (2007) *Metodologicheskie i tekhnologicheskie osnovy obrazovatel'noy deyatel'nosti* [Methodological and technological foundations of educational activities]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Zalkina, N.P. (2010) *Formirovanie pedagogicheskoy kompetentnosti prepodavateley i masterov nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Formation of pedagogical competence of teachers and masters of primary vocational education]. Pedagogy Cand. Diss. Tver.
5. Kraevskiy, V.V. (2009) Mesto metodologii v podgotovke nauchno-pedagogicheskikh kadrov [The place of methodology in the preparation of scientific and pedagogical staff]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 4. pp. 56–64.
6. Zelenetskaya, T.O. (2005) Formirovanie kompetentnostey: Razmyshleniya nad knigoy [Formation of competences: Reflections on the book]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 108–111.
7. Federal state educational standard of higher education in the field of preparation “Electronics and Nanoelectronics” from March 12, 2015, no. 2182015. (In Russian).
8. Galitskov, S.Ya. & Mikhel'kevich, V.N. (2014) *Proektirovanie: tekhnologiya obucheniya* [Designing: technology of training]. Samara: ASI Samara State Technical University.
9. Kline, P. (1994) *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov* [A Handbook of Test Construction]. Translated from English. Kiev: PAN Ltd.
10. Tomilin, O.B., Britov, A.V. & Demkina, S.I. (2005) Obrazovatel'nye tekhnologii formirovaniya kompetentsiy v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya [Educational technologies of forming competences in the system of higher vocational education]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 1. pp. 112–123.
11. Polat, E.S. & Bukharkina, M.Yu. (2007) *Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [Modern pedagogical and information technologies in the educational system]. Moscow: Akademiya.
12. Zakieva, R.R. (2016) Otsenka kachestva podgotovki studentov tekhnicheskikh vuzov [Assessment of the quality of preparation of students of technical universities]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa – Business. Education. Law*. 1 (34). pp. 273–278.

Received: 03 March 2018

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НА ОСНОВЕ НАСТАВНИЧЕСТВА В ИНТЕГРИРОВАННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки России № 22.7674.20172017/54.

Представлены характеристики наставничества и супервизии, особенности интегрированного образовательного пространства высшего педагогического и дополнительного образования в подготовке педагогов. Рассматриваются элементы системы педагогического сопровождения подготовки студентов педагогического вуза на основе наставничества, представлен комплекс педагогических условий подготовки будущих учителей, результаты его экспериментальной проверки.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение; наставничество; супервизия; высшее педагогическое образование; дополнительное образование; образовательное пространство.

Профессиональное становление студента педагогического вуза можно рассматривать как один из наиболее значимых этапов его профессиональной жизни, определяющий успешность начала карьерного пути, включения в процесс дальнейшего личностно-профессионального развития в соответствии с меняющейся социально-профессиональной ситуацией. В этой связи интерес ученых и практиков направлен на исследование вопросов профессионального самоопределения; самореализации человека в профессиональной деятельности с учетом его индивидуальных потребностей, способностей, возможностей; его удовлетворенности первыми результатами деятельности на этапе вхождения в профессию; предпосылок для открытости человека новому, формирования исследовательского и творческого отношения к профессии, вопросов саморазвития человека [1, 2]. При этом в данном направлении отмечается нехватка концептуальных исследований, на основе которых стало бы возможным внесение изменений в образовательную практику с целью приведения её в соответствие с современными и перспективными запросами к педагогическому образованию [3].

В контексте данного исследования под профессиональным становлением человека понимается комплексный процесс освоения им профессиональных и социальных ролей, опыта деятельности в условиях активного взаимодействия с окружающей социальной и профессиональной средой. Исходя из этого, на начальном этапе профессионального становления педагога актуально наличие возможностей совершать профессиональные пробные действия при сопровождении наставника из числа представителей профессиональных педагогических сообществ.

Так, в современном высшем педагогическом образовании можно выделить следующие противоречия:

– между возрастающей долей практико-ориентированной подготовки будущих кадров, что обусловлено потребностями реализации развивающего потенциала образовательной деятельности педагогического вуза, и недостаточной системностью в отношении содействия вуза образовательному процессу личностно-профессионального становления будущих педагогов;

– между возрастающей необходимостью проявления активной деятельности студентов педагогического вуза в процессе их подготовки в соответствии с современными условиями образования и профессиональной деятельности и недостаточной разработанностью теоретико-методологического и методикотехнологического обоснования процесса развития готовности будущих педагогов к решению профессиональных задач.

В качестве одного из решений, позволяющих преодолевать обозначенные противоречия, предлагается *система педагогического сопровождения развития готовности студентов педагогического вуза к решению профессиональных задач*, организуемая в интегрированном образовательном пространстве высшего и дополнительного образования, в основе которой лежит механизм деятельностного наставничества, при этом ключевая роль в наставничестве отводится технологии супервизии. В контексте нашего исследования под готовностью студента решать профессиональные задачи понимается его способность осуществлять комплекс профессиональных действий, обеспечивающий самостоятельное проектное решение им профессиональной задачи, актуализированной в конкретной ситуации. Система сопровождения ориентирована на содействие личностно-профессиональному развитию студента педагогического вуза на этапе вхождения в профессию через погружение его в реальную профессиональную деятельность, обеспечивающую студенту возможность освоения соответствующего опыта. При этом важной особенностью системы является предоставление студенту широкого выбора вариантов педагогической деятельности уже на начальном этапе его практической подготовки.

Рассматриваемая система включает в себя следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы, определяющие взаимодействие и направленность совместной деятельности субъектов образовательного процесса:

– *учебно-профессиональные и профессиональные ситуации*, усиливающиеся по уровню сложности в порядке их предъявления;

– *подсистемы деятельностной подготовки – сопровождаемой профессиональной и учебно-профес-*

сиональной деятельности, общей целью которых является развитие готовности студентов педагогического вуза решать профессиональные задачи; каждая из них включает в себя наборы условий и возможностей для реализации активной позиции студента в личностно-профессиональных пробах, осуществляемых при сопровождении наставников (супервизоров);

– *компоненты, обеспечивающие согласованность в реализации функций подсистем сопровождаемой деятельностиной подготовки:*

– *теоретико-мировоззренческий* (задает параметры порядка – ценности и нормы профессиональной картины мира, ее содержательное наполнение);

– *организационно-деятельностный* (создает условия для педагогического сотрудничества и взаимодействия, включения студента как субъекта в профессиональные виды деятельности и ситуации);

– *системно-методический* (определяет формы, методы, средства, технологии, ожидаемые результаты, инструменты и способы реализации возможностей развития студентом собственной профессиональной активности и приобретения желаемого профессионального опыта).

В качестве основного механизма реализации системы педагогического сопровождения развития готовности студентов к решению профессиональных задач и становления будущих педагогов рассматривается наставничество. Этот вид педагогического сопровождения широко используется в системах непрерывного профессионального развития педагога, в том числе при реализации специально разработанных проектов и программ [4, 5]. В современном педагогическом образовании технология наставничества проектируется в практикоориентированных программах как элемент целостного процесса педагогического сопровождения подготовки студентов, осуществление этой технологии предполагается через деятельностный подход. Так, актуальность деятельностного подхода в формировании ядра содержания педагогического образования проявилась в ходе реализации Программы модернизации педагогического образования при создании новых модулей исследовательской магистратуры в Московском педагогическом государственном университете, в которых в качестве единицы содержательной деятельности понималась компетенция [6]. В результате апробации модулей выявилась важность предварительного отбора и профессиональной подготовки так называемых педагогов-супервизоров, которые, являясь работниками школы, обеспечивают педагогическое сопровождение обучающихся по педагогическим программам, в частности магистрантов, в ходе производственной практики. Авторами разработчиками модулей выявлено, что деятельность таких специалистов является ключевым элементом, обеспечивающим эффективность практико-ориентированной подготовки будущих педагогов [7, 8]. Исследуя возможности использования механизма наставничества в высшем педагогическом образовании, С.И. Поздеева рассматривает его как процесс деятельностного сопровождения студентов педагогического вуза наставниками из профессиональной среды с применением технологии супервизии [9], в своих

исследованиях автор дает описание модели наставничества, согласно которой наставничество и супервизия как его основная технология осуществляются в несколько этапов, эффективность которых обеспечивается через действия разных типов наставников в зависимости от образовательного контекста и педагогических задач [10].

В зарубежных научных поисках наставничество рассматривается как интегративное явление, в котором выделяются две основные функции: 1) наставничество как сопровождение овладения студентом умениями и опытом преподавания определенных предметов [11]; 2) наставничество как сопровождение процесса профессионального самоопределения педагога на начальном этапе его карьеры [12, 13]. Зарубежные исследователи выделяют профессионально-знаниевый, организационный и эмоционально-личностный компоненты наставничества, осуществляемого при интеграции начинающих учителей в практику использования современных образовательных технологий [14].

Наставничество в его современном понимании рассматривается исследователями через призму субъект-субъектных отношений, которые реализуются на практике в различных образовательных, профессиональных и социальных аспектах, на формальной и неформальной основах. На основе такого подхода становится возможным уточнение его сущностных характеристик. Так, на основе исследования зарубежных и отечественных источников Е.А. Дудина приводит уточненное определение понятия наставничества, в котором представляет основные характеристики этого вида педагогической деятельности: наставничество – это субъект-субъектные отношения наставника и наставляемого, направленные на развитие личностного потенциала подопечного, осуществляемые в мотивирующей обучающей среде, обеспечиваемые индивидуальной поддержкой и сопровождением наставника, реализуемые в различных образовательных, профессиональных и социальных контекстах, как на формальной, так и на неформальной основах [5]. Реализация такого наставничества, на наш взгляд, становится возможной благодаря *системе педагогического сопровождения личностно-профессиональной подготовки студента педагогического вуза*, рассматриваемой в данном исследовании. При этом важнейшим условием для работы системы является наличие интегрированного образовательного пространства высшего педагогического и дополнительного образования. Рассматриваемая система предполагает воздействие на развитие готовности будущих педагогов к решению профессиональных задач через постепенное усиление и расширение влияния сочетаний средовых факторов, относящихся к трем разным группам. Интеграция влияния этих факторов формирует интегрированное образовательное пространство высшего педагогического и дополнительного образования:

– *факторы профессиональной среды* (обеспечивают возможности для различных профессиональных проб, привлечения к образовательному процессу ведущих специалистов из разных систем образования, участие профессиональных сообществ в образовательном процессе и др.);

– *факторы среды вуза* (организационная культура вуза, научные, методические, материально-технические ресурсы вуза, его кадры, образовательные программы, условия обучения, требования к результатам обучения и другие);

– *внутриличностные факторы* (ценностные ориентации студента, его мотивация к развитию (саморазвитию) в будущей профессиональной деятельности, его личностная активность в освоении опыта в ходе профессиональных проб при прохождении обязательной педагогической практики, при участии в осуществлении дополнительного образования детей вне рамок обязательной образовательной программы вуза).

Так, интегрированное образовательное пространство высшего и дополнительного образования позволяет расширить возможности включения в единую систему педагогического сопровождения участников из числа ведущих представителей различных профессиональных педагогических сообществ. Это позволяет расширить разнообразие предлагаемых студентам вариантов профессиональной деятельности, обеспечить личностное включение студента в построение своей образовательно-профессиональной траектории чрез выбор направлений и способов деятельности. Развивающий потенциал образовательной деятельности вуза проявляется в этом пространстве в качестве применения ресурсов и достижений вуза в обеспечении процесса развития готовности будущих педагогов к решению профессиональных задач, а также в подготовке, переподготовке и повышении квалификации работающих педагогов в сфере наставнической и супервизорской деятельности. Рассматриваемое пространство обеспечивает возможность как для формального, так и для неформального взаимодействия субъектов образовательного процесса, создавая таким образом основу плодотворного развития личностно-профессиональных качеств будущих педагогов.

Реализация системы педагогического сопровождения подготовки педагогов осуществляется в интегрированном образовательном пространстве высшего педагогического и дополнительного образования, организованном на базе Центра дополнительного физико-математического образования при Томском государственном педагогическом университете [15]. Технология супервизии в данной системе реализуется в виде образовательного процесса, обеспечивающего помощь наставников будущим педагогам в условиях реальных рабочих ситуаций. Помощь осуществляется в формах профессионального консультирования и совместного анализа целесообразности и качества используемых практических подходов и методов в решении профессиональных задач [16].

Наставническое (супервизорское) сопровождение процесса освоения студентом педагогических функций осуществляет опытный педагог-профессионал непосредственно на рабочем месте в образовательной организации с учетом конкретных профессиональных задач, решаемых студентом. Рабочие места для такой практики организуются:

– непосредственно в центре дополнительного образования при педагогическом вузе (студенты участвуют в проектировании и реализации мероприятий, курсов и других профессиональных событий);

– на базе опорных школ и учреждений дополнительного образования вуза (места производственных практик обучающихся, включающие в том числе образовательные учреждения, где работают и откуда пришли учиться магистранты);

– в рамках программ курсов повышения квалификации (такие курсы подразумевают непосредственную работу с детьми при активном совместном участии учителей, проходящих курсы, и студентов педагогического вуза и наставников, в качестве модераторов курсов выступают ведущие педагоги).

Отметим, что технология супервизии в рамках рассматриваемой системы может осуществляться как в виде формальной педагогической практики, включенной в обязательную образовательную программу вуза, так в виде добровольческой.

В педагогическом сопровождении начального этапа личностно-профессионального становления будущих педагогов наставнические роли (роли супервизоров) выполняют: педагоги, осуществляющие разнообразные программы дополнительного образования детей; школьные педагоги, осуществляющие внеурочную деятельность; организаторы и педагоги школьных профилей; тренеры и члены жюри предметных олимпиад для школьников; педагоги каникулярных школ при педагогическом вузе; педагоги-популяризаторы науки; педагоги-экскурсоводы; тьюторы; воспитатели; вожатые.

Таким образом, в рассматриваемой системе педагогического сопровождения студентов технология педагогической супервизии ориентирована на обеспечение персонификации обучения, консультирование, учет развития компетенций педагога и особенностей его личностно-профессионального становления, создание психологически комфортных условий для субъектов профессиональной деятельности, диагностирование и разрешение профессиональных конфликтов [17].

На основе выявленных характеристик и особенностей рассматриваемого педагогического сопровождения подготовки будущих педагогов с использованием технологии супервизии установлен комплекс педагогических условий, направленных на личностно-профессиональное развитие педагога:

– компетентностно-проектная подготовка будущих педагогов (*направлена на формирование у студента готовности самостоятельно проектировать образовательный процесс, осваивать актуальные образовательные технологии, а также проектировать образовательные инициативы; формирование у него проектного мышления; подразумевает реализацию студентами полного цикла создания проекта, включающего в себя непосредственное проектирование, реализацию, рефлексию. Формы проектов: образовательное мероприятие, курс, образовательная программа, образовательный стартap и другие*);

– сетевое взаимодействие субъектов образовательного процесса и профессиональных сообществ (*соддействие профессионального сообщества процессу личностно-профессионального становления педагогов: обеспечивается широким выбором студентами своих действий в профессиональной действительности*);

сти, благодаря чему актуализируются личностные предпосылки развития);

– участие студентов в процессах управления и организации собственной образовательной деятельности (им предоставляются возможности выбора в проектировании и осуществлении образовательных инициатив как системы пробных профессиональных действий, в том числе вне основной профессиональной образовательной программы вуза (добровольческая практика).

Исследование влияния рассматриваемых педагогических условий на личностно-профессиональное развитие студентов педагогического вуза в контексте системы наставнического сопровождения развития готовности студентов педагогического вуза к решению профессиональных задач в интегрированном образовательном пространстве высшего и дополнительного образования осуществлялась в ходе эксперимента, проведенного на базе Центра дополнительного физико-математического и естественнонаучного образования при Томском государственном педагогическом университете. Для этого были сформированы четыре экспериментальных и одна контрольная группы. Обязательным для всех экспериментальных групп было соблюдение условия проведения компетентностно-проектной подготовки студентов, которое рассматривается как необходимое основание для развития готовности решать профессиональные задачи, поскольку именно через умение педагога самостоятельно разрабатывать и осуществлять образовательные проекты проявляется его профессиональное становление. В первой экспериментальной группе (ЭГ1) помимо влияния необходимого условия исследовалось влияние участия студентов в процессах управления и организации собственной образовательной деятельности; во второй экспериментальной группе (ЭГ2) – условие сетевого взаимодействия субъектов образовательного процесса и профессиональных сообществ. В третьей экспериментальной группе (ЭГ3) исследовалось только необходимое (обязательное) условие, а в четвертой (ЭГ4) – весь комплекс рассматриваемых педагогических условий. Контрольная группа (КГ) обучалась в рамках основной образовательной программы, в ней не предусматривалось обеспечение исследуемых условий.

В ходе трёхгодичного эксперимента проведены два диагностических среза: промежуточный (через 1,5 года проведения эксперимента) и итоговый, в результате которых определялось соотношение профессиональных действий трех уровней активности: 1) действия первого уровня – ситуативные; 2) второго уровня – поисковые; 3) третьего уровня – преобразующие. От способности студентов совершать профессиональные действия того или иного уровня в образовательном процессе, проведенном в контексте рассматриваемой системы подготовки, зависит уровень их профессионального развития. Согласно данным, отраженным в табл. 1, позитивные изменения в уровнях развития профессиональной деятельности студентов значительно возрастают по результатам второго контрольного среза.

Проверка достоверности полученных количественных результатов осуществлялась через применение

критерия F^* (углового преобразования Фишера). Для расчета критерия Фишера определены значения признака, которые являются критериями для распределения исследуемых студентов на тех, у кого проявился эффект влияния введенных педагогических условий (или одного условия), и на тех, у кого он не проявился. Таким признаком является переход профессиональных действий студента с более низкого уровня на более высокий (табл. 2).

Таблица 1
Результаты развития профессиональных действий студентов контрольной и экспериментальной групп на двух последовательных срезах эксперимента

Группа	Кол-во человек в группе	Уровень развития профессиональных действий						Средний балл
		ситуативных		поисковых		преобразующих		
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
1-й срез								
ЭГ 1	27	7	25,9	19	70,4	1	3,7	1,78
ЭГ 2	28	8	28,6	18	64,3	2	7,1	1,79
ЭГ 3	22	7	31,8	13	59,1	2	9,1	1,77
ЭГ 4	31	7	22,6	20	64,5	4	12,9	1,90
КГ	35	16	45,7	18	51,4	1	2,9	1,57
2-й срез								
ЭГ 1	27	3	11,1	15	55,6	9	33,3	2,22
ЭГ 2	28	4	14,3	14	50	10	35,7	2,21
ЭГ 3	22	4	18,2	14	63,6	4	18,2	2,0
ЭГ 4	31	2	6,5	17	54,8	12	38,7	2,32
КГ	35	11	31,4	20	57,1	4	11,4	1,80

Таблица 2
Распределение данных по наличию эффекта у студентов контрольной и экспериментальных групп в двух контрольных срезах эксперимента

Группа	Кол-во наблюдений	Группы распределения наблюдений			
		Наблюдения без изменения уровня профессиональных действий («эффект не проявляется»)		Наблюдения с изменением уровня профессиональных действий («эффект проявляется»)	
		1-й срез	2-й срез	1-й срез	2-й срез
ЭГ 1	27	21	11	5	16
ЭГ 2	28	22	10	6	18
ЭГ 3	22	17	11	5	11
ЭГ 4	31	18	10	13	21
КГ	35	31	27	4	8

Согласно данным табл. 3 по результатам первого среза различия между группами ЭГ 1, ЭГ 2, ЭГ 3 и КГ не являются статистически значимыми, при этом различие между КГ и ЭГ 4 является статистически значимым при уровне значимости $p = 0,05$, но при уровне значимости $p = 0,01$ различие статистически значимым не является. По результатам второго среза наблюдаемое значение критерия $F^*_{эмп}$ в группах ЭГ 1, ЭГ 2, ЭГ 4 выше критического $F^*_{кр}$, из чего следует, что статистически значимые различия между экспериментальными группами и контрольной группой являются существенными. Наибольший уровень статистически значимых различий в изменении уровня профессиональных действий студентов наблюдается в ЭГ 4, в которой был применен полный комплекс педагогических условий развития готовности студентов к решению профессиональных задач.

Таблица 3
Значение критерия Φ^* – угловое преобразование Фишера
на первом и втором контрольных срезах

Группа	Значение критерия Φ^* – угловое преобразование Фишера			
	$\Phi^*_{\text{эмп}}$ – наблюдаемое (эмпирическое) значение		$\Phi^*_{\text{кр}}$ – критическое значение при уровне значимости	
	1-й срез	2-й срез	$p = 0,05$	$p = 0,01$
ЭГ 1 – КГ	0,85	2,97	1,64	2,31
ЭГ 2 – КГ	1,08	2,97		
ЭГ 3 – КГ	1,12	2,11		
ЭГ 4 – КГ	2,92	3,79		

Для ЭГ 3 полученное эмпирическое значение критерия $\Phi^*_{\text{эмп}}$ находится в зоне неопределенности (при уровне значимости $p = 0,05$ различие в изменении уровней профессиональных действий является статистически значимым, а при $p = 0,01$ – не является). Следовательно, условие компетентностно-проектной подготовки будущих педагогов, хотя и составляет основу для развития профессиональных действий студентов педагогического вуза и их готовности решать профессиональные задачи, не является достаточным условием для их профессионального становления.

По итогам двух срезов статистически значимые различия в развитии профессиональных действий будущих педагогов, а также их готовности решать профессиональные задачи наблюдаются в экспериментальных группах, в которых необходимое условие действовало в сочетании с одним или несколькими другими из рассматриваемых педагогических условий, наибольшей статистической значимостью обладают различия результатов контрольных срезов, наблюдаемые при реализации полного комплекса педагогических условий.

Таким образом, комплекс рассматриваемых педагогических условий в контексте реализуемой системы педагогического сопровождения подготовки студентов вуза на основе наставничества (супервизии) существенно повышает уровень личностно-профессионального развития будущих педагогов, что проявляется в изменении качества деятельности студентов в процессе практики. В их деятельности отмечается преобладание преобразующих действий, выраженной готовности самостоятельно разрабатывать и реализовывать образовательные проекты как решения актуализированных профессиональных задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. 376 с.
- Malm B. Towards a new professionalism: enhancing personal and professional development in teacher education // Journal of Education for Teaching. 2009. Vol. 35, № 1. P. 77–91. DOI: 10.1080/02607470802587160. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02607470802587160?scroll=top&needAccess=true>
- Корытова Г.С., Никифорова Н.А. Профессиональное становление личности педагога: проблемное поле и концептуальные модели // Вестник ТГПУ. 2015. Вып. 1 (154). С. 9–15.
- Дудина Е.А. Наставничество в системе непрерывного профессионального развития педагогических кадров в Великобритании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 49–62. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.04. URL: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1701.04>
- Дудина Е.А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 5. С. 25–36. DOI: 10.15293/2226-3365.1705.02. URL: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1705.02>
- Весманов С.В., Весманов Д.С., Жадько Н.В., Акопян Г.А., Источников В.В., Шевченко П.В. Модель исследовательской магистратуры: итоги апробации новых модулей основных образовательных программ в Московском городском педагогическом университете // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 4. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070401. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070401>
- Стожарова М.Ю., Зайцева И.Г. Результаты апробации модуля «Организация образовательного процесса в дошкольной организации» в рамках основной профессиональной образовательной программы магистратуры // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 4. С. 51–59. DOI: 10.17759/psyedu.2015070406. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070406>
- Ахтариева Р.Ф. Проектирование основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 4. С. 60–72. DOI: 10.17759/psyedu.2015070407. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070407>
- Поздеева С.И. Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста: модели и типы наставничества // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 2. С. 87–91.
- Поздеева С.И. Сопровождение профессионального развития молодого педагога в школе: организация наставничества // Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 34–38.
- Achinstein B., Fogo B. Mentoring novices' teaching of historical reasoning: Opportunities for pedagogical content knowledge development through mentor-facilitated practice // Teaching and Teacher Education. 2015. Vol. 45. P. 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tate.2014.09.002>
- Izadinia M. A closer look at the role of mentor teachers in shaping preservice teachers' professional identity // Teaching and Teacher Education. 2015. Vol. 52. P. 1–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tate.2015.08.003>
- Mitescu M. How do Beginning Teachers Employ Discursive Resources in Learning and Affirming their Professional Identity? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 128. P. 29–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.03.113>
- Shwartz G., Dori Y.J. Looking through the Eyes of Mentors and Novice Teachers: Perceptions Regarding Mentoring Experiences // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 228. P. 149–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.07.022>
- Червонный М.А. Наставничество в построении концепции педагогического сопровождения будущих педагогов в интеграционных процессах систем высшего педагогического, общего и дополнительного образования // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 3. С. 16–23. DOI: 10.23951/2307-6127-2017-3-16-23
- Залевский Г.В. Супервизия: практика в поисках теории // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 5–13.
- Гладкова О.С. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров в современной Германии в контексте непрерывного образования : дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2009. 220 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 июня 2018 г.

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FUTURE TEACHERS TRAINING BASED ON MENTORING IN THE INTEGRATED EDUCATIONAL SPACE OF HIGHER PEDAGOGICAL AND SUPPLEMENTARY EDUCATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 199–204.

DOI: 10.17223/15617793/432/26

Mikhail A. Chervonnyy, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Keywords: pedagogical support; mentoring; supervision; higher pedagogical education; supplementary education; educational space.

The article considers the system of pedagogical support for the development of readiness of students of a pedagogical university to cope with professional tasks, which is organized in the integrated educational space of higher and supplementary education. The system is based on mentoring, in which the supervision educational technology is a key one. The elements forming the system are: (1) educational-professional and professional situations; (2) subsystems of activity preparation – pedagogically supported professional and educational professional activities; (3) components providing consistency in the implementation of the functions of the subsystems of pedagogically supported activity training: the theoretical and mindset, organizational and activity and system-methodological ones. The article considers the essence of mentoring in the training of teachers, its main characteristics: the subject-subject relations of the mentor and the student, which are aimed at the development of the student's personal potential in a special motivating learning environment. The relations are provided by individual support for the student. A characteristic feature of such mentoring is that it can be implemented in various educational, professional and social contexts on a formal and informal basis. The article considers the technology of supervision, which is implemented in the preparation of the future teacher as a learning process, providing students with help oriented at their professional development in the conditions of real work situations. Supervision is carried out through professional counseling and joint analysis (performed by a supervisor and a student) of the appropriateness and quality of the practical approaches and methods used in coping with their professional tasks. The article identifies the peculiarities and possibilities of the integrated educational space of higher pedagogical and supplementary education in the context of training educational students in solving professional tasks. The main groups of factors forming the integrated space are distinguished. The complex of pedagogical conditions for the training of pedagogical university students in performing their professional tasks are determined. The conditions are: (1) pre-service teacher training providing their project design competences development; (2) network cooperation of the subjects of the integrated educational space of higher pedagogical and supplementary education; (3) participation of students in the management and organization of their own educational activities. The article presents the results of the experiment on testing the impact of the considered pedagogical conditions on pre-service teacher training. Drawing on the results, the efficiency of the complex of pre-service teacher training conditions is proved.

REFERENCES

1. Mitina, L.M. (2014) *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub"ektov obrazovaniya* [Psychology of personal and professional development of subjects of education]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Malm, B. Towards a new professionalism: enhancing personal and professional development in teacher education. *Journal of Education for Teaching*. 35(1). pp. 77–91. DOI: 10.1080/02607470802587160. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02607470802587160?scroll=top&needAccess=true>.
3. Korytova, G.S. & Nikiforova, N.A. (2015) Professional formation of the identity of the teacher: problem field and conceptual models. *Vestnik TGPU – Vestnik of TSPU*. 1 (154). pp. 9–15. (In Russian).
4. Dudina, E.A. (2017) The essence of mentoring in continuing professional development of teaching staff in Great Britain. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(1). pp. 49–62. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1701.04>. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1701.04
5. Dudina, E.A. (2017) Mentoring as an educational activity: essential characteristics and structure. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(5). pp. 25–36. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1705.02>. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1705.02
6. Vesmanov, S.V. et al. (2015) Model of the Research Master Program: Results of Testing the New Modules of Basic Educational Programs in the Moscow City Teacher Training University. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological-Educational Studies*. 7(4). pp. 1–11. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070401>. (In Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2015070401
7. Stozharova, M.Yu. & Zaytseva, I.G. (2015) Testing Results of Basic Educational Professional Master Module “The Organization of Educational Process in Preschool Organization”. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological-Educational Studies*. 7(4). pp. 51–59. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070406>. (In Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2015070406
8. Akhtariev, R.F. (2015) Development of Basic Professional Educational Programs for Teacher Training according to Teacher Professional Standard. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological-Educational Studies*. 7(4). pp. 60–72. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2015070407>. (In Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2015070407
9. Pozdeeva, S.I. (2017) Supervision as an activity support of a young specialist: models and types of supervision. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 2. pp. 87–91. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2017-2-87-91
10. Pozdeeva, S.I. (2017) Supervision as Support of Young Teacher Professional Development at School. *Sibirskiy uchitel' – Siberian Teacher*. 2 (111). pp. 34–38. (In Russian).
11. Achinstein, B. & Fogo, B. (2015) Mentoring novices' teaching of historical reasoning: Opportunities for pedagogical content knowledge development through mentor-facilitated practice. *Teaching and Teacher Education*. 45. pp. 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tate.2014.09.002>
12. Izadinia, M. (2015) A closer look at the role of mentor teachers in shaping preservice teachers' professional identity. *Teaching and Teacher Education*. 52. pp. 1–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tate.2015.08.003>
13. Miteşcu, M. (2014) How do Beginning Teachers Employ Discursive Resources in Learning and Affirming their Professional Identity? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 128. pp. 29–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.03.113>
14. Shwartz, G. & Dori, Y.J. (2016) Looking through the Eyes of Mentors and Novice Teachers: Perceptions Regarding Mentoring Experiences. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 228. pp. 149–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.07.022>
15. Chervonnyy, M.A. (2017) Mentoring in the development of the conception of pedagogical support of the future teachers within the processes of higher pedagogical, general and additional education systems integration. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 3. pp. 16–23. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2017-3-16-23
16. Zalevskiy, G.V. (2008) Superviziya: praktika v poiskakh teorii [Supervision: practice in search of theory]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 30. pp. 5–13.
17. Gladkova, O.S. (2009) *Razvitiye sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov v sovremennoy Germanii v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya* [The development of the system of professional development of teachers in modern Germany in the context of continuous education]. Pedagogy Cand. Diss. Cheboksary.

Received: 05 June 2018

ПРАВО

УДК 343.985

О.В. Айвазова

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДХОД

Анализируется уголовно-процессуальная категория «неотложные следственные действия», обращается внимание на ряд взаимосвязанных теоретических и практических проблем, продуцируемых формулировкой указанного термина в процессе реализации данного специфического режима деятельности субъектов расследования. Это позволило представить рекомендации по разрешению затронутых в работе проблем и противоречий.

Ключевые слова: следственные действия; неотложные следственные действия; предварительное расследование; преступление; следователь; орган дознания; следы преступления.

Действующий уголовно-процессуальный закон 2001 г. олицетворяет значительную эволюцию представлений о понятии и содержании неотложных следственных действий в отечественном уголовном судопроизводстве.

Предыдущее процессуальное законодательство не содержало четкой дефиниции понятия «неотложные следственные действия». Регламентация неотложных следственных действий осуществлялась либо по описательному принципу: в виде перечня неотложных следственных действий органов дознания (при проведении дознания по делам о преступлениях, требующих предварительного следствия, согласно ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР), либо без отражения каких-либо существенных особенностей неотложных следственных действий (при выполнении неотложных следственных действий следователями в соответствии с ч. 2 ст. 132 УПК РСФСР). Косвенно определение понятия неотложных следственных действий (без их перечисления) можно было вывести, исходя из формулировки ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР как «следственных действий по установлению и закреплению следов преступления».

На безотлагательность процессуального реагирования органов дознания указывал также ограниченный срок, равный 10 суткам. Однако, в случае проведения неотложных следственных действий не органом дознания, а следователем, согласно ч. 2 ст. 132 УПК РСФСР, отсутствовали какие-либо четкие ограничения временного характера.

Регламентация неотложных следственных действий по УПК РСФСР 1960 г. способствовала активной дискуссии о наименовании, сущности и содержании указанного института, соотношении неотложных следственных действий и дознания, пределах полномочий субъектов неотложных следственных действий, потребности в расширении перечня следственных действий, признаваемых неотложными и т.д. [1. С. 4–21; 2. С. 3–34; 3. С. 3–17].

Одни авторы отстаивали позицию о законодательном расширении перечня неотложных следственных действий в ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР (предусматривавшего: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей) за счет иных следственных действий (как признаваемых действующим процессуальным законом, так и на тот момент находящихся в

состоянии формирования) [4. С. 4–22]. Другие обосновывали потребность в осуществлении органом дознания не только следственных, но и иных процессуальных действий, в частности принятии процессуальных решений, обеспечивающих проведение следственных действий, сохранность доказательственной информации, применение мер принуждения (включая меры пресечения) и т.д. [2. С. 9; 3. С. 17].

Необходимость в расширении данного перечня неотложных следственных и иных процессуальных действий аргументировалась как эмпирическим, так и теоретическим путем. Эмпирические источники свидетельствовали о регулярном выходе субъектами дознания за пределы четко очерченного перечня следственных действий, например, путем проведения очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, избрания меры пресечения, получения образцов для сравнительного исследования и пр. Причем анализ исходных следственных ситуаций действительно свидетельствовал об объективной потребности в безотлагательном обращении к тактико-криминалистическому потенциалу, например проверки показаний на месте [5. С. 3–9], предъявления для опознания [6. С. 68–72], назначению и производству экспертиз [7], следственному эксперименту [8. С. 72–74] и т.д. Следует отметить, что с точки зрения различных исследователей на оптимизацию перечня неотложных следственных и иных процессуальных действий, а также степень его конкретизации, возможность расширительного толкования, пределы допустимости действий сотрудников дознания отличались значительным разнообразием.

Ряд исследователей, считая экстенсивным подходом внесение предложений о законодательном дополнении перечня неотложных следственных действий тем или иным конкретным следственным действием, поскольку в зависимости от специфики исходных следственных ситуаций любое процессуальное действие может приобрести характер неотложного, предлагала отказаться от фиксированного перечня неотложных следственных действий, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УПК РФ, разработав универсальные основания для проведения следственных и иных процессуальных действий в неотложном режиме [2. С. 23].

Действующий законодатель, частично воплотив предложения исследователей по реформированию

системы предварительного расследования, впервые представил дефиницию понятия «неотложные следственные действия» в п. 19 ст. 5 УПК РФ 2001 г. Согласно указанной норме, под неотложными следственными действиями следует понимать «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». В статье 157 УПК РФ детализирован порядок производства неотложных следственных действий органами дознания по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Вместе с тем, нейтрализовав отдельные из многочисленных проблем института производства неотложных следственных действий, законодатель оставил вне пределов реагирования иные не менее важные вопросы, а также способствовал возникновению новых, ранее не известных аспектов.

Итак, представленная в п. 19 ст. 5 УПК РФ дефиниция «неотложные следственные действия» ограничивается режимом процессуального реагирования органа дознания на преступление, требующее осуществления предварительного расследования в форме следствия. В данном аспекте это крайне узкое, одностороннее представление об основаниях инициации режима неотложных следственных действий, оставляющее за бортом иные, не менее весомые основания.

Как уже отмечалось, проведение следственных действий в неотложном режиме может быть обусловлено выявлением не только органом дознания преступления, требующего предварительного следствия (ч. 1 ст. 157 УПК РФ) [9. С. 5], но также и следователем или дознавателем подразделений, полномочиями которых, по общему правилу, не охватывается расследование этих деяний (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Например, следователем органов внутренних дел выявлено преступление, относящееся к подследственности Следственного комитета России, либо наоборот. При этом особенности исходной следственной ситуации диктуют необходимость немедленного процессуального реагирования, во избежание утраты следов преступления и иной значимой для дела информации (как объективно с течением времени, так и вследствие преднамеренного воздействия заинтересованных лиц).

Формулировка ч. 5 ст. 152 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель имеет в виду именно ситуации, при которых изначально уголовное дело возбуждалось в соответствии с правилами о подследственности, однако в процессе расследования были установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии в действиях подозреваемого признаков деяний, подследственных иным органам предварительного расследования. Думается, что подобный подход не вполне соответствует сущности процессуального режима неотложных следственных действий, которая проявляется не только в необходимости немедленного процессуального реагирования, но и в опасности его отложения на более поздний временной период – до реального вступления в дело субъектов

расследования, уполномоченных действовать в соответствии с общими правилами о подследственности.

Поэтому считаем, что проведение неотложных следственных действий следователем или дознавателем, согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ, должно охватывать как ситуации, при которых признаки преступлений, не подследственных данным субъектам расследования, были выявлены в процессе предварительного расследования (что потребовало переквалификации), так и ситуации, когда квалификация преступления и подследственность были изначально определены верно (как не входящие, по общему правилу, в компетенцию данного субъекта расследования), но передача материалов по подследственности способствовала бы утрате доказательственной информации.

Разумеется, по итогам процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела также возможно принятие решения о передаче сообщения и материалов по подследственности, в соответствии с ч. 3 ст. 145 УПК РФ. В этом случае орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять меры по сохранению следов преступления, не возбуждая уголовного дела. Сохранение следов преступления осуществляется в соответствии с регламентированным ч. 1 ст. 144 УПК РФ перечнем проверочных мероприятий и отдельных следственных действий, допустимых на данном этапе.

Очевидно, что следственные действия, проведение которых разрешается в стадии возбуждения уголовного дела, также носят безотлагательный характер, что обусловлено необходимостью немедленного обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, установления иной доказательственной информации (полученной, допустим, в результате назначения экспертиз) [10. С. 274–277]. Кроме того, в режиме проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела фактически могут производиться некоторые из тех же следственных действий, которые осуществляются и в режиме неотложных следственных действий (различные виды осмотра, освидетельствования, назначение экспертиз) [11. С. 2–16; 12. С. 63–74].

Однако процессуальные режимы проведения этих следственных действий различны, что предопределено специфичностью процессуальных и тактических задач [13. С. 12–31] стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (в данном случае – в виде указанной разновидности первоначального этапа).

Как известно, назначение стадии возбуждения уголовного дела заключается в выявлении признаков преступления, а стадии предварительного расследования – в установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Соответственно, проведение отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела продиктовано потребностью в установлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а не на выяснение всех обстоятельств преступления. Не случайно перечень следственных действий, допустимых для проведения в стадии возбуждения уголовного дела, строго ограничен осмотром места происшествия, осмотром документов, предметов, трупов, освидетельствованием,

получением образцов для сравнительного исследования, назначением и проведением экспертизы.

Законодателем в п. 19 ст. 5 УПК РФ прямо определено, что неотложные следственные действия производятся после возбуждения уголовного дела, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. То есть, в отличие от действий в стадии возбуждения уголовного дела, неотложные следственные действия направлены на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (предусмотренных в любом из пунктов ст. 73 УПК РФ), при условии возникновения потребности в незамедлительном процессуальном реагировании.

Таким образом, на наш взгляд, при наличии качеств высокой динамичности следственной ситуации, недопустимости переноса момента процессуального реагирования или перепоручения его иным лицам без вреда для установления любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, дознаватель или следователь должен быть наделен правом не только производить неотложные следственные действия, но и изначально возбуждать уголовное дело по признакам преступления, не входящего в его предметную, территориальную или персональную подследственность. Если отсутствуют указанные качества, формирующие безотлагательность следственной ситуации, и достаточно мероприятий по закреплению следов преступления в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ с последующей передачей сообщения о преступлении и прилагаемых материалов по подследственности, то возбуждение уголовного дела не требуется.

Спору нет, по общему правилу предварительное расследование должно осуществляться должностными лицами, обладающими соответствующей специальной подготовкой и компетентностью, т.е. с соблюдением правил о подследственности. Тем не менее реалии правоприменительной практики побуждают говорить о регулярном возникновении ситуаций, требующих немедленного реагирования субъекта расследования, пусть даже не наделенного по общему правилу полномочиями по расследованию конкретной категории преступления. Типичными иллюстрациями указанных ситуаций выступают возникновение различных форсмажорных обстоятельств, специализированный режим деятельности организации, в которой совершено преступление, территориальная удаленность места происшествия от дислокации следственных органов и т.п. – при наличии субъектов, обладающих правом производства неотложных следственных действий в качестве органа дознания.

Итак, воплотив многочисленные предложения научных и практических работников, законодатель сконструировал дефиницию понятия «неотложные следственные действия» в п. 19 ст. 5 УПК РФ. При этом ему удалось абстрагироваться от перечисления следственных действий, производимых в неотложном режиме, обозначив следующие универсальные критерии неотложности: необходимость обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Признавая в качестве позитивного принятый законодателем общий вектор модификации института неотложных следственных действий, тем не менее, обратим внимание на некоторые неточности в конструкции данного термина. В частности, в нем отсутствует неопределенность в том, относится ли фраза «требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» к доказательствам, либо как к доказательствам, так и к следам (т.е. трактуется ли приведенная фраза в буквальном или в собирательном, обобщенном, смысле). При обобщенной трактовке возникают элементы тавтологического характера в виде двух взаимно избыточных фраз: «необходимость обнаружения и фиксации» – «требующих незамедлительного закрепления, изъятия...», поскольку термины «закрепление» и «фиксация» равнозначны по смыслу.

Если законодатель адресует эту фразу только по отношению к доказательствам, то нельзя забывать, что нормы УПК РФ применяются системно, т.е. во взаимосвязи с другими положениями процессуального закона. УПК РФ понимает под доказательствами сведения, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, характеризующихся критериями относимости, допустимости, достоверности, полученные в предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ формах, и в порядке, регулирующем основания и порядок проведения процессуальных действий.

Другими словами, в отечественном уголовном судопроизводстве всякая выявленная криминалистически значимая информация не может напрямую стать доказательством, минуя процедуру собирания (формирования) доказательств с помощью осуществления следственных и иных процессуальных действий; кроме того, в обязательном порядке она впоследствии подвергается стадиям проверки и оценки. В этом смысле доказательства (как сведения, полученные в предусмотренных законом процессуальных формах и отображенные в процессуальных актах) вряд ли нуждаются в изъятии. Поэтому, на наш взгляд, словосочетание «обнаружение и фиксации... доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования», является не вполне удачным.

По всей видимости, имеются в виду следственные и иные процессуальные действия, промедление с которыми способствует утрате доказательственной информации, будь она в виде следов-отображений, следов-предметов или документов, идеальных следов, указывающих на различные обстоятельства преступления, а также на высокую вероятность противодействия расследованию на посткриминальном этапе.

В этой связи полагаем, что термин «неотложные следственные действия» представляется оптимальным изложить в следующей формулировке: «неотложные следственные и иные процессуальные действия – следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа после возбуждения уголовного дела о преступлении, не входящем, по общему правилу, в его предметную, территориальную или персональную подследствен-

ность, в случаях, требующих немедленного процессуального реагирования, если перенос момента проведения следственных и иных процессуальных действий в связи с передачей уголовного дела по подслед-

ственности, будет способствовать исчезновению, утрате, фальсификации доказательственной информации и (или) сокрытию лица, совершившего преступление, от следствия и суда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев А.Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 23 с.
2. Луковников Г.Д. Органы дознания в системе досудебного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 34 с.
3. Болотин С.В. Орган дознания в системе уголовно-процессуальных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 17 с.
4. Сигалов Л.Е. Теория и практика неотложных следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 23 с.
5. Варданян А.В. Процессуально-тактический потенциал проверки показаний на месте и особенности его реализации при расследовании насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 3–9.
6. Варданян А.В. Совершенствование гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса в контексте современных тенденций преступности // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. Орел, 2016. С. 68–72.
7. Князьков А.С. Проблемы доказательной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 66–74.
8. Князьков А.С. Проблемы оценки результатов следственного эксперимента // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-1. С. 72–74.
9. Варданян А.В., Плясов К.А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 5.
10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России) : сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Тула, 2016. С. 274–277.
11. Варданян А.В., Мельникова О.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 16–21.
12. Варданян А.В., Антонов В.А., Белохребтов В.С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость. Иркутск, 2016.
13. Князьков А.С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12–31.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2018 г.

URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS: A THEORETICAL AND APPLIED APPROACH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 205–209.

DOI: 10.17223/15617793/432/27

Olga V. Ayvazova, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Roston-on-Don, Russian Federation). E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Keywords: investigative actions; urgent investigative actions; preliminary investigation; crime; investigator inquiry; body of inquiry; traces of crime; evidence; initiation of criminal proceedings.

The subject of the research is the theoretical and practical aspects of the institution of urgent investigative actions in the Russian criminal proceedings. The definition of the term “urgent investigative actions”, presented in Paragraph 19 of Article 5 of the RF Code of Criminal Procedure, is not formulated in full accordance with the interrelated norms governing the activities of subjects of investigation in this procedural regime, which causes various problems of law enforcement. In order to carry out a systematic analysis of the alleged problems, the author made a brief excursion into the regulation of the institution according to the previous criminal procedure law, considered the modern version of the rules governing the procedural regime of urgent investigative actions, different views of researchers, as well as addressed the empirical analysis of criminal cases in which the regime of urgent investigative actions was implemented and the intervention of subjects of investigation. Recognizing the general modification of the institution of urgent investigative actions accepted by the legislator as positive, the author comes to a conclusion that the definition of the concept “urgent investigative actions” provided in Paragraph 19 of Article 5 of the Criminal Code of the Russian Federation displays an extremely narrow, unilateral approach to the understanding of the bases of initiation of the mode of urgent investigative actions, leaving behind other, not less weighty bases for such actions are limited to the regime of a procedural reaction of a body of inquiry to a crime demanding preliminary investigation in the form of investigation. In addition, not only the content of the institution, but also the name of the term “urgent investigative actions” in the meaning of a specific procedural regime of crime investigation require expansion. As a result of consideration of the specified problems, the author’s formulation of the definition of the concept “urgent investigative and other procedural actions” in the form of the draft of Paragraph 19 of Article 5 of the RF Code of Criminal Procedure is offered: “urgent investigative and other procedural actions are investigative and other procedural actions carried out by the investigator, a body of inquiry, the investigator, the head of an investigative body after the initiation of a criminal case about a crime that is not part of, by the general rule, its substantive, territorial and personal jurisdiction, in cases requiring immediate procedural response, if the change of time of investigative and other procedural actions in connection with the transfer of criminal proceedings in accordance with the jurisdiction will contribute to the disappearance, loss, falsification of evidentiary information and (or) concealment of the person who committed the crime from investigation and court”.

REFERENCES

1. Sergeev, A.B. (1999) *Problemy protsessual'noy deyatel'nosti organov doznaniya* [Problems of procedural activity of the bodies of inquiry]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

2. Lukovnikov, G.D. (1999) *Organy doznaniya v sisteme dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam* [The bodies of inquiry in the system of pre-trial proceedings in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Bolotin, S.V. (1990) *Organ doznaniya v sisteme ugovolno-protsessual'nykh pravootnosheniy* [The body of inquiry in the system of criminal procedural legal relations]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Sigalov, L.E. (1969) *Teoriya i praktika neotlozhnykh sledstvennykh deystviy* [Theory and practice of urgent investigative actions]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
5. Vardanyan, A.V. (2017) Procedural tactical potential of check of evidence on the spot and peculiarities of its implementation in the investigation of violent crimes committed by persons with mental disorders that do not exclude sanity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 3-2. pp. 3–9. (In Russian).
6. Vardanyan, A.V. (2016) [Improving security guarantees for participants in the criminal procedure in the context of contemporary crime trends]. *Sovremennoe ugovolno-protsessual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Contemporary Criminal Procedural Law of Russia: Lessons of History and Problems of Further Reform]. Proceedings of the international conference to the 60th birthday of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Nikolyuk. Orel: Orel Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 68–72. (In Russian).
7. Knyaz'kov, A.S. (2014) The problems of evidentiary significance in the course of commission, production and estimation of the results of forensic examinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4 (14). pp. 66–74. (In Russian).
8. Knyaz'kov, A.S. (2017) Problemy otsenki rezul'tatov sledstvennogo eksperimenta [Problems of the assessment of the results of the investigative experiment]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 15-1. pp. 72–74.
9. Vardanyan, A.V. & Plyasov, K.A. (2017) The powers of inquiry as the subjects of the investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 1-2. pp. 5. (In Russian).
10. Vardanyan, A.V. & Gribunov, O.P. (2016) [Judicial examination appointed in the investigation of plunders at transport sites]. *Teoriya i praktika protivodeystviya prestupnosti v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione (k 95-letiyu obrazovaniya Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii)* [Theory and Practice of Counteracting Crime in the Asia-Pacific Region (to the 95th anniversary of the establishment of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)]. Proceedings of the international conference. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 274–277. (In Russian).
11. Vardanyan, A.V. & Mel'nikova, O.V. (2013) Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii prestupleniy v sfere proizvodstva i oborota fal'sifitsirovannoy alkohol'noy produktsii [Peculiarities of the inspection of the scene of crime in the investigation of crimes in the sphere of production and turnover of counterfeit alcohol products]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 2-2. pp. 16–21.
12. Vardanyan, A.V., Antonov, V.A. & Belokhrebtev, V.S. (2016) *Osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pokusheniya na moshennichestvo pri vozmeshchenii naloga na dobavlenmyu stoimost'* [Features of detection, disclosure and the initial stage of the investigation of an attempt at fraud when reimbursing the value added tax]. Irkutsk: VSI MVD Rossii.
13. Knyaz'kov, A.S. (2011) Tactical problem as an element of the searching cognitive activity of subjects in proof in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 12–31. (In Russian).

Received: 01 June 2018

Е.Н. Богданова, М.Ю. Задорин, А.А. Лобанов, А.И. Попов, С.В. Андронов, Р.А. Кочкин

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: «КОЛЛИЗИОННОЕ ПОЛЕ» И ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-010-00875\18).

Статья посвящена актуальным вопросам правового обеспечения охраны здоровья коренных малочисленных народов России (преимущественно Арктической зоны Российской Федерации). Осуществлен анализ нормативно-правового сопровождения в области обеспечения прав и гарантий арктических «аборигенов». В заключении формулируются предложения по улучшению и совершенствованию системы здравоохранения применительно к лицам, ведущим традиционный образ жизни в суровых климатических условиях Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; Российская Арктика; конституционное право; медицинское право; право социального обеспечения.

Введение

Процессы глобализации, ставшие характерной и неизбежной особенностью конца XX – начала XXI в., усиливают нивелирование этнического и культурного многообразия малочисленных народов, постепенно уничтожая их традиционный образ жизни. Это не могло не сказаться на образе их жизни и физиологических показателях здоровья.

Лишь в конце 80-х гг. XX в. в полной мере на международном уровне была осознана необходимость выделения специальных коллективных прав коренных народов, что легло в основу Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах...» (1989 г.) и Декларации ООН «О правах коренных народов» (2007 г.). Это заметно повысило статус коренных народов, возведя проблему сохранения их этнокультурной идентичности и развития (в рамках традиционных форм общежития) в ранг задачи общемирового значения.

В России, несмотря на фундаментальное значение ст. 69 Конституции, гарантирующей права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, непосредственно сам Федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов...» появился лишь в 1999 г. К тому моменту время уже было значительно упущено, так как влияние цивилизации и промышленного освоения Севера и Арктики на изменение традиционного образа жизни превратилось в разрушительный и в целом необратимый процесс: невосполнимый вред экологии, угроза утраты природного биоразнообразия Арктики, распространение алкоголизма и инфекционных заболеваний, что, наряду с переездом «аборигенов» в города, явилось причиной высокой смертности и депопуляции.

Согласно исследованию, проведенному Ю.А. Сумароковым, Т. Бренном, А.В. Кудрявцевым и О. Нильсеном, высокий уровень ментальных проблем и суицидальных рисков среди коренных народов (в частности, ненцев в НАО) приходится на фокус-группу резидентов городских агломераций, которые утратили чувство принадлежности к своей этнокультурной общности. Таким образом, процесс культур-

ной ассимиляции и жизнь в городе фактически явились причиной высокой смертности вследствие ощущения оторванности от родных корней и образа жизни предков, эмоциональной пустоты и депрессии [1]. Специалисты обозначают это явление как «этно-психологические факторы», влияющие на распространение заболеваний и формирующие «неблагоприятные индивидуально-психологические свойства – сужение временной перспективы, пассивность и равнодушное отношение к собственному будущему» [2. С. 27].

Необходимо признать, что промышленное освоение Арктики не соответствует «экологической емкости природной среды» при «практическом отсутствии адекватных мер по ее реабилитации» [3. Р. 167], именно поэтому оно имеет столь губительное воздействие на состояние здоровья населения, ведущего традиционный образ жизни. Примечательно, что это характерно не только для Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), но и для всего Арктического региона. Как отмечает Е.Е. Торопушина: «В настоящее время для зарубежного Севера характерно отсутствие единообразия в формировании и реализации политики в сфере охраны здоровья: политика в этой сфере осуществляется исходя из сложившейся системы государственного управления, структуры организации систем здравоохранения и пр.» [4. С. 179]. Вместе с тем в Скандинавии и Северной Америке исторически традиционно более высокий, чем в России, уровень развития местного самоуправления. В связи с чем муниципалитеты обладают большей свободой и вариативностью развития собственных позитивных практик по охране здоровья. Например, как отмечает автор, в Дании целые ассоциации пациентов принимаются непосредственное участие в формировании и реализации политики в сфере охраны здоровья [Там же. С. 178]. Тем не менее в законодательстве стран Арктического региона отсутствуют отдельные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы охраны здоровья коренных народов [5. С. 9–13; 6. С. 152–156; 7; 8; 9].

По справедливому высказыванию А.И. Козлова, М.А. Козловой и др., «коренное население Севера РФ представляет собой группу этнических меньшинств, в социальном плане чрезвычайно уязвимых. Переход от политики государственного патернализма к рыночным

отношениям привел к резкому падению качества жизни значительной доли северян, выразившемуся в неадекватном уровне доходов, маргинализации и люмпенизации, ориентации на выживание за счет местных ресурсов на фоне сокращения объемов традиционного природопользования» [10. С. 5]. Сложившиеся условия напрямую затрагивают успешную реализацию концепции национальной этнополитики в АЗРФ [11. С. 125–142].

В настоящее время коренные малочисленные народы составляют около 15% от общего населения российской части Арктики. В Арктической зоне России, по данным на 2011 г., проживало порядка 1 млн человек, при этом более 150 тыс. из них – представители 17 малочисленных народов (саамы, ненцы, ханты, манси, селькупы, кеты, энцы, нганасаны, долганы, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, эскимосы, керекы, чуванцы и коми-ижемцы) [12. С. 91]. Необходимо отметить, что если внимательно соотнести места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов с районами, входящими в состав АЗРФ, то, исключив коми-ижемцев из Республики Коми (не входящих в Единый правительственный перечень) и чулымцев из Красноярского края (районы их проживания не относятся к АЗРФ), и включив коряков Чукотки, мы как раз и получим число 17.

В национальной политике арктических государств достаточное внимание уделяется вопросам охраны традиционной культуры и языка, но проигнорирован ключевой фактор сохранения коренных народов – охрана их здоровья. Тем не менее анализ официальных статистических данных Росстата, аналитических отчетов Минздрава и уполномоченных по правам человека в регионах АЗРФ показывает, что в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к снижению качества здоровья коренных народов за счет нарушения биологических и функциональных процессов в их организме, изменений социально-профессиональной структуры, социально-культурных и этнических ритмов. Профессор М.А. Шрага указывает на острую необходимость в создании сети «подразделений (учреждений) гигиенической (санитарной) экологии», организации современного медико-эпидемиологического мониторинга в Российской Арктике [13. С. 54]. Связано это, прежде всего, с промышленным освоением АЗРФ, где сосредоточены основные загрязнители – нефтегазовые, горнодобывающие и транспортные компании [14. С. 115].

Это подтверждается и в резолюции по итогам научно-практической конференции с международным участием в октябре 2017 г. «Проблемы сохранения здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Арктике», организаторами которой выступили Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Федеральное бюджетное учреждение науки «Северо-Западный научный центр гигиены и общественного здоровья» Роспотребнадзора. В резолюцию вошел целый ряд предложений, в том числе наиболее ценные из них:

– разработка федеральной целевой программы улучшения санитарно-эпидемиологической ситуации на территории АЗРФ;

– включение Роспотребнадзора в состав рабочей группы в рамках Арктического Совета и в экспертную группу по медико-экологическим вопросам Государственной Комиссии по вопросам развития Арктики;

– создание общественного организационного комитета по вопросам санитарно-эпидемиологического благополучия на территории АЗРФ;

– предложение органам здравоохранения администраций арктических регионов России использовать опыт Архангельской области по созданию и ведению онкорегистра и регистра родов;

– разработка нормативно-правовых актов в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия, касающихся соответствующих требований с учетом особых условий АЗРФ и принципов районирования в России;

– обоснование требований к корректировке программ социально-гигиенического мониторинга с включением показателей, характеризующих содержание высокотоксичных загрязняющих веществ и возбудителей опасных инфекций и инвазий, передающихся по пищевой цепи через объекты традиционного промысла населения;

– разработка нормативных требований к оценке и управлению индивидуальным риском возникновения нарушений здоровья работников при выполнении трудовых операций в условиях экстремального холодового воздействия.

Очевидно, что решение глобальных проблем освоения и развития Арктического региона России невозможно без реализации сбалансированной политики «аборигенного нативизма» и «устойчивого развития» в отношении здоровья коренных народов АЗРФ. «Аборигенный нативизм» – это политика, проводимая в интересах коренных малочисленных народов, связанная с оживлением их родовой культуры и традиционного образа жизни. Эти политические практики органично вписываются в концепцию развития «арктического интеллектуального сервиса», охватывающего различные направления экономической деятельности (полярная гидрография, наблюдения за изменением климата, ледовой обстановкой, арктическими экосистемами и т.д.), которые напрямую затрагивают жизнь и деятельность коренного населения [15. Р. 73].

Здоровье коренных народов АЗРФ как объект правовой охраны. Особенностью современного положения коренных народов в мировой политической и юридической практике является то, что основной акцент делается на утверждение и защиту их права на *самоопределение и развитие*. Эти права относятся к третьему поколению прав человека, так называемым *коллективным правам*. Прежде всего, это право на самоуправление, языковые, культурные и религиозные права, и, конечно, право на традиционное природопользование.

И если под указанные формы реализации этнокультурной самобытности коренных народов государства принимают соответствующие нормативно-правовые акты и утверждают политико-правовые институты, то право на здоровье коренных народов фактически не рассматривается как нечто особенное. Презюмируется, что коренные народы обладают пра-

вом на получение квалифицированной медицинской помощи наравне с другими гражданами государства. Остается лишь вопрос о механизме реализации этого права, насколько он прозрачен и понятен самим коренным народам. Прежде всего, это касается кочевников.

Таким образом, обнаруживается определенная политико-правовая коллизия. С одной стороны, утверждается, что коренные народы обладают особым правовым статусом в силу их малочисленности, исторической несправедливости в результате колониционных процессов и традиционного образа жизни в особых климатических условиях. С другой стороны, в рамках защиты права на здоровье они *de jure* не обладают таким статусом, за исключением *de facto* проводимых государством или различными научно-исследовательскими институтами разовых мероприятий медицинского характера в местах традиционного проживания аборигенов. Указанные мероприятия субсидируются на конкретный срок в рамках определенных программ.

Очевидно, что иммунитет коренных народов существенно отличается от иммунитета жителей урбанизированного пространства. На этот традиционный исторически влиял целый комплекс факторов: изоляционный, нутриционный, гигиенический, иммунный (в том числе вопросы вакцинации). Именно поэтому при принудительном переселении коренных (прежде всего, кочевников) в поселки и города в эпоху освоения северных территорий, контактах с другими этническими группами у первых развился целый комплекс нетипичных для их среды заболеваний.

Более того, указанные критерии можно также применять и в отношении «укорененного» и «старожильческого» населения, которое подобно коренным народам ведет традиционный образ жизни в сельской местности. Таким образом, основным критерием в данном случае выступает не фактор этничности, а образ жизни в суровых климатических условиях. Примечательно, что этот тезис подтверждается и позицией Верховного Суда России (см.: Постановление Пленума ВС РФ от 23.11.2010 № 27 (ред. от 18.10.2012)).

В связи с этим, при регулировании вопросов охраны здоровья коренных народов необходимо наличие четких и понятных правовых конструкций, позволяющих обеспечить реализацию ст. 69 Конституции.

Охрана здоровья «аборигенов» в контексте международных обязательств. *De facto* правовое регулирование охраны здоровья коренных народов АЗРФ выстраивается в соответствии с положениями вышеупомянутой Декларации ООН 2007 г., несмотря на то, что Россия *de jure* не является государством-участником этого документа «мягкого права» («soft law»).

Являясь международным документом рекомендательного характера, декларация, тем не менее, имеет большое политическое значение, в связи с чем отсылки к этому документу можно найти даже в решениях высших судов Российской Федерации (см.: Решение ВАС РФ от 03.12.2012 № ВАС–12173/12).

Так, согласно ст. 21 Декларации: «1. Коренные народы имеют право без дискриминации на улучше-

ние социально-экономических условий их жизни, в том числе, в частности, в таких областях, как образование, занятость, профессионально-техническая подготовка и переподготовка, обеспечение жильем, санитария, здравоохранение и социальное обеспечение. Государства принимают действенные меры и, при необходимости, особые меры по обеспечению непрерывного улучшения социально-экономических условий их жизни. Конкретное внимание уделяется правам и особым потребностям престарелых, женщин, молодежи, детей и инвалидов, принадлежащих к коренным народам».

Право граждан России на медицинскую помощь – конституционное, оно закреплено в ч. 1 ст. 41 Конституции, а ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья...» гласит, что «каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме...».

Применительно к коренным народам действует п. 9 ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 82-ФЗ, определяющий, что «лица, относящиеся к коренным малочисленным народам, имеют право получать бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения в рамках Программы государственных гарантий обязательного медицинского страхования». Также ст. 10 Федерального закона № 323-ФЗ предусмотрено, что доступность и качество медицинской помощи обеспечиваются организацией оказания медицинской помощи по принципу приближенности к месту жительства, месту работы или обучения, транспортной доступностью медицинских организаций для всех групп населения, в том числе инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения и др.

Статья 23 Декларации указывает на необходимость реализации специальных программ поддержки коренных народов: «Коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии в целях осуществления своего права на развитие. В частности, коренные народы имеют право активно участвовать в разработке и определении здравоохранительных, жилищных и других социально-экономических программ, которые их затрагивают, и, насколько это возможно, реализовывать такие программы через свои собственные институты».

В статьях 24 и 31 декларируется недопустимость дискриминации коренных народов и их права на «традиционную медицину»: «Коренные народы имеют право на свою традиционную медицину и на сохранение своей практики врачевания, включая сохранение важнейших лекарственных растений, животных и минералов. Лица, принадлежащие к коренным народам, также имеют право на доступ без какой бы то ни было дискриминации ко всем видам социального и медицинского обслуживания».

Статья 29 Декларации констатирует необходимость осуществления программ мониторинга, сохранения и восстановления здоровья коренных народов: «Государства принимают также действенные меры по обеспечению, в случае необходимости, надлежащего осуществления программ мониторинга, сохранения и восстановления здоровья коренных народов в том

виде, как они разрабатываются и осуществляются народами, подвергшимися негативному воздействию таких материалов».

Как подчеркивает Абрютин, «в ходе реформ и перестройки системы здравоохранения централизованный сбор и систематизация статистических данных по аборигенным народам Севера постепенно сворачивались и к настоящему времени прекратились совсем». Она также отмечает острую необходимость учета коренных без привязки к Единому правительственному перечню: «Начать необходимо с восстановления сбора статистических данных по категории коренных малочисленных народов в регионах их проживания. Также, приступая к разработке и реализации программ по повышению эффективности медицинской помощи, принципиально важно отказаться от использования в качестве критерия официального Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации и ориентироваться только на конкретные группы населения (независимо от национального состава), дифференцируя их по признакам занятия традиционной деятельностью, проживания в удаленных труднодоступных местах и районах, подверженных наибольшим промышленным разрушениям и химическим загрязнениям» [16. С. 221; 230–231].

Среди документов юридически обязательного характера следует выделить Конвенцию МОТ № 169, в ст. 20 которой установлено, что: «1. Правительства, в рамках своих национальных законодательств и в сотрудничестве с соответствующими народами, принимают специальные меры в отношении найма и условий занятости трудящихся, если они не получают эффективной защиты по законам, распространяющимся на всех трудящихся. <...> 3. Принятые меры включают меры, обеспечивающие: б) чтобы трудящиеся, принадлежащие к соответствующим народам, не ставились в условия, представляющие опасность для их здоровья, в частности в связи с воздействием пестицидов и других токсических веществ...».

Также ст. 25 устанавливает, что «1. Правительства обеспечивают соответствующим народам должное медицинское обслуживание или предоставляют им ресурсы, позволяющие им организовывать и осуществлять такое обслуживание под собственную ответственность и под их контролем, с тем чтобы по состоянию своего физического и психического здоровья они могли находиться на наиболее высоком достижимом уровне».

Россия не является государством – участником указанного соглашения, а среди арктических стран ее ратифицировали только Норвегия (1990 г.) и Дания (1996 г.). Таким образом, Россия выстраивает систему защиты прав коренных народов АЗРФ, ориентируясь, прежде всего, на внутреннее право.

«Острые углы» российской правовой и институциональной системы. Одним из «каменной преткновения» для России является пересмотр системы социального обеспечения и здравоохранения с учетом интересов коренных народов АЗРФ. В настоящее время, когда статус «традиционной медицины» в России находится еще на стадии становления, а организация системы здравоохранения централизована, реализа-

ция определенной части международных конвенционных стандартов представляется затруднительной. Так, сложно обеспечить планирование служб здравоохранения и управление ими в сотрудничестве с соответствующими народами с учетом экономических, географических, социальных и культурных условий, а также их «традиционной превентивной медицины», «традиционных методов врачевания» и лекарственных средств.

Более того, ратификация Конвенции МОТ № 169 гипотетически может обнажить нерешенные проблемы, в частности, рассогласованность действий органов местного самоуправления и местных общин коренных народов АЗРФ. Ведь, согласно договору, система здравоохранения должна отдавать предпочтение подготовке и найму работников здравоохранения из жителей местных общин и обеспечивать преимущественно первичную медицинскую помощь при одновременном поддержании тесных связей со службами здравоохранения на других уровнях.

Вместе с тем нельзя не отметить и положительную динамику по вопросам подготовки специалистов в указанной области. Так, согласно «Общероссийскому классификатору занятий», утвержденному в 2014 г. Приказом Росстандарта № 2020-ст, знания о «традиционной медицине» входят в квалификационные требования «среднего медицинского персонала здравоохранения», к числу задач которого относится «применение лечения травами и других видов терапии, основанных на народной медицине, верованиях и опыте разных народов и культур».

Также и анализ законотворческой активности российских парламентариев в области защиты права на охрану здоровья коренных народов позволяет продемонстрировать наиболее значимые инициативы (которые, к сожалению, пока не нашли своего отражения в действующем законодательстве).

Эволюция права постсоветской России на охрану здоровья «аборигенов». В 1994 г. в Государственную Думу России был внесен на рассмотрение законопроект № 94700302-1 «Основы правового статуса малочисленных коренных (аборигенных) народов России». Его судьба была непростой: он был принят «нижней палатой парламента» в июле 1995 г. и отклонен президентом в августе того же года. Затем в ноябре он был вновь принят парламентариями и месяц спустя снова отклонен президентом. В мае 1996 г. законопроект опять был принят в Государственной Думе и в июне отклонен Советом Федерации. В сентябре 1997 г. он был окончательно снят с рассмотрения Советом Государственной Думы.

Тем не менее именно этот законопроект достаточно полно учитывал ключевые положения Конвенции МОТ № 169, связанные с организацией медико-санитарной помощи коренным народам:

- планирование и регламентация ежегодной обязательной диспансеризации на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности малочисленных народов;

- размещение и функционирование учреждений здравоохранения на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности малочислен-

ных народов с учетом их социально-культурных особенностей;

- укомплектование медицинскими кадрами учреждений здравоохранения с учетом обычаев и традиций малочисленных народов;

- использование традиционных методов врачевания, принятых у малочисленных народов, при осуществлении органами здравоохранения санитарно-гигиенических мероприятий;

- бесплатность медицинского обслуживания лиц, относящихся к малочисленным народам, в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, включая обеспечение лекарственными средствами.

Одновременно с внесением в Государственную Думу указанного законопроекта Правительством России было утверждено Постановление от 30.07.1994 № 890 «О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения», в котором «малочисленные народы Севера», проживающие в сельской местности районов Крайнего Севера и приравненных к ним территориях, были включены в перечень групп населения и категорий заболеваний, при амбулаторном лечении которых лекарственные средства и изделия медицинского назначения отпускаются по рецептам врачей бесплатно.

Парадоксально, но право на охрану здоровья коренных народов было закреплено впоследствии сначала в Постановлении Правительства от 06.01.1997 № 13 «Об утверждении Правил добыwania объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, за исключением водных биологических ресурсов», где основное внимание было уделено вопросам сохранения биоразнообразия и экологической безопасности.

Затем гарантии прав коренных народов получать бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения в рамках Программы государственных гарантий обязательного медицинского страхования были окончательно закреплены в пп. 9 п. 2 ст. 8 Федерального закона № 82-ФЗ «О гарантиях...». После этого был принят ряд законов, которые формально расширили права коренных народов на охрану здоровья. Так, например, согласно ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» «члены семейных (родовых) общин коренных малочисленных народов Севера подлежат обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в случае, если они добровольно вступили в отношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и уплачивают за себя страховые взносы в соответствии со статьей 4.5 настоящего Федерального закона».

Однако реализовать это право для коренных народов весьма затруднительно.

Во-первых, их официальный трудовой статус не всегда определен. Часто и мужчины, и женщины из

числа коренных народов оформлены как «оленоводы», так как с 1983 г. в перечень не были внесены профессии, связанные с традиционным образом жизни, например «чумработница» (Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 19.07.1983 № 156/15–28).

Во-вторых, не до конца проясненным является вопрос о том, кто и каким образом должен уплачивать страховые взносы в рамках «обязательного медицинского страхования», ведь не все «аборигены» имеют официальный трудовой статус, ведут кочевой образ жизни и не получают стабильные доходы в денежной форме.

Признание особого правового статуса кочевых коренных народов послужило бы катализатором для запуска организационно-экономического механизма государственного субсидирования.

В 2009 г. Постановлением Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Ее цели и задачи получили реализацию через региональные и муниципальные долгосрочные целевые программы.

С 2011 г. изменилось отношение органов власти и к традиционной медицине, которая, наконец, после отклоненного Государственной Думой *законопроекта № 99059204–2* 1999 г. получила официальный статус. В статье 50 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определен порядок реализации права на занятие народной медициной, которая отграничена от «услуг оккультно-магического характера» и «совершения религиозных обрядов».

Право на выдачу разрешений на занятие народной медициной, согласно утвержденным областными законами административным регламентам, передано региональным правительствам. Тем не менее ни в федеральном, ни в региональных законах о реализации государственных полномочий в сфере охраны здоровья граждан нет упоминания коренных народов.

С 2015 г. при диспансеризации собирается информация о принадлежности больного к коренному народу. Согласно Приказу Минздрава от 06.03.2015 № 87н «Об унифицированной форме медицинской документации и форме статистической отчетности, используемых при проведении диспансеризации определенных групп взрослого населения и профилактических медицинских осмотров, порядках по их заполнению», в п. 7 Учетной карты отмечается принадлежность гражданина к «коренному малочисленному народу». При этом достоверность предоставляемых пациентом сведений не проверяется. Тем не менее введение данного пункта в учетную карту позволило усовершенствовать статистический сбор информации и более точно планировать объемы государственного финансирования для обеспечения коренных народов бесплатной социальной и медицинской помощью.

На начало 2018 г. в Государственной Думе находится на рассмотрении *законопроект № 1026256–6* «О государственной поддержке лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и

Дальнего Востока Российской Федерации, ведущих кочевой образ жизни», в котором делается акцент на необходимости приоритетного предоставления мер государственной поддержки кочевников, в том числе по вопросу обеспечения бесплатной медицинской помощью в рамках программы обязательного медицинского страхования.

Роль регионов и муниципалитетов в охране здоровья «аборигенов». Законодательство, регулирующее вопросы охраны здоровья, на уровне регионов и муниципалитетов носит еще менее системный характер. Оно сводится к региональному плану мероприятий по реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утверждаемому распоряжением Правительства субъекта Федерации. Так, в настоящее время в целях реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 25.08.2016 № 1792-р эти планы действительны в субъектах на 2017–2025 гг. Участие в его исполнении принимают департаменты по делам коренных малочисленных народов Севера. Фактически, на текущий момент это единственный документ, регулирующий вопросы охраны здоровья коренных малочисленных народов Севера на региональном уровне. Остальные нормативы закреплены в локальных документах медицинских учреждений.

Это во многом связано с переходом Правительства на *проектно-ориентированный тип управления государственным бюджетом*, который направил все усилия органов власти на выполнение государственных программ и отвлек внимание законодательной власти от правотворческой деятельности и «латания» пробелов в федеральном и региональном законодательстве. В «коллизиином поле» оказалась и охрана здоровья как в целом граждан РФ, так и в особенности коренных народов [17. С. 862–868].

Одновременно с этим состояние здоровья коренных народов Севера и их традиционный образ жизни претерпели неизбежные изменения [18. С. 10–11]. На примере Ямала, как одного из самых перспективных арктических регионов РФ, можно продемонстрировать степень и характер этих изменений.

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа проживает более 37 тыс. человек из числа «аборигенов». Кочевой образ жизни ведут более 17 тыс. человек. Среди коренных жителей тундры и национальных поселков Ямальского, Тазовского и Надымского районов ЯНАО в течение 5 лет наблюдается тенденция к снижению распространенности хронического необструктивного бронхита и повышению распространенности гипертонической болезни (рост на 84% за последние 3 года) и избыточной массы тела. Наиболее высокая заболеваемость гипертонической болезнью наблюдается в Тазовском районе (50,0%), хроническим необструктивным бронхитом (27,1%) и избыточной массой тела (35,6%) в Надымском районе. Эти негативные тенденции в ухудшении состоянии здоровья коренного населения обусловлены комплексом факторов: экологических, социально-экономических и пр. Однако ведущими, на наш взгляд, являются изменение традиционного образа

жизни и рациона питания. Так, в 2012–2016 гг. в Ямальском и Тазовском районах ЯНАО, где сосредоточена основная часть коренного населения, наблюдается драматическое снижение потребления традиционных продуктов питания, местной рыбы и оленины в среднем наполовину. Это оказывает негативное влияние на показатели здоровья: периферическое кровообращение, поддержание нормального артериального давления и массы тела, усвоение кислорода, антиоксидантную активность [19. Р. 1–27].

Немалую роль в снижении объемов потребления рыбы сыграло ужесточение регулирования вылова рыбы и установления квот в соответствии со ст. 30 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О рыболовстве...», которые недостаточны для «обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», как это заявлено в законе. Для представителей коренных народов, основным промыслом которых является рыболовство, установленные объемы вылова (добычи) рыбы не позволяют получать доход, который обеспечил бы им поддержание минимального уровня жизни своей семьи или общины, и подталкивает их к смене традиционного образа жизни и переселению в поселки или города.

Наблюдается проблемная ситуация и с охраной репродуктивного здоровья женщин и материнства. Так, в Тазовском и Ямальском районах из-за экстремальных условий проживания в тундре отмечается высокий уровень самопроизвольного прерывания беременности, что говорит о недостаточной доступности медицинской помощи. Тем не менее именно данное направление охраны здоровья – защита детства и материнства коренных народов – является ключевым при их сбережении. Его важность осознана и законодательно урегулирована (применительно к инуитам) только в одном из арктических государств – Канаде [20. С. 481–512].

В настоящее время разработана концептуальная региональная модель гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий, которая строится на выработке приоритетных направлений через мониторинговые мероприятия (среды обитания, алиментарного статуса и общего состояния здоровья). Результатом их реализации является установление факторов риска заболевания, а затем научное обоснование управленческих решений. Это отражается в нормативно-методической базе и, в конечном счете, в целевой комплексной программе, которая утверждается Постановлением Губернатора [21. С. 80–82].

Представляется, что подобная модель может быть основой для принятия управленческих решений во всех регионах АЗРФ, где проживает коренное население.

Заключение

В целях улучшения нормативно-правового и институционального обеспечения права на здоровье коренными народами Российской Арктики необходимо предпринять целый комплекс мер, включающий в себя:

– принятие федерального закона о защите прав коренного населения, ведущего кочевой образ жизни, с разъяснением стандартов оказания медицинской помощи применительно к данной группе населения;

– внесение изменений в федеральное законодательство, а также в подзаконные акты, определив перечень профессий коренных народов для цели обяза-

тельного социального страхования и обязательного медицинского страхования;

– разработка программ поддержки репродуктивного здоровья женщин из числа коренных народов;

– обеспечение нормативного сопровождения и реализации наиболее ценных положений законопроекта № 94700302-1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sumarokov Y.A., Tormod B., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. Suicides in the indigenous and non-indigenous populations in the Nenets Autonomous Okrug, Northwestern Russia, and associated socio-demographic characteristics // *International Journal of Circumpolar Health*. 2014. Vol. 73. DOI: 73: 10.3402/ijch.v73.24308. EID: 2-s2.0-84899814578.
2. Sorokina S.A., Zagdyn Z.M. Social-economic and psychological factors affected the tuberculosis and HIV-infection spread among indigenous peoples in Russia (review) // *MEDalliance*. 2016. № 3. P. 24–29.
3. Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. Introduction of Innovation Technology as a Factor in Environmental Modernization in Russian Arctic // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10, № 2. P. 164–180. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.9. WOS:000402768600010.
4. Торопушина Е.Е. Муниципальная социальная политика в сфере охраны здоровья: зарубежный опыт северных территорий // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013. № 2. С. 171–180.
5. Кайгородова Т.В., Запороженко В.Г., Ермолаев А.Р. Международный опыт по охране здоровья коренных народов // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2012. № 1. С. 9–13.
6. Богданова Е.Н., Залынский Н.П. Сбережение населения в Российской Федерации: социально-правовой аспект // *Перспективы науки и образования*. 2015. № 1 (13). С. 152–156.
7. Гарипов Р.Ш. Защита прав коренных народов в России и США. Казань : Изд-во Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2010. 252 с.
8. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Серия: Исследования по антропологии права / отв. ред. Н.И. Новикова. М. : Стратегия, 2008. 512 с.
9. Black K., McBean E. Increased Indigenous Participation in Environmental Decision-Making: A Policy Analysis for the Improvement of Indigenous Health // *The International Indigenous Policy Journal*. 2016. Vol. 7 (4). DOI: 10.18584/iipj.2016.7.4.5.
10. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур / А.И. Козлов, М.А. Козлова, Г.Г. Вершубская, А.Б. Шилов. 2-е изд. Пермь : ОТ и ДО, 2013. 205 с.
11. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // *The Polar Journal*. 2017. № 1 (7). P. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748; EID: 2-s2.0-85019695925.
12. Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // *Арктика: экология и экономика*. 2011. № 3. С. 90–105.
13. Шпрага М.Х. Циркумполярная среда обитания: безопасность и здоровье населения // *Арктика и Север*. 2011. № 1. С. 35–55.
14. Хакназаров С.Х. Исследование общественного мнения в Нефтеюганском районе Югры о промышленной разработке полезных ископаемых // *Арктика и Север*. 2017. № 28. С. 106–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.106.
15. Богданова Е.Н., Лобанов А.А., Попов А.И. Социально-экономическая политика Российской Федерации в сфере охраны здоровья: вызовы и прогнозы // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 9–3 (86–3). С. 862–868.
16. Вязьмин А.М., Санников А.Л., Мордовский Э.А. Социально-медицинские проблемы народонаселения циркумполярных стран – вызовы современному развитию Арктики // *Арктика и Север*. 2012. № 8. С. 1–17.
17. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M. Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10, № 3. P. 59–77. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.3. WOS:000411528100004
18. Абрютина Л.И. Между двух огней. Влияние социальных и экологических факторов на здоровье коренных малочисленных народов Севера // *Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации*. М. : Издание Совета Федерации, 2013. С. 218–231.
19. Anderson I., Robson B., Conolly M. et al. Indigenous and tribal peoples' health (The Lancet–Lowitja Institute Global Collaboration): a population study // *Lancet*. 2016. Vol. 386. P. 1–27. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)00345-7.
20. Dyck E., Lux M. Population Control in the “Global North”? Canada’s Response to Indigenous Reproductive Rights and Neo-Eugenics // *The Canadian Historical Review*. 2016. Vol. 97 (4). P. 481–512. DOI: 10.3138/chr.Dyck.
21. Надточий Л.А. Решение проблем сохранения здоровья коренных и малочисленных народов в отдельных регионах России (медико-социальные аспекты). Красноярск, 2014. 173 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 мая 2018 г.

THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC: “COLLISION FIELD” AND SEARCH FOR NEW SOLUTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 210–217.

DOI: 10.17223/15617793/432/28

Elena N. Bogdanova, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: e.n.bogdanova@narfu.ru

Maksim Yu. Zadorin, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Andrei A. Lobanov, Arctic Research Centre of the Yamal-Nenets Autonomous District (Nadym, Russian Federation). E-mail: alobanov89@gmail.com

Andrei I. Popov, Arctic Research Centre of the Yamal-Nenets Autonomous District (Nadym, Russian Federation). E-mail: anpopov2007@yandex.ru

Sergey V. Andronov, Arctic Research Centre of the Yamal-Nenets Autonomous District (Nadym, Russian Federation). E-mail: sergius198010@mail.ru

Ruslan A. Kochkin, Arctic Research Centre of the Yamal-Nenets Autonomous District (Nadym, Russian Federation). E-mail: kochkin25011983@mail.ru

Keywords: indigenous small-numbered peoples; Russian Arctic; constitutional law; medicine law; social security law.

The article is devoted to the topical issue of health protection of indigenous peoples in the framework of modern state political and legal systems. The article focuses on the indigenous minorities of the Russian Arctic, which are a collective ethno-cultural community united by a common goal – the maintenance of the traditional way of living and the protection of their ethno-cultural identity. The health of indigenous peoples as a subject of legal protection stems from the very specific nature of life in harsh climatic conditions, as well as by the nature of their crafts and nutrition. At present, it is necessary to state that the right to health of Arctic “natives” is not fixed at the level of political and legal institutions and mechanisms in any state of the circumpolar region. The existing practice of studying the health status of indigenous peoples and prevention measures seem to be sporadic and not of a systemic nature. Indigenous peoples at the normative and legal level are formally integrated into the health system, which does not take into account their way of living, which is particularly relevant for nomads. International instruments and declarations on the rights of indigenous peoples focus on the protection of their right to self-determination and development, with little regard to the mechanism for the realization of the right to health. Russia is not a state party to ILO conventions on the rights of indigenous peoples, and has not signed the UN Declaration, but it is clear that a number of provisions of these documents are reflected in Russia’s law and law enforcement practices. The authors make an attempt to trace the evolution of regulatory initiatives for the health of indigenous peoples in post-Soviet Russia. It is noted that attempts to transform the health system in the areas of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples have not been successful. However, the materials of the draft laws that have not passed in the State Duma can be used in the future when making management decisions, including in the implementation of state programs. The characteristic of regional system of social security and health care is also given; its “painful points” are designated. In conclusion, the authors work out recommendations to improve the legal and institutional framework for the right to health of indigenous peoples, which relate to the need to clarify standards of health care, reproductive health issues, as well as the list of professions for the purpose of compulsory social and health insurance.

REFERENCES

1. Sumarokov, Y.A., Tormod, B., Kudryavtsev, A.V. & Nilssen, O. (2014) Suicides in the indigenous and non-indigenous populations in the Nenets Autonomous Okrug, Northwestern Russia, and associated socio-demographic characteristics. *International Journal of Circumpolar Health*. 73. DOI: 73: 10.3402/ijch.v73.24308. EID: 2-s2.0-84899814578.
2. Sorokina, S.A. & Zagdyn, Z.M. (2016) Social-economic and psychological factors affected the tuberculosis and HIV-infection spread among indigenous peoples in Russia (review). *MEDalliance*. 3. pp. 24–29.
3. Lipina, S.A., Zaikov, K.S. & Lipina, A.V. (2017) Introduction of Innovation Technology as a Factor in Environmental Modernization in Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 10(2). pp. 164–180. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.9. WOS:000402768600010.
4. Toropushina, E.E. (2013) Northern municipal social policy in the field of health care: international experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 171–180. (In Russian).
5. Kaygorodova, T.V., Zaporozhchenko, V.G. & Ermolaev, A.R. (2012) International experience with health care for indigenous peoples. *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 9–13. (In Russian).
6. Bogdanova, E.N. & Zalyvskiy, N.P. (2015) Saving of population in the Russian Federation: legal aspect. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science & Education*. 1 (13). pp. 152–156. (In Russian).
7. Garipov, R.Sh. (2010) *Zashchita prav korennykh narodov v Rossii i Ssha* [Protection of the rights of indigenous peoples in Russia and the United States]. Kazan: Tatar SHPU.
8. Novikova, N.I. (ed.) (2008) *Lyudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: the right to resources and examination]. Moscow: Strategiya.
9. Black, K. & McBean, E. (2016) Increased Indigenous Participation in Environmental Decision-Making: A Policy Analysis for the Improvement of Indigenous Health. *The International Indigenous Policy Journal*. Vol. 7 (4). DOI: 10.18584/iipj.2016.7.4.5
10. Kozlov, A.I., Kozlova, M.A., Vershubskaya, G.G. & Shilov, A.B. (2013) *Zdorov'e korennykh naseleniya Severa RF: na grani vekov i kul'tur* [Health of the indigenous population of the North of Russia: on the verge of centuries and cultures]. 2nd ed. Perm: OT i DO.
11. Zaikov, K., Tamitskiy, A. & Zadorin, M. (2017) Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*. 1 (7). pp. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748. EID: 2-s2.0-85019695925.
12. Murashko, O.A. (2011) Autochtons of the Arctic and Population of North: history, traditions, modern problems. *Arktika: ekologiya i ekonomika – The Arctic: Environmental and Economy*. 3. pp. 90–105. (In Russian).
13. Shraga, M.Kh. (2011) Circumpolar habitat: safety And health of population. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 1. pp. 35–55. (In Russian).
14. Khaknazarov, S.Kh. (2017) The study of public opinion on industrial mining in the Nefteyugansk district of Yugra. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 28. pp. 106–117. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.106
15. Bogdanova, E.N., Lobanov, A.A. & Popov, A.I. (2017) Socio-economic policy of the Russian Federation in the sphere of health protection: challenges and predictions. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 9–3 (86–3). pp. 862–868. (In Russian).
16. Vyaz'min, A.M., Sannikov, A.L. & Mordovskiy, E.A. (2012) Social and medical problems of the population of the circumpolar countries – challenges of the modern development of the Arctic. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 8. pp. 1–17.
17. Zaikov, K.S., Kalinina, M.R., Kondratov, N.A. & Tamitskii, A.M. (2017) Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 10(3). pp. 59–77. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.3. WOS:000411528100004
18. Abryutina, L.I. (2013) Mezhdru dvukh ogney. Vliyanie sotsial'nykh i ekologicheskikh faktorov na zdorov'e korennykh malochislennykh narodov Severa [Between two fires. Influence of social and environmental factors on the health of indigenous small-numbered peoples of the North]. In: Shtyrov, V.A. (ed.) *Sovremennoe sostoyaniye i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [Current state and ways of development of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow: Izdanie Soveta Federatsii.
19. Anderson, I. et al. (2016) Indigenous and tribal peoples' health (The Lancet–Lowitja Institute Global Collaboration): a population study. *Lancet*. 386. pp. 1–27. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)00345-7.
20. Dyck, E. & Lux, M. (2016) Population Control in the “Global North”? Canada’s Response to Indigenous Reproductive Rights and Neo-Eugenics. *The Canadian Historical Review*. 97 (4). pp. 481–512. DOI: 10.3138/chr.Dyck
21. Nadtochiy, L.A. (2014) *Reshenie problem sokhraneniya zdorov'ya korennykh i malochislennykh narodov v otdel'nykh regionakh Rossii (mediko-sotsial'nye aspekty)* [Solving the problems of preserving the health of indigenous and small-numbered peoples in certain regions of Russia (medical and social aspects)]. Krasnoyarsk: NII meditsinskikh problem Severa.

Received: 22 May 2018

МОЖЕТ ЛИ КОЛЛИЗИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ ПОРОЖДАТЬ ПРОБЕЛ В ПРАВЕ?

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4819.2018.6 («Совпадение коллизий норм права»).

Изучается вопрос, можно ли квалифицировать непреодолимую коллизию правовых норм одновременно еще и как юридическую лауну (так называемые существующие коллизионные пробелы в праве). Для этого изучаются высказанные отечественными и зарубежными правоведами идеи и их аргументация, рассматриваются реальные примеры таких коллизий. Обосновывается вывод о принципиальной несводимости антиномий норм к юридическим лаунам. Таким образом, способы восполнения пробелов неприменимы для таких коллизий норм права.

Ключевые слова: коллизия норм права; преодоление коллизий в праве; пробел в праве; способы восполнения пробелов в праве; коллизионный пробел.

Казалось бы, в теории права сложно представить понятия столь разные по смыслу, чем юридические лауны и коллизии в праве. Однако их объединяет то, что, они, являясь результатом правотворчества [1. С. 36], относятся к юридико-техническим дефектам позитивного права [2]. Дальше начинаются различия: коллизии являются следствием чрезмерной, излишней регламентации определенных сфер общественной жизни а пробелы, напротив, порождены недостаточным числом правил для определенных ситуаций. По справедливому мнению К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина, в случае коллизии нормативная «система имеет излишние нормы, и для решения проблемы требуется удаление по меньшей мере одной из конфликтующих норм» [3. С. 221]. Напротив, как отмечается авторами «Нормативных систем», пробел в праве предполагает неполноту правовой регламентации: «Понятие нормативного пробела должно быть определено в терминах нормативного определения. Действие p (принадлежащее к определенному классу действий N) нормативно определено в системе S , если и только если p разрешено или запрещено в S , то есть норма вида “ Pr ” или “ $O-p$ принадлежит S ”. Когда одно из действий класса N не определено в S , имеется пробел и система S неполна в отношении N . Только когда все действия из класса N определены, система S полна в отношении N . Полнота (пробел) есть, следовательно, относительное понятие: это отношение между системой норм и классом действий, а не (абсолютное) свойство системы, – положение которое часто юристы упускают из виду» [Там же. С. 220].

Между тем, несмотря на качественно различную природу, общие следствия пробелов и коллизий сходны: «...в обоих случаях система терпит крах в ее самой важной функции – функции регулирования поведения» [Там же. С. 221]. Более того, в «пространстве права» есть точка, в которой возникает вопрос о содержательном пересечении указанных ноуменов.

Речь идет о следующих ситуациях: легислатура в одном и том же формальном источнике права закрепляет две (или более) нормы, одинаковые по объему регулирования (адресованные одним и тем же субъектам в идентично моделируемых фактических ситуациях) и действующие на одной территории, но содержательно отличающиеся друг от друга – так, что реализация одной нормы с необходимостью означает нарушение другой.

Конечно, такого рода антиномии норм свидетельствуют о крайне низкой культуре законотворчества. Однако они все же встречаются в позитивном праве.

Так, ознакомившись с формулировкой ч. 6 ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса России от 08.01.1997 № 1-ФЗ, следует прийти к выводу о том, что осужденным к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов, а *любой* отказ от работы или прекращение работы будет квалифицирован как *злостное нарушение* установленного порядка отбывания наказания. Вместе с тем в силу ч. 1 ст. 116 того же кодекса лишь отказ от работы или прекращение работы *без уважительных причин* следует рассматривать как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания. В приведенном примере налицо два различных по содержанию запрета для осужденных: (1) универсальный запрет на отказ от работы или прекращение работы и (2) запрет на отказ от работы или прекращение работы *без уважительных причин*. Указанные запреты содержатся в одном и том же нормативном акте (уже в его первоначальной редакции), рассчитаны на регламентацию одного и того же общественного отношения; одинаков и их адресат [4. С. 53].

Другой пример непреодолимой коллизии проанализирован В.В. Ершовым [5. С. 11]. В абзаце 3 ст. 72 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ устанавливается, что «не является переводом на другую постоянную работу и не требует согласия работника перемещение его в той же организации... *в другое структурное подразделение* этой организации в той же местности... если это не влечет за собой изменения трудовой функции и изменения *существенных условий* трудового договора». Но согласно ст. 57 того же кодекса (в редакции, действовавшей до принятия Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ) к числу существенных условий трудового договора, которые не могут быть изменены односторонними действиями лишь работодателя, относилось место работы (*с указанием структурного подразделения*). Очевидно, что указанные нормы противоречили друг другу до середины 2006 г. в части решения вопроса о наличии у работодателя обязанности согласовывать с работником его перемещение в иное структурное подразделение, если оно было указано в трудовом договоре: пра-

вило, закрепленное в абз. 3 ст. 72 Трудового кодекса, отрицало наличие такой обязанности, а в ст. 57 Трудового кодекса, наоборот, она закреплялась. Таким образом, Трудовой кодекс России заключал в себе рассогласованные нормы, рассчитанные на упорядочивание одной и той же ситуации, одинаковые по объему регулирования, адресованные одним и тем же субъектам (работодателю и работнику).

Подобного плана коллизии встречаются и в зарубежных правовых порядках. Так, Л. Фуллер приводит такой пример: «В деле *United States v Cardiff* президент компании по производству продовольствия был обвинен в преступном отказе в доступе на фабрику федеральному инспектору, который должен был определить, соответствует ли она федеральному Закону о продовольствии, лекарствах и косметике. Условия, при которых инспектор может посетить фабрику, определяются в разделе 704 этого закона. Одно из этих условий состоит в том, что вначале необходимо получить разрешение владельца. Раздел 331 объявляет преступлением отказ владельца фабрики “разрешить вход или осмотр, признанные законными в разделе 704”. Таки образом, получается, что закон гласит, что у инспектора есть право посетить производство, но при этом у владельца есть право не допустить его, отказав в доступе» [6. С. 85].

Как видим, в приведенных примерах налицо признаки коллизии правовых норм: есть несколько правил поведения, порождающих рассогласованность, противоречивость правовой регламентации одной и той же фактической ситуации. Однако критерий преодоления такой коллизии, безусловно, туманен (нормы созданы одним и тем же органом, обладают одинаковой юридической силой, совпадают по объему, приняты одновременно и действуют на одной территории). То есть указанная коллизия не может быть квалифицирована ни как иерархическая, ни как содержательная, ни как темпоральная, ни как пространственная [7].

Правоведы, конечно же, не обошли подобные ситуации стороной в своих теоретических рассуждениях.

Так, по мнению Е.В. Васьковского, в таких случаях коллидирующие нормы «не могут быть примирены между собою и... нет достаточного основания для того, чтобы отдать предпочтение» [8. С. 80] какой-либо из них. Поэтому, продолжал он, «не остается ничего иного, как признать их взаимно уничтожающими друг друга, т.е. не существующими» [Там же].

В доктрине встречается мысль, что лишь такие, непреодолимые, непримиримые антиномии норм следует называть истинными коллизиями в праве, а те антиномии юридических правил, которые могут быть преодолены путем применения коллизионных норм, таковыми не являются. Об этом писал, в частности, Б. Виндшейд, полагавший, что в описываемой ситуации происходят взаимная аннигиляция коллидирующих норм, их изъятие из корпуса позитивного права. Немецкий правовед замечал: «...если противоречие вовсе не мнимое (и притом непримиримое), и если нельзя также доказать, что истинная мысль законодателя выражается в одном из этих правовых положений более, чем в другом, то следует сказать, что первое

имеет такую же силу, как и последнее; и что следовательно, первое отменяет последнее; а поэтому должно решать как не было ни того, ни другого» [9. С. 55].

При таком подходе ставится знак равенства между коллизиями и пробелами в праве. Ф. Хек, классифицируя пробелы в праве, называл описываемое явление коллизионным пробелом [10. С. 161; цит. по: 11. С. 375]. В этой связи Е.В. Васьковский, критикуя сам термин «коллизионный пробел», все же отмечал, что «под ним скрывается верная мысль, что когда существуют две противоречивые, отменяющие друг друга нормы и когда это противоречие нельзя устранить, следует вести себя так, словно в праве существует пробел» [11. С. 375]. Заместим, что термин «коллизионный пробел» встречается у многих отечественных и зарубежных авторов [1. С. 36, 39–41; 12. С. 54; С. 13. С. 207; 14. С. 25–30; 15; 16. С. 12; 17. С. 35; 18. С. 204; 19. С. 4–6; 20. С. 371–372].

«Коллизионный пробел» необходимо отличать от пробела в коллизионном регулировании (это понятие используется в науке международного частного права). В последнем случае в силу дефектности коллизионной нормы либо ее отсутствия для какого-либо отношения, осложненного иностранным элементом, отсутствует возможность применения коллизионных норм [21. С. 22–23; 22. С. 37]. Главным методом восполнения пробела в коллизионном регулировании «является применение гибкой коллизионной нормы» [22. С. 38] (принцип наиболее тесной связи) [23. С. 47], т.е. аналогия закона.

Вопрос непримиримого конфликта правовых норм занимал и Г. Кельзена. Вообще, позиция Кельзена о возможности коллизии норм не отличается последовательностью. В своем «Чистом учении о праве» 1934 г. [24, 25] Кельзен отвергает возможность коллизии норм права (они не рассматривались им как суждения), однако уже в англоязычном переводе этой работы в 1945 г. он меняет свой подход [26; 27. С. 14, 60–64]. И теперь в чистом учении о праве в случае невозможности применения коллизионных норм и принципов для преодоления конфликта юридических правил, «...либо оба [коллидирующих] положения могут пониматься в том смысле, что правоприменительному органу – например, суду – представляется выбрать между ними, либо (если... две нормы лишь частично противоречат друг другу) вторая норма может пониматься как ограничивающая действительность первой... Если же невозможна ни та ни другая интерпретация, то это значит, что законодатель предписывает нечто бессмысленное, перед нами бессмысленный нормоустанавливающий акт; следовательно, здесь отсутствует какой-либо акт, субъективный смысл которого можно истолковать как его объективный смысл, и потому нет никакой объективно действительной нормы, – и это несмотря на то, что акт был осуществлен в соответствии с основной нормой» [28. С. 83] (заметим, что цитируемый перевод был выполнен по изданию «Чистого учения о праве» 1960 г. [29], поэтому он отражает систему взглядов «позднего» классического Кельзена американского периода [30. С. 3]).

Зембинский осуществил попытку классификации коллизионных пробелов, выделив два их вида:

1) «логические» пробелы, где одна норма разрешает какое-то действие, а другая его запрещает; 2) «праксиологическое несоответствие» норм, когда результаты реализации одной из них препятствуют достижению результатов другой [13. С. 207].

В.В. Лазарев в числе существенных признаков «коллизийного пробела» называл абсолютный характер противоречия двух правил, порождающий невозможность преодоления правовой коллизии на основании применения коллизийных норм и принципов (таких как *lex superior, lex specialis, lex posteriori*) [14. С. 25–27], отмечая, что объекты коллизии, порождающей пробел, могут содержаться как в одном, так и в нескольких нормативных правовых актах [Там же. С. 26–27].

Последняя мысль В.В. Лазаревым нуждается в небольшом уточнении. Непреодолимое противоречие правовых норм, как правило, будет отсутствовать в случаях антиномии норм *различных* (двух и более) нормативных правовых актов, поскольку в этом случае почти всегда можно воспользоваться правилом преодоления темпоральной коллизии. Даже если два нормативных акта, содержащих абсолютно несовместимые нормы, приняты в один и тот же день, в подавляющем большинстве случаев можно установить момент их принятия и в этом случае использовать принцип *lex posteriori derogat priori*. И лишь когда установить точную хронологию голосования за принятие нормативных актов в рамках одного дня нельзя, можно вести речь о неразрешимой коллизии (подобные примеры автору неизвестны, но гипотетически они возможны).

Описав воззрения правоведов, выделяющих «коллизийный пробел» в качестве самостоятельного вида юридических лакун, следует обратиться к природе коллизий и пробелов в праве. На наш взгляд, характеризовать ситуации непреодолимого противоречия норм права как «нормативную пустоту» нельзя. В основу предлагаемой позиции положено следующее:

Во-первых, антиномии норм позитивного права и юридические лакуны вызваны принципиально разными причинами: первые – нормативной избыточностью, т.е. множеством конфликтующих норм права, вторые – нормативной недостаточностью. В момент преодоления (в отличие от устранения) такой коллизии рассогласованные нормы все еще остаются в корпусе позитивного права как действительные и при отсутствии критерия выбора нормы. Более того, вообще в коллизийных ситуациях не всегда очевиден выбор применимой нормы (вспомним хотя бы вопрос об обратной отсылке в международном частном праве, неопределенность в иерархическом соотношении ряда нормативных актов). Если, к примеру, в сфере совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ) друг другу будут противоречить нормы постановления Правительства РФ и закона субъекта РФ, нормативная основа для преодоления такой коллизии будет отсутствовать. Но никто не будет вести речь о том, что тем самым указанные нормы уничтожают друг друга. Проблема выбора применимой нормы все равно остается.

Во-вторых, столкнувшись с ситуацией множества регуляторов поведения для одной ситуации правоприменитель обращается к арсеналу интеллектуаль-

ных операций для преодоления коллизий в праве, а не восполнения пробелов. Так, он может попытаться примирить коллидирующие нормы путем их системного и исторического толкования [6. С. 85–88; 31. С. 423–433] либо отказаться признавать наличие коллизии, ограничив, как писал Кельзен [28. С. 83], сферу действия одной из них, либо, наконец, выбрать одну из двух возможных коллидирующих норм, обосновав ее выбор любыми возможными аргументами либо вообще не мотивируя решение. Е.В. Васьковский применительно к последней альтернативе предлагал «отдать предпочтение той из них, относительно которой с большей вероятностью можно предположить, что именно в ней выражена истинная мысль законодателя» [8. С. 81]. Об этом, по его мнению, могут свидетельствовать «либо то обстоятельство, что одна из норм более согласна с другими действующими нормами, либо то, что она помещена именно в том отделе законодательства, который специально относится к данному виду отношений» [Там же].

Так, в приведенном в начале статьи примере конфликта норм ч. 6 ст. 103 и ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса России перспективной стратегией преодоления коллизии видится системное истолкование норм в контексте отраслевых и общеправовых принципов (в пользу правила ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса). А разрешения коллизийной ситуации в приведенном противоречии норм Трудового кодекса можно было пойти путем ограничительного толкования пределов действия правила абз. 3 ст. 72 как ущемляющего законные интересы слабой стороны трудовых правоотношений – работника.

Более того, в литературе даже встречаются попытки сформулировать коллизийную норму для преодоления исследуемых антиномий норм в рамках одного акта. Например, в своем трактате о толковании лорд Элсмир сформулировал экстравагантное предложение, «согласно которому при возникновении несовместимостей в пределах родного акта приоритет должно иметь первое из положений – то есть положение, которое является первым по порядку чтения текста» (цит. по: [6. С. 86]). Иронизируя над таким экзотичным подходом, Л. Фуллер справедливо задается вопросом о хоть каком-то его основании: «Интересно, что лежало в основе столь курьезного взгляда. Может, допущение, что к концу своего труда составители закона становятся более утомленными и менее внимательными?» – вопрошает он [Там же]. Однако нет сомнений в том, что это именно попытка преодолеть коллизию, но не восполнить пробел.

Дело в том, что в ситуации непреодолимой рассогласованности правил техника обращения с нормативным материалом принципиально отличается от случаев восполнения пробелов в праве. «Взаимное уничтожение» коллидирующих норм является не более чем метафорой, а правоприменитель, находящийся в положении буриданова осла, все же ограничен в своем выборе потенциально применимых коллидирующих норм теми вариантами, которые предложил ему законодатель. Д.В. Агашев по этому поводу справедливо замечает, что, разделяя идею о том, что «колли-

зия способна породить пробел, мы вынуждены будем прийти к выводу о том, что избыток нормативного регулирования (коллизия) одновременно означает его отсутствие или недостаток (пробел)» [32. С. 58]. А такое умозаключение является внутреннее противоречивым.

В-третьих, правоприменитель, столкнувшись с такой ситуацией, не может эффективно воспользоваться средствами восполнения пробелов в праве, такими как, например, фиктивное правоприменение путем аналогии закона либо аналогии права, законодательное повеление правоприменителю действовать как будто бы он законодатель (как предлагает, в частности, ст. 1 Швейцарского гражданского уложения 1907 г.), «скрытное» применение аналогии закона или аналогии права, обращение к естественному праву [1]. Это обусловлено тем, что указанные способы представляют собой лекарство от иной болезни – недостатка правовых норм, а не их избытка.

При восполнении пробелов судья или иное уполномоченное лицо черпает основания для принятия решения о восполнении пробела за пределами совокупности норм позитивного права, на основании которого выносит незаконное предписание [Там же. С. 70] для разрешения какого-либо дела. В случае же непреодолимой коллизии действующих правовых норм при всем желании найти необходимую «пустоту» в позитивном праве не представляется возможным: есть как минимум две формально не отмененные, действующие нормы, которые претендуют на применение в одной и той же ситуации. Отсутствие же критерия преодоления такой коллизии не меняет ее существо как коллизии, не превращает ее в пробел: «...если общественное отношение уже подвергалось правовому урегулированию, то оно (отношение), очевидно, будет находиться под влиянием каждой из коллидирующих норм» [32. С. 58], а «в результате разрешения одна из некоторого множества коллидирующих норм в любом случае должна быть применена к конкретному общественному отношению» [Там же].

Чтобы проиллюстрировать эту идею, смоделируем абсолютное противоречие внутри одного закона. Представим, что закон об образовании в норме N гласит, что преподавателю категорически запрещается *любое* опоздание на учебное занятие под угрозой увольнения, а в норме N₁ содержится правило, разре-

шающее преподавателю опоздание на учебное занятие *до 15 минут*.

Эти два правила, очевидно, являются одновременно несовместимыми в ситуации опоздания преподавателя на занятие на срок до 15 минут. Означает ли это, что они «уничтожают» друг друга и возникает пробел в праве? Оправданно ли поступит суд, рассматривающий трудовой спор об увольнении такого педагога, если для разрешения спора он сформулирует свое правило, отличающееся от норм N и N₁ (например, преподавателю разрешено опаздывать на 7 минут и 30 секунд (ровно половину срока, предусмотренного нашей нормой N₁) либо преподавателю разрешается опаздывать ровно на одно учебное занятие)? Вряд ли это будет хоть на чем-либо кроме произвола правоприменителя основанное решение. Ведь если есть две нормы позитивного права, противоречащие друг другу, то отказываться выбрать одну из них и формулировать третью – означает бросать открытый вызов требованию законности, провоцируя и иных субъектов на прямое неподчинение позитивному праву.

Все вышеизложенное свидетельствует о недопустимости смешения пробелов и коллизий в праве. Способы восполнения пробелов в праве не могут использоваться для регуляции поведения в случаях непреодолимого противоречия правовых норм. В указанных обстоятельствах следует либо пытаться примирить конфликтующие нормы, либо применить одну из них по выбору (усмотрению) официального лица [28. С. 83], причем основания указанного выбора (либо одна, либо другая норма) очевидно будут лежать за пределами совокупности норм позитивного права. Поэтому предлагаемое Д.В. Агашевым наименование указанной разновидности коллизий – структурные [32. С. 128–129] – не вполне точно отражает их природу как непреодолимого противоречия, оставляющего выбор нормы, подлежащей применению, по сути, на усмотрение правоприменителя. Наверное, более удачно было бы назвать их дискреционными. Лишь последнее обстоятельство в какой-то мере говорит о наличии чего-то общего у процессов восполнения лакун и преодоления дискреционных коллизий в праве. Однако выход за пределы норм позитивного права для поиска оснований юридического решения не является конституирующим признаком *самого* пробела в праве, поскольку обращение к экстраюридической аргументации вполне возможно и при отсутствии юридических лакун [33. С. 477–480].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробышевский С.А., Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в праве. М., 2014. 176 с.
2. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 22–28.
3. Альчуррон К.Э., Бульгин Е.В. О понятии правового порядка // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб., 2013. С. 211–222.
4. Крымов А.А., Скиба А.П. Коллизии законодательства России (краткий научный комментарий). М., 2016. 186 с.
5. Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические вопросы // Российское правосудие. 2006. № 5. С. 4–12.
6. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. 308 с.
7. Власенко Н.А. Коллизийные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.
8. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. 128 с.
9. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Общая часть. СПб., 1874. Т. 1. 375 с.
10. Heck P. Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz // Archiv für die civilistische Praxis (AcP) / 1914. 112 ff.
11. Васильковский Е.В. Избранные работы польского периода. М., 2016. 640 с.
12. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм : метод. матер. ВИЮН. М., 1948. Вып. 2. С. 42–61.
13. Ziembinski Z. Podstawy sporow o “luki w prawie” // Panstwo i prawo. 1966. № 2. S. 205–215.

14. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. 184 с.
15. Raz J. Legal Reasons, Sources and gaps // Raz J. The Authority of law. Oxford, 1979. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198253457.001.0001/acprof-9780198253457-chapter-4>.
16. Галаганов В.П. Правоприменительная деятельность в сфере пенсионного обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 20 с.
17. Лазарев В.В. О видах пробелов в праве // Правоведение. 1969. № 6. С. 30–37.
18. Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.
19. Портнов А.В., Москалюк О.В. Співвідношення категорій «колізія норм права» і «прогалина в законодавстві» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2012. Т. 25 (64), № 1. С. 3–7.
20. Булыгин Е.В. Когда право молчит // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб., 2013. С. 371–379.
21. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М., 1924. 151 с.
22. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб., 2004. 526 с.
23. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право : учеб. для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 959 с.
24. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Leipzig ; Wien, 1934.
25. Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве 1-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 430–511.
26. Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, Mass., 1945.
27. Антонов М.В. Чистое учение о праве против естественного права? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб., 2015. С. 7–106.
28. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов / пер. с нем. С.В. Лезова ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М., 1988. Вып. 2. 212 с.
29. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Wien, 1960.
30. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов / пер. с нем. С.В. Лезова, отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М., 1987. Вып. 1. 195 с.
31. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2011. Т. I. 510 с.
32. Агашев Д.В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения. Томск, 2005. 272 с.
33. Pound R. Hierarchy of Sources and Forms in Different Systems of Law // Tulane law review. Vol. VII, № 4. P. 467–477.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2018 г.

COULD A CONFLICT OF LEGAL NORMS CREATE NORMATIVE GAPS?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 218–223.

DOI: 10.17223/15617793/432/29

Aleksandr A. Petrov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: sfu-pravo@yandex.ru

Keywords: conflict of laws; conflict of norms; overlap of conflicts of laws; resolving of conflict of laws; gap in law; collision gap.

The current paper presents some ideas that can be used for a more clear distinction between conflict of norms and normative gaps in law. It is universally recognized that gaps in law and conflict of norms are opposing forms of legal indeterminacy. Fundamental reasons of legal gaps and conflict of norms in the law are different: incompleteness of the normative system in the first case and redundancy of inconsistent norms in the second case. However, the unique protentional point of contact between gaps in law and conflict of norms could be uncovered. Let us imagine a single legal act that includes a set of two incomplete rules for regulation of case *a*: let us assume that one of them (Norm 1) forbids activity *A* for persons *p* in case *a*, and the other rule (Norm 2) permits activity *A* for persons *p* in the same case *a*. Obviously, it is conflict of norms contradicting one another. Moreover, we could not use any well-established general principle (*lex superior*, *lex specialis*, *lex posteriori* criteria) to resolve such conflict of norms. If it is impossible to harmonize the content of Norm 1 and Norm 2, for instance, via restrictive interpretation of one of them in the context of the content of the other one, there are no universal objective ways to resolve this conflict of norms. Is it correct to describe the illustrated situation as a gap in law because of the “mutual assured annihilation” of any legal norm in case of total (absolute) contradiction? Is it the right way to fill this gap via argument by analogy or via any another way of filling gaps in law? The author strongly disagrees with this point and argues the opposite statement: any conflict of norms could not be a reason for the emergence of a gap in law because of the different nature and origin of legal conflicts and legal gaps as opposite forms of legal indeterminacy. The author believes that normative redundancy does not create incompleteness of regulation, and any enforcer has to resolve the total contradiction on norms via choosing of one of them but not via filling the gaps. The argumentation of the present idea is threefold. First, the author analyzes the current theoretical approaches in legal doctrine and weighs their benefits and disadvantages. Second, the author demonstrates three real cases of the inherent inconsistency between legal norms inside one act and illustrates possible ways of resolving them. The author also simulates a total (absolute) contradiction between two general norms and argues the impossibility of application of techniques and methodologies of legal analogy for resolving such conflict of legal norms. Third, the author analyzes the nature and the origin of normative gaps and conflicts of legal norms to show that the gap between them is unbridgeably wide.

REFERENCES

1. Drobysheskiy, S.A. & Tikhonravov, E.Yu. (2014) *Sposoby vospolneniya probelov v prave* [Ways to fill in the gaps in the law]. Moscow: Norma.
2. Vlasenko, N.A. (1991) Logiko-strukturnye defekty sistemy sovetskogo prava [Logical and structural defects of the system of Soviet law]. *Pravovedenie*. 3. pp. 22–28.
3. Al'churron, K.E. & Bulygin, E.V. (2013) O ponyatii pravovogo poriyadka [On the notion of the legal order]. In: “*Normativnye sistemy*” i *drugie raboty po filosofii prava i logike norm* [“Normative systems” and other works on the philosophy of law and the logic of norms]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Krymov, A.A. & Skiba, A.P. (2016) *Kollizii zakonodatel'stva Rossii (kratkiy nauchnyy kommentariy)* [Conflicts of Russian legislation (short scientific commentary)]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii.
5. Ershov, V.V. (2006) Sudebnoe pravoprimenenie: aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy [Judicial law enforcement: current theoretical and practical issues]. *Rossiyskoe pravosudie*. 5. pp. 4–12.
6. Fuller, L. (2007) *Moral' prava* [Moral of law]. Translated from English. Moscow: IRISEN.
7. Vlasenko, N.A. (1984) *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflicting norms in Soviet law]. Irkutsk: Irkutsk State University.

8. Vas'kovskiy, E.V. (1997) *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov* [A guide to the interpretation and application of laws]. Moscow: Yuridicheskoe byuro "GORODETs".
9. Vindsheyd, B. (1874) *Uchebnik pandektnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of law of pandects. The general part]. Vol. 1. St. Petersburg: Gieroglifov i Nikiforov.
10. Archiv für die civilistische Praxis (AcP) / 112 ff. Heck, P. (1914) *Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz* [Law Interpretation and Interest Jurisprudence].
11. Vas'kovskiy, E.V. (2016) *Izbrannye raboty pol'skogo perioda* [Selected works of the Polish period]. Moscow: Statut.
12. Vil'nyanskiy, S.I. (1948) *Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovykh norm: metod. mater.* [Interpretation and application of civil law norms: methodological materials]. Is. 2. Moscow: VIYuN. pp. 42–61.
13. Ziembinski, Z. (1966) Podstawy sporow o "luki w prawie" [Basics of disputes about "gaps in law"]. *Panstwo i prawo*. 2. pp. 205–215.
14. Lazarev, V.V. (1974) *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and ways to eliminate them]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Raz, J. (1979) *The Authority of law*. [Online] Available from: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198253457.001.0001/acprof-9780198253457-chapter-4>.
16. Galaganov, V.P. (1988) *Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' v sfere pensionnogo obespecheniya* [Law enforcement activity in provision of pensions]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
17. Lazarev, V.V. (1969) O vidakh probelov v prave [On the types of gaps in law]. *Pravovedenie*. 6. pp. 30–37.
18. Uranskiy, F.R. (2005) *Probely v prave i sposoby ikh vospolneniya v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Gaps in the law and ways of replenishing them in law enforcement]. Law Cand. Diss. Moscow.
19. Portnov, A.V. & Moskalyuk, O.V. (2012) Spivvidnoshennya kategorii "koliziya norm prava" i "progalina v zakonodavstvi" [The ratio of the categories "conflict of law" and "gap in the law"]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Yuridicheskie nauki"*. 25(64):1. pp. 3–7.
20. Bulygin, E.V. (2013) *Kogda pravo molchit* [When law is silent]. In: Lisanyuk, E.N. (ed.) *"Normativnye sistemy" i drugie raboty po filosofii prava i logike norm* ["Normative systems" and other works on the philosophy of law and the logic of norms]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
21. Makarov, A.N. (1924) *Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The basic principles of private international law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta RSFSR.
22. Tolstykh, V.L. (2004) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie* [Private international law: conflict regulation]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press.
23. Get'man-Pavlova, I.V. (2013) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. 4th ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
24. Kelsen, H. (1934) *Reine Rechtslehre* [Pure Theory of Law]. Leipzig; Wien: Deuticke.
25. Kelsen, G. (2011) *Chistoe uchenie o prave: vvedenie v problematiku nauki o prave* [Pure Theory of Law: an introduction to the problem of the science of law]. 1st ed. Translated from German by M.V. Antonov. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*. 4. pp. 430–511.
26. Kelsen, H. (1945) *General Theory of Law and State*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press.
27. Antonov, M.V. (2015) *Chistoe uchenie o prave protiv estestvennogo prava?* [Pure theory of law against natural law?]. In: Kelsen, H. *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure theory of law, justice and natural law]. 2nd ed. Translated from German by M.V. Antonov, S.V. Lezov. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Alef-Press".
28. Kudryavtsev, V.N. & Razumovich, N.N. (eds) (1988) *Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena: sbornik perevodov* [Pure theory of law by Hans Kelsen: a collection of translations]. Translated from German by S.V. Lezov. Is. 2. Moscow: INION RAN.
29. Kelsen, H. (1960) *Reine Rechtslehre* [Pure Theory of Law]. Wien: Deuticke.
30. Kudryavtsev, V.N. & Razumovich, N.N. (eds) (1987) *Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena: sbornik perevodov* [Pure theory of law by Hans Kelsen: a collection of translations]. Translated from German by S.V. Lezov. Is. 1. Moscow: INION RAN.
31. Savigny, F.C. von. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The system of modern Roman law]. Translated from German by G. Zhigulin. Vol. 1. Moscow: Statut.
32. Agashev, D.V. (2005) *Kollizionnye problemy v prave sotsial'nogo obespecheniya* [Conflict problems in the law of social security]. Tomsk: Izd-vo NTL.
33. Pound, R. (1933) Hierarchy of Sources and Forms in Different Systems of Law. *Tulane Law Review*. VII(4). pp. 467–477.

Received: 26 March 2018

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УКРЕПЛЕНИИ И РАЗВИТИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Исследуется роль Конституционного Суда Российской Федерации по расширению воздействия фундаментальных конституционных ценностей на государственную деятельность. Отмечается влияние этих ценностей, содержащихся в его правовых позициях на правотворчество и правоприменение, направленное на обеспечение конституционности актов текущего законодательства, преодоление деформаций в правоприменении. Главной целью работы является выяснение познавательных и практических аспектов влияния деятельности Конституционного Суда на внедрение и распространение конституционных норм и ценностей, по углублению процессов конституционализации общественных отношений в нашей стране. Обосновывается специфика действия правовых позиций как нормативно-доктринальных правоустановлений, которые служат образцом поведения для государственных структур в конституционно-правовой практике, способны генерировать новые конституционные ценности.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; конституционно-правовая доктрина; конституционно-правовое мировоззрение и мышление; конституционные нормы и ценности; конституционализация текущего законодательства; решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Необходимость дальнейшего расширения процессов конституционно-правового регулирования общественных отношений в нашей стране предполагает повышение роли Конституционного Суда Российской Федерации по укреплению и развитию конституционных ценностей в ходе отправления конституционного правосудия, призванного способствовать осуществлению правотворческой, правоприменительной, нормативно-интерпретационной и теоретико-мировоззренческой основ становления и развития отечественного конституционализма. Выступая в качестве Основного Закона всего российского общества и государства, Конституция РФ является уникальным, базовым политико-правовым актом, содержащим в себе высшие юридические, социально-политические, духовно-нравственные начала, определяющие главные цели и задачи, пути и формы взаимодействия между личностью, гражданским обществом и государством. При этом речь прежде всего идет о признании, соблюдении и защите фундаментальных конституционных ценностей, пронизывающих всю архитектуру, смысл и содержание Конституции; об общеправовых конституционных ценностях, определяющих состав, структуру и статусные характеристики элементов организации и функционирования общества и государства (гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ); специальных конституционных ценностях, раскрывающих особенности их действия в отдельных отраслях и сферах общественной и государственной жизни (гл. 3–8 Конституции РФ); ценностях, зафиксированных в Преамбуле Конституции, в значительной степени имеющих морально-нравственную, этическую нагрузку, отражающих цивилизованный подход развития человеческого сообщества и накопленный социально-культурный, национально-исторический опыт существования прошлых поколений народов России [1. С. 8; 2. С. 10]. К числу этих универсальных, общеправовых конституционных «мегаценностей» (целей, задач, принципов, идеалов) можно отнести такие, как суверенитет народа, демократия и народовластие, права и свободы человека и гражданина, уважение к праву и верховенство Конституции, составляющие систему общих конституционных ценностей, а также способствующие

официальной легитимации и распространению общекультурных, гуманистических начал, которыми должны руководствоваться в своей правотворческой и правоприменительной деятельности уполномоченные субъекты конституционно-правовых отношений [3. С. 169–170].

Вместе с тем формальное учреждение и закрепление конституционных ценностей в Основном Законе совсем не означает их автоматического действия в реальной жизни и требует активного участия Конституционного Суда как главного хранителя Конституции РФ в обеспечении фактической возможности правильного правопонимания, реализации и защиты конституционных положений в конституционно-правовой практике органов государственной и муниципальной власти, должностных лиц и публичных образований. В первую очередь таким основным направлением трансформации конституционных норм и ценностей в деятельность органов государственной власти в сфере правотворчества выступает выполнение Конституционным Судом РФ своей традиционной функции судебного конституционного контроля по проверке конституционности оспариваемых законодательных актов, предусматривающей в необходимых случаях признание их неконституционными, если они противоречат заложенным в Конституции важнейшим, базовым правоустановлениям. Как следствие, наиболее сложным вопросом в теории и практике осуществления нормоконтроля Конституционного Суда является измерение степени соответствия Конституции РФ актов текущего законодательства, исходя из существующей иерархии конституционных ценностей и особенностей их толкования, применения с учетом возникшей конкретной конституционно-правовой ситуации. В частности, наглядным примером может служить постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г., вынесенное по «чеченскому делу», когда он, анализируя соотношение разнопорядковых конституционных ценностей – прав и свобод личности и федерализма, – при разрешении сложившейся экстраординарной ситуации в субъекте РФ, отдал предпочтение принципу федерализма вопреки признанию приоритета в пользу принципа прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, который

определяет смысл, содержание и принятие действий (актов) органов публичной власти (ст. 2, 18 Конституции РФ) [4]. Также в другом решении от 21 декабря 2005 г. по делу о назначении губернаторов Конституционный Суд, обосновывая порядок наделения глав исполнительной власти субъектов РФ полномочиями Президентом РФ, сославшись на произошедшие серьезные социально-правовые изменения в обществе, сделал спорный вывод о приоритете действия в этом случае принципа единства системы исполнительных органов государственной власти не равноценному по своему значению в системе конституционных ценностей принципу народовластия, предоставляющему возможность самостоятельно устанавливать в регионах процедуру прямых выборов губернаторов [5].

Не менее важное значение по оценке конституционности принятых законодательных актов Конституционным Судом РФ с точки зрения воплощения в них конституционных требований имеет не только соблюдение иерархии конституционных ценностей, но и правильное правопонимание природы и выстраивание отношений координации и гармонизации между ними в рамках измерения шкалы конституционных норм и ценностей [1. С. 12]. Именно таким господствующим типом правопонимания, лежащим в основе Конституции РФ, является естественно-правовая концепция объяснения природы прав и свобод индивида, ориентированная на конкретизацию и развитие конституционных положений в отраслевом законодательстве в контексте достижения главной цели – признания приоритета прав и свобод человека и гражданина и запрещение нарушения со стороны органов государственной власти базирующихся на них универсальных конституционных принципов – формального равенства, социальной справедливости и человеческого достоинства, обуславливающие особенности регулирования взаимодействия между личностью, гражданским обществом и государством [1. С. 5; 6. С. 9–10; 7. С. 457, 461, 471–472]. В результате разбирательства дел по защите нарушенных прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом были сформулированы определенные выводы, позволяющие наполнить фундаментальные конституционные ценности конкретным нормативным содержанием и следовательно оценивать конституционность принятых актов текущего законодательства:

1) поддержание доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающего сохранение правовой определенности, разумной стабильности законодательной регламентации обязанностей лица перед государством, исключаящее произвольное и несправедливое изменение исполнения действующих или установление новых юридических обязанностей;

2) недопустимость необоснованного и несправедливого отказа государства от исполнения своих социально-публичных функций перед населением либо неравного, дискриминационного подхода к предоставлению льгот и преимуществ нуждающимся категориям граждан, принадлежащих к одной социальной группе или находящихся в схожей обстановке;

3) разумная соразмерность и справедливость введения ограничений федеральным законом прав и сво-

бод личности в соответствии с преследуемыми государством конституционно значимыми целями и необходимостью обеспечения защиты конституционных ценностей;

4) гарантирование государством реализации права каждого лица на равную судебную защиту человеческого достоинства, предусматривающее возможность свободного доступа к правосудию, проведения справедливого и компетентного судебного разбирательства, а также обжалования и пересмотра в судебных решениях в различных видах судопроизводства для исправления судебных ошибок;

5) установление конституционно-правовой ответственности государства перед личностью, что возможно путем принятия специального федерального закона за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих конституционных обязанностей и при условии полного и справедливого возмещения причиненного вреда индивиду [7. С. 453–454; 8. С. 208–209; 9. С. 131–132].

Одновременно правотворческая деятельность органов государственной власти по конкретизации и развитию конституционных ценностей в актах текущего законодательства требует разработанные специальные юридические механизмы, направленные на поиск паритета и преодоление конкуренции смежных конституционных интересов во взаимоотношениях личности, гражданского общества и государства с учетом внесенных предложений и рекомендаций Конституционного Суда РФ по регулированию отдельных видов частноправовых и публично-правовых отношений. В частности, Конституционный Суд, опираясь на баланс публичных и частных конституционных интересов в постановлении от 16 мая 2000 г. по делу о банкротстве коммерческой организации, рекомендовал законодателю обосновать передачу части имущества предприятия из конкурсного производства в муниципальную собственность для государственных и муниципальных нужд, исходя из действия принципов соблюдения публичных интересов и неприкосновенности частной собственности при условии выплаты соразмерной и справедливой компенсации собственнику, а в постановлении от 14 июля 2005 г. об установлении сроков исковой давности по рассмотрению налоговых нарушений признал правомерность в определенной правовой ситуации восстановления сроков привлечения налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения, руководствуясь целями формирования устойчивой бюджетной системы и сохранения свободы экономической деятельности [10, 11]. Однако в наибольшей мере правообразующая роль Конституционного Суда по внедрению универсальных конституционных принципов и ценностей в сферу правотворчества проявляется, если он не ограничивается лишь констатацией возникшего правового пробела и необходимости его устранения законодательным способом вследствие признания оспариваемого акта неконституционным, но и стремится на основе выработанной собственной правовой позиции по разрешению конкретного конституционно-правового вопроса обосновать параметры разработки будущего правового акта в целях обес-

печения единства и согласованности между Конституцией РФ и текущим законодательством, учитывая новое законодательное регулирование в выявленном конституционно-правовом смысле оспариваемых положений акта отраслевого законодательства. В качестве примера можно привести постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. о признании неконституционной ранее действовавшей нормы проверяемого акта, ограничивавшего максимальный размер выплаты пособия по беременности, родам, и внесение предложения законодателю о новом порядке регулирования социальных выплат по аналогии с правами, закрепленными в международном трудовом праве и налоговом законодательстве об исчислении величины пособия соразмерно предшествующего среднего заработка женщины и ставки взимания единого социального налога, позволяющего гарантировать соблюдение универсальных конституционных ценностей как равенство, справедливость и достоинство при осуществлении права работника на государственное социальное обеспечение [12].

Следующим основным направлением претворения Конституционным Судом фундаментальных конституционных ценностей в конституционно-правовую политику является конституционализация правоприменительной деятельности органов публичной власти, призванная провести своеобразную ее «очистку» от дефектов и коллизий, вызванных искажением смысла оспариваемой нормы акта текущего законодательства, придаваемой ей толкованием в конкретном деле или сложившейся правоприменительной практике судебными и иными правоприменительными органами. В этих случаях Конституционный Суд РФ обычно воздерживается объявлять такую норму правового акта не соответствующей Конституции для предотвращения возникновения пробела в законодательном регулировании и необходимости внесения корректив в отраслевое законодательство и предполагает скорректировать сферу ее действия в новой интерпретации, исключающей в дальнейшем неконституционное применение юридической нормы, расходящееся с выявленным конституционно-правовым смыслом даваемого в решении Конституционного Суда. Таким наглядным примером может служить постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2010 г., в котором он расширительно истолковал условия выплаты ежемесячной денежной компенсации военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, найма (поднаема) жилых помещений, включенных в списки на улучшение жилищных условий и уволенных либо подлежащих увольнению со службы до 1 января 2005 г., ибо иное понимание и применение оспариваемой нормы законодательного акта нарушает принципы равенства и справедливости регулирования статуса личности и может привести на практике к произвольному ограничению реализации права в жилищных правоотношениях в отношении категории граждан, принадлежащих к одной и той же профессиональной группе лиц [13].

В другой схожей ситуации для преодоления имеющихся препятствий в правоприменительной деятельности органов публичной власти, связанных с

отсутствием надлежащей нормативной базы в текущем законодательстве, Конституционный Суд может, опираясь на содержание универсальных конституционных принципов и ценностей, временно восстановить прежнее законодательное регулирование общественных отношений, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, либо указать на обязанность прямого непосредственного применения Конституции РФ. Так, например в определении от 3 октября 2006 г. Конституционный Суд РФ признал возможным восстановить ранее установленный порядок приобретения права на получение льготной пенсии лицами, проработавшими в особо сложных и тяжелых условиях труда, предусмотренный прежним пенсионным законодательством, где измерения периодов времени на таких работах засчитываются в специальный трудовой стаж независимо от сроков его исчисления до или после 1 января 2003 г., исходя из действия принципов равенства и справедливости до момента принятия специального федерального закона о профессиональных пенсиях [14].

Если Конституционный Суд приходит к выводу, что объявление правового акта неконституционным предполагает возникновение пробела в законодательном регулировании, который нельзя будет восполнить прямым применением Конституции РФ либо конституционно-правовым истолкованием оспариваемых положений проверяемого нормативного акта, и существует необходимость внесения существенных изменений в текущее законодательство, то он вправе признать оспариваемые нормы в определенной части не противоречащими Конституции для предупреждения наступления негативных юридических последствий, вызванных повторным нарушением в правоприменительной практике основных прав и свобод личности. В частности, Конституционный Суд РФ в постановлении от 5 февраля 2007 г. признал соответствующими Конституции ряд оспариваемых положений ГПК РФ в части, касающейся совершенствования законодательной регламентации способов пересмотра и отмены вынесенных судебных решений в надзорном порядке, обеспечивающих соблюдение конституционных норм и принципов, таких как равенство, справедливость и достоинство, по восстановлению и охране нарушенного конституционного права индивида на судебную защиту путем применения надлежащих юридических процедур выявления, проверки и исправления судебных ошибок в надзорной инстанции [15].

Еще одним важнейшим правовым механизмом, способствующим утверждению и реализации фундаментальных конституционных ценностей в отечественной конституционно-правовой практике, является нормативно-интерпретационная функция Конституционного Суда, направленная на уяснение и разъяснение смысла и содержания Конституции РФ и отраслевого законодательства, обуславливающая выяснение эксплицитных и имплицитных связей и отношений, складывающихся между конституционными положениями и актами текущего законодательства, получающими свое отражение в сфере правотворчества, правоприменения и толкования в деятельности органов публичной власти [16. С. 15, 17, 20; 17. С. 60].

В результате адекватного конституционно-правового истолкования буквы и духа Конституции и текущего законодательства Конституционный Суд РФ обеспечивает гармоничное единство и взаимодействие универсальных конституционных принципов и ценностей высшего юридического уровня с предметом регулирования отраслевых законодательных актов, устанавливает и поддерживает разумный конституционный баланс между различными отраслями и институтами в рамках системы российского права, способствует их взаимному обогащению и выработке на базе создаваемого конституционно-правового фундамента особого вида нормативно-доктринальных правоустановлений как своих правовых позиций, сочетающих в себе признаки присущие предписаниям нормативных правовых актов, и выводы, свойственные конституционно-правовой доктрине [18. С. 81–82; 7. С. 12, 128–129, 142]. Выступая в качестве своеобразной квинтэссенции содержания принятого решения, правовые позиции Конституционного Суда представляют собой совокупность нормативно-интерпретационных установок, аргументов и оценок осмысления конституционных дефиниций и принципов, раскрывающих необходимость трансформации конституционных ценностей в текущее законодательство и в правоприменительную практику в случаях повторения схожих (аналогичных) конституционно-правовых ситуаций по разрешению конкретных конституционно-правовых вопросов и в целом влияющих на процессы развития российского конституционализма. Но особенно «квазиправотворческая» роль Конституционного Суда РФ как главного интерпретатора Конституции РФ возрастает тогда, когда он посредством конституционно-правового истолкования смысла и содержания Конституции и массива отраслевого законодательства для преодоления неопределенности понимания конституционных положений в ходе осуществления судебного конституционного контроля может генерировать новые конституционные ценности:

- 1) уточняет содержание нормативного материала статьи закона;

- 2) устраняет коллизию, конфликтность между несколькими нормами права в поисках баланса содержащихся в них конкурирующих конституционных ценностей;

- 3) выясняет системные, иерархические связи и корреляции между отдельными нормами правовых институтов конкретной отрасли российского права;

- 4) раскрывает нормативное содержание частей статьи закона, если имеются определенные коллизии и пробельность внутренней структуры элементов юридической нормы акта;

- 5) обеспечивает рихтовку закона до конституционного уровня и придает ему новое нормативное содержание, соответствующее реалиям правового регулирования общественных отношений, и тем самым за счет уплотнения новым конституционно-правовым материалом удается избежать необходимость внесения серьезных изменений и дополнений в проверяемые законодательные акты [7. С. 131, 271, 292].

В частности, неоднократно в своих правовых позициях Конституционный Суд фактически легализо-

вал многие новые конституционные ценности, которые вербально прямо не закреплены в тексте Основного Закона и вытекают из толкования духа интерпретированных положений Конституции РФ, таких как правовая безопасность и определенность, стабильность и предсказуемость регулирования публичных правоотношений, устойчивость условий хозяйствования, поддержание баланса публичных и частных интересов государства и предпринимательских структур, оказывающих существенное конституционно-правовое воздействие на функционирование системы национального права, правоприменительной практики и отвечающих перспективам развития российского общества и государства [7. С. 167–168].

Непосредственно из необходимости обеспечения многоуровневого влияния конституционных ценностей и норм на государственную и общественную жизнь вытекает теоретико-мировоззренческая функция Конституционного Суда РФ, предусматривающая его активное участие в становлении и развитии конституционной идеологии, правосознания и культуры, в соответствии с которыми должно происходить установление теоретико-познавательной и доктринально-концептуальной основ осуществления отечественного конституционализма. Как результат использования ценностно-ориентированного подхода по формированию конституционной идеологии деятельность Конституционного Суда посредством критического осмысления конституционных положений и реальной конституционно-правовой действительности служит надлежащей теоретико-практической базой, позволяющей в будущем генерировать в конституционно-правовой науке новые идеи, представления, концепции, направленные на поиск баланса и консенсуса между естественными правами и свободами личности, суверенитетом государственной власти и позитивным правом в рамках взаимодействия личности, гражданского общества и государства, предполагающей реальное утверждение Конституции как Основного Закона, воплощающего в себе высшие нравственные, правовые и социально-культурные стандарты, идеалы, ориентиры, определяющие основные пути общественного и государственного развития нашей страны [7. С. 73–74, 98].

Не меньшее мировоззренческое значение для развития науки конституционного права имеет экспертно-аналитическая деятельность Конституционного Суда РФ, способствующая пополнению ее понятийного аппарата актуальной юридической информацией о назначении и содержании конституционных норм и ценностей, методологии разрешения возникающих различных конституционно-правовых проблем, а также выяснению общих закономерностей и тенденций осуществления современного состояния российского конституционализма [7. С. 124–125].

Наконец, особое культурно-воспитательное воздействие призваны оказывать решения и правовые позиции Конституционного Суда на внедрение и распространение важнейших конституционных ценностей в профессиональное правосознание, содействующие выработке конституционно-правового мышления по восприятию определенных установок, представлений, оценок в отечественной конституционно-

правовой практике, побуждающие активизировать меры по формированию высокого уровня конституционной культуры и воспитания среди органов публичной власти и их руководителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3 (27). С. 1–13.
2. Кондрашев А.А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
3. Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991–2012 гг.). М. : Норма, 2012. С. 165–175.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 года № 10-П по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 11 августа.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 336.
6. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1–11.
7. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма; Инфра-М, 2011. 544 с.
8. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : РАП, 2008. 272 с.
9. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма; Инфра-М, 2011. 720 с.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 года № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 21. Ст. 2258.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3200.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2007 года № 4-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 14. Ст. 1742.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2010 года № 3-П по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей» и пункта 1 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей в связи с жалобой гражданина С.В. Глушкова // Российская газета. 2010. 12 февраля.
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03 октября 2006 года № 471-О по запросу Курчатковского городского суда Курской области о проверке конституционности пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и по жалобе гражданки Степановой Ольги Александровны на нарушение ее конституционных прав той же нормой // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 5. Ст. 679.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.
16. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013. Вып. 2. 176 с.
17. Бондарь Н., Джагарян А. Прямое действие Конституции : генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112). С. 52–78.
18. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2018 г.

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN REINFORCEMENT AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL VALUES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 224–230.

DOI: 10.17223/15617793/432/30

Sergey A. Tatarinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cafedra206@mail.ru

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional doctrine; constitutional ideology and reasoning; constitutional norms and values; constitutionality of existing legislation; decisions and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The aim of this article is to study the theoretical and practical questions of influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the formation and development of constitutional values according to which the constitutionality of different spheres and parts of public and state life should be carried out. On the basis of specific scientific methods (systematic, formal- legal, method

of legal hermeneutics) and analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, in the framework of the proposed classification of constitutional norms and values, the author pays special attention to the functioning of the principles of equality, social justice, human dignity that penetrate the most important aspects of relations between the person, society and the state. Primarily, the Constitutional Court of the Russian Federation influences the implementation of constitutional values in the legislation of state organs by providing stability of regulation of a person's duties before the state and by prohibiting groundless and unfair refusal of the state to fulfill public and social obligations before people, by making inequality in exemption and advantages to citizens of one social group inadmissible, by introducing rational, proportional and fair restrictions of the main rights and freedoms, by guaranteeing the realization of possibility to equal and fair judicial defense, by making the state legally liable before the person under conditions of complete and just compensation of harm. Besides, the constitutional influence of the Constitutional Court on legislation supposes the determination of hierarchy and balance inside the system of competitive constitutional values, maintaining of balance of personal legal and public legal interests, overruling of legal deformations and grounding of elaboration and admission of characteristics of future legislative acts that involve the rights and freedoms of a person. Therefore, expansion of the influence of constitutional values by the Constitutional Court of the Russian Federation on law enforcement by organs of public authority corrects the action sphere of debatable norms in a new interpretation, which in future excludes its implementation, which is different from the constitutional sense; it restores a previous legislative regulation or it admits the possibility of action of this norm as recognized and which non-contradicting to constitutional statements in a particular part. The interpretational function of the Constitutional Court on interpretation of the Constitution of the Russian Federation and sectoral legislation has a big practical value for establishing fundamental constitutional values in the activity of public organs, for it presupposes creation of legal statements as particular regulatory and doctrinal determinations, which are examples of behavior in constitutional practice and are able to generate new constitutional values.

REFERENCES

1. Mavrin, S.P. (2012) Konstitutsionnye tsennosti i ikh rol' v rossiyskoy pravovoy sisteme [Constitutional values and their role in the Russian legal system]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 3 (27). pp. 1–13.
2. Kondrashev, A.A. (2017) Constitutional values in the modern Russian state: conflicts and devaluations. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 1. pp. 6–13. (In Russian).
3. Vitruk, N.V. (2012) *Pravo, demokratiya i lichnost' v konstitutsionnom izmerenii: (istoriya, doktrina i praktika). Izbrannye trudy (1991–2012 gg.)* [Law, Democracy and Personality in the Constitutional Dimension: (History, Doctrine and Practice). Selected works (1991–2012)]. Moscow: Norma. pp. 165–175.
4. Rossiyskaya gazeta. (1995) Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 31, 1995, No. 10-P on the case on verification of the constitutionality of the Decree of the President of the Russian Federation of 30 November 1994 No. 2137 “On measures to restore constitutional legality and law and order on the territory of the Chechen Republic, of the Russian Federation of 9 December 1994 No. 2166 “On measures to curb the activities of illegal armed groups on the territory of the Chechen Republic and in the zone of the Ossetian-Ingush conflict”, the Government of Russia of 9 December 1994 No. 1360 “On ensuring state security and the territorial integrity of the Russian Federation, legality, citizens' rights and freedoms, disarming of illegal armed formations on the territory of the Chechen Republic and the adjacent regions of the North Caucasus”, the decree of the President of the Russian Federation of 2 November 1993 No. 1833 “On the main provisions of the military doctrine of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 11 August. (In Russian).
5. Russian Federation. (2006) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 dekabrya 2005 goda № 13-P po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Federal'nogo zakona “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s zhalobami ryada grazhdan [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2005 No. 13-P on the case on verification of the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation” in connection with the complaints of a number of citizens]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 3. Art. 336.
6. Bondar', N.S. (2009) Konstitutsionnye tsennosti – kategoriya deystviyushchego prava (v kontekste praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossii) [Constitutional values – the category of the current law (in the context of the practice of the Constitutional Court of Russia)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 6 (12). pp. 1–11.
7. Bondar', N.S. (2011) *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma; Infra-M.
8. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: RAP.
9. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma; Infra-M.
10. Russian Federation. (2000) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 16 maya 2000 goda № 8-P po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy punkta 4 stat'i 104 Federal'nogo zakona “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)” v svyazi s zhaloboy kompanii “Timber Holdings International Limited” [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of 16 May 2000 on the case of verification of the constitutionality of certain provisions of Paragraph 4 of Article 104 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaint of Timber Holdings International Limited]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 21. Art. 2258.
11. Russian Federation. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2005 goda № 9-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 113 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki G.A. Polyakovoy i zaprosom Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14 2005 No. 9-P on the case on verification of the constitutionality of the provisions of Article 113 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.A. Polyakova and the request of the Federal Arbitration Court of the Moscow District]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30(II). Art. 3200.
12. Russian Federation. (2007) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22 marta 2007 goda № 4-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoy stat'i 15 Federal'nogo zakona “O byudzhete Fonda sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii na 2002 god” v svyazi s zhaloboy grazhdanki T.A. Banykinoy [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22 March 2007 No. 4-P on the case on the verification of the constitutionality of the provision of Part One of Article 15 of the Federal Law “On the Budget of the Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2002” in connection with the complaint of the citizen T.A. Banykina]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 14. Art. 1742.
13. Rossiyskaya gazeta. (2010) Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 3 February 2010 No. 3-P on the case on the verification of the constitutionality of the second paragraph of Paragraph 14 of Article 15 of the Federal Law “On the Status of Servicemen”, Paragraph 4 of the Decree of the Government of the Russian Federation “On the procedure for payment of cash compensation for renting (sublease) of accommodation to servicemen – citizens of the Russian Federation who are on military service under contract, to citizens of the Russian Federation dismissed from military service and members of their families” and Paragraph 1 of the Regulation on payment of money compensation for renting (sublease) of residential premises to citizens of the Russian Federation discharged from military service, and members of their families in connection with the complaint of citizen S.V. Glushkov. *Rossiyskaya gazeta*. 12 February. (In Russian).

14. Russian Federation. (2007) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 03 oktyabrya 2006 goda № 471-O po zaprosu Kurchatovskogo gorodskogo suda Kurskoy oblasti o proverke konstitutsionnosti punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona "O trudovykh pensiyakh v Rossiyskoy Federatsii" i po zhalobe grazhdanki Stepanovoy Ol'gi Aleksandrovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav toy zhe normoy* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 3 October 2006 No. 471-O at the request of the Kurchatov city court of Kursk oblast on the verification of the constitutionality of Paragraph 3 of Article 27 of the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation" and at the complaint of Olga Stepanova on the violation of her constitutional rights by the same norm]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 5. Art. 679.
15. Russian Federation. (2007) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 5 fevralya 2007 goda № 2-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkrytykh aktsionernykh obshchestv "Nizhnekamskneftekhim" i "Khakasenergo", a takzhe zhalobami ryada grazhdan* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of 5 February 2007 on the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, complaints of open joint-stock companies "Nizhnekamskneftekhim" and "Khakasenergo", as well as complaints of a number of citizens]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 7. Art. 932.
16. Bondar', N.S. (2013) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Is. 2. Moscow: Yurist.
17. Bondar', N.S. & Dzhangaryan, A. (2016) *Pryamoe deystvie Konstitutsii: generatsiya i garantirovanie konstitutsionnym pravosudiem* [Direct action of the Constitution: generating and guaranteeing constitutional justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (112). pp. 52–78.
18. Bondar, N.S. (2007) *Normativno-doktrinal'naya priroda resheniy Konstitutsionnogo Suda RF kak istochnikov prava* [Normative-doctrinal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 75–85.

Received: 21 March 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙВАЗОВА Ольга Владиславовна – канд. юрид. наук, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону). E-mail: olgavladislavovna72@ Rambler.ru

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.ananьев@spbu.ru

АНДРОНОВ Сергей Васильевич – канд. мед. наук, ст. науч. сотр. сектора медицинских исследований Научного центра изучения Арктики (г. Надым). E-mail: sergius198010@mail.ru

БАРАНОВА Анастасия Викторовна – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета; ст. преподаватель кафедры иностранных языков Севастопольского государственного университета. E-mail: baranskikh@yandex.ru

БЕЛИКОВА Ольга Борисовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. E-mail: bob@mail.tsu.ru

БОГДАНОВА Елена Николаевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. E-mail: e.n.bogdanova@narfu.ru

ВЛАСОВА Виктория Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора этнографии Института языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: vv505@hotmail.com

ГОДОВОВА Елена Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: godovova@mail.ru

ЕФРЕМОВ Алексей Викторович – аспирант отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск). E-mail: mr-alex-efremov@mail.ru

ЗАДОРИН Максим Юрьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: m.zadorin@narfu.ru

ЗАКИЕВА Рафина Рафкатовна – канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры промышленной электроники Казанского государственного энергетического университета. E-mail: Rafina@bk.ru

ИРХИН Александр Анатольевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета. E-mail: alex.irhin@mail.ru

КИЩИК Елена Витальевна – аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: yelena_kishchik@mail.ru

КОЧКИН Руслан Алексеевич – ст. научный сотрудник сектора медицинских исследований Научного центра изучения Арктики (г. Надым). E-mail: kochkin25011983@mail.ru

КУРСАКОВА Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: en-kursakova@yandex.ru

ЛОБАНОВ Андрей Александрович – д-р мед. наук, зам. директора Научного центра изучения Арктики (г. Надым). E-mail: alobanov89@gmail.com

ЛУКЬЯНОВА Наталия Александровна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета; зав. кафедрой социальных коммуникаций Томского политехнического университета. E-mail: kir712@mail.ru

ЛЫДИН Николай Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Intel80486@yandex.ru

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru

МЕДВЕДЕВ Николай Владимирович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: mnv88@mail.ru

ОПЛАКАНСКАЯ Рената Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета. E-mail: goplakanska@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета; главный архивист Исторического архива Омской области. E-mail: dimario86@rambler.ru

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания, социальной философии Томского государственного университета; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: vptomsk@mail.ru

ПЕТРОВ Александр Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: sfu-pravo@yandex.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПОПОВ Андрей Иванович – канд. мед. наук, начальник сектора медицинских исследований Научного центра изучения Арктики (г. Надым). E-mail: anropov2007@yandex.ru

ПЫРХ Виктория Олеговна – инженер-исследователь лаборатории исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: vika.inkognito.97@mail.ru

ПЯТОВСКИЙ Антон Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: apyatovskij@list.ru

РАЙСКИНА Валерия Александровна – аспирант, ассистент кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: rayskinav@mail.ru

СЕТХИ Суприт Сингх – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: sunsethiz@gmail.com

СЕНИЦА Арсений Леонидович – канд. экон. наук, науч. сотр. лаборатории экономики народонаселения и демографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: sinita@econ.msu.ru

СКАЛЬНАЯ Оксана Анатольевна – аспирант кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета. E-mail: tairus14@gmail.com

СОКОВ Илья Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета. E-mail: sokov@volsu.ru

ТАТАРИНОВ Сергей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного и конституционного права Томского государственного университета. E-mail: cafedra206@mail.ru

ТУЛЯКОВА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: n_tuljakova@mail.ru

ТУЧКОВА Наталья Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: natatutshkova@yandex.ru

ФЕЛЛ Елена Владимировна – PhD философии, доцент кафедры социальных коммуникаций Томского политехнического университета. E-mail: elena.fell@ntlworld.com

ЧЕРВОННЫЙ Михаил Александрович – канд. пед. наук, зав. кафедрой развития физического образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: mach@tspu.edu.ru

ШМЫГЛЕВА Анна Владимировна – канд. ист. наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк). E-mail: alisa-umka@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 432. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 июля 2018 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 3421. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12 октября 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru